

Продолжается подписка на 1899 годъ.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„Русская Мысль“.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста					
Россіи	12 р.	9 р.	— к. 6 р.	3 р.	— 1 р.
За границу	14 „	10 „	50 „ 7 „	3 „	50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получить „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписнаго срока.

Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣляется.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разниця подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не поздне 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ нал. плат. по полученіи задатка не менѣе 2 р. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ налож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 к. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Большая Никитская, Шереметевскій пер., домъ Шереметева 2/3, кв. № 28.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магаз. Н. П. Карбасникова, Литейный проспектъ, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, № 33.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона. Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„ географіи.
Проф. Н. И. Карѣва	„ исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго	} „ біологическихъ наукъ.
Проф. В. Т. Шенникова	
Проф. Д. И. Менделѣва	„ химико-технической и фабрично-заводской.
Проф. А. В. Совѣтова	„ сельско-хозяйственный.
Владимира Соловьева	„ философіи.
Проф. Н. Ф. Соловьева	„ музыки.
А. И. Сомова	„ изящныхъ искусствъ.
Академика М. И. Янжула	„ политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждыя два мѣсяца.

Вышелъ 50-й полутомъ Рабочая книжка—Революція.

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ перешетъ.

Книги высылаются почтой, причемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзно-дорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ.

1) При подпискѣ вносятся задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 5 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, причемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышелъ 1 и 2-й вып. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1899.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW order 3/29/84

Москва, типо-литографія Товарищества И. Н. Нушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собствен. домъ.

AP50
R875
v.20:4
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ОТДЫХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Изъ недавняго прошлаго).—Марка Вовчка. <i>Окончаніе</i>	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—М. Т. Ярошевской	52
III. ЛЕРИ. Повѣсть.—А. Эръ. <i>Продолженіе</i>	54
IV. ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ. Романъ Теодора Фонтана. Переводъ съ нѣмецкаго. Н. Н. <i>Продолженіе</i>	92
V. ПРОФЕССОРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.—Н. В. Кропивницкой.	129
VI. ЗЕЛЕНАЯ ГВОЗДИКА. Романъ Роберта Житчина. Переводъ съ англійскаго. А. Г. <i>Продолженіе</i>	143
VII. ШУТКА. (Разсказъ изъ былой морской жизни).—Н. М. Станюковича.	177
VIII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	190
IX. МУЖИКЪ ВЪ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИИ (1847—1897 г.) Собраніе сочиненій Баронина (Н. Е. Петропавловскаго). Москва, 1899 г.—А. М. Снабичевскаго	1
X. ПОЛОЖЕНІЕ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ ПО ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ А. Н. ОСТРОВСКАГО. Литературные матеріалы для исторіи русскаго общественнаго развитія въ XIX вѣвѣ.—А. А. Фомина. <i>Окончаніе</i>	27
XI. ВОСПИТАНІЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.—В. П. Вахтерова.	58
XII. БОРЬБА МЕЖДУ ЛИЧНОСТЬЮ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ.—Л. Е. Оболенскаго	78

852246

	<i>Стр.</i>
ХІІІ. НА СХОДАХЪ ВОЛОСТИ ОСОБАГО УСТРОЙСТВА.—Н. П. Дру- жинина	105
ХІV. КЪ ПСИХІАТРИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ.—А. М. Съ письмомъ гр. Л. Н. Толстого	129
ХV. ВОЗМУЩЕНІЕ ВЪ ВИЗАНТІИ VI ВѢКА. (Голубые и Зеленые византійскаго ипподрома).—М. Н. Ремезова.	141
ХVІ. БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ ГОРОДА И СРЕДСТВА КЪ ИХЪ ОСУЩЕСТВЛЕНІЮ.—М. Щ.	163
ХVІІ. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ Проф. Калугина	179
ХVІІІ. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. Выставка картинъ Московскаго Товарищества художниковъ.—Ан.	181
ХІХ. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	186
ХХ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Московское губернское земское собраніе.—Вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей.—Приготов- ленія провинціи къ Пушкинскому празднику.—Печатный листь.—Вопросъ о дуэли.—Земство на окраинахъ.—О тотал- лизаторѣ	192
ХХІ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Публицистика, критика.—Философія, психологія, педагогика. — Этнографія, археологія, антропология, географія.—Политиче- ская экономія, статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяй- ство.—Медицина.—Искусство.—Учебники, пособія.—II. Періо- дическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>мартъ</i> . — «Русское Богатство», <i>февраль</i> . — «Міръ Божій», <i>мартъ</i> . — III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 99 г.	117
ХХІІ. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Digitized by Google

ОТДЫХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ *).

(Изъ недавняго прошлаго).

ХІІІ.

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris.
Nescio: sed fieri sentio et excrucior.

Catullus.

Бородинскій провожаетъ меня, какъ мнѣ кажется, тѣмъ насмѣшливо-сострадательнымъ взглядомъ, какимъ провожаютъ люди, умѣющіе отстаивать свое благоденствіе, тѣхъ, кто добровольно, безъ всякой нужды и выгоды, единственно по своей слабости или по глупости, попадаютъ въ тиски.

Этотъ взглядъ меня несказанно раздражаетъ (я терпѣть не могу, когда замѣчаютъ мои неудачи и промахи), заставляетъ надернуть маску веселой любезности и предупредительно предложить руку старой Мефѣ, которая тотчасъ же на ней повисаетъ, какъ мѣшокъ съ костями, и начинаетъ пицать, шепелявить, оскаляться и вздыхать.

— Мы вѣдь пойдемъ лѣсомъ, милый Андрианъ Андреевичъ, не правда ли? Ахъ, лѣсъ такъ хорошъ! Такъ отрадно подъ его зелеными деревцами! Знаете, милый Андрианъ Андреевичъ, когда наступаетъ печальная осень, или когда зима начинаетъ все леденить, я всегда думаю: что теперь чувствуютъ бѣдныя деревца? Я увѣрена, что они чувствуютъ...

Я улыбаюсь (мнѣ хочется ударить ее кулакомъ по головѣ!) и отвѣчаю:

— Можетъ быть... Очень можетъ быть...

— А гдѣ же наши спутники?—спохватывается она. — А, вотъ они! вотъ они! Пойдемте! пойдемте!

*) *Русская Мысль*, кн. III, 99 г.

Бучка крестьянскихъ мальчишекъ, наряженныхъ въ парусиновыя блузы и фуражки, отодвинувшаяся было за балюстраду балкона, выступаетъ.

— Вотъ этотъ, самый высокій — Горюновъ, — показываетъ мнѣ Мефа, — а вотъ этотъ, самый маленькій — Рыбочкинъ... А вотъ этотъ, съ голубыми глазами — Щербаковъ, а вотъ этотъ, кудрявый — Бисельниковъ... Правда, всё они славные? — заключаетъ изумленное старое созданіе.

— Правда, правда, — отвѣчаю я.

— Ахъ, вы не идите позади! — обращается она къ мальчишкамъ, — вы идите съ нами рядомъ! Андрианъ Андреевичъ добрый, милый, хороший, вы его не бойтесь... Идите съ нами рядомъ. Ахъ, дорожка узка!... Ну, идите впередъ! Идите, идите впередъ!

Мальчишки, спотыкаясь и толкаясь, повинуются и, перешептываясь, предшествуютъ намъ по дорожкѣ къ лѣсу той неестественной походкой существъ, чувствующихъ себя подъ неприятно стѣсняющимъ наблюдениемъ или ожидающихъ удара хлыстомъ въ спину. (Смѣю полагать, что каждый изъ нихъ съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ бы самый закатыстый ударъ хлыстомъ, лишь бы затѣмъ позволено было юркнуть въ кусты и скрыться отъ умпльныхъ глазъ Мефы.) Высокій Горюновъ горбатится, маленький Рыбочкинъ ежится, и всѣхъ остальныхъ кособочить и корчить на разные лады.

— Вы не можете себя представить, какіе они милые! — шепелявить Мефа, — желаютъ учиться по-французски! Сегодня въ лѣсу, когда мы гуляли, все спрашивали меня, какъ называется по французскому цвѣточекъ, какъ называется птичка... Я буду имъ давать уроки французскаго языка! Пусть развиваются, какъ можно больше, да?

— Да!... Разумѣется, да, — отвѣчаю я.

— Я уже пробовала заставлять ихъ произносить нѣкоторыя слова, и какой у нихъ недурной выговоръ! А, знаете, какіе они хорошіе, деликатные! (она понижаетъ голосъ и ближе склоняетъ ко мнѣ лысую голову). Très délicats! Намъ встрѣтился въ лѣсу ручеекъ и я не могла его перейти, — они сейчасъ же притащили камешковъ, вѣточекъ и устроили мнѣ мостики! А Горюновъ такъ даже предлагалъ меня перенести на рукахъ! Мнѣ такъ отрадна ихъ привязанность! Да, я буду ихъ учить, развивать... Знаете, у нихъ очень много чувства прекраснаго! Я говорю имъ: поглядите, какъ хорошо это голубое небо, поглядите, какъ хороши эти деревца! Правда, хороши? И всѣ: хороши, хороши! Я имъ показывала свой

альбомъ неаполитанскихъ видовъ и рассказывала, какъ чудесно въ Италіи, какія тамъ картины, цвѣты, статуи, и они такъ слушали! Кто знаетъ, можетъ быть, они когда-нибудь и сами будутъ путешествовать по Италіи! Окончатъ нашу школу, а потомъ, Бириллъ говорить, въ гимназію поступятъ, а потомъ въ университетъ... Можетъ быть, они сдѣлаются когда-нибудь великими людьми, да?

— Можетъ быть... Весьма можетъ быть, — отвѣчаю я.

— И попутешествуютъ по Италіи, да? О, какъ бы я за нихъ порадовалась! Вѣдь, можетъ быть, и попутешествуютъ, да?

— Разумѣется... если вы дадите имъ средства окончить гимназію и университетъ и попутешествовать...

— Ахъ, все эти гадкія деньги! Зачѣмъ я не богата! Я ужасно завидую Ротшильду! Ахъ, еслибъ я была умнѣе, я была бы богата! Но я ничего не смыслю въ расчетахъ, а другіе обо мнѣ не позаботились! Всякій думалъ только о себѣ... Ахъ, я завидую иногда Нушѣ и Фимѣ, что онѣ такъ умѣютъ устраивать свои дѣла! Особенно Нуша... Правда, папенька выдѣлилъ ей лучшую часть: она всегда умѣла ему угодить и была любимица... И потомъ, послѣ смерти папеньки, ей тоже досталась часть... что-то недополученное въ приданое, она говорила... И она умѣла выбрать самое лучшее ииѣніе... И другіе всѣ тоже умѣли выбрать... Только я не умѣла! Я сказала: дѣлайте, какъ хотите! Покойный Помпей, Флиминъ мужъ, взялся за меня говорить и выбирать и выбралъ мнѣ Подзайское! Подзайское, въ которомъ ничего не было, кромѣ мужиковъ и земли, — ни дома, ни сада — ничего! Голое, гадкое мѣсто... которое я насилу потомъ продала... Говорили: ты будешь отличные доходы получать! Отличные доходы получать! А я въ два года только получила горшокъ масла, да пять талежъ! Старосту присовѣтовали такого, что все обманывалъ... Ахъ, да Богъ съ ними! Богъ съ ними! Не хочу объ этомъ говорить! Я злая, гадкая... да?

— Вы рассказываете, что было, — отвѣчаю я.

— Да, да, но все-таки это нехорошо... Богъ съ ними! Я не хочу никого осуждать... А гдѣ же дѣти?

Пока она увлекалась повѣствованіемъ, мальчишки воровскимъ образомъ шмыгнули въ кусты; первый рѣшился маленькій Рыбочкинъ, юркій и живой, какъ мышонокъ, за нимъ остальные; одинъ высокій и медленный въ движеніяхъ Горюновъ еще видѣлся у придорожнаго дубка.

— Горюновъ, гдѣ же они?

— А вотъ тутъ, — отвѣчаетъ Горюновъ, указывая неопредѣленно въ лѣсъ.

— Ахъ, зачѣмъ же они убѣжали, вмѣстѣ веселѣе!—говорить Мефа и начинаетъ визжать: — Рыбочкинъ! Бисельниковъ! Щербачевъ! Басаткинъ!

Отвѣта нѣтъ.

— Щербачевъ! ау! ау! — надсаживается старое созданіе.

— Я пойду ихъ покличу, — предлагаетъ Горюновъ и, получивъ на это разрѣшеніе, кидается въ чашу, словно вырвавшись изъ пламени.

— Подождемъ ихъ немножко, — говоритъ Мефа, останавливаясь. — Какъ памятна мнѣ эта дорожка! Здѣсь, когда-то...

Она угощаетъ меня исторіей происходившихъ когда-то на этой дорожкѣ встрѣчъ, потомъ исторіей встрѣчъ, происходившихъ на другихъ дорожкахъ въ Каменкѣ, въ окрестностяхъ Каменки, а мальчишекъ все нѣтъ. Я беру смѣлость замѣтить, что мы поздно доберемся до Чудовки, если будемъ еще ожидать.

— Ахъ, какъ же быть, милый Андрианъ Андреевичъ? Какъ же мы ихъ покинемъ? Я ихъ покличу...

И начинаетъ пищать:

— Рыбочкинъ! Басаткинъ! Горюновъ!

— Это бесполезно, — замѣчаю я, — они, очевидно, не хотятъ отвѣчать...

— Ахъ, какъ вы можете это думать! Они такіе милые!

Не отвѣчая сантиментальной шутихъ, я гаркаю во всю свою мочь:

— Идите сейчасъ сюда! Не заставляйте насъ ждать!

Мой зовъ, исполненный внушительности, производитъ дѣйствіе. Слышится шумъ раздвигаемыхъ вѣтогъ, и мальчишки, одинъ за другимъ, показываются изъ-за куста.

— Ахъ, куда же вы ушли?—съ мягкимъ укоромъ шепелявить Мефа. — Я васъ кликала!

Мальчишки безмолвно выстраиваются попарно и двигаются впередъ по дорожкѣ.

— Развѣ вы не слышали моего голоса? — пристаетъ къ нимъ Мефа.

Мальчишки въ томъ же безмолвіи продолжаютъ шествіе.

— Развѣ вы не слышали моего голоса?—повторяетъ Мефа.— Горюновъ, отчего ты такъ долго не возвращался?

— Искаль, — отвѣчаетъ Горюновъ, — они далеко ушли...

— Ахъ, вы, шалуны, шалуны! Смотрите, если вы будете очень шалить, я перестану васъ любить и тогда ужъ не надѣйтесь учиться по-французски! Слышишь, Рыбочкинъ? Тогда, какъ ни

проси, не упросишь меня! Что тогда будешь дѣлать, а? Ну, отвѣчай же! Погляди-ка сюда, погляди!

(Все это она шепелявить, стянувъ губы бутончикомъ и тѣмъ тономъ, какимъ обращаются къ болонкамъ, канарейкамъ и другимъ забавнымъ животнымъ.)

— Погляди-ка сюда, погляди!

Рыбочкинъ обертывается и безъ особаго удовольствія глядитъ на нее.

— Смотри, берегись, шалунъ! берегись! — грозитъ она сухимъ, какъ стручокъ прошлогодняго гороха, пальцемъ, улыбаясь и кивая. — На этотъ разъ такъ ужъ и быть, Богъ съ тобой! Ну, а какъ называется небо по-французски? Забылъ?

— Съель, — отвѣчаетъ Рыбочкинъ и вдругъ останавливается, какъ бы, наконецъ, озаренный мыслью, которую долго выискивалъ.

— Что ты такъ смотришь? Ну, говори, что хочешь сказать.

— Пустите насъ, мы вамъ цвѣточковъ нарвемъ, — вкрадчиво говоритъ Рыбочкинъ. — Тутъ много такихъ, какъ рвали въ Малышевскомъ лѣсу...

— Такъ это вы убѣгали мнѣ цвѣты рвать? — восклицаетъ Мефа.

— Да, — отвѣчаетъ безъ запинки коварный малолѣтній обманщикъ.

Бѣдная простофиля растрогивается и лепечетъ:

— Спасибо! спасибо!

— Такъ мы пойдемъ, нарвемъ вамъ цвѣточковъ? — продолжаетъ Рыбочкинъ. — Мы тутъ недалечко, около самой дорожки будемъ...

— Хорошо! хорошо! Спасибо! спасибо!

Мальчишки радостно бросаются съ дорожки въ лѣсную чащу; высокій Горюновъ на бѣгу любовно хлопаетъ по плечу Рыбочкина, какъ бы желая сказать: вотъ душа-то парень! хоть изъ какихъ тисковъ выручить!

— Ну, видите, какіе они милые! — обращается ко мнѣ Мефа. — и вообразите, Нуша ихъ терпѣть не можетъ! Она все боится, что они испортятъ паркетъ... Ну, пусть и испортятъ, развѣ нельзя поправить? Я увѣрена, что она ихъ будетъ на каждомъ шагу преслѣдовать! Какъ все это грустно, милый Андрианъ Андреевичъ! Хочется видѣть кругомъ все хорошее, а видишь только... нехорошее! Ахъ, я опять осуждаю! Вы удивляетесь, какая я злая? Признайтесь, признайтесь!

Я признаюсь, что ничего подобнаго не полагаю. Она принимается болтать о своемъ больномъ сердцѣ, о душѣ, о разочарова-

пняхъ, обманутыхъ надеждахъ и грусти. Я иду и думаю, за что я отдаю себя въ эту пытку, — зачѣмъ, за какіе грѣхи я влеку эту старую болтуню, когда могъ бы теперь идти одинъ и на свободѣ предаться и своимъ мыслямъ, и грызущей меня тоскѣ.

— Ахъ, посмотрите, навстрѣчу намъ Григорій Петровичъ! — вдругъ восклицаетъ Мефа, прерывая рассказъ о томъ, какъ Нуша заѣдала свою покойную дочь за пятно на новомъ платьѣ и какъ она, Мефа, по этому случаю страдала.

Я поднимаю голову и вижу приближающагося Григорія Иванова. Онъ шагаетъ чуть не косыми саженими и при видѣ насъ не выказываетъ удовольствія. Лицо его озабочено и мрачнѣе обыкновеннаго.

— Ну, сейчасъ онъ выдастъ меня головой этой дурѣ Мефѣ! — мелькаетъ у меня мысль.

— Здравствуйте, Григорій Петровичъ! Здравствуйте! — кричитъ ему Мефа. — А мы вотъ направляемся въ Чудовку... и наши школьники намъ сопутствуютъ... Горюновъ! Рыбочкинъ! — взвизгиваетъ она, какъ испорченная дверная петля, — подите-ка скорѣй сюда, поглядите, кого мы встрѣтили! Вѣдь они васъ помнятъ Григорій Петровичъ, какъ вы были у нихъ въ школѣ и вмѣстѣ дѣлали гимнастику! Они спрашивали меня еще сегодня: гдѣ тотъ, что такъ хорошо прыгаетъ?... Горюновъ! Рыбочкинъ!

Григорій Ивановъ, пожимая мнѣ руку, замѣчаетъ, что мальчишекъ звать незачѣмъ, что ему некогда тутъ останавливаться.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, надо вамъ ихъ показать, какіе они славные! — перебиваетъ его Мефа. — Я хочу, чтобы вы на нихъ посмотрѣли! Я ихъ сейчасъ, сейчасъ позову!

И она, какъ искалѣченная буропатка, подпрыгивая и натываясь на вѣтви, бѣжитъ въ чащу, визгливо призывая мальчишекъ.

— Ну, что? — спрашиваю я Григорія Иванова.

Я не намѣренъ былъ ни о чемъ его спрашивать, я даже, увидавъ его, быстро порѣшилъ въ умѣ держаться такъ, какъ будто онъ и не дарилъ меня ночнымъ посѣщеніемъ, но вопросъ вырвался у меня неудержимо, какъ кашель у поперхнушагося человѣка.

— Заболѣла и дня черезъ три, четыре, вѣроятно, отправится въ Елисейскія, — отвѣчаетъ онъ угрюмо.

— Что-о? — восклицаю я чуть не на весь лѣсъ. — Что вы говорите? Такъ внезапно?

— Какъ внезапно! — прерываетъ онъ. — На ней давно уже живого лица не было. Она, вѣрно, захворала съ того самаго дня, какъ попала въ когти Бусовой.

— Но все-таки она ходила... даже работала,—говорю я.—И неужто безнадежно?

(Я соображаю, что захворала не Ольга, а Мареуша, и мое запершее сердце начинает снова биться вольнѣе. Разумѣется, жалко и Мареушу, но она, можетъ быть, еще выздоровѣетъ,—какое основаніе, какое право имѣетъ этотъ недоучившійся костоломъ рѣшать, когда кто отправится въ Елисейскія? Что можетъ онъ смыслить въ этомъ дѣлѣ?)

— По моему безнадежна,—отвѣчаетъ онъ.

— Жаль... Какъ жаль бѣдную дѣвочку!—говорю я, но я все еще не хочу отчаиваться въ ея спасеніи... Кто знаетъ, счастливый переломъ и дѣло выиграно! Какого рода страданье...

Я вдругъ умолкаю, замѣтивъ, что блѣдное лицо его—очень блѣдное—подергивается, какъ передъ сдерживаемыми слезами, и губы вздрагиваютъ; онъ глядитъ въ землю, словно вѣки у него налиты свинцомъ, и судорожно винтитъ своею дубинкой ямку на дорожкѣ. Онъ то хмурится, то поднимаетъ свои густыя черныя брови, говоритъ отрывистѣе и небрежнѣе, чѣмъ когда-либо, и этимъ еще рѣзче выдаетъ свое душевное разстройство. Неужто одна болѣзнь Мареуши могла его такъ разстроить? Ужъ не случилось ли чего? Ужъ не разрывъ ли съ Ольгой? А почему-жъ и не случиться этому разрыву? Вѣдь не все же одни только несчастья и напасти валяются, бываетъ, что выпадетъ и благодать.

— Прощайте!—говоритъ онъ, почувствовавъ, что я его наблюдаю.

— Пойдите, Григорій Петровичъ, пойдите,—удерживаю я и даже схватываю его за рукавъ,—не уходите, ничего не сказавъ мнѣ.

— Что-жъ я скажу?

— Ну, какъ-же... ну, насчетъ Мареуши... значить, наше предпріятіе... Вернитесь съ нами въ Чудовку, мы тамъ выберемъ время и переговоримъ.

— Нѣтъ, я въ Чудовку не пойду, мнѣ некогда,—отвѣчаетъ онъ, снова порываясь уйти.

«А! ты не хочешь въ Чудовку?—мысленно восклицаю я въ ликованіи.—Предчувствіе не обмануло меня: у него вышла съ Ольгой какая-то крупная непріятность!»

— погодите, погодите, Григорій Петровичъ,—настаиваю я.— Ну, секунду! одну секунду!

Въ эту самую минуту изъ-за кустовъ на дорожку выскакиваетъ Горюновъ со словами:

— Здравствуйте, Григорій Петровичъ! я уже умѣю руками-то!

При этомъ онъ, показывая два ряда бѣлыхъ, вѣрныхъ, какъ жернова зубовъ, съ наслажденіемъ описываетъ вистями рукъ цифру восемь.

— Вѣдь такъ? Нешто не такъ?—спрашиваетъ онъ.

— Такъ, такъ, — отвѣчаетъ Григорій Ивановъ.

— А Щербаковъ-то не гораздъ!—не переставая съ тѣмъ же наслажденіемъ вертѣть руками, продолжаетъ Горюновъ:—хотѣлъ это поднять ногу, да какъ грохнется!

Горюновъ фыркнулъ, но вдругъ, взглянувъ на меня и какъ бы спохватившись, принявъ благонравный видъ, выпрямился, вытеръ ладонью губы и сталъ какъ въ школьномъ фронтѣ; но его голубые добродушные глаза все еще весело поблескиваютъ, обращаясь на Григорія Иванова.

— Ну, такъ прощайте,—говоритъ мнѣ Григорій Ивановъ.

— Куда же вы?—съ разочарованіемъ вскрикнулъ Горюновъ, снова забывая обо мнѣ и теряя благонравный видъ. — Вы бы съ нами, Григорій Петровичъ! Рыбочкинъ - то дошелъ, какъ завязывать морской узелъ! И что онъ выдумалъ! Я, говорить, сдѣлаю такую телѣжку, что какъ ее затопить, такъ равно какъ желѣзная дорога запыхтитъ и помчится... безъ лошадей, говорить... Ей-Богу, говорить, сдѣлаю!... Ужь я ее, говорить, словно какъ сдѣлалъ, такъ, говорить, она вся, какъ есть, передо мною.

Григорій Ивановъ стоялъ все также угрюмо понуривъ голову, безъ улыбки, безъ ободряющихъ и одобряющихъ взглядовъ, но это Горюнова нисколько не смущало, — если его что и смущало, такъ это моя персона, на которую онъ время отъ времени вскидывалъ глаза, какъ бы думая:

«Эхъ, кабы тебя вихремъ вынесло, вольнѣе бы было!»

— Ольга Александровна знаетъ о болѣзни Мареуши?—шепчу я Григорію Иванову, впиваясь въ него глазами. — Вы видѣлись сегодня съ Ольгой Александровной?

— Видите, изъ Чудовки иду!—отвѣчаетъ онъ, какъ будто, съ досадою и не понижая голоса.

«Ссора, разрывъ! непремѣнно разрывъ!» такъ и заплѣло во мнѣ.

— Я бы очень желалъ потолковать съ Ольгой Александровной насчетъ ея поѣздки въ Петербургъ, — говорю я, слѣдуя за двинувшимся Григоріемъ Ивановымъ. — Она когда думаетъ ѣхать? Я для того хотѣлъ бы это знать...

— Вотъ и мы! Вотъ и мы!—взвизгиваетъ Мефа, сопровождаемая мальчишками, выпрыгивая изъ чащи, взъерошенная, красная и потная. — Они ужасно обрадовались, когда услыхали, что вы

намъ встрѣтились! Только я сказала: Григорій Петровичъ на дорожкѣ! они сейчасъ пустились къ вамъ бѣжать! Ну, что же вы не скажете, что вы ему рады?—обращается она къ мальчишкамъ, которые быстро окружили Григорія Иванова и съ удовольствіемъ на него посматривали.—Знаете, Григорій Петровичъ, они желаютъ учиться по-французски! Ужъ нѣсколько словъ заучили. Рыбочины! какъ по-французски небо?... Ахъ, куда же вы, куда же вы? нѣтъ, мы васъ не пустимъ!

— Мнѣ некогда,—рѣзко говоритъ Григорій Ивановъ, отстраняясь отъ забѣгающей ему впередъ Мефы.

— Вотъ онъ какъ сталъ къ намъ равнодушенъ!—жантильно укоряетъ Мефа, гивая мальчишкамъ головой на Григорія Иванова и все-таки забѣгая впередъ.—Даже не похвалить, что мы желаемъ учиться по-французски! Послушайте, не бѣгите отъ насъ!

Григорій Ивановъ быстро останавливается; мнѣ кажется, что онъ намѣренъ хлопнуть этотъ старый липкій пластырь дубинкой.

— Полноте жеманиться, Мефа Павловна,—отрѣзываетъ онъ грубѣ всякаго сапожника,—какъ вамъ не стыдно на старости лѣтъ?

— Что? Что? что вы? — лепечетъ Мефа, изъ желтой дѣлаясь зеленой.—Чего вы сердитесь?

— Я не сержусь, а мнѣ противно! — перебиваетъ Григорій Ивановъ, вдругъ озлобясь и затрясаясь всѣмъ тѣломъ.—Противно! противно! противно!

— Однако, послушайте, Григорій Петровичъ, вы... вы...

Она теряетъ отъ безпомощной ярости и обращаетъ на меня засвѣтившіеся, какъ у кошки, глаза:

— Андрианъ Андреевичъ, я не понимаю!... я, право, не понимаю...

— Успокойтесь, Мефа Павловна,—говорю я, тутъ, вѣроятно, недоразумѣніе.

— Чего вы мычете съ собой этихъ ребятъ, — продолжаетъ Григорій Ивановъ съ возрастающею свирѣпостью (ребята съ любопытствомъ слушаютъ).—Что вы себя за игрушку нашли изъ живыхъ людей? Охота играть, играйте съ своими попугайчиками, или въ куглы! Вѣдь вы имъ жизнь отравляете! Вы имъ надоѣли хуже горькой рѣдьки! (между ребятами движеніе, какое бываетъ между слушателями, когда ораторъ удачно выразить общее настроеніе). Посовѣститесь и оставьте ихъ въ покоѣ!

— Однако... однако...—лепечетъ Мефа,—какъ вы можете это говорить! Я не понимаю! Оскорблять женщину!... я очень въ васъ шиблась!

— Преслѣдовать французскимъ языкомъ!...

— Я не преслѣдую! — перебиваетъ съ жаромъ Мефа, переходя изъ зеленаго цвѣта въ красный и изъ краснаго опять въ зеленый. — Они хотятъ учиться и будутъ учиться! Они вѣрятъ мнѣ и васъ слушать не стануть!

— Вѣрятъ вамъ? — ядовито хохочетъ Григорій Ивановъ. — Да они васъ почитаютъ за умовредную! Спросите-на у любого по-совѣсти, всякій за умовредную почитаетъ!

Мальчишки вдругъ пятятся назадъ.

— Спросите, спросите по-совѣсти! — настаиваетъ Григорій Ивановъ, — поглядите только на нихъ!

Горюновъ вспыхиваетъ словно зарево и быстро понуряетъ голову, какъ дѣвица, трепетавшая быть узнанной, и съ которой вдругъ неожиданно сдернули вуаль; всѣ отступаютъ другъ за дружку; застѣнчивый, совѣстливый мудравый Бисельниковъ даже присѣдаетъ; только маленькій Рыбочкинъ не выказываетъ смущенія и глядитъ на Григорія Иванова своими соколиными глазами, словно и не понимая, что такое это онъ говоритъ.

— Пойдемте, пойдемте! — наконецъ усиливается вымолвить Мефа, толкая мальчишекъ отъ Григорія Иванова.

Григорій Ивановъ со злобнымъ хохотомъ удаляется.

Да, ссора, разрывъ! — думаю я. — Григорій Ивановъ потрясенъ... глубоко потрясенъ! Въ обыкновенномъ своемъ состояніи, онъ бы такъ яростно не напустился на Мефу, не затрясся бы отъ того, что она хочетъ учить мальчишекъ французскому языку, или мычетъ ихъ съ собою, — онъ бы посмѣялся, поиронизировалъ, и только. Развѣ въ первый разъ Мефѣ измышлять глупыя вещи? Развѣ онъ еще мѣсяцъ тому назадъ не зналъ о предположеніи привезти этихъ ребятшекъ въ Каменку и «развивать»? Мало того, что онъ зналъ, онъ самъ совѣтовалъ Мефѣ заняться «полезной дѣятельностью», онъ набилъ въ голову бѣдной шутихѣ, что ей слѣдуетъ приняться за математическія науки. Нѣтъ, нѣтъ, онъ смертельно раненъ и, какъ раненый звѣрь, кидается на всякаго встрѣчнаго.

— Идите же, идите! — бормочетъ Мефа мальчишкамъ.

Мальчишки двигаются впередъ, она слѣдуетъ за ними, не глядя на меня и уже не пытаясь повиснуть на моей рукѣ.

— Не понимаю, что это съ Григоріемъ Петровичемъ сегодня? — говорю я. — Но не стоить этимъ такъ разстраиваться, Мефа Павловна: онъ, очевидно, самъ не свой, и, опомнившись, вѣроятно, будетъ сожалѣть о своей выходкѣ и просить у васъ прощенія...

Мефу всю задергало, точно каждый ея членъ держится на ниточкѣ, какъ у картоннаго полишинеля.

— Оскорбить женщину! — лепечетъ она, — оскорбить женщину! Это низко, низко! И какая наглая ложь! Какая клевета! Онъ хотѣлъ поселить во мнѣ недоувѣріе къ дѣтямъ, но этого не будетъ! Я знаю, что мальчики меня любятъ! Знаю, знаю! Я вижу, что все, что о немъ говорили, правда! Мнѣ не хотѣлось вѣрить, но теперь я вѣрю! Сколько я за него вытерпѣла отъ Нуши, отъ всѣхъ, и вотъ онъ мнѣ отплатилъ! Еслибъ я была мужчина, онъ бы не осмѣлился такъ оскорбить меня, но я женщина, и была беззащитна противъ его дерзостей... За меня некому было заступиться, и онъ меня оскорбилъ! Это низко! Безчестно, безчестно!

Она долго изливаетъ свою желчь и, не замѣчая, что я все прибиваю шагу, почти бѣжить бѣгомъ.

Наконецъ, вотъ и Чудовская терраса.

— Погуляйте пока въ саду, дѣти, — обращается Мефа къ мальчишкамъ, оправляясь и принимая видъ, требуемый для входа въ гостиную.

Входя на первыя ступени террасы, я слышу взволнованный голосъ Ольги; она говоритъ громко, съ негодованіемъ и огорченіемъ... Да, переломъ произошелъ!

Я вступаю въ гостиную, замирая, преисполненный тѣмъ чувствомъ нѣжной жалости и благодарнаго удовольствія, какое мы испытываемъ, входя въ комнату драгоценнаго намъ существа, страдающаго послѣ выдержанной спасительной операціи, я представляю себѣ ея лицо, я ищу ее глазами, но вижу только мелькнувшее въ дверяхъ свѣтлое платье и концы чернаго пояса, и насъ встрѣчаетъ одна Елена Дмитриевна, красная, какъ изъ горячей бани, и сконфуженная, словно ее врасплохъ въ этой банѣ застали нечаянные гости.

— Ахъ, здравствуйте, здравствуйте, — говоритъ Елена Дмитриевна, пожимая руки Мефы и мнѣ, какъ будто наше посѣщеніе и нивѣсть какъ ее утѣшило. — Ахъ, какъ я рада, ахъ, какъ я благодарна, что вы меня вспомнили! А я только что думала: вотъ если бы Мефа Павловна съ Андрианомъ Андреевичемъ вздумали провѣдать. Ахъ, садитесь, садитесь! Вотъ сюда... сюда! А у меня встати свѣжее варенье... Сегодня утромъ варила... Ахъ, какъ я благодарна, какъ рада!

— Ужъ я очень часто къ вамъ, Елена Дмитриевна, — говоритъ Мефа, желчь въ ней еще кипитъ ключемъ и она вдругъ пожелтѣла, словно ее густо вымазали охрой, стараясь скрыть свое разстройство

и любезничая.—Но вы такая добрая, избаловали меня и теперь ужъ пеняйте на себя!

— Ахъ, Мефа Павловна, что это вы говорите!.. Вы меня обижаете!...

— Я къ вамъ съ дѣтьми, съ нашими школьниками... Мы ихъ въ Каменку взяли на лѣто.

— Ахъ!... Это прекрасно, прекрасно!

— Такіе славные ребяташки!... Я имъ сказала въ саду погулять.

— Да не дать ли имъ чего-нибудь? Меду не дать ли имъ? У меня сегодня соты вырѣзали.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, Елена Дмитриевна... Это послѣ... послѣ...

— А Анна Павловна? Хорошо ли вчера доѣхала?

— Да. Она тоже собиралась къ вамъ...

— Ахъ, какъ пріятно, какъ пріятно! Въ такой прекрасный вечеръ грѣхъ дома сидѣть!—обращается она ко мнѣ.

— Совершенно справедливо, Елена Дмитриевна,—отвѣчаю я.— А Ольга Алексѣевна, вѣрно, гуляетъ?

Я жажду разспросить, что за разговоръ былъ у ней съ дочерью, быть можетъ, рѣшенъ вопросъ о поѣздѣ къ сестрѣ въ N-скую губернію,—быть можетъ, убитая разрывомъ съ Григоріемъ Ивановымъ, Ольга согласилась ѣхать... но присутствіе Мефы не позволяетъ мнѣ завести объ этомъ рѣчь и, предавъ навязчивую мартышку анаемѣ, я рѣшаюсь идти отыскивать Ольгу... Быть можетъ, ей теперь тяжело видѣть кого бы то ни было, и деликатнѣе съ моей стороны подождать, пока уляжется первый порывъ горя, но... но вѣдь ей неизвѣстно, что я догадываюсь о разрывѣ, и она не сочтетъ мое появленіе неделикатнымъ, а я между тѣмъ облегчу свою душу, увѣрюсь въ своею предположеніи.

— Да... гуляетъ... вѣрно, гуляетъ...—отвѣчаетъ Елена Дмитриевна, вспыхивая и снова кидая быстрый, встревоженный взглядъ на дверь, куда, при нашемъ появленіи, скользнула Ольга, она все время кидала такіе взгляды на эту дверь.—Она, вѣрно, сейчасъ придетъ къ намъ... Какъ узнаеть, что у насъ такіе дорогіе гости, такъ и поспѣшить... Ахъ, что-жъ это я не потчую васъ вареньемъ! Похвалилась, да и забыла! Ахъ, какая я! Аграфена! Аграфена! Что-жъ это ее не добличешься? Ахъ, изъ ума вонъ, что она ягоды чистить! У насъ теперь много хлопотъ съ ягодами! Такія нынѣшній годъ слабыя ягоды. Какъ собрали, такъ сейчасъ же надо чистить и варить, а то всё распадутся. Вчера почти

ночью варили бѣлую малину... Нѣтъ, ужъ я пойду сама, принесу... Ахъ, Капитолина Ивановна, какъ я рада!—восклицаетъ она, заслышавъ шаги на террасѣ, кидаясь туда и начиная цѣловаться.—Ахъ, Павелъ Петровичъ, какъ я рада! Какъ я рада!

— Ахъ, Мефа Павловна! Вы здѣсь, вотъ пріятная встрѣча!—говоритъ Капитолина Ивановна Бусова, входя въ гостиную въ сопровожденіи *native mesquite*, какъ называетъ Анна Павловна ея мужа, Павла Петровича Бусова, и цѣлуясь съ Мефой.—Ахъ, Андрианъ Андреевичъ! А мы съ Пашей все васъ ждемъ, да ждемъ. Вы не добрый! Ну, что ваше варенье? Довольны ли вы моими ягодами?

— Прекраснѣйшія ягоды, Капитолина Ивановна, прекраснѣйшія!—отвѣчаю я, раскланиваясь.

— Садитесь, садитесь,—суетится Елена Дмитриевна.—На диванъ, Капитолина Ивановна, вотъ сюда... Вы пѣшкомъ? Вѣрно устали? Вѣдь отъ васъ ко мнѣ все на гору идти.

— Да,—говоритъ Бусовъ, отдуваясь и отирая свое сытое лицо носовымъ платкомъ,—все на гору...

Онъ одѣтъ съ тою особою тщательностью, съ какою одѣваютъ мужей строгія, заботливыя жены: проборъ на головѣ прямъ, словно пробранный по линейкѣ, бантъ голубого полосатаго галстука, очевидно, приколотъ нѣсколькими булавами, и симметрично распускаетъ концы вправо и влево,—даже затѣйливая часовая цѣпочка съ медальончикомъ и малахитовымъ топорикомъ какъ-то такъ искусно и прочно укрѣплена въ жилетной петлѣ, что и медальончикъ, и топорикъ держатся показной стороной къ зрителямъ. Онъ съ удовольствіемъ опускается въ кресло, но вдругъ спохватывается, привскакиваетъ и, кинувъ тревожный взглядъ на жену, бережно расправляетъ мастерски выглаженный, лоснящійся, какъ шелкъ, желтый парусиновый пиджакъ.

— Я нисколько не устала,—говоритъ Капитолина Ивановна, приглаживая крупной въ золотыхъ кольцахъ рукой свои черные, какъ вороново крыло, волосы, раздѣленные косымъ рядомъ и прогоняя съ лица облако, набѣжавшее при видѣ небрежнаго обращенія мужа съ пиджакомъ (куда бы она ни глядѣла, она всегда видитъ каждое движеніе мужа).—Съ чего тутъ устать, и двухъ верстъ не будетъ!

— Что же вы вчера-то не были, Капитолина Ивановна,—говоритъ хозяйка.—Я такъ жалѣла, такъ жалѣла! Все поджидалъ васъ до самаго ужина. Что это, думаю, нѣтъ Капитолины Ивановны?

— Ахъ, не могла, никакъ не могла, Елена Дмитриевна! Вчера въ городъ была у Четветина, заказы отъ него получила на вязанья и на вышивки... Я вѣдь при моихъ обстоятельствахъ не могу ему манкировать.

— Что же, много заказовъ получили?

— Да, заказовъ много, да вотъ теперь новое горе: Марейшка у меня заболѣла. Не знаю, какъ и быть! Я съ Натальей не успѣю безъ нея къ сроку.

— Ахъ, какая жалость! Ну, да выздоровѣетъ, Богъ дастъ, и успѣете.

— Очень вѣдь заболѣла! И такъ быстро, въ одинъ день.

— Да чѣмъ же?

— И сама не разберу! Совсѣмъ на ногахъ не можетъ держаться. Спрашиваю, что болитъ? Все! Вѣдь она, вы знаете, совершенная дура, и ничего отъ нея не добьешься, ничего не умѣетъ объяснить!

— Теперь, слышно, по деревнямъ горячки ходятъ.

— Нѣтъ, не похоже на горячку, такъ какая-то страшная слабость... Ничего даже ѣсть не можетъ; Наталья говоритъ, что другой день не ѣсть... Ахъ, тяжело, тяжело! Все неудачи, все безпокойства, непрятности! Вотъ и передъ вами останусь виновата, Мефа Павловна,—обращается она къ Мефѣ:—Чулки ваши не будутъ готовы къ сроку! Полдюжины пришлю, а другую полдюжину... простите и подождите!

— Ахъ, полноте, милая Капитолина Ивановна, — вскрикиваетъ Мефа, — вы, пожалуйста, обо мнѣ не думайте, я могу ждать, сколько хотите...

— Такъ это все тяжело, Мефа Павловна!

— Ахъ, въ жизни мало веселаго, милая Капитолина Ивановна!

— Какъ вспомню я свое прежнее время... Боже мой! Боже мой! Того ли я ожидала, когда былъ живъ покойный папенька! Какъ вспомню, сердце такъ и обольется кровью!

— Ахъ, воспоминанья прошлаго только растрavляютъ душу! Вы знаете, Ламартинъ сказалъ: *le souvenir du bonheur n'est plus un bonheur, mais le souvenir du malheur est encore un malheur!*—восклицаетъ Мефа, забывая, что Капитолина Ивановна не знаетъ французскаго языка.

— Да, да,—отвѣчаетъ со вздохомъ Капитолина Ивановна.

— Полноте печалиться, Капитолина Ивановна,—говоритъ хозяйка.—Марейшка ваша скоро поправится... Ну, пошлите за Сергѣемъ Ардалионовичемъ, онъ ей что-нибудь пропишетъ....

— Завтра надо будетъ послать... А я какъ выгодно шерсть купила... и радовалась! Прелесть, какая шерсть! Только что получена у Бондакова въ магазинѣ. Знаете, этакій нѣжный, нѣжный розовый цвѣтъ и густой... Вотъ, думала, премилая будетъ косыночка! Четвертинъ заказалъ, чтобы больше розовыхъ съ темно-сѣрымъ, поле чтобы розовое, а по немъ темно-сѣрыя шпичеки и рѣшетка кругомъ темно-сѣрая, а бахромка опять розовая...

Я вдругъ поднимаюсь съ мѣста и, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ присутствующихъ успѣваетъ моргнуть глазомъ, выскальзываю изъ гостиной въ первую дверь поближе, въ диванную, а изъ диванной попадаю въ коридорчикъ, который приводитъ меня къ дверямъ комнаты, гдѣ я давно не былъ... гдѣ мѣсяца два тому назадъ говорилъ о Шекспирѣ... къ дверямъ любимаго Ольгинова уголка въ домѣ... Ахъ, Ольга, Ольга, какъ бы хорошо могло быть въ этомъ уголкѣ и тебѣ и другимъ, если бы ты не поддавалась такъ безумно злополучному увлеченію!

Все тихо. Ольги, очевидно, здѣсь нѣтъ, по я все-таки желаю сюда заглянуть, тихонько отворяю дверь и—меня обдаетъ жаромъ и холодомъ,—я вижу Ольгу, остановившуюся посреди комнаты, какъ останавливаются люди послѣ порыва горя, какъ будто истощивъ весь его запасъ, теряясь вдругъ, цѣпенѣя и тупо спрашивая себя: такъ это, такъ? Это точно такъ? Но какъ же могло это быть?

При звукѣ отворяемой двери, она слегка вздрагиваетъ, обращаетъ ко мнѣ орошенное слезами лицо и вдругъ вскрикиваетъ, какъ бы оживъ при моемъ появленіи:

— Ну, что?

— Ольга Александровна! —бормочу я, не зная какъ понять это: «ну, что» —и нѣсколько теряясь.

— Хуже ей?

— Кому?

— Да ей, Марѳушѣ! Вы вѣдь знаете!

— Да, она захворала, но я полагаю, опасность не такъ серьезна,—отвѣчаю я, а самъ думаю: «и она тоже хочетъ сваливать свое разстройство на Марѳушину болѣзнь»!

— Нѣтъ, нѣтъ, ей не встать! —перебиваетъ Ольга.—У нея на лицѣ смерть... Я въ первый разъ это видѣла, но я понимаю, что это смерть! Господи! Какой взглядъ, какая улыбка! И тоненьгія, тоненьгія, совсѣмъ безсильныя ужасныя ручки!

Слезы брызгають у нея изъ глазъ, и она закрывается руками, точно еще видитъ передъ собою эти тоненьгія, ужасныя ручки.

— Вы когда ее видѣли, Ольга Александровна?—спрашиваю я.

— Сегодня... Сегодня рано утром... Господи, какъ это ужасно!

А, значить, она была сегодня утромъ въ Благодатномъ! И ужъ несомнѣнно не у одной Мареуши!

— А я здѣсь стою и ничего не могу сдѣлать, ничѣмъ не могу помочь! — вскрикиваетъ Ольга съ отчаяніемъ. — И нельзя теперь ужъ помочь! Ужъ никто теперь не поможетъ, уже поздно! Какъ же это такъ умираютъ люди, и я никогда объ этомъ не думала! О, если бы я могла что-нибудь для нея сдѣлать! Я не могу забыть, какъ она лежитъ тамъ въ углу, на лавкѣ, такая маленькая, такая беззащитная, такъ страшно улыбается и умираетъ!

Ольга зарыдала.

Я хочу сказать нѣсколько словъ успокоенія, но не нахожу ихъ. Передо мной проносится личико Мареуши, какъ я видѣлъ его — маленькое, прозрачное, безкровное личико съ тупою улыбкою на бѣлыхъ губахъ, и мнѣ становится самому какъ-то жутко... Однако я стою на своемъ: не одна болѣзнь безпомощной Мареуши доводитъ до подобнаго отчаянія Ольгу. Быть можетъ, эта болѣзнь послужила только послѣдней посторонней каплей, переполнившей свою собственную горькую чашу; иногда, я видалъ, хоронять самое дорогое существо покойно, съ сухими глазами и вслѣдъ за тѣмъ заливаются слезами и безумно рыдаютъ, если разбивается какой-нибудь флаконъ, подаренный на память, или попадаетъ на видъ картинка мрачнаго содержанія... Мареуша тутъ замѣняетъ такой флаконъ или такую картинку...

— Ольга Александровна, — говорю я, и дальше опять не нахожу словъ.

Но Ольга меня и не слушаетъ.

— Такая беззащитная, такая беззащитная! — повторяетъ она, рыдая. — Такая ни въ чемъ не виноватая и беззащитная!

Вдругъ раздается легкій стукъ въ дверь. Я быстро обертываюсь и въ полуотворѣ вижу ястребиные глаза Анны Павловны.

— Можно мнѣ войти, милый? — мягко спрашиваетъ она. — Не помѣшаю? Я на минуточку...

XIV.

Mich fasst ein längst enwohnter Schauer,
Der Menschheit ganzer Jammer fasst mich an.
Gothe.

Человѣческое воображеніе слишкомъ слабо, чтобы представить всю ѣдкость моего огорченія и всю бездну моей ярости при появленіи Анны Павловны.

Я взглядываю на Ольгу.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ меня Ольга, приподнимая голову.

— Это я, душенька, я,—отвѣчаетъ Анна Павловна, скользнувъ по зѣвиному въ комнату и проворно обнявъ Ольгу. —Здравствуйте, милая! А я не знала, что Андрианъ Андреевичъ тутъ... и очень рада, что его, наконецъ, нахожу... Я шла къ вамъ, душечка, спросить. не знаете ли вы, гдѣ онъ...

— Что вамъ угодно, Анна Павловна?—спрашиваю я, вдругъ совершенно отбросивъ любезныя манеры и чуть не скрежеща зубами.

— Ахъ, голубчикъ,—отвѣчаетъ Анна Павловна, какъ бы не замѣчая ни малѣйшей перемены въ моемъ обхожденіи,—миѣ необходимо вамъ передать... Развѣ вы забыли? Ахъ, милый, на васъ донесли исправнику, что вы... Позвольте миѣ, душенька, сѣсть,—усаживаясь, обращается она къ Ольгѣ:—я ужасно устала и чуть дышу отъ коліи... Я пріѣхала на тряской телѣжкѣ и въ боку колетъ... Я не хотѣла дожидаться коляски... испугалась за него (живая на меня), за нашего дорогого друга...

— Какой доносъ? Что такое?—спрашиваетъ Ольга, встрепенувшись и мѣняясь въ лицѣ.

— Вѣроятно, какое-нибудь глупое недоразумѣніе,—бормочу я.

— На кого доносъ? Какой доносъ?—повторяетъ Ольга.

— Ахъ, душенька, доносъ на него... на него!—сокрушенно вздыхаетъ Анна Павловна.—Я такъ...

— Да на кого, на него?—перебиваетъ Ольга.

— На нашего дорогого Андриана Андреевича!

— На васъ?—обращается ко миѣ Ольга.

— О, это какое-нибудь глупое недоразумѣніе, Ольга Алексѣвна,—отвѣчаю я,—и нисколько меня не тревожитъ...

— Но какой же доносъ?—добивается Ольга.

— Ахъ, душенька, это такая низость! Будто бы онъ развращаетъ всѣхъ... будто бы у него по ночамъ тайныя сборища... будто бы онъ за одно съ Ивановымъ и они каждую ночь устраиваютъ оргіи, богохульствуютъ и составляютъ планы, какъ истребить помѣщиковъ... Я пришла въ негодованіе, когда услышала эту клевету!... Я просто вскрикнула: какая низость, какая клевета! Я ругаюсь за него головой!

— Но вѣдь Григорій Петровичъ вчера въ первый разъ...—начинаетъ Ольга.

Я ее перебиваю:

— Позвольте спросить васъ, Анна Павловна, если это не нескромность, откуда вы это узнали?

— Что узнала, голубчикъ?

— О доносѣ, что будто бы на меня доносъ...

— Отъ самого исправника, милый, отъ Таранельки! Я это почувствовала, я еще сегодня утромъ хотѣла васъ предупредить... Я съ ѣтимъ и пошла къ вамъ, но у меня долго не хватало духу вамъ сказать, огорчить васъ, бѣдненькаго! А потомъ явилась Фима, и я уже не хотѣла вводить ее въ это дѣло: вы знаете, голубчикъ, Фима милая, добрая, но она не мастерица хранить тайны... Ужъ и такъ начали Богъ знаетъ что болтать! Сегодня собираюсь къ вамъ, приходитъ Поликсена Васильевна, — знаете, дочь отца Василія, она шла за грибами съ племянницей — и зашла спросить, не хочу ли я вмѣстѣ съ ними... и первое ея слово: Знаете, Анна Павловна, что говорятъ, у насъ дѣлается? Слышали? И начинается... Ничего, говорю, я не слыхала и вамъ не совѣтую слушать, все это ложь, низкая клевета... Поликсена отличная дѣвушка и мнѣ предана, она послушается меня и будетъ молчать, но съ другими вѣдь не сладишь...

— Вы напрасно беспокоились, Анна Павловна, совѣтовать Поликсенѣ Васильевнѣ молчать, — говорю я, — по-моему, какъ ей, такъ и другимъ слѣдуетъ предоставить удовольствіе посплетничать...

— Что вы, что вы, милый! Екъ чему вамъ навлипать на себя непріятность! Вы не шутите съ ѣтими вещами, голубчикъ... Ольга, душенька, скажите ему, чтобъ онъ себя поберегъ, если не для себя, то хоть для насъ — его друзей, которые его такъ любятъ... Да вы не тревожьтесь такъ, душенька, посмотрите, на васъ лица нѣтъ! Богъ дастъ, туча пронесется мимо... Я уже похлопотала и, надѣюсь, все устрою... Я, какъ узнала отъ Поликсены объ отихъ глупыхъ толкахъ, сейчасъ написала исправнику записочку и послала съ нарочнымъ... Онъ вѣдь премилый, преобязательный человекъ. Я просила его, не медля ни минуты, ни секунды пріѣхать ко мнѣ по очень важному дѣлу и ждала его къ обѣду, тутъ я и хотѣла свести его съ нашимъ дорогимъ Андріаномъ Андреевичемъ, и чтобы они переговарили... Но къ обѣду онъ не поспѣлъ и пріѣхалъ только теперь, у него тамъ какое-то мертвое тѣло было, и я его привезла сюда... Пойдемте, милый, — обращается она ко мнѣ, — переговорите съ нимъ поскорѣе!... Съ нами пріѣхала и Фима, — никакъ не могла отъ нея убѣжать, — но я ее какъ-нибудь отвлеку, какъ-нибудь займу, пока вы объяснитесь... Пойдемте же, милый, переговорите скорѣе!

— Извините, Анна Павловна, — отвѣчаю я холодно, — я рѣши-

тельно не вижу въ этомъ необходимости... считаю это излишнимъ... страннымъ, себя недостойнымъ...

— Ахъ, душенька! убѣдите хоть вы его!— восклицаетъ Анна Павловна, обращаясь къ Ольгѣ.— Онъ васъ послушается!

— Андриянъ Андреевичъ самъ лучше можетъ рѣшить, что ему надо дѣлать,—говоритъ Ольга.

Она, видимо, въ большомъ безпокойствѣ: замерло глубокое огорченіе, высохли мгновенно слезы, и, какъ она ни старается принять спокойный видъ, каждая ея черта дышитъ тревогой... Изъ-за чего-жъ эта большая тревога? Вѣдь не изъ-за того же, что на меня бессмысленный доносъ, о которомъ исправникъ Таранелька обязательно готовъ со мной переговорить?...

— Пойдемте, пойдемте, милый!— пристааетъ ко мнѣ Анна Павловна.

— Нѣтъ, Анна Павловна, — отвѣчаю я рѣшительно,—я не пойду!

— Ахъ, милый! поберегите себя!... Ольга, душенька, просите его!

— Отчего вы не хотите?—спрашиваетъ меня Ольга.

— Но, Ольга Александровна, съ какой же стати мнѣ идти объясняться съ господиномъ Таранелькой, когда я не знаю за собой никакихъ проступковъ, подлежащихъ его власти,—говорю я,—съ какой стати просить его заступничества, когда я не признаю за собой ничего такого, что бы...

— Вы отъ него лучше всего узнаете, въ чемъ дѣло,— прерываетъ меня Ольга.

И глаза ея устремляются на меня съ такимъ выраженіемъ, что я болѣе ни слова не возражаю и какъ будто начинаю колебаться и раздумывать, не лучше ли дѣйствительно объясниться съ Таранелькой, между тѣмъ какъ меня поглощаетъ одно: почему Ольга такъ встревожена этимъ доносомъ? Теперь уже я нимало не сомнѣваюсь въ томъ, что она встревожена: она не выдержала роли непричастной посторонней и высказала, хотя не прямо, желаніе, чтобъ я узналъ, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, милый!—восклицаетъ Анна Павловна— послушайтесь, пойдемте!

— Но, любезная Анна Павловна,—возражаю я для соблюденія аппарансовъ и подпуская теплоты въ тонъ своихъ словъ,—я, право, не понимаю, къ чему...

— Ахъ, милый, послушайтесь!

— Если вы непременно этого желаете, я, извольте, пойду, — сдаюсь я наконецъ.

— Пойдемте, пойдемте! — вскакиваетъ Анна Павловна. — Ахъ, душенька! какъ я вамъ благодарна, что вы его убѣдили! — обращается она къ Ольгѣ.

— Вы можете сказать, что *вы* убѣдили, любезная Анна Павловна, — поправляю я, замѣтивъ, что Ольга вспыхнула.

(Чего она вспыхнула? Не отъ смущенья, а какъ будто отъ страха, что дала замѣтить свою тревогу по поводу этого дѣла...)

— Ну, хорошо, хорошо, cher ami... Ну, я убѣдила, я... я... — знаменательно улыбается Анна Павловна, — только пойдемте же скорѣе! Ольга, душенька, вѣдь вы тоже съ нами?

— Да... да... — отвѣчаетъ Ольга съ сдержаннымъ волненіемъ.

— Ахъ, какъ вы милы, душенька!... Пойдемте! Пойдемте!

Но едва мы успѣваемъ выйти за двери и сдѣлать нѣсколько шаговъ, путь намъ заграждаетъ плывущая навстрѣчу генеральша Болотникова.

— А, вотъ и вы! — улыбается она. — Bonjour, Ольга! toujours belle et charmante! Я, вотъ видите, къ вамъ въ гости, ma chère. Je voulais me reposer un peu dans votre joli petit nid... Но я не хочу васъ задерживать. Non, non, je ne veux pas! Пойдемте вмѣстѣ въ гостиную...

— А что, драгоценный Андрианъ Андреевичъ, — обращается ко мнѣ эта лавина жиру, — бѣгство вамъ не помогло: вы отъ насъ бѣжите, а мы васъ преслѣдуемъ и ловимъ... какъ это говорится? на мѣстѣ преступленія... Хе-хе-хе! Donnez moi votre bras...

И она повисаетъ у меня на рукѣ, какъ пятипудовой осетръ!

Анна Павловна, которую при появленіи сестрицы всю передернуло, тотчасъ-же подхватываетъ меня подъ другую руку.

Съ какимъ бы невыразимымъ наслажденіемъ я отдернулъ отъ себя этихъ старыхъ влещей и швырнулъ ихъ въ пространство, Ты вѣдаешь, Творецъ всесильный! Но я веду ихъ.

Предшествуемые Ольгой, мы вступаемъ въ гостиную, гдѣ Капитолина Ивановна Бусова встрѣчаетъ Ольгу привѣтственнымъ восклицаніемъ, приподнимается съ дивана, приготовляясь заключить ее въ объятія и уже оттопыриваетъ для поцѣлуя широкія губы, имѣющія подобіе большой прорѣхи, сдѣланной наудачу небрежнымъ размахомъ топора.

Ольга еще больше блѣднѣетъ и не только не спѣшитъ принять лобзанія любезной гостя, но, къ ужасу вспыхнувшей при ея появленіи матери и на всеобщій скандалъ, этой любезной гостя даже

не бланяется и быстро, какъ отъ неизбежнаго гада, отходить на другой конецъ комнаты, не замѣтивъ ловкаго военного полкена исправника Таранельки, занимающаго одно изъ креселъ около гостиннаго стола.

Исправникъ Таранелька, пока сидитъ въ креслѣ, представляется большимъ человѣкомъ, но, когда вскакиваетъ, оказывается ростомъ немного выше волшебника Черномора и съ своей грудью колесомъ, огромными усами à la Louis Napoléon, крупнымъ орлинымъ носомъ, крупными черными, точно лакированными, глазами и узкими лаковыми сапожками, блестящими не хуже глазъ, напоминаеть фигурки на крышкахъ старинныхъ фаянсовыхъ кубшиновъ, которыя фабриковали, не задаваясь соразмѣрностью частей.

— Ахъ, зачѣмъ Ольга такъ рѣзка!—шепчетъ мнѣ Анна Павловна въ одно ухо.—Mais c'est un noble coeur: всегда правда...

— Très originale!—бормочетъ генеральша въ другое.—Je pardonne tout à la jeunesse, moi...

Объ останавливаются и останавливаютъ меня въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ размѣстившихся вокругъ круглаго стола, точно приговорясь смотрѣть на фокусы.

Мефа ехидно сжимаетъ свои трутообразныя губы, Бусовъ даже вскакиваетъ съ мѣста и отступаетъ въ уголъ.

Только исправникъ Таранелька не выказываетъ душевнаго движенія и, сохраняя улыбку на устахъ, все также блеститъ лаковыми глазами.

Озадаченная Капитолина Ивановна неловко оправляется, снова усаживается на диванъ и съ усмѣшкой шепчетъ по змѣиному, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Ольга Алексѣевна такая стала разсѣянная... Точно не узнала меня...

— Какъ это можно! какъ это можно!—лепечетъ, пылая стыдомъ за дочь, бѣдная Елена Дмитриевна, — она только не замѣтила... Знаете, близорука... въ отца близорука... Оленька, Оленька!—слабо возвышаетъ она голосомъ, зывая къ дочери.

— Что, мама?—отвѣчаетъ Ольга, приближаясь.

— Да вотъ, Оленька... вотъ, Капитолина Ивановна... Ты такъ близко прошла, дружочекъ...—путаетъ горемычная старушка, очевидно ужаснувшись приближенія дочери и ожидая новаго скандала.

Ольга безмолвно обращаетъ потемнѣвшіе глаза на Бусову; губы у нея начинаютъ дрожать.

— Ахъ, зачѣмъ было беспокоить Ольгу Алексѣевну!—гово-

рить извительно Бусова.—Я только хотѣла сказать, что очень жаль, что не успѣла увидаться съ нею сегодня поутру: я поздно узнала, что она у меня въ Благодатномъ... Я вѣдь такъ рано не встаю... Ужь извините, Ольга Алексѣевна, что я васъ не приняла, какъ слѣдуетъ гостю, но такое раннее время...

— Я не къ вамъ приходила,—говорить Ольга, начиная вся дрожать,—я приходила...

— Да, да, я вотъ тоже никакъ не могу рано встать,—перебиваетъ ее, чуть не плача, мать, которая обыкновенно встаетъ съ пѣтухами,—никакъ не могу!

Бапитолина Ивановна ядовито усмѣхается, замѣчая, что безъ особенной надобности зачѣмъ же вставать до свѣту.

Ольга овладѣваетъ собою и, къ облегченію матери, отходитъ отъ круглаго стола къ кушеткѣ въ углу. При этомъ исправникъ Таранелька съ почтительною любезностью спрашиваетъ ее о здоровьѣ, на что получаетъ въ отвѣтъ благодарность, и что она совершенно здорова.

— Да, да,—продолжаетъ лепетать старушка Чудова,—никакъ не могу рано встать. Оленька и меня съ собой сегодня звала,—вдругъ жметъ она.—Будила меня... Два раза будила. А я полѣнилась...

— Полѣнились?—повторяетъ ядовито Бусова.

— Да, да... полѣнилась...—запинается Чудова, чувствуя всю ѣдкую иронию этого повторенія.

— Напрасно лѣнитесь, та вонне Елена Дмитриевна,—говоритъ генеральша Болотникова, дѣлая шагъ къ круглому столу и буксируя меня туда же,—нѣтъ ничего полезнѣе ранняго вставанія!... Восходящее солнце—с'est un si beau spectacle! А главное—полезно! Есть даже пословица какая-то о томъ, какъ полезно рано вставать,—не могу только ее припомнить...

— Ранняя птичка носокъ уже прочищаетъ, а поздняя только глазки продираетъ?—цитируетъ, въ видѣ скромнаго предположенія, исправникъ Таранелька.

— Нѣтъ, другая, что-то насчетъ сохранности...

— Кто рано встаетъ, того Богъ бережетъ?—спрашиваетъ Мефа.

— Да, вродѣ этого...

— Ахъ, но это не всегда справедливо. Не всѣхъ Богъ...

— Андрианъ Андреевичъ,—перебиваетъ ее генеральша Болотникова, шутливо обращаясь ко мнѣ,—вы вѣдь, кажется, имѣете нѣкоторое понятіе вотъ объ этомъ милѣйшемъ господинѣ (кивая на

исправника), Иванъ Аввакумовичъ Таранелька, нашемъ драгоценномъ блюстителѣ порядка?

— Я давно заочно васъ знакомила—вставляетъ Анна Павловна.

— Какъ же-съ, я имѣлъ честь и удовольствіе неоднократно встрѣчаться,—улыбается Иванъ Аввакумовичъ Таранелька, приподнимаясь словно на пружинѣ, быстро шаркая лаковыми сапожками и протягивая мнѣ бѣлую, какъ молоко, изумительно-длиннопалую руку съ блестящимъ рубиновымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ.—Всегда чрезвычайно пріятно вновь встрѣтиться.

— Чрезвычайно пріятно,—завяляю я.

— Ну, садитесь, милый, около него, садитесь,—тянуть меня въ перебивку Анна Павловна и генеральша Болотникова.—Ну, потолкуйте хорошенько, подружитесь!...—обращаются онѣ ко мнѣ и къ исправнику.

— Это мой завѣтъ вамъ!—говоритъ генеральша Болотникова.

— Это мое сердечное желаніе!—говоритъ Анна Павловна.

Мы, я и Таранелька, усажены рядомъ. Генеральша Болотникова и Анна Павловна отходятъ и начинаютъ занимать разговоромъ остальныхъ гостей.

— А какіе прекрасные дни и вечера у насъ стоятъ нынѣшнее лѣто!—говоритъ Иванъ Аввакумовичъ Таранелька, слегка наклоня ко мнѣ распомаженную голову и покручивая своими бѣлыми пальцами смѣенный кончикъ уса.

— Прекрасные дни и вечера...

— Въ прошлую пятницу мнѣ пришлось ѣхать на слѣдствіе въ Ивановское... изволите знать село Ивановское?

— Да, кажется, проѣзжалъ,—это по дорогѣ въ имѣніе Краснопѣвцевыхъ?

— Точно такъ-съ, — съ изысканной, какой-то, если можно такъ выразиться, одобрительною любезностью, наклоняетъ голову Иванъ Аввакумовичъ Таранелька. — Мѣстоположеніе замѣчательнымъ образомъ живописное,—какъ вы находите-съ?

— Очень живописное...

Иванъ Аввакумовичъ снова наклоняетъ голову съ тою же одобрительною любезностью.

— Такъ въ прошлую пятницу,—продолжаетъ онъ,—мнѣ пришлось ѣхать туда на слѣдствіе, и я все время былъ въ восторгѣ: учи заходящаго солнца бросали свой прощальный привѣтъ на чмлю, и окружающіе лѣса и горы покоились въ лучезарномъ сіяніи, мало-по-малу, какъ бы съ сожалѣніемъ, погружаясь въ таинствен-

ный мракъ... А затѣмъ всплыла блѣдная луна и посеребрила все своимъ томнымъ, очаровательнымъ свѣтомъ... Самый очаровательный свѣтъ въ природѣ-съ—это лунный, не правда ли?

— Д-да,—отвѣчаю я.

Исправникъ еще съ болѣе одобрительно-любезною улыбкой наклоняетъ голову и, какъ будто, хочетъ сказать:

«Ну, ты отвѣчаешь удовлетворительно, теперь я ничего не имѣю противъ того, чтобы ты тоже предложилъ какой-нибудь вопросъ».

— Я слышалъ, Иванъ Аввакумовичъ,— начинаю я, понизивъ нѣсколько голосъ.

Онъ ко мнѣ въ упоръ повертываетъ свой крупный орлиный носъ и ласково блеститъ мнѣ въ глаза своими лаковыми глазами.

— Я слышалъ вещи, крайне меня удивившія,— продолжаю я.

— Покажите, покажите! — раздаются восклицанія Анны Павловны и генеральши Болотниговой.

— Я тоже хочу чистить свои кружева,— говоритъ Анна Павловна.

— И я тоже,— говоритъ генеральша Болотнигова.

И онѣ поднимаются съ креселъ вмѣстѣ съ хозяйкой и Капитолиной Ивановной Бусовой.

— Вы, вѣдь, зубчики на булабочкахъ распяливаете?— спрашиваетъ Капитолина Ивановна.— А рѣшетки...

— Это новый способъ чистить, душенька,— перебиваетъ ее Анна Павловна,— это такъ и моется на полотнѣ.

— Messieurs,— обращается ко мнѣ и къ исправнику Таранелькъ генеральша Болотникова,— дамы васъ на нѣсколько минутъ покинуть.

— Да, да... извините, пожалуйста,— бормочетъ хозяйка.

Исправникъ Таранелька вскакиваетъ и шаркаетъ съ видомъ готовности подчиниться всякимъ дамскимъ распоряженіемъ и, выгибая граціозно шею, объявляетъ, что дамское желаніе—законъ. Я тоже шаркаю.

— Впрочемъ, мы одного кавалера уведемъ,— говоритъ генеральша Болотникова.— Павелъ Павловичъ,— обращается она къ Бусовой, вы съ нами, смотрѣть, какъ кружева чистятъ... Вы вѣдь женатый человѣкъ, и вамъ это не мѣшаетъ...

— Очень пріятно,— отвѣчаетъ Павелъ Павловичъ, вставая и выходя изъ уголка.

— Мефа, а ты развѣ не идешь?— спрашиваетъ Анна Павловна.— Вѣдь тебѣ тоже надо чистить свою бѣлую ретонду.

— Ахъ, да! — спохватывается Мефа и направляется вмѣстѣ съ другими къ дверямъ.

— Да, — снова начинаю я, — я слышалъ вещи, крайне меня удивившія... которымъ я даже отказываюсь вѣрить, Иванъ Аввакумовичъ...

— А! — произноситъ исправникъ Таранелька, все болѣе и болѣе одобрительно и любезно.

— Я слышалъ...

Я встрѣчаю исполненный тревоги взглядъ Ольги, которая все это время неподвижно стояла на другомъ концѣ гостиной, дѣлая видъ, что перелистываетъ какой-то альбомъ, — и слегка запинаюсь. Ольга бросаетъ перелистывать альбомъ и уходитъ черезъ балконныя двери.

— Я слышалъ, — повторяю я, — что на меня поступилъ доносъ, Иванъ Аввакумовичъ?

— А! — снова произноситъ исправникъ Таранелька.

— Меня, разумѣется, это нимало не тревожитъ, — продолжаю я, — потому что я чистъ, какъ слеза младенца...

Таранелька какъ-то кокетливо улыбается, точно давно искусившаяся красавица, когда самонадѣянный поклонникъ разставляетъ ей неискusstvenныя сѣти, въ которыя она, Богъ вѣсть, уже сколько времени не попадаетъ, но тѣмъ не менѣе не лишаетъ надежды, что можетъ попасться.

— Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе, которое разрѣшится, вѣроятно, какъ-нибудь комически, — продолжаю я, — знаете, вродѣ того, какъ въ водевиляхъ, когда, на примѣръ, ревнивый мужъ лѣзетъ на стѣну, напавъ на слѣдъ жениной измѣны, а въ заключеніе оказывается, что никакой измѣны и въ поминѣ не было... что вмѣстѣ любовной переписки жена прячетъ отъ него какую-то бездѣлушку, которую готовить ему въ сюрпризъ на его именины...

— А! это прекрасно, прекрасно! Пр-р-рек-р-расно! — заливается Таранелька тоненькимъ смѣхомъ.

— Что прекрасно? — спрашиваю я.

— Водевиль-съ... Пр-р-рек-р-расно! — заливается онъ снова смѣхомъ, и затѣмъ съ кокетливою угрозой прибавляетъ: — Но не все водевили-съ: бываютъ и драматическія пьесы!

— Что вы хотите этимъ сказать, Иванъ Аввакумовичъ? — спрашиваю я холодно.

— Бъ слову-съ, Андрианъ Андреевичъ, бѣ слову пришлось, — улыбается онъ привѣтливо и успокоительно.

— Я позволялъ себѣ надѣяться, Иванъ Аввакумовичъ, что вы

будете столь обязательны, объясните мнѣ, откуда взялся этотъ нелѣпный доносъ,—говорю я съ достоинствомъ.

— Я въ чрезвычайномъ затрудненіи, Андрианъ Андреевичъ,— кокетничаетъ онъ,— я не могу выдавать своихъ... своихъ кліентовъ... не долженъ-съ... Вы хотите заставить меня отступить отъ моихъ правилъ...

— Подобное отступленіе отъ правилъ не можетъ тревожить вашу совѣсть, Иванъ Аввакумовичъ,— пробую я шутить,— а на-противъ...

— О, отступать отъ правилъ ни подъ какимъ видомъ не должно-съ!— продолжаетъ онъ кокетничать.

— Но, любезнѣйшій Иванъ Аввакумовичъ, это даже и не отступленіе отъ правилъ. Вѣдь вы не считаете этотъ доносъ основательнымъ? Вы, смѣю надѣяться, не считаете меня за сумасброднаго мальчишку...

— О, помируйте, помируйте!

— Слѣдовательно, мы можемъ вмѣстѣ посмѣяться надъ этою глупою сплетней... и надъ ея оборотомъ... Не правда ли?— прибавляю я, не дождавшись другого отвѣта, кромѣ привѣтливой улыбки.

— Конечно, конечно...

— Такъ, посмѣемся же, любезнѣйшій Иванъ Аввакумовичъ.

— Чрезвычайно бы радъ, уважаемый Андрианъ Андреевичъ, чрезвычайно бы радъ, но... но дѣло это въ высшей степени щекотливое, въ высшей степени щекотливое... Мнѣ это весьма прискорбно, весьма, но я не могу этого отъ васъ скрыть... Въ высшей степени щекотливое дѣло-съ!

— То-есть въ какомъ же смыслѣ? Для кого?

— Во всякомъ смыслѣ-съ... и для всѣхъ... Движимый сердечнымъ участіемъ, я позволю себѣ замѣтить, что поступки... неосторожные часто оказываютъ неотвратимо-пагубное вліяніе на теченіе нашей жизни...

— На какіе поступки вы намегаете, Иванъ Аввакумовичъ?— спрашиваю я, — и что вы подразумѣваете подъ словомъ неосторожные?

— Неосмотрительность,— поясняетъ онъ мягко,— неосмотрительность...

— Вы хотите сказать, что я былъ неосмотрителенъ? Неостороженъ? Прекрасно. Хотя я не признаю этого за собой, но положимъ... Въ чемъ же состоитъ моя неосторожность, любезнѣйшій Иванъ Аввакумовичъ, объясните?

— О, помилуйте, объяснять такому образованному человѣку, какъ вы, я себѣ никогда не позволю.

— Однако, если я васъ объ этомъ убѣдительноше прошу, Иванъ Аввакумовичъ?

— О, помилуйте, Андрианъ Андреевичъ, вы сами такъ прекрасно можете все разсудить...

— Я васъ убѣдительноше прошу объяснить мнѣ, Иванъ Аввакумовичъ, убѣдительноше прошу...

— Ничего не могу, многоуважаемый Андрианъ Андреевичъ, — къ прискорбію моему, ничего не могу...

— Но я васъ прошу только дать мнѣ понятіе...

— Даютъ понятіе въ высшихъ сферахъ, многоуважаемый Андрианъ Андреевичъ, а я только могу препроводить...

— Что препроводить? Буда?

— Полученныя свѣдѣнія и свое мнѣніе о нихъ... въ высшія сферы...

— Что вы подразумѣваете подъ высшими сферами?

— Его превосходительство начальнигъ губерніи желаетъ самолично вникать во все сколько-нибудь смутное, и я имѣю приказъ прямо и непосредственно препровождать къ нему всякое свѣдѣніе, касающееся вольнодумства...

— Такъ вы, значить, препроводили?

— Что же оставалось мнѣ дѣлать? — спрашиваетъ онъ меня со вздохомъ и пожимая плечами.

— Препроводили?

— Препроводилъ-съ.

— А!... Но я до сихъ поръ полагаю, что вы препровождаете только свѣдѣнія, на чемъ-нибудь основанныя... чѣмъ-нибудь оправдываемыя... Однимъ словомъ, свѣдѣнія, хотя сколько-нибудь фундаментальныя... а не пустые слухи... не уѣзныя сплетни...

— Бю же можете рѣшить, гдѣ фундаментально и гдѣ нѣтъ? — отвѣчаетъ онъ съ ласковымъ укоромъ. — Относительно дѣла, столь отвѣтственнаго...

Въ эту самую минуту въ гостиную мелкой рысцой вбѣгаетъ Анна Павловна.

— Ну, что вы, поладили? — шутиливо говоритъ она намъ.

— О, совершенно! — отвѣчаетъ Таранельга, улыбаясь.

— О, совершенно! — повторяю я. — Господинъ исправнигъ былъ такъ любезенъ, сообщилъ мнѣ, что доносъ, сдѣланный на еня, препровожденъ имъ въ высшія сферы, т.-е. къ начальнику губерніи...

— Ахъ, Боже мой! Бъ Никитѣ Николаевичу? — восклицаетъ Анна Павловна. — Ахъ, Иванъ Аввакумовичъ, а я васъ такъ просила!

— Весьма прискорбно, Анна Павловна, — вздыхаетъ Таранелька, — весьма прискорбно, но долгъ мой...

— Да нѣтъ, это онъ насъ только пугаетъ! — обращается ко мнѣ Анна Павловна. — Нѣтъ, нѣтъ, онъ у насъ добрый! Онъ пожуриетъ насъ и проститъ. Вѣдь такъ, милый Иванъ Аввакумовичъ?

— Сердечно радъ служить, Анна Павловна, — отвѣчаетъ Таранелька, прижимая свои молочные пальцы къ лѣвой сторонѣ груди, — но есть обстоятельства, когда я могу только соболѣзновать...

— Насилу вырвалась! — шепотомъ восклицаетъ генеральша Болотникова, вторгаясь стремительно въ двери и кидая недовольный взглядъ на предупредившую ее Анну Павловну. — Ну, что? Сговорились? — обращается она ко мнѣ и Таранелькѣ.

— Ахъ, Фима! Иванъ Аввакумовичъ недобрый! Онъ насъ пугаетъ! — отвѣчаетъ Анна Павловна.

— Чѣмъ же это онъ пугаетъ? — спрашиваетъ генеральша Болотникова.

— Помилуйте, — говоритъ Таранелька, любезно улыбаясь и склоняясь напередъ корпусомъ, — помилуйте!

— Онъ увѣряетъ, что уже донесено Никитѣ Николаевичу!

— Ну, что-жъ такое, что донесено Никитѣ Николаевичу? — говоритъ генеральша Болотникова. — Je lui écrivai un mot et il m'argangera tout cela.

— Ужъ не знаю, — вздыхаетъ Анна Павловна съ видомъ сокрушающаго ее сомнѣнія.

— Я знаю, ма chère! — нѣсколько раздраженно отвѣчаетъ генеральша Болотникова.

— Ахъ, ма chère! Ты такъ легко во все вѣришь! — снова вздыхаетъ Анна Павловна, какъ бы не замѣчая неприятнаго отгѣнка въ тонѣ «я знаю».

— А ты иногда желаешь все видѣть въ мрачномъ цвѣтѣ, ма chère, и очень мнительна...

— Ахъ, лучше быть мнительной, ма chère, чѣмъ слишкомъ довѣрчивой!

— Ахъ, ма chère! Il vous plait de le dire! Не безпокойтесь, драгоценный Андрианъ Андреевичъ, — обращается она ко мнѣ, — я сегодня же напишу Никитѣ Николаевичу, и мы все уладимъ! Il m'est très dévoué, Никита Николаевичъ... И въ тому же онъ теперь

въ большой радости: Доминика Францевна подарила его наслѣдникомъ! Я только вчера получила отъ него письмо...

— Вчера? — произноситъ Анна Павловна, слегка прищуриваясь.

— Да, вчера! — отвѣчаетъ генеральша Болотникова, съ силою невинности. — Il m'écrit qu'il est aux anges! Я, — пишетъ, — такъ счастливъ, такъ счастливъ, что теперь только недостаетъ васъ для моего полного благополучія... Совѣтуется, какъ назвать новорожденнаго... C'est un si brave homme, se cher Никита Николаевичъ! Я ему сегодня же напишу... Съ этого слѣдовало и начать! Но вы сами виноваты, дражайшій мой Андрианъ Андреевичъ!

— Чѣмъ же, Серафима Павловна? — спрашиваю я.

— Да слишкомъ ужъ много у васъ ревнителей, а знаете пословицу: у семи нянекъ дитя безъ глазу... Ты, Нуша, пожалуйста, не прими на свой счетъ... Но, согласись, если бы ты отъ меня почему-то не скрывала, что ты хлопчешь объ этомъ дѣлѣ, мы бы всѣ посовѣтовались и все бы сразу обсудили...

— Ахъ, Фима, развѣ я могу распоряжаться чужой тайной? — возражаетъ Анна Павловна. — Ты вѣдь тоже хлопотала, а мнѣ ничего не говорила. И я за это...

— Ну, не будемъ ужъ считаться, ma chère! — прерываетъ ее генеральша Болотникова и обращается къ Таранельгѣ: — А я все-таки на васъ сердита, Иванъ Аввакумовичъ!

— Чѣмъ могъ я навлечь на себя ваше неудовольствіе, Серафима Павловна? — спрашиваетъ Таранелька, все время сидѣвшій съ улыбкой и со склоненнымъ впередъ корпусомъ, словно замеръ въ полупоклонѣ.

— Зачѣмъ вы такъ послѣшили написать Никитѣ Николаевичу? Я вѣдь просила васъ подождать немножко. Хотя это не бѣда, но отчего было не подождать?

— Не могъ, Серафима Павловна, — отвѣчаетъ Таранелька, — къ прискорбію моему, никакъ не могъ! Во всѣхъ другихъ случаяхъ готовъ исполнять вашу волю, но тутъ мой долгъ...

— Ну, добро! добро! Я вамъ отмщу за это! Погодите!

Таранелька наклоняетъ голову, говоря:

— Въ вашей власти казнить и миловать, Серафима Павловна!

— Не помилую! Не помилую! Не стѣдите... Итакъ, милѣйшій Андрианъ Андреевичъ, вы теперь удостоиваете меня вашего полного довѣрія и предоставляете мнѣ устроить это дѣло? Не боитесь, какъ Нуша, что тутъ помѣшаетъ моя излишняя довѣрчивость?

— Ахъ, Фима! У тебя особенный талантъ толковать мои сло-

ва! — отзывается Анна Павловна, начинающая приходить въ за-
мѣтную ажитацию.

— Такъ ввѣряетесь мнѣ, милѣйшій Андрианъ Андреевичъ? Пре-
доставляете устроить это дѣло?

— Душевно вамъ признателенъ, Серафима Павловна, — отвѣ-
чаю я, — но я нахожусь въ невѣроятномъ положеніи...

— Это какъ? Въ какомъ положеніи?

— Я не имѣю понятія, въ чемъ состоитъ это дѣло, повиди-
мому, для меня столь важное...

— Ну, полноте, какъ не знаете!

— Даю вамъ слово! Я слышу, что на меня доносъ, что я об-
виненъ въ какихъ-то ночныхъ сходкахъ и оргіяхъ, въ распростра-
неніи безнравственныхъ началъ, но это до такой степени нелѣпо,
что я рѣшительно отказываюсь этому вѣрити! Быть можетъ, въ
уѣздѣ существуетъ мой двойникъ, который совершаетъ взводимыя
на меня продѣлки, но вѣдь до меня это не касается...

— Ну, полноте волноваться, милѣйшій Андрианъ Андрее-
вичъ, — прерываетъ меня генеральша Болотникова, — все это пу-
стяки... Я напишу Никитѣ Николаевичу! Я поручусь за васъ своей
головой — довольны вы? Et tout sera arrangé. Тсс... идутъ!...

Хозяйка, возвратившаяся въ сопровожденіи Мефы и Бусовыхъ,
приглашаетъ насъ перейти на террасу, куда приносятъ подносы
съ вареньями и ягодами и гдѣ генеральша Болотникова, наваливъ
себѣ на тарелку фунта полтора земляники, завязываетъ общій
разговоръ, начавъ съ опасенія о здоровьѣ губернаторши, которая
подарила мужа наслѣдникомъ.

— Она очень себя нѣжитъ, — говоритъ Капитолина Ивановна
Бусова, придвигая мужу вазу съ ягодами и дѣлая ему бровями
знакъ, чтобъ онъ не зѣвалъ.

— Ахъ, нѣтъ, она у меня слабенькая! — съ заботой возра-
жаетъ генеральша Болотникова, видѣвшая раза два въ своей жизни
слабенькую губернаторшу.

— Потому, что очень себя нѣжитъ, — настаиваетъ Бусова,
снова дѣлая мужу знакъ бровями, чтобъ онъ записся ягодами и
изъ другой вазы. — Я была воспитана, можетъ быть, деликатнѣе,
чѣмъ она, а вотъ теперь ко всему привыкла, все переношу...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, она у меня очень слабенькая, — твердитъ
генеральша Болотникова, истребляя такъ быстро землянику, словно
она ее съ ложки не въ ротъ кладетъ, а кидаетъ за плечо.

— Но ты такъ давно не видала Доминику Францевну, Фима, —

мягко замѣчаетъ Анна Павловна, — что она могла успѣть за это время окрѣпнуть и совершенно поправиться...

— Дай Богъ! Дай Богъ! C'est une si charmante personne! — отвѣчаетъ генеральша Болотникова, игнорируя иронию сестринаго замѣчанія. — Я, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ мнительна, когда дѣло идетъ о моихъ друзьяхъ... Но я уже неисправима въ этомъ отношеніи. Завидую иногда холоднымъ натурамъ, но себя пересоздать не въ силахъ...

— Ахъ, Фима, ты слишкомъ добра, та сѣге: ты иногда считаешь друзьями, съ кѣмъ и двухъ словъ не сказала!... Кто и твоего имени не припомнить, если съ тобой встрѣтится... — вздыхаетъ Анна Павловна.

— Ахъ, Нуша, та сѣге, ты точно завидуешь, что у меня много друзей!... Да, такъ я говорила, что Никита Николаевичъ утопаетъ теперь въ блаженствѣ! «Это такой мнѣ подарокъ, — пишетъ мнѣ, — что я не знаю, какъ за него благодарить судьбу!...»

— Это, такъ сказать, подарокъ всей нашей губерніи, — говоритъ исправникъ Таранелька, граціозно спуская съ ложечки варенье въ ротъ. — Никита Николаевичъ столь всѣми любимъ и чтимъ, что каждый счастливъ раздѣлять его радость.

— Да, да, — вставляетъ хозяйка, безпрестанно оглядываясь, словно ждетъ выстрѣла изъ ружья.

— Богатые и знатные всегда любимы и чтимы, — замѣчаетъ Бусова, — и съ ними всегда все рады раздѣлить. Я помню, какъ при покойномъ папенькѣ насъ на рукахъ носили, а вотъ теперь такъ многіе едва узнаютъ...

— О, возможно ли? — учтиво восклицаетъ Таранелька.

— Какъ вамъ не грѣхъ это говорить, душенька! — укоряетъ Анна Павловна. — Тѣхъ, у кого благородное сердце, ваше несчастье заставляетъ еще болѣе любить васъ!

— Да, да! — поддакиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, Анна Павловна, нѣтъ! Теперь не то! — вздыхаетъ Бусова. — Я вѣдь вижу...

— Ахъ, люди такъ низки! — вдругъ выпаливаетъ Мефа и бѣлесые глаза ея окидываютъ меня такимъ злобнымъ взглядомъ, что я невольно устремляю на нее свой... Жестъ, съ которымъ она отвертываетъ отъ меня свою изношенную физиономію, убѣждаетъ меня, что камень былъ кинуть въ мой огородъ. Съ чего полоумная дѣва на меня вдругъ озлилась?

Я не далъ бы выѣденнаго яйца за расположеніе старой шутихи, но въ эту минуту ея пошлый уколъ приводитъ меня въ ярость, въ

какую можетъ привести измученнаго до безсилія больного лѣзущая ему въ глаза муха, когда онъ говорить себѣ: даже отъ мухи не могу защититься!

И зачѣмъ меня занесла нелегкая въ этотъ проклятый Н-скій уѣздъ! Зачѣмъ я не вырвался изъ этого болота до сихъ поръ? Я самъ, своими руками, закинулъ себѣ петлю на шею и самъ ее покрѣпче затягивалъ! Чѣмъ кончится вся эта исторія? Разумѣется, рано или поздно разъяснится, что доносъ этотъ — чепуха, но пока разъяснится, сколько передрагъ могутъ меня постигнуть! Мое безумное прошлое, вѣроятно, неизвестно Никитѣ Николаевичу и теперь это непременно отзовется! И единому Господу Богу вѣдомо, какъ я выпутаюсь... О, Ольга, Ольга!

Воспоминаніе объ ея испугѣ и волненіи при извѣстіи о доносѣ пронзаетъ меня стрѣлой. Отчего такой испугъ и такое волненіе? Кто знаетъ, что наколобродилъ тутъ этотъ безобразный Григорій Ивановъ? Кто можетъ поручиться, что дѣйствительно не было гдѣ-нибудь — хоть въ той же старой банѣ, которую онъ теперь избралъ своей резиденціей — и ночныхъ сборищъ, и тысячи тысячъ нечестностей и безобразій? О, Ольга, Ольга! И ты могла сочувствовать всему этому паясничеству! И ты могла предпочесть хвастливаго мальчишку человѣку, который... могъ бы дать серьезное счастье...

Да, что было ничто безобразное, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Невозможно же, въ самомъ дѣлѣ, составить доносъ изъ ничего. Да это такъ и похоже на Григорія Иванова съ братією! И, кто знаетъ? быть можетъ, они нарочно меня хотѣли впутать, — внезапная довѣрчивость Григорія Иванова подозрительна... Положимъ, всѣ эти скороспѣлки-прогрессисты недалечноумны, но тутъ уже онъ выказалъ слишкомъ большую наивность... Наивенъ-то былъ я! О, простофиля, простофиля! И неушто Ольга участвовала въ этой низости? А что же тутъ удивительнаго? Чего не сдѣлаетъ влюбленная женщина по слову своего предмета! Боги милосердные! неушто мнѣ вѣчно суждено попадать изъ однихъ тисковъ въ другіе! И самъ, самъ всегда въ нихъ залязу съ самонадѣянною улыбкой, съ увѣренностью, что тутъ-то и получишь всякія блага! И вотъ теперь, быть можетъ, выпрыгалъ себѣ какую-нибудь Колю или Архангельскъ, или даже не столь отдаленныя мѣста... Никита Николаевичъ не грѣшитъ нерѣшительностью, а еще менѣе поблавою или долгимъ разбирательствомъ (и хорошо дѣлаетъ, когда это касается виновныхъ), — развѣ не отправилъ онъ моего стариннаго пріятеля Погорѣльцова въ извѣстную страну, «гдѣ козамъ рога правятъ», за то только, что нашла у одной личности его записка

о присылкѣ тюфяка? «Пришли, сдѣлай милость, обѣщанный тюфякъ,—писалъ Погорѣльцевъ,—а то смерть бока протеръ! Онъ у меня будетъ въ сохранности и черезъ двѣ недѣли препровожденъ къ тебѣ». Я знаю, что Погорѣльцевъ подъ тюфякомъ подразумѣвалъ тюфякъ—простой линялый, общипанный тюфякъ, который я не разъ своими глазами видалъ, потому что онъ нерѣдко лежалъ безъ простыни на столѣ, служа ложемъ засидѣвшемуся товарищу, но Никита Николаевичъ былъ увѣренъ, что подъ тюфякомъ подразумѣвался вреднѣйшій отщепенецъ, котораго Погорѣльцевъ предлагалъ пріютить у себя съ цѣлью вмѣстѣ проповѣдывать безнравственныя начала, и махнулъ Погорѣльцева, уже тогда отца семейства и пристрастившагося къ разведенію артишоковъ, въ страну, гдѣ козамъ рога править! А я самъ развѣ не ознакомился съ ужаснымъ сѣвернымъ городомъ, гдѣ меня большая часть туземцевъ почитала за дѣлателя фальшивой монеты, пятижена, гдѣ губернаторша заставляла меня клеить коробочки и декалькомонировать, гдѣ я нажилъ неизлѣчимый катарръ и просидѣлъ три года, какъ въ мѣшкѣ, изъ-за того только... изъ-за вещей вродѣ Погорѣльцевскаго тюфяка! И послѣ того, какъ я заплатилъ лучшими тремя годами жизни за науку быть умнѣе, я опять, какъ слѣпой осель, соваля въ яму! О, Ольга, Ольга!

Мною вдругъ овладѣваетъ свирѣпая злость на эту безхарактерную, тупоумную дѣвчонку. И что я такое находилъ въ ней? Изъ чего я бился?

Но, все кончено... Миѣ нѣтъ болѣе дѣла ни до ея гибели, ни до ея спасенія... Бѣжать, бѣжать и бѣжать отъ нея и отъ всѣхъ викиморъ Н-скаго уѣзда! Кончено! Кончено!

— Что такъ задумались, голубчикъ?—шепчетъ миѣ Анна Павловна.—Конечно, можно опасаться, когда Фима взялась за это дѣло, но...

— Я думаю о томъ,—отвѣчаю я ей, не понижая голоса,—что я слишкомъ загостился въ Н—скомъ уѣздѣ и что миѣ пора съ нимъ разстаться.

— Что вы! что вы! —раздается со всѣхъ сторонъ, даже Бузовъ, начинившійся до тошноты ягодами и вареньемъ и совсѣмъ посоловѣлый, считаетъ себя обязаннымъ присоединиться къ хору и произносить: что вы! что вы! Одна Мефа молчитъ и только зеленѣетъ, взглядывая на меня.

— Да кто же васъ пустить!—говоритъ генеральша Болотникова.—И вамъ не совѣстно задумывать такія вещи?

— Что дѣлать!—отвѣчаю я.—Я человекъ смиренный и робкій и боюсь доносовъ.

Генеральша Болотникова и Анна Павловна дѣлаютъ мнѣ знаки, чтобы я замолчалъ, но я не внимаю,—я хочу имъ показать, что нисколько не забочусь о тайнѣ и въ сущности только смѣюсь надъ доносомъ.

— Вы имѣете намѣреніе покинуть нашъ уѣздъ?—спрашиваетъ меня Таранелька и въ его лаковыхъ глазахъ сверкаетъ что-то такое, словно онъ про себя посмѣивается: «А вотъ я погляжу, какъ-то ты его покинешь!»

— Да,—отвѣчаю я.

— И для какихъ же мѣстъ вы хотите намъ измѣнить?—спрашиваетъ онъ съ тѣмъ же сверканіемъ въ глазахъ.

— Сначала для очень близкихъ,—отвѣчаю я нѣсколько небрежно:—я прежде всего отправлюсь къ начальнику губерніи.

— Ахъ, милый!—восклицаетъ Анна Павловна.

— Полноте, полноте!—почти строго говоритъ генеральша Болотникова.

Таранелька слегка щурится и гладитъ усы своими молочными пальцами, какъ бы говоря: знаю, знаю! Это не дурно придумано, но мы и не такія ухищренія видывали.

— Что же такое случилось?—жадно спрашиваетъ Бусова, наострившая уши при первыхъ моихъ словахъ, очевидно, надѣясь вывѣдать новую подробность несомнѣнно извѣстной уже ей исторіи.

— Ничего, душенька, пустяки...—отвѣчаетъ ей Анна Павловна.

— Зачѣмъ дѣлать тайну изъ такой забавной исторіи,—говорю я и, обращаясь къ Бусовой, передаю ей, что на меня сдѣланъ доносъ, и въ чемъ этотъ доносъ, по слухамъ, заключается.

— Ахъ, Боже мой!—восклицаетъ хозяйка.

— Ахъ, Царь Небесный! ахъ, Царь Небесный!—крестится Бусова.

Мефа вдругъ встаетъ и начинаетъ прощаться.

— Буда же, Мефа Павловна? Буда такъ рано?—удерживаетъ ее хозяйка.

— Нѣтъ, нѣтъ, пора,—отвѣчаетъ злющая обезьяна, надѣясь, вается, уязвить меня своимъ игнорированіемъ касающихся меня дѣлъ,—я еще погуляю съ мальчиками, они меня уже заждались.

— Ахъ, какъ жаль! Ахъ, какъ жаль! Ахъ, я и забыла меду-то мальчикамъ.

— О, не надо, не надо, намъ пора!

Старая тварь дѣлаетъ общій привѣтливый поклонъ, но такъ, что я для всѣхъ замѣтнымъ образомъ изъ этого прощальнаго привѣтствія исключень, и уходитъ.

— Что у васъ вышло съ Мефой, милый?—шепчетъ мнѣ Анна Павловна.

— Ничего,—отвѣчаю я.

— Она ужасно оскорблена, какъ только мы пошли смотрѣть кружева, она на меня набросилась: вотъ твои друзья! вотъ твои друзья!

— Чѣмъ же она оскорблена?

— Говорить, что вы трусь, что вы ее не защитили... что ей при васъ Григорій Ивановъ наговорилъ дерзостей.

— Да кто же этотъ доносъ-то сдѣлалъ?—спрашиваетъ меня Бусова.

— Не имѣю удовольствія знать имя этой почтенной особы,— улыбаюсь я.

Таранелька, встрѣчаясь со мной глазами, тоже улыбается.

Въ самомъ дѣлѣ, кто сдѣлалъ доносъ? Можетъ быть, мой пустоголовый пропріетеръ, подозрѣвающій меня въ похищеніи вишенъ изъ его сада, можетъ быть, совершенно неизвѣстный мнѣ блюститель уѣздной нравственности,—можетъ быть, даже мой нѣжный другъ, Анна Павловна, или учащій о міровой и человѣческой душѣхъ Ферапонтовъ.

Но, что до этого за дѣло, кто,—доносъ принять и препроводить, и я могу черезъ двадцать четыре часа катить по дорогѣ въ страну, гдѣ козамъ рога правятъ.

— Такъ неужели вы не узнали?—удивляется Бусова.—Ужъ я бы на вашемъ мѣстѣ непремѣнно узнала!... ужъ умерла бы, а узнала! И вы даже ни на кого не думаете, не догадываетесь?

— Нѣтъ, уважаемая Капитолина Ивановна,—отвѣчаю я съ улыбкой,—не догадываюсь.

— Ахъ, забудемъ объ этомъ!—восклицаетъ Анна Павловна,—Богъ дастъ все окончится благополучно. Я готова всякому своей головой поручиться, что нашъ милый Андрианъ Андреевичъ просто жертва клеветы.

— А вы какъ думаете, Анна Павловна, кто бы это могъ?—добивается Бусова.

— Не знаю, душенька, не знаю!—такъ поспѣшно заявляетъ Анна Павловна, что я съ увѣренностью говорю себѣ: она знаетъ!

— Откуда-жъ это узнать?—съ такою невинностью отзывается генеральша Болотникова, что я мысленно повторяю: и эта знаетъ!

— Господи, Господи! — тихо произносит хозяйка, — все бѣды, да бѣды!

— Вѣдь вы-то ужъ знаете, Иванъ Аввакумовичъ, — обращается Бусова къ Таранелькѣ заискивающимъ голосомъ, — отчего бы намъ не сказать?

— О, на какія вещи вы меня подвигаете! — отвѣчаетъ Таранелька съ любезною шутливостью.

— Ахъ, онъ прескритный! — начинаетъ жаловаться Анна Павловна: — онъ ничего не скажетъ, какъ ни проси! Это даже обидно, что онъ намъ такъ не довѣряетъ...

— Ахъ, Боже мой! — вдругъ вскрикиваетъ она, — ахъ, Боже мой! Что это значить?

— Что, что такое? — раздается общее восклицаніе.

— Смотрите! Смотрите! Григорій Петровичъ съ Марушкой на рукахъ!

— Что? — взрываетъ, какъ дикій быкъ, Бусова, вскакивая и чуть не опрокидывая столъ.

— Смотрите! Смотрите! — кричитъ Анна Павловна.

Хозяйка приподнимается съ кресла, какъ будто намѣреваясь что-то предпринять, но только беспомощно всплескиваетъ ручками. Таранелька проворно встаетъ и мгновенно словно молодѣетъ двадцатью годами.

— *Quel coup de théâtre!* — говоритъ генеральша Болотникова.

«О, безобразный паяцъ! О, отвратительный комедіантъ!» — мысленно восклицаю я.

Нѣсколько секундъ мы въ безмолвіи наблюдаемъ, какъ Григорій Ивановъ, сокрушая на пути левкою, резеду и жасмины, несетъ по цвѣтнику съ Марушкой на рукахъ, направляясь къ балконнымъ дверямъ въ комнату Ольги. Онъ блѣденъ, какъ полотно, и, очевидно, измученъ своею ношей; онъ тяжело дышитъ и потъ сыплется съ его лба. Обернутая въ какія-то лохмотья дѣвочка безжизненно лежитъ головой на его плечѣ и ея свѣсившаяся прозрачная, безцвѣтная ручка напоминаетъ руки миниатюрныхъ восковыхъ распятій, какія иногда встрѣчаются въ бѣдныхъ католическихъ церквяхъ.

Что-то среднее между лаемъ, ревомъ и визгомъ, вылетающее изъ груди Капитолины Ивановны Бусовой, заставляетъ его бросить взглядъ въ нашу сторону, но видъ нашъ нисколько его не останавливаетъ и не возбуждаетъ въ немъ ничего, кромѣ угрюмаго отвращенія.

Къ Бусовой, наконецъ, возвращается даръ слова.

— Чего же ты стоишь?—напускается она на мужа.—Иди, останови, гони!

Бусовъ перепуганно бидается за Григоріемъ Ивановымъ.

— Ахъ, та bonne chèге Елена Дмитріевна!—тихо говорить, качая головой, генеральша Болотникова хозяйкѣ.

— Ахъ, вы моя бѣдная!—воскликаетъ съ участливымъ собо-
лѣзнованіемъ Анна Павловна.

Таранелька пристально смотритъ на хозяйку съ ласковымъ вы-
жиданіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, уже этого я не позволю!—вдругъ вскрикива-
етъ не своимъ голоскомъ жалкая старушка.—Нѣтъ, нѣтъ!

Она, пошатываясь и спотыкаясь, тоже бѣжитъ вслѣдъ Григо-
рію Иванову; мы всё стремимся за нею.

— Не подходите ко мнѣ, слышите? Не подходите!—рычитъ,
какъ звѣрь, Григорій Ивановъ съ искажившимся отъ злобы ли-
цомъ.—Слышите, не подходите!

— Гриша, Гриша!—лепечетъ Бусовъ, не рѣшаясь ни отсту-
пить, ни приблизиться и мучительно балансируя на мѣстѣ.—Я
тебѣ приказываю, Гриша! Я—дядя! Я—опекунъ!

— Не подходите!—еще злобнѣе рычитъ Григорій Ивановъ,
окидывая всёхъ угрожающимъ взглядомъ.

Въ эту минуту къ нему подбѣгаетъ хозяйка съ крикомъ:

— Какъ вы смѣли? Какъ вы смѣли?

Больше она не въ состояніи выговорить и, вся дрожа, только
глядитъ на него.

— Что, какъ я смѣлъ?—грубо спрашиваетъ Григорій Ивановъ.

— Въ мой домъ... въ моему домъ...

— Mon Dieu! mon Dieu!—воскликаетъ Анна Павловна.

— Quelle impudence!—воскликаетъ генеральша Болотникова.

Таранелька все молодѣетъ, все болѣе и болѣе исполняется на-
кимъ-то внутреннимъ огнемъ и зорко за всѣмъ слѣдитъ.

— Что вашъ домъ? Что въ вашемъ домѣ?—спрашиваетъ Гри-
горій Ивановъ, перебѣгая глазами по всѣмъ окружающимъ его ли-
цамъ, какъ волкъ, увидавшій облаву.

— Что-жь ты? Что-жь ты?— снова накидывается изступлен-
ная Бусова на мужа, но едва тотъ дѣлаетъ шагъ къ Григорію Ива-
нову, какъ она схватываетъ его обѣими руками и откидываетъ на-
задъ, крича:

— Не приходи къ нему, не приходи! Это разбойникъ! Онъ
убьетъ! Елена Дмитріевна, вы здѣсь хозяйка! Позовите людей!

Прикажите отнять у него дѣвочку! Прикажите его выгнать! вытолкать! связать!

— Я позову людей!—дребезжить голосомъ Елены Дмитріевны.

— А, до послѣдней, значить, минуты хотите ее заѣдать!—говорить Григорій Ивановъ съ такой усмѣшкой, что всѣ быстро пятятся отъ него.—Ну, что же, ваша воля! Кто хочетъ ее взять? Подходи, бери!

Никто не двигается съ мѣста.

— Сейчасъ оставь ее!—задыхаясь, едва внятно, произносить Бусова,—Иванъ Авакумовичъ, заступитесь за меня! Что же это такое!

Таранельба просить ее успокоиться и гладить усы. Ему теперь на видъ двадцать лѣтъ.

Григорій Ивановъ быстро подходитъ къ балкону, изнеможенный садится на ступенькѣ съ своей ношей.

Я тотчасъ же узнаю большіе впалые глаза, окаймленные широкими темными кругами и бессмысленную улыбку на бѣлыхъ губахъ. О, ужасные глаза и ужасная улыбка! Они сохраняютъ свое прежнее выраженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняли и другое... то, какое бываетъ у человѣка несомнѣнно отходящаго отъ жизни, когда онъ, видимо, угасаетъ и не то сознаетъ это угасанье, не то нѣтъ, не то безпомощно его пугается, не то ему радъ, не то совершенно къ нему равнодушенъ, какъ и къ покидаемой жизни.

— Зачѣмъ вы ее сюда принесли?—спрашиваетъ дрожащая, какъ листокъ, Елена Дмитріевна.

— Зачѣмъ, что она уцѣпилась за меня и кричала, чтобы я ее куда-нибудь унесъ! Зачѣмъ, что ей тамъ, въ избеномъ углу, все мерещатся спицы и чулки и представляется, что они душатъ ее и колятъ ей глаза! Зачѣмъ, что надо же ей хоть нѣсколько часовъ, хоть передъ смертью...

Голосъ у него внезапно прерывается; лицо судорожно подергивается; онъ стискиваетъ зубы и опускаетъ глаза.

— Но зачѣмъ же было ее нести въ мой домъ?—лепечетъ Елена Дмитріевна,—зачѣмъ же въ мой домъ? Можно было позвать доктора... докторъ поможетъ!

Григорій Ивановъ не растискиваетъ зубовъ и не поднимаетъ глазъ.

— Нельзя же такъ въ домъ...—начинаетъ генеральша Болотникова, но не оганчиваетъ.

— Все это только комедія! Бѣдную большую дѣвочку схваты-

вать съ постели! Такъ только уморить можно! — шепчетъ мнѣ Анна Павловна.

— Мареуша, поѣдемъ домой! — приказываетъ, но, не взирая на свое изступленіе, мягко, Бусова.

Умирающая дѣвочка, до сихъ поръ какъ бы не сознававшая, что вокругъ происходитъ, при звукѣ хозяйскаго голоса вздрагиваетъ, какъ отъ электрическаго удара, дѣлаетъ движеніе прижаться къ Григорію Иванову, тихо стонетъ и зашмуривается.

Бусова опять обращается къ исправнику.

— Иванъ Аввакумовичъ, да заступитесь же за меня!

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, Капитолина Ивановна, — отвѣчаетъ Таранельва, пригладившій, какъ утюгомъ, усы пальцами и потирая ладони, — только не беспокойтесь...

— Ее надо домой, ее надо домой! — лепечетъ Елена Дмитріевна. — Я сейчасъ прикажу запрячь лошадей... я прикажу заложить шарабанъ.

— Да, прикажите, прикажите! — хоромъ восклицаютъ Анна Павловна и генеральша Болотникова.

— Гдѣ вы шатаетесь? — грубо кричитъ Григорій Ивановъ.

Я быстро обертываюсь и вижу подбѣгающую Ольгу.

— Вотъ она тамъ въ вонючемъ углу металась, — говоритъ онъ, вивая на дѣвочку, — и кричала, чтобъ я ее куда-нибудь унесъ. Я послушался и принесъ къ вамъ. Но вашей матери не хочется, чтобъ она хоть передъ смертью вольнѣй вздохнула, и она грозитъ мнѣ, что позоветъ людей!

— Оленька, Оленька! Ты вѣдь сама можешь это понять! — едва выговариваетъ Елена Дмитріевна. — Ей надо домой, тамъ позовутъ доктора, тамъ ей лучше!... Я прикажу заложить шарабанчикъ и ее прекрасно довезутъ... Да гдѣ же это люди? Господи!... Павелъ Павловичъ, сдѣлайте одолженіе, повличьте!

Бусовъ съ радостью кидается бѣжать.

— Поскорѣе, поскорѣе! — кричитъ ему вслѣдъ жена.

— Да, коли такъ, такъ ужъ лучше поспѣшить! — злобно смѣется Григорій Ивановъ. — Гнать, такъ гнать!

Ольга обращаетъ къ матери бѣлое, какъ мѣлъ, лицо.

— Если вы ее выгоните, — говоритъ она глухимъ, точно чужимъ голосомъ, — я сейчасъ же уйду отъ васъ! Я минуты у васъ не останусь! Если вы меня запретете, я разобью себѣ голову! Я васъ возненавижу! Я ее не дамъ! Вы ее у меня только тогда вырвете, когда меня убьете! Несите ее въ мою комнату! — вдругъ всерыва-

еть она, бросаясь къ дверямъ и распахивая ихъ настежь.—Несите, несите!

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричитъ Елена Дмитріевна, растопыривая ручки и становясь передъ Григоріемъ Ивановымъ, но онъ отстраняетъ ее, какъ тюлевый вуаль, и входитъ съ своей ношей въ Ольгину комнату.

— Оленька, помилуй, Оленька, Оленька!...

Старушка шатается и готова упасть. Ее подхватываютъ Анна Павловна и генеральша Болотникова и въ два голоса жужжать ей:

— Будьте тверды, будьте тверды!

— Еслибъ я тутъ хозяйка! Еслибъ я на вашемъ мѣстѣ!—, восклицаетъ Бусова.

— Угодно, чтобы я немедленно употребилъ ввѣренную мнѣ власть?— спрашиваетъ Таранелька съ такимъ видомъ, словно предлагаетъ букетъ цвѣтовъ.

— Ахъ, Боже ты мой, Боже!—въ безпомощномъ отчаяніи шепчетъ старушка.

— Разумѣется, разумѣется!—восклицаетъ Анна Павловна,—пора уже это прекратить.

— Да, да,—поддакиваетъ Болотникова.

На меня вдругъ находить безумный стихъ.

— Чего вы такъ отчаиваетесь, Елена Дмитріевна?—говорю я, взявъ ее похолодѣвшую ручку.—Вы должны не отчаиваться, а радоваться, что можете дать хоть нѣсколько минутъ отрады и отдыха несчастному, забитому, беззащитному, умирающему существу. Вы должны не плакаться на свою дочь, а гордиться ею! Гдѣ бѣда? Какое преступленіе сдѣлалъ Ивановъ? Заброшенная, одинокая и умирающая дѣвочка мечется въ вонючемъ углу и молить куда-нибудь ее унести. Онъ не можетъ устоять противъ этой мольбы и несетъ ее туда, гдѣ, знаетъ, ее пріютятъ... Развѣ въ этомъ есть что-нибудь безчеловѣчное или безчестное? Вы только вообразите себѣ жизнь дѣвочки, — жизнь, которая не была никогда согрѣта лаской, которая ничего, ничего ей не дала, кромѣ безустанной работы, доведшей ее до идиотизма! Я не говорю, что это дѣлалось умышленно, но часто совершаются неумышленно и незамѣтно непохвальныя вещи! Что бы вы сказали, если бы съ малолѣтства взяли вашу дочь на вязанье рѣшотчатыхъ чулокъ и шарфовъ и продержали бы на этой работѣ нѣсколько лѣтъ, и погубили бы ее здоровье, и довели бы ее до идиотизма! Ее бы не истязали, не били, но она не знала бы ни одной дѣтской игры, ни одной радости, она не знала бы, что такое ласка, что такое чья-нибудь любовь... даже что та-

кое отдыхъ... И умирала бы въ вонючемъ углу и стала бы молить, чтобы ее оттуда куда-нибудь унесли...

— Перестаньте, перестаньте!—шепчетъ старушка, мотая головой и заливаясь слезами.

— Не слушайте никого, пойдите къ вашей дочери и скажите ей, что вы не прогоните это несчастное умирающее созданіе.

Она безпрекословно за мной слѣдуетъ. У дверей я останавливаюсь и, обращаясь къ остающимся за нами отверстыми ртамъ,— только ротъ Таранельки крѣпко сжать,—прибавляю:

— Еслибъ я могъ думать, что кто-нибудь рѣшится теребить умирающую, я самъ бы сталъ защищать эту дверь! Это было бы звѣрское убійство, о которомъ я былъ бы готовъ написать доносъ!

Съ этими словами я пропуская впередъ Елену Дмитріевну и притворяю за нами дверь.

При нашемъ появленіи Ольга, стоявшая, припавъ лицомъ къ подушкѣ, на колѣняхъ у своей кровати, на которой уже лежала Мареуша, и Григорій Ивановъ, забившійся въ уголъ, какъ раненый звѣрь въ чашу, поднимають головы. Ольга быстро встаетъ, дѣлаетъ шагъ къ матери и рѣзко спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вы пришли? Если вы пришли...

— Оленька, Оленька!—шепчетъ старушка, подходя къ ней и съ робкой лаской притрогиваясь къ ея плечу своими дрожащими пальчиками,—я тебѣ не мѣшаю. Пусть ее остается... Мы вотъ за докторомъ пошлемъ и ее полѣчимъ... А ты такъ не огорчайся...

— Мама, моя милая, хорошая, дорогая мама!—вскрикиваетъ Ольга, съ рыданиями схватывая и прижимая къ себѣ мать. — Моя милая, милая мама!

Я выскальзываю въ боковую дверь, и добравшись до диванной, присѣдаю на отоманкѣ, уткнувъ голову въ подушки...

XV.

Горькое мое дѣло, воронье: отъ воронъ отстала, къ павамъ не пристала,—кружусь, да доблю носомъ на перепутья.

(Сказка о неудачливой воронѣ).

Рѣдко бывалъ я въ настроеніи, болѣе невыносимомъ, чѣмъ въ утро, слѣдовавшее за вышеизложеннымъ. Только-что успѣлъ я открыть глаза послѣ тяжелаго, безпокойнаго, не освѣжившаго меня сна, какъ на меня точно вдругъ навалили цѣлую гору свинца. Мысли, одна другой безотраднѣе, опасенья одно другого мрачнѣе, начали одолѣвать.

Бъ чему я выскочилъ вчера съ этимъ спичемъ?—Положимъ, я имѣлъ основаніе, но вѣдь старушка Чудова и безъ моего спича непремѣнно бы сдалась... И мнѣ лучше бы поудержаться! Неужто я никогда не научусь владѣть хоть своимъ языкомъ? Въ такомъ случаѣ мнѣ надо сидѣть взаперти... О, Создатель! отчего я не могу погрузиться въ какую-нибудь науку, — въ геологію, напримѣръ... Какъ бы спокойно! А между тѣмъ и польза человечеству... Или всецѣло предаться мечтѣ объ изслѣдованіи какой-нибудь неизвѣстной губы или необитаемаго островка. Не бѣжать ли мнѣ въ Крымъ, гдѣ побезлюднѣе, поселиться у моря и начать вести созерцательную жизнь? Тамъ я, быть можетъ, даже что-нибудь придумаю такое, за что меня поблагодарятъ другіе, а здѣсь, въ круговоротѣ непримиримыхъ столкновеній, я только путаюсь, страдаю и глуплю...

— Андрианъ Андреевичъ, а Андрианъ Андреевичъ,—обращается ко мнѣ Авдотья Степановна, уже нѣсколько минутъ снующая по комнатѣ.

— Что такое?—спрашиваю я.

— Выѣзжать, что-ль, отсюда будете?

— А что?

— Да вотъ Митродора Сергѣевна нынче говорила, что вамъ, говорила, велѣно отсюда уѣзжать, потому васъ, говорила, будутъ судить... Ужъ она нынче и на ледникъ меня не пустила молоко поставить. Вы, говорить, лучше приготовляйтесь къ суду-то... Такой вамъ судъ будетъ, что...

— Митродора Сергѣевна—дура!—прерываю я.

— Дура, нѣтъ ли, а все-таки благороднымъ то нельзя, чтобы про нихъ такое славили!—съ упрекомъ замѣчаетъ Авдотья Степановна.

— Вамъ чего отъ меня надо, Авдотья Степановна?—спрашиваю я, мгновенно обозлившись.—Я васъ обидѣлъ или обманулъ?

— Да нѣтъ, нѣтъ... Я ничего... Я довольна... —смущаясь говорить Авдотья Степановна,—а вотъ только нехорошо, что такое славятъ.

— Что же мнѣ прикажете дѣлать, если бы на васъ вдругъ выдумали, что вы церковь обокрали и стали бы славить объ этомъ, а?

— Господи сохрани и помилуй!—крестится уже совсѣмъ смущенная Авдотья Степановна.—И что это вы, батюшка, такъ ужъ очень беспокоитесь? Ну, наплевать на нихъ, да и только! Не подать ли вамъ кофе-то? Ужъ давно готовъ...

Она идетъ за кофе, но послѣшнѣ возвращаетъ и тревожнымъ шепотомъ докладываетъ:

— Исправникъ!.. Непремѣнно, говорить, желаю сейчасъ видѣть.

— Просите,—отвѣчаю я.

Является улыбающійся, шаркающій Таранелька.

— Извините, что такъ рано побезпокоилъ.

— О, это ничего... Прощу садиться...

— Я по дѣлу...

— А!...

Передъ моимъ умственнымъ взоромъ разстилается дорога въ страну, гдѣ козамъ рога правятъ.

— Вы, если не ошибаюсь, вчерашній день выразили желаніе представиться его превосходительству, начальнику губерніи?..

— Да,—отвѣчаю я, чувствуя, что у меня по спинѣ пробѣгаютъ мурашки,—да... но такъ какъ въ настоящее время супруга его не такъ здорова... и при томъ такое радостное событіе въ семействѣ...

— О, его превосходительство ни въ какихъ случаяхъ жизни не имѣетъ обыкновенія negliжировать дѣлами вѣренной ему губерніи,—успокоительно говоритъ Таранелька.—Я сегодня получилъ эстафету...

— Тѣмъ лучше,—прерываю я,—я отправлюсь сегодня же... если успѣю... Надѣюсь, что я успѣю...

— Безъ всякаго сомнѣнія! При благодѣтельномъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ сообщеніе нисколько не затруднительно... Отъ насъ поѣздъ отходитъ въ шесть часовъ и двадцать минутъ, а теперь (онъ вынимаетъ часы и смотритъ) только десять...

— Такъ я непремѣнно съ шестичасовымъ...

— Съ вечернимъ?... Это самый удобный поѣздъ. Есть еще шестичасовой утренній, но на немъ ѣздитъ больше чернь... А теперь позвольте мнѣ пожелать вамъ всего наилучшаго! Прощу вѣрить, что я сохранию наипрїятнѣйшее воспоминаніе о нашемъ знакомствѣ...

И, послѣ многократныхъ расшаркиваній и улыбокъ, онъ удаляется.

Я опускаюсь въ кресло и потираю себѣ лобъ.

О ты, попадавшійся нечаянно въ западню и испытавшій скверную увѣренность, что невинность твоя въ этомъ случаѣ ни къ чему тебѣ не послужитъ, и что все зависить единственно отъ наврывшей тебя руки, ты меня поймешь!

Вдругъ меня, какъ солнце, озаряетъ и оживляетъ воспоминаніе

о встрѣчѣ передъ отъѣздомъ въ N-скій уѣздъ съ нѣкою Поликсеной Николаевной фонъ-Брумъ, которая взяла съ меня слово побывать у ея кузена, Никиты Николаевича, угорить его отъ ея имени за лѣдность въ перепискѣ съ ней и написать ей, какъ я съ нимъ сойдуся.

— Я предупрежду его, что отъ меня явится посолъ, — говорила Поликсена Николаевна, и васъ примуть à bras ouverts.

Но мало ли что можетъ наобъщать праздная, болтливая женщина, когда природа одарила ее физиономіей, при видѣ которой лають собаки, отпрядываютъ лошади и, какъ отъ огня, бѣжитъ всякое лицо мужского пола, не связанное брачными узами!

Однако хорошо и то, что я могу упомянуть ея имя, — это нѣкоторымъ образомъ все-таки, если не сблизить меня съ Никитой Николаевичемъ, то хотя нѣсколько подниметъ меня въ его глазахъ, хотя нѣсколько растопитъ ледъ встрѣчи...

Я призываю Авдотью Степановну и объявляю ей, что уѣзжаю въ губернскій городъ.

— Вы тоже не долго тутъ останетесь, — присовокупляю я. — Я автра же увѣдомлю васъ, когда и куда выѣзжать... А вы пока все уложите. За дачу заплачено и мы имѣемъ право занимать ее еще два мѣсяца, въ случаѣ какихъ-нибудь придиорокъ, вы такъ и сважите...

— Слушаю, батюшка... А что же, вѣдь онъ, кажись, ничего?

— Бто онъ?

— Да исправникъ-то! Никакого гнѣву не показаль, весело такъ шаркаль и улыбался?

— Разуѣтса, ничего...

— Ну, и слава Богу! Только бы Господь сохранилъ, а то и лучше здѣшнихъ мѣстовъ найдемъ! Что тутъ за мѣста такія, что за невидальщина! Здѣшніе люди-то совсѣмъ изувѣрскіе! Среди зимы льду не выпросишь! Уговоръ вѣдь былъ, чтобы вволю дровъ давать, а эта скарета Митродорка такъ надъ важнымъ полѣнцомъ трясется... Ужъ вы и собираетесь, батюшка?

— Да, пойду проститься, Авдотья Степановна, съ добрыми людьми...

— Это, къ Болесихѣ, къ Аннѣ Павловнѣ?

— Нѣтъ.

— И не ходи къ ней, батюшка! Она вонъ грозитса, что придешь, такъ собаками велитъ травить... Онѣ всѣ трое, всѣ три сестры, нынче чѣмъ свѣтъ къ нашему хозяину прибѣгали, и ужъ тутъ прядали, прядали — все тебя честили! Плюнь на нихъ! Я такъ и сказала Митродоркѣ: ему на нихъ наплевать!

— И сказали правду, милая Авдотья Степановна,—отвѣчаю я, отправляясь въ Чудовку.

Съ самаго начала пути я начинаю разсуждать, что визитъ этотъ лучше бы не дѣлать,—чего я еще хочу, чего еще мнѣ надо?—но разсужденія только заставляютъ меня ускорить шагъ и вотъ я въ Чудовскомъ цвѣтницѣ, гдѣ встрѣчаю Елену Дмитріевну, печально срѣзающую ножницами цвѣты для букета.

— Ахъ, Андріанъ Андреевичъ!—говорить,—вотъ спасибо, что пришли! А у насъ напасть за напастью! Сегодня получаю отъ Анны Павловны письмо, что она преграждаетъ со мной знакомство, что я допустила выгнать ее изъ моего дома, а вслѣдъ за письмомъ отъ Анны Павловны приносятъ письмо отъ Серафимы Павловны, а потомъ отъ Бусовой—всѣ оскорблены, всѣ отъ меня отрекаются!

— Этому я на вашемъ мѣстѣ только бы порадовался,—отвѣчаю я.

— А ужъ какое горе съ этой бѣдной Мареушей! Сердце рывается на нее глядя! Цѣлую ночь на-пролетъ все металась, да бредила! И это правда, что все ей представляются спицы да чулки, будто они ее душатъ и болятъ... И такъ жалобно начнетъ кричать и плакать, что не знаешь, куда дѣваться... Сегодня утромъ увидала на столѣ бѣлье, и померещись ей, что это чулки, задрожала вся:—унесите! унесите! спрячьте меня! Насилу мы ее уняли... А увидала цвѣты въ вазѣ, такъ и вздрогнула... протянула къ нимъ руки:—дайте, дайте! Оленька дала ей, а она такъ вдругъ засмѣялась, что перепугала меня,—такъ, знаете, радостно... такъ эти цвѣты и до сихъ поръ лежатъ около нея... А теперь Оленька проситъ еще цвѣтовъ, говоритъ: мама, подите вы погулять и кстати цвѣтовъ принесите... Оленька-то совсѣмъ измучилась: не спать не ѣсть, того и гляди, захвораетъ...

— А что Григорій Петровичъ? Я надѣюсь, онъ не имѣлъ никакихъ непріятностей отъ тетки?

— Да онъ все время у насъ былъ, и ночевалъ у насъ, только вотъ незадолго до вашего прихода ушелъ. Знаете, Андріанъ Андреевичъ, онъ точно добрый мальчикъ,—сердечный такой! Цѣлую ночь онъ съ нами за Мареушей ухаживалъ, только ужъ на зарѣ, когда она забылась, мы его услали спать,—и то насилу уговорили! И такъ у него, у бѣдняжки, все по-сиротски! Моя Прасковья, говорить, видѣла, какъ онъ обувался и носочковъ нѣтъ! А бѣлье худенькое-прехуденькое... Горькая доля сиротская! А онъ этимъ и не печалится: я, говорить, еще богачъ...

— А я пришелъ съ вами проститься, Елена Дмитріевна.

— Буда же вы, Андрианъ Андреевичъ? Ахъ, Боже мой, и посо-
вѣтоваться не съ кѣмъ будетъ!

— Я ѣду къ губернатору.

И вератцѣ передалъ ей посѣщеніе исправника.

— Ахъ, Господи, — вздыхаетъ она, — пошли теперъ еще эти до-
носы! Чуетъ мое сердце, что и насъ припутаютъ!

— Какимъ же образомъ могутъ васъ припутать? Это невѣ-
роятно, — успокоиваю я.

— Ахъ, Андрианъ Андреевичъ, вѣдь я еще не все вамъ ска-
зала! Вѣдь у Оленьки есть женихъ! Ужъ рѣшено... и Богъ съ ней,
я не хочу, чтобъ она на меня пеняла, не мѣшаю...

— Григорій Петровичъ? — спрашиваю я, овладѣвъ собою.

— Какое Григорій Петровичъ, это мы только ошибались!

— Но кто же? — почти вскрикиваю я.

— Будрявцевъ!

— Какой Будрявцевъ?

— Товарищъ Григорія Петровича. Вы вотъ удивляетесь, а ужъ
я-то какъ удивилась, просто языкъ отнялся!

— Гдѣ же Ольга Алексѣвна съ нимъ познакомилась, когда?

— Да онъ позпрошлымъ лѣтомъ прїѣзжалъ на лѣтнюю кон-
дицію къ Краснопѣвцевымъ, тутъ они и познакомились. Теперъ-то
я ужъ вспоминаю, какъ мнѣ еще тогда Анна Павловна все намекала,
что Оленька интересуется Краснопѣвцевскимъ учителемъ, и Сера-
фима Павловна тоже, только я ничего не замѣчала и думала, просто
это онѣ любятъ всякаго шпигать. А потомъ онъ уѣхалъ и все это
забылось. А теперъ Оленька призналась, что они еще тогда дали
слово другъ другу и съ тѣхъ поръ въ перепискѣ. А мнѣ и въ голову
ничего такого не приходило. Ну, и Григорій Петровичъ былъ ихъ
повѣреннымъ и нынѣшнимъ лѣтомъ они порѣшили, что уже мнѣ
скажутъ. Оленька все не рѣшалась, боялась меня огорчить и хо-
тѣла исподволь приготовить. Поэтому-то она такъ и испугалась до-
носа, что вотъ начать всего доискиваться и откроютъ, что Бу-
дрявцевъ прячется у Григорія Петровича и меня это поразитъ...
Мнѣ жаль было тебя огорчать, мама, говоритъ...

— Такъ Будрявцевъ здѣсь, вы его уже видѣли?

— Видѣла, — отвѣчаетъ она со вздохомъ. — Онъ теперъ съ
Оленькой обоголо Марѳуши. Онъ со вчерашняго вечера уже у насъ.
Какъ Оленька мнѣ во всемъ призналась, такъ Григорій Петровичъ
и привелъ его... Онъ ничего, прїятный, — прибавляетъ она съ но-
вымъ вздохомъ, — только неразговорчивый и такой блѣдный, точно

болѣзненный... Оленька говоритъ, что это будто отъ того, что много работаетъ...

— Онъ давно уже пріѣхалъ?

— Всего другой день. Онъ было написалъ Оленькѣ, что не пріѣдетъ въ этомъ мѣсяцѣ, а потомъ вдругъ пріѣхалъ неожиданно... Ахъ, Андрианъ Андреевичъ, болитъ, болитъ моя душа, какъ подумаю я объ этой свадьбѣ!

— А свадьба скоро?

— Да не знаю еще. Они не спѣшатъ... думаютъ отложить... И на дальній срокъ, года на два... Мало они похожи на жениха съ невѣстой... Разговоры такихъ, знаете, влюбленныхъ, не слышно. Уголковъ, чтобъ наединѣ побыть, не ищутъ... Разговоры у нихъ все больше про разную бѣдность... про какія-то его работы... Батъ-то веселья мало... Все помнятъ про всякія бѣды и напасти... чужія... Меня утѣшаетъ, что не слѣзаться вѣнчаться... Можетъ, еще и передумаютъ, а?

— Очень можетъ быть...

— Правда, правда, — оживляется она и, приближая ко мнѣ свое, замѣтно похудѣвшее и поблѣднѣвшее со вчерашняго дня личико, конфиденціально шепчетъ:—я такъ почти поручиться готова, что передумаютъ!

Выразивъ надежду, что все устроится по ея желанію и прекрасно, я говорю, что мнѣ пора, и что я желалъ бы проститься съ Ольгой Алексѣевной.

— Пойдемте, пойдемте! Оленька будетъ вамъ рада! Она васъ очень любитъ, еще сегодня говорила, какой хорошій вы человѣкъ... Вы, Андрианъ Андреевичъ, другъ мой, посмотрите на него хорошенько и скажите мнѣ, какъ онъ вамъ покажется,—потихоньку прибавляетъ она, приостанавливаясь у дверей,—и ужъ вы по правдѣ мнѣ скажите, не утаивайте отъ меня ничего... Ужъ какъ онъ вамъ покажется, такъ мнѣ и скажите...

Вдругъ дверь открывается изнутри, и мы сталкиваемся съ Ольгой.

— Умерла!—говоритъ Ольга.

— Ну, что же дѣлать, Оленька!—кое-какъ оправившись, начинается утѣшать Елена Дмитріевна.—Можетъ, ей лучше, что Господь ее прибралъ... Да, можетъ, онять, какъ ночью, только обморозитъ?... Я вотъ ей виски спиртомъ помочу... Только ты, Оленька, не ходи за мной, побудь въ цвѣтницѣ, хоть дохни свѣжимъ воздухомъ! Вотъ Андрианъ Андреевичъ пришелъ съ тобой проститься!...

Ольга крѣпко сжимаетъ мою руку и тихо говоритъ, какъ будто про себя:

— Какая это страшная вещь — смерть! Холодѣть, холодѣть, уходить отъ воздуха, отъ свѣта...

Она вдругъ задрожала, зашаталась и истерически зарыдала.

— Оленька, Оленька! Охъ, что съ ней? — закричала Елена Дмитриевна. — Поддержите! Поддержите! Она падаетъ! Ахъ, она умираетъ!

— Не беспокойтесь, это просто нервный припадокъ, — раздается незнакомый мнѣ голосъ, и рядомъ со мною надъ Ольгой наклоняется смуглое блѣдное лицо.

Я ловлю выраженіе этого лица, впиваюсь глазами въ каждую его черту, но никакъ не могу получить опредѣленнаго впечатлѣнія.

— Ахъ, Николай Гавриловичъ, ужъ вы прямо скажите мнѣ, что съ ней! — молить со слезами Елена Дмитриевна.

— Нервный припадокъ, — отвѣчаетъ Николай Гавриловичъ, скользнувъ по мнѣ своими черными, безъ блеска, глазами, и слегка мнѣ поклонившись, — нисколько не опасный. Въ этомъ случаѣ необходимо только спокойствіе.

— Не принести ли гофманскихъ капель?

— Пожалуй, — отвѣчаетъ онъ.

Старушка спѣшитъ за каплями, я кидаю послѣдній взглядъ на Ольгу, раскланиваюсь съ Николаемъ Гавриловичемъ, получаю отвѣтный поклонъ, догоняю Елену Дмитриевну и прощаюсь.

— Ну, что? Ну, что, какъ онъ вамъ показался? — шепчетъ она, — всю мнѣ правду, всю правду скажите!

— Я его такъ мало видѣлъ, — отвѣчаю я.

— Ахъ, Боже мой, я и забыла васъ представить другъ другу! Ахъ, надо васъ познакомить!

— Бѣ сожалѣнію, я не имѣю времени...

— Ужъ я вижу, что онъ вамъ не понравился!

— Напротивъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ я вижу!

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь... Но васъ ждуть съ гофманскими каплями...

— Ахъ, да, да! Прощайте, другъ мой! Я предаю все волю Божіей! А можетъ быть, за два-то года Оленька и передумаетъ!

Около шести часовъ вечера я подъѣзжаю къ уѣздному дебаркадеру и первая знакомая фізіономія, — которую я вижу въ глубинѣ пролета, — фізіономія исправника Таранельки. Съ нимъ стоитъ Геннадій Ферапонтовъ, но при моемъ приближеніи другъ покойныхъ Грановскаго и Бѣлинскаго ступшевывается. Я, впрочемъ, только

тогда понимаю смыслъ этой ступовки, когда трое другихъ помѣщиковъ, обыкновенно при каждой встрѣчѣ заговаривавшихъ меня до полусмерти, тоже вдругъ словно съвозъ землю передо мной проваливаются, и когда до меня долетаютъ недовольныя слова какого-то разглядывающаго меня отставного ротмистра: «что-жъ, говорили, — повезуть съ конвоемъ и со всѣми помпами, а онъ самъ себя ѣдетъ, все равно, какъ на ярмарку!»

Таранелька встрѣчаетъ меня комплиментами.

— Какая примѣрная аккуратность! — улыбается онъ. — Аккуратность — это другъ успѣха и даже здоровья... Я чрезвычайно почитаю аккуратныхъ людей...

Онъ провожаетъ меня до вагона, когда кондукторъ захлопываетъ за мной дверцы, потираетъ ладони, еще разъ желаетъ мнѣ всѣхъ благъ и удаляется на другой конецъ платформы, откуда онъ, развлекаясь встрѣчами, можетъ наблюдать мое окно.

При второмъ звонкѣ къ вагонному огню видается, точно сорвавшийся съ цѣпи, Кирилль Звѣревъ и мгновенно заражаетъ воздухъ спиртнымъ запахомъ.

— Куда это вы? — оретъ онъ, цѣпляясь руками за оконный бортъ и моргая воспаленными глазами. — Ферапонтовъ увѣряетъ, что васъ требуетъ губернаторъ и не миновать вамъ кунштива! Вздоръ! Мы васъ не выдадимъ! Мы сдѣлаемъ вамъ овацію, обѣдъ въ честь вашу! Завтра будутъ свѣжія стерляди! Что намъ губернаторъ? Вздоръ! Пусть беретъ такихъ, какъ Григорій Отрепьевъ...

— Ивановъ, хотите вы сказать?

— Ну, все равно Ивановъ, я его Отрепьевымъ называю! Этого хорошо, что приструнили! А васъ не выдадимъ!

— Скажите, пожалуйста, вамъ что же извѣстно объ Ивановѣ? — спрашиваю я.

И странное чувство испытываю я при имени этого упраздненнаго теперь изъ жизни Ольги пугала; это какъ будто нѣчто вродѣ чувства бѣдняка, роптавшаго на горькія лишенія и вдругъ окончательно обнищавшаго и со вздохомъ думающаго: нѣтъ, тогда еще было хорошо, тогда еще хоть что-нибудь да было у меня.

— Все знаю! — отвѣчаетъ Кирилль Звѣревъ. — Его ужъ — тютю! Еще вчера, въ пятомъ часу утра, схватили прямо съ постели и умчали!

— Помилуйте, Кирилль Павловичъ, я его видѣлъ вчера въ восемь часовъ вечера.

— Говорю вамъ: умчали!

И вытягивая губы, приче́мъ я чуть не чихаю, какъ передъ откупореннымъ въ упоръ виннымъ боченкомъ, онъ шепчетъ:

— Къ плетямъ приговоренъ и потомъ на Кавказъ, въ первую вылазку противъ Шамиля!

— Помилуйте, какой теперь Шамиль!—начинаю я, но, спохватившись, умолкаю.

— А васъ мы не выдадимъ!—съ тѣмъ же азартомъ продолжаетъ Кирилль Звѣревъ.—Что намъ губернаторъ? Вздоръ! Онъ извѣстный крѣпостникъ! Когда настало освобожденіе крестьянъ, онъ такія строилъ козни, что я его прямо уличилъ! Не подаль ему руки на обѣдъ. Я призвалъ своихъ мужичковъ и сказалъ имъ: братцы, я больше васъ радъ вашему освобожденію изъ-подъ ига! Выставилъ имъ пятнадцать ведеръ водки и сдобныхъ лепешекъ.

Раздается третій звонокъ.

— Господа, не угодно ли отходить!—провозглашаетъ кондукторъ.—Господа, запрещено послѣ третьяго звонка оставаться у вагоновъ!

— А гдѣ же Сысой Матвѣевичъ?—вдругъ спохватывается Кирилль Звѣревъ.—Вѣдь я ему поручаю стерлядей привезти! Гдѣ же онъ?

— Вонъ въ томъ вагонѣ,—указываю я на самый дальній вагонъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія, кто таковъ и гдѣ находится этотъ Сысой Матвѣевичъ.

Кирилль Звѣревъ зигзагами бѣжитъ къ указанному вагону, но въ это время поѣздъ двигается, и я вижу, какъ какой-то дюжій мужчина беретъ его въ охапку и откидываетъ отъ рельсовъ.

Я радуюсь, что мнѣ посчастливилось сидѣть одному въ вагонѣ, и собираюсь на свободѣ обдумать предстоящее свиданіе съ Никитой Николаевичемъ и, какъ слѣдуетъ, къ нему приготовиться. Но это мнѣ не удастся. Все время переѣзда передо мной мелькаетъ смуглое, блѣдное лицо съ черными безъ блеска глазами—лицо, явившееся такъ негаданно на мѣсто того, на которое былъ обращенъ весь запасъ моихъ враждебныхъ чувствъ, и такъ негаданно оказавшееся виновникомъ моего окончательнаго обнищанія.

Это лицо продолжаетъ поглощать меня и тогда, когда я подхожу къ лвамъ, украшающимъ подъѣздъ начальника губерніи, даже когда я, прослѣдовавъ за лакеемъ-нѣмцемъ, вхожу въ губернаторскую пріемную. Только при появленіи самого Никиты Николаевича, поражающаго обнаженнѣйшимъ черепомъ и нахмуреннѣйшими бровями, я стряхиваю всѣ праздныя мысли и спѣшу занять позицію.

— Я давно желалъ представиться вашему превосходительству, — дроблю я безъ запинки — тѣмъ болѣе, что имѣю порученіе отъ Поликсены Николаевны фонъ-Брумъ...

— Отъ Поликсены? — недовѣрчиво спрашиваетъ его превосходительство.

— Да-съ, — отвѣчаю я, сдѣлавъ поклонъ и шаркнувъ. — Я имѣлъ удовольствіе часто встрѣчать Поликсену Николаевну у своихъ хорошихъ знакомыхъ.

— У кого?

— У Переметовыхъ, у Тирвальдъ...

— А, прекрасные люди! Я теперь припоминаю, что Поликсена даже мнѣ писала... Да, писала... Но прежде объясните мнѣ, пожалуйста, что это тамъ у васъ за исторія... Un malentendu...

Голосъ его все еще внушительнъ, но я чувствую, что ужъ имѣю лазейку въ его сердце и, дѣйствуя осмотрительно, могу начать созерцательную жизнь на южномъ берегу Крыма, или отправиться изслѣдовать мало извѣстную губу на сѣверѣ, что мнѣ будетъ угодно.

З а к л ю ч е н і е.

Я не ошибся. «Un malentendu» закончилось прекраснымъ обѣдомъ у Никиты Николаевича, на которомъ я долженъ былъ рассказывать о Поликсенѣ, о Тирвальдъ и о Переметовыхъ... За обѣдомъ Никита Николаевичъ припомнилъ одинъ остроумный анекдотъ, причѣмъ брови его, обыкновенно наводящія трепеть на просителей и подчиненныхъ, важно моргали... Я заканчиваю свой дневникъ подъ окномъ, осѣненнымъ благоухающими бѣлыми акаціями, откуда открывается великолѣпный видъ на прелестнѣйшую долину... Но я завезъ сюда какой-то, если можно такъ выразиться, сѣверный вкусъ, котораго не могутъ поправить ни крымскіе персики, ни перечитываемые мною очаровательные «Крымскіе сонеты» Мицкевича и Пушкина, ни ласковая природа...

Подумываю въ Америку. Только тайный голосъ шепчетъ мнѣ, что этотъ сѣверный вкусъ поплыветъ со мной и за моря...

Марко Вовчокъ.

Женщина Пушкину.

О, Пушкинъ, другъ, учитель и отрада,
Какъ сладостно порой припоминать,
Что въ дѣтствѣ мнѣ одна была награда—
Стихи твои, чуть стала я читать:
Ученый котъ подъ дубомъ лукоморья
И бѣлка съ нимъ, грызущая орѣхъ,
Царевна въ гробѣ, витязи на взморьѣ,
Своей красой чарующіе всѣхъ...
Живой струею въ душу молодую
Лилася рѣчь твоя; едва дыша,
Впивала я поэзію родную,
Ей проникалась чуткая душа.
Но время шло, дни дѣтства улетѣли,
Исчезнулъ міръ неясныхъ первыхъ грѣзъ;
Иныя чувства въ сердцѣ закипѣли,
Пришла пора и радостей, и слезъ.
А онъ? Конечно, свѣтлымъ ореоломъ,
Базалось, былъ какимъ-то окруженъ.
«Люби меня», молилъ меня онъ взоромъ,
«Люби меня», затѣмъ промолвилъ онъ;
«Я дамъ тебѣ блаженство неземное»...
Но я въ сомнѣнья думала теперь:
Въ немъ правды нѣтъ, въ немъ чувство напускное,
Онѣгинъ—онъ, Онѣгину не вѣрь!
И эти дни прошли, какъ сновидѣнье,
Я—съ тѣмъ, кто мнѣ опорой въ жизни сталъ;
Любилъ и онъ, какъ я, твои творенья
И часто мнѣ подолгу ихъ читалъ;
Когда порой, въ ночь зимнюю глухую,

Сидѣли мы вдвоемъ у огонька,
Съ тобой сносили легче долю злую,
Неволя намъ не такъ была горька.
Намъ снился и «народъ освобожденный»,
Въ трудѣ святомъ среди родныхъ полянъ,
И «битвы гласъ», и недругъ усмиренный,
И вольный смѣхъ кочующихъ цыганъ.
И вотъ теперь, когда закатомъ яснымъ
Меня балуетъ мачиха-судьба,
Опять стремлюсь къ твоимъ стихамъ прекраснымъ,
Опять твоя я вѣрная раба.
Зову я внучку (ангельская душка,
Господь мою въ ней воплотилъ мечту!):
Игрушки брось! Бѣги ко мнѣ, Милушка,—
Бѣги, я сказку Пушкина прочту!

М. Т. Ярошевская.

Л Е Р И).

Повѣсть.

VI.

Небо все искрилось звѣздами; морозъ крѣпчалъ. Прозябшая лошаденка бойко везла санки, а извозчикъ только передергивалъ вожжами, трясъ головой, потому что огромная шапка лѣзла ему на глаза. Полозья слегка поскрипывали по уѣзжанному снѣгу. Лери уткнула лицо въ муфту и сидѣла молча, не переставая думать о своихъ подругахъ и ихъ несчастной любви къ одному. Полковникъ тоже молчалъ, поддерживая одною рукой Лери, другою — многочисленныхъ покушки. Наконецъ, онъ искоса взглянулъ на нее.

— Это ваши подруги?—спросилъ онъ, ближе придвигая ее къ себѣ.—Хорошо вы сидите, Лери?

— Очень хорошо, благодарю васъ...—отвѣтила Лери, занятая совсѣмъ другими мыслями.—Вы спросили?... Да, это мои подруги и самыя лучшія, самыя умныя, особенно Ката. Вы, конечно, замѣтили ея умъ?

Она твердо рѣшилась помочь подругамъ, и той, и другой, по очереди. Пусть онъ самъ выбираетъ, кого хочетъ, а она никого не обидитъ.

— Ничего я не замѣтилъ,—хмуро отозвался полковникъ.—Я вотъ что замѣтилъ: что вы вели себя сегодня какъ маленькая, и что васъ слѣдовало бы водить за руку. Ну, можно ли лѣзть въ самую давку?

— Вѣдь ничего со мной не случилось?—сказала Лери.—Стало быть, и вспоминать нечего. Да смотрите, не вздумайте пожаловаться татап... Ну, о чемъ же вы говорили съ Катой?

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1899 г.

Онъ отвѣтилъ полунасмѣшливо:

— О, мы вели замѣчательный разговоръ. Сперва о театрахъ, затѣмъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, наконецъ, о смѣшныхъ бантикахъ какой-то кокетки...

— Ахъ, нѣтъ, это вы спутали,—перебила Лери.—Это вѣрно Зина говорила о бантикахъ... Ката говорить только о самыхъ умныхъ вещахъ.

— Да развѣ я не съ одной шель? — удивился онъ, смѣясь.— Онѣ, значить, близнецы: ужасно похожи между собой.

— Ничего не близнецы,—обидѣлась Лери.—Смѣйтесь, смѣйтесь... а если бы вы знали, о чемъ мы говорили сперва съ Катой, потомъ съ Зиной, вы бы проклинали себя.

— Съ какой стати я буду себя проглинать?—совсѣмъ расхотался Асмолинъ.—Почему вы такъ думаете, Лери?

— Такъ...—уклончиво отвѣтила она. Она снова спрятала носикъ въ муфту и принялась думать объ Асмолинѣ. Онъ надъ ними смѣется, а онѣ-то, несчастныя, павѣрное, будутъ страдать и мечтать всю ночь; во снѣ его увидятъ. И что онѣ въ немъ нашли! Неужели онъ ужъ такой красавецъ?

И она стала смотрѣть на него, внимательно и серьезно. Конечно, онъ красивый мужчина, но ничего необыкновеннаго нѣтъ, какъ и всѣ. Володя ничуть не хуже. Впрочемъ, у полковника глаза лучше: большіе, темно-сѣрые и милые. А иногда, можетъ быть, эти глаза бываютъ и сердитыми, и злыми, иногда и грустными. Носъ тоже красивый, прямой, усы темные, пушистые... Нѣтъ, онъ очень красивъ, замѣчательно красивъ, въ него нельзя не влюбиться. И Лери вдругъ невольно вздохнула.

— Что вы, меня жалѣете?—спросилъ Сергѣй Николаевичъ.—Смотрите въ лицо и вздыхаете.

Она не отвѣчала. Она думала теперь, что Таровскія были бы очень счастливы, очутившись теперь на ея мѣстѣ. Еще бы! рядомъ съ нимъ, и онъ даже слегка обнялъ ее, наединѣ, луна такая ясная... А когда любить, такъ же обнимаютъ? Навѣрное, крѣпче... Кого-то онъ полюбитъ: Зину или Катю?

«А почему не меня?—вдругъ спросила себя Лери, и ей стало жалко себя.—Когда же она-то доживетъ до любви? Вѣдь Зина и Ката тысячу разъ влюблялись и въ учителей и еще въ разныхъ, а у ней появился единственный «настоящій», и того ужъ онѣ отнимаютъ. Такого красавца? Ей бы самой отлично можно бы было полюбить его, онъ ей тоже съ первой встрѣчи понравился. Да, да, даже и пріятно влюбиться въ такого.—Лери опять вздохнула.—

Теперь уже поздно: двѣ влюблены уже, и обѣ—ея подруги; притомъ же одна беретъ кокетствомъ, а другая—умомъ. А она, Лери, чѣмъ возьметъ? Положимъ, она хорошенькая, но вѣдь этого мало. Она до того глупа, что проглядѣла такого красавца, а вотъ онѣ, опытныя, сразу знаютъ въ кого влюбиться. Счастливыя! какого себѣ выбрали, другого такого и не найдешь... — и Лери вздохнула въ третій разъ, ей стало совсѣмъ грустно.

Асмолинъ наклонился къ ней.

— Бѣдненькая! вѣрно вы очень устали, — замѣтилъ онъ. — Ну, ничего, сейчасъ дойдемъ, отдохнете. Можетъ быть, у васъ и голова болитъ?

— Нѣтъ, — сказала Лери и спросила съ внезапною рѣшимостью:—Ну, скажите же, кто вамъ больше нравится, Зина или Бата?

«А вдругъ скажетъ, что я»... — думала она, и сердце ея замерло при этой мысли.

Полковникъ поглядѣлъ въ ея лицо, опечаленное, блѣдное подъ луннымъ свѣтомъ. Ему пришло въ голову, что дѣвочка могла обидѣться за своихъ подругъ, и онъ поспѣшилъ поправить дѣло.

— Миѣ обѣ онѣ очень понравились, — сказалъ онъ. — Особенно та... какъ ее? Бата. Очень милая барышня...

— Бата?—переспросила Лери, соображая, насколько она хуже Баты, и совсѣмъ теряя надежду.

— Ну, да, — подтвердилъ полковникъ. — Бата, которая рассказывала про бантики и про кокетку...

— Ахъ, такъ это Зина! — поправила Лери, совсѣмъ уныло. — Пожалуйста, не путайте: если бантики—то Зина. Бата—умная.

— Хорошо, я буду помнить, — сказалъ онъ. — Но вы, вѣрно, простудились, Лери, да? Нехорошо вамъ?...

— Нѣтъ, ничего, — сказала Лери, стараясь улыбнуться. — Вотъ наши ворота, велите ему остановиться.

Она быстро пошла къ подъѣзду, спотыкаясь въ снѣгу, пока онъ расплачивался съ извозчикомъ и бралъ вещи. Она чувствовала себя глубоко несчастной и въ то же время была довольна, что наконецъ дожидая до настоящей любви. Ей уже казалось, что она любить.

— Батюшки, барышня! Слава-те, Господи! — закричалъ Филиппъ, видаясь къ вошедшей Лери. — А мы-то думаемъ, куда вы запропали... Барыня просто голову потеряли.

Полковникъ обтиралъ ноги, звеня шпорами, а наверху, съ лѣстницы, смотрѣла Павла Михайловна, угоризненно и недовольно по-

качивая головой; изъ-за нея выглядывала голова Аринушки съ неизмѣнными рожками. При видѣ этой знакомой обстановки, этихъ людей, Лери вдругъ откуда-то нашла въ себѣ силы спрятать ото всѣхъ свою грусть, которую она уже любила, и принять веселый видъ.

— Маман! Аринушка! я очень голодна! Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь поѣсть?—крикнула она, входя на лѣстницу и нетерпѣливо развязывая широкія ленты шляпы.

VII.

Прошло двѣнадцать. Лери закрыла глаза и слушала, считая удары. Ей еще ни капельки не хотѣлось спать.

Сегодня она насилу дождалась одиннадцати, чтобы проститься и идти къ себѣ. Ей хотѣлось остаться одной со своими думами, со своею печалью и со своею любовью; хотѣлось плакать надъ самою собой, такой глупой и недогадливой, проглядѣвшей свое собственное счастье. Вѣдь нельзя же теперь идти противъ подругъ, когда онѣ первыя сказали ей о своей любви и просили даже помочь имъ, и она обѣщала. Что же, очень вѣроятно, что кто-нибудь изъ нихъ и будетъ счастливицей? Ему вотъ нравится больше Зина; онъ ее увидитъ еще на каткѣ, посмотреть ее, поговорить съ ней: она и веселая, и хорошенькая. А она, Лери, будетъ помогать подругѣ.

Сегодня за чаемъ она все время смотрѣла на него, и онъ вѣрно замѣтилъ это, потому что тоже часто взглядывалъ на нее, а она краснѣла. Онъ спросилъ ее о здоровьѣ своимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ; онъ все-таки заботится о ней. Господи! какъ легко бы ей было любить его, а она и не догадалась!

Лери провела рукой по глазамъ: они были влажны.

— Вотъ, а недавно я была весела и легкомысленна,—вздыхнула она, отыскивая платокъ подъ подушкой. — Прошли теперь для меня беззаботные годы... Да гдѣ же это Оня задѣвала мой платокъ? Ахъ, вотъ онъ виситъ на стулѣ... Полюбила первый разъ въ жизни, и то несчастливо... Отчего это?... Вѣрно, ужъ такая судьба. Вѣдь еще нынче днемъ, когда мы шли съ нимъ въ магазинъ, и послѣ я ничего не чувствовала. Я ужъ слишкомъ считала его за родного, а въ родныхъ не влюбляются. Нѣтъ, я очень глупа: вѣдь онъ могъ бы на мнѣ жениться, а теперь... теперь онъ женится на Зинѣ. Ему нравится, какъ она рассказываетъ о бантикахъ!...

Лери всхлипнула, слезы текли у нея по щекамъ. За дверью, отворенной въ комнату m-elle Paton, послышался шумъ, точно кто-

то завозился на постели. Лери затихла моментально, но шумъ продолжался. Вотъ задвигали туфлями, и черезъ минуту на порогъ появилась невысокая фигура m-elle Paton въ капотѣ и чепчикѣ. Она подошла къ кровати Лери и нагнулась, прислушиваясь. Дѣвочка не выдержала, всхлинула опять.

— Что съ вами? Вы плачете?—удивилась французенка, увидавъ мокрое отъ слезъ лицо дѣвочки.—Что случилось?

Лери не отвѣчала. Ей стыдно стало своихъ слезъ и досадно, что m-elle услышала, и въ то же время хотѣлось излиться передъ кѣмъ-нибудь, высказать свое безысходное горе. M-elle Paton можно сказать, она пойметъ; она сама влюблена теперь. Лери рѣшилась.

— Я вамъ все скажу, m-elle,—зашептала она, заставляя гувернантку сѣсть на постель и натягивая на себя выше одѣяло.— Я очень несчастна, m-elle! Несмотря на то, что я такъ молода еще, я очень несчастна...

Слезы снова выступили у нея на глазахъ, и она спѣшила докончить. M-elle Paton высоко подняла брови.

— Но какое же ваше несчастье, дитя мое? — участливо спросила она.

Это опять растрогало Лери: ей стало такъ жаль самой себя. Она опять отерла слезы.

— Я вѣдь вамъ потому говорю, m-elle, что увѣрена, что вы не выдадите меня шатап, — строго начала она, смотря на французенку блестящими отъ слезъ глазами.—Я знаю, что вы сумѣете меня понять, потому что вы сами влюблены.

— Что? Что вы говорите?!—воскликнула m-elle Paton.

— Ну да, не притворяйтесь, весь домъ это знаетъ,—хладнокровно остановила ее Лери.— И шатап, и онъ самъ знаетъ. Вы счастливѣе меня, m-elle. А вотъ я... я... я тоже влюблена и очень несчастливо.

— Ахъ, бѣдная дѣвочка!—протянула французенка, сдерживая невольную улыбку и глядя Лери по склоненной головѣ.—Такъ вы влюблены? Въ кого же?

— Этого я никому на свѣтѣ не скажу, — съ живостью возразила Лери.— Потому что вы, m-elle, можете любить, кого хотите, а я не могу... не имѣю права его любить.

— О, Лери, не надо такъ много плакать! — замѣтила гувернантка.—Во-первыхъ, это дѣлу не поможетъ, а, во-вторыхъ, мнѣ кажется, эти слезы преждевременны. Еще можно все устроить...

— Ничего нельзя устроить, — нетерпѣливо перебила Лери.—

Вотъ дѣло въ чемъ, m-elle: мои подруги влюблены въ него, а я-то ужъ только послѣ влюбилась.

— Какъ, всѣ ваши подруги и вы сами влюблены въ одного и того же человѣка? — спросила m-elle Paton, сильно заинтересованная.

— Вовсе не всѣ, а только двѣ Таровскихъ да я! — сказала Лери. — Вы понимаете, не могу же я мѣшать подругамъ. А я еще имъ помогать общала.

— Но, Лери, тогда ужъ вамъ не нужно было влюбляться, если...

— Да развѣ я хотѣла? — перебила Лери. — Я сама не знаю, какъ это случилось. Вдругъ я почувствовала, что онъ мнѣ очень нравится, что онъ очень милый; мнѣ его жаль стало отдать подругамъ, скучно мнѣ такъ стало. Я сразу поняла, что я его люблю. Вы видите, что я не могу не плакать. Я, можетъ быть, цѣлую ночь проплачу и не утѣшусь, можетъ быть, цѣлую жизнь даже...

— О, цѣлую жизнь! — воскликнула m-elle Paton. — Вы еще такъ молоды, Лери; это пройдетъ безъ слѣда, вы еще тысячу разъ полюбите такъ. Ахъ, дитя, вы еще не можете знать, что такое — любить!

— Извините! — отвѣчала Лери. — Я уже люблю и люблю на всю жизнь, да! Для меня уже больше нѣтъ счастья на землѣ, и мнѣ остается только идти въ монастырь... И это передъ моимъ первымъ баломъ, когда уже начали говорить о длинномъ платьѣ.

Она уже плакала навзрыдъ, и m-elle Paton было жалко смотрѣть на нее. Французекѣ все еще не вѣрилось, чтобы тутъ было что-нибудь посерьезнѣе дѣтскаго увлеченія. Маленькая Лери, шалунья и проказница, не признававшая слезъ передъ нагазаніемъ, плачетъ по ночамъ отъ любви. Эта мысль сама по себѣ была смѣшна французекѣ, и въ то же время горе дѣвочки казалось ей искреннимъ. Она сочла за лучшее сдѣлать видъ, что она повѣрила этой любви и хотъ настолько успокоить взволнованную Лери, чтобы она могла заснуть. Поэтому она заставила Лери лечь, какъ слѣдуетъ, накрыться одѣяломъ и выслушать ея совѣты, какъ старшей и болѣе опытной особы. Лери вытянулась на спячѣ, а m-elle Paton наклонилась надъ нею, не переставая приглаживать ея растрепанные волосы.

— Вотъ что, дружокъ мой, — начала m-elle Paton, — хотя вы и общали помогать вашимъ подругамъ, но это не помѣшало вамъ самой полюбить того же человѣка. Значить, никто не можетъ запретить любить ни себя, ни кого-нибудь другого. Почему вы знае-

те, можетъ быть, этотъ вашъ герой всёмъ предпочтетъ васъ... Это ужь его воля.

— Да нѣтъ!—безнадежно вздохнула Лери.—Онъ уже сказалъ, что влюбленъ въ Зину... то-есть не то, что влюбленъ, а такъ... немного.

— Ну да, заинтересованъ, — согласилась m-elle Paton. — Что же, это очень мало; еще до любви далеко. Можетъ быть, онъ и вами заинтересованъ, да еще больше, чѣмъ Зиной?...

— Онъ бы тогда сказалъ,—встала Лери.

— О, нѣтъ, этого не говорятъ, это доказываютъ на дѣлѣ. Вотъ вы замѣтите, съ кѣмъ онъ будетъ больше говорить, больше танцовать, на кого будетъ смотрѣть чаще... Наконецъ; все можетъ измѣниться: сегодня ему нравится Зина, а завтра вы. Да и самъ-то онъ сто разъ успѣетъ вамъ наскучить...

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскочила успокоившаяся было Лери.—М-ше, не говорите этого, слышите?... Я на всю жизнь люблю, я себя знаю. Да и въ романахъ большею частью такъ бываетъ.

— Вотъ еще новости!—вскричала m-elle Paton.—Вотъ отбуда эти глупости у васъ въ головѣ! Гдѣ же вы брали романы?

— Мнѣ братья давали, — немного солгала испугавшаяся Лери.— Да я ихъ еще давно читала, m-elle, не при васъ. Пожалуй-ста, не говорите шамап, а то она разстроится.

— Хорошо, не скажу,—пообѣщала m-elle Paton.—Ну, вы теперь совсѣмъ успокоились? Засыпайте скорѣе, уже поздно, а то вы будете блѣдны завтра, и шамап замѣтитъ. Спите хорошенько.

И когда m-elle Paton наклонилась поцѣловать ее, Лери обвила руками ея шею и шепнула:

— Вы очень милая, m-elle Paton, я не знала, что вы такая. Вотъ что значить быть самой влюбленной,—вы меня съ полуслова поняли. Только знаете ли, m-elle, Зина-то умѣетъ очень хорошо кокетничать. Не поучите ли вы меня, хоть немножко?

Наконецъ, онѣ разстались, поцѣловавшись на прощанье. Лери рѣшила, что вѣрно и m-elle Paton не особенно счастлива въ любви: Гриша вовсе не такъ часто сидитъ и говоритъ съ ней, какъ это слѣдуетъ влюбленному. Но зато на «ея» балу они будутъ танцовать вмѣстѣ, и m-elle Paton будетъ счастлива.

Лери полежала еще немного, смотря усталыми отъ слезъ глазами на лампаду, теплившуюся передъ образомъ; она не переставала думать о нынѣшнемъ днѣ, который такъ долженъ былъ измѣнить ея жизнь. Потомъ всѣ эти думы перемѣшались съ грѣзами налетѣвшаго сна, и когда, черезъ четверть часа, m-elle Paton пришла

взглянуть на свою влюбленную воспитанницу, — она нашла ее крѣпко спавшей съ безмятежнымъ и довольнымъ выраженіемъ заплаканнаго личика.

Можетъ быть, *это* видить! — улыбнулась m-lle Paton. — Бѣдняжка измучилась сегодня... А что это такое она болтала про меня?

И, не разрѣшивъ этого вопроса, m-lle Paton удалилась въ свою комнату, и вскорѣ ея мѣрное дыханіе донеслось изъ-за перегородки.

Часы въ комнатѣ Лери прозвонили два.

УШ.

Съ этого дня все точно измѣнилось кругомъ Лери. Многія вещи потеряли для нея свою прелесть, многія приобрѣтали совершенно другую окраску.

Центромъ сталъ «онъ» — и только то, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ этому центру, — только то трогало и интересовало Лери. Она стала серьезнѣе, тише, задумчивѣе. Насмѣшки братьевъ не задѣвали ее больше; она сознавала, что теперь у нея есть горе поважнѣе, чѣмъ слезы раздраженнаго ребяческаго самолюбія. Она не считала себя больше дѣвочкой; за одинъ день этой тоски, глубокой и серьезной, она чувствовала, что выросла больше, чѣмъ выросла бы въ пять лѣтъ безъ этого чувства, властно вселившагося въ ея сердце. А между тѣмъ это началось такъ смѣшно; но Лери было не до смѣху. Покажѣсть еще ничего не принесла ей эта любовь, кромѣ слезъ въ безсонныя ночи, кромѣ милыхъ, неясныхъ еще мечтаній и непреодолимаго волненія въ его присутствіи. И все это такъ дорого было Лери; все это она хранила съ такою нѣжною заботливостью въ самой глубинѣ дѣтскаго измученнаго сердца, точно это было невѣсть какое сокровище. Ей даже нравилось прятать отъ всѣхъ свою тайну и утѣшаться сознаніемъ, что она такъ упорно и выносливо, одиноко борется съ охватившимъ ее чувствомъ. А бороться надо было: ей ничего не оставалось кромѣ борьбы. Она вѣдь не смѣла дать ему замѣтить свою любовь, а онъ не выказывалъ ей расположенія болѣе, чѣмъ прежде. Тогда она самоотверженно, съ затаенною болью въ сердцѣ, принялась помогать подругамъ, стараясь увѣрить себя, что она будетъ счастлива и его счастьемъ, и отирая при этой мысли непрошенныя горькія слезы.

Во вторникъ пришла Ката. Лери заранѣе сказала татамъ, что сама просила подругу на цѣлый день, и просила Ариушку приготовить къ обѣду трубочки со сливками, которыя очень нравились Катѣ. Лери стояло еще много трудовъ уговорить полковника остать-

ся дома на этот вечеръ; у него былъ взять билетъ въ театръ, но великодушная дѣвочка пустила въ ходъ всѣ средства, чтобъ удержать его.

— Придетъ моя подруга, — говорила она просительно. — Она умная, и вамъ пріятно будетъ поговорить съ ней, увѣряю васъ. — Ну что театръ? театръ отъ васъ не уйдетъ, на Рождествѣ поѣдете.

— Да вѣдь она ваша подруга, Лери! — говорилъ полковникъ, слегка раздосадованный этою странною просьбой и уже готовый остаться. — Ваши братья ее знаютъ гораздо лучше, чѣмъ я... Да я, помируйте, я даже не знаю о чемъ съ ней говорить... Вы бы Гришу попросили, онъ дома сегодня.

— Да, но Гриша такой странный: онъ не любитъ умныхъ разговоровъ, — сказала Лери. — А вы умный; Бата сказала, что вы страхъ какой умный.

— Да подумайте, Лери, я не то что умнаго или глупаго, — я почти ни слова не сказалъ съ ней тогда.

Лери немного задумалась.

— Ну, все равно; Бата ужъ знаетъ, кто умный, кто нѣтъ. У меня нынче голова болить, я не могу занимать ее, какъ слѣдуетъ, и ей будетъ скучно... Вѣдь можно? одѣвайте это для меня, Сергѣй Николаевичъ!

Сергѣй Николаевичъ согласился, пожимая плечами.

— Ну, хорошо, я останусь и буду вести умные разговоры съ вашею Батой, — сказалъ онъ и взялъ ее руку. — Мнѣ бы лучше хотѣлось поболтать съ вами, Лери, но вы больше не разговариваете со мной и стали очень серьезной. Можетъ быть, я разсердилъ васъ чѣмъ-нибудь, сестренка?

Онъ улыбался, говоря это, но она поблѣднѣла, отняла руку и поспѣшила уйти подъ предлогомъ, что ей надо переодѣться къ приходу подруги.

Асмолинъ былъ вѣренъ своему обѣщанію и въ продолженіе всего дня не отходилъ отъ Баты, такъ что братья Данаевы начали улыбаться и перешептываться на ихъ счетъ за обѣдомъ. Федя шепнулъ сидѣвшей съ нимъ рядомъ Лери:

— Кажется, Бата плѣнила Сергѣя Николаевича, онъ хотѣлъ ѣхать въ театръ и остался. Только она его живо заговорила.

Вечеромъ, послѣ ухода Баты, у полковника былъ такой утомленный видъ, точно онъ не спалъ нѣсколько ночей. Даже Павла Михайловна замѣтила это, видя его развалившимся въ креслѣ, съ закрытыми глазами.

— Что съ вами, Сергѣй Николаевичъ?—усмѣхнулась она, вспоминая его ухаживаніе за Катой. — Отчего вы такъ устали?

— Отъ умныхъ разговоровъ, — недовольно отвѣчалъ онъ. — Вообще, Павла Михайловна, я думалъ, что ваши сыновья гораздо сострадательнѣе, а они оставили меня одного подъ краснорѣчіемъ этой дѣвицы. Уфъ! и за что Лери понадобилось такъ наказывать меня?

Павла Михайловна нѣсколько подозрительно посмотрѣла на него и ушла, видимо не повѣривъ, что Лери могла быть тутъ причастна. А Лери даже не имѣла силъ спросить у Каты, довольна ли она сегодняшнимъ днемъ. Да этого и не нужно было: Ката вся такъ и сіяла, прощаясь съ Данаевыми. Она крѣпко поцѣловала Лери и шепнула:

— Мерсі, голубчикъ. Я опять приду въ пятницу. Хорошо?

Это означало, что Лери опять должна была удерживать дома полковника. Она было объявила ему это заранѣе, но онъ пришелъ въ ужасъ, созвалъ всѣхъ братьевъ, какъ защитниковъ, и всѣ въ одинъ голосъ признали, что такъ изводить ни въ чемъ неповиннаго мужчину — безчеловѣчно. Лери должна была уступить, а Асмолинъ объявилъ, что онъ въ пятницу заблудится съ утра въ незнакомой ему Москвѣ и найдетъ дорогу не раньше десяти часовъ вечера.

Относительно Зининаго катва въ четвергъ Лери вела себя умнѣе. Она ничего не сказала о Зинѣ, а только предложила Сергѣю Николаевичу посмотрѣть, какъ она катается. Онъ согласился тотчасъ же, и Павла Михайловна даже позволила имъ идти безъ m-me Paton, которая эти дни совсѣмъ сбилась съ ногъ. Лери обѣщала вернуться за часъ до обѣда, на-лету поцѣловала шашан, схватила коньки и побѣжала по лѣстницѣ.

Полковникъ догналъ ее у воротъ и сдѣлалъ ей выговоръ.

— Что это вы не могли подождать меня? Потому я еще хотѣлъ вамъ сказать, что, если вы будете уходить отъ меня далеко, какъ тогда, — я пожалуюсь Павлѣ Михайловнѣ. Что? что вы говорите?

— Я ничего не говорю, — отозвалась Лери, усердно шагая впередъ; — а вотъ вы говорите очень глупыя вещи.

— Почему же это? — даже обидѣлся Асмолинъ.

— Потому что странно думать, что и сегодня я буду все время подлѣ васъ. Я буду кататься, вы будете сидѣть на лавочкѣ; иногда я буду приходиться къ вамъ, и мы вмѣстѣ пойдемъ въ теплушку. Но не бойтесь, — закончила она, значительно взглядывая на него своими выразительными глазами: — вамъ не будетъ скучно, напротивъ...

— Неужели Ката? — искренно струслилъ полковникъ. — Но это,

Лери, цѣлая ловушка съ вашей стороны. Нехорошо такъ обходиться съ человѣкомъ, который... котораго вы когда-то взяли въ братья. Я не ожидалъ этого отъ васъ.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь,—сказала Лери, стараясь легкомысленнымъ тономъ скрыть охватывающее ее волненіе. Она думала, какъ вотъ сейчасъ она произнесетъ имя Зины и какъ ей больно будетъ увидать его радость.—Вы увидите не кого другого, какъ Зину.

— Ахъ, батюшки!—пробормоталъ полковникъ, между тѣмъ Лери пристально смотрѣла на него, отыскивая въ лицѣ его признаковъ удовольствія.—Ну, что вы смотрите на меня, Лери? Я очень, очень радъ.

— Да, я вижу...—голосъ Лери дрогнулъ и она послѣшно отвернулась.—Вамъ нужно взять себѣ билетъ, Сергѣй Николаевичъ; у меня сезонный. Какъ жаль, что музыки нѣтъ сегодня.

Она ждала его у входа, позвякивая повѣшенными на руку коньками. Гладкое поле льда уже видно было ей отсюда, и какая-то физическая радость охватила мало-по-малу все ея существо передъ этимъ любимымъ зимнимъ удовольствіемъ. Молодость брала свое: при видѣ катающихся и ей захотѣлось этого легкаго свободного движенія на чистомъ воздухѣ. Она уже двигала на мѣстѣ ногами въ высокихъ теплыхъ гамашахъ, а знакомый визгъ коньковъ по льду заставлялъ ее слегка вздрагивать отъ нетерпѣнія. Скоро ли и она побѣжитъ такъ же, подставляя лицо свѣжему вѣтру, перегоняя учащихъ кататься барышень, робко ходившихъ по скамейкамъ... ей вдругъ захотѣлось сбросить свою грусть и отдохнуть хоть на время.

Немолодая дама, покрытая по шапочкѣ большимъ теплымъ платкомъ сидѣла въ будочкѣ, обсаженной елками и изображавшей кассу. Она, наконецъ, подала Асмолину билетъ и сдачу и ласково поклонилась проходившей Лери. Какой-то молодой малый въ сѣрой курткѣ съ барашкомъ, уже отворилъ дверь въ теплушку, куда направлялась Лери. Черезъ порогъ, спотыкаясь на конькахъ и держась за притолку, осторожно переступила какая-то барышня. Лицо ея выразило радостное изумленіе.

— Лери!—вскрикнула она, сіяющими глазами окидывая полковника,—какими судьбами? А я уже устала, хочу снять коньки. Ты катаешься?

— Да, я давно ужъ не каталась,—отвѣтила Лери и прошла впередъ, боясь потерять свое настроеніе.—Зина, есть еще кто-нибудь изъ знакомыхъ? полковникъ не катается... Иванъ, надѣньте мнѣ, пожалуйста.

И она уже протянула ногу Ивану, слегка приподнимая свѣтло-сѣрую юбку своего костюма. Ей хотѣлось убѣжать скорѣе отсюда на гладкій просторъ льда, и дальше, дальше... чтобы не видѣть ихъ разговаривающими и довольными встрѣчей. Она обрадовалась, увидавъ подходившаго къ ней студента въ короткой теплой курткѣ, спиной по формѣ, съ синимъ воротникомъ и свѣтлыми пуговицами. Это былъ Барнышевъ, хорошій товарищъ Кости, всегдашній кавалеръ Лери на каткѣ. Не вставая, она протянула ему руку, попробовавъ сѣсть, хорошо ли привинчены коньки къ ногамъ, и уже поднимаясь съ его помощью. Потомъ они оба застучали по полу, и смѣющаяся Лери почувствовала приливъ признательности къ этому милому Барнышеву за то, что онъ очутился здѣсь въ такую нужную минуту. Асмолинъ и Зина, снявшая коньки, шли за ними.

— Неужели вы такъ и не забыли меня съ той встрѣчи вечеромъ? — кокетливо спрашивала Зина. — Вѣдь это была первая встрѣча.

— О, нѣтъ, я васъ отлично помню, — отвѣтилъ любезно Асмолинъ, замѣтившій, что Лери прислушивается къ разговору, и хотѣвшій сдѣлать ей удовольствіе. — Я не могу еще и теперь забыть того веселаго и занимательнаго разказа...

Лери споткнулась. И полковникъ, и студентъ бросились поддерживать ее; полковникъ взялъ ее руку и спрашивалъ, не больно ли ей.

— Благодарю васъ; — сухо отвѣтила Лери, вырывая у него руку и сейчасъ же отдавая ее Барнышеву.

Тяжелая дверь заскрипѣла своимъ блокомъ и захлопнулась передъ самымъ носомъ полковника, къ которому Зина отчаянно приставала съ какимъ-то вопросомъ. Когда они вышли, у двери уже никого не было, и только сѣрая юбка Лери свѣтлымъ пятномъ колыхалась вдали.

— Экая взбалмошная! — въ первый разъ за свое пребываніе у Данаевыхъ разсердился Асмолинъ. — И она звала меня поглядѣть, какъ она катается?... Не служу ли я ей просто ширмами для ея свиданій съ мальчишками? Хуже всего то, что ея теперь и на два слова не понимаешь; а то, ей-Богу, увелъ бы домой сію минуту. Еще въ исторію съ такой барышней попадешь!...

Зина предложила ему сѣсть на одну изъ скамеекъ, стоявшихъ вдоль забора, ограждавшаго катокъ. Ему было все равно, и онъ согласился, но Зинѣ на этотъ разъ не удалось заинтересовать его «веселымъ и занимательнымъ» разказомъ. Катающихся было очень много, несмотря на довольно непріятную погоду и холодный

вѣтеръ. Въ самой серединѣ пруда красовался и выкидывалъ ногами фортели какой-то господинъ, уже немолодой, довольно странно одѣтый, въ мохнатой шапкѣ съ ушами. Онъ заложилъ руки за спину и вертѣлся на одномъ мѣстѣ, прямо передъ Асмолинымъ, видимо желая поразить его своимъ искусствомъ. Вертлявая маленькая барышня, съ длинной развѣвавшейся по вѣтру косой, очень успѣшно старалась подражать искусному господину, что раздражало его. Наконецъ онъ упалъ, смѣшно взмахнувъ руками, а барышня, съ довольнымъ лицомъ, исчезла въ толпѣ. Народу все прибывало. Появилось нѣсколько взрослыхъ мужчинъ и дамъ, катавшихся солидно, парочками, мѣрно и плавно. Тамъ и сямъ составлялись цѣпи, сталкивавшіяся одна съ другой и не желавшія уступать мѣста. Иногда проносились настоящіе бѣгуны, сильно согнувшіеся, съ заложеными за спину руками, грозно кричавшіе на маленькихъ гимназистовъ, которые со страхомъ раскатывались въ стороны при ихъ приближеніи. Темнѣло; сторожъ возился съ факеломъ, который запылалъ наконецъ, далеко освѣщая блестящій ледъ. Фигуры катавшихся стали неопредѣленнѣе... Юнкеръ прокатилъ на стулѣ полную даму, вскрикивавшую при каждомъ поворотѣ. Какая-то фигура копошилась на льду: къ ней уже катилось нѣсколько мужчинъ. Лери нигдѣ не было видно.

— Представьте!—говорила Зина, стуча по льду озябшими ногами.—Это такой уродъ—эта Лидочка, а воображаетъ... что только она воображаетъ! Знаете: у нея тупой носъ, а она говорить, что греческій. Еслибъ вы ее увидали...

— Вотъ она!—завричалъ полковникъ.—Погодите, голубушка, попались теперь...

— Кто она? Лидочка? — заметалась Зина въ страхѣ за свою необдуманную болтовню, не сообразившая, что полковникъ въ лицо никогда не видалъ этой Лидочки.—Господинъ полковникъ, знаете, вы ей ничего не говорите. Неприятности выйдутъ... Да гдѣ-жъ она? Гдѣ Лидочка?

— Какая Лидочка? Я говорилъ о Лери, вонъ она катится,—говорилъ Асмолинъ.—Мы сейчасъ идемъ домой; извините, барышня. Только бы мнѣ поймать вотъ эту плутовку!.. А погодите, мы вотъ что сдѣлаемъ.

И онъ сталъ на самой дорогѣ Лери, катившейся теперь уже съ двумя кавалерами. Увидавъ Асмолина, она хотѣла было попросить свернуть, но было поздно: они слишкомъ уже раскатились, да и Барнышевъ, знакомый съ Сергѣемъ Николаевичемъ, видѣлъ, что онъ ждалъ ихъ, и велъ прямо къ нему.

— Стопъ! — сказалъ Асмолинъ, беря у Барнышева руку Лери и не выпуская ее, несмотря на сопротивленіе. — Мы идемъ домой, Лери, пора.

— Еще туръ, одинъ... — сказала Лери, не глядя на него.

— Нѣтъ, пора, — рѣшительно отвѣчалъ онъ, крѣпче забирая ее руку. — Я не пущу васъ, Лери, какъ хотите... Идите снимать коньки.

Ея кавалеры смѣялись, ожидая, что она взбунтуется, но она повиновалась молча. Все ея недавнее оживленіе вдругъ исчезло, и грусть съ новой силой овладѣла ею. Разсѣянно пожала она руки молодымъ людямъ и медленно покатиалась подлѣ Асмолина.

— Балерія Андреевна, не забудьте: двадцать седьмого карнавалъ! — крикнулъ ей въ догонку Барнышевъ.

Лери кивнула головой, принудивъ себя улынуться. Сердце ея ныло, и она очень холодно простилась съ Зиной, снова надѣвшей коньки.

IX.

— Не взять ли извозчика? — спросила, выходя, Лери.

— Нѣтъ, вѣдь недалеко, — сказалъ Асмолинъ. — Мы пойдемъ тихо. Развѣ вы такъ устали, Лери? Вы, кажется, не прочь были и еще остаться?

«Онъ сердится, — подумала Лери, незамѣтно взглядывая на него. — Но почему же онъ сердится? Чѣмъ онъ еще недоволенъ?»

И чисто по-женски, любопытно и лукаво, она спросила:

— Весело провели вы время сегодня?

Асмолинъ обернулся къ пей возмущенный. Онъ отказывался понимать этого ребенка.

— Знаете, Лери... — не сразу отвѣчалъ онъ: — я вижу, что намъ лучше поссориться. Это будетъ благородно, по крайней мѣрѣ. Иначе я измѣню свое доброе мнѣніе о васъ.

Лери была сильно изумлена, такъ что даже остановилась на дорогѣ. Она дѣйствуетъ неблагородно?! Чувство незаслуженной обиды поднялось въ ней, но она не сказала ни слова, предоставляя ему говорить.

— А я не хотѣлъ бы дурно думать о васъ, ну, хотя бы какъ о дочери уважаемыхъ мною людей. Я уже не говорю о себѣ... хотя, конечно, и мнѣ было не особенно пріятно слушать болтовню этой глупой Зины, но... объ этомъ послѣ.

— Послѣ? — переспросила Лери, просіявшая при словахъ «глупая Зина». — Но, въ такомъ случаѣ?...

— Вы непозволительно вели себя сегодня, — строго продолжал онъ. — Пожалуйста, не возмущайтесь: въ качествѣ старшаго, я имѣю право дѣлать вамъ замѣчанія, которыхъ вы къ тому же заслуживаете. Если я сдѣлалъ вамъ удовольствіе, пошелъ съ вами на катокъ, то это не значитъ, что я согласенъ на роль ширмъ. И вообще ваше поведеніе очень дурно для барышни изъ хорошаго дома; а я не желаю быть виноватымъ передъ Павлой Михайловной.

— Послушайте, Сергѣй Николаевичъ! — вскричала оскорбленная Лери. — Вы меня обижаете всю дорогу, когда я... когда я даже не знаю, чѣмъ я виновата.

Искренность ея тона смягчила его. Онъ спросилъ тише:

— Ну, скажите мнѣ правду: зачѣмъ вы потащили меня на катокъ сегодня? Неужели для того, чтобъ я поглядѣлъ, какъ вы катаетесь? Да я васъ, голубушка, и не видалъ все время.

Лери замялась. Не можетъ же она выдать тайну подруги... И какъ онъ глупъ, что не можетъ догадаться!...

— Ага! вы не можете сказать правду, — говорилъ онъ. — Но я-то все давно понялъ. Прошу васъ избавить меня отъ этихъ прогулокъ съ вами на дальнѣйшее время. Если вы разсердитесь, — поссоримся, я готовъ, какъ мнѣ это ни неприятно. Не менѣе неприятно быть и «милымъ братцемъ» и отвѣчать за шалости сестры. M-elle Raton вамъ не по вкусу, а я долженъ молчать... Но этого не будетъ, лучше поссоримся!...

— Да я-то вовсе не желаю ссориться! — тихо разсмѣялась Лери, съ нервѣшительной лаской беря его подъ руку. — Можно опереться? Я устала. Я вамъ сейчасъ скажу всю правду, если вы мнѣ сознаетесь, кто вамъ больше нравится: Зина или Ката?...

— Я не понимаю, съ чего вы пристааете ко мнѣ съ ними каждый день? — удивился Асмолинъ. — Я не знаю даже, кому онѣ могутъ нравиться; кажется, только вамъ. То-есть самыя неприятныя созданія въ свѣтѣ... Да, впрочемъ, дѣло не въ нихъ...

— Нѣтъ, въ нихъ... было, по крайней мѣрѣ! — настаивала сіяющая теперь дѣвочка. — Я вѣдь... я думала, что онѣ очень вамъ нравятся. То-есть, что я? я и не думала: это вы сами сказали, что влюблены въ Зину.

— Влюбленъ! Какъ это у васъ скоро!... — изумился полковникъ. — Что вы выдумываете? Когда я говорилъ? Если я сказалъ, что она мнѣ только нравится, то сказалъ для того, чтобы не обидѣть васъ: ужъ вы съ ними носились, носились...

— Ахъ, ну, все равно: мнѣ такъ казалось. Я устроила вамъ встрѣчу съ ней на каткѣ, а сама... сама, конечно, старалась не

мѣшать вамъ. Вотъ и все! Вы видите, что я вамъ же хотѣла доставить удовольствіе.

— Благодарю васъ! Но вы и себя, кажется, не забыли! — насмѣшливо отозвался полковникъ. — Эти прекрасные молодые люди...

Лери звонко расхохоталась по-своему, попрежнему.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ они мнѣ надоѣли, эти прекрасные молодые люди! Я была только Барнышеву рада, потому что не очень весело кататься одной все время. А къ вамъ я не смѣла подойти, — лукаво закончила она, — а мнѣ о-очень хотѣлось...

Асмолинъ покачалъ головой; его недавняго гнѣва какъ не бывало.

— Что вы за ребенокъ, Лери? — весело спросилъ онъ. — Я давно приглядываюсь къ вамъ и не могу понять.

— И не поймете никогда, — бивнула головой Лери. — Прежде всего, я не ребенокъ: вы и этого даже не понимаете!

— Ну, положимъ, — усмѣхнулся онъ. — А кабая вы измѣнчивая — это страхъ... Я зналъ васъ веселой, довѣрчивой; потомъ вдругъ вы сдѣлались серьезной и необщительной, какъ будто избѣгали меня... А теперь вы опять прежняя маленькая Лери, которую я понапрасну обидѣлъ нелѣпымъ подозрѣніемъ? Вы опять прежняя, да?

— Да! — сказала маленькая Лери, счастливо вздыхая. — Я и останусь такой навсегда, если только ничего не случится.

— А развѣ что-нибудь случалось за это время? — улыбнулся онъ. — Мнѣ-то можно сказать, вѣдь я...

— Нѣтъ, ни за что! — перебила она рѣшительнымъ тономъ. — Впрочемъ... если вы не будете больше выражать желанія со мной ссориться, не будете отказываться гулять со мной и не будете упрекать меня въ дурномъ поведеніи, то...

— Хитрая! — сказалъ онъ съ ласковымъ упрекомъ. — А если вы будете преслѣдовать меня съ Зиной и Катой, если вы будете строить изъ себя неприступную и мрачную дѣвицу...

Они оба засмѣялись. При этомъ Лери не могла не упрекнуть себя лишній разъ за то, что не сумѣла сразу влюбиться въ чело-вѣка, который такъ весело и заразительно смѣялся.

Они пришли въ-время; Павла Михайловна даже похвалила ихъ за аккуратность.

— Гдѣ m-elle Paton? — влетѣла Лери въ свою комнату въ одиннадцатомъ часу. — Скорѣй идите сюда, m-elle Paton!...

— Манмазель легли-съ, — сказала молоденькая горничная Фе-

ня, оправлявшая постель. — Должно быть, устали сегодня очень, въ баню ѣздили... Давно легли, небось спать ужъ.

— Это еще что! — закричала Лери. — Кто это ей позволилъ? Я такъ счастлива, а она смѣетъ спать. Впрочемъ, я и съ тобой могу поговорить, Оеня. Скажи, ты была влюблена?

— Ахъ! — сконфузилась Оеня отъ неожиданнаго вопроса. — Что вы это, барышня? Какъ вамъ сказать?... Нешто можно прожить безъ любви?

— Что?! И я также говорила! — торжествовала Лери. — А ты Оеня, очень страстно любила?

— Какъ, то-есть, барышня?

— Такъ, понимаешь ли, страсть въ тебѣ была?

— Нѣтъ, барышня, какая же страсть? Онъ молоденькій былъ. Я его ни чуточки не страшилась.

— Ахъ, ты не понимаешь! — огорчилась Лери. — Я не про такую страсть. Ну, все равно. А теперь ты тоже влюблена?

— Теперь я въ другого-съ, — сообщила Оеня, таинственно улыбаясь. — Я теперь... ахъ, барышня, пронзилъ онъ мое сердце!

Оеня даже закрыла лицо кончикомъ фартука, точно намѣревалась оплакивать свое пронзенное сердце. Но Лери вовсе не хотѣлось этого.

— А скажи, кто онъ? Я его знаю? — спросила она.

— Знаете-съ, — Оеня потупила глаза. — Я ужъ скажу: Асмолинскій денщикъ... Макаръ Иванычъ ихъ зовутъ.

— А! — удивилась Лери. — Его денщикъ? Да вѣдь онъ, кажется, очень глупый?

Оеня обидѣлась.

— Зачѣмъ же глупый? Что вы-съ. Вовсе даже онъ очень образованъ, все по-печатному въ книжкѣ читаетъ. А вы замѣьте, барышня, какая у него статность, одежда съ иголочки, сапоги скрыпятъ... Самый военный герой. А какъ умѣетъ обходженію.

— Лери, когда же вы будете спать? — раздался недовольный голосъ m-elle Paton. — Что съ вами сегодня? Излѣчились вы, что ли, отъ своей любви?

— Вѣдь я же вамъ говорила, что люблю на всю жизнь, — съ досадой отвѣчала Лери, начиная раздѣваться нехотя. — Нѣтъ, со мной случилось гораздо лучшее: обѣ мои соперницы погибли.

— Какъ? Обѣ Таровскія погибли? Но какимъ же образомъ?

— Вы никогда не даете мнѣ договорить, — отвѣчала Лери. — Вы понимаете, онѣ погибли для него: онъ сказалъ, что онѣ глупыя и непріятныя созданія. Теперь я могу его любить, любить и лю-

бить. Если бы вы знали, m-elle, какъ я счастлива, мнѣ совсѣмъ не до сна! Хотите, давайте сейчасъ танцевать? Это ничего, что вы не одѣты: это похоже на бальное платье, да и никто не увидитъ. Неужели вы не хотите раздѣлить моей радости?

— Я завтра раздѣлю, а теперь оставьте меня въ покоѣ,— молла m-elle Paton.—Право, Лери, я предпочла бы, чтобы вы опять сдѣлались несчастной, вы такъ мило вели себя.

— Мало ли что, хорошенькаго понемножку. Наконецъ, не всѣмъ нравится видѣть меня несчастной, да и мнѣ-то самой надоѣло. Вотъ, m-elle, теперь мнѣ нужны ваши уроки кокетства... смотрите, если вы меня не научите! Спокойной ночи, m-elle Paton, желаю вамъ увидѣть во снѣ... кого вы хотите? Я вѣдь знаю всѣ ваши секреты, напрасно вы воображаете, что скрыли ихъ. Да слышите вы меня, наконецъ?

M-elle Paton не отвѣчала. Лери босая, на ципочкахъ пробралась въ ея комнату, къ постели и заглянула ей въ лицо, готоваясь дернуть ее за руку.

— Ахъ, противная, заснула!—удивилась она.—А я-то съ ней говорю... Странная какая она, вѣрно, не умѣетъ мечтать.

Но, зарывшись въ мягкую, теплую постель, она и сама не сумѣла помечтать, какъ хотѣла. Приятная усталость сковала ея члены, всѣ мысли смѣшались въ счастливой головкѣ, и она послѣдовала примѣру своей наставницы.

Х.

Живо пришло и прошло Рождество. Имъ всѣ были довольны, даже Лери веселилась больше, чѣмъ когда-либо. Ее вездѣ брали, куда ѣхали всѣмъ семействомъ, и она не знала, чему это приписать: приближающемуся шестнадцатилѣттю или постояннымъ просьбамъ за нее братьевъ и Асмолина. На нее точно больше стали обращать вниманія, больше стали стараться развлечь и занять ее. Пестрымъ калейдоскопомъ промелькнули передъ Лери всѣ эти веселые зимніе дни и еще болѣе веселые вечера съ неизбѣжными елками, манежемъ, циркомъ, театромъ, даже катаньемъ на тройкахъ. И все это освѣщалось присутствіемъ «его»; при воспоминаніи о рождественскихъ удовольствіяхъ вездѣ на первомъ планѣ стояла его высокая, статная фигура, ярче всякой музыки раздавался его голосъ, его фразы и слова. Пусть они были незначительны, Лери они были дороги уже потому, что были произнесены имъ. Засыпая, она шепотомъ повторяла ихъ, живо представляя себѣ его

голосъ, выраженіе его лица, его улыбку. Она оживляла въ памяти всѣ ихъ разговоры съ нимъ, съ перваго дня ихъ знакомства и теперь даже въ первомъ чувствѣ симпатіи къ нему видѣла начало любви, которой она жила въ настоящее время. Ея любовь росла, росла отъ каждой его улыбки, отъ каждаго ничтожнаго знака вниманія. Ловя на себѣ его взглядъ, внимательный и ласковый, она вспыхивала отъ страха и надежды, что онъ замѣтитъ ее и ея любовь. Но онъ видѣлъ только «маленькую Лери», доврчивую, полувзрослую дѣвочку, которую онъ любилъ, какъ младшую сестренку, не больше. Но Лери не унывала. Она была счастлива уже тѣмъ, что могла любить, ни въ чемъ не упрекая себя.

На Рождествѣ, несмотря на частые выѣзды изъ дому, на частые приемы гостей,—они сблизились больше, чѣмъ за все время. Часто засиживаясь у камина, въ полутемной гостиной, они вели долгія, безконечныя бесѣды, участливо заглядывая во внутреннюю жизнь другъ друга. Этотъ серьезный мужчина, прошедшій всю школу жизни, узнавшій всѣ показныя и оборотныя стороны ея,—не могъ не поддаться искушенію раскрыть хоть немного свою душу передъ ребенкомъ, съ такой трогательной и деликатной заботливостью разспрашивавшимъ его. Лери въ эти нѣсколько недѣль больше узнала Асмолина, чѣмъ знали его товарищи. Она слышала о долгихъ годахъ ученья, представляла его молоденькимъ, стриженнымъ кадетомъ, мерзла вмѣстѣ съ нимъ въ ужасныхъ казармахъ, негодовала на офицеровъ, сурово обращавшихся съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ чувствовала безсилную мальчишескую злобу на несправедливое начальство. Но все это прошло, все далеко,—и она въ концѣ-концовъ громко радовалась за него, улыбающаяся, гордая его теперешнимъ положеніемъ. Онъ, съ своей стороны, не могъ не удивляться тактичности ея безчисленныхъ вопросовъ и скромности, съ которой она приняла его откровенность. Такая не могла ни обидѣть, ни задѣть большой струны въ сердцѣ, потому что сама была очень чутка. Но еще ни разу не поглядѣлъ онъ на нее, какъ на женщину, да еще женщину любящую; она была для него умнымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ, пожалуй, слишкомъ развитымъ для своихъ лѣтъ.

Лери цвѣла счастіемъ. Только ея крайняя молодость спасала ее отъ наблюденій окружающихъ. Даже любящій и внимательный глазъ матери ничего особеннаго не могъ найти въ юномъ, вѣчно сіяющемъ личикѣ, въ темныхъ невинныхъ глазахъ, блестявшихъ любовью и счастіемъ. Что могло печалить Лери?—думала Данаева.

О чемъ она могла заботиться?... Она уже слишкомъ умна, чтобы разстраиваться дѣтскими горестями; а докучныя заботы взрослыхъ еще не коснулись ея. Она счастлива мыслью о своемъ балѣ, своею молодостью; а любить... Кого же она можетъ не любить? Противъ кого она можетъ имѣть что-нибудь? Она любитъ всѣхъ, все живое, любить жизнь, солнце, воздухъ, какъ молодое растеніе. И вмѣстѣ съ тѣмъ она никого не любитъ.

И ничто не мѣшало Павлѣ Михайловичѣ любоваться развивавшейся красотой дочери. Однако и для нея подходящія шестнадцать лѣтъ Лери представлялись какою-то гранью, послѣ которой что-то должно было измѣниться въ жизни и понятіяхъ дѣвочки. Невольная тревога сжимала ея душу, и она жалѣла, что Лери такъ скоро сумѣла вырасти и поумнѣть. Не лучше ли ей было всегда оставаться дѣвочкой, шалуньей и хохотушкой, въ этомъ широкомъ платьицѣ, съ растрепанною косой, съ вѣчнымъ словомъ «шаташ» на устахъ. А когда-нибудь она замѣнитъ его другимъ мужскимъ именемъ, можетъ быть, болѣе любимымъ. И Павла Михайловна заключала свои размышленія печальною покорностью законамъ природы.

— Да, всегда такъ, — вздыхала она, принимаясь за свое вязанье. — Старое старится, молодое растетъ.

Андрей Ивановичъ не задавался никакими вопросами. Онъ просто любилъ «бѣсенка», сидѣвшаго у него на колѣняхъ и, попрежнему, разглаживавшаго его сѣдые усы. Если онъ и не выносилъ напоминанія о женихахъ, то просто, какъ непріятной шутки, а что это могло быть только шуткой, онъ не сомнѣвался. Лери замужъ?! да кто и возьметъ такую пичужку?... ее и черезъ два-три года попь вѣнчать не согласится.

Но Лери совсѣмъ не была «пичужкой». Конечно, она не выигрывала передъ рослыми фигурами братьевъ и отца, но она и теперь была чуть-чуть пониже матери и еще общала вытянуться. Недлинное платье, прическа — все скрадывало ея ростъ, но никто уже не могъ назвать ее нескладной, какими бываютъ обыкновенно подростки. Во всей ея фигурѣ сквозило что-то недоконченное, недосказанное, что только угадывалось и чувствовалось. Впрочемъ, надъ этимъ никто не задумывался, а сама Лери отлично знала себя.

Она не была довольна *m-lle Paton*, которая, еще до Рождества выведенная изъ терпѣнія приставаньями, слезами и угрозами, согласилась давать уроки кокетства. Бѣдная *m-lle Paton* усердно прохаживалась передъ нею какимъ-нибудь особенно граціознымъ шагомъ, вздыхала, бросала вокругъ себя игривые взгляды, принимала очаровательно-сентиментальныя позы, закатывала глаза

подъ лобъ, — Лери ничто не приходилось по вкусу. Она или поднимала на смѣхъ m-lle Paton, или раздражалась, увѣренная, что французенка нарочно не хотѣла ее понять и показать ей настоящее кокетство. Кончилось тѣмъ, что онѣ поссорились, и въ тотъ же день у m-lle Paton пропали щипцы, которыми она завивала волосы, а у Гриши на спинѣ его тужурки обазалась пришпиленная булавкой записочка, въ которой говорилось, что m-elle Paton отчаянная разбойница и была выгнана изъ своего отечества за революцію. Гриша, впрочемъ, нисколько не огорчился, а разсказалъ всѣмъ по секрету объ этомъ обстоятельстве и даже привѣсилъ записочку на ниткѣ къ лампѣ въ столовой. Прежде всѣхъ увидали ее Бостя съ Ѳедей, потомъ генераль, потомъ Павла Михайловна, и, наконецъ, прочла по складамъ обрадованная Аринушка, которая начала сейчасъ же упрашивать барыню остерегаться «французской бунтовщицы».

Когда пришла Лери, разговоръ о злополучной записочкѣ и хохотъ были въ полномъ разгарѣ. Увидавъ летающую на ниточкѣ бумажку, Лери сейчасъ же поняла въ чемъ дѣло, но нисколько не смутилась, а подошла и прочла въ свою очередь. Но она не разсмѣялась, а бросила французенкѣ уничтожающій и презрительный взглядъ, такъ что та даже сконфузилась и безпокойно задвигалась на стулѣ.

И за столомъ всѣ смѣялись, отлично понимая, въ чемъ дѣло. Только Лери и французенка продолжали невозмутимо одна пить чай, другая — кофе, мѣряя другъ друга непріязненными взглядами. Вся эта исторія отозвалась на несчастной m-lle Paton: вечеромъ ей пришлось споткнуться на веревку, растянутую по ея комнатѣ, и упасть. Впрочемъ, послѣ этого Лери овладѣло раскаяніе, и онѣ помирились.

За все это время душевный покой Лери былъ возмущенъ только разъ. Это произошло уже послѣ Нового года, когда Павла Михайловна, называя гостей, которыхъ предполагала пригласить на вечеръ въ рожденье дочери, шуточно посовѣтовала полковнику обратить вниманіе на барышень Коммеръ, хорошенькихъ и богатыхъ невѣстъ, выѣзжавшихъ первую зиму. Лери, съ интересомъ слѣдившая за именами приглашенныхъ, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на мать, испуганная словомъ «невѣсты». Павла Михайловна нѣсколько встревоженная волненіемъ дочери, отослала ее подъ какимъ-то предлогомъ. Но Лери, повинувшись матери, не могла уже заставить себя забыть о барышняхъ Коммеръ, и ей показалось, что у нея уже отняли ее любовь, безъ которой жизнь становилась скучной и

тяжелой. Заранѣе поплакавъ, она рѣшила не уступать ни за что на свѣтъ и отстаивать свое право любить его, насколько это было возможно. Вечеромъ того дня она подсѣла къ Асмолину и принялась переважно разсуждать на тему о недалёковидности мужчинъ и коварствѣ женщинъ. Онъ слушалъ и хохоталъ; Лери сердилась, не умѣя никакъ взять настоящаго тона. Наконецъ, она приняла очень серьезный видъ и, нѣсколько смущаясь, заговорила о фальшивыхъ волосахъ и зубахъ. Для нея это была ужасная вещь, и она была увѣрена, что этимъ достигнетъ цѣли.

— Тутъ, въ Москвѣ, это ни во что не ставятъ, — гала она, краснѣя и продолжая преслѣдовать свою цѣль. — Да и въ самомъ дѣлѣ что же дѣлать, если зубы выпадутъ. Но это ужасно, правда?

Въ ея глазахъ такъ ясно выражалось желаніе привести его въ ужасъ, что любезный полковникъ послѣшилъ перепугаться и восблигнуть:

— Но вѣдь послѣ этого нельзя быть увѣреннымъ ни въ одной барышнѣ. Миѣ и теперь вы подозрительны, Лери, какъ хотите. Эти волосы... миѣ сдается, что они фальшивые.

Лери торжествовала: онъ повѣрилъ.

— О нѣтъ! — вскричала она, перекидывая косу черезъ плечо. — Вы можете тащить ее, сколько угодно, она не оторвется. Попробуйте-ка!

Полковникъ взялъ въ руку шелковистые тяжелые волосы дѣвочки. Онъ не рѣшался тянуть, боясь сдѣлать ей больно. Но она просила такъ настойчиво, что онъ долженъ былъ согласиться. Хорошенькая головка Лери вся перегнулась назадъ, но коса не оторвалась.

— Вотъ тебѣ разъ! — сказалъ подходя Андрей Ивановичъ. — За что вы ее такъ внушительно?

— Да нѣтъ, папа, мы вовсе не поссорились, — сказала Лери, пуская отца на свое кресло и тотчасъ же присаживаясь на его колѣна. — Я показываю Сергѣю Николаевичу, что у меня не привязная коса.

— Не привязная коса?! — изумился генералъ. — Что это ему въ голову пришло?

— Да, вотъ теперь онъ видитъ, что у меня настоящая. И зубы... смотрите, смотрите! всѣ! Видѣли?... А пусть попробуетъ у всѣхъ на балу такъ.

— Это вы на балу всѣхъ дамъ собираетесь за волосы тянуть? — расхохотался Андрей Ивановичъ. — Ну, батенька, не совѣтую вамъ такого погрома устраивать. Вамъ за это и отъ Павленьки достанется.

Лери смѣялась вмѣстѣ съ ними. Она теперь была увѣрена, что достаточно напугала полковника и что онъ не рѣшится жениться, боясь привязной косы и вставленныхъ зубовъ. Она успокоилась. А если иногда ей приходили въ голову барышни Коммеръ, она утѣшала себя мыслью, что Асмолинъ все равно не увидитъ ихъ до бала, а еще неизвѣстно, кто лучше будетъ на балу: она или Коммеръ.

А время летѣло, и до бала оставалась всего какая-нибудь недѣля. Все для Лери сосредоточилось теперь въ этомъ днѣ, въ этомъ восьмомъ числѣ февраля мѣсяца. Ей казалось, что этотъ день все отдаляется отъ нея вмѣсто того, чтобы приближаться. Она теряла голову отъ волненія и радости, не понимая, какъ это другіе могутъ относиться равнодушно къ такому великому дню. Наканунѣ ее нельзя было узнать: въ волненіи она всегда хорошеѣла, глаза блестѣли, румянецъ усиливался на нѣжныхъ щекахъ. Она не въ состояніи была ни за что взяться и только слонялась по комнатамъ, наблюдая за ихъ уборкой и уже представляя себѣ, каково все это будетъ завтра, и особенно вечеромъ.

Музыка и цвѣты...—шептала она, проходя по огромной пустой залѣ, гдѣ натирали паркетъ. — Свѣтло, свѣтло!... гости!... И вдругъ я упаду всѣмъ на смѣхъ? А вдругъ со мной никто кромѣ братьевъ не станетъ танцовать? Ахъ, скорѣе хоть бы.

Аринушка носилась по комнатамъ, тоже предчувствуя что-то необычайное и всѣми силами хлопоча для своей ненаглядной барышни. Она уже сообщила Лери, что приготовила себѣ назавтра такое платье, что всѣ гости ахнутъ. Сѣрое шелковое и съ серебряными брנדельбами на груди и по подолу! Все берегла для свадьбы кого-нибудь изъ «мальчиковъ», да ужъ хочетъ завтра обновить.

— Хотѣла было и брошку съ браслетой надѣть, — сообщала Аринушка, — да боюсь, лучше вашей маменьки, пожалуй, буду. Ну какъ гости подумаютъ, что я генеральша? Понятно, гости, которые незнакомые. Вѣдь ужъ очень отъ меня блескъ ослѣпительный пойдетъ, Леринька. Подумайте, брошка брилліантовая и брנדельки.

— Ничего, надѣвай и брошку, и брנדельки, — посовѣтовала Лери. — Да и рожки надѣнь, къ тебѣ идетъ.

— Каки такі рожки? — удивилась Аринушка, но барышня уже уходила, забывъ о ней совершенно. — И шутница же наша Леричка, вся въ братцевъ!...

— Гриша, да ты помнишь ли, что завтра? — приставала Лери къ брату.

— Да это-то я помню... а вотъ польку-то опять позабылъ, — собрушался Гриша. — Ну-ка, мы съ m-lle Paton осрамимся?

— Володя, а ты не забылъ?—спрашивала дѣвочка другого.

— Гдѣ мнѣ забыть, вѣдь я дирижирую.— Володя молодецки крутил усы. — Ну, и кавалеры же будутъ у тебя, сестренка, ахнешь. Смотри, сама не ударь въ грязь лицомъ.

И Лери даже страшно становилось передъ этимъ желаннымъ «завтра». А оно все близилось, вотъ и ужинъ, и чай, и ея одиннадцать часовъ... И сердце ея билось такъ весело и трепетно, и духъ занимался отъ счастливой тревоги.

XI.

Утро чуть брезжило въ высокія окна. Сѣрое небо съ едва вырисовавшимися тучами бросало на полъ и блестящіе изразцы печки какой-то унылый, тусклый отпечатокъ. Въ комнатѣ было очень тихо, и слышалось только ровное дыханіе спящей Лери. Слабый звукъ благовѣста съ колокольни приходской церкви проникалъ сквозь двойныя рамы. Аринушка, присѣвшая у окна, услыхавъ звонъ, набожно перекрестилась, перевела взглядъ къ кровати спящей и вздохнула.

На нее было возложено порученіе разбудить барышню къ обѣднѣ, а она все жалѣла и медлила, придя сюда чуть не съ четырехъ часовъ утра. Нѣсколько разъ, впрочемъ, она подходила къ Леринькѣ, наклонялась надъ нею и, снова отходя на почтительное разстояніе отъ кровати, начинала шептать:

— Леринька, не пора ли, голубокъ, а? Свѣтаеть... Встали бы, милушка, а?...

Но этотъ робкій, нерѣшительный шепотъ ничуть не тревожилъ Лери, да и сама Аринушка какъ будто опасалась заговорить нѣсколько громче. Сокрушенно покачивая головой, она отходила къ окну и снова садилась, не переставая смотрѣть на постепенно свѣтлѣвшее небо. А Лери и не догадывалась проснуться.

— Чу, звонятъ ужъ, — громко произнесла Аринушка, вскочивъ со стула, увѣренная, что и Лери слышала этотъ звонъ и проснулась. — Маменька, чай, одѣлись. Пожалуйте, Леринька, вставать.

Но красивое, блѣдное подъ хмурымъ свѣтомъ утра лицо дѣвочки оставалось попрежнему неподвижнымъ. Тонкая рука лежала поверхъ одѣяла, которое мѣрно приподнимала молодая грудь, едва замѣтная подъ шитьемъ сорочки. Спутанные черные волосы безпорядочно разбросались по подушкѣ, во всѣхъ чертахъ лица разлилось безмятежное спокойствіе. Аринушка въ отчаяніи подперла рукой щеку, любуясь этимъ сномъ и не имѣя силъ прервать его. Но

ударъ колокола яснѣе донесся до нея, и она рѣшилась, скрѣпя сердце.

— Барышня, Леринька, встать бы вамъ да и дѣло съ концомъ! Ну, что, право. И мамаша осердится. Встаньте-ка, милочъ, а?...

Голосъ ея былъ все такъ же тихъ, но теперь она стояла у самой постели и осторожно, едва касаясь пальцами одѣяла, трясла Лери за плечо. Дѣвочка пошевелилась, вдохнула, медленно повернула голову. Изъ-подъ чуть-чуть приподнявшихся рѣсницъ мелькнули блестящія темныя зрачки, также отразившіе этотъ мгlistый свѣтъ ранняго утра. Безсознательный взглядъ скользнулъ по темной фигурѣ Аринушки, наклонившейся надъ постелью, потомъ рѣсницы снова опустились, кидая тѣнь на поблѣднѣвшія щеки. Лери заснула опять.

— Милочъ! Красавица вы наша!—въ отчаяніи заняла Аринушка, складывая руки ладошками.—Право-съ пора. Опять же рожденье ваше сегодня... рожденье!...

Лери потянулась опять, не открывая глазъ; въ лицѣ ея появилось досадливое выраженіе. Потому что она вдругъ открыла глаза и непослушнымъ еще голосомъ спросила:

— А вы... куда идешь?...

— Никуда-съ, я васъ бужу,—подхватила обрадованно Аринушка.—Позвольте ваши ручки, я подниму-съ. Мамаша небось ждуть давно... Скоро и къ обѣднѣ отблаговѣстятъ.

— Къ обѣднѣ?—переспросила еще не совсѣмъ проснувшаяся Лери.—Да, я нынче... нынче мое рожденье, Аринушка, рожденье?

— Рожденье-съ!—отвѣтила Аринушка и поспѣшно подсунула ей за спину руку, боясь, что она опять повалится на подушки.—Имѣю честь вамъ пожелать всякаго благополучія, а наипаче добраго здоровья, большой расти... Извольте, ваше бѣльцо!

Теперь Лери совсѣмъ проснулась. Привычнымъ движеніемъ головы она отбросила назадъ лѣзшіе на глаза волосы. Оживившееся лицо, съ глазами, еще суженными и полными нѣги недавняго сна, обернулось къ свѣтившему окну, губы сложились въ улыбку, которая вдругъ перешла въ зѣвоту, неудержимую и сладкую; слезинки показались на сошедшихся рѣсницахъ. По тѣлу пробѣжали мурашки, и такъ холодно стало. А мягкая постель, подушка, смятая недавнимъ удобнымъ положеніемъ головы, отброшенное одѣяло—все такъ еще и дышитъ тепломъ, такъ и манитъ упасть и зарыться, и спрятаться отъ этого тусклаго утра, на которое смотрѣть холодно.

Лери торопливо соскочила съ постели, становясь на коврикъ голыми ногами; снова ощущеніе холода прошло по голымъ рукамъ,

по спишь и шею... И въ то же время съ улицы донесся густой звукъ большого колокола, заколебавшій воздухъ. Лери перекрестилась, и ее вдругъ охватило радостное сознание, что такъ долго жданный день насталъ; ее повлекло въ темную холодную церковь, чтобы начать этотъ день молитвой. Она уже представляла себѣ церковную службу, пѣніе дьячговъ, возгласы священника, и это уже вѣяло на нее торжественностью настоящаго праздника.

Что будетъ дальше, послѣ обѣдни, послѣ завтрака, послѣ семи часовъ,—она объ этомъ еще не думала. Она видѣла только сѣрыя тѣни утра, Аринушку, разбудившую ее, слышала легкій храпъ француженки за перегородкой, перезваниваніе колоколовъ,—и все это наполняло ее особенной торжественной радостью. Этотъ день не былъ, не могъ быть такимъ, какъ всѣ, а потому и начать его она не могла иначе, какъ по-праздничному. Она пспѣшно одѣвалась, а въ душѣ ея росло радостное чувство, и эта сѣреньгая погода казалась ей самой подходящей для важнаго дня и уже начинала ей нравиться потому, что въ этотъ день ей все должно было нравиться.

Она уже расчесывала волосы, раздумывая, не слѣдуетъ ли ей причесать ихъ à la grec, и тщетно спрашивая объ этомъ Аринушку. Та только молча качала головой, держа въ рукахъ бѣлое нарядное платье Лери, которое ничѣмъ не отличалось отъ всегдашняго фасона ея платьевъ. Это могло бы обидѣть Лери, но сегодня ей все казалось въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ. Конечно, днемъ и это платье сойдетъ, а вечеромъ... И она не додумывала, потому что вечеръ представлялъ для нея что-то такое несказанно и немислимо прекрасное, что только краснорѣчивая улыбка могла выразить удовольствіе, овладѣвшее ею при воспоминаніи о немъ. Ея фантазія была безсилна представить этотъ балъ по образцу шаблонныхъ дѣтскихъ баловъ, которые она посѣщала; ея балъ—было нѣчто гораздо болѣе интересное и веселое, и ея воображеніе отказывалось создать его. Неясные мотивы и мелодіи, слышанные когда-либо ею, бродили въ головѣ, но она отгоняла ихъ, зная, что на ея балу они зазвучатъ иначе. Она думала: пусть будетъ, что будетъ!—и не сомнѣвалась, что все, что ни будетъ вечеромъ, все будетъ хорошо и чудесно. Въ ея лицѣ, въ улыбкѣ, въ мечтательномъ выраженіи глазъ—вездѣ свѣтилось это чувство надежды и восторга, даже ея любовь къ «нему» померкла передъ этой тихой, властной радостью. Вѣдь если все будетъ хорошо на балу,—а такъ должно было быть,—то и съ нимъ все будетъ идти само собой, какъ слѣдуетъ, и лучше, чѣмъ она могла бы придумать.

— Мамаша, знать, идутъ, — произнесла Аринушка, застегивая на спинѣ Лери пуговики платья и прислушиваясь. — Ишь какъ въ разъ, и вы готовы.

Лери тоже прислушалась. Въ этой тишинѣ ранняго утра ясно слышались по коридору легкіе, неторопливые шаги. Лери сразу не то узнала, не то почувствовала, что это шла мама, и снова все показалось ей необыкновенно милымъ и приятнымъ: и легкая походка матери, и мягкое шуршанье ея шелковыхъ юбокъ, и ея стройная, худощавая фигура, появившаяся въ двери.

— Здравствуй, моя большая, поздравляю! — начала Павла Михайловна, осторожно притворяя за собой дверь и стараясь не стукнуть. — Ну, какъ?

— Очень хорошо, мама, — отвѣтила Лери, подходя къ ней, обнимая ее и заглядывая ей въ глаза. Она была увѣрена, что мать спрашиваетъ, каково у нея на душѣ, и радовалась, что можетъ подѣлиться съ ней своимъ ликующимъ настроеніемъ. — Такъ хорошо, что даже думать ни о чемъ не хочется. Только ждешь, что вотъ случится что-то хорошее, хорошее. Я увѣрена въ этомъ, мама!...

Павла Михайловна съ любовной тревогой заглянула въ тихо улыбавшееся лицо дочери, въ темные глаза, полные смутныхъ грѣзь о неизвѣданномъ еще, но уже предчувствуемомъ счастьѣ. Что такое шевельнулось въ юной душѣ? Что пробудило бессознательную радость, освѣщавшую выразительныя черты, горѣвшую въ блестящемъ взглядѣ чистыхъ глазъ? Мать почувствовала, что она не въ состояніи разгадать эту новую, молодую и могучую силу, такъ преобразившую Лери, и, подавивъ вздохъ, она нѣсколько разъ порывисто поцѣловала дочь и сказала своимъ обычнымъ тономъ:

— Однако идемъ, пора!

На головкѣ Лери появилась ея большая шляпа, а Аринушка держала въ рукахъ шубку, готовясь подать ее барышнѣ. И экономка, и Павла Михайловна улыбались, глядя на свою любимицу; и Лери сама еле удерживалась отъ смѣха, радостнаго и безпричиннаго.

— Пойду, — сказала Павла Михайловна шепотомъ и все улыбаясь. — Сойди тогда, Лери. Да чего ты смѣешься?

И всѣ трое засмѣялись негромко и счастливо. — Павла Михайловна махнула рукой и вышла; Аринушка начала прибирать постель, что-то бормоча про себя, и все продолжала улыбаться.

— Господи, чему я рада? — думала Лери, смотря на запотѣвшія стекла окна. — Хорошо какъ мнѣ, страхъ какъ хорошо! Вотъ, вѣрно, мокрый снѣгъ пошелъ... это тоже хорошо. Весело...

Ее радовали и голыя мокрыя вѣтви уличнаго дерева, тихо ва-

чавшіяся отъ вѣтра, и бѣлыя чашечки стоявшаго передъ окномъ телеграфнаго столба. На душѣ было все такъ спокойно и ясно, хотя она не забывала ни о чемъ и ни отъ чего не отказывалась. Она продолжала любить, и это было ея счастіемъ и теперь, и всегда; но сегодня все, даже то, что тата не дала ей надѣть новаго длиннаго платья (не бальнаго, а домашняго), даже то, что день былъ пасмурный, а погода непріятная,—все казалось ей почти желаннымъ, какимъ было для нея шестнадцатилѣтіе. Она чувствовала себя слишкомъ взрослой для того, чтобы быть счастливой отъ исполненія полудѣтскаго желанія и отъ солнечныхъ лучей и яркаго неба. Ей нужно было другого счастья, и она надѣялась, что оно будетъ, и ждала его, увѣренная и спокойная въ своей тихой радости.

Она была уже готова и оглядѣла себя въ зеркалѣ. — Совсѣмъ, какъ всегда!—подумала она, и эта мысль не вызвала въ ней и тѣни неудовольствія. Та же стройная дѣвочка въ длинной шубѣ-пальто, въ большой шляпѣ, которая такъ идетъ къ матовому личику съ живыми глазами. На лобъ уже упали надоедливые темные завитки, они выбились также и съ боковъ, около ушей, и еще болѣе красятъ хорошенькую головку,—значить, все остается попрежнему?! Лери мечтала и о новой шляпѣ, и о новыхъ платьяхъ по совершенно другому фасону, мечтала о множествѣ подарковъ и даже о хорошенькой мебели въ комнату, вродѣ мебели, которая была у богатой нѣмочки Доры Штихеръ. Теперь Лери даже удивлялась на себя, что не испытывала досады разочарованія отъ несбывшихся надеждъ. Она не могла не представить себѣ, могло ли быть лучше, чѣмъ было теперь. Еслибъ она проснулась въ нарядной комнатѣ съ новой мебелью, съ гардинами, туалетнымъ столомъ, если бы, открывъ глаза, она увидала массу подарковъ (она привыкла получать ихъ рано утромъ), она не могла бы быть болѣе счастлива.

— Аринушка, похоже, что мнѣ ужъ шестнадцать?—спросила она, не отводя глазъ отъ своего изображенія въ зеркалѣ. Она была не совсѣмъ увѣрена въ желаемомъ отвѣтѣ, но знала, что и отрицательный не смутитъ ея душевнаго спокойствія. — Вѣдь шестнадцать лѣтъ тоже совершеннолѣтіе,—продолжала она, поправляя бантъ, завязанный подъ подбородкомъ, и новорачиваясь лицомъ къ Аринушкѣ.

— Извѣстно, шестнадцать лѣтъ не то, что... Въ шестнадцать и замужъ можно,—согласилась Аринушка.—Вотъ только жениховъ папенька ненавидятъ. Нельзя же противъ власти родителей.

— Нельзя!—лукаво повторила Лери, качая головой и наблюдая въ зеркалѣ, хорошо ли это у нея выходитъ.—Я, Аринушка,

сама ненавижу жениховъ, потому что я послушная дочь. Пусть они хоть провалятся всё...

— Зачѣмъ же съ?—заступилась Аринушка.—Тогда бы и всё ваши братцы должны были провалиться. Зачѣмъ такъ? Боже сохрани.

Смѣявшаяся Лери вдругъ серьезно взглянула на эконому.

— А Сергѣй Николаевичъ провалился бы?—спросила она.— Вѣдь онъ...

— Э, Леринька, да съ чего имъ проваливаться-то?—возмутилась наконецъ Аринушка.—А вы ступайте-ка, мамаша ждутъ, небось.

— Но вѣдь онъ тоже женихъ,—думала свое Лери, шагая по коридору и поскрипывая ботиками по ковру.—И какъ хорошо, что папа забылъ, что онъ тоже женихъ, и пригласилъ его жить у насъ. Папочка, значить, проглядѣлъ... Хорошо, что именно его проглядѣлъ; а если бы вмѣсто него папа пригласилъ какого-нибудь стараго, некрасиваго, глупаго, а Сергѣя Николаевича прошелъ бы?... и я бы его не видала и не знала? Что же было бы тогда?... А я-то какъ же?

Она не могла себѣ представить, какъ бы могло быть по другому, и она не любила бы Асмолина и даже не знала бы его. Вѣдь онъ сидѣлъ въ своей Средней Азии цѣлые годы и въ первый разъ всего вздумалъ пріѣхать оттуда... «И попалъ къ намъ. И къ моему балу,—раздумывала и радовалась Лери.—И я оказалась хорошенькой: это тоже очень важно. Во всякомъ случаѣ на свѣтѣ все очень хорошо устроено».

Домъ еще спалъ. Вездѣ было тихо. На лѣстницѣ, на верхнихъ ступеняхъ расположился Федоровъ, старавшійся разобрать газету, въ сѣромъ полумракѣ утра, глядѣвшаго въ широкое двойное окно. Солдаты старательно разглаживалъ газету на козлѣнѣ и водилъ пальцемъ по строчкамъ, невнятно складывая.

— Ве-ли-че!.. величе-с-т-во. Величество!...

Лери остановилась сзади него и, глядя на широкую, согнутую спину солдата, немедленно перенесла на него часть любви, которую питала къ его барину. Этотъ денщикъ напомнилъ ей о немъ, о его присутствіи въ ихъ домѣ. Онъ, вѣрно, спитъ еще теперь, и когда Федоровъ станетъ будить его, ему не захочется, ему будетъ досадно, но потомъ онъ вспомнитъ, что это день ея рожденія. А что онъ подарить? Можно узнать отъ этого милаго глупаго Федорова: все выболтастъ. Вѣрно, ужъ вчера его посылали куда-нибудь.

Но ей не пришлось начать разговора. Павла Михайловна уже

показалась на площадке и, отвѣтивъ на поклонъ Федорова, послала его внизъ вызвать швейцара. Солдатъ побѣжалъ, оглушительно громыхая по чугуннымъ ступенямъ, а Данаева обратилась къ дочери:

— Пора, пора. Я не хотѣла бы опоздать сегодня.

— И я тоже...—отъ всего сердца отозвалась Лери и поспѣшно спустилась внизъ, опередивъ мать.— Кажется, отблаговѣстили, мама.

Филиппъ уже отворилъ дверь, и на нихъ пахнуло свѣжестью нѣсколько сырого утра. Маша подняла платье, осторожно сходя по скользкимъ ступенямъ подъезда. По обледѣвшему и сверху мокрому снѣгу двора приходилось идти такъ же медленно.

— Какъ хорошо, какъ весело!—думала новорожденная, слѣдуя за матерью, и спотыкаясь, и скользя на каждомъ шагу.— Какъ прелестно, что на улицахъ никого нѣтъ и что такъ свѣжо и мокро... И сверху что-то мокрое падаетъ.

Она закидывала назадъ голову, защищенную широкими полями шляпы, и чувствовала необыкновенное наслажденіе, когда маленькая мокрая и холодная снѣжинка падала и таяла на ея щекѣ. Эта сѣренькая, уже весенняя погода, грязный рыхлый снѣгъ, рѣдкіе спотыкающіеся прохожіе, звонъ колоколовъ въ церкви, куда онѣ направились,—все это оживляло и поддерживало въ Лери только одну мысль:

— Господи, какъ хорошо. Какъ я рада!...

ХІІ.

— Ну, что?—спросилъ Володя, входя въ комнату и протягивая къ камину озябшія руки.— Все въ исправности?

Никто изъ присутствующихъ не далъ ему отвѣта, да онъ и не ждалъ его, а спросилъ такъ, просто, чтобы сказать что-нибудь, входя въ гостиную. Онъ зналъ, что иначе, какъ въ исправности, ничего не бываетъ въ ихъ домѣ, въ рукахъ паша и Аринушки.

Бостя подкатилъ брату кресло къ самому камину, чтобы онъ могъ согрѣться; Андрей Ивановичъ посоветовалъ прибавить огня. Но Лери, сидѣвшая въ темномъ уголкѣ гостиной, подлѣ Павлы Михайловны, которая уже давно съ любопытствомъ слѣдила за возрастающимъ волненіемъ дочери,—Лери вдругъ вскочила съ мѣста и побѣжала къ брату, произнося умоляющимъ голосомъ:

— Володя, я бы хотѣла... Мнѣ очень, очень необходимо поговорить съ тобой, Володя!

Володя всталъ съ величайшею готовностью и самымъ серьезнымъ выраженіемъ на лицѣ, хотя это «очень, очень необходимое» дѣло почти у всѣхъ вызвало улыбку. Всѣ громко разсмѣялись, не исключая Павлы Михайловны, имѣвшей очень утомленный видъ отъ хлопотъ этого дня, когда Лери сказала умышленно-небрежнымъ тономъ:

— Пойдемъ ко мнѣ... Тамъ всего удобнѣе.

— Буда къ тебѣ?... Ахъ да, въ классную! — не преминулъ подшутить Володя.

Живѣйшее удовольствіе отразилось въ глазахъ дѣвочки. Смѣхъ присутствующихъ не задѣвалъ ея. Правда, она почти каждому говорила эту же фразу и всѣхъ по очереди водила показывать свою комнату, этотъ чудный, уютный уголокъ, о которомъ она даже не мечтала. Это былъ сюрпризъ ей отъ всѣхъ членовъ семейства. Аринушка добросовѣстно рассказывала, кто что подарилъ, кто что принесъ, кто что вѣшалъ. Петру и Оенѣ нечего было дѣлать: молодые господа устроили все сами. Лери было просто подавлена величиной жертвы Гриши, который самъ, безъ посторонней помощи, влѣзалъ подъ самый потолокъ комнаты и въ потѣ лица старался повѣсить на крюкъ золотисто-розовый фонарикъ. Портьеры и картины вѣшали два младшихъ брата, а Володя привезъ прелестную тумбочку къ кровати, на которую шапап тотчасъ постелила изящно-вышитую покрывку. Вѣдь у шапап всегда все найдется и все самое лучшее. Мебель, туалетный столикъ, пушистый коверъ во всю комнату, изящная горка съ массой хорошенькихъ бездѣлушекъ — все было такъ хорошо, что Лери и въ мечтахъ не представляла себѣ ничего лучшаго. Она знала, что братья, приготавливая для нея комнату, видали всѣ вещи гораздо раньше ея и уже должны были достаточно узнать и привыкнуть къ нимъ. Но ей самой каждая фигурка, каждое креслицо, каждый цвѣтокъ на узорѣ гардиннаго тюля — все было ей до такой степени дорого и понятно, что она была увѣрена, что братья безъ нея не увидятъ и сотой доли того, что нужно. И вводя ихъ поочередно въ свои владѣнія, она обращала ихъ вниманіе на мельчайшія подробности обстановки, которыя, по ея мнѣнію, и составляли въ цѣломъ эту восхитительную картину.

— Ты не замѣтилъ, Гриша, какъ хороша и тонка работа этихъ цѣпочекъ у фонаря? — восклицала она. — Вѣдь одна такія цѣпочки — украшеніе комнаты; а тутъ цѣлый фонарь, да еще съ золотомъ.

— Послушай, ты видишь, на этомъ тюлѣ цѣлая картина! — приставала она къ Бостѣ, немилосердно дергая его за рукавъ. —

Разсмотри-ка получше. Если хочешь, можешь съѣсть на этотъ диванчикъ, но только опускаться осторожно. Взгляни, какія у него чудныя точеныя ножки.

И дѣйствительно оказывалось, что всѣ они пропускали эти подробности, никто, кромѣ нея, не замѣчалъ ихъ. А она продолжала стоять на своемъ, повторяя, что неизвѣстно еще, что бы вышло, если бы на мѣстѣ этого фарфороваго пастушка стояла какая-нибудь грубая, безвкусная вещь и если бы рамка зеркала была оляповато сдѣлана. Это испортило бы все, увѣряла она, и даже красота остальныхъ вещицекъ не спасла бы цѣльности впечатлѣнія.

Вообще Лери была чрезвычайно довольна своимъ переселеніемъ. Даже подарки, передъ которыми въ первую минуту она замерла отъ восхищенія, не такъ обрадовали ее, какъ эта спальня. Она будетъ внизу, недалеко отъ Павлы Михайловны, одна, безъ m-elle Paton, а главное — отсюда будутъ слышны ея шпоры, когда онъ пройдетъ по коридору или станетъ сходить по лѣстницѣ. Лери была въ восторгѣ.

Подарковъ было довольно много, и всѣ хорошенькіе, цѣнные, по вкусу Лери. На первомъ планѣ лежали крошечныя золотыя часы съ эмалью и розочками, съ ея вензелемъ на крышкѣ, съ ажурною, точно связанной изъ золотой ниточки, цѣлочкой Матап подарила два вѣера, оба изъ шелка и дорогихъ кружевъ, съ чудесно исполненными рисунками; Лери одинаково любовалась перламутровою отдѣлкой бѣлага вѣера и рѣзною черепахой — другого. Отъ Володи тутъ же лежалъ бинокль слоновой кости съ золотомъ, и когда Лери посмотрѣла въ него, чтобы попробовать стекла и навела ихъ на заваленный вещами столѣтъ, то сейчасъ же рассмотрѣла и остальные подарки: рабочій ящичекъ изъ розоваго плюша съ вдѣланнымъ въ крышку зеркальцемъ, какой-то особенный симфоніонъ, подарокъ Гриши, съ металлическими кружками-песами, и открытый футляръ, на темномъ фонѣ котораго выступали красныя, какъ кровь, кораллы. Тутъ былъ цѣлый приборъ: и на шею, и въ уши, и гребенка для прически, и колечко, и браслеты, и булавочки. Брошкой служила цѣлая натуральная вѣточка, къ которой снизу была незамѣтно придѣлана застежка. Лери начала было примѣрять гребенку къ своимъ чернымъ кудрямъ, но ее вдругъ поразилъ аромат въ комнатѣ, котораго она сразу не замѣтила. Она стала осматривать все кругомъ и наконецъ увидала за тюлевыми гардинами на обоихъ окнахъ роскошныя корзины свѣжихъ цвѣтовъ. Она бросилась къ нимъ, откинула тюль и такъ и спрятала загорѣвшееся лицо въ душистую влажную массу разноцвѣтныхъ

лепестковъ. Она сердцемъ чувствовала, что цвѣты были отъ него, и цвѣты говорили ей это. И этотъ скромный подарокъ, спрятанный и говорившій о себѣ только ароматомъ, немедленно занялъ въ ея сердцѣ первое мѣсто. Она любовалась корзинами, нѣжно гладила ленты бантовъ, завязанныхъ на высокихъ ручкахъ, цѣловала благоухавшія розы. Даже, когда, по настоянію тата и къ глубокому огорченію Лери, цвѣты вынесли въ залу, — ихъ запахъ долго еще держался въ комнатѣ и заставлялъ Лери вздыхать признательно и сладко. Ей что-то часто нужно было проходить по залѣ, и каждый разъ она взглядывала на цвѣты съ мыслью, что это отъ него и принадлежитъ только ей.

Одному Сергѣю Николаевичу не пришлось побывать въ комнатѣ Лери, и она сама не знала, отчего это такъ случилось. Вѣдь онъ былъ все время дома, поздравлялъ ее вмѣстѣ съ другими за утреннимъ чаемъ, завтракалъ и обѣдалъ дома. Только недавно онъ пошелъ прогуляться, жалуясь на легкую головную боль и шутливо повторяя, что ему нужно подрѣпить свои силы для предстоящихъ трудовъ. Лери съ безпокойствомъ слушала эти рѣчи, и теперь, когда его еще не было къ шести часамъ, начинала слегка тревожиться.

«А вдругъ ему очень надоѣло все это, — думала она. — Балъ, балъ... всѣ мы помѣшались на этомъ бадѣ. Вѣрно, онъ уѣхалъ къ знакомымъ на цѣлый вечеръ. Можетъ быть, онъ даже и не знаетъ, что это огорчитъ меня; онъ думаетъ, что я всѣхъ и все позабыла для бала. Что-жъ, и могла бы всѣхъ забыть, но не его. Ахъ, еслибъ онъ вернулся сейчасъ же, сію минуту. А то что же? Пусть лучше тогда ничего и не будетъ. Ахъ, пусть вернется!»

Эта тревога заставляла ее молчать все время въ гостиной и теперь, когда она возвращалась съ Володей по коридору. Восхищеніе брата ея комнатой еле заставило ее улыбнуться. Она не могла ни о чемъ думать. Ей было очень, очень «необходимо» поговорить съ Володей о полковникѣ же, но теперь и это выскочило изъ ея памяти. Она шла, опустивъ голову и чутко прислушиваясь къ малѣйшему шуму, доносившемуся оттуда, съ площадки надъ лѣстницей, черезъ которую имъ надо было проходить. Вотъ голоса, шаги, стукъ двери, холодный воздухъ, достигшій до нихъ... Опять стукнула дверь, и зазвучали голоса.

— Ого, кто-то уже пріѣхалъ, — удивился Володя, вынимая часы. — Однако, сестренка, не задерживай меня очень-то. Дѣла еще по горло, а времени — половина седьмого почти! — и, не получая отвѣта, онъ прибавилъ: — А тебѣ не пора ли одѣваться? Пока что...

Онъ ожидалъ, что она сейчасъ же взволнуется, согласится съ нимъ, начнетъ жаловаться на шапан, которая позволила ей начать одѣваться не раньше четверти девятого. Но она какъ будто не слыхала, не отвѣтила ничего, даже не взглянула на брата и продолжала идти осторожными, почти крадущимися шагами, прислушиваясь. Володя даже удивился, взглянувъ на ея лицо, гдѣ выражались и надежда, и страхъ, и сомнѣнье. Онъ объяснилъ это по своему и попробовалъ успокоить ее.

— Не бойся, Леричка, такъ рано никто не можетъ приѣхать. Вѣрно, изъ своихъ кто-нибудь. Братья - то всё дома? А, можетъ быть...

— Бажется, шпоры... Володя, ты слышишь шпоры?—задышающимъ голосомъ спрашивала Лери, вся порываясь впередъ.— Кто это?

— Вотъ женщины!—удивлялся Володя.— Экое любопытство! Кто? Да Сергѣй Николаевичъ! Конечно, онъ. Вонъ и Федоровъ бѣжить. Кто, братецъ, приѣхалъ?

— Ихъ высокородіе, ваше высокоблагородіе!—скороговоркой отвѣтилъ солдатикъ и пробѣжалъ дальше, производя ужасающій шумъ своими сапогами.

— Экій лѣшій!—проворчалъ Володя.

Лери тоже хотѣла что-то сказать и не могла. Въ дверяхъ освѣщенной площадки показалась мужская фигура, вырисовался силуэтъ головы, послышались твердые шаги, каждый разъ точно отдавашіеся въ сердцѣ Лери. Она почувствовала себя настолько слабой отъ счастья, что крѣпко схватила руку Володи и приняла къ нему всю свою тонкою фигуркой, пряча лицо за его спиной. Сергѣй Николаевичъ стоялъ передъ ними, и Володя что-то говорилъ ему. Полковникъ молчалъ, но Лери чувствовала его присутствіе по тому, какъ душила ее радость, какъ приливала къ щекамъ горячая кровь. Милый, милый... такъ онъ вернулся!... Онъ увидитъ ее взрослой, танцующей. Сердце ея такъ и прыгало.

— Ну-съ, покажитесь, — сказалъ полковникъ. Володю обликнулъ снизу швейцаръ, и онъ ушелъ на площадку и стоялъ тамъ, перегнувшись черезъ перила.— Такъ вы еще дѣвочкой сегодня?

— Я еще не одѣвалась, — отвѣтила Лери съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.— Последній разъ вы видите меня такъ.

Тогда онъ заговорилъ серьезно:

— Мнѣ жаль, если это будетъ такъ, какъ вы говорите. Вы все-таки слишкомъ малы для длиннаго платья... На васъ оно будетъ смотрѣть маскараднымъ костюмомъ и только. Неужели вы хотите быть смѣшной?

Но такъ какъ она стала сердиться и опечалилась, онъ заговорилъ съ ней спокойно и ласково.

— Такъ вы надѣетесь повеселиться?... Посмотримъ. Теперь вы очень милы, Лери, но, какъ хотите, я не могу представить васъ большой. Я не могу также радоваться какой бы то ни было перемиѣнѣ, потому что вы миѣ нравитесь больше всего такой, какъ теперь. И вдругъ явится какая-то важная, взрослая дѣвица, серьезная, вполне *comme il faut*... Согласитесь, что это не особенно пріятно?...

— Но вѣдь должна же я когда-нибудь вырасти? — въ отчаяніи вскрикнула Лери. — Наконецъ, это невысказимо. Посмотрите на Зину и Катю!...

— А! разъ дѣло коснулось ихъ, я удаляюсь, — воскликнулъ Асмолинъ. — До свиданья на балу, Калерія Андреевна, прощайте, дружожъ Лери. А кстати, можно будетъ подойти къ вамъ на балу?

— Пожалуй, вамъ некогда будетъ! — она опять вся просіяла при напоминаніи о вечерѣ. — Васъ увидишь, пожалуй, только около Каты! Ну, молчу, молчу... не сердитесь.

Они оба смѣялись. Лери замѣтила, наконецъ, Володю, выказывавшаго всѣ признаки нетерпѣнія, и готовилась уйти.

— Спасибо за цвѣты, — сказала она на прощанье. — Да еще вотъ что, Сергѣй Николаевичъ. Если со мной никто не будетъ танцевать, то хоть вы подойдите... хорошо?

Онъ, соглашаясь, наклонилъ голову.

— Я думаю, что этого не случится. Вамъ не дадутъ и вспомнить обо мнѣ. Вы, вѣрно, любите штатскихъ: студентовъ, какъ тотъ Митя на каткѣ или другой красивый господинъ, правда?

Она посмотрѣла на его улыбающееся лицо, на его аксельбанты, блестящія на темномъ сукнѣ мундира, на всю милую ей рослую фигуру и, тихо разсмѣявшись, отвѣтила:

— Я обожаю военныхъ.

Она убѣжала. Асмолинъ тоже разсмѣялся и медленно пошелъ къ себѣ, задумчиво покручивая усы.

«А славная дѣвочка! потѣшная!» — было все, что онъ о ней подумалъ.

Лери, прибѣжавъ въ свою комнату, также забыла обо всемъ на свѣтѣ, увидѣвъ разложенное на постели платье. Это былъ послѣдній и лучшій подарокъ въ этотъ день. Скромно одѣтая, некрасивая, но очень приличная молодая дама, портниха шапан, улыбалась глядя на ея шумную радость. Володя куда-то исчезъ, но Лери и думать о немъ забыла, ей не до того было. Теперь дѣла пойдутъ

одно за другимъ, стѣдить лишь только начаться. И въ самомъ дѣлѣ Параша, пришедшая отъ шапан, позвала ее своимъ тихимъ, нѣсколько слащавымъ голосомъ:

— Барышня, пожалуйста, къ барынѣ, парикмахтеръ тамъ идетъ. И вы, мадамъ, туда пройдите. Платье я возьму.

Лери уже не было въ комнатѣ. Когда Параша и модистка пришли къ Павлѣ Михайловнѣ, Лери сидѣла на стулѣ передъ трюмо и почти съ какимъ-то ужасомъ смотрѣла на француза, разогрѣвавшего всевозможные щипцы. Ей никогда еще не приходилось завиваться. И повернувшись ко всѣмъ этимъ людямъ, явившимся помогать ей въ ея туалетѣ, она вскричала съ выраженіемъ довѣрчивости и надежды въ большихъ глазахъ:

— Пожалуйста, сдѣлайте меня какъ можно лучше, прошу васъ. Сегодня мнѣ это очень, очень нужно!...

XIII.

Асмолинъ только-что собирался позвонить денщику: онъ хотѣлъ одѣваться. Но въ дверь постучали, и онъ съ легкой grimасой нетерпѣнія отвѣтилъ позволеніемъ войти. Володя въ парадной формѣ, даже съ какимъ-то особенно параднымъ лицомъ, остановился у порога, затворяя за собой дверь, и негромко спросилъ:

— Позвольте, г. полковникъ, представить вамъ моихъ сослуживцевъ. Ждутъ этой чести...

— Нѣтъ, послѣ; дайте мнѣ одѣться, — съ досадой отвѣтилъ г. полковникъ. — Что это за оффиціальность?

Но Володя съ той же неизмѣнной почтительностью отдалъ поклонъ, какъ подчиненный начальнику, и удалился. Асмолинъ пожалѣлъ, что не спросилъ его о Лери, какова она въ своемъ новомъ платьѣ.

Онъ самъ не могъ бы объяснить, какъ онъ относится къ этой дѣвочкѣ. Прежде всего она была для него дочь Данаева, стараго друга его отца; съ самой первой встрѣчи произвела на него впечатлѣніе умнаго, хорошо воспитаннаго, но шаловливаго ребенка, и это впечатлѣніе оставалось до сихъ поръ. Еслибъ она была мальчикомъ, онъ не могъ бы относиться къ ней иначе. Онъ такъ же бы ходилъ съ этимъ мальчикомъ по магазинамъ и на катокъ, охотно олталъ бы съ нимъ о разныхъ глупостяхъ и сердился бы, еслибъ мальчикъ лѣзъ въ толпу и оставлялъ его одного. Можетъ быть, въ этомъ обращеніи съ Лери была еще крошечная частичка уваженія къ

ней, какъ къ барышнѣ; но это уваженіе осталось бы, будь она дѣвочкой семи, восьми лѣтъ. Онъ называлъ ее своимъ маленькимъ другомъ и, говоря это, былъ искрененъ, зная за собой вообще способность быстро дружить съ дѣтьми. Еслибъ онъ увидалъ ее скучающей на балу, онъ подошелъ бы къ ней и пробылъ бы подлѣ нея цѣлый вечеръ (можетъ быть, съ легкимъ недовольствомъ въ душѣ) и сдѣлалъ бы это не потому, что она хорошенькая и молоденькая дѣвочка, а потому, что она—дочь Данаевыхъ, а онъ самъ—человѣкъ любезный и воспитанный. Если бы она уѣхала изъ дому на долгое время,—опъ сталъ бы, пожалуй, скучать... но онъ объ этомъ никогда не думалъ. Сидя въ театрѣ съ ней рядомъ, онъ наводилъ бинокль на красивыхъ дамъ въ ложахъ и любовался актрисами, никогда не обращая вниманія на дѣвочку; съ ея стороны онъ также ничего не ожидалъ и былъ бы очень удивленъ, узнавъ о ея «ребяческой» любви. Никогда еще ему не пришло въ голову взглянуть на молодое существо, которое сталкивалось съ нимъ на каждомъ шагу, какъ на женщину, правда, очень юную, но обладавшую всѣми преимуществами своего пола. Онъ любилъ то время, которое проводилъ въ болтовнѣ съ дѣвочкой. Для него это были тѣ минуты, когда человѣкъ стряхиваетъ съ себя все лишнее, напускное, становится такимъ, какимъ и самъ себя не думаетъ видѣть. Вспоминалось все пережитое, вставали изъ прошлаго такіе случаи и сцены, которые, казалось, давнымъ-давно канули въ вѣчность. Вѣдь только передъ Лери онъ могъ говорить о своемъ самомъ раннемъ и самомъ тяжеломъ воспоминаніи: смерть матери, гробъ въ залѣ, отецъ, рыдающій на колѣнахъ, онъ самъ, испуганный, растерянный, не понимающій этого удручающаго страха... Онъ чувствовалъ, какъ снадаетъ огромная тяжесть съ души его, какъ старое, но мучительное горе, замершее гдѣ-то глубоко въ немъ, таетъ и исчезаетъ совсѣмъ, точно ледъ отъ солнечныхъ лучей—при мягкихъ, участливыхъ словахъ Лери, при влажномъ блескѣ ея нѣжныхъ, устремленныхъ на него глазъ. Онъ развертывалъ передъ ней всю свою жизнь съ этими производствами, парадми, экзаменомъ въ академіи, назначеніями, возвышеніями, — развертывалъ для того только, чтобъ она ужаснулась передъ этой безцѣльной и пустой картиной и, вслѣдъ за тѣмъ, какимъ-то ей одной извѣстнымъ путемъ сумѣла бы поднять и оправдать его въ его собственныхъ глазахъ. Но теперь онъ совсѣмъ не думалъ о Лери, и только изрѣдка снисходительная усмѣшка появлялась на его лицѣ при воспоминаніи о пре-

словутомъ длинномъ платьѣ. Ему она серьезно представлялась въ немъ ужасно смѣшной, а ему становилось жаль, что она никакъ не хочетъ понять, что этимъ только напортить себѣ и вызвать смѣхъ окружающихъ. Но когда въ отворенную дверь донеслись звуки сладившагося оркестра, нервы его опять поднялись. Оживленный, съ блестящими глазами, стройный и внушительный въ своемъ нарядномъ мундирѣ, онъ вышелъ изъ комнаты и пошелъ по освѣщенному коридору. Легкая звенящая походка пріятно-гулко звучала въ высокихъ стѣнахъ, въ тактъ мелодичному маршу, доносившемуся сюда изъ залы.

А. Эрб.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ *).

Романъ Теодора Фонтана.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

IX.

Прошла недѣля, а домъ Шмидта все оставался погруженнымъ въ уныніе. Коринна сердилась на Марсея, потому что онъ на нее сердился (такъ по крайней мѣрѣ объясняла она себѣ его отсутствіе); Шмольке съ своей стороны сердилась на Коринну за то, что та сердится на Марсея. «Нехорошо, Коринна, отталкивать собственное счастье. Повѣрь мнѣ, счастье разсердится, что ты его отталкиваешь и не придетъ назадъ. Марсель—кладъ, драгоценный камень; Марсель ни дать, ни взять, мой покойный Шмольке». Такъ ворчала она каждый вечеръ. Только самъ Шмидтъ не замѣчалъ тучъ, сгустившихся надъ его домомъ и все болѣе и болѣе погружался въ изученіе золотыхъ масокъ и въ одномъ изъ жесточайшихъ споровъ съ Дистельгампомъ окончательно высказался въ пользу Эгиста. Эгистъ въ теченіе семи лѣтъ былъ мужемъ Блитемнстры, кромѣ того былъ родственникомъ царской семьи и хотя убійство Агамемнона нѣсколько подрывало гипотезу Шмидта, не слѣдовало, однако, забывать, что дѣло съ этимъ убійствомъ было нѣчто внутреннее, такъ сказать, семейное и не могло простираться на внѣшній церемональ. Дистельгампъ замолчалъ и усмѣхаясь прекратилъ споръ.

У старыхъ и молодыхъ Трейбелей дѣла шли не лучше: Елена была недовольна Отто, Отто — Еленой, а Женни была недовольна обоими. Самымъ недовольнымъ, хотя на самого себя, былъ Леопольдъ; только старикъ Трейбель не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать, обружавшаго его недовольства и былъ въ прекрасномъ настроеніи. У него, какъ и у старика Шмидта была на то причина.

*) Русская Мысль кн. III, 1899 г.

Онъ не слѣзалъ съ своего конька и льстилъ себя надеждой—скоро достигнуть цѣли. Непосредственно послѣ обѣда, даннаго въ честь м-г Нельсона и Фогельзанга, послѣдній отправился въ намѣченный для Трейбеля округъ позондировать сердца обитателей Тейпицъ-Цоссена. Надо замѣтить, что при исполненіи своей задачи онъ проявлялъ не только необычайную дѣятельность на мѣстѣ дѣйствія, но почти ежедневно сообщалъ болѣе или менѣе пространными телеграммами о результатахъ кампаніи. Въ одной изъ телеграммъ значилось: «Все идетъ прекрасно. Прошу чекъ на Тейпицъ. Вашъ Ф.». Дальше: «Деревни на Шермюцельскомъ озерѣ наши. Слава Богу. Всюду то же настроеніе, что въ Тейпицѣ. Чека еще не получилъ. Прошу ускорить. Вашъ Ф.». «Завтра въ Сторковъ! Тамъ все рѣшится.. Чеку получилъ. Покрылъ только прежнія издержки. Выраженіе Монтекукули о войнѣ примѣнимо и къ избирательной борьбѣ. Высылайте въ Гроссъ-Рицъ. Вашъ Ф.». Съ этихъ поръ Трейбель считалъ избирательный округъ завоеваннымъ; его радость отравляло только критическое отношеніе жены къ этому дѣлу, вслѣдствіе чего приходилось наслаждаться счастьемъ въ-одиночку. Единственною сочувственною душой былъ Фридрихъ, который вообще состоялъ повѣреннымъ хозяина. Но нѣкоторая пустота все-таки оставалась въ душѣ. Кромѣ того, Трейбеля поражало, что въ берлинскихъ газетахъ не появлялось никакихъ извѣстій; это поражало его тѣмъ болѣе, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ Фогельзанга, не могло быть рѣчи ни о какихъ противникахъ. Противъ него могли быть консерваторы, національ-либералы, одинъ-другой изъ парламентскихъ дѣятелей-специалистовъ, что-жь изъ этого? По послѣднимъ свѣдѣніямъ Фогельзанга, доставленнымъ на виллу Трейбель въ формѣ закрытаго письма, во всемъ округѣ было только семь національ-либераловъ: три учителя, одинъ окружной судья, одинъ суперинтендентъ-раціоналистъ и два помѣщика, тогда какъ число правовѣрныхъ консерваторовъ было еще незначительнѣе. «Серьезныхъ противниковъ нѣтъ». Такъ заключилъ свое посланіе Фогельзангъ. Слово «нѣтъ» было подчеркнуто. Письмо наполняло сердце надеждой, но среди неподдѣльной радости всплыло изъ глубины души какое-то безпокойство. Недѣлю спустя послѣ отъѣзда Фогельзанга наступилъ наконецъ день, который подтвердилъ всѣ опасенія. Ударъ былъ нанесенъ не сразу, но черезъ извѣстный промежутокъ.

Трейбель сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и завтракалъ. Женни, мучаясь на головную боль и тяжелый сонъ, отказалась отъ завтрака.

«Или ей приснился Фогельзангъ». Онъ и не подозрѣвалъ, что шутить надъ самимъ собой. Фридрихъ принесъ почту; писемъ было мало, но безчисленное количество газетъ подъ бандеролью. Многія изъ нихъ снабжены были невѣроятными эмблемами и изукрашены гербами.

Все это при ближайшемъ разсмотрѣніи очень просто объяснялось.

Снявъ бандероли и разложивъ на столѣ газетные листы, Трейбель не безъ нѣкотораго благоговѣнія прочелъ слѣдующее: *Стражъ вендской Шпре, Вѣстникъ Сторкова, Обезоруженъ — обезчещенъ* и пр. Однѣ явились изъ-за Шпре, другія были мѣстнаго происхожденія. Трейбель, обыкновенно врагъ поспѣшнаго чтенія, такъ какъ чрезмѣрную быстроту считалъ пагубной, на этотъ разъ съ поразительною живостью пробѣжалъ строчки, подчеркнутыя синимъ карандашомъ. «Лейтенантъ Фогельзангъ, гласили они, человѣкъ, противостоявшій въ 48 году революціи и сокрушившій главу гидры, три дня подъ рядъ выступалъ въ округѣ не отъ своего имени, а отъ имени своего политическаго единомышленника, коммерціи совѣтника Трейбеля, который позже посѣтитъ округъ и повторитъ свою политическую программу, чтобы познакомить избирателей, мы можемъ сказать смѣло, съ своимъ будущимъ кандидатомъ. Программа Фогельзанга исходитъ изъ принципа, что на управленіе до сихъ поръ слишкомъ сильно вліяли личные интересы, почему необходимо устранить дорого стѣянція промежуточныхъ ступени, что (въ свою очередь повлечетъ уменьшеніе налоговъ); отъ настоящей сложной системы не должно ничего оставаться, кромѣ свободнаго государя и свободнаго народа. Такимъ путемъ получаютъ двѣ точки опоры или два центра, но не ко вреду дѣла. Кто проникаетъ въ суть жизни или по меньшей мѣрѣ внимательно слѣдитъ за ней, долженъ знать, что дѣло съ одною точкой опоры (ораторъ умышленно избѣгаетъ слова центръ) покоится на ложномъ основаніи и что жизнь идетъ не по кругу, а по эллипсу. Почему необходимы два центра.»

«Недурно, — сказалъ, прочитавъ, Трейбель, — недурно. Не лишено логики; немного сумасбродно, но логично. Одно приводитъ меня въ смущеніе, не написалъ ли всего этого самъ Фогельзангъ? Сокрушенная глава гидры, уменьшеніе налоговъ, игра словъ съ точкой опоры и центромъ и подъ конецъ бессмыслица о кругѣ и эллипсѣ, узнаю Фогельзанга. Отправитель листовъ, вѣроятно, также Фогельзангъ. Узнаю своего вояку». Затѣмъ Трейбель бросилъ *Стража вендской Шпре* со всѣми остальными газетами на софу

и взялъ *National Zeitung*, которая одновременно была прислана подъ бандеролью, но судя по рукѣ, написавшей адресъ, не отъ Фогельзанга. Раньше совѣтникъ былъ подписчикомъ и ревностнымъ чтецомъ *National Zeitung* и до сихъ поръ ежедневно сожалѣлъ о перемѣнѣ газеты.

«Посмотримъ, — сказалъ онъ, развертывая листокъ и пробѣгая глазами столбцы... вотъ оно: «Парламентскія извѣстія. Изъ округа Тейпицъ-Цоссена». Прочитавъ заглавіе, онъ остановился. «Не знаю почему, но слова эти звучатъ какъ-то странно. И однако, что въ нихъ страннаго? Естественное начало дѣла; итакъ, впередъ».

Онъ прочелъ дальше: «Вотъ уже три дня, какъ въ нашемъ округѣ, всегда тихомъ и невозмущаемомъ политическою борьбой, началась избирательная агитація со стороны партіи, которая, очевидно, вообразила, что недостатокъ историческихъ знаній, политической опытности или, вѣрнѣе, здраваго человѣческаго смысла можно замѣнить «пронырливостью». Эта партія, которая обыкновенно ничего не видитъ и не знаетъ, на этотъ разъ несомнѣнно обнаруживаетъ близкое знакомство со сказкой о «Ежѣ и его женѣ» и намѣревается, повидимому, въ день выборовъ встрѣчать всѣ партіи знаменитыми словами сказки: «А я вотъ онъ-онъ!» Только такимъ образомъ объясняемъ мы себѣ заблаговременное занятіе всѣхъ позицій. Всѣ мѣста, какъ въ дни первыхъ представленій, собираются впередъ занять лейтенантъ Фогельзангъ и его присные. Но какъ бы имъ не ошибиться. У этой партіи есть лобъ, но нѣтъ того, что должно въ немъ заключаться. Футляръ есть, а содержимое отсутствуетъ».

«Чортъ возьми, — сказалъ Трейбель, рубя въ плеча... То, что приходится на мою долю, не особенно пріятно, и я обязанъ всѣмъ Фогельзангу. Въ его программѣ есть что-то ошеломляющее, на что я поймался. И чѣмъ больше въ нее вдумываюсь, тѣмъ больше кажется она мнѣ сомнительной. Ужъ эти прямолинейные люди, воображающіе, что сорокъ лѣтъ тому назадъ растоптали гидру! Большая часть изъ нихъ — искатели квадратуры круга, перпетумъ-мобиле, думающіе достигнуть невозможнаго, примирить непримиримое. А можетъ быть, это просто выгодная афера. Если посчитать, что я за послѣднюю недѣлю... Однако, я прочелъ только начало корреспонденціи, дальше, пожалуй, насъ совсѣмъ раскостятъ». И онъ принялся читать дальше:

«Почти нѣтъ возможности относиться серьезно къ господину, который вчера и третьяго дня, — умолчимъ о его предшествующихъ подвигахъ въ нашемъ округѣ, — осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ

сперва Сторковъ, потомъ Писке и, наконецъ, Гроссъ - Ридъ. Онъ принадлежитъ къ классу махровыхъ, пышныхъ дураковъ, число которыхъ, къ сожалѣнiю, гораздо больше, чѣмъ думаютъ. Если его галиматья еще не имѣетъ блочки, то ее всего лучше будетъ окрестить: «Пѣснь о трехъ Б.» Кабинетъ, Бурбранденбургъ и Бантональная свобода — вотъ три великихъ Б., которыми этотъ проходимецъ думаетъ спасти мiръ или, по меньшей мѣрѣ, Прусское государство. Нельзя отказать ему въ нѣкоторой методѣ, но методѣ полоумнаго. Пѣсня лейтенанта Фогельзанга не нравится намъ до крайности. Вся его программа есть подрыванiе общественныхъ началъ. Но всего печальнѣе, что онъ говорилъ не отъ своего имени, а отъ имени одного изъ нашихъ уважаемыхъ берлинскихъ фабрикантовъ, коммерцiи совѣтника Treybelъ (фабрикантъ берлинской лазури Кёппинкерштрассе), о которомъ мы были лучшаго мнѣнiя. Новое доказательство тому, что можно быть хорошимъ человѣкомъ и плохимъ музыкантомъ; вотъ къ чему приводитъ политическiй дилетантизмъ!»

Трейбель свернулъ газету, постучалъ по ней рукой и сказалъ: «Это не изъ Тейпицъ - Поссена, не подлежитъ сомнѣнiю; выстрѣлъ Телля. Идетъ изъ ближайшихъ окрестностей. Отъ національ-либерала, учителя, который недавно въ Буккенгагенѣ не то чтобъ составлялъ намъ оппозицiю, а просто издѣвался надъ нами, но безуспѣшно. Не хочу быть къ нему несправедливымъ: онъ мнѣ все-таки нравится больше Фогельзанга. Кромѣ того *National Zeitung* состоитъ теперь наполовину изъ партiи Двора и идетъ объ руку съ консерваторами. Съ моей стороны было глупо или по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшно поворачивать въ другую сторону. Еслибъ я подождалъ, то могъ бы въ лучшемъ обществѣ стоять на сторонѣ правительства. Въмѣсто того я попалъ въ лапы глупца, осѣдлавшаго дурацкiе принципы. Махну на глупую исторiю рукой и навсегда покончу съ политикой. Пуганая ворона куста боится... Въ сущности я долженъ бы быть доволенъ, что отдѣлался тысячею марокъ или немногимъ болѣе, если бы не было замѣшано мое имя. Мое имя. Неприятно!»... Онъ снова развернулъ газету. — «Прочту еще разъ: «одного изъ нашихъ уважаемыхъ берлинскихъ фабрикантовъ, коммерцiи совѣтника Treybelъ—неудурно, прiятно для слуха. Хороша смѣшная фигура его благородiя г-на Фогельзанга».

Съ этими словами онъ поднялся съ мѣста и пришелъ въ садъ, поразвѣять на свѣжемъ воздухѣ свой гнѣвъ.

Но ему не посчастливилось. Въ тотъ моментъ, когда Трейбель обогнулъ уголь дома и повернулъ въ садъ, на дорожкѣ показалась

Хонигъ, сопровождавшая по обыкновенію болонку. Онъ хотѣлъ вернуться, потому что разговоръ съ сухой дѣвицей не представлялъ ничего соблазнительнаго. Но его увидали и раскланялись. А такъ какъ въ числѣ его добродѣтелей были вѣжливость и сердечная доброта, то онъ остался и пошелъ навстрѣчу Хонигъ.

— Очень радъ, mademoiselle, что встрѣтилъ васъ одну и въ такое чудное время... У меня давно накопилось многое на сердцѣ, чѣмъ хотѣлось бы подѣлиться...

Хонигъ покраснѣла. Несмотря на хорошую репутацію, которой пользовался Трейбель, ее охватило смутно-сладкое чувство, вышнее проявленіе котораго минутой спустя ей пришлось проклинать.

— Меня беспокоитъ воспитаніе моей милой, маленькой внучки, — въ немъ слишкомъ много гамбургскаго, что съ моей простой, берлинской точки зрѣнія повергаетъ меня въ огорченіе.

Въ этотъ моментъ болонка потянула веревку, намѣреваясь броситься въ погоню за цесаркой, забравшейся со двора въ садъ. Хонигъ не любила баловства и хлопнула собачку. Собака огрызнулась, завертѣла во всѣ стороны головой, отчего пришитые къ понюжкѣ колокольчики зазвенѣли. Когда животное успокоилось, прогулка вокругъ бассейна началась снова.

— Видите ли, m-elle Хонигъ, вотъ такъ воспитываютъ и Лицци. Вѣчно на веревочкѣ, которую держать въ рукахъ мать; а если забѣжитъ цесарка, и Лицпочка вздумаетъ броситься за ней, то получаетъ стукучку, самую легонькую; разница въ томъ, что Лицци не можетъ огрызнуться и зазвонить колокольчиками.

— Лицпочка — ангелъ, — сказала Хонигъ, привыкшая, за шестнадцать лѣтъ воспитательской дѣятельности, быть осмотрительной въ выраженіяхъ.

— Вы думаете?

— Думаю, г-нъ коммерціи совѣтникъ; надѣюсь, что подъ словомъ «ангелъ» мы разумѣемъ одно и то-же.

— Прекрасно, m-elle Хонигъ, это мнѣ съ руки. Я хотѣлъ поговорить съ вами о Лицци, а дѣло свелось на ангеловъ. Говоря вообще, не часто представляется случай составить себѣ опредѣленный взглядъ на ангеловъ. Ну-съ, скажите мнѣ, что такое по-вашему ангелъ? Не вздумайте отдѣлаться описаніемъ крыльевъ.

Хонигъ улыбалась.

— Нѣтъ, г-нъ коммерціи совѣтникъ, о крыльяхъ не будетъ рѣчи...

— Я бы сказала, что ангелъ — это существо, котораго не коснулось ничто земное.

— Допустимъ. «Не коснулось ничто земное». Недурно. Я бы ничего противъ этого не имѣлъ, еслибъ Отто и моя невѣстка были послѣдовательны и задались цѣлью воспитать изъ нея Женевьеву или маленькую цѣломудренную Сусанну. Извините, мнѣ сразу не пришло въ голову лучшаго примѣра, и если ужъ задаваться серьезными цѣлями, то можно приготовить для герцога Тюрингенскаго или для какаго-либо обыкновеннаго смертнаго подобіе святой Елизаветы. Я считаю выполненіе такой задачи очень труднымъ, но не невозможнымъ, и обыкновенно говорится, что даже желаніе достигнуть такой высоты возвеличиваетъ человѣка.

Хонигъ утвердительно кивнула головой. Ея собственныя стремленія были направлены въ эту сторону.

— Вы со мной согласны?—продолжалъ Трейбель.— Очень приятно. Я думаю, что мы сойдемся и въ дальнѣйшемъ. Видите ли, милая барышня, я вполне понимаю, хотя это идетъ въ разрѣзъ съ моими личными вкусами, что почти каждая мать желаетъ сдѣлать изъ своего ребенка ангела; никогда нельзя съ увѣренностью сказать, что самъ не пожелалъ бы того же. Я почти готовъ сознаться, что поддался бы соблазну. Но, милая барышня, ангелъ ангелу рознь. И если вся суть ангела сводится къ тѣлесной чистотѣ, а безупречность достигается съ помощью употребленія мыла, достоинства же будущаго человѣка измѣряются бѣлизною чулокъ, такое рѣшеніе вопроса приводитъ меня въ содроганіе. Если при этомъ дѣло идетъ о собственной внучкѣ, льняные волосы которой отъ чрезмѣрнаго ухода принимаютъ цвѣтъ альбиносовъ, то старому дѣду поневолѣ становится жутко. Не удастся ли вамъ повліять на miss Ульстенъ? Она—разумная особа и въ глубинѣ души возмущается гамбурговщиной. Я былъ бы радъ, если бы вы постарались...

Въ это время Цига (такъ звали болонку) опять заволновалась и отчаянно залаяла. Трейбель, не любившій, чтобы прерывали его разсужденія, собирався прикрикнуть, но не успѣлъ, такъ какъ изъ виллы вышли три дамы; двѣ были одѣты въ совершенно одинакія свѣтлыя лѣтнія платья. Это были дѣвицы Фельгентрей въ сопровожденіи Елены.

— Слава Богу, Елена,—сказалъ Трейбель, обращаясь сначала къ невѣсткѣ, можетъ быть, потому, что чувствовалъ за собой вину,—слава Богу, что наконецъ тебя вижу. Мы только что говорили о тебѣ или вѣрнѣе о милой Лицочкѣ; m-elle Хонигъ утверждаетъ, что Лицици—ангелъ. Ты можешь себѣ представить, что я не противорѣчилъ. Лестно быть дѣдомъ ангела. Но, прелестныя дамы,

чѣмъ я обязанъ чести, что вижу васъ такъ рано? Или визитъ касается жены? У нея мигрень. Позвать ее?

— О нѣтъ, папа, — привѣтливо сказала Елена, что съ ней не всегда случалось. — Мы къ тебѣ. Фельгентрей устраиваютъ сегодня послѣ обѣда прогулку на Галензее, но подъ условіемъ, чтобъ въ ней принимали участіе всѣ Трейбели. — Барышни Фельгентрей утвердительно помахивали зонтиками.

— И не позже трехъ, — продолжала Елена. — Намъ надо будетъ постараться придать lunch'у характеръ маленькаго обѣда или отложить обѣдъ до 8 часовъ вечера. Эльфрида и Бланка отправляются еще на Адлерштрассе пригласить Шмидтовъ или хотя одну Коринну; профессоръ, можетъ быть, согласится пріѣхать позже. Брота уже согласился и общалъ составить квартетъ съ помощью двухъ чиновниковъ изъ Потсдамскаго правленія...

— И резервнаго офицера, — добавила Бланка, младшая Фельгентрей.

— Резервнаго офицера, — повторилъ серьезно Трейбель. — Ну, это устраняетъ всякія сомнѣнія. Я не думаю, чтобъ у отца семейства, даже если злой рокъ лишилъ его дочери, хватило бы духу отказать отъ прогулки съ двумя офицерами резерва. Съ благодарностью принимаю приглашеніе. Въ три часа. Жена будетъ огорчена, что безъ ея вѣдома принято окончательное рѣшеніе; можетъ быть, это повлечетъ за собой минутное усиленіе *tic doulougeux*. Несмотря на все это, я за нее ручаюсь. Прогулка съ квартетомъ и въ такомъ обществѣ... противъ такой комбинаціи не устоитъ никакая мигрень. Осмѣлюсь показать вамъ свои парники съ дынями? Или, можетъ быть, мы слегка закусимъ, — совсѣмъ слегка, чтобы не испортить lunch'a?

Всѣ три дамы отказались: Фельгентрей сбѣжила къ Кориннѣ; Елена должна была ради Лици вернуться скорѣе домой. Ульстенъ не особенно внимательна и часто допускаетъ вещи, которыя вполнѣ shocking. Бѣ счастью, Лицочка — такое милое дитя, что почти не доставляетъ серьезныхъ заботъ.

— Лицочка — ангелъ, вся въ мать, — сказалъ Трейбель, обѣиваясь взглядомъ съ Хонигъ, которая во все время разговора сдержанно стояла въ сторонѣ.

Х.

Шмидты также согласились. Особенно довольна была Коринна, которая съ трейбелевскаго обѣда невыносимо скучала въ своемъ

домашнемъ уединеніи. Пространныя разсужденія профессора она давно знала наизусть; недорогого стоили и рассказы Шмольке. «Полдня на Галензее» звучало для нея почти такъ же пріятно, какъ «мѣсяцъ на Бапри». Боринна твердо рѣшила употребить всѣ усилія, чтобы ближе сойтись съ Фельгентрей, потому что въ душѣ у нея бродило какое-то смутное предчувствіе, что эта прогулка не пройдетъ просто, а принесетъ съ собой крупныя результаты. Марсель не былъ въ числѣ приглашенныхъ, чѣмъ бузина, цѣлую недѣлю слѣдившая за его поведеніемъ, была очень довольна. Все обѣщало веселый день, особенно, если принять во вниманіе составъ общества.

Было заранѣе установлено, чтобы ровно къ четыремъ, не переходя за академическую четверть часа, всѣ были на Галензее. И дѣйствительно, къ четыремъ всѣ, или почти всѣ, собрались. Старые и молодые Трейбели, равно какъ старые и молодые Фельгентрей пріѣхали въ своихъ экипажахъ. Крола въ сопровожденіи квартета пріѣхалъ на паровомъ трамваѣ. Вольная, какъ вѣтеръ, Боринна воспользовалась конкой; профессоръ обѣщалъ пріѣхать позже. Изъ семьи Трейбелей не доставало только Леопольда, который хотѣлъ, во что бы то ни стало, дописать письмо къ Нельсону и повтому заранѣе попросилъ извиненія. Боринна сразу пришла въ дурное настроеніе; но потомъ успокоилась на мысли, что мимолетныя встрѣчи всегда интереснѣе продолжительныхъ.

— Ну-съ, друзья мои, — началъ Трейбель, — установимъ порядокъ. Первый вопросъ: гдѣ мы оснуемся? У насъ большой выборъ. Останемся ли мы здѣсь на площадѣ, среди кучи столовъ, или помѣстимся на верандѣ? Или вы предпочтете болѣе покойныя внутреннія комнаты? Наконецъ, въ-четвертыхъ и послѣднихъ, васъ соблазняетъ, можетъ быть, перспектива взобраться на башню и созерцать у своихъ ногъ чудный міръ, гдѣ глазамъ смертнаго еще ни разу не удалось открыть свѣжаго зеленѣющаго пригорка и гдѣ красуются грядки со спаржею и извивающееся полотно желѣзной дороги?

— Я думаю, — сказала г-жа Фельгентрей, которая, несмотря на сорокъ лѣтъ, страдала ожиреніемъ и астмой шестидесятилѣтней старухи, — я думаю, любезный Трейбель, лучше остаться здѣсь. Я не за восхожденія, а кромѣ того надо всегда довольствоваться тѣмъ, что есть.

— Удивительно скромная женщина, — сказала Боринна, обращаясь къ Крола, который на это тихо отвѣтилъ:

— Немного, но... талеровъ.

— Будь по-вашему, — продолжалъ Трейбель. — Значить, мы остаемся внизу. Къ чему стремиться въ высь? Надо довольствоваться скромной долей, ниспосланной намъ судьбою, какъ только что заявила моя пріятельница. Другими словами: «Будь счастливъ тѣмъ, что ты имѣешь!» Но, дорогие собратья по удовольствію, что намъ предпринять, чтобъ оживить прогулку, или, вѣрнѣе, чтобы продлить наслажденіе? Потому что говорить объ оживленіи, значить подвергать сомнѣнію наше настоящее состояніе — кошунство, котораго я себѣ не дозволю. Прогулки всегда оживлены и веселы. Не правда ли, Брола?

Брола отвѣтилъ лукавой улыбкой, что для посвященнаго должно было выражать скрытую тоску по Вагнеру.

Трейбель вѣрно понялъ мимику.

— Итакъ, прогулки всегда оживлены и веселы, кромѣ того мы имѣемъ въ перспективѣ квартиру, профессора Шмидта и Леопольда. Я нахожу, что все это составляетъ довольно обширную программу.

Послѣ вступленія, онъ позвалъ кельнера среднихъ лѣтъ и повелъ съ нимъ рѣчь, которая, впрочемъ, была предназначена для всей компаніи.

— Я думаю, кельнеръ, мы сдвинемъ прежде всего нѣсколько столовъ вмѣстѣ; здѣсь, между бассейномъ и боскетомъ; тутъ свѣжій воздухъ и тѣнь. Затѣмъ, другъ, когда поле дѣйствія будетъ готово, вы подадите намъ нѣсколько порцій кофе, — скажемъ, хоть пять, — двойное количество сахару и чего-нибудь сдобнаго. Пивной вопросъ рѣшимъ позже, когда прибудетъ подкрѣпленіе.

Подкрѣпленіе было гораздо ближе, чѣмъ предполагала вся компанія. Шмидтъ вскорѣ показался въ облакахъ пыли, весь сѣрый, и долженъ былъ терпѣливо вынести, когда барышни кокетливо принялись его обтряхивать и выколачивать. Не успѣлъ профессоръ присоединиться къ обществу, какъ на дорогѣ показались медленно двигающіяся дрожки съ Леопольдомъ. Обѣ Фельгентрей побѣжали ему навстрѣчу (Боринна осталась на мѣстѣ) и привѣтствовали тѣмъ же маленькимъ батистовымъ платочкомъ, которымъ только что приводили въ порядокъ Шмидта.

Трейбель также поднялся съ мѣста и смотрѣлъ на своего младшаго сына.

— Удивительно, — сказалъ онъ, обращаясь къ Шмидту и Фельгентрей, — удивительно; говорятъ: «яблочко отъ яблоньки не далеко падаетъ»; а между тѣмъ случается наоборотъ. Всѣ естественные законы въ наше время извратились. Наука требуетъ отъ нихъ

слишкомъ многого. Видите ли, Шмидтъ, еслибъ я былъ на мѣстѣ Леопольда Трейбеля (съ *моммз* отцомъ шутки были плохія; онъ принадлежалъ къ доброму старому времени), самъ чортъ не удержалъ бы меня отъ поѣздки на конѣ; я граціозно соскочилъ бы съ сѣдла,—вѣдь въ свое время мы тоже чего-нибудь да стоимъ,—соскочилъ бы, говорю, съ сѣдла, выбилъ хлыстикомъ сапоги и невыразимыя и появился бы здѣсь во всей красотѣ, какъ молодой богъ, съ красной гвоздикой въ петличкѣ, вмѣсто ленты почетнаго легіона или другой бессмыслицы. Теперь извольте взглянуть на молодца. Вдѣтъ—точно приговоренный къ смерти. Это не дрожки, а-какая-то тучка.

Въ эту минуту подъѣхалъ Леопольдъ и былъ радушно принять объими Фельдентрей, которыя задались цѣлью à tout prix сдѣлать прогулку всѣмъ пріятною.

Боринна отнеслась иронически къ ихъ радушію и проворчала: — Глупыя созданія!

Однако поднялась съ мѣста и пошла со всѣми привѣтствовать Леопольда.

Дрожки все стояли на прежнемъ мѣстѣ, что раздражало стараго Трейбеля.

— Скажи, Леопольдъ, почему онъ не отъѣзжаетъ? Или рассчитываетъ на обратную поѣздку?

— Я думаю, папа, онъ хочетъ покормить лошадь.

— Разумно и предусмотрительно. Съ такимъ одромъ далеко не уѣдешь. Надо употребить энергичныя мѣры для возстановленія его силъ, а то можетъ приключиться бѣда. Кельнеръ, принесите-ка бѣлому коню кружечку. Только Лёвенбрей. Оно самое полезное.

— Держу пари,—сказалъ Брола,—больной не пожелаетъ вашего лѣкарства.

— Утверждаю противное. Въ конѣ есть что-то благородное, хотя и пришедшее въ дряхлость.

Продолжая разговоръ, компанія внимательно слѣдила, какъ несчастное, измученное животное съ жадностью пило пиво и, окончивъ, выразило удовольствіе слабымъ, радостнымъ ржаніемъ.

— Вотъ вамъ!—торжествовалъ Трейбель.—Я сердцевѣдь. У бѣдняги были лучшіе дни и эта кружка напомнила ему о быломъ. Воспоминанія дороже всего на свѣтѣ. Не правда ли, Женни?

Коммерціи совѣтница отвѣтила протяжнымъ: «да, Трейбель»,—и выразила интонаціей, что лучше было бы избавить ее отъ подобныхъ вопросовъ.

Съ полчаса прошло въ болтовнѣ; молчавшіе любовались открывавшейся передъ ними картиной. Подъ ногами лежала терраса, спускавшаяся къ озеру, на противоположномъ берегу котораго была устроена стрѣльба въ цѣль, откуда доносилось слабое щелканье курковъ; въ непосредственной близости раздавался шумъ шаровъ и крики молодежи, игравшей на этой сторонѣ въ кегли. Самое озеро было плохо видно, что сердило дѣвицъ Фельгентрей.

— Надо же намъ, наконецъ, увидеть озеро. Нельзя же быть на озерѣ и не видать его!—Онѣ составили вмѣстѣ два стула и влѣзли на нихъ, чтобы лучше видѣть водную поверхность.—Ахъ, вотъ оно! Какое крохотное!

— Ландшафтъ не долженъ быть великъ, — сказалъ Трейбель. — Океанъ — уже не ландшафтъ.

— А гдѣ лебеди?—спросила младшая.—Я вижу два лебединыхъ домика.

— Вы слишкомъ многого требуете, — дорогая Эльфрида, — сказалъ Трейбель. — Всегда такъ бываетъ, что гдѣ есть лебеди, тамъ нѣтъ лебединыхъ домиковъ, а гдѣ есть домики, тамъ нѣтъ лебедей. У одного — кошелекъ, у другого — деньги. Съ этой истиной вы еще не разъ столкнетесь въ жизни, милая барышня. Будемъ надѣяться, только въ благопріятной комбинаціи для вашей судьбы.

Эльфрида изумленно смотрѣла на него. «На кого и на что онъ намекалъ? На Леопольда? Или на бывшаго учителя, съ которымъ она до сихъ поръ переписывалась? Или на лейтенанта? Можетъ быть, на всѣхъ троихъ. У Леопольда были деньги... Гм!»

— Впрочемъ, — продолжалъ Трейбель, обращаясь ко всему обществу, — я читалъ гдѣ-то, что всего разумнѣе не исчерпывать наслажденія до конца и въ среднѣ удовольствія прерывать его. Въ данный моментъ мнѣ пришла эта мысль. Не подлежить сомнѣнію, что этотъ уголокъ можно отнести къ прелестнѣйшимъ мѣстностямъ сѣверной Германіи, достойнымъ лиры и кисти. Но именно потому, что онъ такъ прекрасенъ, вспомнимъ только что процитированное мною изреченіе, которое совѣтуетъ не исчерпывать наслажденія; иначе говоря, подумаемъ, какъ бы прервать его; я говорю: прервать, но не прекратить; у меня и въ мысляхъ не было предлагать возвращеніе домой; нынѣшній день не сказалъ еще своего послѣдняго слова. Предлагаю оторваться отъ идилліи, пока она насъ совсѣмъ не опутала! Предлагаю прогулку лѣсомъ до Паульсборна, если же этого мало, то до Хундекеле. Можетъ быть, я заслужу этимъ особую благодарность моей пріятельницы Фельгентрей.

Госпожа Фельгентрей, не любившая намековъ на свою полноту и одышку, повернула Трейбелю спину.

— Невинные всегда страдаютъ. Постараюсь на уединенной тропинкѣ сломить вашу гнѣвъ. Осмѣлюсь предложить руку, сударыня?

Всѣ поднялись, чтобы попарно и группами спуститься съ террасы и вдоль озера направиться въ лѣсъ.

Главная колонна пошла лѣвой стороною. Подъ предводительствомъ супруговъ Фельгентрей, шель квартетъ Брота, къ которому прикнули Эльфрида и Бланка. Одинъ изъ членовъ квартета былъ извѣстный іодлеръ и носилъ соответствующую этому искусству шляпу. Дальше шли Отто и Елена, Трейбель и Брота замыкали шествіе.

— Что можетъ быть лучше счастливаго брака!—сказалъ Брота Трейбелю, указывая на молодую чету.—Вы должны искренно радоваться, глядя на старшаго сына, такъ нѣжно любимаго этой прелестной молодой женщиной, такой бѣленькой и сіяющей. Уже наверху они сидѣли плотно прижавшись другъ къ другу и теперь идутъ рука объ руку. Я почти готовъ думать, что они слегка пожимаютъ руки.

— Несомнѣнное доказательство, что утромъ поссорились. Несчастный Отто теперь расплачивается.

— Ахъ, Трейбель, вы вѣчно шутите. Вамъ никто не угодить, особенно дѣти. Въ счастію, вы сами не вѣрите тому, что говорите. Развѣ можно ссориться съ дамой, которая такъ хорошо воспитана?

Въ это время іодлеръ издалъ нѣсколько горловыхъ звуковъ такъ характерно по-тирольски, что даже эхо не рѣшилось повторить ихъ.

Брота разсмѣялся.

— Прекрасный голось, особенно для дилетанта. Имъ держится весь квартетъ. Но стѣдуетъ ему хлѣбнуть вольнаго воздуху и все пропало: онъ—іодлеръ, и съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Однако мы уклонились отъ разговора о дѣтяхъ. Не станете же вы увѣрять меня, что передъ нами идетъ несчастная чета. Что же касается ссоръ, я остаюсь при своемъ: гамбургжанки стоятъ на той ступени благовоспитанности, откуда исключается возможность ссоръ.

Трейбель покачалъ головой.

— Видите ли, Брота, вы человекъ умный и знаете женщинъ, какъ бы это сказать? Ну, такъ, какъ ихъ можетъ знать только теноръ. Теноръ-то въ этихъ дѣлахъ куда выше лейтенанта. И между тѣмъ въ специально брачномъ вопросѣ (вѣдь это опять совсѣмъ

особая область) вы обнаруживаете полное невѣжество. А почему? Потому что ваше собственное супружество, ужъ въ силу ли заслугъ вашей жены, или лично вашихъ, оказалось необыкновенно удачнымъ. Какъ видите, бываютъ и такіе случаи. Слѣдствіемъ вашей удачи является (и хорошее имѣетъ обратную сторону) полное невѣжество въ брачномъ вопросѣ. Вы не настоящій мужъ! Вы понимаете исключенія, но не знаете общаго правила. О бракѣ можете говорить только тотъ, кто завоевалъ свою жизнь, ветеранъ, покрытый ранами... Какъ тамъ поется: «Во Францію два гренадера изъ русскаго плѣна брели, и оба душой приуныли, дойдя до родимой земли»... Такъ-то пріятель.

— Пустыя слова, Трейбель!...

— И худшіе браки тѣ, дорогой Брота, гдѣ ссорятся въ высшей степени «благовоспитанно», гдѣ, если позволите такъ выразиться, война ведется въ бархатныхъ перчаткахъ, или, еще вѣрнѣе, гдѣ, какъ на карнавалѣ въ Римѣ, бросаютъ другъ другу въ лицо конфетти. Красиво на видъ, но можетъ глубоко поранить. А въ искусствѣ бросать конфетти моя невѣстка, повидимому, большая мастерица. Я готовъ спорить, что бѣдный Отто не разъ говорилъ въ глубинѣ души: лучше бы она царапалась, дралась, выходила изъ себя, бранилась, называла меня подлецомъ, лгуномъ, жалкимъ измѣнникомъ...

— Но, Трейбель, такъ говорить она не можетъ. Это было бы бессмыслицей. Отто—не подлецъ и не измѣнникъ...

— Не въ этомъ дѣло, Брота. Жепщина должна быть ревнива и въ такую минуту, независимо отъ мотивовъ, она съ силою африканской страсти, извергаетъ потокъ оскорбительныхъ словъ. Чувства Елены не превышаютъ температуры сѣвернаго полюса. У нея нѣтъ ничего кромѣ непоколебимой вѣры въ добродѣтель и Windsor soap.

— Допустимъ. Но если это такъ, то откуда же ссоры?

— И онѣ все-таки есть. Онѣ имѣютъ другой источникъ, иначе начинаются, но отъ этого не легче. Нѣтъ грома и молніи, только мимолетныя словечки, отравленные ядомъ, не сильнѣе комариного укуса; или молчаніе, цѣженіе словъ сквозь зубы, внутренніе бичи супружеской жизни, тогда какъ снаружи все тихо, ни сучка, ни задоринки. Я боюсь, что нѣжность, которую мы сейчасъ созерцаемъ и которая, повидимому, весьма односторонняя, есть не что иное какъ покаянная епитимья Отто Трейбеля. Бѣднякъ стоитъ въ Каноссѣ, а подъ ногами у него снѣгъ. Взгляните, онъ нагибаетъ голову вправо, а Елена не шелохнется, строго выдерживая прямую

гамбургскую линію... Теперь— молчаніе. Квартетъ начинаетъ. Что такое?

— Извѣстное: «Не знаю, что со мною?»

— Такъ, такъ. Вѣчно юный вопросъ, особенно во время прогулокъ!

По правой сторонѣ озера шли только двѣ пары: впереди Шмидтъ съ подругой юности, Женни, и въ нѣкоторомъ отдаленіи Леопольдъ съ Коринной.

Шмидтъ предложилъ своей дамѣ руку и одновременно попросилъ разрѣшенія нести ея мантилію; подъ деревьями было душно. Женни съ благодарностію приняла предложеніе. Однако, когда она замѣтила, что профессоръ везъ кружевную отдѣлку по землѣ и постоянно зацѣплялъ ею за кустарникъ и колючую траву, то попросила мантилью обратно.

— Вы все тотъ же, что сорокъ лѣтъ назадъ, дорогой Шмидтъ. Любезны, но неудачно.

— Да, дорогой другъ, отъ этого недостатка я не сумѣлъ отдѣлаться, и онъ рѣшилъ мою судьбу. Если бы мое предложеніе было принято, подумайте, насколько иначе сложилась бы моя и ваша жизнь...

Женни тихо вздохнула.

— Да, другъ мой, тогда ваша жизнь не представляла бы изъ себя волшебной сказки. Волшебная сказка — есть величайшее счастье.

— Величайшее счастье—есть волшебная сказка, — повторила Женни медленно, но чувствительно. — Какъ вѣрно и какъ прекрасно! Видите ли, Виллбальдъ, завидная жизнь, которую я теперь веду, лишила меня возможности слушать такіа глубоко-поэтическія слова; а это для натуры, какъ моя, вѣчная, тяжелая мука. А вы говорите о счастьи, Виллбальдъ, даже о величайшемъ счастьи! Повѣрьте мнѣ, человѣку, который все это пережилъ: достойныя зависти вещи не имѣютъ цѣны для того, у кого онѣ есть. Часто, когда я не могу заснуть и передумываю свою жизнь, мнѣ становится ясно, что счастье, которое, повидимому, такъ мнѣ улыбнулось, повело меня по ложному пути и что я была бы гораздо болѣе счастлива въ скромной долѣ, женою человѣка, живущаго въ мірѣ идей и тѣмъ болѣе идеаловъ. Вы знаете, какъ добръ Трейбель, и я глубоко благодарна ему за доброту. Но я должна, къ сожалѣнію, сознаться, что въ отношеніяхъ къ мужу мнѣ недостаетъ того глубокаго поклоненія, которое есть высшее счастье и равносильно мо-

тиной любви. Я никому не дѣлала подобнаго признанія; но излить свое сердце передъ вами, Вилибальдъ, я считаю своимъ законнымъ правомъ и, пожалуй, даже долгомъ.

Шмидтъ утвердительно кивнулъ головой и сказалъ только:

— О, Женни!...—но въ той старался выразить всю муку испорченной жизни. Что ему прекрасно удалось. Онъ самъ прислушался къ звуку словъ и поздравилъ себя съ удачно сыгранной ролью. Женни, несмотря на природный умъ, была настолько самоувѣренна, что повѣрила искренности «о» своего стариннаго поклонника.

Такъ шли они молча, погруженные въ свои чувства, пока Шмидтъ нашелъ, что пора нарушить молчаніе какимъ-либо вопросомъ. Онъ ухватился за испытанное средство и завелъ разговоръ о дѣтяхъ.

— Да, Женни,—сказалъ онъ еще подавленнымъ голосомъ,— что потеряно, то потеряно. Кто могъ это чувствовать глубже меня! Но женщина, которая, какъ вы, понимаете жизнь, находить въ ней утѣшеніе. И прежде всего въ исполненіи своихъ обязанностей. На первомъ планѣ стоять дѣти; у васъ уже есть внучка—Лицочка, прелестный ребенокъ, кровь съ молокомъ. Вотъ на чемъ можетъ успокоиться женское сердце. Я не буду настаивать на вашемъ супружескомъ счастіи, дорогой другъ мой, такъ какъ мы сходимся въ оцѣнкѣ Трейбеля, но я утверждаю, что вы счастливая мать. У васъ два взрослыхъ сына, здоровые, образованные, воспитанные въ хорошихъ правилахъ. Подумайте только, какую цѣну имѣетъ въ наши дни хорошая нравственность. Отто женился по любви и отдалъ сердце прелестной, богатой дамѣ, которая, насколько мнѣ извѣстно, составляетъ предметъ общаго уваженія и, если можно вѣрить слухамъ, въ домѣ Трейбелей готовится вторая свадьба: сестра Елены не нынче-завтра станетъ невѣстой Леопольда.

— Кто это говоритъ?—вскрикнула Женни, переходя отъ сентиментально-мечтательнаго тона къ наступательному.— Кто говорить?

Шмидта нѣсколько смутилъ ея возбужденный тонъ. Онъ такъ думалъ или отъ кого-то слышалъ, но совершенно спасовалъ передъ вопросомъ, кто это говоритъ? Къ счастью, вопросъ былъ не очень серьезно предьявленъ, и минутой спустя Женни продолжала съ прежней живостію:

— Вы не можете себѣ представить, какъ меня злитъ эта манера обитателей дровянаго склада рѣшать все у меня за спиной. Вы, Шмидтъ, повторяете то, что слышали отъ людей; но съ тѣми,

кто, какъ бы случайно, пускаетъ такіе слухи въ обществѣ, мнѣ необходимо посчитаться. Это безстыдство. Ну, берегись, Елена!

— Но, Женни, другъ мой, не слѣдуетъ такъ сердиться. Я сболтнулъ зря, потому что мнѣ казалось такое рѣшеніе вопроса вполне естественнымъ.

— Вполнѣ естественнымъ, — иронически повторила Женни, сбросила съ себя мантилью и передала ее профессору. — Вполнѣ естественно. Значить, «дровяной складъ» уже такъ обставилъ дѣло, что оно кажется вполне естественнымъ нашимъ лучшимъ друзьямъ. Но это совсѣмъ не естественно, напротивъ! Когда я только представляю себѣ, что всевѣдущая жена Отто не болѣе, какъ тѣнь своей сестры, — та еще подросткомъ была высокоумна до смѣшного, — то, откровенно говоря, мнѣ за глаза довольно одной гамбургской невѣстки изъ дома Мунгъ.

— Но, дорогой другъ, я васъ совсѣмъ не понимаю. Вы повергаете меня въ полное изумленіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что Елена — прелестная женщина и, если позволите такъ выразиться, необычайно аппетитна...

Женни разсмѣялась.

— Такъ бы и съѣлъ! Простите за выраженіе, — продолжалъ Шмидтъ. — Въ ней есть своеобразная прелесть, которая обладаетъ всѣмъ, какъ говорилось въ древности, что приходитъ въ постоянное соприкосновеніе съ жидкимъ элементомъ. Но, прежде всего, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Отто свою жену любить, чтобы не сказать влюбленъ въ нее. А вы, другъ мой, родная мать Отто, боретесь съ этимъ счастьемъ и внѣ себя отъ мысли видѣть это счастье удвоеннымъ. Всѣ мужчины — рабы женской красоты; и я былъ таковъ, почти готовъ сказать, я таковъ и теперь, и если Гильдегарда превосходитъ Елену, а послѣдыши въ семьѣ всегда самыя красивыя, то я не понимаю, что вы имѣете противъ нея. Леопольдъ славный малый, вѣроятно, не слишкомъ страстнаго темперамента; но врядъ ли будетъ имѣть что-нибудь противъ женитьбы на хорошенькой женщиной, — очень хорошенькой и къ тому еще богатой.

— Леопольдъ — ребенокъ и не смѣетъ жениться по своей волѣ и еще менѣе по волѣ Елены. Этого еще не доставало, чтобы я отреглаась отъ своихъ правъ и осталась за штатомъ. Еслибъ еще шла рѣчь о дамѣ, которую стоитъ завоевать, о дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника или придворнаго проповѣдника... А то какое-то ничтожное существо, которое умѣетъ только кататься на понни около Бланкензее и воображаетъ, что съ золотой ниткой въ ру-

ё можно вести хозяйство и воспитывать дѣтей; она серьезно убѣждена, что мы, не приморскіе жители, не сумѣемъ отличить рогоза отъ камбалы. Держить въ глубокой тайнѣ секреты сой и сигурpowder; такая выскочка не для Леопольда, дорогой Вилибальдъ. Леопольдъ, несмотря на свои недостатки, долженъ получить въ жены что-нибудь болѣе крупное. Онъ простъ, но добръ, а это большое преимущество. Поэтому ему нужна умная жена, дѣйствительно умная. Знанія и умъ—вотъ что намъ нужно. Все остальное гроша не стѣитъ. Что можетъ быть хуже показной посредственности? Счастье, счастье? Ахъ, Вилибальдъ, передъ вами я могу сознаться, что счастье можетъ быть только въ этомъ.

И Женни прижала руку къ сердцу.

Леопольдъ и Боринна шли шагахъ въ пятьдесятъ за стариками. Они также вели шаблонный разговоръ. Вѣрнѣе сказать, говорила одна Боринна. Леопольдъ, впрочемъ, рѣшился высказаться, къ чему бы это ни повело. Мучительное томленіе послѣднихъ дней дѣлало предстоящее не такимъ страшнымъ, какъ прежде: надо было, наконецъ, на чемъ-нибудь успокоиться. Нѣсколько разъ собирался онъ задать вопросъ, который приблизилъ бы его къ дѣли; но каждый разъ, видя передъ собой внушительную фигуру матери, робѣлъ и наконецъ сдѣлалъ предложеніе пересѣчь лѣсъ поперекъ, чтобы очутиться впереди старшихъ. Хотя онъ зналъ, что мать будетъ смотрѣть ему въ спину или сбоку, но, подражая страусу, утѣшался мыслью, что сила, парализующая его языкъ, не будетъ все время у него передъ глазами. Онъ не могъ дать себѣ вполнѣ яснаго отчета въ своемъ нервномъ состояніи и изъ двухъ золъ выбралъ меньшее.

Маневръ съ поперечною тропинкой удался. Они опередили стариковъ настолько, насколько раньше были позади нихъ. И прекративъ безразличный разговоръ о культурѣ спаржи на Галензее и ея санитарномъ значеніи, Леопольдъ неожиданно сказалъ:

— Знаете ли, Боринна, я привезъ вамъ поклонъ.

— Отъ кого?

— Угадайте.

— Положимъ, отъ м-г Нельсона.

— Однако, это ясновидѣніе; вы, можетъ быть, умѣете читать письма, которыя еще не написаны.

— Да, Леопольдъ, я могла бы оставить васъ при этомъ убѣжденіи и обнаружить нѣкоторыя способности къ ясновидѣнію. Но лучше остерегусь. На здороваго человѣка нападаетъ страхъ при опривосновеніи съ мистицизмомъ, гипнотизмомъ, ясновидѣніемъ.

А я менѣ всего желала бы внушить вамъ страхъ. Мнѣ пріятнѣе привлекать къ себѣ сердца, чѣмъ отталкивать ихъ.

— Ахъ, Бюрина, этого вамъ нечего желать. Я не могу себѣ представить человѣка, сердце котораго не лежало бы къ вамъ. Почитали бы вы, что написалъ м-г Нельсонъ. Онъ начинается съ amusing, потомъ идутъ charming и high-spirited, и въ заключеніе fascinating. Затѣмъ поклоны, которые въ сравненіи со всѣмъ предыдущимъ ничего не стоятъ. Но почему вы догадались, что поклоны отъ м-г Нельсона?

— Ничего не было проще. Вашъ отецъ сказалъ, что вы придете позже, потому что вамъ надо писать въ Ливерпуль. Ливерпуль — значитъ м-г Нельсонъ. Остальное само собой понятно. Я думаю, что мое ясновидѣніе объясняется очень просто. И посмотрите, Леопольдъ, съ той же легкостью, съ какой я прочла письмо м-г Нельсона, съ тою же увѣренностью читаю я вашу будущую судьбу.

Глубокій вздохъ Леопольда былъ отвѣтомъ. Сердце его готово было запрыгать отъ радости; его охватило чувство счастья и освобожденія отъ гнета. Если Бюрина читаетъ вѣрно, а она должна вѣрно читать, то онъ избавляется отъ всякихъ подходовъ и страховъ, и она должна будетъ сказать то, на что у него не хватаетъ духу. Онъ съ воодушевленіемъ взялъ ея руку и сказалъ:

— Этого вы не можете.

— Развѣ угадать вашу судьбу такъ трудно?

— Нѣтъ. Въ сущности даже очень легко. Все равно, легко или трудно, расскажите мнѣ, что знаете. А я добросовѣстно скажу, угадали вы или нѣтъ. Только говорите не о далекомъ будущемъ, а о самомъ, самомъ близкомъ.

— Итакъ, — сказала Бюрина съ плутовскою интонаціей, дѣлая особія ударенія на словахъ. — Я вижу слѣдующее: прелестный сентябрьскій день, передъ красивымъ домомъ стоитъ масса изящныхъ экипажей, у передней кареты вучеръ въ парикъ и позади два лакея: это — экипажъ молодыхъ. Троттуары усѣяны публикой, которая желаетъ видѣть невѣсту. Вотъ появляется невѣста и рядомъ съ ней женихъ, и женихъ этотъ мой другъ Леопольдъ Трейбель. И вотъ карета жениха и невѣсты, въ сопровожденіи остальныхъ экипажей, приближается къ большой водной поверхности...

— Но, Бюрина, нельзя же назвать нашу Шпре между шлямпамъ и мостомъ большою водною поверхностью.

— ... Къ большой водной поверхности и останавливается, наконецъ, передъ готическою церковью.

— Двѣнадцати апостоловъ...

— Женихъ выходитъ изъ экипажа, подаетъ руку невѣстѣ, и молодая пара идетъ въ церковь, гдѣ уже играетъ органъ и горятъ свѣчи.

— Дальше.

— Дальше, они становятся передъ алтаремъ и послѣ обмѣна колець получаютъ благословеніе; затѣмъ поется пѣснь или только послѣдній стихъ. Потомъ ѣдутъ обратно, все мимо той же водной поверхности, но не въ городской домъ, откуда уѣхали, а за городъ, пока подъѣзжаютъ наконецъ къ виллѣ — коттеджу...

— Да, Коринна, такъ именно должно все случиться...

— У виллы экипажи останавливаются передъ триумфальною аркой, на которой водруженъ гигантскихъ размѣровъ вѣнокъ съ сіяющими инициалами молодыхъ: Л и Г.

— Л и Г?

— Да, Леопольдъ, Л и Г. Какъ же иначе? Вѣдь, газета молодыхъ вышла изъ Уленгорста, ѣхала вдоль Альстера, затѣмъ внизъ по Эльбѣ и остановилась около виллы Мункъ на Бланкензее. Л значитъ Леопольдъ, Г — Гильдегарда.

Леопольдъ на мгновеніе совсѣмъ затуманился. Затѣмъ быстро пришелъ въ себя и, ударивъ слегка по рукѣ мнимую ясновидящую, сказалъ:

— Вы всегда одна и та же, Коринна. И если бы добрый Нельсонъ, лучший изъ людей и мой единственный повѣренный, все это слышалъ, онъ пришелъ бы въ восторгъ и заговорилъ о «capital fun», потому что вы такъ милостиво отдаете мнѣ сестру моей невѣстки.

— Я пророчица, — сказала Коринна.

— На этотъ разъ только лже-пророчица. Гильдегарда — красивая дѣвушка, и сотни людей сочли бы себя съ ней счастливыми. Но вы знаете, какъ мама относится къ этому вопросу; она съ трудомъ выноситъ самоуниженіе тамошнихъ родственниковъ и тысячу разъ клялась, что съ нею довольно одной гамбургской невѣстки, представительницы славнаго дома Томсонъ-Мункъ. Она искренно завидитъ Мунковъ, и еслибъ я явился къ ней съ Гильдегардой, онъ знаетъ что бы случилось. Она сказала бы «нѣтъ» и сдѣлала бы отчаянную сцену.

— Какъ знать, — сказала Коринна, чувствующая приближеніе рѣшительной минуты.

— ... Она сказала бы «нѣтъ» и еще разъ «нѣтъ», и это такъ вѣрно, какъ аминь послѣ молитвы, — сказалъ Леопольдъ, повы-

шая голосъ.—Но такого случая и не представится. Я не пойду къ ней съ Гильдегардой, а выберу себѣ невѣсту ближе и лучше... Я знаю, и вы также знаете, что нарисованная вами картина—шутка и шалость, а главное—вы знаете, что если бы вообще для меня злосчастнаго воздвигли триумфальную арку съ вѣнкомъ, то въ немъ должна бы была сіять тысячею огней совсѣмъ другая буква. Нужно ли говорить какая? Ахъ, Коринна, я не могу жить безъ васъ и этотъ часъ для меня рѣшительный. Итакъ, скажите, да или нѣтъ?

Съ этими словами онъ схватилъ ея руку и покрылъ поцѣлуями. Они шли подъ прикрытіемъ орѣшника.

Коринна, послѣ такого признанія, могла съ полнымъ правомъ считать предложеніе *fait accompli*. Она благоразумно рѣшила не вдаваться въ дальнѣйшія подробности и коротко замѣтила:

— Одно скажу, Леопольдъ, мы не должны скрывать отъ себя, что намъ предстоитъ впереди тяжелая борьба. Твоей матери достаточно одной Мунгъ—это вполне понятно; но нужна ли ей Шмидтъ, еще большой вопросъ. Она намекала мнѣ, что я въ ея глазахъ идеальная дѣвушка; можетъ быть потому, что обладаю многимъ, чего нѣтъ въ тебѣ и чего недостаетъ Гильдегардѣ. Я говорю «можетъ быть» и дѣлаю на этомъ словѣ особое удареніе. Любовь, вижу это ясно, располагаетъ къ смиренію, я чувствую, что освобождаюсь отъ многихъ недостатковъ. Очевидно, это—признакъ любви. Да, Леопольдъ, передъ нами жизнь полная любви и счастья, но тебѣ придется обнаружить много силы воли и мужества. Здѣсь, подъ этимъ зеленымъ сводомъ, среди таинственнаго трепета листвы появились мнѣ, Леопольдъ, быть твердымъ въ любви.

Леопольдъ настоятельно увѣрялъ, что не только хочетъ быть твердымъ, но несомнѣнно будетъ. Потому что, если любовь дѣлаетъ смиреннымъ и скромнымъ, что совершенно вѣрно, то тѣмъ болѣе закаляетъ силы. Если Коринна измѣнилась подъ вліяніемъ любви, то и онъ чувствуетъ себя инымъ.

— Итакъ,—заключилъ онъ,—одно могу тебѣ сказать, я никогда не любилъ разглагольствовать и никогда не былъ хвастуномъ; но повѣрь мнѣ, я такъ счастливъ, такъ усиленно бьется мое сердце, что мнѣ просто хочется препятствій и борьбы. Мнѣ хочется доказать тебѣ, что я тебя достоинъ.

Въ эту минуту луна выглянула изъ-за деревьевъ и со стороны замка Груневальда, куда только что подошелъ квартетъ, раздалось надъ озеромъ:

Я не разъ тебя въ волненьѣ
Поджидалъ, любовью полный;

Инилось мнѣ тогда, движенъе
Прекратили жизни волны.

И все стихло. Можетъ быть, вечерній вѣтеръ отнесъ звуки въ другую сторону.

Четверть часа спустя сдѣлали привалъ у Паульсборна; отдохнувъ и подкрѣпившись сгѣте de саао, угощаль старикъ Трейбель, двинулись въ обратный путь. Экипажи, прїѣхавшіе изъ Галлензее, ожидали гуляющихъ. Фельгентрей задушевно простились съ квартетомъ, сожалья, что нельзя ѣхать вмѣстѣ. Простились и Леопольдъ съ Боринной, улучивъ предварительно минутку, чтобы крѣпко пожать другъ другу руку.

XI.

На обратномъ пути Леопольду пришлось довольствоваться мѣстомъ на козлахъ родительскаго экипажа. Въ концѣ концовъ онъ былъ доволенъ такимъ положеніемъ дѣлъ: хуже было бы сидѣть внутри экипажа, vis-à-vis съ матерью, которая могла, пожалуй, что-нибудь подмѣтить въ лѣсу или во время короткаго отдыха въ Паульсборнѣ; Шмидтъ воспользовался снова конной, а Боринна поѣхала въ коляскѣ Фельгентрей. Ее усадили съ грѣхомъ пополамъ среди старыхъ супруговъ, всецѣло наполнившихъ глубину экипажа, но такъ какъ послѣ всего происшедшаго она менѣе, чѣмъ когда-либо имѣла склонность болтать, то ей особенно съ руки была говорливость Эльфриды и Бланки и ихъ оживленные восторги квартетомъ.

Юдлеръ, прекрасная партія, повидимому, совсѣмъ затмилъ лейтенанта, явившагося по случаю лѣтнихъ каникулъ въ штатскомъ платьѣ. Фельгентрей непремѣнно сами хотѣли завезти Боринну на Адлерштрассе. Боринна сердечно благодарила за любезность и, выйдя изъ экипажа, продолжала влаться, стоя на ступенькахъ лѣстницы.

Она забыла захватить съ собою ключъ, такъ что поневолѣ приходилось звонить, чего она очень не любила. Шмольке не замедлила отпереть дверь; она воспользовалась отсутствіемъ господъ и принарядилась по-праздничному. Особенно бросался въ глаза чепецъ, съ жесткими торчащими рюшами.

— Милая Шмольке, — спросила Боринна, пока прислуга запирала двери, — что случилось? Или сегодня день вашего рожденья? Да, нѣтъ, я его помню. Рожденъе покойнаго Шмольке?

— Нѣтъ, — сказала Шмольке, — и ни его. Развѣ я тогда надѣла бы такой бантъ и такія ленты?

— Такъ, если нѣтъ рожденья, что-жъ тогда?

— Ничего, Коринна. Развѣ въ приличномъ видѣ можно быть только по случаю чего-нибудь? Небось, сама каждый Божій день сидишь, когда полчаса, а когда и больше, и завиваешь хохлы.

— Но, милая Шмольке...

— Эхъ, Боринночка, думаешь, я ничего не вижу. Я все вижу и больше того... И могу тебѣ сказать, что Шмольке очень нравились завитые хохолки.

— Вотъ *каковъ* былъ Шмольке.

— Нѣтъ, Боринна, Шмольке не былъ *таковъ*; онъ былъ очень приличный человѣкъ и, если можно такъ странно выразиться, былъ почти слишкомъ приличенъ. Давай-ка прежде шляпку и накидку. Богъ мой, на что все похоже. Развѣ такъ ужасно пыльно? Хорошо, что не отсырѣло, а то, что было бы съ бархатомъ? У профессора лишнихъ денегъ не водится; хоть онъ на тебя и не жалуется, но прибыли отъ тебя мало.

— Мало, — разсѣялась Коринна.

— Посмотрите, пожалуйста, она смѣется. Ну, что тутъ смѣшного. Старикъ изводится надъ работой и едва сводитъ концы съ концами. У меня сердце болитъ, на него глядя. Папа очень хороший человѣкъ, а за плечами шестьдесятъ лѣтъ — не шутка. Онъ не хочетъ съ этимъ согласиться и ведетъ себя какъ двадцатилѣтній. И ничего себѣ. А вотъ наемни упалъ съ конки; ужъ и со мной когда-нибудь то же самое случится... Однако, скажи, чего тебѣ подать? Или ужъ покушали и ни на что глядѣть не хочется?

— Нѣтъ, я ничего не ѣла. Вѣрниѣ, почти ничего; въ ресторанѣ всегда старое печенье. Въ Паульсборнѣ пили сладкій ликеръ. Это въ счетъ нейдетъ. У меня, впрочемъ, совсѣмъ нѣтъ аппетита. Голова тяжелая, боюсь заболѣть.

— Пустяки, Коринна. Одна изъ твоихъ вѣчныхъ фантазій; когда у тебя горять уши или немного болитъ голова, ты готова сейчасъ вообразить нервную горячку. А этимъ шутить нельзя; какъ разъ накличешь. Нынче было немного сыро, туманъ — вотъ и все.

— Да, сегодня былъ сильный туманъ и подъ конецъ почти не было видно озера. Вы правы. Но голова, правда, болитъ, мнѣ хотѣлось бы лечь и потеплѣе укрыться. И кромѣ того, когда папа вернется, мнѣ не хотѣлось бы болѣе разговаривать. Богъ его знаетъ, когда онъ прійдетъ, можетъ быть, очень поздно.

— Почему онъ не вернулся съ тобой?

— Не хотѣлъ. Сегодня ихъ «вечерь». Бажется, у Бу. Тамъ, по большей части долго засиживаются. Но съ вами, милая, дорогая Шмольке, мнѣ бы хотѣлось поболтать еще съ полчаса. Въ васъ есть что-то такое сердечное.

— Не болтай зря, Боринна. Что тамъ еще сердечное? Да, и то правда, отчего мнѣ не быть сердечной. Вѣдь ты была во—какая, когда я поступила въ домъ.

— Ну, тамъ сердечная или нѣтъ, а мнѣ это пріятно. Когда лягу въ постель, принесите мнѣ чайку въ мейссенскомъ чайничкѣ, а въ другомъ маленькомъ для себя; потомъ парочку хлѣбцевъ разрѣжьте потоньше и чуть-чуть намажьте. Мнѣ надо беречь желудокъ; какъ разъ получишь гастрическую лихорадку и тогда на шесть недѣль въ постель.

— Будеть тебѣ!—разсмѣялась Шмольке, и пошла въ кухню, чтобы поставить котелокъ на огонь. Горячая вода всегда была въ домѣ, надо было, чтобы она закипѣла.

Четверть часа спустя, Шмольке снова вошла въ комнату и застала свою любимицу уже въ постели. Боринна скорѣе сидѣла, чѣмъ лежала и встрѣтила Шмольке успокоительнымъ извѣстіемъ, что ей «гораздо лучше; какъ справедливо, что теплая постель—лучшее лѣкарство; пожалуй, на этотъ разъ все обойдется благополучно и никакой болѣзни не будетъ».

— Я также думаю,—сказала Шмольке, устанавливая подносъ на столикъ въ головахъ кровати.—Ну, Боринночка, какимъ пригласишь угощать? Вотъ этотъ, съ отбитымъ носикомъ кипѣлъ дольше; а вѣдь ты охотница до вѣрпакаго, горьковатаго чаю, чтобы смаживало на чернила.

— Понятно. Давайте вѣрпакаго, побольше сахару и самую малость сливокъ. Сливики разстраиваютъ желудокъ.

— Богъ съ тобой, Боринна, брось ты всякія расстройства. Лежить тутъ румяная, какъ яблочко, и рассуждаетъ, точно смерть у нея за плечами. Нѣтъ, Боринночка, смерть такъ скоро не приходитъ. Возьми-ка хлѣбца. Нарѣзала такъ тонко, чего тоньше не бываетъ.

— Превосходно. Никакъ вы принесли съ собой кусочекъ ветчины?

— Для себя, Боринночка. Вѣдь мнѣ тоже ѣсть хочется.

— Милая Шмольке, угостите меня. Хлѣбцы вовсе не привлекательны, а ветчина мнѣ улыбается. И такъ аппетитно нарѣзана.

Однако, я не на шутку голодна. Дайте мнѣ кусочекъ, если вамъ не жалко.

— И что ты только болтаешь, Боринна. Ну, какъ мнѣ можетъ быть жалко. Вѣдь я только прислуга, завѣдующая хозяйствомъ.

— Хорошо, что васъ папа не слышитъ. Вы знаете, какъ онъ не любитъ такихъ разговоровъ о прислугѣ и называетъ это ложною скромностью.

— Да, да, это его слова. А Шмольке, онъ также былъ умный человекъ, хотя и не ученый, говорилъ всегда такъ: «Послушай, Розалія, скромность дѣло хорошее, и ложная скромность (въ сущности сиромность всегда бываетъ ложная) лучше нескромности».

— Гм...—сказала Боринна, чувствовавшая себя нѣсколько смущенной, понятное дѣло.— Вообще, дорогая Шмольке, вашъ Шмольке былъ, вѣроятно, прекраснымъ мужемъ. Вы уже раньше говорили, что онъ былъ очень приличнымъ, даже слишкомъ приличнымъ человекомъ.

Такия вещи пріятно слушать. Но въ чемъ же состояла его порядочность?... Онъ вѣдь служилъ въ полиціи. Откровенно говоря, я рада, что у насъ есть полиція; такъ пріятно пройти мимо полицейскаго, спросить у него дорогу; всѣ они такъ вѣжливы и деликатны, по крайней мѣрѣ, мнѣ всегда такъ казалось. Но что значить слишкомъ порядочный?

— Видишь ли, милая Боринна: полицейскіе подраздѣляются, у нихъ это называется кварталами, и Шмольке былъ въ одномъ изъ кварталовъ. ♦

— Понятно. Не могъ же онъ быть всюду.

— Нѣтъ, не всюду. Онъ былъ именно въ самомъ трудномъ, который слѣдитъ за чистотою нравовъ и благообразіемъ.

— Развѣ есть такой кварталъ?

— Да, Боринна, есть и долженъ быть. И вотъ, когда случится, — случается бѣда и съ женщинами, и съ дѣвушками, ты, конечно, такихъ видала и слыхала о нихъ, берлинскія дѣти все знаютъ и видятъ, — когда такое бѣдное, несчастное созданіе (есть изъ нихъ, право, бѣдныя и несчастныя) погрѣшитъ противъ благопристойности и чистоты нравовъ, его арестуютъ и наказываютъ. И такъ, куда сажаютъ подъ арестъ, тамъ долженъ былъ сидѣть Шмольке.

— Удивительно! Вы мнѣ еще объ этомъ никогда ни говорили. И Шмольке долженъ былъ тамъ присутствовать. Право, чудеса. И вы думаете, что поэтому именно онъ былъ такъ приличенъ и солиденъ?

— Да, Боринна, я такъ думаю.

— Если вы такъ думаете, дорогая Шмольке, — я вамъ вѣрю. Но, въ сущности, это удивительно. Вашъ Шмольке былъ тогда молодъ; человекъ, какъ говорится, въ цвѣтѣ лѣтъ. А эти женщины бываютъ часто очень красивы. И вотъ сидитъ такой Шмольке и долженъ имѣть строгій, добродѣтельный видъ, потому что случай помѣстилъ его въ такое мѣсто. Что хотите, а это трудновато.

Шмольке вздохнула. — Да, Боринна, сознаюсь тебѣ откровенно и не мало плакала; съ тѣхъ поръ у меня и боли въ затылкѣ. А на третьемъ году нашего супружества я потеряла одиннадцать фунтовъ вѣсу. Если бы въ то время у меня были дѣти, было бы еще хуже. Дѣти родились, когда я уже поправилась.

— Бѣдная женщина! — сказала Боринна: — тяжелое время пришлось вамъ пережить. Но если вы потомъ поправились, значить, васъ что-нибудь утѣшило и успокоило.

— Да, Боринночка. Такъ какъ ты все знаешь, я расскажу тебѣ, какъ случилось, что я успокоилась. Могу сказать, плохо пришлось; недѣлями не смыкала я глазъ. Въ концѣ концовъ сонъ возьметъ свое; природа требуетъ сна, а она сильнѣе ревности. Но и ревность сильна, сильнѣе любви. Да, что я хотѣла сказать? Когда я совсѣмъ ослабла и едва могла ему приготовить баранину съ бобами (шингованныхъ онъ не любилъ; увѣрялъ, что отъ нихъ пахнетъ ножомъ), онъ понялъ, что надо со мной поговорить. Сама я не разговаривала, — была слишкомъ горда. Итакъ, онъ рѣшилъ поговорить со мной... Выбравъ удобное время, взялъ онъ изъ кухни табуретку, — помню все, точно вчера было, — пододвинулъ ее ко мнѣ и сказалъ: «Розалія, что съ тобой?»

Съ лица Боринны исчезли признаки ироніи. Она отодвинула въ сторону подносъ, выпрямилась, облокотилась о столикъ и сказала: «Ну, дальше, милая Шмольке!»

— Розалія, что съ тобой? — спросилъ онъ меня. Тогда у меня брызнули слезы, и я сказала: «Шмольке, Шмольке!» — и такъ посмотрѣла на него, точно хотѣла пронизать насквозь. Пронзительный былъ взоръ, но дружественный. Вѣдь, я его любила. Онъ при этомъ остался совершенно спокоенъ и не измѣнился въ лицѣ. Потомъ взялъ мою руку, нѣжно погладилъ и сказалъ: «Розалія, все это глупости. Ты ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаешь. Говорю тебѣ, когда день изо дня сидишь тамъ и видишь горе и нищету, волосы становятся дыбомъ; а когда еще попадаютъ голодныя, у которыхъ дома родители день и ночь оплакиваютъ позоръ своего дѣтища, которое любить и всей душой желали бы спасти, если бы спасеніе еще

было возможно, говорю тебѣ, Розалія, когда вынужденъ смотрѣть на это каждый день человекъ съ сердцемъ, гвардеецъ, тогда не до похожений; не знаешь, какъ оттуда вырваться, готовъ плавать, что я не разъ дѣлалъ. Тутъ не до нѣжностей и не до дѣвчонокъ; скорѣе бѣжишь домой; радъ своей баранинѣ и благодаришь Бога, что у тебя честная женушка, по имени Розалія. Довольна ты?» И онъ поцѣловалъ меня. Шмольке во время разказа совсѣмъ разстроилась и пошла къ шкафу достать себѣ платокъ. Оправившись, она взяла Коринну за руку и сказала: — Вотъ каковъ былъ Шмольке!... Что ты на это скажешь?

— Очень приличный человекъ.

— Н-да.

Въ эту минуту позвонили. «Папа», сказала Коринна. Шмольке пошла отпирать профессору. Она скоро вернулась и сообщила, что папа очень удивился, не заставъ Коринны, и спрашивалъ, что съ ней? Изъ-за головной боли не стоитъ валяться въ постели. Потомъ онъ набилъ трубку и взялъ газету, причемъ сказалъ: «Слава Богу, Шмольке, что я опять дома; всѣ общества — одна бессмыслица; говорю это разъ навсегда». При этомъ у него былъ очень хорошій видъ и Шмольке увѣрена, что ему было весело. У него есть одинъ недостатокъ, свойственный многимъ людямъ: толкуетъ обо всемъ и все знаетъ лучше другихъ. «Да, Коринночка, въ этомъ отношеніи ты совершенная Шмидтъ».

Коринна подала старушкѣ руку и сказала: «Вы правы, дорогая Шмольке; и хорошо дѣлаете, что мнѣ объ этомъ говорите. Еслибъ васъ не было, кто бы сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе? Никто. Я выросла на всей своей волѣ и удивительно, что не стала хуже, чѣмъ есть. Папа хорошій профессоръ, но плохой воспитатель и потому онъ слишкомъ много обо мнѣ думалъ: «Шмидтовское само за себя говорить» или «все переделается».

— Да, онъ всегда такъ говорить. А по-моему колотушки не лишнее.

— Помилосердуйте, милая Шмольке; мнѣ становится страшно.

— Бакая ты глупая, Коринна. Чего тебѣ страшно? Ты взрослая, самостоятельная особа, давно окончила школу и уже шесть лѣтъ могла бы быть замужемъ.

— Да, могла бы, — сказала Коринна, — еслибъ была кому-нибудь нужна. Но до сихъ поръ на меня никто не польстился. Пришлось самой о себѣ заботиться.

Шмольке думала, что ослышалась: «Пришлось самой о себѣ заботиться? Что это значить?... Что ты хочешь сказать?»

— Это значить, милая Шмольке, что съ нынѣшняго вечера я невѣста.

— Отецъ небесный, возможно ли! Не сердись, что я такъ удивляюсь... Вѣдь, это очень хорошо. Чья невѣста?

— Угадай.

— Марсея.

— Нѣтъ, не его.

— Не Марсея? Да, Боринна, тогда я ничего не знаю и не хочу знать. Однако, въ концѣ концовъ, я должна знать. Кто же это?

— Леопольдъ Трейбель.

— Милосердый Боже!

— Развѣ плохо? Ты имѣешь что-нибудь противъ него?

— Сохрани Богъ. Что мнѣ противъ него имѣть? За кого ты меня считаешь? И потомъ всѣ Трейбели добрые и милые люди, прежде всего коммерціи совѣтникъ, вѣчно шутить. Скажеть: «пятьдесятъ лѣтъ желаю здравствовать» или «чѣмъ старше люди, тѣмъ милѣ». И старшій сынъ очень хорошъ, и Леопольдъ тоже. Немного худощавъ. Ну, да жениться—не на сцену поступать. Шмольке нерѣдко говаривалъ: «Послушай, Розалія, оставь это; наружность обманчива; худые и слабые по виду въ дѣйствительности очень часто оказываются вѣрными». Да, Боринна, Трейбели хорошіе люди и даже мама, коммерціи совѣтница; знаешь, въ ней есть что-то, что мнѣ не особенно нравится; всегда разнаряженная и жеманная; когда кто-нибудь рассказываетъ трогательную исторію про пуделя, вытащившаго изъ воды ребенка или профессоръ громовымъ басомъ объявляетъ: «такъ говорить безсмертный»... послѣ чего слѣдуетъ ния, котораго не произнести ни одному христіанину, а также и коммерціи совѣтницѣ,—у нея сейчасъ навертываются слезы и неподвижно стоятъ на глазахъ.

— Что же плохого, что она можетъ плакать, дорогая Шмольке?

— У многихъ это хорошій признакъ, указывающій на доброе сердце. Да я ничего дурного и не говорю. И у самой часто слезы сидятъ въ горлѣ... Господи, какъ вспомню, когда живъ былъ Шмольке,—жилось подругому: каждый день билеты третьяго разряда въ театръ, а то иной разъ и втораго. Тогда я наряжалась, Боринночка; мнѣ еще не было тридцати и изъ себя была я видная. Ахъ, дитя, какъ подумаешь, что было! Была тогда одна актриса, Эрхартъ называлась; она еще потомъ вышла замужъ за графа. Ахъ, Боринночка, немало сладкихъ слезъ пролила я, глядя на ея

игру. А ужъ всего лучше была она въ «Маріи Стюартъ». Такой, бывало, подымуть въ театрѣ плачь, что ничего не слышно; знаешь, ужъ совсѣмъ подь конецъ, когда она прощается со слугами и старой кормилицей; всѣ въ черномъ, а она съ вѣрстомъ, точно настоящая католичка. Взаправду Эрхартъ не была католичкой. И когда все это вспомню, какъ не могла удержаться отъ слезъ, то какъ-то и стыдно нападать на коммерціи совѣтницу.

Боринна вздохнула полушутя, полусерьезно.

— О чемъ ты вздыхаешь, Боринна?

— О чемъ я вздыхаю, милая Шмольке? Вздыхаю потому, что вы говорите правду, и совѣтницу нельзя упрекать ни за чрезмѣрную слезливость, ни за восторженность. Чего на свѣтѣ не бываетъ? Но совѣтница очень своеобразная женщина. Я ей не довѣряю, и бѣдный Леопольдъ правъ, что ей боится и не знаетъ, съ какой стороны къ ней подойти. Намъ предстоитъ жестокая борьба. Я поддерживаю Леопольда, и если моя свекровь будетъ очень сопротивляться, большой бѣды изъ этого не выйдетъ. Всѣ свекрови таковы и каждая думаетъ, что ей сокровищу нѣтъ равнаго. Поживемъ — увидимъ; онъ далъ мнѣ слово, а остальное обойдется.

— Вѣрно, Боринна, держи его въ рукахъ. По правдѣ тебѣ сказать, я за тебя немного побаиваюсь; кажется мнѣ, что Марсель былъ бы лучше; больше вы другъ къ другу подходите. Ну, да ужъ это такъ, только тебѣ говорю. Подцѣпила Трейбеля, такъ и владыи имъ, и никакія причитанья не помогутъ. Придется и ему, и старухѣ покориться. Въ старухѣ все дѣло. Она бы чего не натворила.

Боринна утвердительно кивнула головой.

— А теперь спи, дитяtko. Утро вечера мудренѣе. Неизвѣстно, что будетъ завтра и сколько понадобится силъ.

ХІІ.

Почти въ то самое время, когда экипажъ Фельгентрей остановился на Адлерштрассе, чтобы высадить Боринну, ландо Трейбелей остановилось передъ виллою коммерціи совѣтника. Совѣтница съ Леопольдомъ вышли изъ экипажа, а старикъ Трейбель поѣхалъ къ дровяному складу, проводить молодыхъ, которые и на этотъ разъ пожалѣли собственныхъ лошадей. Оттуда, послѣ родственныхъ поцѣлуевъ (онъ охотно разыгрывалъ изъ себя нѣжнаго свекра), направился онъ къ Буггенхагену, гдѣ предстояло собраніе его партіи. Онъ хотѣлъ посмотреть, въ какомъ положеніи дѣла, и показать, что корреспонденція *National Zeitung* не произвела на него впечатлѣнія.

Коммерціи совѣтница, которая осмѣивала обыкновенно политическія начинанія своего мужа, а подчасъ и сердилась на нихъ, на этотъ разъ благословила Буггенхагена и рада была возможности часокъ-другой посидѣть въ одиночествѣ. Разговоръ съ Виллбальдомъ пробудилъ въ ней такъ много воспоминаній. Увѣренность, что ее поняли, давала ей высшее удовлетвореніе. «Многіе мнѣ завидуютъ, а что у меня есть? Парча, золотыя путы и Хонигъ съ вислосладкой миной. Трейбель добръ, особенно по отношенію ко мнѣ; но проза жизни давить меня, какъ свинецъ, и если онъ этого не замѣчаетъ, то я-то отъ этого страдаю... И при этомъ, только коммерціи совѣтница и вѣчно коммерціи совѣтница. Скоро десять лѣтъ и ни шагу впередъ, несмотря ни на какія ухищренія. И если такъ останется навсегда, — а я увѣрена, что такъ будетъ, — то не лучше ли было поддаться обаянію науки и искусства. Да, тамъ тонъ выше... А вѣчный разговоръ о богатствѣ! Я однако не могу выпить болѣе одной чашки кофе. Когда ложусь въ постель, весь вопросъ сводится къ тому, чтобы заснуть. Не въ томъ дѣло, орѣхъ подъ тобой или береза, а въ томъ, уснешь или нѣтъ. Между тѣмъ сонъ бѣжитъ отъ моихъ глазъ; сонъ — лучшее, что есть въ жизни, потому что онъ даетъ забвеніе... И дѣти были бы иныя. Посмотрю на Боринну, въ ней все живетъ и трепещетъ; она за поясъ заткнетъ обоихъ моихъ молодцовъ. Отто немногаго стѣдить, а Леопольдъ и совсѣмъ ничего.

Погружаясь въ пріятный самообманъ, Женни подошла къ окну и попеременно глядѣла то въ садикъ, то на улицу. Напротивъ, въ мансардѣ, стояла у окна дѣвушка и увѣренно водила утюгомъ по доскѣ. Совѣтницѣ показалось, что она напѣваетъ. Ей не хотѣлось оторвать глазъ отъ веселой картинки и въ душѣ поднялось что-то вродѣ зависти.

Когда она оглянулась, то увидала, что въ комнату открыта дверь. Фридрихъ принесъ чай.

— Поставьте подносъ, Фридрихъ, и скажите m-elle Хонигъ, что она мнѣ не нужна.

— Слушаю-съ, сударыня. Вотъ письмо.

— Письмо? — удивилась совѣтница. — Отъ кого?

— Отъ молодого барина.

— Отъ Леопольда?

— Да, сударыня... И они просятъ отвѣта.

— Письмо... Отвѣтъ... Что за вздоръ!

Женни разорвала конвертъ и пробѣжала письмо.

«Милая мама! Если тебѣ не трудно, позволь мнѣ еще сегодня поговорить съ тобой. Пришли сказать съ Фридрихомъ, да или нѣтъ? Твой Леопольдъ».

Женни была такъ поражена, что всё ея сентиментальныя мечтанія разомъ улетучились. Она была убѣждена въ одномъ, что надвигается нѣчто роковое. Однако, собравшись съ силами, сказала:

— Передайте Леопольду, что я его жду.

Комната Леопольда находилась какъ разъ надъ будуаромъ матери, она ясно слышала, что онъ бѣгаетъ изъ угла въ уголь и съ непривычной рѣзкостью толкаетъ попадающіеся подъ ноги предметы. Немного спустя шаги его раздались на лѣстницѣ.

Онъ вошелъ въ комнату и направился къ огню съ намѣреніемъ поцѣловать у матери руку; но она встрѣтила его такимъ угрожающимъ взоромъ, что онъ остановился и ограничился поклономъ.

— Что это значить, Леопольдъ? Десять часовъ вечера, время спать, а ты пишешь мнѣ записочку и желаешь разговаривать. Для меня совершенная новость, что ты можешь имѣть что-либо на душѣ, чего нельзя отложить до завтра. Что съ тобой? Что тебѣ нужно?

— Жениться, мама. Я сдѣлалъ предложеніе.

Коммерціи совѣтница отшатнулась назадъ; въ счастью, окно, у котораго она стояла, оказало ей сопротивленіе. Она не ждала добра, но предложеніе за ея спиной превзошло всё опасенія. Одна изъ Фельгентрей? Она считала обѣихъ глупенькими и всю Фельгентрейвшину выскочками. Старикъ былъ главнымъ управляющимъ крупнаго кожевеннаго дѣла и женился на хорошенькой экономеѣ принципала, вдовца, часто мѣнявшаго женскую прислугу. Такъ стояли дѣла и оставляли желать многого. По сравненію съ Мунками это было не такъ уже плохо.

— Эльфрида или Бланка? — спросила она.

— Ни та, ни другая.

— Кто же?

— Боринна.

Чаша переполнилась. Женни сдѣлалось дурно, и она на глазахъ сына свалилась бы на полъ, еслибъ онъ не успѣлъ подхватить ее. Нелегко было держать Женни и еще труднѣе нести, но Леопольдъ, котораго положеніе дѣлъ привело въ крайнее возбужденіе, приподнялъ мать и отнесъ на софу. Затѣмъ онъ хотѣлъ придавить пуговку электрическаго звонка, но Женни, какъ большая часть дамъ въ обморокѣ, была не настолько въ безсознательномъ состояніи, чтобы не замѣтить, что вокругъ нея дѣлается. Она взяла его за руку, давая понять, что звонокъ не нуженъ.

Женни довольно скоро пришла въ себя, взяла со стола флаконъ одеколому и сказала, предварительно смочивъ себѣ лобъ:

— Итакъ, Боринна?

— Да, мама.

— Ты не шутишь? Серьезно думаешь жениться?

— Да, мама.

— И ты думаешь вѣнчаться въ Берлинѣ, въ той самой церкви, гдѣ я вѣнчалась съ твоимъ милымъ, добрымъ отцомъ?

— Да, мама.

— Да, мама, и опять—да, мама! Ты говоришь точно по командѣ; точно Боринна приказала тебѣ отвѣчать все: да, мама! Если такъ, то мы скоро выучимъ съ тобой свои роли наизусть. Ты будешь говорить: да, мама! я отвѣчать: нѣтъ, Леопольдъ. А тамъ посмотримъ, что дольше выдержать, твое «да» или мое «нѣтъ»!

— Я нахожу, что ты слишкомъ легко смотришь на дѣло, мама.

— А я этого и не подозрѣвала. Если это такъ, то наставь меня на путь истинный. Во всякомъ случаѣ, когда сынъ приходитъ къ матери и безъ дальнихъ околичностей объявляетъ ей: «я сдѣлалъ предложеніе», — это путь не особенно изысканный. У насъ такъ не дѣлается. Такъ случается на сценѣ; можетъ быть у людей науки, гдѣ царить Боринна. Говорятъ, она поправляетъ театради старику. Допустимъ, что у людей науки это возможно, и если она съ своей стороны объявить отцу: «я приняла предложеніе», — пусть ихъ радуются. У нихъ есть на то основаніе, потому что Трейбели не растутъ на деревьяхъ и не даются каждому въ руки. Но я, я вовсе не радуюсь и запрещаю тебѣ жениться. Ты доказалъ свою незрѣлость, свое ребячество.

— Дорогая мама, ты могла бы нѣсколько пощадить меня.

— Пощадить? А ты пощадилъ меня, рѣшаясь на такое безуміе! Ты сдѣлалъ предложеніе? Бого ты хочешь обмануть? Тебѣ сдѣлали предложеніе, а ты согласился. Она играетъ тобой, а ты вмѣсто того, чтобы защищаться, цѣлуешь у нея ручки и, какъ дуракъ, лѣзешь въ петлю. До сихъ поръ я тебѣ не препятствовала, но дальнѣйшихъ глупостей не позволю. Носитесь другъ съ другомъ сколько угодно, будьте женихомъ и невѣстой, но тайно; объ официальной помолвкѣ не можетъ быть рѣчи. Съ моей стороны объявленій не будетъ, если же ты самъ о ней объявишь, то соблаговоли принимать поздравленія гдѣ-нибудь въ меблированныхъ комнатахъ. Въ моемъ домѣ этого не будетъ. Въ моемъ домѣ не будетъ помолвки, для меня не существуетъ никакой Боринны! Я все сказала! Приходится на себѣ испытать человѣческую неблагодарность и рас-

каяться въ излишней любезности и гостепріимствѣ. И ты не лучше. Могъ бы избавить меня отъ огорченія и скандала. Что тебя совращаютъ, не извиненіе. Ты знаешь мою волю и, смѣю сказать, волю отца, потому что хотя онъ и спускаетъ вамъ много глупостей, но въ вопросахъ, гдѣ ставится на карту честь его семейства, на него можно положиться. Иди, Леопольдъ, и усни, если можешь. Чистая совѣсть — лучшая подушка.

Леопольдъ закусилъ губы и горькая улыбка искривила его губы.

— Кроме того, если ты что-нибудь замышляешь, (я вижу, что ты смѣешься и упрямо глядишь на меня, знаю, чье это вліяніе); кроме того, если ты что-нибудь замышляешь, помни, что родительское благословеніе создаетъ благосостояніе дѣтей. Позволь тебѣ посоветовать, если хочешь быть благоразумнымъ, не поддавайся чужимъ, опаснымъ людямъ, не дѣйствуй подъ вліяніемъ мимолетнаго настроенія и не подрывай основъ жизни, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго счастья.

Леопольдъ, который, къ своему собственному удивленію, ни на минуту не чувствовалъ себя подавленнымъ, хотѣлъ отвѣчать. Но взглядъ на мать, возбужденіе которой по мѣрѣ разговора росло, заставилъ его сознаться, что каждое слово ухудшить только положеніе дѣлъ. Онъ молча поклонился и вышелъ изъ комнаты.

Не успѣлъ Леопольдъ уйти, какъ совѣтница вскочила съ дивана и принялась бѣгать по комнатѣ. Баждый разъ, приближаясь къ окну, она невольно обрапала взоръ къ гладильницѣ въ мансардѣ, все еще стоявшей въ ярко освѣщенномъ отверстіи окна. Затѣмъ взглядъ ея падалъ на темное пространство сада, гдѣ, опершись лѣвой рукой на рѣшетку, стояла ея горничная, хорошенькая блондинка, которую не хотѣли даже брать въ домъ, въ виду опасности для Леопольда. Дѣвушка смѣясь оживленно болтала съ стоящимъ на троттуарѣ «кузеномъ», и быстро отскочила, когда къ воротамъ подъѣхалъ коммерціи совѣтникъ, возвратившійся отъ Буггенхагена.

Взглянувъ на окна дома, Трейбель увидалъ, что только въ комнатѣ жены есть свѣтъ. Онъ рѣшилъ тотчасъ же идти къ ней и сообщить о впечатлѣніяхъ вечера. Холодный пріемъ, встрѣченный имъ вслѣдствіе корреспонденціи въ *National Zeitung* у Буггенхагена, быстро измѣнился подъ вліяніемъ его любезности; тѣмъ болѣе, что онъ сдѣлалъ очень ироническую оцѣнку Фогельзана, котораго въ кружкѣ почти не выносили.

Его потянуло разсказать о побѣдѣ, хотя онъ зналъ, какъ Женни относится къ этимъ вопросамъ, но когда онъ вошелъ и увидалъ

несомнѣнное возбужденіе, въ какомъ находилась жена, на губахъ его замеръ веселый возгласъ: «добрый вечеръ, Женни!» Онъ подалъ ей руку и сказалъ:

— Что случилось? Ты воплощенное страданіе! Нѣтъ, кромѣ шутокъ, что съ тобой? Точно въ тебя впился ячменный колосъ.

— Мнѣ кажется, Трейбель, — сказала она, бѣгая изъ угла въ уголъ, — ты бы могъ найти лучшее сравненіе: «впился ячменный колосъ», отдаешь деревней, чтобы не сказать мужикомъ. Тѣйницъ-Доссенъ уже оказываетъ результаты...

— Милая Женни, вина тутъ не во мнѣ, а въ картинности иѣмецкаго языка.

Онъ запнулся, такъ какъ на него бросили необычайно злобный взглядъ, и рѣшилъ не подбирать больше сравненій. Женни сама начала разговоръ:

— Твое вниманіе ко мнѣ всегда одинаково. Ты видишь, что у меня было потрясеніе и выражаешь свое участіе въ безвкусной формѣ. Тебя, повидному, не особенно интересуетъ узнать, что было причиной моего волненія.

— Какъ же, какъ же, Женни... Бѣ чему обижаться, ты меня прекрасно знаешь и должна понять шутку. Потрясеніе! Не люблю я такихъ словъ. Опять Анна уходитъ съ мѣста или любовная исторія? Если не ошибаюсь, она стояла...

— Нѣтъ, Трейбель, совсѣмъ не то. Анна вольна дѣлать, что ей угодно. Меня потрясла любовная исторія, но совсѣмъ съ другой стороны...

— Однако все-таки любовная исторія. Чья же?

— Леопольда.

— Силы небесныя! — трудно было уловить, выражаетъ ли это восклицаніе страхъ или радость. — Леопольдъ? Возможно ли?

— Болѣе, чѣмъ возможно, несомнѣнно; съ четверть часа тому назадъ былъ онъ здѣсь, чтобы повѣдать мнѣ свою любовную исторію.

— Удивительный юноша...

— Онъ сдѣлалъ предложеніе Бориннѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что коммерціи совѣтница ожидала сильнаго впечатлѣнія отъ этой новости, но обманулась. Первымъ чувствомъ Трейбеля было разочарованіе. Онъ ожидалъ исторіи съ сибирткой, или «дѣвицей изъ народа» и встрѣтилъ извѣстіе, которое, по его непредубѣжденнымъ воззрѣніямъ могло вызвать, что угодно, но не ужасъ и отчаяніе.

— Боринна, — сказалъ онъ. — И прямо предложеніе, не спро-

сясь у мамѣ. Молодецъ—парень! Какъ ошибаешься въ людяхъ, особенно въ собственныхъ дѣтяхъ.

— Трейбель, что это значить? Теперь не время обсуждать серьезные вопросы въ духѣ Буггенхагенскихъ сборищъ. Ты возвращаешься домой, застаешь меня въ страшномъ возбужденіи и, когда я объясняю причину, находишь умѣстнымъ отдѣлываться шуточками. Ты не чувствуешь, что это равносильно насмѣшкѣ надо мной и моими чувствами, и, судя по твоему образу дѣйствій, ты не находишь ничего скандальнаго въ этой исторіи. Я хотѣла бы въ этомъ убѣдиться, прежде чѣмъ буду продолжать разговоръ. Скандаль это или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— И ты не думаешь по поводу этого объясниться съ Леопольдомъ?

— Нѣтъ.

— И не возмущенъ этой особой?

— Ничего.

— Особой, которая совершенно не стѣнитъ моей и твоей любезности, которая желаетъ только перенести свою кровать въ домъ Трейбелей, больше ей нечего приносить.

Трейбель разсмѣялся.

— Удачный оборотъ рѣчи, Женни. И когда я съ помощью фантазіи, составляющей истинное мое несчастье, воображаю себѣ хорошенькую Коринну, несущую въ домъ Трейбелей свою кровать, я могу неудержимо хохотать. Но лучше не буду смѣяться и, такъ какъ ты настроена серьезно, скажу тебѣ серьезное слово. Все, что ты здѣсь болтала, во - первыхъ, вздоръ; во - вторыхъ, возмутительно. А кромѣ того, ты слѣпа, забывчива и высокомерна!

Женни поблѣднѣла и задрожала, она прекрасно знала, куда мѣтили: «слѣпа и забывчива». Но Трейбель, какъ добрый и умный человѣкъ, всегда должнымъ образомъ относившійся къ высокомерию, продолжалъ:

— Ты говоришь о неблагодарности, скандалѣ и издѣвательствѣ, недостаетъ только слова «безчестіе». Неблагодарность... Ты, можетъ быть, хочешь сосчитать финики и апельсины, которые взяла изъ нашихъ маіоликовыхъ вазъ съ Венерами и купидонами эта умная, веселая, интересная особа, которая затенитъ за поясъ десятокъ Фельгентрей, не говоря о нашей болѣе близкой роднѣ! Или мы сами никогда не были въ гостяхъ у милаго, добраго профессора, у Вилибальда, который до сихъ поръ былъ твоимъ лю-

бимцемъ, и не пили его вина, которое не многимъ хуже нашего? Развѣ ты тамъ не веселилась и не пѣла своихъ пѣсень подь звуки стараго, разбитаго инструмента? Нѣтъ, Женни, брось глупыя исторіи. А то вѣдь и я могу разсердиться.

Женни взяла его за руку, чтобы помѣшать говорить.

— Нѣтъ, Женни, я еще не кончилъ. Я только-что разошелся. Ты говоришь, скандалъ и издѣвательство. Смотри, чтобы изъ воображаемаго скандала не вышло настоящаго, берегись, чтобы стрѣла не обратилась на стрѣляющаго; говорю такъ, потому что ты любишь картинныя выраженія. Ты на пути къ тому, чтобы нарядить насъ въ шуты и увѣковѣчить въ такомъ видѣ. Что мы такое? Мы не Монморанси и не Лузиньяны, отъ которыхъ, замѣчу мимоходомъ, должна происходить прекрасная Мелузина, что для тебя, можетъ быть, не безынтересно. Мы не Бисмарки, не Арнимы и вообще не аристократы; мы—Трейбели, желѣзисто-синильное кали и желѣзный купоросъ, а ты—урожденная Бюрстенбиндеръ съ Адлерштрассе; Бюрстенбиндеръ—почтенная семья; но сомнѣваюсь, чтобы первый Бюрстенбиндеръ стоялъ выше перваго Шмидта. Поэтому прошу тебя, Женни, къ чему преувеличенія; если возможно, брось весь планъ кампаніи и прими Коринну въ домъ такъ же спокойно, какъ приняла Елену. Вовсе нѣтъ надобности, чтобы свекровь и невѣстка пламенно любили другъ друга; вѣдь, не имъ жениться, это дѣло тѣхъ, у кого хватаетъ мужества взвалить себѣ на плеча такую трудную и серьезную задачу.

Во второй половинѣ филиппики Трейбеля Женни совершенно успокоилась, что имѣло основаніемъ знаніе свойствъ характера мужа. Она знала, что у него была потребность высказаться и что спорить съ нимъ можно будетъ тогда, когда онъ удовлетворитъ извѣстнымъ требованіямъ своего духа. Она была довольна, что душевныя изліянія начались такъ скоро,—что теперь будетъ высказано, того не придется повторять завтра. Трейбель любилъ всякое дѣло рассмотреть со всѣхъ сторонъ, и Женни была глубоко убѣждена, что онъ цѣлую ночь проговоритъ, разбирая все-сторонне помолвку Леопольда. Поэтому она взяла его за руку и сказала:

— Трейбель, окончимъ разговоръ завтра утромъ. Можетъ быть, обсудивъ дѣло хладнокровно, ты согласишься съ моими доводами. Во всякомъ случаѣ, не надѣйся переубѣдить меня. Я хотѣла предоставить тебѣ, какъ мужчинѣ, дѣйствовать въ этомъ случаѣ, но если ты уклоняешься, я буду дѣйствовать сама. Даже имѣя въ виду твое несогласіе.

— Дѣлай, какъ знаешь!

Трейбель хлопнулъ дверью и ушелъ къ себѣ. Бросившись въ кресло, онъ пробормоталъ себѣ подъ носъ: «Бто ее знаетъ, можетъ быть, она и права!»

Могло ли быть иначе. Добрякъ Трейбель былъ продуктомъ богатѣвшей генераціи фабрикантовъ и, несмотря на хорошія сердечныя и душевныя побужденія и политическія гастроли на сценѣ Тейпицъ-Цоссена, у него, какъ и у сентиментальной супруги, глубоко въ крови сидѣлъ буржуа.

Н. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОФЕССОРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Нѣсколько дней продолжалась снѣжная метель. Хаты небольшого хутора совсѣмъ замело, сугробы снѣга стояли въ уровень съ крышами. Но какъ только вѣтеръ утихъ, заснувшая на время жизнь деревенская стала входить въ свою обычную норму.

Прежде всего прорѣзали дороги къ водопою и къ маленькой, убогой хатѣ Андрея Бривого, такъ какъ это былъ центръ, гдѣ собирались молодыя силы хутора въ своемъ инстинктивномъ стремленіи къ свѣту, знанію, прогрессу.

По вечерамъ осенью и зимою тѣсная хата Андрея превращалась въ аудиторію. Хуторянки, молодыя бабы и дивчата приходили къ нему учиться. Онъ за ученіе не бралъ никакой платы и радушно принималъ всѣхъ желающихъ. Лампочка съ разбитымъ стекломъ, заклеенная кускомъ бумаги, сильно коптитъ и слабо освѣщаетъ присутствующихъ. Большой столъ заваленъ свертками ваты, кусками валенкора, ситца, дешевой бумагеи и манчестера. Здѣсь же простыя большія ножницы, почернѣвшія отъ времени, наперстокъ, нитки, самодѣльный деревянный аршинъ, куски мѣла, воска и сахарныя шворки всѣ въ узелкахъ, замѣнявшія Андрею мѣрки.

На мрачномъ фонѣ плохо освѣщенной картины, рельефно вырисовывается большая, съ черными густыми волосами голова, съ лицомъ добрымъ, полнымъ ума, энергіи и кротости, напоминающимъ собою ликъ подвижника. Это и есть профессоръ. Взоръ его горитъ воодушевленіемъ, рѣчь — убѣжденностью. Каждая изъ ученицъ старается ближе подойти къ учителю и поговорить съ нимъ.

— Дядьку Андрію!... Повчить мене, якъ вуса роботы у корсетци! — проситъ маленькая, добродушная молодлица, Маришка, съ безцвѣтнымъ, добродушнымъ лицомъ. — Ей часто достается отъ све-крови за неумѣнье шить. Теперь она съ жаромъ принялась за науку Андрея.

— И мене навчить кроить, а шиты я вже трошки вмю,—говорить красивая Лунька Кучерявая, могущая похвастаться цѣлою дюжиной присватывающихся къ ней жениховъ. «Въ ея рукахъ всякая работа кипить», говорятъ о ней сосѣди.

— И якъ вы можете, дядечку, кроить такъ скоро, та ще и такими руками? — спрашиваетъ маленькая Параска, прибѣжавшая сюда скорѣе изъ любопытства со старшею сестрой Лунькой.

— Крыва рука—бай дуже, абы робыла, та була-бъ душа правдыва!...—отвѣчаетъ Андрей.

— Я, дядечку, не могу юбку «зъ біемъ» пошить, якъ у Параски Латаевой!...

— Тебе треба починать вчить на Наума, тилько пророкъ Наумъ наставитъ тебе на умъ!...—смѣясь, говоритъ ей Андрей.

— Мени покажить, якъ треба шиты парку!...

— Дядечку Андрію, прочитайте намъ хочъ трошки. Кажуть, що у неділю дядько Никодымъ читавъ дуже гарну книжку «Вангеліе зъ Грубинзономъ». Прочитайте и намъ ім, якъ що буде ваша ласка, я заразы побіжу до Никодыма, за книжкою!—говоритъ стройная, какъ тополь, Маруся. Она давно уже стремится постичь тайну чтенія, но, увы, некому ее научить.

— Потерпи!... За терпѣніе Господь дастъ спасеніе!... У неділю и я буду читать, теперь же не время!...—отвѣчаетъ Андрей и объясняетъ, что такой книги нѣтъ, а есть Евангеліе, которое онъ самъ имѣетъ и будетъ читать имъ.

Въ аудиторіи чувствуется полная свобода, довѣріе. Здѣсь всѣ равны, всѣмъ одинаково весело. Работая, бабы и дивчата рассказываютъ о своихъ впечатлѣніяхъ, о своихъ надеждахъ. Но прежде всего на первый планъ выступаетъ небывалая зима, грозная и снѣжная. Сколько топлива она потребуе!... А сколько людей заморозило себѣ руки, ноги!... А чѣмъ весною кормить скотину?... Хлѣбъ ужъ и сейчасъ многіе покупаютъ, а что будетъ весною?!...

Окончивши работу и наговорившись вдоволь, бабы и дивчата расходятся по своимъ хатамъ, кланяясь и благодаря Андрея за его науку. Проводивши ласковымъ взглядомъ своихъ ученицъ, онъ долго еще сидитъ одинъ за работой. Быстро шьютъ его руки, но еще быстрѣе несутся мысли въ его огромной головѣ. На лицѣ, за минуту еще веселомъ, появляется тѣнь глубокой грусти и тяжелый вздохъ вырывается изъ больной груди. Вотъ работа неволью выпала изъ рукъ. Онъ наклонился на столъ и глубоко задумался.

— Ты спишь, Андрію?—спрашиваетъ съвозъ сонъ мать. Лягай,

голубчику, вже не рано, вже пивни тричи спивали! — повернувшись на другой бокъ, она быстро опять засыпаетъ.

Застыгнутый врасплохъ, Андрей спѣшитъ вытереть рукавомъ выкатившуюся слезу и наскоро примачивается спать на той же скамейкѣ, гдѣ работалъ цѣлый день.

Искусство Андрея извѣстно во всѣхъ сосѣднихъ селахъ. Онъ считается лучшимъ портнымъ. Работу ему отдають не только крестьяне, но даже небогатые помѣщики, какъ Оберкасовы, Баргины, Трибульскіе.

Нужно ли передѣлать старое, отцовское драповое пальто для маленькаго сына или пошить незатѣйливые дѣтскіе костюмчики, обращаются къ Андрею.

Ближайшая его сосѣдка, Дарья Степановна Баргина, разсуждала такъ:

— Теперь для насъ, помѣщиковъ, настали тяжелыя времена... Земля заложена и перезаложена!... Сколько приходится однихъ процентовъ платить! А другихъ долговъ развѣ мало?... Работа Ваничкинаго пальто въ городѣ стѣитъ не меньше 2—3 рублей, Андрей же пошьетъ за 75 коп., и главное—пошьетъ прочно, добросовѣстно. А фасонъ какой нуженъ дѣтямъ? Было бы тепло да удобно, вотъ и все, что требуется для деревни!...

Практичная, разсудительная, она даже для своей старой матери, которая жила въ городѣ, отдала Андрею шить стеганую на ватѣ шубу. Андрей дорожилъ такою честью и всѣми силами старался всѣмъ угодить, особенно Дарьѣ Степановнѣ.

Однако съ шубой случился казусъ, едва не запятнавшій доброе имя Андрея. Старушка, мать Баргиной, при маленькомъ ростѣ была необыкновенно полна и, когда шла, напоминала собою корабль, подверженный дѣйствию легкой морской качки. Андрей обратилъ все свое вниманіе на ширину шубы. Вещь была сшита прекрасно. Но примѣрили и — о, ужасъ! — шуба оказалась такой ширины, что свободно могла бы вмѣстить всѣхъ членовъ многочисленной семьи помѣщика Баргина, но, къ несчастью, была коротка!... Андрей больше всѣхъ сознавалъ свою вину, но помочь ничѣмъ не могъ. Онъ не взялъ денегъ за работу, хотя просидѣлъ за шубой около двухъ недѣль, и только этимъ смягчилъ гнѣвъ Баргиной. Она, расхваливая Андрея, какъ рѣднаго человѣка, говорила сосѣдѣ, помѣщицѣ, своей задушевной пріятельницѣ, м-ше Съмячкиной, когда она сидѣла у нея и пила кофе:

— Вы еще не знаете Андрея Бривого? Странно!... Совѣтую вамъ, моя душечка, непременно попробовать отдать ему дѣтское,

что-нибудь старое, пошить. Сдѣлаетъ прекрасно, а главное — это честный и дешевый портной!...

Здѣсь она не преминула рассказать, смѣясь, исторію съ шубой своей маман.

— Да, если бы м-ше Malherbe такъ дешево брала за работу и, испортивши, отказывалась отъ условленной платы, не нажила бы эта француженка такого состоянія!... Вы слышали, моя душечка, она недавно отдала дочь замужъ за инженера, съ приданнымъ въ 40 тысячъ!... Шутка ли?!... Говорятъ, красивъ, уменъ, блестящая карьера, протекція—дядя генералъ!... А наши дочери-безприданницы должны выходить за кого попало!... Развѣ мало нашихъ институтокъ-дворянокъ выходили замужъ за отставныхъ солдатъ, за приказчиковъ?!... А шубу маман будетъ носить, — вдругъ перескочила на другую тему Баргина. — Вѣдь маман пѣшкомъ все равно никуда не пойдетъ!... Отдайте Андрею что-нибудь старое перешить, не бойтесь! За работу беретъ безусловно дешево и съ нимъ еще можно торговаться; кромѣ того, ни одного кусочка не украдетъ. И все-таки доброе дѣло, вѣдь эта семья живетъ въ страшной бѣдности, онъ калѣка!... Выгушайте еще, моя душечка, чашечку! Кофе, кажется, очень крѣпкій, по вашему вкусу!... Вѣдь у м-ше Malherbe фасонъ платья стоитъ всего 8 рублей, приглядѣ она напишетъ на 20 рублей, и сколько еще матеріи украдетъ!...

— Ну, пусть м-ше Malherbe хоть вдвое больше беретъ за фасонъ и за приглядѣ, но я ни у кого другого не буду заказывать, потому что для меня прежде всего и важнѣе всего французскій вкусъ, изящество, — отвѣчала м-ше Сѣмячкина, жена вновь богатѣвшаго кулака помѣщика.

— Конечно, и мнѣ не хочется быть одѣтой хуже другихъ!... Я часто отдаю шить также м-ше Argandine, которая не уступитъ Malherbe. Ну, для дѣтей же иногда можно отдать и Андрею!... — сдѣлала какъ-то неволью уступку своей пріятельницѣ Баргина, хотя въ дѣйствительности она все дѣтское отдавала шить только ему одному.

Ошибка съ шубой м-ше Баргиной произошла отъ того, что Андрей никогда не имѣлъ выроекъ, которыхъ не признавалъ. Для каждаго заказчика существовала отдѣльная мѣрка—шнурокъ; онъ вымѣрялъ съ помощью его длину талия, бочка, ширину груди, спины, окружность шеи и все отмѣчалъ узлами, такъ что шнурокъ состоялъ изъ такихъ узловъ, значеніе которыхъ было ясно одному

ему. Разложивъ матерію на столъ, онъ отмѣчалъ мѣломъ каждый размѣръ, рисовалъ точками мысленныя фигуры и быстро рѣзалъ. Получались искусныя корсетки, приводящія въ восторгъ заказчицъ, безъ вусовъ, съ двумя, тремя вусами, кофты, пальто, шубы, полушубки, шапки. За шитье простой на подкладкѣ корсетки Андрей бралъ 30 коп., бархатной, съ вусами—50 коп., стеганой на ватѣ шубы—1 руб. Много лѣтъ этимъ трудомъ Андрей содержалъ огромную семью. Теперь же у него осталась старушка мать, невѣста сестра и сестра вдова, съ маленькими дѣтьми, которыя жили всѣ вмѣстѣ съ нимъ.

— Мамочка, милая!... Отчего онъ такой странный?... Отчего онъ все сидитъ, а когда говоритъ, то какъ-то подпрыгиваетъ и руками кривыми все дергаетъ?... — спросила полупешотомъ маленькая Вѣрочка, дочь Каргиной, глядя на Андрея своими большими глазенками, въ которыхъ быстро чередовались испугъ съ состраданіемъ. Она пріѣхала съ матерью для примѣрки пальто.

— Не бойтесь меня, хорошая барышня, Вѣра Ивановна, я больной человѣкъ—калѣка, и дурного ничего никому не сдѣлаю. Не бойтесь!... — сказалъ Андрей, когда увидѣлъ, что Вѣрочка прячется отъ него.

— Она у меня всегда такая! — говорила Каргина, глядя дочь по волосамъ. — Нелюдимая!...

— Нѣтъ, барыня! Это не то! Меня съ перваго взгляда всегда дѣти боятся, а потомъ любятъ. Что-жь дѣлать? Тяжелъ крестъ, да надо его нести!...

Пальто сидѣло прекрасно. Вѣрочка уже не боялась Андрея и на прощанье получила отъ него для своей куклы лоскутиковъ, что ее привело въ полный восторгъ.

— Пріѣзжайте когда-нибудь, Вѣра Ивановна, ко мнѣ съ вашимъ братомъ, Иванъ Ивановичемъ, я ему приготовлю кнутикъ, съ «наручникомъ», — сказалъ Андрей, прощаясь съ своей маленькой заказчицей.

— Милая, золотая мамочка!... Вѣдь Андрей не такой страшный, какъ показался мнѣ, когда я его увидала въ первый разъ! Я думала, что онъ злой, а онъ добрый, любитъ маленькихъ дѣтей. Позволь мнѣ, серебряная мамочка, въ воскресенье, съ Ваней вмѣстѣ, поѣхать къ Андрею, я ему подарю пряниковъ, которые мнѣ привезъ папа...

Слова Андрея оправдались. Скоро дѣти Каргиной полюбили его и лучшимъ для нихъ удовольствіемъ было вмѣстѣ со старой няней

прѣзжать по празднигамъ къ Андрею и дѣлиться съ нимъ своими лакомствами. Андрей давалъ имъ всегда лоскутковъ и для Вѣрочки даже сдѣлалъ кулау изъ тряпочекъ, а Ваничкѣ часто давалъ возжи и кнутикъ съ «наручникомъ», называя его, пятилѣтняго, не иначе, какъ прекрасный господинъ, Иванъ Ивановичъ.

Странное чувство являлось въ душѣ при взглядѣ на Андрея, сидящаго на скамьѣ, съ поджатыми, скрещенными ногами. Красивая, но несоразмѣрно большая голова не соответствовала дѣтскому туловищу, съ узкой, куриной грудью. Такъ много работающія руки, синеватаго цвѣта, были изуродованы и не разгибались въ локтяхъ; короткія, скрещенныя ноги, съ искривленной стопой не разгибались въ колѣнахъ и обречены были на вѣчную неподвижность.

При взглядѣ на него, невольно вспоминаешь массу тѣхъ уродовъ, которыми осаждаются ворота и паперти монастырей, вроде Кіево-Печерской лавры, вызывающихъ своимъ видомъ у проходящихъ не столько состраданіе—сколько невольное отвращеніе, граничащее съ ужасомъ. Но уродъ Андрей былъ труженикъ и вызывалъ большее чувство, чѣмъ одно состраданіе.

Передвигался Андрей самъ, но съ трудомъ, при помощи колѣнъ и локтей, которыми упирался въ полъ и подпрыгивая, какъ лягушка, перемѣщался на другое мѣсто. Трудно ему было сойти со скамьи на полъ, а еще труднѣе взобраться на скамью. Но онъ и это прѣдлывалъ безъ посторонней помощи, сваливаясь на полъ, какъ шаръ; вспрыгивая же на лавку, онъ ударялся грудью объ полъ, въ то же время приподнимаясь на локтяхъ. Отъ такихъ прыжковъ и ударовъ всегда мучительно ныла его больная грудь!...

Андрей родился здоровымъ, красивымъ ребенкомъ. Отецъ его Трифонъ, заслуженный шевронистъ, какъ онъ самъ себя величалъ, былъ хорошій маляръ. По мнѣнію сосѣдей, онъ вообще былъ чловѣкъ съ большими способностями, но любившій хорошо выпить. За свое ремесло онъ получилъ уличное прозваніе мазилки. Торговцы ближайшаго уѣзднаго города, за вдвое меньшую плату противъ городскихъ маляровъ, давали ему писать вывѣски, съ надписями, вроде: «здесь продаются молоко, сливки и протчая зѣлня». Писалъ онъ и иконы, а также и кареты красилъ; но большую часть своего заработка онъ пропивалъ и на долю жены его, Татьяны, женщины тихой и работающей, сваливалась непосильная, тяжелая работа по дому и въ полѣ.

Въ крестьянской средѣ, какъ извѣстно, дѣти растутъ безъ

всякаго призора, въ большинствѣ голодныя, оборванныя, немытыя, нечесанныя. Наименьшимъ присмотромъ они пользуются въ рабочую страду, когда хроника крестьянской жизни такъ богата пожарами, несчастными случаями и громадною смертностью дѣтей. Нѣтъ бѣдной крестьянской семьи, которая бы взростила половину рождающихся дѣтей.

Трифонъ не бывалъ дома недѣлями, но когда возвращался, то не могъ налюбоваться на своего красавца-сына. Онъ ласкалъ его, носилъ на рукахъ, рисовалъ на дощечкахъ лошадокъ, пѣтуховъ и деревья, которыя, впрочемъ, можно было принять и за подсолнухи; изъ города часто приносилъ ему пряники, леденцы. Мальчикъ быстро развивался умственно и физически и росъ на радость всѣмъ.

Но вотъ настала рабочая пора. Урожай былъ на диво; рожь густая, колосистая, ростомъ почти въ человѣка. Тяжело было вязать снопы бѣдной Татьянѣ, а надо было вязать и вязать поскорѣе, потому что и пшеница уже созрѣла. Несмотря на страшную усталость, Татьяна и за работой все думала только о сынѣ. Сердце ея какъ-то болѣзненно сжималось, когда она утромъ, уходя въ поле, оставляла сына съ сосѣдскими дѣтьми, подъ надзоромъ шестилѣтней Приси. Она весь день какъ будто предчувствовала какое-то несчастье. Раньше никогда этого съ ней не бывало, за тяжелой работой никакія мысли не приходили въ голову. Съ закатомъ солнца, она поспѣшила домой и такъ скоро шла, что сосѣдки подумали, не случилось-ли какой бѣды у нея. Предчувствіе не обмануло сердце матери.

— А вашъ Андрей все лежитъ! Цѣлый день ничего не ѣлъ, не пилъ,—сказала безпечно босоногая Приська, подскакивая на одной ногѣ.—Ужъ я его на рукахъ носила и пѣла ему!... Нѣтъ, ничего не помогаетъ!

Когда Татьяна вошла въ хату, она увидѣла, что съ сыномъ случилось несчастье. Онъ лежалъ въ люлькѣ, съ неподвижно-устремленными въ одну точку глазами; руки, ноги и все тѣло судорожно вздрагивали. Она, какъ безумная, схватила сына на руки и, прижимая къ груди, залилась горькими слезами.

Трифона дома не было. Явились сосѣдки. Они смотрѣли на ребенка, охали, пробовали выправлять насильно ручки и ножки, парить ихъ. Но все было напрасно. Ребенокъ оставался въ безсознательномъ состояніи, судороги прекращались только на короткое время, а иногда такъ усиливались, что ребенка высоко подбрасывало на постели. Бѣдная мать измучилась, глядя на стра-

данія своего сына. Обратились за помощью къ бабкамъ. Посмотрѣвши на Андрея, одна сразу рѣшила все.

— Се ударна болѣзнь, чорна!... Теперь на молодыку, якъ «супротывныкъ» возрушится, то вона заразъ и буде!... Упаде, та бьетця!... Треба шептаты и въ животи выбирать!...

Долго она шептала, руки, ноги выправляла, купала Андрея въ сѣнѣ, «що на святой недѣли доли лежить», купала въ зеленомъ житѣ, сорванномъ съ десятины, на четырехъ углахъ. Другая бабка сказала, что болѣзнь съ «глазу», дытына заразъ вмире, що уже выступила на кожѣ «муравица», прикладала «зайца», шептала, парила. Наконецъ рѣшила, что «въ отрунку супротывныкъ» что Андрей, мабуть, впавъ и сорвавъ его, отъ винъ теперъ суше и ломае. Треба, щобъ дохтуръ трубу поставивъ и послухавъ въ отрунку». Она же лѣчила мальчиґа отъ «грызи», грызла его зубами.

Дѣдъ изъ Солончаковки подкуривалъ вязякомъ, давалъ пить «регалне» масло, парилъ сухою солью отъ «переполоха», кололъ «колючку», лѣчилъ отъ глистовъ, которые подбилися подъ груди...

Бабки и всѣ сосѣдки повторяли слова: *переполохъ, супротывныкъ, поруха, колючка*... Но ничего не помогало... Слабохарактерный Трифонъ сталъ чаще запивать. Заказовъ поуменьшилось. Тяжелая нищета окончательно придавила Татьяну, но она не потеряла мужества и работала за четверыхъ. Трифонъ какъ-то, возвращаясь въ пьяномъ видѣ изъ города, простудился и скоро Богу душу отдалъ.

Послѣ смерти мужа Татьяна опять отдалась заботамъ о лѣченіи своего сына. Она стала носить его по святымъ мѣстамъ, никакое разстояніе ее не останавливало; служила молебны, подавала на «часточку», просила странниковъ молиться за сына. Сколько горькихъ слезъ выплакала надъ нимъ одинокая мать!...

Только на восьмомъ году Андрей началъ шевелить руками и ногами. Истощивши всѣ силы и деньги, заработанныя тяжкимъ трудомъ, на лѣченіе сына, и убѣдившись въ невозможности выздоровленія, Татьяна, подъ влияніемъ совѣтовъ добрыхъ людей рѣшилась выйти замужъ за вдовца, у котораго были уже большія дѣти отъ первой жены. Этимъ замужествомъ она надѣялась облегчить жизнь Андрея и дать ему защитника. Но въ новой, большой семьѣ, всѣ работали, всѣ помогали другъ другу!... Только одинъ Андрей лежалъ и даромъ хлѣбъ ѣлъ! Мальчикъ былъ болѣзненно-самолюбивъ, онъ страдалъ не только отъ рѣзкаго слова, но отъ всякаго косоґо взгляда.

О, какъ онъ завидовалъ своимъ здоровымъ братьямъ и сестрамъ.

Сколько бы жизни онъ отдалъ за возможность двигаться, работать неустанно, косить, пахать!... «Счастливые,—думалъ Андрей,—они не цѣнятъ этого, они не замѣчаютъ своего счастья»!...

Мать молча страдала за своего сына и удвоенной работой защищала его отъ упрековъ и обидъ, тѣмъ болѣе что и второй ея мужъ былъ горькій пьяница, отъ котораго много приходилось страдать несчастному калѣбѣ Андрею. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Съ возвращеніемъ изъ службы дяди Андрея по-отцу, жизнь его вдругъ измѣнилась. Старикъ солдатъ полюбилъ калѣбу-мальчика и между ними скоро завязалась тѣсная дружба. Это былъ человѣкъ грамотный, бывалый, хорошо знавшій портняжное ремесло. Онъ скоро сдѣлался полезнымъ въ большой семьѣ и сумѣлъ заслужить всеобщую любовь. По праздникамъ къ дядѣбѣ Дорошу собирались желающіе послушать чтеніе Евангелія. Иногда онъ читалъ сказки, которыя особенно нравились Андрею. Мальчикъ съ жадностью ловилъ всякое слово, а на дядю смотрѣлъ какъ на какое-то божество.

— Не хочешь ли ты выучиться читать, это не очень мудреная штука?—сказалъ какъ-то Дорошъ своему племяннику, восхищаясь его пытливымъ и недѣтскимъ умомъ.

Мать купила въ городѣ азбуку для своего сына, и скоро мальчикъ сталъ проводить все время за засаженной книгой. Благодаря необыкновенному прилежанію и хорошимъ способностямъ, Андрей скоро научился читать печатное. Только писать ему не удалось выучиться... Для обиженного судьбою мальчика болѣе доступно было портняжное ремесло, которое онъ сталъ изучать подъ руководствомъ Дороша.

Много лѣтъ прошло, много лѣтъ Андрей съ благодарностью вспоминаетъ своего учителя и молится за него...

Андрей Кривой не могъ нахвалиться Дарьей Степановной. Она дѣлала ему много заказовъ, аккуратно платила за работу и всегда ласково съ нимъ обращалась, что онъ очень высоко цѣнилъ. Приближался день рожденія Ванички и Дарья Степановна взяла слово съ Андрея, что онъ непременно пошлетъ къ этому дню костюмчики всѣмъ дѣтямъ, такъ какъ она тогда думала пригласить много гостей. Андрей всегда отличался исполнительностью, не было случая, чтобы онъ не сшилъ чего-нибудь къ назначенному времени. Но въ послѣднее время Кяргина осталась имъ недовольна.

— Столько времени продержалъ матерію и къ рожденію Ванички костюмчиковъ не сшилъ!... Вѣдь это безобразіе!... Нѣтъ, они всѣ зазнаются!... Сначала старался, а потомъ махнулъ рукой!...

Конечно, имъ-бы только хотѣлось лежать и спать, — говорила Баргина съ раздраженіемъ.

Но она была несправедлива... Андрей любилъ работать, ему хотѣлось угодить постоянной своей заказчицѣ. Только сильно онъ расхворался. Прекратились его лекціи Ѳедоровскимъ молодыцамъ и дѣвчатамъ. Чужіе заказы отданы назадъ, или сложены въ сундукъ. Грустно, тяжело!... Мучительный кашель разбиваетъ большую грудь. Жаръ, шумъ въ головѣ «якъ у млину», жаловался Андрей. Правая рука опухла, посинѣла, стала твердая, какъ камень. Напрасно бабка шептала, выливала воду, говоря, что это съ «глазу», «наврочено»!...

— Не шыты бѣ тоби у девьату пятницу, тоди-бѣ ничего не було!... Кажуть, що жинка на Загрызовой, у недилію, пишла праты на копанку и стала камьяною! — говорила старая Чепалиха, глядя съ укоромъ на Андрея.

Другая бабка рѣшила, что у него въ грудяхъ «младенческая», въ отрунку «супротывникъ».

Какъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь бабки повторяли одни и тѣ же слова, для опредѣленія болѣзни, ибо знанія ихъ не продвинулись нисколько впередъ. Деревенская медицина осталась *in statu quo*.

Долго хворалъ Андрей. Но онъ не терялъ мужества и молилъ Бога сохранить ему правую руку.

Дарья Степановна приготовилась сдѣлать строгій выговоръ Андрею, когда пріѣхала къ нему.

«Мы ему доставляемъ столько работы, надо дорожить этимъ, стараться!» — думала она про себя.

Но, пріѣхавши къ Андрею, она нашла его больнымъ, почти безнадежнымъ, страшно исхудалымъ...

— Андрей! Что съ тобою? Какъ же ты измѣнился!

Онъ поблагодарилъ Дарью Степановну за ея вниманіе и извинился, что не могъ такъ долго выполнить заказа.

— Видите сами, милая барыня, совсѣмъ плохъ сталъ, не могу работать!...

— Куда-жь тебѣ работать! Ты еле живъ!... Да неужели работа не надоѣла еще тебѣ?

— Боже мой!... Безъ работы я не могъ бы жить на свѣтѣ!... Когда я работаю, тогда только я и счастливъ, тогда я забываю все!... Теперь же нестерпимая боль въ груди, въ рукахъ, въ ногахъ! Дышать страшно тяжело, воздуху въ хатѣ мало, задыхаюсь!... Вѣдь прежде я и ночью работалъ! Сижу одинъ, кругомъ такая тишина,

а я все думаю, думаю и веселѣе мнѣ становится на душѣ!... А теперь, охъ, какъ тяжело бываетъ!... Еслибъ мать-сыра земля разверзлась передо мною, живой бы легъ въ могилу!...

Онъ схватился своими кривыми руками за грудь и страшно заважлялся.

— Что-жъ ты дѣлаешь, когда тебѣ становится легче?

— Тогда я читаю св. писаніе, житія святыхъ. Спасибо дядькови, царство ему небесное, научилъ меня читать печатное. У меня есть азбука, календарь, Евангеліе, житія святыхъ. Читаю и учусь терпѣнію, у великихъ страдниковъ Божіихъ!...—Говоря это, Андрей повеселѣлъ.

— Мнѣ интересно знать, сколько ты зарабатывалъ, когда былъ здоровъ?

— Слава Богу! Жили всѣ, не голодали!... Мнѣ самому много приходится тратить на одежду!... Теперь все дожди, холода! Я вотъ хотѣлъ надѣть холщевые штаны, а мать сказала: «Пожалѣй себя, Андрію, надѣнь теплые!...» Вы же видите, что я ползаю по землѣ и одежду скоро порчу, особенно штаны!... Матерія же на нихъ теплая, не дешевая, 25 коп. за аршинъ. А надолго ли эти штаны?...—говорилъ онъ, какъ бы упрекая самого себя.

Бесѣда съ Андреемъ начинала уже надобѣдать Баргиной. Многое ей было непонятно, а все вѣстѣ скучно. Хотѣлось скорѣе на чистый воздухъ, подальше отъ этихъ тяжелыхъ впечатлѣній. Она поспѣшила скорѣе распрощаться съ Андреемъ, обѣщая прислать ему чаю, сахару. Андрей, улыбаясь, благодарилъ Баргину, провозжая ее своими добрыми глазами.

— Вотъ добрая душа!... Дай Богъ ей счастья и долгаго вѣку!... — говорилъ онъ.

М-ше Баргина, какъ птичка, выпорхнула изъ тѣсной, душной хаты и поспѣшила въ гости къ м-ше Сѣмичкиной, на кофе.

Долго еще проболѣлъ Андрей. Дорого ему стоила болѣзнь. Заработокъ его значительно уменьшился, потому что онъ потерялъ навсегда палецъ на правой рукѣ и не могъ уже шить ничего толстаго, жесткаго: мужскихъ полушубковъ, стеганыхъ ватныхъ шубъ, даже драповыхъ вещей. А тутъ надо сестру замужъ выдавать!... Когда мать съ сестрами начинали упрекать его въ томъ, что онъ сталъ такъ мало зарабатывать, Андрей молчалъ и старался усиленно работать по ночамъ. Только иногда горькая слеза безмолвно упадетъ на его страдальческое лицо.

— А сколько Онъ выстрадалъ за всѣхъ насъ?!... — шептали незлобно уста Андрея.

Скоро Андрей совсѣмъ успокоился. Убогая хата Татьяны переполнена любопытными сосѣдами, преимущественно бабами и дѣтьми. Въ переднемъ углу, подъ образами, на лавкѣ лежитъ кормилецъ семьи, покрытый бѣлой кисеей, «серпанкомъ». Надъ головой его въ пучкѣ сухихъ полевыхъ цвѣтовъ и травы горитъ самодѣльная свѣча, освѣщая лицо, строгое, святое, поражающее своимъ видомъ величія и спокойствія. Базалось, этотъ человекъ не умеръ, а тихо уснулъ...

На время все какъ будто замерло... Татьяна суетится около горящей печи, чиститъ картофель, моетъ пшено и ставитъ чугуны въ печь. Она дѣлаетъ все скоро и машинально, желая какъ будто отдѣлаться отъ того, что такимъ камнемъ давитъ ей душу и сердце. Вдругъ всѣ засуетились. Бѣ хатѣ подѣхали парные сани Дарьи Степановны, которая пріѣхала съ Вѣрочкой проститься съ Андреемъ. Татьяна встрѣтила ее съ поклономъ и благодарила, что она и теперь не забыла ея сына. М-ше Баргина сѣла на сямью и не могла долго оторвать своего взора отъ спокойнаго, прекраснаго лица мученика.

— Когда же умеръ бѣдный Андрей? — спросила она, глотая слезы.

— Онъ былъ боленъ всего недѣли двѣ, но жаловался только на сильную слабость, такъ что мы даже и бабу не звали. Все время онъ только думалъ и говорилъ о новой хатѣ. «Весною, — говорить, — непременно выстрою вамъ новую!... Эта вѣдь скоро совсѣмъ рушится!...» Двѣнадцать дубковъ онъ уже раньше купилъ, а остальной лѣсъ хотѣлъ взять въ долгъ и работать днемъ и ночью, чтобы заплатить за него. Въ долгъ ему бы дали, потому что всѣ знали, что онъ честный человекъ, копѣйки чужой не затаилъ! Царство ему небесное!... «Только, — говорить, — непременно устрою хоть маленькій буточекъ для себя...»

Татьяна залилась слезами. Успокоившись, она продолжала:

— Передъ смертью за часъ, онъ началъ заговариваться, звалъ къ себѣ сестеръ, маленькихъ племянниковъ, которыхъ очень любилъ. Потомъ вдругъ пришелъ въ себя и сказалъ, что ему такъ легко, хорошо стало!... Тогда я спросила у него: вѣрно, сыночекъ, ты умрешь, какъ же я положу тебя въ гробъ, вѣдь ноги твои торчать будутъ?... «Э, мамо, — говорить, — я васъ научу!... Какъ умру я, то вы подложите правую ногу вотъ такъ вверхъ и въ сторону,

а лѣвую такъ же, съ другой стороны». И показалъ мнѣ, какъ положить его. «Только, — говорить, — гробъ-то тогда прійдется пошире сдѣлать!...» Вотъ, посмотрите, милая барыня, какъ онъ лежитъ!...

Татьяна открыла кисею, покрывавшую Андрея, одѣтаго въ холщевые штаны, рубаху и жилетъ. Онъ лежалъ съ сврещенными ногами и длиной походилъ на восьмилѣтняго ребенка, съ бородой и несоразмѣрно большой головой. Дарья Степановна плакала... Дѣти крестьянскія любопытно посматривали на Вѣрочку, на глазахъ у которой стояли слезы...

— Когда же вы будете хоронить его? — спросила т-ше Баргина.

— Хотѣлось бы сегодня, но вѣрно не успѣемъ!... Нужно еще гробъ сколотить. Вотъ пришелъ Иванъ Латай дѣлать его...

Татьяна вынула изъ «пола» *), гдѣ они всѣ спали, двѣ толстыхъ доски и отдала ихъ Ивану.

— Неужели никто не будетъ читать псалтырь надъ Андреемъ?

— У насъ на хutorѣ, кромѣ Андрея, никого не было грамотнаго. У Дорошевой Мотри и былъ когда-то новый псалтырь, но батяко продалъ его на ярмаркѣ... — отвѣчала Татьяна.

Въ это время возвратилась сестра Андрея, Лунька. Она бѣгала къ сосѣдямъ попросить займы муки. Она походила на брата, съ красивыми, нѣсколько рѣзкими чертами лица.

Войдя въ хату, Лунька нѣкоторое время стояла молча, но потомъ какъ будто вспомнила все, бросилась къ брату и зарыдала.

— На кого-жъ ты насъ оставилъ?... Гдѣ же я найду такого совѣтника, защитника?... Ты одинъ всегда помогалъ мнѣ, училъ меня! Что-жъ теперь ты не хочешь слушать меня? Отчего ты не скажешь словечка?!...

Она долго истерически рыдала. Татьяна дѣлала изъ воска крестикъ, чтобы вложить его въ руки Андрею.

Она, какъ и дочь, бросилась къ сыну и начала рыдать.

— Никогда, никогда не забуду тебя, моего красавца! — почти кричала она.

— Забудешь!... Мало ты его проклинала живого, а теперь воешь?... — какъ-то скептически и совершенно спокойно отвѣчаетъ ей стоящая невдалекѣ старая баба, сосѣдка, кривая Химка.

— Не перенесу никогда я своего горя! — продолжала Татьяна.

— Перенесешь! — отвѣчаетъ ей опять Химка.

*) Полъ — родъ нарѣ.

— Кто-жь будетъ помогать мнѣ, давать совѣты, безъ тебя, моего кормильца?...

— Сама не маненька!... Обойдешься!—ворчить неугомонная Химка.

Дарью Степановну раздражали слова этой кривой старухи. Другія же бабы плакали, видя горе матери.

Успокоившись, Татьяна опять продолжала:

— Безъ всякаго страданія умерь, голубчикъ!... Передъ самую смертью только вздохнулъ глубоко и заснулъ на вѣки вѣчные!...

— Куда-жь ему страдать больше?... Всю жизнь былъ страдальцемъ!... — говорили многія бабы.

Дарья Степановна попрощалась съ Андреемъ. Уходя, она сказала Татьянѣ:

— Пришли ко мнѣ кого-нибудь. Я вамъ дамъ муги. А это возьми на похороны!...

Она сунула ей въ руки деньги.

Хоронили Андрея торжественно, со священникомъ.

Чтобы заплатить за похороны батюшкѣ, старая няня Вѣрочки отдала свои трудовыя деньги, говоря:

— Какъ же такого страдальца не пожалѣть?...

Провожали Андрея всѣ бабы и дивчата хутора Федоровки, бывшія его ученицы. Возвращаясь домой, сестра его, вдова, думала:

«Кто теперь будетъ нянчить моихъ дѣтокъ?!... Бывало, на цѣлый день уйдешь, а Андрей нянчится съ ними, качаетъ въ люлькѣ, а часто и на руки возьметъ!...»

• Н. Кропивницкая.

ЗЕЛЕНАЯ ГВОЗДИКА *)

Романъ Роберта Хитчинса.

Переводъ съ англійскаго.

VIII.

Эзмѣ Амаринтъ былъ, вообще говоря, всегда интересенъ и причудливъ въ разговорѣ, но, подобно всѣмъ людямъ, бывалъ особенно блестящъ въ опредѣленные минуты. Его полнымъ триумфомъ были тѣ полчаса, когда дамы, стораая желаніемъ остаться невидимыми слушательницами, удалялись послѣ десерта въ скучную пустыню женскаго общества. Умственная узда снималась. Онъ могъ свободно дышать своими разсказами. Его остроумнѣйшія шутки уже нагія и прикрытыя затемняющими украшениями болѣе или менѣе условнаго приличія, какъ вакханки танцовали среди разговора и заставляли оживляться самаго скучающаго мужчину въ обществѣ. Онъ весь уходилъ въ фантастическіе анекдоты и перемѣшивалъ голубые спирали дыма своей папироски съ безконечными *bons mots*. Но въ этотъ вечеръ мягкое заявленіе мистера Смита «благодарю васъ, я никогда не курю», напомнило ему, что антифонъ лорда Реджи виситъ на ниточкѣ. Онъ благоразумно рѣшилъ шадить клерикальные предрассудки, закурилъ папироску, отодвинулъ отъ себя стаканъ кларета, медленно придвинулъ свой стулъ къ м-ру Смигу, и нѣжная улыбка свободно разлилась по его широкому и умному лицу.

— Я былъ очень заинтересованъ вашею музыкальною теоріей за обѣдомъ, — началъ онъ, тщательно придавая своему голосу пріятность — и хотѣлъ продолжать этотъ разговоръ, но у дамъ такое странное, часто неожиданное направленіе ума, что я воздер-

*) *Русская Мысль*, кн. III, 99 г.

жался.—Замѣчали ли вы, что многія женщины создали себѣ родъ профессій—скандализоваться?

— О, конечно, нѣтъ,—сказалъ м-ръ Смитъ, отпивая свою воду и вопросительно смотря на него.

— Это положительно такъ, особенно если высказывается истина, касающаяся религіи. Онѣ склонны думать, что всякая истина, сказанная о религіи — богохульство. Прямо удивительно, какъ добродѣтельныя женщины склонны находить богохульство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, и смѣшивать разсужденіе съ севернословіемъ.

— А?!..—сказалъ пасторъ, принимая еще болѣе аскетическій видъ, потому что чувствовалъ себя нѣсколько сбитымъ съ толку.

— Вы говорили о возможности музыкой замѣнить поученіе. Развѣ вы не согласны, что настоящее, душу захватывающее ученіе говорить о себѣ, выражаетъ себя въ искусствахъ? Музыка имѣетъ свою вѣру и свой атеизмъ, живопись свою святость и свой грѣхъ. Статуя своимъ бѣлымъ, мраморнымъ покоемъ можетъ внушить намъ грѣзы, въ которыхъ пролетаютъ ангелы и другого рода видѣнія, но о нихъ я не стану говорить въ присутствіи духовнаго лица. Даже архитектура можетъ предрасполагать насъ къ богопочитанію, и нѣсколько обломковъ камня къ вѣрѣ. Вы были когда-нибудь въ Греціи?

— Я никогда не покидалъ страны, —сказалъ м-ръ Смитъ,—кромя одного раза, когда я провелъ цѣлую недѣлю въ Валлисъ.

— Я никогда серьезно не занимался вельшскимъ искусствомъ,—сказалъ Амаринтъ,—но мнѣ кажется, что Гладстонъ считаетъ его пріятнымъ, между тѣмъ какъ другіе предпочитаютъ называть его ничтожнымъ. Я же просто хотѣлъ выразить слѣдующее: мы можемъ извлечь поученіе изъ музыки и живописи точно такъ же, какъ изъ литературы или проповѣди.

— Я никогда объ этомъ не думалъ,—сказалъ м-ръ Смитъ съ сомнѣніемъ.

— Моцартъ и Бахъ дали мнѣ ту вѣру, которую не могла мнѣ дать даже все ниспровергающая бездарность сира Артура Сулливана и необыкновенно ясныя «тайны» д-ра А. С. Мекензи,—пробормоталъ лордъ Реджи.

— Религія, мистеръ Смитъ,—продолжалъ Амаринтъ,—зидется на искусствахъ, точно такъ же какъ безвѣріе, къ несчастію, часто притаивается въ наукѣ.

— Я не имѣю никакихъ мнѣній о наукѣ,—сказалъ пасторъ тономъ авторитетнаго порицанія.

— Наука часто оказывается воромъ. Искусство—всегда щед-

рѣй благодѣтель. Оно доставляетъ намъ страннопріимный домъ, гдѣ мы всегда можемъ укрыться, когда стары и утомлены. Въ музыкѣ же — особенно хорошей музыкѣ — всякое ученіе кристаллизуется. Геніальный человѣкъ соединяетъ въ одно цѣлое свои самыя возвышенныя мысли, всѣ желанія, надежды, вѣру и вкладываетъ въ свое искусство, въ свою музыку, или въ свою картину. Лордъ Реджинальдъ, напримѣръ, можетъ своимъ дивнымъ, пурпурнымъ антифономъ обратить гораздо большее число людей въ христіанство, чѣмъ большая часть проповѣдниковъ всѣми своими рѣчами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Лордъ Реджинальдъ написалъ антифонъ? — спросилъ м-ръ Смитъ, глядя на Реджи взоромъ пасторскаго одобренія.

— Да, написалъ, и такой, который приводитъ въ восторгъ католиковъ. Простите мое упоминаніе о чуждой вѣрѣ, но, знаете, римскіе католики, несмотря на свои заблужденія, очень музыкальны.

— Я вижу въ Римѣ много хорошаго, торжественно сказалъ м-ръ Смитъ, — хотя оно и перемѣшано съ большими ошибками. Нѣмъ, благодарю васъ, орѣховъ не хочу; я никогда не дотрогиваюсь до орѣховъ. Я бы очень хотѣлъ прослушать этотъ антифонъ.

— Я съ удовольствіемъ сыгралъ бы его вамъ, — сказалъ Реджи, томно опуская свою красивую голову, — но на роялѣ это будетъ не то: нуженъ органъ и нѣжные голоса мальчиковъ.

— Въ нашей церкви бываютъ антифоны, — сказалъ м-ръ Смитъ, — у насъ бываютъ даже литургіи съ пѣніемъ.

— Какая прелесть! — сказалъ Амаринтъ. — Деревенская литургія съ пѣніемъ. Въ самомъ этомъ понятіи есть уже что-то дивно оригинальное. Ахъ, м-ръ Смитъ, если бы ваши мальчики могли спѣть антифонъ лорда Реджи, они усвоили бы себѣ музыкальную доктрину.

— Можетъ быть, они... но возможно-ли это... въ воскресенье? — сказалъ м-ръ Смитъ, постепенно увлекаясь.

Амаринтъ всталъ и загасилъ папироску въ чашкѣ съ водой, поставленной передъ нимъ для мытья пальцевъ.

— Реджи, мы нашли въ Ченкотѣ настоящаго артиста, — сказалъ онъ. — Сыграйте м-ру Смиту свои пурпурные звуки, а я пойду на лугъ пить кофе. Луна омываетъ ночь серебромъ и, славу Богу, нѣтъ соловьевъ и они не портятъ музыку тишины своими благонамеренными, но плохими голосами. Изъ всѣхъ пѣвцовъ самыя плохіе пѣвцы — матери природы.

Онъ вышелъ съ развязною мягкостью въ маленькую переднюю и оттуда, черезъ широкія двери гостиной, въ тѣнистый садъ.

На лугу онъ нашелъ одну лэди Локъ, которая сидѣла на соломенномъ стулѣ и пила кофе. М-мъ Вальтеси и м-съ Виндзоръ удалились въ пахучій цвѣтникъ съ розами, чтобъ на свободѣ обсудить подробности бракоразводнаго дѣла, которое скоро должно было разбираться. Изрѣдка, когда онѣ приближались, ходя взадъ и впередъ по узкимъ дорожкамъ, слабо слышались ихъ голоса, называющіе дѣйствующихъ лицъ.

Эмзѣ Амаринтъ опустился на стулъ рядомъ съ лэди Локъ и тяжело вздохнулъ.

— Что случилось?—спросила она.

— У васъ прекрасная душа,—сказалъ онъ мягко, у меня тоже прекрасная душа.—Почему бы намъ не симпатизировать другъ другу? Лэди Локъ, я жертва душевнаго угнетенія. Я страдаю болѣзною жизни. У меня обыкновенно бываетъ припадокъ по утрамъ, но онъ проходитъ, когда встаютъ звѣзды, и я снова становлюсь блестящъ. Что со мною случилось сегодня вечеромъ? Я самъ себя это спрашиваю съ острою тоской, увѣряю васъ.

Она посмотрѣла на его большое и торжественное лицо, на его полныя щеки, дряблый, распущенный ротъ и слегка улыбнулась.

— Вы столкнулись, быть можетъ, съ какимъ-нибудь неблагопріятнымъ для васъ обстоятельствомъ?—сказала она.

— Это не могло бы задѣть меня,—отвѣчалъ онъ,—я, слава Богу, не философъ и никогда не считаюсь серьезно съ фактами. Обстоятельства, моя милая лэди Локъ, это удары кнута, наносимые намъ жизнью; нѣкоторые получаютъ ихъ прямо на голыя, бѣлыя спины, другимъ позволяется оставаться въ платьѣ—вотъ и вся разница.

— Вы пессимистъ?—спросила она.

— Надѣюсь. По-моему оптимизмъ это странная болѣзнь, сыпь на душѣ, которая лишаетъ ее всякаго интереса, всякой красоты. Оптимистъ наряжаетъ поразительныя фигуры жизни деревенскими пастухами и пастушками, а самъ свиститъ имъ глуную пѣсенку, чтобы они танцовали. Не могутъ всѣ видѣть вокругъ себя однихъ только оперныхъ поселанъ.

— Но нѣтъ нужды замѣнять ихъ демонами.

— Демоны, какъ вы ихъ называете, гораздо интереснѣе. Ничто не можетъ быть непривлекательнѣе добродѣтели, развѣ только здоровый разумъ въ здоровомъ тѣлѣ. Даже дѣтямъ, имъ кажется, надоѣдаетъ однообразіе феерій. Вѣчная улыбка утомительнѣе вѣчно гнѣвнаго лица,—первая отгоняетъ всѣ возможности, а при второмъ можно предвидѣть ихъ тысячи.

— Одна страшнѣй другой.

— А почему бы и нѣтъ? Чтò бы стало съ драмой безъ преступленія? Звонъ мечей—музыка мира. Люди часто рассказываютъ мнѣ о красотѣ довѣрія. Они, повидимому, не имѣютъ понятія о гораздо болѣе тонкой красотѣ сомнѣнія. Вѣрить скучно, сомнѣваться обаятельно. Апостоль Томъ до нѣкоторой степени артистъ. Онъ цѣнилъ значеніе тѣней въ картинѣ. Всегда быть на-сторожѣ значитъ жить; быть убаюканнымъ до увѣренности значитъ умереть.

— Но еслибъ вы довели эту занимательную теорію до конца, вы бы пришли къ нелѣпому выводу—быть счастливымъ значитъ быть несчастнымъ.

— Несомнѣнно. То, что обыкновенно называютъ счастьемъ, есть умственное разстройство, требующее тщательнаго лѣченія. Счастливые люди имѣютъ, конечно, цѣнность, но лишь отрицательную цѣнность поражений. Они возвышаютъ или подчеркиваютъ красоту, неотразимую привлекательность людей несчастныхъ. Пурпуръ и чернь красивѣе всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Перестать сомнѣваться значитъ впасть въ отчаяніе,—для всякаго талантливаго мужчины или женщины. Вотъ почему люди становятся скептиками—изъ желанія спастись отъ умственнаго уничтоженія.

— Но вѣдь умственное удовлетвореніе сильно, когда можно доказать дѣйствительность какаго-нибудь положенія.

— Но не продолжительно. Вы не понимаете наслажденія, связаннаго съ простой догадкой. Позвольте мнѣ выразить это иначе. Можете ли вы представить себѣ, что любите человѣка, когда вы чувствуете, что понимаете его?

— Конечно. Особенно, если другимъ людямъ трудно его понимать.

— А - а! Вы начинаете цѣнить значеніе сомнѣнія. Мы часто хотимъ, чтобы другимъ нравилось то, что въ концѣ концовъ, желаемъ сохранить для себя. Въ тотъ моментъ, когда мы понимаемъ какое-нибудь человѣческое существо, любовь наша къ нему разрывается крылья, готовится вылетѣть въ окно.

Лэди Локъ, которая сдѣлалась было серьезной, казалось, теперь съ усиліемъ пришла въ себя и улыбкой согнала съ лица выраженіе важности, лежавшее на немъ.

— Вы очень далеко заходите въ любезномъ желаніи занять собесѣдника,—сказала она.

— Не думаю, — отвѣчалъ онъ, съ дѣланнымъ спокойствіемъ ставя на столъ ея чашку. — Чтобъ оставаться вѣрнымъ, надо непре-

рывно сомнѣваться. Мученіе и недовѣріе раздуваютъ любовь въ страсть и такимъ путемъ вызываютъ тѣ дивныя трагедіи, изъ - за которыхъ стоить прожить жизнь. Женщины когда-то понимали это, а мужчины не понимали, и потому женщины управляли міромъ. Но мужчины начинаютъ пробуждаться отъ умственной спячки и становятся непонятными. Лордъ Реджи примѣръ того, что я говорю. Средніе люди находятъ, что его необычайно трудно понять. Онъ привлекаетъ своей старательной неожиданностью. Послушайте его антифонъ; онъ начинаетъ его играть. Какъ все неожиданно въ немъ. Тамъ всегда ухо находитъ именно то, чего оно требуетъ, а во всей современной музыкѣ оно всегда находитъ именно то, чего не требуетъ. Вотъ почему наше ухо теперь ждетъ разочарованій, а лорда Реджи удивляетъ это ухо тѣмъ, что никогда его не разочаровываетъ.

Слабый звукъ фортепіано дѣйствительно раздавался среди ночной тишины, а до ихъ слуха доходили мелодичные ряды простыхъ гармоній и правильныхъ разрѣшеній.

— Лордъ Реджи несомнѣнно очень мало походитъ на свой антифонъ, — сказала леди Локъ, прислушиваясь съ нѣкоторой грустью.

— Реджи не похожъ рѣшительно ни на что, кромѣ самого себя. Онъ совершенно удивителенъ и удивительно совершененъ. Онъ живетъ для ощущений, а другіе живутъ для вѣрованій, убѣжденій или предрасудковъ. Онъ, навѣрное, составилъ бы несчастье всякой женщины. Какъ это великолѣпно!

— Это всегда признакъ ума не быть такимъ, какъ другіе?

Но она не получила прямого отвѣта на свой вопросъ, потому что въ эту минуту м-мъ Вальтези и м-съ Виндзоръ подходили къ нимъ по лугу. Онѣ окончили разборъ бракоразводнаго дѣла.

— Что такое объ умѣ? — хрипло спросила м-мъ Вальтези.

— Сударыня! — сказалъ Эзмѣ, медленно поднимаясь со стула, — умъ это демонъ нашего времени. Мой умъ меня изводитъ. Я все ищу лѣкарства отъ него. Я пробовалъ абсентъ, но безрезультатно; прочелъ также собраніе сочиненій Вальтера Безанта *). Говорятъ, что они подсѣкаютъ умственные способности, — моихъ они не подсѣкли. Опіумъ оказался недѣйствительнымъ, а зеленый чай и папироски дѣлаютъ меня положительно блестящимъ. Что мнѣ дѣлать? Я тоскую по летаргій, по сладкому покою глухости. Еслибъ я могъ сдѣлаться Льюисомъ Моррисомъ!

*) Романистъ и филантропъ. Лучшимъ его сочиненіемъ считается книга *All sorts and conditions of men*.

— Несчастный человекъ. Вы должны лечиться радикально. Сдѣлайтесь популярнымъ авторомъ.

И она засмѣялась безъ улыбки по своей неприятной, жуткой привычкѣ, а потомъ посмотрѣла на окна дома.

— Я слышу, что м-ръ Смитъ собирается уходить, — сказала она.

М-съ Виндзоръ пошла провожать уходящаго гостя.

Въ этотъ же вечеръ Эзмѣ сказалъ Реджи въ курительной комнатѣ:

— Реджи, лэди Локъ выйдетъ за васъ замужъ, если вы сдѣлаете предложеніе.

— Я думаю.

— Вы сдѣлаете предложеніе?

— Я думаю... М-ръ Смитъ выполнить мой антифонъ въ будущее воскресенье.

Они загурили папироски.

IX.

— Мама, — сказалъ Томми съ обыкновенной откровенностью, — я люблю лорда Реджи.

— Мой милый мальчикъ, — отвѣчала лэди Локъ, — какая внезапная любовь! Сегодня еще только пятница, и ты познакомился съ нимъ въ среду, — это быстро.

— Это очень просто, — сказалъ Томми. — На это совсѣмъ не надо времени. Зачѣмъ?

— Ну, какъ тебѣ сказать, обыкновенно мы привязываемся къ людямъ постепенно. Мы только понемногу узнаемъ людей и понемногу узнаемъ, стоятъ ли они нашей любви.

— Я не такъ, — сказалъ Томми. — Сейчасъ, какъ только онъ пошелъ играть со мною въ мячикъ, я его полюбилъ. Почему это нельзя?

— Томми, ты слишкомъ поспѣшенъ, — сказала его мать, смѣясь. — Ну, теперь ты кончилъ завтракъ, бѣги въ садъ. Я только что слышала голоса мальчиковъ м-ра Смита; я увѣрена, что они уже на выгонѣ.

— Аванасіусъ играетъ въ крикетъ недурно, — задумчиво замѣтилъ Томми, — только разъ мячикъ ударился ему прямо въ очи. Съ лордомъ Реджи этого не случилось бы никогда.

— Лордъ Реджи не носитъ очковъ, — сказала его мать.

Томми серьезно смотрѣлъ на нее съ минуту, точно онъ входилъ во всѣ подробности этого пререканія. Потомъ сказалъ:

— Нѣтъ, онъ не такой вахляй!—и сразу бѣгомъ кинулся къ выгону.

— Гдѣ онъ научился этимъ словамъ?—думала леди Локъ, собираясь въ свою очередь идти завтракать.

Въ столовой она нашла одного лорда Реджи, читающаго письма. Онъ былъ одѣтъ въ широкую бѣлую фланелевую пару; въ маленькую петличку его жакетки воткнута была большая зеленая гвоздика. Она съ виду казалась совершенно свѣжей.

— Что вы дѣлаете, чтобы сохранить такъ долго свѣжимъ этотъ цвѣтокъ?—спросила леди Локъ, садясь противъ него.

За завтракомъ не было никакого церемоніала, и всякій начиналъ ѣсть, когда хотѣлъ.

— Не понимаю,—отвѣчалъ Реджи, глядя на нее черезъ блюдо грибовъ.

— Но вѣдь вы носили его болѣе двухъ дней.

— Это? Нѣтъ. Намъ съ Эзмѣ каждое утро присылаетъ ихъ одинъ цвѣточникъ въ Ковентъ-Гарденъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? И это стоитъ того?

— По-моему, это одна изъ немногихъ вещей, которыя «стоятъ того». Большая часть людей совершенно ошибается, почитая только крупныя вещи. Я почитаю ничтожныя подробности. Этотъ цвѣтокъ—подробность, его я почитаю.

— Въ такомъ случаѣ, вы смотрите на него какъ на эмблему?

— Нѣтъ. Я ненавижу эмблемы. Самое это слово напоминаетъ траурныя кольца, увядающіе цвѣты, урны и воспоминанія всякаго рода. Отчего это люди такъ боятся забыть? Нѣтъ на свѣтѣ ничего прекраснѣе, какъ позабыть, исключая развѣ одного—быть позабытымъ. Я ношу этотъ цвѣтокъ, потому что цвѣтъ его прелестенъ. Никакихъ другихъ причинъ не имѣю.

— Но это не естественный его цвѣтъ.

— Нѣтъ еще. Природа еще не догнала искусства. Ей на все нужно время. Эзмѣ изобрѣлъ этотъ цвѣтокъ два мѣсяца тому назадъ. Его носятъ только немногіе люди, послѣдователи высшей философіи.

— Высшей философіи? Что это такое?

— Философіи, которая учитъ ничего не бояться, умѣть жить такъ, какъ хочешь, а не такъ, какъ буржуазные люди хотятъ, чтобы всѣ жили; имѣть смѣлость выполнять свои желанія, а не одну только трусость остальныхъ людей.

— М-ръ Амаринтъ — верховный жрецъ этой философіи, вѣроятно?

— Эмѣ самый лучший человекъ изъ всѣхъ тѣхъ, кого я знаю,—сказалъ Реджи, накладывая себѣ на тарелку мармеладу.— Иногда я думаю, что онъ грѣшитъ еще съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ я. Онъ такъ разнообразенъ. И онъ всегда какъ-то избѣгаетъ этой нелѣпѣйшей вещи — отвѣтственности. Грѣхъ его никогда не застаётъ; его дома нѣтъ для него ни въ какомъ случаѣ. Отчего вы глядите на меня такъ странно?

— Я гляжу на васъ странно? — спросила она съ неожиданной для самой себя нервною. — Можетъ быть, потому, что вы странны и такъ мало похожи на мужчинъ, къ которымъ я привыкла. Ваши цѣли такъ отличны отъ ихъ цѣлей.

— Это невозможно, лэди Локъ.

— Невозможно? Почему?

— Потому что у меня нѣтъ цѣлей, а есть только эмоціи. Когда мы живемъ для какой-нибудь цѣли, мы притупляемъ свои эмоціи. Когда мы живемъ для цѣли, мы живемъ для одной минуты, для одного дня, для одного года, вмѣсто того, чтобы жить каждую минуту, каждый день, каждый годъ. Настроенія нашей жизни составляютъ прасоту жизни. Поддаваться всѣмъ своимъ настроеніямъ значить жить дѣйствительно.

Въ это время послышался голосъ м-съ Виндзоръ изъ другой комнаты; лэди Локъ положила салфетку на столъ, встала, на секунду оставила свою руку на столѣ. Лордъ Реджи дотронулся до ея руки, она немедленно отодвинула ее, слегка покраснѣла и, не сказавши ни слова, спокойно вышла изъ комнаты.

М-съ Виндзоръ разговаривала съ однимъ изъ высокихъ лакеевъ.

Когда она увидала свою кузину, она томно зазвонила ключами и стала улыбаться.

— Здравствуйте, душечка,—сказала она.—Я даю распоряженія насчетъ спѣвки, которая будетъ сегодня вечеромъ. Послѣ спѣвки мы угостимъ ужиномъ всѣхъ милыхъ мальчиковъ, которые поютъ въ хорѣ, а они будутъ намъ пѣть каноны и все такое... такъ чудно, при лунномъ свѣтѣ. М-ръ Амаринтъ придумалъ для нихъ новый канонъ. А въ поведѣльникѣ придутъ ученики школы къ чаю на лугу и для игръ. М-ръ Амаринтъ говоритъ: своя рубашка дальше отъ тѣла, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, устроить школьный праздникъ въ Бельгравъ-скверѣ, развѣ это возможно? Это было бы просто богохульство или дурной тонъ, что хуже. Мы должны выдумать какія-нибудь новыя игры. Вы съ лордомъ Реджи должны взяться за это.

— Благодарю васъ, Бетти, — сказала лэди Локъ, уходя нѣсколько поспѣшно въ садъ.

М-съ Виндзоръ посмотрѣла ей вслѣдъ съ хитрой подозрительностью глупой женщины, которая воображаетъ, что она догадлива и умна.

«Что-то случилось, — подумала она. — Неужели Реджи уже сказалъ ей что-нибудь?»

Она пошла въ столовую, гдѣ нашла одного лорда Реджи.

Онъ сидѣлъ, держа ложку, наполненную вареньемъ, поднималъ ее такъ, чтобы солнечный лучъ, пробивавшійся сквозь закрытыя ставни, падалъ на нее, и смотрѣлъ съ восторгомъ.

— Здравствуйте, — мягко сказалъ онъ. — Развѣ это варенье не подобно Божеству? Какъ поразительно оно рдѣется, прозрачное, янтарное, — янтарное съ легкимъ краснымъ оттѣнкомъ; оно заставляетъ меня почти вѣрить въ загробную жизнь. Варенье, навѣрное, навѣрное никогда не можетъ умереть.

«Должно быть, я ошиблась», подумала м-съ Виндзоръ, вырзвивши сперва въ подходящихъ выраженіяхъ свое мнѣніе о безсмертіи варенья.

Тѣмъ временемъ лэди Локъ вышла въ садъ. Погода стояла великолѣпная. Кажалось, Англія употребила всѣ усилія, чтобы показать, какое лѣто она способна имѣть. На небѣ ни облачка, и оно все блестяло отъ зноя, какъ глазурное. Садъ пировалъ въ возрастающей роскоши тепла. Онъ никогда не высыхалъ, садовники м-съ Виндзоръ слишкомъ ловко владѣли поливкой, чтобы допустить его до этого. Сотни розъ разливали свое благоуханіе робко, какъ хорошенькія дѣти выдаютъ свои секреты. Гвоздики кивали другъ дружкѣ у стѣны, покрытой грушевымъ шпалерникомъ. Огромный кедръ простиралъ свои вѣтви, какъ руки, навстрѣчу мягкому теплomu вѣтерку. Надъ верхушками деревьевъ кружились ласточки съ характернымъ для нихъ скромнымъ и граціознымъ легкомысліемъ. Теннисонъ, безъ сомнѣнія, заговорилъ бы съ ними. Лэди Локъ ихъ не замѣтила. Она думала, и думала такъ усиленно, что не могла сѣсть.

Она находилась въ томъ странномъ расположеніи духа, которое называется быть недовольнымъ самимъ собой. Внутри нея происходила миниатюрная междоусобная война, въ которой два внутреннихъ голоса возставали другъ на друга и задавали другъ другу дерзкіе и неподходящіе вопросы. Одинъ говорилъ: «что съ тобой дѣлается?» Другой отвѣчалъ: «тебѣ нѣтъ до этого дѣла!» — «Ты ведешь себя унижительно». — «Ничего такого я не дѣлаю». — «Почему

ты покраснѣла, когда онъ просто дотронулся до твоей руки. Онъ просто глупый, легкомысленный мальчишка». — «Не хочу больше объ этомъ разговаривать». Но необходимый внутренній разговоръ все-таки продолжался. Лэди Локъ на самомъ дѣлѣ была очень недовольна собой и удивлена, что чувствуетъ себя такой дѣвочкой. Такъ она опредѣляла свое настроеніе, не находя другого выраженія. Ей было почти противно чувствовать себя такой молодой. Неужели жизнь не научила ее ничему лучшему? Неужели до сихъ поръ она можетъ сдѣлаться легкой жертвой недостойныхъ, неподходящихъ впечатлѣній? Кажалось, что сердце ея отуманено, а голова осталась ясна, потому что она видѣла лорда Реджи такимъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности, и все-таки онъ начиналъ нелѣпо ей нравиться. Она не могла понять, что именно влекло ее къ нему. Не было ли это просто колебаніе маятника природы? Она любила суроваго, рѣзкаго человѣка и находила нѣкоторое удовлетвореніе въ его топорной и неособенно изысканной привязанности; теперь она начинаетъ находить интереснымъ характеръ, мальчишескій до слабости, несомнѣнно преисполненный нелѣпостей, человѣка, который, по общему мнѣнію, да и по собственному своему утвержденію, предавался пороку, погонѣ за ощущеніями, что, къ несчастью, такъ опасно, часто такъ нечеловѣчно въ своей человѣчности. Можетъ-быть, ее привлекала красота лорда Реджи, потому что, говорите что хотите, но красивый молодой человѣкъ легко входитъ въ милость даже женщины съ сильнымъ характеромъ. Можетъ быть, ее влекла къ нему его кажущаяся слабость, соединенная съ какой-то дерзкой отвагой. Она не знала. Она знала только, пока гуляла между робкими розами, что случайное прикосновеніе его руки — и руки тоже очень похожей на женскую — вызвало у нея устрашающе сильное волненіе. Увы, материнское чувство, видимо, длилось недолго и унесло съ собою декорацію, среди которой разыгрывалась ея воображаемая драма. Оно сыграло главную роль, а теперь выплывала наружу подкладка, чувство болѣе живое, сильное, неуправляемое. Лэди Локъ была очень недовольна собою, гуляя въ это утро среди розовыхъ кустовъ.

Она знала, что ведетъ себя глупо, но знала также, что не имѣетъ намѣренія дать себя одурочить. Для этого у нея было слишкомъ много воли, слишкомъ много способности наблюдать и за другими, и за собой.

Къ ней подошла м-мъ Вальтези, опираясь на трость и томно обмахивая себя вѣеромъ.

— Природа вдалась сегодня къ необыкновенно пошлую край-

ность, — сказала она. — Сегодня жарко до неприличія. Хотѣлось бы сидѣть въ своемъ собственномъ скелетѣ. А каковъ бы былъ скелеть м-ра Амаринта? Не особенно красивый, я думаю. Я получила съ почтой скверныя извѣстія.

— Въ самомъ дѣлѣ. Это грустно.

— Мой злѣйшій врагъ пишетъ, увѣдомляетъ меня, что замужъ выходить. Такого зла я ей не желала. Это въ самомъ дѣлѣ интересно. Когда людей бьютъ бичами, они жаждутъ скорпіоновъ. А у женщинъ просто большая жажда испытать крайній край страданія. По моему, многія изъ нихъ готовы сами себя изрѣзать ножами, какъ жрецы Ваала, когда онѣ не находятъ мужа, который бы выполнилъ эту операцію надъ ними.

— Вы говорите о своемъ полѣ не безъ горечи.

— Развѣ? Циникъ девятнадцатаго столѣтія минусъ купоросное масло походилъ бы на гуся минусъ лукъ и шалфей. Я предпочитаю быть гусемъ съ приправами, а не гусемъ *nature*. Въ первый разъ мой врагъ вышелъ замужъ ради денегъ, теперь она собирается сдѣлать то же самое ради знаменитости. Главное педубство знаменитости заключается въ томъ, что она обыкновенно носить трауръ, родъ полу-траура, пока это извѣстность и плѣрезы во время славы. Почему это крепъ идетъ рука объ руку съ талантомъ? Люди становятся такъ грозно-торжественны, когда составили себѣ имя, что пробыть съ ними пять минутъ это то же, что отбыть срокъ каторжныхъ работъ. Глупость даетъ вамъ отпускной билетъ, а настоящее простоватое невѣжество есть полное освобожденіе даже безъ полицейскаго надзора.

— Я думаю, что всегда трудно не относиться серьезно къ самому себѣ.

— Не нахожу. Мои приемы мысли обыкновенно поражаютъ меня, какъ самая лучшая шутка, родъ представленія Мура и Бергеса, съ кумовьями, предлагающими загадки, которыя никто не разгадываетъ. М-ръ Амаринтъ относится къ себѣ сегодня серьезно. Онъ сочиняетъ канонъ для мальчиковъ; они спокуютъ его сегодня послѣ ужина. Это должна быть пародія или, какъ онъ говорить: «облагороженье трехъ слѣпыхъ мышей» *), что-то о молодости и жизни. Должно быть, будетъ занимательно.

— М-ръ Амаринтъ вообще занимателенъ.

— Да, у него есть хорошій рецептъ, по которому можно смѣшивать людей и заставлять ихъ думать, что Амаринтъ талантливъ.

*) Простая дѣтская пѣсенка.

Онъ впадаетъ только въ одну ошибку иногда: онъ преподноситъ рецептъ и забываетъ о кушаньѣ, которое въ сущности должно было бы явиться въ результатѣ. Рецептотъ нельзя пообѣдать, какъ бы онъ ни былъ хорошъ и затѣйливъ. Это все равно, что читать дома путеводитель вмѣсто того, чтобы путешествовать. Господи, какъ жарко! Я пойду лягу и буду читать *Decay of Lesing* Оскара Уальда. Я отъ него всегда засыпаю. Совершенно какъ онъ самъ—искусственность и никакого искусства.

Она томно удалилась, все еще обмахиваясь вѣеромъ.

Эмиль Амаринтъ и лордъ Реджи работали за роялемъ, сочиняя и перекладывая на музыку «облагороженье трехъ слѣпыхъ мышей».

Лэди Локъ слышала плохонькую мелодію на манеръ примитивной, ихъ голоса, пѣвшіе одинъ за другимъ, и нѣкоторыя слова:

Юность—розово-бѣлая,
Юность—розово-бѣлая,
Юность—розово-бѣлая...

Пѣлъ чистый, но нѣсколько дискантовый голосъ лорда Реджи. Потомъ входили болѣе низкія ноты Амаринта, но слова терялись.

Лэди Локъ слушала нѣсколько секундъ. Потомъ она вдругъ повернулась и вышла изъ сада. Она отправилась на выгонъ и все утро проиграла въ брикетъ съ своимъ сыномъ и дѣтьми пастора. Она заставила выйти изъ игры трехъ партнеровъ, сдѣлала двадцать пять очковъ и снова начала чувствовать себя здоровой духомъ, веселой.

Х.

Мальчишки-пѣвчіе, издали, когда они одѣты въ стихари, вообще говоря, прелестны. Мальчишки-пѣвчіе, вблизи, въ свѣтскомъ платьѣ, купленномъ у дешеваго портного или шитомъ цѣликомъ дома, не всегда такъ привлекательны. Крылья херувимовъ, которыми награждаетъ ихъ воображеніе, исчезаютъ, и они превращаются въ дерзкихъ, иногда довольно грязныхъ мальчишекъ, съ большой слабостью къ мятнымъ лепешкамъ и сильной склонностью къ жаргону и шалостямъ. Пѣвчіе Ченкота, впрочемъ, были хорошо выдрессированы подъ аскетическимъ окомъ м-ра Смита, и хотя ему не удалось освободить ихъ отъ всего человѣческаго, но онъ приучилъ ихъ къ чистоплотности и глубокой набожности. Они явились въ этотъ вечеръ въ коттеджъ м-съ Виндзоръ въ цвѣтущемъ блескѣ; круглыя щеки ихъ, казалось, какъ въ фокусѣ, собирали догорающіе

лучи заходящаго солнца, волосы были гладко причесаны на маленьких бомбоподобныхъ головахъ, въ которыхъ мозгъ усиленно работалъ отъ волненія и ожиданія. У большей части изъ нихъ были голубые наивные глаза, и всѣ они страдали особымъ родомъ порывистой застѣчивости, которая заставляла ихъ то прыгать отъ радости, то просто молча краснѣть и улыбаться. Въ общемъ они оставляли впечатлѣніе чего-то свѣжаго и придающаго энергію, такъ что даже м-мъ Вальтези, разсмотрѣвъ ихъ сквозь черепаховый лорнетъ, снизошла до сухого одобренія. Она качнула раза два или три головой въ ихъ сторону и замѣтила:

— Мальчики гораздо интереснѣе дѣвочекъ. Они меньше хихикаютъ и больше улыбаются. Въ стихаряхъ они были бы совсѣмъ интересны... совсѣмъ.

М-съ Виндзоръ огорчилась, что они пришли не въ стихаряхъ, которые она упорно продолжала называть ночными рубашками. Она излила свое горе старшему мальчику, который однажды пѣлъ соло «О, на крыльяхъ голубицы!» на вечернѣ, вслѣдствіе чего вся деревня относилась къ нему съ глубокимъ уваженіемъ.

— Я думала, что вы всегда носите ихъ, когда поете, — жалобно сказала она. — Это производитъ гораздо больше впечатлѣнія. Не можете ли вы послать за ними?

Старшій пѣвчій, которому было двѣнадцать лѣтъ, страшно покраснѣлъ и отвѣтилъ, что онъ боится разсердить м-ра Смита. Стихари употреблялись только въ церкви. М-ръ Смитъ очень взыскателенъ, — прибавилъ онъ.

— Какъ пелѣно духовенство! — пробормотала м-съ Виндзоръ въ сторону, обращаясь къ Эмме Амаринту. — Дѣлать пѣлую исторію изъ-за нѣсколькихъ ночныхъ рубашекъ. Но, можетъ быть, онѣ благословляются или освящаются, или что-нибудь... тогда другое дѣло. Ну, ничего не подѣлаешь, а я думала, какъ они будутъ милы, когда при свѣтѣ луны послѣ ужина стануть пѣть пѣсенки въ этихъ рубашкахъ, точно ангелы, знаете.

— Развѣ ангелы поютъ пѣсенки послѣ ужина? — спросила м-мъ Вальтези у лэди Локъ, которая старалась умѣрить извинительный восторгъ Томми. — Я такая невѣжда во всѣхъ этихъ вещахъ.

Лэди Локъ не слышала. Она наблюдала порывистыя движенія лорда Реджи, который кидался во всѣ стороны, раздавая копіи своего антифона, тщательно переписанныя въ теченіе дня деревенскимъ органистомъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза его горѣли страстью.

«Въ концѣ концовъ, — думала лэди Локъ, — онъ очень молодъ и

сохранилъ много свѣжести. Сегодня, даже среди этихъ мальчиковъ, онъ похожъ на мальчика.

Пѣвчихъ онъ очаровалъ. Большинство изъ нихъ раньше никогда не видѣло лорда, а его странная изящная красота смутно привлекала ихъ мальчишескія сердца. Зеленая гвоздика, вложенная въ петличку фрака, поселяла большое недоумѣніе въ ихъ головахъ. Они смотрѣли на нее своими большими круглыми глазами, не вполне увѣренные, что это дѣйствительно цвѣтокъ. Особенно пораженъ былъ Джими Сендсъ, старшій мальчикъ. Она точно гипнотизировала его и дѣлала его неспособнымъ видѣть все остальное. Куда бы она ни передвигалась, его глаза передвигались за нею, онъ даже забывалъ краснѣть, всецѣло погружаясь въ ее удивительную зеленую прелесть.

— Какъ хороша розовая юность, — мягко сказалъ Амаринтъ, обращаясь къ м-съ Виндзоръ, когда лордъ Реджи уставилъ мальчиковъ передъ собой и собрался взять первый аккордъ на роялѣ. — Ничего на свѣтѣ не стѣитъ имѣть кромѣ юности, юности съ ея совершенными пороками, покрытыми росой, какъ красныя розы... юности съ ея пурпурными страстями и дикими, поразительными слезами. Свѣтъ чтить юность, потому что свѣтъ и старъ, и сѣдъ, и утомленъ, и становится добродѣтельнымъ, какъ человѣкъ слишкомъ дряхлый для грѣха. О, милые друзья, будемте грѣшить, пока можемъ, потому что придетъ время, когда мы станемъ неспособны ко грѣху. Зачѣмъ, зачѣмъ юность не пользуется своими страстными, ключомъ бьющими возможностями?

И онъ вздохнулъ музыкально, патетично, и вздохъ его походилъ на дуновеніе вѣтра, пробѣгающаго по золотымъ струнамъ арфы. Мальчики-пѣвчіе заставили его почувствовать, что его молодость отлетѣла отъ него и оставила его одного съ его умомъ и эпиграммами. Отъ этихъ эпиграммъ иногда вѣяло на него холодомъ. Онѣ ему надѣли. Онъ зналъ ихъ такъ хорошо, и у многихъ изъ нихъ тѣла въ жилахъ чужая кровь, и онѣ упрекали его въ томъ, что онъ оставался англичаниномъ. О молодость, съ ея простыми шутками и здоровыми наслажденіями, когда нѣтъ еще серебряной пыли на волосахъ и морщинъ вокругъ глазъ, когда источники эпиграммъ такъ же неизвѣстны, какъ источники Нила, а радость познанія порока еще не потеряла свою жемчужную свѣжесть. О, юность... юность! Онъ вздыхалъ, и снова вздыхалъ, потому что считалъ, что вздохъ его прекрасенъ, какъ лицо молодого греческаго бога.

— Пойте нѣжно! — закричалъ лордъ Реджи, играя клавишную прелюдію, съ глухою педалью. — Пусть все переливается и звенитъ.

И маленькіе розовые мальчики старались, чтобы все переливалось, выкрикивая фальшивыя ноты во всю мочь и глядя больше на лорда Реджи и его гвоздигу, нежели на ноты.

— Какъ лента, какъ лента а-а-лая губы твои и уста, и уста твои пре-е-красны,—визжали мальчики на верхнихъ нотахъ своими деревенскими голосами, лишенными всякой музыкальности. А лордъ Реджи глядѣлъ вокругъ черезъ фортепіано, наклоня свою красивую голову въ сторону, и улыбался имъ своими свѣтлыми голубыми глазами. Онъ больше заставлялъ повторять, чѣмъ поправлялъ, и устранялъ фальшивыя ноты, нѣсколько разъ ударяя настоящую ноту на фортепіано.

Прослушавши болѣе пяти разъ антифонъ, м-съ Виндзоръ и гости ея удалились въ садъ. Томми Лока оставили, онъ сидѣлъ на табуретѣ рядомъ съ лордомъ Реджи, смотрѣлъ на него съ обожаніемъ и пѣлъ съ хоромъ какъ только могъ громко.

Амаринтъ шелъ рядомъ съ лэди Локъ.

— Какъ лента алая, губы твои,—повторялъ онъ,—какъ лента алая... Соломонъ жилъ великолѣпной жизнью. Онъ понималъ искусство жизни, волшебство настроеній. Зачѣмъ мы не живемъ сообразно нашимъ собственнымъ ощущеніямъ, вмѣсто того, чтобы жить сообразно съ ощущеніями другихъ? Зачѣмъ придавать хоть какое-нибудь значеніе обществу? Общество, взятое *en masse*, чудовище, утыканное предрасудками, набитое предубѣжденіями, раздѣненное тѣмъ, что оно называетъ добродѣтелями, это пуританинъ, самодовольный глупецъ. Искусство жить состоитъ въ искусствѣ пренебреженія. Пренебрегать! Вотъ для чего мы должны жить, а не для того, чтобы покоряться, что мы всегда дѣлаемъ. Общество раздѣляетъ всѣ поступки на три категоріи: на хорошіе поступки, на дурные поступки, которые можно дѣлать, и на дурные поступки, которыхъ дѣлать нельзя. Если вы предаетесь хорошимъ поступкамъ, васъ уважаютъ хорошіе люди. Если вы предаетесь поступкамъ дурнымъ, но дозволительнымъ, васъ уважаютъ дурные люди. Но если вы совершите нѣчто, чего никто не долженъ дѣлать, тогда на васъ накидываются и хорошіе, и дурные, и вы пропали. Какъ я ненавижу слово: «естественное».

— Почему? Я нахожу, что это одно изъ прекраснѣйшихъ словъ.

— Какъ странно. Для меня оно обозначаетъ все буржуазное, квинтъ-эссенцію жингоизма, все безвѣрное, безформенное, пустое. Это, можетъ быть, прекрасное слово, но въ разговорномъ языкѣ оно стало низкопробнымъ. Нѣкоторыя вещи считаются естественными,

другія считаются неестественными и для всѣхъ людей народившихся на свѣтъ. Индивидуальнымъ особенностямъ тутъ нѣтъ мѣста. Если ребенокъ ненавидитъ свою мать—это неестественно. Если женщина не желаетъ имѣть дѣтей—это неестественно. Если мужчина никогда не влюбляется въ женщину—это неестественно. Если мальчикъ предпочитаетъ смотрѣть на картины, а не въ крокетъ играть, или предпочитаетъ мечтать надъ бѣлой ногой красотою греческой статуи, вмѣсто того, чтобы играть въ футболъ по всѣмъ правиламъ Рѣгби—это неестественно. Если добродѣтель наша не вырѣзана по общему шаблону, она неестественна. Если наши пороки не соответствуютъ правиламъ, они неестественны. Мы должны совершать добрыя дѣла естественно, мы должны грѣшить естественно, мы должны жить естественно, умирать естественно. Брануэль Бронте умеръ стоя, и съ тѣхъ поръ весь свѣтъ считаетъ его богохульникомъ. Почему это мы должны жить стоя и ложиться умирая? Байронъ—душевный уродъ—сталъ притчей во языцѣхъ. А между тѣмъ извращенныя души кажутся такъ же естественными для нѣкоторыхъ людей, какъ и искривленное тѣло. Одному кажется естественнымъ жить какъ Чарльзъ Бингслей *), проповѣдовать мягкость и любить спортъ; другому кажется естественнымъ отмечать свою жизнь на узкомъ диванѣ притона для куренія опиума, прислонивши голову къ ногамъ товарища по грѣху. Я люблю то, что называется совращеннымъ умомъ и извращенными натурами, такъ же какъ люблю длинныя шеи Бёрнъ-Джонсовыхъ женщинъ и красоту неестественной прозы Вальтера Патера **), цвѣта увидшаго розоваго лепестка. Природа обыкновенно чисто пошла, какъ женщины пошло чисты. Только немногія осмѣливаются пренебрегать смѣшнымъ кодексомъ правилъ, начертанныхъ фешенебельной матерью природой, и онѣ пренебрегаютъ имъ,—какъ многія женщины пьютъ, какъ многіе мужчины развратничаютъ,—въ тайнѣ, заперевъ дверь и положивъ ключъ въ карманъ. И какова ихъ жизнь? Они всегда могутъ слышать шаги сыщика на улицѣ, снаружи.

— Общество должно имѣть полицію, разъ въ этомъ обществѣ есть преступники,—сказала леди Локъ не безъ горячности.

— Да. Особу, которую называютъ «мѣдякъ» ***), потому что его можно обзудать только серебромъ или золотомъ.

*) Популярный писатель для юношества авторъ *Westward Ho, Ravenswood* и пр.

***) Писатель новой, не реалистической школы, авторъ *Imaginary Portraits, The Renaissance, Mariers the Epicurean*.

***) Полицейскихъ на жаргонѣ зовутъ „мѣдяками“.

— Я думаю, что вопросъ здѣсь, главнымъ образомъ, въ численномъ превосходствѣ, — прибавила она покойнѣе. — Извращенные и совращенные умы встрѣчаются въ меньшинствѣ. Если бы было болѣе половины рода человѣческаго хромого, мы бы не находили, что хромой человѣкъ — уродъ.

— Ахъ, вотъ это-то и есть основная ошибка, которую нынче всѣ дѣлаютъ. Неестественные умы встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ это думаютъ, поэтому съ буржуазной точки зрѣнія, они естественнѣе, чѣмъ люди желаютъ это признать. Я полагаю, что мы всѣ томились подъ тиранніей меньшинства. Какой насущный интересъ представила бы перепись пороковъ! Зачѣмъ намъ употреблять безконечныя усилія, чтобъ опредѣлять свой возрастъ? Возрастъ — вопросъ темперамента, какъ молодость — вопросъ здоровья. Мы интересны не тѣмъ, что мы есть на самомъ дѣлѣ, а тѣмъ, какъ мы проявляемъ себя.

— Но своими поступками мы обнаруживаемъ и то, что мы есть на самомъ дѣлѣ.

Эмме Амаринтъ посмотрѣлъ на нее съ удивленнымъ состраданіемъ.

— Извините меня, — сказалъ онъ. — Это интересное старое заблужденіе, которое живетъ въ насъ, какъ какая-нибудь старая вѣра, неспособная выйти изъ людскихъ головъ, потому что ей буквально не на чемъ стоять и не на чемъ двигаться. Мы обнаруживаемъ себя не поступками.

— Какъ это возможно? Стало быть, словами... это вы хотите сказать?

— Нѣтъ, мы непрестанно лжемъ поступками. Это-то и дѣлаетъ жизнь такой любопытной и иногда интересной. Мы лжемъ передъ свѣтомъ открытыми дѣлами, самимъ себѣ — тайными. У насъ у всѣхъ есть чудная страсть ко всему театральному, и у насъ въ распоряженіи есть два рода пьесъ, которыми мы удовлетворяемъ любовь къ актерству: пьесы, которыя мы разыгрываемъ для другихъ, и пьесы, которыя мы разыгрываемъ для себя. Оба рода интересны, но послѣдній увлекательнѣе. Наши тайныя добродѣтели, тайныя пороки — это пьесы, которыя мы разыгрываемъ въ свою пользу. Оба рода одинаково эгоистичны, странны и полны воображенія. Мы создаемъ пороки изъ нашихъ добродѣтелей и добродѣтели изъ пороковъ. Первые мы разсматриваемъ какъ обязанности по отношенію къ ближнимъ, а послѣдніе — какъ обязанность къ самимъ себѣ. И если мы разыгрываемъ эти послѣдніе съ большей

серьезностью, репетируешь ихъ тщательно, то въ этомъ, въ сущности, нѣтъ ничего удивительнаго.

— Но если вы все объясняете такимъ образомъ, тогда ничего не остается. Гдѣ же дѣйствительность? Гдѣ настоящій человѣкъ?

М-ръ Амаринтъ улыбулся съ безконечной мягкостью.

— Настоящій человѣкъ — это мистрисъ Херрисъ *), — отвѣчалъ онъ. — Вѣрьте мнѣ, «такой особы нѣтъ».

— Это нелѣпо, — сказала леди Локъ. — Гдѣ-нибудь должно начинаться я человѣка.

— Еслибъ оно было, развѣ бы мы не нашли постоянного средства его удовлетворять? Мы постоянно посылаемъ разные наши поступки стучаться къ нему въ дверь, и отвѣтъ всегда одинъ — дома нѣтъ. Тогда мы посылаемъ поступки другого рода. Мы стучимся на всѣ лады. И все-таки отвѣтъ одинъ: дома нѣтъ.

Леди Локъ посмотрѣла на него почти съ отвращеніемъ, которое едва могла скрывать.

— Вы очень забавны, — сказала она рѣзко, — но не очень убѣдительно. Я бы желала знать, есть ли у васъ философія жизни?

— Есть, и великодушная.

— Какая?

— Брать все, и ни къ чему не относиться серьезно. И въ рядѣ разочарованій всегда, если возможно, величать себя въ число тѣхъ, которыхъ вы обманываете.

— Эмѣ, Эмѣ! — закричалъ лордъ Реджи живымъ дѣтскимъ голосомъ. — Гдѣ вы? Мы кончили репетицію, м-съ Виндзоръ зоветъ насъ ужинать. Ахъ, вотъ вы гдѣ. Леди Локъ, мальчикамъ нравится мой антифонъ. Джимми находитъ его великодушнымъ. Развѣ онъ не прелестный мальчикъ?

«Величаетъ ли онъ себя въ число тѣхъ, которыхъ онъ обманываетъ?» — думала леди Локъ, входя въ домъ.

Оба высокіе лакея, болѣе надменные, чѣмъ когда-либо, въ своихъ напудренныхъ парикахъ, рассаживали эксальтированныхъ и сконфуженныхъ маленькихъ нѣвчихъ по мѣстамъ. Столы были разставлены подковой и посрединѣ ея усѣлась м-съ Виндзоръ съ м-ромъ Смитомъ, только что прибывшимъ, съ м-мъ Вальтези и леди Локъ. Лордъ Реджи и Амаринтъ сѣли съ мальчиками по обѣимъ концамъ подковы. Томми помѣстился на правой сторонѣ отъ лорда Реджи. Высокій лакей расхаживалъ безшумно, подавая блюда,

*) Намекъ на романъ Диккенса „Martin Chuzzlewit“. М-съ Гемпъ, одно изъ лицъ романа, всегда осыпается на м-съ Херрисъ, какъ на высшій авторитетъ во всемъ, а между тѣмъ эта м-съ Херрисъ совсѣмъ никогда не существовала.

но сразу представилось затрудненіе. Джими Сендсъ рѣшительно не былъ въ состояніи принимать пищу отъ столь пышнаго лакея. Какъ только онъ подходилъ къ нему, Джими вздрагивалъ, краснѣлъ, застѣнчиво качалъ головой, глядя на блюдо. Такъ какъ всѣ остальные мальчики слѣдовали его примѣру, то сперва казалось, что ужинъ будетъ неудачный. Только когда м-ръ Смитъ самолично обошелъ столъ, накладывая на тарелки ветчину, *foie gras* и другія прелести, они осмѣлились приняться за ѣду, но были слишкомъ сконфужены, чтобы говорить. Наклонивши головы надъ тарелками, они жевали молча, нрѣдка бросая вкось взгляды другъ на друга или на хозяевъ, желая знать, то ли они дѣлаютъ, что надо.

М-съ Виндзоръ находила, что они удивительно освѣжительны.

— Какъ мила невинность! — томно выговорила она, видя, какъ Тимъ Райтъ — хорошенькій мальчикъ лѣтъ восьми — уронилъ большой кусокъ трюфеля себѣ на колѣни. — Мы, лондонцы, платимся за наши удовольствія, м-ръ Смитъ, увѣряю васъ. Мы теряемъ свѣжесть; мы не похожи на счастливыхъ мальчиковъ пѣвчихъ.

Что м-съ Виндзоръ совсѣмъ не походила на счастливаго мальчика пѣвчаго, это было довольно очевидно. Ея завитые желтые волосы, усталые, подкрашенные глаза, напудренные щеки указывали, что она *une mondaine*. Она представляла рѣзкій и странный контрастъ съ толпой окружавшихъ ее застѣнчивыхъ и восхищенныхъ дѣтей. Но м-ръ Амаринтъ, хотя и чувствовалъ себя необыкновенно свободно и ловко, казался еще болѣе не на своемъ мѣстѣ, чѣмъ м-съ Виндзоръ. Его крупное и гладкое тѣло поднималось башней на концѣ длиннаго стола; тщательно завитая голова нагибалась, улыбаясь, стараясь уловить шепотомъ повѣряемые признанія Джими Сендса, а зеленая гвоздика, выглядывая изъ петли фрака, казалась, дивилась съ сердитымъ замѣшательствомъ этому домашнему развлеченію необычайной сельской простоты.

Маленькіе мальчики были положительно влюблены въ лорда Реджи, къ которому во время репетиціи они привыкли относиться съ нѣкоторымъ довѣріемъ, но на Амаринта они смотрѣли со страхомъ и благоговѣніемъ, которые стѣсняли имъ грудь, и они не могли отвѣчать на его вопросы иначе, какъ втянувши внутрь дыханіе, что дѣлало ихъ безхитростные отвѣты почти неслышными. Тѣмъ не менѣе Амаринтъ былъ привѣтливо милостивъ и такъ разговаривалъ о сельскихъ радостяхъ и прелестяхъ деревни, что ему позавидовалъ бы самъ Вергилій. Лэди Локъ не могла не прислушаться къ его нѣсколько громкому голосу, и отрывки его словъ очень занимали ее. Одно время онъ воспѣвалъ очарованіе пчело-

водства, потомъ сыпалъ эпиграммами на пѣвнительный сюжетъ о сѣнокосѣ.

— Ахъ, милый мальчикъ, — слышала она, какъ онъ говорилъ Джимми, — дорожите своей молодостью! Дорожите сѣнокосной порой своей жизни, пока не оголились луга и не сложились въ сбирды всѣ волненія отъ страха передъ дождемъ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ подобнаго розово-чистой юности, Джимми. Настанетъ день, когда ваши круглыя щечки обрастутъ бородой, когда свѣтъ погаснетъ въ вашихъ карихъ глазахъ и исчезнетъ пурпуръ губъ. Вы станете слабы, и толсты, и безсодержательны — дрожащимъ сатиромъ съ свинцовой душой. Сирены будутъ пѣть вамъ, но вы не услышите ихъ голоса. Пастухи будутъ играть вамъ на свирѣляхъ, но вы не станете танцевать. Стада пойдутъ на пастбища, и хлѣба будутъ засѣяны и сжаты, и голосъ зеленого лѣта будетъ пѣть среди красныхъ и желтыхъ розъ, и серенады пчелъ наполнять музыкой ароматный воздухъ. У разрушенной, поросшей мохомъ житницы сова совѣтъ себѣ гнѣздо, и сумерки постепенно надвинутъ ночь. И сельскія дѣвушки со своими возлюбленными будутъ рвать жимолость цвѣта розовой раковины, и влюбленные облака будутъ дремать надъ красавцемъ мальчикомъ пахаремъ со свѣтлыми кудрями, пока онъ бродитъ, насвистывая на ходу. Природа, неартистичная, монотонная природа будетъ возобновлять соки своей юности и роистую свѣжесть своей первой весны, но соки вашей юности должны будутъ изсякнуть навѣки, и голосъ вашей весны будетъ нѣмъ и беззвученъ. О, Джимми, Джимми! дорожите своей молодостью!

Джимми имѣлъ видъ мучительно-сконфуженный и наглядывалъ себѣ маринованныхъ грецкихъ орѣховъ, которые въ эту минуту ему подносили одинъ изъ высокихъ лакеевъ. М-съ Виндзоръ имѣла почему-то смутное представленіе, что всѣ бѣдные люди питаются пикулями, и поэтому приказала своей экономкѣ подать большее количество ихъ по этому случаю. Донеси орѣхи благополучно до тарелки, Джимми принялся ихъ уплетать, наложивъ себѣ, въ видѣ приправы, холодной говядины, и смущенно продолжалъ глядѣть на Амаринта, который осматривалъ подковообразный столъ взоромъ, выражавшимъ спокойное и умное превосходство.

— Я сочинилъ хороводную пѣсенку, Джимми, — продолжалъ онъ, — великолѣпную, радужную пѣсенку, которую мы споемъ сейчасъ на лунномъ свѣтѣ. Вы знаете «Три слѣпныя мыши»?

— Да, сэръ, — отвѣтилъ Джимми съ внезапной улыбкой радостнаго пониманія; ближайшіе мальчики тоже выдвинули впередъ

свои круглыя головы, счастливые тѣмъ, что услышали, наконецъ, выраженіе, для нихъ совершенно понятное.

— Какъ она великолѣпна въ своей простотѣ! Моя пѣсенка еще проще и еще красивѣе. Мы споемъ ее, Джимми, такъ, какъ ни одинъ соловей не можетъ никогда пѣть. Возьмите еще орѣховъ. Ихъ роскошный коричневый цвѣтъ напоминаетъ мнѣ фонъ картины Веласкеза.

Джимми взялъ еще орѣховъ съ удивительной сговорчивостью, а Амаринтъ откинулся на спинку стула, небрежно сдирая кожицу съ персика и улыбаясь, какъ будто разъ начавъ улыбаться, онъ впалъ въ мечтательное состояніе и забылъ перестать.

М-мъ Вальтези немного скучала. Ей юность ничего не говорила, исключая, впрочемъ, юности молодыхъ мужчинъ, къ которымъ она настойчиво благоволила. Что касается до маленькихъ мальчиковъ, то она разсматривала ихъ какъ зло, противъ котораго кто-нибудь долженъ дѣйствовать законодательнымъ путемъ. Присутствующіе маленькіе мальчики долго не начинали ѣсть, а теперь, разъ начавши, еще дольше не могли остановиться. Казалось, что аппетитъ ихъ постепенно и безостановочно растетъ, по мѣрѣ поглощенія пищи, и высокому лакею было невозможно захватить ихъ врасплохъ и унести тарелки, потому что они ничего не говорили и ѣли постоянно, прилежно. Пиршество казалось нескончаемымъ.

— Я боюсь, что завтра они всѣ заболѣютъ, — прокаркала она м-ру Смиту, который для этого случая, казалось, оставилъ свой аскетизмъ дома. — Право, они скоро лопнутъ.

— Я надѣюсь, что нѣтъ, — отвѣчалъ онъ; — я серьезно надѣюсь, что нѣтъ. Большое количество пищи поздно вечеромъ, конечно, вещь неблагоприятная, но у меня, право, не хватаетъ духу ихъ остановить.

— Но сами они никогда не остановятся. Они, вѣроятно, думаютъ, что это было бы неприлично.

М-ръ Смитъ посмотрѣлъ вокругъ и, замѣтивъ, что лица мальчиковъ раскраснѣлись и что на нихъ несомнѣнно появилось выраженіе простой жадности къ ѣдѣ, внезапно снова сдѣлался аскетичнымъ. Удостоверившись, что всѣ члены семьи хозяйки кончили, онъ внезапно всталъ, ударилъ по столу ручкой ножа и быстро пробормоталъ непонятную благодарственную молитву Высшей Церкви. Результатъ получился удивительный. Чуть ли не по минутамъ рты дѣйствующихъ лицъ оставались открытыми, въ то время, какъ ложки, наполненныя пудингомъ или фруктами, оставались поднятыми, а круглыя глаза всѣхъ направлены съ удивленіемъ и безпо-

койствомъ на пастора, который снова сѣлъ и разговаривалъ съ м-съ Виндзоръ о различныхъ облегченіяхъ. Потомъ, какъ по сигналу, всѣ ложки, все еще полныя, задумчиво опустились на тарелки и довольно громкій вздохъ нѣжно разнесся по комнатѣ. Двери рая захлопнулись.

М-съ Виндзоръ встала и, уходя, сказала Амаринту:

— Научите ихъ вашей пѣсенкѣ. Мы пойдѣмъ въ садъ. Ахъ, еслибъ они были въ своихъ ночныхъ рубашкахъ! Это такое разочарованіе!

Въ саду, довольно темно, потому что луна еще не вполне встала, около леди Локъ очутился лордъ Реджи съ Томми. Послѣдній страстно привязался къ лорду Реджи и выказывалъ ему это и словами, и поступками.

— Сядемте здѣсь, — сказалъ Реджи, подавая ей стулъ. — Эзмѣ хочеть, чтобы я слушалъ его музыку на разстояніи. Ты, Томми, бѣги и пой. Мы хотимъ тебя слушать.

Томми убѣжалъ.

Леди Локъ и лордъ Реджи сѣли молча. Недалеко отъ нихъ м-съ Виндзоръ, м-мъ Вальтези и м-ръ Смитъ составляли разнородную и чрезвычайно несообразную группу. Черезъ освѣщенные окна гостиной видна была кучка маленькихъ круглыхъ головокъ и широкой бюстъ Эзмѣ Амаринта, который декламировалъ слова своей пѣсенки.

Лордъ Реджи посмотрѣлъ на леди Локъ и вздохнулъ.

— Почему прекрасныя вещи такъ грустны? — сказалъ онъ. — Эта ночь похожа на прекраснаго, темнаго юношу, исполненнаго горемъ. Прислушайтесь, въ шелестѣ вѣтра вы услышите его ропотъ. Точно онъ проливалъ слезы, точно онъ зналъ, что такое отреченіе.

— Мы всѣ знаемъ, что такое отреченіе, — отвѣчала она. — Оно грустно, но въ немъ есть величіе. Часто, отрекаясь отъ чего-нибудь, мы бываемъ особенно высоки.

— Я думаю, что отреченія глупы, — сказалъ онъ. — Я только одинъ разъ отказался отъ удовольствія, и съ тѣхъ поръ воспоминаніе объ этомъ преслѣдуетъ меня, какъ сѣдой духъ. Почему люди считаютъ святостью морить голодомъ свои души? Мы живемъ для того, чтобы высказываться, а не для того, чтобы два раза въ недѣлю поститься. А какъ мало людей, которые осмѣливаются высказаться вполне?

Леди Локъ подняла голову и, казалось, пришла къ какому-то внезапному рѣшенію.

— Высказываете ли вы себя самого вполне когда-нибудь тѣмъ, что говорите, и тѣмъ, что дѣлаете?

— Да, почти всегда.

— Даже тѣмъ, что носите зеленую гвоздику?

Въ тонѣ ея голоса звучала серьезность, которая его немного удивила.

— Потому что я,—продолжала она быстрѣе,—принимаю это за символъ. Я не могу иначе. Миѣ представляется, что это девизъ вашей жизни и это постыдный девизъ. Зачѣмъ...

Но въ это время м-съ Виндзоръ сказала: «Шш...» и послышался голосъ Джими Сендса, нечистый дискантъ съ легкимъ дрожаніемъ, который пѣлъ куплетъ Амаринта. Онъ спѣлъ его сперва до конца, а потомъ къ нему присоединились другіе голоса:

Юность розово-бѣлая,
Юность блѣдная, страстная—
Въ дола молчанья пѣсня потока,
Сказочный рыцарь въ прозѣ урока,
Въ жизни одна лишь такъ тонко-прекрасна—
Юность розово-бѣлая.

«Юность розово-бѣлая» звучали дѣтскіе голоса одинъ за другимъ, пока весь ночной воздухъ не затрепеталъ словами, и казалось, что они уносились между спящей пышностью цвѣтовъ къ блестящему золотому диску медленно восходившей луны.

Лордъ Реджи слушалъ, опустивъ свою красивую голову, съ улыбкой на губахъ, съ улыбкой въ голубыхъ глазахъ, а леди Логъ смотрѣла на него и тоже слушала и думала объ его юности и о томъ, чему онъ отдаетъ ее, думала какъ серьезная, сердечная женщина.

А высокіе голоса все неслись и неслись и, наконецъ, отпадая одинъ за другимъ отъ мелодическаго сплетенія, въ которое входили, они затихли замирая.

М-съ Виндзоръ заговорила громко и жалобно.

— Какъ чудно!—сказала она.—Если бы только они были въ своихъ ночныхъ рубашкахъ.

М-ръ Смитъ былъ шокированъ.

XI.

Лордъ Реджи окончательно рѣшилъ сдѣлать предложеніе леди Логъ. Онъ не испытывалъ ни малѣйшаго желанія жениться и зналъ, что не долженъ бы былъ этого дѣлать. Но онъ зналъ

также, что женитьба считается ни во что. Въ наше время это просто контрактъ, не имѣющій серьезнаго значенія, какъ часто говаривалъ Эзмѣ Амаринтъ, и слѣдовательно—контрактъ, который можно заключить безъ сердечнаго влеченія и безъ потери полнѣйшей свободы. Для него это просто значило, что наплась добрая женщина, которой нравится его цѣловать, что она откроетъ ему счетъ у своего банкира и позволить ему жить съ собою, такъ какъ онъ къ этому расположенъ. Онъ считалъ, что такая сдѣлка будетъ не плоха, особенно потому, что добрая женщина, навѣрное, съ теченіемъ времени потеряетъ охоту его цѣловать и освободитъ его отъ единственной непріятности, сопряженной съ женитьбой. Онъ сообщилъ Амаринту свое рѣшеніе.

Эзмѣ вздохнулъ.

— Итакъ, вы дѣлаетесь капиталистомъ, Реджи,— сказалъ онъ.— Будете пѣть въ лѣсахъ около Эшера? Будете трубить въ честь великаго Бога, которому обыкновенно поклоняются маклеры? Миѣ бы хотѣлось знать, на что похожи маклеры. Миѣ кажется, я никогда не видалъ маклера. Я слишкомъ много бываю въ обществѣ, это оттого, я думаю. Общество представляетъ нѣкоторыя неудобства. Въ наше время такъ мало людей можно встрѣтить въ обществѣ, на королевскіе титулы, конечно, наложено строгое табу. На прошлой недѣлѣ я обѣдалъ съ леди Мюррей и по ошибкѣ упомянулъ о принцѣ. Она покрасѣла до шеи и фыркнула,— знаете, какъ она фыркаетъ, какъ будто родилась баронессой! — «Гдѣ-нибудь надо провести деморкаціонную линію». Старая аристократія проводить ее теперь передъ принцами крови и за это ее осуждать нельзя. Грубость стала такъ обычна, что потеряла всякую прелесть, и я ничуть не буду удивленъ, если хорошій тонъ и рыцарство снова войдутъ въ моду. Какъ странно будетъ сдѣлаться опять вѣжливымъ, все равно что надѣть большой парикъ, чулки и носить шпагу. Вы были бы очаровательны, Реджи, въ парикѣ и въ пурпуровомъ плащѣ съ розовыми тѣнями въ складкахъ. Вы бы носили его великолѣпно, какъ носите свои грѣхи, накинувъ его небрежно на плечи. Да, вы будете страннымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ капиталистомъ. Средній капиталистъ обладаетъ лицомъ мірянина и глупостью жида. Я удивляюсь, откуда взялось заблужденіе, что жида талантливая раса. Не тотъ человекъ талантливъ, который наживаетъ деньги, а тотъ, кто ихъ проживаетъ. Умный пролетарій— вотъ настоящій геній. Я умный пролетарій.

— Эзмѣ, вы удивительны. Вы похожи на тяжелое благоуханіе, которое клубами виситъ въ воздухѣ. Вы даете знать о себѣ людямъ,

которые никогда васъ не видали, никогда васъ не читали. Вы точно пятая стихія.

— Какой мнѣ вамъ сдѣлать свадебный подарокъ, Реджи? Я думаю, что я подарю вамъ молитвенникъ на разговорномъ языкѣ. Подумаютъ, что эта книга написана реалистомъ. По именамъ прилагательнымъ ее примутъ за одно изъ произведеній Джоржа Мура *), которая не пропускаются Смитомъ за недостатки стиля или чего-то въ этомъ родѣ. Если бы Джорджъ Муръ могъ научиться тонкому искусству неприличія, его можно было бы выносить. Но теперь онъ, какъ миссъ Лонджъ **), свученъ и прирученъ. Ему слѣдовало бы общаться съ болѣе образованными людьми, вмѣсто того, чтобы вѣчно ходить на зависимыя представленія независимаго театра, девизомъ котораго является: «если я васъ этимъ не шокирую, — я голландецъ!» ***) Какое это, должно быть, странное архаическое ощущеніе чувствовать себя голландцемъ. Это, должно быть, что-нибудь вродѣ того, какъ родиться въ Исландіи, или воспитываться въ первоначальной школѣ. Я бы не знаю что далъ, чтобы въ теченіе получаса чувствовать себя дѣйствительно голландцемъ.

Реджи казался задумчивымъ. Его слегка тяготила мысль о предстоящемъ на завтра выполненіи его антифона. Онъ смутно опасался, что Джимми Сендсъ и его товарищи забудутъ всѣ отбѣнки, какъ только очутятся передъ публикой. Когда пройдетъ это критическое утро, онъ сдѣлаетъ предложеніе лэди Локъ, а пока, казалось ему, надо было свататься, ухаживать за ней, или дѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ нисколько не былъ застѣнчивъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ надо ухаживать за женщиной. Это понятіе само по себѣ казалось ему въ высокой степени смѣшнымъ и почти неприличнымъ, какъ нѣчто очень старомодное.

— Эзмѣ, — сказалъ онъ, — что люди дѣлаютъ передъ предложеніемъ? Я полагаю, что они доходятъ до этого какимъ-нибудь нелѣпнымъ путемъ. Будь я деревенскимъ парнемъ, я могъ бы пойти и сѣсть на заборъ, взявши въ ротъ соломинку и свистѣть для лэди Локъ, а она стояла бы передо мной, вытаращивъ на меня глаза и хихикая. Но я не парень, я артистъ. Право, я не знаю, что мнѣ дѣлать. Она будетъ ожидать чего-нибудь?

*) Писатель реалистической школы, котораго иногда называютъ англійскимъ Золя. Авторъ романа *Esmer Watters*. Smith, одинъ изъ крупнѣйшихъ книгопродавцевъ Лондона, отказался взять его книги въ свой магазинъ какъ безнравственныя.

***) Писательница для дѣтей, авторъ книги *The little Duke* и пр.

***) Поговорка. Быть „голландцемъ“ значитъ быть невоспитаннымъ, глуповатымъ.

— Мой милый Реджи, женщины всегда ожидают чего-нибудь. Женщины, подобно несовершеннолѣтнимъ наслѣдникамъ, живутъ ожиданіями.

— Хорошо, — сказалъ Реджи заносчиво, — въ такомъ случаѣ что же мнѣ дѣлать? Предложить ей пойти гулять, или что? Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, обнять ее за талию? Всякій имѣеть долгъ передъ самимъ собою, несмотря на всѣ глупости, которыя говорятъ Ибсенъ.

— Всякій имѣеть долгъ передъ самимъ собою, а я кромѣ того долженъ много и другимъ, такъ много, что надѣюсь прожить довольно долго, чтобъ ничего не отдать. Долгъ чести это прелестная вещь на свѣтѣ, самое названіе напоминаетъ «Гей Ливингстона». Между прочимъ, иногда мнѣ хочется, чтобъ я родился смуглымъ, какъ онъ. Я бы понравился миссъ Родъ Бруфтонъ, а она такъ очаровательно прозаична. Вѣдь это она говорила, что видъ больницы для лѣченія рака всегда вдохновляетъ ее на баламбуръ, или я спуталъ ее съ Еленой Матерсъ *)? Я не могу отличить ихъ никогда, — полное отсутствіе стиля дѣлаетъ ихъ удивительно похожими другъ на друга. Почему женщины всегда пишутъ въ настоящемъ времени, Реджи? Потому что у нихъ нѣтъ прошедшаго? Мнѣ кажется, что ходить по свѣту безъ прошедшаго, это все равно что ходить безъ панталонъ. Я бы, положительно, чувствовалъ себя неприличнымъ.

— Ничего нѣтъ неприличнаго, Эзмѣ, такъ же какъ нѣтъ ничего хорошаго или дурного. Есть только искусство и глупость. Но какъ же мнѣ приготовить свое предложеніе? Что вы дѣлали?

— Ничего не дѣлалъ. Моя жена сдѣлала мнѣ предложеніе, а я ей отказалъ. Тогда она пошла и сдѣлала что-то, что называется, кажется, оглашеніемъ. Потомъ она послала мнѣ бѣлую жилетку въ коричневой картонкѣ и велѣла встрѣтить ее въ опредѣленной церкви, въ опредѣленный день. Я отклонилъ приглашеніе. Она за мной пріѣхала сама въ наемной каретѣ, — это такая штука, вродѣ широкой и глубокой ванны, съ двумя жирными пѣгими лошадьми. Чтобъ избѣгнуть сцены, я поѣхалъ, и думаю, что мы были обвинены. Но раскрашенное окно за алтаремъ было такъ ужасно, и рисунокъ — Иродіада, несущая голову Іоанна Крестителя на блюдѣ — такъ антиартистично-реалистиченъ, что я совершенно не могъ присутствовать при богослуженіи.

*) Рода Бруфтонъ и Елена Матерсъ двѣ романистки въ сантиментальномъ родѣ. Бруфтонъ написала *Red as a rose is she, Cometh up as a flower*; Матерсъ — авторъ *Cherry Ripe* и пр.

— Бѣдный Эзмѣ!—сказалъ лордъ Реджи патетическимъ тономъ.—Стало быть, я долженъ положиться на свою интуицію.

— Это все равно, что положиться на свои убѣжденія, Реджи. Ради звѣздъ, не будьте чувствительны. Я предпочелъ бы видѣть васъ въ гробу. Положитесь лучше на свои ощущенія.

— Но у меня нѣтъ никакихъ ощущеній относительно лэди Локъ. Какъ вы можете это предполагать?

— Я никогда не предполагаю. Я предоставляю это начальникамъ департаментовъ министерствъ, когда они отвѣчаютъ на запросы палаты. Предполагать—это привилегія некомпетентности. Артистъ всегда знаетъ. Но вонъ лэди Локъ, Реджи, гуляетъ чувствительно въ розовомъ саду. Что думаютъ о ней розы? Ступайте къ ней, Реджи, скажите ей, что вы ее не любите и хотите на ней жениться. Вотъ что приятно слышать настоящей женщиной!

Въ то время какъ лордъ Реджи уходилъ своей граціозной походкой, наклонивши голову къ лѣвому плечу, изъ дверей гостиной показалась м-мъ Вальтези, отказываясь присоединиться къ какой-то мальчишеской забавѣ, которую ей предлагалъ Томми. Она вела переговоры, не поворачивая головы, потомъ сразу повернулась, оттолкнула своего мучителя и медленно направилась къ Амаринту съ выраженіемъ крайняго, безграничнаго раздраженія.

— У дѣтей, право, меньше разума, чѣмъ у скота въ полѣ,—сказала она, подходя къ нему.—Этотъ мальчикъ серьезно огорченъ, что я не хочу играть съ нимъ въ Тома Тидлера. Онъ былъ увѣренъ, что я буду Тидлеромъ! Тидлеромъ! Слышали ли вы когда-нибудь такое имя? Это звучитъ точно лицо изъ Диккенсова романа. Онъ говоритъ, что ничего не надо дѣлать, только бѣгать кругомъ! Дайте мнѣ, пожалуйста, кресло. Ему почти удалось заставить меня чувствовать себя Тидлеромъ. Это ужасное ощущеніе.

Она медленно опахивалась вѣромъ и глядѣла кругомъ.

— Кто это тамъ, въ розовомъ саду?—спросила она, глядя въ лорнетъ.—О, лэди Локъ и лордъ Реджи!... Мало подходящая парочка. Они должны бы были жениться.

— Зачѣмъ?—сказалъ Эзмѣ.

— Потому что они мало подходятъ другъ къ другу. Родственные души въ наше время никогда не женятся. Онѣ всегда убѣгаютъ, живутъ на континентѣ и ждуть развода. Въ наше время мы раскаиваемся въ томъ, что дѣлаемъ очень поспѣшно. Люди разводятся почти по первому взгляду. Лэди Локъ согласится, по-вашему?

— Развѣ вдовы отказываютъ?

— Я тоже вдова.

— Въ самомъ дѣлѣ! Я не зналъ или если зналъ, то забылъ. Вы такъ удивительно замужемъ въ своемъ поведеніи.

— Это Уистлеръ сказалъ первый?

— Это голландскаго происхожденія, но въ моей собственной передѣлкѣ, а я слишкомъ скромнень, чтобы выставлять свое имя на афишѣ. Ахъ, мадамъ Вальтези, почему я никогда не воспламенилъ міръ? Я налегаль на мѣхи усердно и хворость уже трещаль, но огонь горить неярко. Я, можетъ быть, слишкомъ гениалень. Можетъ ли это происходить отъ этого? Мои лучшія вещи у всѣхъ на языкѣ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. Вамъ надо было давнымъ-давно языкъ проглотить.

— Какъ Генри Джемсъ *). Я всегда знаю на приѣмахъ, когда ему пришла въ голову интересная мысль.

— Почему?

— Потому, что онъ сейчасъ же уѣзжаетъ не говоря ни слова. Онъ выдается домой и записываетъ свою мысль. Память часто измѣняетъ ему.

— А часто ему приходится уѣзжать съ приѣмовъ?

— Довольно часто. Приблизительно разъ въ годъ, я думаю.

— Это, должно быть, скучно быть настолько талантливымъ.

Итакъ, лордъ Реджи въ настоящее время серьезень.

— Я надѣюсь, что этого съ нимъ никогда не случится. Онъ женится, какъ грѣшить—красиво, съ весельемъ греческаго бога.

— Женится, но не перемѣнится, какъ всѣ мы дѣлаемъ теперь? Мы улучшились сравнительно со старымъ кодексомъ.

— На практикѣ мы уничтожили въ Лондонѣ всѣ кодексы. Въ деревняхъ, я думаю, еще помнятъ заповѣди. Сколько заповѣдей?

— Забыла. Семь, кажется, или семнадцать? Вѣрно семнадцать. Я знаю, что ихъ много. Я слышала, какъ одинъ пасторъ сѣвернаго прихода читалъ ихъ двадцать минутъ, хотя онъ выпускалъ всѣ *h* **). Лэди Локъ и лордъ Реджи ушли куда-то. Это совершенно сцена изъ Фауста, недостаетъ только Марты и Мефистофеля. Ахъ! вотъ и-съ Виндзоръ и чай, имъ придется разыграть эти роли.

Хотя лордъ Реджи былъ совершенный новичекъ въ дѣлѣ сватовства и предпочелъ бы, чтобы сватали его, однако, ему удалось

*) Одинъ изъ извѣстѣйшихъ современныхъ романистовъ, авторъ романа *What Maisie Knew*.

***) Намекъ на плохой выговоръ пастора. Необразованные люди не выговариваютъ *h*, и такой выговоръ считается признакомъ для человѣка дурнаго общества.

дать лэди Локъ нѣкоторое понятіе о томъ, что онъ имѣеть какія-то намѣренія. И въ этотъ вечеръ, одѣваясь къ обѣду, она спрашивала себя, каковы эти намѣренія. Она ни одну минуту не воображала себѣ, что онъ ее любитъ. У нея не было ни малѣйшей склонности къ самообману. Что онъ любитъ ея деньги, — предположеніе гораздо болѣе разумное, соглашалась она умственно, этому тоже она серьезно и искренно не вѣрила. Лордъ Реджи, каковы бы ни были его недостатки, всегда производилъ впечатлѣніе человѣка беззаботно, непредусмотрительно относящагося къ житейскимъ дѣламъ. У него всегда было все, что ему надо, и все приходило само собою. Иначе онъ жить не могъ, и другія условія показались бы, для всякаго, кто его зналъ, совершенно ненормальными, нарушающими общее теченіе жизни. Онъ, видимо, никогда не заботился о иѣрахъ для добыванія нужныхъ ему средствъ, и лэди Локъ считала его человѣкомъ совершенно неспособнымъ задумать цѣлый планъ для пріобрѣтенія состоянія. Въ такомъ случаѣ онъ чувствовалъ къ ней мимоетное влеченіе? Это возможно, казалось ей, но неправдоподобно. Онъ такъ отличался отъ всѣхъ другихъ мужчинъ, которыхъ она знала, что она никогда не могла опредѣлить его, или догадаться, что можетъ происходить въ его головѣ при данныхъ условіяхъ. Несомнѣнно, онъ началъ думать о ней въ какой-то странной связи съ собою, чего никто не могъ предвидѣть. Но что именно онъ думалъ, этого лэди Локъ не могла сказать, не могла она также сказать, какъ и она думала о немъ. Онъ начиналъ значить что-то для нея. Вотъ все, что она знала даже о самой себѣ. Она очень медленно одѣвалась въ этотъ вечеръ. Ея окно было открыто, и она привалывала къ корсажу нѣсколько желтыхъ розъ, отпустивши свою горничную. Вдругъ она услышала внизу, въ саду, возбужденный голосъ Томми, который разспрашивалъ неизвѣстнаго собесѣдника.

— Какъ она дѣлается такую? — говорилъ онъ съ пронзительнымъ визгомъ очень маленькаго ребенка. — Я не понимаю, она растеть?

— Нѣтъ, Томми, — отвѣчалъ мягкій голосъ лорда Реджи, — ничто не растеть такимъ образомъ. Она слишкомъ странна, слишкомъ красива, чтобы расти.

— Ну, тогда ее красять?

— Не обращай вниманія на то, какъ это дѣлается. Это — ошибка, въ которую мы постоянно впадаемъ. Если куклы хорошо танцуютъ, мы не должны думать о человѣкѣ, который дергаетъ веревочки. Все дѣло въ результатѣ. Когда мы видимъ тебя въ твоей

красивой бѣлой курточкѣ, мы просто довольны, что ты такой хорошенькій, мы совсѣмъ не хотимъ знать, какъ застегивается всякая пуговка, какъ завязывается каждая тесемка.

— Никакихъ тесемокъ нѣтъ, — воскликнулъ Томми. — У мальчиковъ не бываетъ тесемокъ.

— Намъ все равно, какъ портной кроить и сметываетъ, какъ шьеть и строчить. Все это онъ дѣлаетъ только для того, чтобы ты былъ красивъ, и намъ остается только думать о тебѣ. Ты любишь эту гвоздику, Томми, какъ я ее люблю? Поклоняешься ли ты этому удивительному зеленому цвѣту? Она похожа на какое-нибудь прелестное существо съ подкрашенными блестящими глазами. Она имѣетъ высшее достоинство быть совершенно ненатуральной. Вообще говоря, что натурально — то глупо. Завтра, Томми, я тебѣ подарю такую гвоздику, надѣнь ее, когда пойдешь въ церковь слушать мой великолѣпный антифонъ.

Томми кричалъ отъ восторга.

Лэди Локъ стояла у окна; она сразу покраснѣла, и глаза ея, обыкновенно спокойные и добрые, вдругъ загорѣлись особымъ огнемъ. Она швырнула желтыя розы на столъ и быстро вышла изъ комнаты, позабывъ даже затворить за собою дверь. Придя въ гостиную, она позвала своего сына изъ сада.

— Томми, — сказала она, — уже половина девятого. Бѣги скорѣе спать. Ты уже вчера поздно легъ.

Мальчикъ сразу запротестовалъ, но она рѣзко перебила его:

— Убирайся, — закричала она, — и скорѣе! Я вижу, что ты усталъ.

— Я не усталъ, мама, — сказалъ мальчикъ, начиная хныкать.

— Усталъ или не усталъ, ты долженъ идти, когда я приказываю, — сказала лэди Локъ съ суровостью, которой она никогда еще не выказывала. — Не спорь и уходи сейчасъ же. Мой сынъ долженъ быть какъ солдатъ, который повинуется приказаніямъ своего начальника. Я твой начальникъ.

Она указала ему на дверь, и Томми ушелъ неохотно, весь красный, съ угрожающимъ выраженіемъ лица разсерженного, но подчиненнаго ребенка.

Лордъ Реджи вошелъ въ комнату изъ сада. Онъ нашелъ лэди Локъ съ виду погруженную въ чтеніе иностраннаго отдѣла *Times'a*.

Вечеромъ, послѣ обѣда, лэди Локъ сказала Реджи:

— Я не желаю, чтобы мой сынъ носилъ цвѣты. Онъ еще слишкомъ молодъ. Я слышала, что вы обѣщали ему назавтра гвоз-

диву. Не сочтите меня невѣжливой, но я прошу васъ не давать ему этого цвѣтка.

Лордъ Реджи удивлялся.

— Я боюсь, что онъ будетъ очень огорченъ,—сказалъ онъ.

— Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Онъ черезъ пять минутъ все это позабудетъ. Дѣти легкомысленны, какъ... какъ...

— Какъ влюбленные,—подсказала м-мъ Вальтези, курившая папироску, сидя на креслѣ у окна.—И такъ же легко забываютъ.

— Всѣ забываютъ,—сказалъ Эзмѣ съ пріятною улыбкой, освѣтившей его крупныя черты.—Когда мы познаемъ искусство забвенія, мы познаемъ и искусство жизни. Я хотѣлъ бы, чтобы меня забывали, но люди помнятъ. Часто, когда я ужъ давно забываю ихъ, они все еще помнятъ. Тогда мнѣ приходится притворяться, что и я ихъ помню, а это такъ утомительно.

— Эзмѣ,—сказала м-съ Виндзоръ,—спойте намъ свою пѣснь прохожаго. Это все что-то о томъ, что забываешь и вспоминаешь и все такія разныя вещи... Такъ чудно! Я помню, что я плакала, когда слышала эту пѣсню... или смѣялась! Вы какое хотѣли произвести ею дѣйствіе?

— Никакого не хотѣлъ произвести дѣйствія. Поэтъ, который хочетъ произвести какое-нибудь дѣйствіе, плохой поэтъ. Я спою вамъ эту пѣсню, но она слишкомъ передѣлана въ выраженіи. Я написалъ ее разъ вечеромъ въ Оксфордѣ, когда былъ совершенно пьянъ. Я помню, что плакалъ, когда писалъ, плакалъ крупными, удивительными слезами. Да, я вамъ ее спою. Она полна скорби, бѣлой, блестящей скорби юности. Какъ божественна меланхолія юности! Съ годами приходитъ безумство, а съ безумствомъ ужасное веселье опасности. Опытные люди всегда веселы. Они видятъ вещи какъ онѣ есть. Какъ это ужасно! Пока мы видимъ вещи какъ онѣ есть, мы не можемъ жить по-настоящему.

Онъ медленно пошелъ къ роялю, сѣлъ и сыгралъ грустную, неопредѣленную мелодію,—мелодію, походившую на блуждающій лучъ мѣсяца, настоящій призракъ мелодіи. Потомъ онъ запѣлъ слѣдующую пѣсню, тихимъ, почти беззвучнымъ голосомъ, скорѣе говоря ноты, а не давая ихъ.

Пѣснь прохожаго.

Мимо, мимо... О, сердце печальное, пой!

Но день не уйметъ тебя въ бурной груди;

Прихоть птицы—вожатый мой,

И словно забытый капризъ, безконечны пути.

И бѣлое утро, и желтыя розы Авроры,
 И сумраковъ говоръ поздній, тоскливый,
 Съ лобзаньемъ къ горамъ обративъ свои взоры:
 — Куда?—вопрошаютъ меня боязливо.

Мимо, мимо... О, нѣжной вздохи души,
 Меня этой ночью не сдержитъ призывъ;
 Путникъ вольный—лечу я въ тиши,
 И словно забытый капризь, своеволенъ порывъ.
 И мѣсяцъ поблеклый, и пурпуръ звѣзды,
 И вѣтеръ, летящій съ заката волны,
 Дивяся на крыльевъ безумныхъ слѣды,
 Мольбѣ не внимають, страха полны.

Мимо, мимо... О, страсти пыланье!
 Тебѣ не зажечь во мнѣ пламя творца,—
 Я могъ бы томиться, храня въ немъ сознанье:
 Двѣ искры-сестры къ намъ запали въ сердца.
 Ты шепчешь слезами, и плачешь словами,
 Тѣ слезы-слова и понинѣ душа воспоминаеть,
 Но пламя ужъ смертью покрылось съ годами,
 И все, что забыло забыть, угасаеть.

Мимо, мимо... Куда? и къ чему?
 Знаеть ли сердце—куда? а душа не вѣдаеть думы.
 Вѣчно иду, но въ пути я на всякія лица гляжу,
 Но слушаю всё голоса и всё шумы.
 Я жадно ловлю соловьиныя трели,
 Бѣ богамъ ли несутся онѣ, или къ жертвамъ могилы.
 Пока не заглохнутъ послѣдніе звуки свирѣли,
 Меня не поквнутъ мои непокорныя силы.

Когда отзвучала послѣдняя струна, послышался голосъ м-съ
 Виндзоръ:

— Теперь помню, я плакала. Какъ это мрачно!

— Да,—сказала м-мъ Вальтези,—мрачно, какъ дождь во время скачекъ или день на берегу моря. Надѣюсь, что вашъ антифонъ будетъ веселѣе, лордъ Реджи. И, конечно, будетъ. Мы всегда приберегаемъ наши печали для гостиныхъ, а нашу веселость для церкви. Для настоящаго свѣтскаго развлечения я требую grand chant. Я часто вспоминаю хоръ конспираторовъ изъ «Гугенотовъ». Я слышала это, когда была ребенкомъ. Какъ много въ дѣтствѣ слышишь вещей, не правда ли? Дѣтство — это долгая карьера невиннаго шпионства и слушанія того, чего не слѣдуетъ слышать.

— Да,—сказалъ Эзмѣ, вставая изъ-за рояля. — А взрослый

возрасть — долгая карьера говоренія того, чего не слѣдуетъ говорить. Это и есть искусство разговора. Все, что говоришь, надо говорить съ намѣреніемъ, иначе люди найдутъ, что вы грубо неприличны. Намѣреніе—это все. Безыскусственное неприличіе окончательно отжило свой вѣкъ; Иветъ Гильберъ нанесла ему смертельный ударъ. Теперь оно едва дышитъ лишь въ сочиненіяхъ Уйда и въ поэмахъ Артура Симонса. Почему второстепенные поэты такъ безыскусственны и почему они воображаютъ себя такими злыми? Бабія странныя фантазіи бываютъ даже у глупыхъ людей. Второстепенные поэты никогда не были порочны, точно также какъ истинный артистъ никогда не былъ добродѣтеленъ. Кто желаетъ быть добродѣтельнымъ, тотъ долженъ сдѣлать добродѣтель ремесломъ, и это, пожалуй, самое выгодное ремесло на свѣтѣ. Вы видѣли когда-нибудь добродѣтельную особу, которая взяла отпускъ у добродѣтели? Это все равно, что кинуться въ Мальстромъ. Они сшибаютъ васъ съ ногъ. Ихъ радость поражаетъ воображеніе. Они похожи на воскресную школу, пущенную на свободу въ Moulin Rouge, или на м-ра Туля, когда онъ сказалъ каламбуръ! Иногда мнѣ самому хотѣлось бы быть добродѣтельнымъ только для того, чтобъ имѣть такой отпускъ. Вы уже идете спать, лэди Локъ? Одиннадцать часовъ! Я не зналъ, что такъ рано. Я буду сидѣть цѣлую ночь съ Реджи и говорить безумныя, алія вещи, такія, которыя любить Джорджъ Мередитъ, и будить ночь серебряными молчаніями. Спокойной ночи. Пойдите, Реджи, въ курительную комнату, такъ какъ насъ всѣ покидаютъ. Я буду блестящъ для васъ такъ, какъ я никогда не былъ для своихъ издателей. Я буду говорить такъ, какъ никогда не говорило ни одно лицо моихъ пьесъ. Пойдите! Юный Эндимионъ шевельнулся во снѣ, а Селена съ блѣдною душой глядитъ на него съ своей жемчужной колесницы. Тѣни на лужайкахъ стали фіолетовыми, а звѣзды озарили пространства весельемъ и пурпуромъ. Ночь все такая же, какъ была. Я хочу быть блестящимъ, дорогой мальчикъ, иначе я чувствую, что буду плакать отъ настоящаго остроумія и умру, какъ многіе умерли, со всеми эпиграммами, которыя такъ и останутся во мнѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Г

Ш У Т К А.

(Разсказъ изъ былой морской жизни).

I.

Это было давнымъ-давно.

Жаркимъ сентябрьскимъ днемъ 1860 г., клиперъ «Голубчикъ» подъ брейвъ-вымпеломъ начальника отряда, поднялся по рѣкѣ Янтсе-Кiangъ, направляясь изъ Шанхая въ Ханькоу.

Жара стояла палаящая, и тентъ надъ головами мало помогалъ. Жарило и солнце, дышала, казалось, жаромъ и мутно-желтая, широкая рѣка съ плоскими берегами.

Кочегары, работавшіе у топокъ, то и дѣло выбѣгали на верхъ, и ихъ обливали водой изъ бранспойта. Матросы, отдохавшіе послѣ обѣда на палубѣ, томились, напрасно стараясь заснуть, и проглянули китайскую сторону и непривычное для нихъ легло. Вахтенные изнывали, не находя мѣста. Даже боцманъ Егорушкинъ настолько раскисъ, что не выпускалъ, по обыкновенію, фонтановъ севернословія изъ своей «луженой глотки», какъ называли матросы горло Егорушкино, вѣроятно, въ честь его способности ругаться и выпивать на берегу большое количество всякихъ спиртныхъ напитковъ, оставаясь при этомъ на ногахъ и даже въ «форменномъ» разсудкѣ.

Стоявшій на мостикѣ вахтенный начальникъ мичманъ Вергужинъ мѣлѣ въ своемъ разстегнутомъ чесучовомъ кителѣ подъ палящими лучами солнца, — такъ какъ надъ мостикомъ тента не полагалось, — мѣлѣ и лѣнливо поглядывалъ на низкіе берега рѣки, не думая рѣшительно ни о чемъ. И прислониться было нельзя. Поручни вокругъ мостика горячіе. И отовсюду на клиперѣ пышало жаромъ.

Нѣсколько оживлялся мичманъ только тогда, когда джопи бы-

вали подъ носомъ, и Вергежинъ приказывалъ давать свистки и иногда стопорить машину.

У компаса недвижно стоялъ пожилой лодманъ-китаецъ съ желтымъ безстрастнымъ лицомъ. Въ своей кацавейкѣ и съ черной, украшенной шарикомъ, шалочкой на головѣ, онъ, казалось, не чувствовалъ дьявольскаго зноя.

Этотъ лодманъ-китаецъ, взятый въ Шанхаѣ, велъ клиперъ по рѣкѣ и почти не сходилъ съ мостика. Звали его Атой, а матросы, разумѣется, называли «Атойкой» и дивились, что «длинокосый» отказывался отъ водки, ѣлъ очень мало и только рисъ.

Въ первомъ часу клиперъ проходилъ мимо Нанкина, заставившаго Вергежина лѣниво вспомнить географію, лѣниво взглянуть на громадный городъ со множествомъ пагодъ и знаменитой башней и лѣниво отвернуться, не испытывая ни малѣйшаго желанія побывать на берегу, такъ какъ китайки, послѣ наблюденія ихъ въ Шанхаѣ, нисколько не плѣнили мичмана. Да и къ тому же онъ находился еще подъ впечатлѣніемъ красоты миссъ Бэтти, наѣздницы изъ Ципра, въ Гонконгѣ, съ которой, двѣ недѣли тому назадъ, онъ провелъ три «чудныхъ», по его словамъ, дня, настолько чудныхъ, что прихватилъ у ревизора жалованье за мѣсяць впередъ и, въ память этихъ дней, носилъ на мизинцѣ кольцо съ драгоценнымъ камнемъ неизвѣстной, впрочемъ, породы, которое черноглазая миссъ Бэтти, уроженка Флориды, подарила вмѣстѣ со своей фотографіей Вергежину, великодушно истративъ на подарокъ двадцать восемь шиллинговъ изъ двадцати фунтовъ, полученныхъ ею «на перчатки» отъ щедротъ тароватаго и влюбленнаго мичмана.

— Атой! А китайки красивы въ Нанкинѣ? — спросилъ по-англійски Вергежинъ лодмана.

Китаецъ довольно равнодушно отвѣтилъ на лодманомъ англійскомъ языкѣ:

— Красивы.

— Какъ въ Шанхаѣ?

— И въ Шанхаѣ красивы, и въ Нанкинѣ красивы, и вездѣ молоды китайки красивы... Надо правѣй держать. Влѣво отмель...

— Лѣво руля! — скомандовалъ Вергежинъ.

Носъ клипера покотился вправо.

— Такъ хорошо! — промолвилъ лодманъ.

— Такъ держать! Замѣть румбъ! — крикнулъ мичманъ.

— Есть! — отвѣчалъ старшій рулевой изъ-подъ мостика, гдѣ помѣщался штурвалъ.

Прошло минутъ двадцать послѣ того, какъ клиперъ миновалъ

панкинъ, когда Вергежинъ увидалъ на правомъ берегу рѣки огромныя скопища людей. Двѣ толпы, отдѣленные одна отъ другой большимъ пространствомъ, казались издали движущимися пятнами. И среди этихъ пятенъ то и дѣло вспыхивали дымки, вслѣдъ за которыми доносился слабый сухой трескъ ружейныхъ выстрѣловъ.

— Пожалуйте «бинокъ», ваше благородіе! — проговорилъ сигнальщикъ, подавая Вергежину большой морской бинокль.

Мичманъ сталъ смотрѣть на берегъ и въ бинокль довольно отчетливо увидалъ вооруженныхъ людей и нѣсколько всадниковъ. Между этими нестройными толпами китайцевъ, очевидно, происходила битва.

— Атой? Это что значитъ? — спросилъ Вергежинъ.

Китаецъ приложилъ къ своимъ узкимъ глазамъ маленькую костлявую руку съ огромными грязно-желтыми ногтями и, повидному, безстрастно глядѣлъ на то, что ужъ замѣтилъ раньше всѣхъ.

— Тайпинги съ манжурами дерутся, — наконецъ, произнесъ онъ.

Хотя Вергежинъ и мало былъ знакомъ съ китайскими дѣлами, но слышалъ и кое-что читалъ о томъ, что въ Китаѣ уже нѣсколько лѣтъ какъ идетъ борьба между тайпингами — какъ звали возставшихъ китайцевъ — и правительствомъ. Онъ зналъ, что война ведется съ перемежнымъ счастьемъ; что нѣсколько городовъ южнаго Китая во власти мятежниковъ и что въ ихъ войскахъ въ числѣ начальствующихъ офицеровъ много европейцевъ.

И Вергежинъ кстати припомнилъ недавній разговоръ товарища мичмана съ корвета «Кречеть», стоявшаго одновременно съ «Голубчикомъ» на Шанхайскомъ рейдѣ, какъ въ одномъ изъ Ship-Shendlers, — какъ называются на дальнемъ Востокѣ европейскія лавки, въ которыхъ можно купить рѣшительно все, начиная отъ гвоздя и до духовъ, — хозяинъ лавки, старый еврей, давно эмигрировавшій изъ южной Россіи, таинственно предлагалъ молодому офицеру поступить майоромъ на службу къ тайпингамъ и говорилъ, что онъ при заключеніи контракта получить 2,000 долларовъ и будетъ получать по 6,000 долларовъ въ годъ.

— Боторые тайпинги? Вѣрно тѣ, впереди которыхъ нѣсколько европейцевъ верхомъ? — спрашивалъ Вергежинъ, не отводя глазъ отъ бинокля.

— Да... Поближе къ намъ.

И черезъ минуту прибавилъ:

— Они побьютъ манжуровъ.

— Вы думаете?

— Непремѣнно. У тайпинговъ англичанинъ начальникъ.

— И много тайпинговъ въ Китаѣ?

— Много. Всѣ бѣдные люди, которые понимаютъ, отчего имъ нехорошо жить — тайпинги.

— Чего-жъ они хотятъ?

— Лучшей жизни. А при мандаринахъ это невозможно.

Вергежинъ пересталъ смотрѣть на берегъ и спросилъ китайца:

— А вы, Атой, конечно, тайпингъ?

— Тайпингъ! — отвѣтилъ, понижая голосъ, лоцманъ.

— Отчего же вы не тамъ, не съ ними?

— У меня другое дѣло. Не всѣмъ надо быть солдатами.

Вергежинъ спохватился, что не далъ знать капитану о томъ, что дѣлается на берегу, и приказалъ сигнальщику доложить командиру, что идетъ сраженіе.

— Есть, ваше благородіе!

И матросъ побѣжалъ было къ трапу, но въ ту же минуту вернулся и доложилъ:

— Сами идутъ, ваше благородіе!

II.

Начальникъ отряда и командиръ «Голубчика» оба въ разстегнутыхъ бѣлыхъ бителяхъ поднимались на мостикъ.

Они только что позавтракали и, судя по покраснѣвшимъ еселимъ лицамъ, замаслившимся глазамъ и нѣсколько неувѣренной походкѣ, позавтракали очень хорошо.

— Это что такое? — спросилъ, обращаясь къ Вергежину, капитанъ, статный, довольно красивый блондинъ, указывая небольшою бѣлой и коленою рукой на берегъ.

Тонъ его голоса былъ, по обыкновенію, властный, хотя и любезный.

— Лоцманъ говоритъ, тайпинги дерутся съ манжурами.

— То-то дерутся, а вы не даете знать.

— Я только что посылаю сигнальщика.

— Надо было не «только что», а раньше, когда увидѣли! — перебилъ капитанъ.

И, обращаясь къ начальнику отряда съ преувеличенною почтительностью именно потому, что не ставилъ его ни въ грошъ, проговорилъ:

— Сраженіе, Иванъ Ивановичъ. Эти каналы китайцы дерутся между собой.

Начальникъ отряда, состоявшаго всего изъ двухъ судовъ, назначенныхъ къ возвращенію въ Россію, бывшій до того командиромъ корвета и «сплавленный» начальникомъ эскадры Тихаго океана «безпокойнымъ» адмираломъ, подъ видомъ почетнаго назначенія, — высокій, полный и рыхлый мужчина лѣтъ пятидесяти, съ большимъ брюшкомъ, выдававшимся изъ-подъ разстегнутаго жилета, съ добродушно-веселымъ лицомъ, засмѣялся густымъ, сочнымъ смѣхомъ и, пустивши по адресу китайцевъ крѣпкое словечко, прибавилъ:

— Не бойсь зададутъ лататы другъ отъ друга. Труссы эти подлецы!

— Не угодно ли взглянуть на нихъ въ бинокль?

И капитанъ передалъ Ивану Ивановичу бинокль, а себѣ велѣлъ подать подзорную трубу.

Иванъ Ивановичъ разставилъ ноги, чтобъ крѣпче держаться, и, тяжело дыша и подсапывая крупнымъ мясистымъ носомъ, сталъ гмѣдѣть на берегъ.

— Перестрѣливаются... Пугаютъ другъ друга, а не сходятся. Экіе болваны! — говорилъ Иванъ Ивановичъ и снова залился смѣхомъ.

Трудно было понять, отчего онъ смѣялся. Оттого ли, что «болваны» перестрѣливались, или оттого, что за завтракомъ Иванъ Ивановичъ, кромѣ трехъ рюмокъ джина, пробовалъ и хересь, и лафить, и ликеры.

Смотрѣлъ и капитанъ въ подзорную трубу.

И вдругъ, словно бы осѣненный внезапной счастливой мыслью, обратился къ Ивану Ивановичу и проговорилъ:

— Не разрѣшите ли, Иванъ Ивановичъ, попробовать наше бомбическое орудіе?

Иванъ Ивановичъ, казалось, не понималъ, въ чемъ дѣло; и еще болѣе выкатилъ свои большіе рачьи глаза.

— То-есть какъ это попробовать?

— А послать бомбу этимъ канальямъ! Отличный будетъ сюрпризъ! — прибавилъ капитанъ улыбаясь и, видимо, увлеченный сюрпризомъ.

Иванъ Ивановичъ понялъ, и мысль капитана ему понравилась, потому что онъ весело раскатился смѣхомъ и съ добродушіемъ начальника, охотно исполняющаго просьбы, проговорилъ:

— А что-жъ? Отчего не попробовать... По-про-буемъ! Валяйте, Андрей Николаичъ! Только, конечно, въ бунтовщиковъ... Въ этихъ... Какъ вы назвали ихъ?

— Тайпинги, Иванъ Ивановичъ.

— Такъ пускайте безешку тайпингамъ... Пусть каналы поимутъ, какія бываютъ безешки... А какъ отличить бунтовщиковъ? Или... такъ... въ кого Богъ дастъ?

— Я у этого болвана спрошу!—сказалъ капитанъ и обратился къ лодману.

Ничего не подозрѣвавшій вѣтаецъ не безъ нѣкотораго достоинства указалъ на толпу своихъ единомышленниковъ и прибавилъ:

— Ужъ они недѣлю тому назадъ побили манджуровъ... Тѣ бѣжали. И сегодня побѣгутъ...

— Что это онъ говоритъ, Андрей Николаичъ?

— Надѣется, что мятежники разобьютъ правительственныя войска, Иванъ Ивановичъ. Онъ, видно, самъ тайпингъ.

— А вотъ мы ихъ шуганемъ!... Ха, ха, ха! Тоже бунтовать, подлецы!

Ш.

Вергежинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Въ высшей степени взволнованный и возмущенный, глядѣлъ онъ то на капитана, то на Ивана Ивановича.

«Пьяны они, что ли?»—подумалъ мичманъ.

Но нѣтъ! Замѣтно веселъ былъ Иванъ Ивановичъ... Капитанъ былъ только слегка возбужденъ.

«Господи! Да что же они собираются дѣлать?»—мысленно спрашивалъ себя молодой человекъ.

— Владиміръ Сергѣичъ! Самый малый ходъ!—приказалъ капитанъ.

— Есть!

Вергежинъ повернулъ ручку машиннаго телеграфа.

«Голубчикъ» замедлилъ ходъ.

— Владиміръ Сергѣичъ! Вызовите прислугу въ первому номеру. И за старшимъ артиллеристомъ послать... Брюить камеру открытъ и зарядить орудіе боевымъ зарядомъ и бомбой!—не спѣша, отчетливо и ясно отдавалъ капитанъ приказанія вахтенному начальнику.

Но Вергежинъ не двигался съ мѣста и какъ-то странно глядѣлъ въ глаза капитана. И въ этомъ взглядѣ стояли и укоръ, и мольба.

— Вы слышали приказаніе?—высокомѣрно произнесъ капитанъ, отводя свой взглядъ.

— Слышалъ, но не считаю возможнымъ исполнить ваше приказаніе, Андрей Николаичъ! — тихо, чуть слышно проговорилъ Вергежинъ, прикладывая руку къ козырьку фуражки.

— Что-съ? — изумленно спросилъ капитанъ, казался, не понимая, что говорить мичманъ.

— Я отказываюсь исполнять такія приказанія. Прошу занести объ этомъ въ шпанечный журналъ и протестовать меня... Стрѣлять въ людей...

Капитанъ не далъ Вергежину договорить.

Щуря позеленѣвшіе вдругъ глаза, онъ презрительно усмѣхнулся и сказалъ:

— Мнѣ не интересны ваши мнѣнія, г. Вергежинъ. Немедленно сдайте вахту смѣняющему васъ вахтенному начальнику.

И съ этими словами повернулся къ мичману спиной.

Иванъ Ивановичъ, стоявшій тутъ же, сдѣлалъ видъ, что ничего не слышалъ и только погосился на Вергежина.

— А какъ бы намъ не влетѣло, Андрей Николаичъ? — шепнулъ онъ капитану.

— За что? Мы будемъ палить въ бунтовщиковъ...

— Развѣ что такъ. Какъ союзники богдыхана?...

— Именно... А случай хорошій попробовать стрѣльбу. Жаль упустить.

— То-то жаль...

И Иванъ Ивановичъ опять разсмѣялся.

Когда на мостикъ поднялся начальникъ 1-й вахты, лейтенантъ Бичинскій, рыжеватый блондинъ съ нѣскольکو ошалѣлымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, Вергежинъ сказалъ ему, что сдаетъ вахту по приказанію капитана и, объяснивъ, чѣмъ вызвано это приказаніе, тихо прибавилъ:

— Откажитесь и вы, Василій Петровичъ. Вѣдь это возмутительное дѣло... Понимаете? Откажитесь. Подъ судъ можете пасть... Право, можете! — нарочно застрашивалъ Вергежинъ трусливаго и безхарактернаго лейтенанта.

Но лейтенантъ Бичинскій растерянно взглянулъ на Вергежина и ничего не отвѣтилъ.

Капитанъ приказалъ ему вызвать прислугу къ бомбическому орудію, и Бичинскій тотчасъ же крикнулъ:

— Боцманъ!... Прислугу къ первому номеру! Зарядить его бомбой!

— Трусъ, трусъ, трусъ! — шепталъ Вергежинъ, спускаясь съ мостика.

Онъ стремительно вбѣжалъ въ каютъ-компанію и воскликнулъ:
— Господа! Да развѣ это возможно?

— Что вы взъерепенились, Володенька?... И почему спустились внизъ? — спросилъ кто-то.

«Волнуясь и спѣша», Вергежинъ рассказалъ, въ чемъ дѣло.

Никто не отозвался. Всѣ молчали и всѣ вдругъ словно бы почувствовали неловкость.

Только пожилой врачъ изъ семинаристовъ замѣтилъ:

— Свинство порядочное.

— Хуже... Это — позоръ...

— Не горячитесь, Владиміръ Сергѣичъ! Не ваше дѣло судить о распоряженіяхъ командира. Онъ самъ отвѣчаетъ за свои поступки! — внушительно замѣтилъ суровый на видъ и большой добрякъ старшій офицеръ.

— Но если поступки сумасшедшіе?

— Я не могу допустить такихъ разговоровъ въ каютъ-компаніи. Прошу ихъ прекратить, Владиміръ Сергѣичъ!

И съ этими словами старшій офицеръ поднялся съ дивана и вышелъ изъ каютъ-компаніи.

Вышелъ и артиллеристъ, за которымъ прибѣжалъ съ вахты унтеръ-офицеръ.

Вслѣдъ за ними ушли наверхъ и остальные офицеры. Въ каютъ-компаніи остались только докторъ и Вергежинъ.

— Что-жъ это такое, докторъ? — чуть не плача, воскликнулъ ничманъ.

— Проба орудія...

— И вѣдь что удивительно: умный и порядочный человѣкъ, а между тѣмъ... Это что-то невѣроятное...

— Быть можетъ, вліяніе хорошаго завтрака... Это вѣрнѣе всего.

— И всѣ молчать!

— Какъ видите.

— Нѣтъ, я, какъ вернемся въ Россію, выйду въ отставку! — рѣшительно воскликнулъ Вергежинъ.

— И хорошо сдѣлаете, — отвѣтилъ докторъ.

IV.

Выраженіе ужаса исказило черты желтаго безстрастнаго лица лоцмана и мелькнуло въ его глазахъ, когда онъ увидалъ, что заряжаютъ орудіе.

Но вѣтаецъ овладѣлъ собой и, казалось, что-то обдумывалъ.

— Надо держать у лѣваго берега... Право на бортъ!—вдругъ проговорилъ онъ, обращаясь къ вахтенному офицеру.—Здѣсь мелко... Нельзя идти! — пояснилъ лоцманъ.

— Право на бортъ! — скомандовалъ лейтенантъ Бичинскій.

— Это зачѣмъ? — крикнулъ капитанъ.

— Лоцманъ сказалъ.

— Эта каналья вретъ. Онъ — тайпингъ и хочетъ насъ одурачить. Держать ближе къ правому берегу.

— Есть!

И рулевые снова переложили руль.

Тогда лоцманъ подошелъ къ капитану и сказалъ:

— Я ошибся, капитанъ... Я, виноватъ, капитанъ...

— Что такое?

— Тайпинги не эти. Вонъ гдѣ тайпинги, капитанъ!—говорилъ онъ, указывая вздрагивающей рукой на войско манжуровъ-империалистовъ.

— Врешь ты...

— О нѣтъ, капитанъ. Я тогда не разглядѣлъ, а теперь хорошо вижу.

Капитанъ насмѣшливо усмѣхнулся.

— Капитанъ...

— Убирайся прочь...

Лоцманъ отошелъ и замеръ въ неподвижной позѣ у компаса.

Орудіе, стоявшее впереди мостика, у гротъ-мачты, было заряжено, и артиллеристъ, приблизившись къ капитану, доложилъ:

— Готово! Куда прикажете палить?

И странное дѣло! Этотъ вопросъ поставилъ, повидимому, капитана въ нѣкоторое затрудненіе, и онъ нѣсколько секундъ не отвѣчалъ.

Хмѣлъ, если онъ и былъ въ его головѣ, выскочилъ въ эту минуту, и намѣреніе послать бомбу въ тайпинговъ вдругъ представилось ему невозможной, нелѣпою жестокостью.

Но отиѣнить приказаніе, велѣть разрядить орудіе казалось ему несовмѣстимымъ съ его, капитанскимъ, престижемъ.

Почти всѣ офицеры и матросы были на верху. Недоумѣвающіе, молчаливые и, казалось, втайнѣ осуждающіе то, что готово было свершиться, смотрѣли они то на мостикъ, гдѣ стояло начальство, то на берегъ, откуда доносились ружейные выстрѣлы.

Вотъ передъ этими-то всѣми людьми капитанъ, ревниво оберегающій свое достоинство, и не хотѣлъ показаться смѣшнымъ, от-

мѣнивши свое приказаніе и словно бы показавши передъ всѣми, что онъ испугался протеста мичмана Вергежина.

И, бросивъ взглядъ на палубу, онъ замѣтилъ, что Вергежина и доктора нѣтъ на верху. И онъ понялъ, почему ихъ нѣтъ, понялъ ихъ негодованіе, и самъ испытывалъ въ эту минуту тяжелое чувство человѣка, попавшаго въ невозможное положеніе.

Но, разумѣется, ничто не выдавало мучительности его душевнаго состоянія. Казалось, онъ былъ совершенно спокоенъ и зналъ, что надо дѣлать.

И, взглядывая на берегъ и измѣряя своимъ привычнымъ «морскимъ глазомъ» разстояніе, онъ, наконецъ, тихо сказалъ артиллеристу:

— Поставьте на самый дальній прицѣлъ и наведите орудіе въ промежутокъ между двумя толпами китайцевъ: посмотримъ, какъ далеко упадетъ снарядъ.

Выходъ былъ найденъ.

И повеселѣвшій капитанъ, усмѣхнувшись, прибавилъ:

— Бомба должна упасть далеко за этими каналами.—Такъ смотрите: на самый дальній прицѣлъ!

— Есть!—отвѣчалъ пожилой артиллеристъ изъ «бурбоновъ» и, казалось, былъ нѣсколько разочарованъ.

Спустившись съ мостика, онъ отдалъ приказаніе комендору.

Минуты черезъ двѣ-три орудіе было наведено. Артиллеристъ самъ нѣсколько разъ провѣрилъ наводку и, обливаясь потомъ, красный, какъ ракъ, и нѣсколько торжествующій, что служить предметомъ общаго вниманія, смотрѣлъ, выпучивъ глаза, на мостикъ, ожидая приказанія стрѣлять.

На палубѣ наступила тишина, та угнетающая тишина, которая невольно бываетъ при видѣ чего-то непонятнаго, возмущающаго людскую совѣсть.

Почти всѣ матросскія лица были напряженно-серьезны. У всѣхъ, казалось, была одна и та же мысль. И она искала выхода въ вопросъ, которымъ тихо обмѣнивались матросы:

— Неужто въ людей будемъ палить?

И веселыя лица начальниковъ, стоявшихъ на мостикѣ, вызывали осужденіе.

— Гляди, какъ Атойка замеръ!—замѣтилъ кто-то изъ матросовъ.

— А ты думалъ какъ?... Въ его будутъ палить. Ему и жалко. А лоцманъ-китаецъ, дѣйствительно, словно бы замеръ.

Его желто-блѣдное съ обтянутыми щеками лицо стало еще жел-

тѣй и блѣднѣй и въ своей неподвижности съ закрытыми глазами казалось безжизненнымъ.

О чемъ думалъ, какъ проклиналъ въ эти минуты китаецъ «варваровъ», которые готовы были шутя совершить ужасное дѣло?

Онъ открылъ глаза. Взглядъ ихъ сверянулъ выраженіемъ ненависти и презрѣнія.

V.

— Можно стрѣлять!—сказалъ капитанъ вахтенному офицеру и сталъ смотрѣть въ подзорную трубу.

— Стрѣляйте!—отдалъ приказаніе вахтенный офицеръ.

Всѣ бинокли и всѣ глаза устремились на берегъ. Онъ былъ въ близкомъ разстояніи, такъ какъ, по приказанію капитана, клиперъ приблизился къ берегу.

— Пли!—скомандовалъ артиллеристъ.

Раздался оглушительный грохотъ выстрѣла бомбическаго орудія и вслѣдъ затѣмъ рѣзкій, шипящій свистъ вылетѣвшаго снаряда. Пушка стремительно откатилась назадъ. Бѣлое облачко дыма недвижимо стояло у борта, не сразу тая въ раскаленномъ воздухѣ.

Черный шарикъ, обратившійся въ едва замѣтную точку, описавъ покатую дугу, быстро свылся изъ глазъ. Еще минута, и далеко, далеко за сражавшимися блеснулъ огонекъ и раздался трескъ разорвавшейся бомбы.

Мертвенное лицо китайца словно бы ожило, и съ матросскихъ лицъ вдругъ исчезла напряженность.

— Не въ людей, значить!—уже громко и съ чувствомъ невольнаго облегченія проговорилъ какой-то невзрачный, рябенькій, низенькій матросикъ и перекрестился.

— А ты думалъ въ людей, дурья голова? Станетъ онъ палить въ безвинныхъ людей. Небойсь, не станетъ!... Такъ, пробу орудія велѣлъ сдѣлать!—отвѣчалъ другой матросъ, еще за минуту не сомнѣвавшійся въ томъ, что будутъ стрѣлять въ «китайца».

Словно бы чувствовавшій себя виноватымъ за такую увѣренность, онъ теперь защищалъ капитана.

А капитанъ, приказавъ закрѣпить орудіе по-походному и распустить орудійную прислугу, подошелъ къ Ивану Ивановичу и тихо проговорилъ:

— Я не велѣлъ стрѣлять въ этихъ каналій. Чортъ съ ними! Что ихъ трогать!

— И отлично сдѣлали!—обрадованно отвѣчалъ Иванъ Ивано-

вичь.—А то дошло бы какъ-нибудь до Петербурга, что мы съ вами чужихъ бунтовщиковъ угощаемъ бомбой... Эти подлецы не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ имѣть непріятности съ начальствомъ.

— И я то же подумалъ, Иванъ Ивановичъ.

— И знаете ли что, Андрей Николаичъ.

— Что прикажете, Иванъ Ивановичъ?

— Не прикажу, а попрошу васъ, Андрей Николаичъ, не заносить объ этомъ выстрѣлъ въ шанечный журналъ.

— Я прикажу не заносить.

— Такъ-то и лучше безъ официальнойности. А то... мало ли что выйдетъ? Почему стрѣляли? Зачѣмъ стрѣляли въ китайскій берегъ? И окажется потому, что мы съ вами, Андрей Николаичъ, позавтракали хорошо и что вино у насъ отличное...

Иванъ Ивановичъ весело разсмѣялся и прибавилъ:

— А теперь не худо бы содовой съ коньякомъ. Какъ вы объ этомъ думаете, Андрей Николаичъ?

— Мысль не дурная, Иванъ Ивановичъ.

— Такъ приходите скорѣй. А я жариться болѣе не намѣренъ,— проговорилъ Иванъ Ивановичъ и ушелъ съ мостика.

Капитанъ приказалъ дать полный ходъ и сказалъ лейтенанту Бичинскому:

— Сдайте вахту Владимиру Сергѣичу. Ему вѣдь доставать!

И передъ тѣмъ, что уйти съ мостика, онъ подошелъ къ лоцману и, потрепавъ его по плечу, шутливо промолвилъ:

— Что, Атой, струсилъ за своихъ тайпинговъ?

— Я за нихъ не боялся, капитанъ!

— Еще какъ боялся! И хотѣлъ, чтобы мы въ манжуровъ стрѣляли. И мели у праваго берега выдумалъ... Струсилъ, признайся?

— Нѣтъ, капитанъ. Я вполне былъ увѣренъ, что русскій великодушный капитанъ не прикажетъ стрѣлять въ чужихъ людей, которые ему ничего не сдѣлали!...—съ изысканною вѣжливостью отвѣтилъ китаецъ и въ знакъ уваженія присѣлъ на корточки.

Капитанъ болѣе не продолжалъ шутливыхъ разспросовъ и, казалось, нѣсколько сконфуженный, торопливо спустился внизъ и ушелъ въ каюту пить содовую воду съ коньякомъ.

«Голубчикъ» опять пошелъ полнымъ ходомъ, разсѣвая своимъ острымъ носомъ мутно-желтую воду Янтсе-кианга. На клиперѣ снова всѣ изнывали отъ адской жары, кромѣ Атоя, недвижно стоявшаго у компаса.

По временамъ онъ поворачивалъ свое желтое лицо назадъ и

смотрѣлъ на берегъ. Но скоро клиперъ повернулъ въ изгибъ рѣки, и сражавшихся не было видно.

— А что, Атой, тайпинги побьютъ манжуровъ? — спросилъ Вергежинъ.

— Непремѣнно! — отвѣтилъ лоцманъ.

И взглядъ его узкихъ темныхъ глазъ свѣтился мягче, когда онъ глядѣлъ на Вергежина.

Повидимому, китаецъ догадывался, отчего молодой мичманъ былъ смѣненъ съ вахты и не былъ на верху во время стрѣльбы.

К. Стамковичъ.

КРЕСТОНОСЦЫ).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Чехъ обожалъ Ягенку, а сердце его все болѣе и болѣе льнуло къ красавицѣ Сецеховнѣ, но его молодая и храбрая душа прежде всего рвалась къ бою. Правда, онъ вернулся въ Спыховъ по приказу Мацька и, кромѣ того, находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что будетъ покровителемъ обѣихъ дѣвушекъ, тѣмъ не менѣе, когда Ягенка сказала, что имъ въ Спыховѣ ничего не угрожаетъ, и что его обязанность—находиться возлѣ Збышка, чехъ съ удовольствіемъ согласился съ этимъ. Мацько не былъ его господиномъ и онъ могъ легко оправдаться передъ нимъ, что не остался въ Спыховѣ по волѣ своей повелительницы, которая приказала ему идти къ Збышку.

А Ягенка сдѣлала это въ расчетъ на то, что оруженосецъ такой силы и ловкости всегда можетъ пригодиться Збышку и избавить его не отъ одной бѣды. Онъ уже доказалъ это во время княжеской охоты, когда Збышко чуть не потерялъ жизнь при столкновеніи съ туромъ. Тѣмъ болѣе онъ могъ быть полезенъ на войнѣ, въ особенности на такой, какая кипѣла на жмудской границѣ. Глава такъ торопился на поле битвы, что лишь только возвратился отъ Юранда вмѣстѣ съ Ягенкой, какъ припалъ къ ея ногамъ и сказалъ:

— Значить, позвольте мнѣ поклониться вашей милости и попросить на дорогу доброе слово.

— Какъ? — спросила Ягенка, — ты сегодня же хочешь ѣхать?

— Завтра, до разсвѣта, только чтобы лошади отдохнули за ночь. Отсюда до Жмуди ужасно далеко.

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1899 г.

— Тогда поѣзжай, потому что тѣмъ легче ты догонишь рыцаря Мацька.

— Тяжело будетъ догнать. Старый рыцарь крѣпокъ и опередилъ меня на нѣсколько дней. Притомъ, онъ поѣдетъ по Пруссіи, чтобы сократить себѣ дорогу, а я долженъ ѣхать черезъ лѣса. У него есть письма отъ Лихтенштейна, и онъ будетъ показывать ихъ по дорогѣ, а я могу показывать развѣ вотъ только это, и этимъ прочищать себѣ дорогу.

Онъ положилъ руку на рукоятъ винжала, а Ягенка, видя это, воскликнула:

— Будь остороженъ! Боль скоро ты ѣдешь, то нужно, чтобы ты и доѣхалъ, а не застрялъ въ какомъ-нибудь орденскомъ подземельи. Но и въ лѣсахъ нужно быть на-чеку, — тамъ живутъ разные божки, которымъ поклонялся тамошній народъ, прежде чѣмъ присталъ къ христіанству. Я помню, что рыцарь Мацько и Збышко рассказывали объ этомъ въ Згожелицахъ.

— И я помню, но не боюсь ихъ, потому что это дрянъ, а не божки, и силы у нихъ никакой нѣтъ. Я справлюсь и съ ними, и съ нѣмцами, которыхъ встрѣчу по дорогѣ, лишь бы война хорошенько разгорѣлась.

— А развѣ она не разгорѣлась? Ну, говори, что вы слышали о ней среди нѣмцевъ.

Сообразительный оруженосецъ нахмурилъ брови, подумалъ съ минуту и потомъ заговорилъ:

— И разгорѣлась, и не разгорѣлась. Мы подробно спрашивали обо всемъ: въ особенности рыцарь Мацько, — онъ хитеръ и всякаго нѣмца сумѣетъ объѣхать. Какъ будто спрашиваетъ совсѣмъ о другомъ, прикидывается благорасположеннымъ, себя ни въ чемъ не выдаетъ, а ударить въ самую точку и изо всякаго вытащить правду, какъ рыбу крючкомъ. Если ваша милость захочетъ терпѣливо слушать, то я скажу вамъ вотъ что: князь Витольдъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣя намѣренія противъ татаръ и желая видѣть въ спокойствіи свою нѣмецкую границу, уступилъ нѣмцамъ Жмудъ. Была великая дружба и согласіе. Онъ позволялъ имъ воздвигать замки, — да что тамъ! — самъ помогалъ имъ. Они съ магистромъ съѣзжались на одномъ островѣ, пили, ѣли и увѣряли другъ друга въ любви. Нѣмцамъ не воспрещалось даже охотиться въ его лѣсахъ, а когда бѣдники жмудины возставали противъ орденскаго владычества, то князь Витольдъ помогалъ нѣмцамъ и посылалъ имъ войска, о чемъ роптали по всей Литвѣ, что онъ идетъ противъ собственной крови. Все это намъ рассказывалъ

щитненскій подвойтъ и хвалилъ орденское правленіе въ Жмуди за то, что нѣмцы посылали жмудинамъ всендзовъ, которые крестили ихъ, и хлѣбъ во время голода. Посылать-то они посылали, потому что такъ приказалъ великій магистръ, — а у него больше, чѣмъ у кого-либо изъ крестоносцевъ, страха Божьяго, — зато увозили жмудскихъ дѣтей въ Пруссію, а женщинъ безчестили на глазахъ у мужей и братьевъ, а кто сопротивлялся, того вѣшали. Отъ этого, паненка, и война.

— А князь Витольдъ?

— Князь Витольдъ долго закрывалъ глаза на нѣмецкія неистовства и любилъ крестоносцевъ. Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ его жена ѣздила въ гости въ Пруссію, въ самый Мальборгъ. Тамъ ее принимали какъ самую польскую королеву. И недавно это было, недавно! Крестоносцы осыпали ее дарами, а сколько турнировъ было, пировъ и разныхъ чудесъ во всякомъ городѣ, того и пересчитать невозможно. Люди думали, что между крестоносцами и княземъ Витольдомъ воцарится вѣчная любовь, и вдругъ сердце его измѣнилось...

— Судя по тому, что покойникъ тятя и Мацько говорили, сердце его часто мѣняется.

— Бъ добрымъ нѣтъ, а къ крестоносцамъ часто, по той причинѣ, что и сами они никогда не держатъ слова. Теперь они требовали, чтобъ онъ выдалъ имъ бѣглецовъ, а князь отвѣтилъ имъ, что людей низкаго происхожденія выдастъ, а евободныхъ и не подумаетъ, потому что они имѣютъ право жить, гдѣ захотятъ. И начали они ворчать другъ на друга, и жалобы свои выкладывать, и угрозами обмѣниваться. Услыхали это жмудины и ну на нѣмцевъ! Гарнизоны вырѣзали, крѣпости разрушили, а теперь и въ самую Пруссію врываются, потому что князь Витольдъ не только ихъ не удерживаетъ, а только потѣшается надъ затрудненіемъ нѣмцевъ и изъ-подъ-тиха посылаетъ помощь жмудинамъ.

— Понимаю, — сказала Ягенка. — Но если онъ помогаетъ имъ изъ-подъ-тиха, то войны еще нѣтъ.

— Есть со жмудинами и на дѣлъ съ самимъ Витольдомъ. Нѣмцы отовсюду идутъ охранять пограничные замки и рады бы учинить на Жмудь большой походъ, но должны долго ждать, — до самой зимы, — потому что это край мокрый и рыцарямъ воевать въ немъ никакъ невозможно. Гдѣ жмудинъ пройдетъ, тамъ нѣмецъ увязнетъ, поѣтому зима — другъ нѣмца. Но съ наступленіемъ морозовъ вся орденская сила двинется впередъ, а на помощь жмудинамъ выйдетъ князь Витольдъ, и выйдетъ съ разрѣшенія польскаго

короля, потому что тотъ — верховный государь и самого великаго князя, и всей Литвы.

— Такъ, можетъ быть, и съ королею будетъ война?

— И у насъ, и у нѣмцевъ люди говорятъ, что будетъ. Брестносоцы уже выпрашиваютъ помощи у всѣхъ дворовъ и на головѣ у нихъ шапка горитъ, какъ у вора, потому что королевская сила — это не шутка, а польское рыцарство, какъ только вспомнить о брестносоцѣ, такъ начинается поплевывать себѣ въ ладонь.

Ягенка на это вздохнула и сказала:

— Всегда мужчинѣ на свѣтѣ лучше, чѣмъ женщинѣ. Взять хоть это въ примѣръ: ты поѣдешь на войну, какъ поѣхали Збышко и Мацько, а мы останемся здѣсь, въ Спыховѣ.

— Паненка, какъ же иначе можетъ быть? Вы останетесь, но въ полной безопасности. Нѣмцамъ и до сихъ поръ страшно имя Юранда. Я самъ видѣлъ это въ Щитнѣ. Когда они узнали, что онъ въ Спыховѣ, то сейчасъ же перетрусили.

— Мы знаемъ, что они не придутъ сюда, — имъ помѣшаютъ и болото, и старикъ Толима, — но тяжело будетъ сидѣть здѣсь безъ всякой вѣсти.

— Вѣсти я буду присылать вамъ при первомъ случаѣ. Я знаю, что еще передъ нашимъ отъѣздомъ въ Щитно отсюда собирались ѣхать на войну двое парней, и Толима воспретить имъ этого не можетъ, потому что они изъ ланкавицкаго дворянства. Теперь они поѣдутъ вмѣстѣ со мной, и въ случаѣ чего я тотчасъ же пошлю къ вамъ съ новыми извѣстіями.

— Да вознаградить тебя Богъ. Я знала, что ты всегда найдешься, но за твое сердце и расположеніе ко мнѣ до смерти буду благодарна тебѣ.

На это чехъ преклонилъ одно колѣно и сказалъ:

— Не обиду я узналъ у васъ, а только одно благодареніе. Рыцарь Зыхъ взялъ меня въ плѣнъ подъ Болеславцемъ мальчишкой и безъ выкупа далъ мнѣ свободу, но служба у васъ была для меня милѣе свободы. Дай мнѣ Богъ пролить за васъ кровь, моя паненка!

— Да руководить тобою Богъ и да приведетъ обратно! — отвѣтила Ягенка и протянула ему руку.

Но онъ предпочелъ преклониться къ ея ногамъ, чтобы выказать свое особое почтеніе, а потомъ, не вставая съ колѣнъ, заговорилъ несмѣло и покорно:

— Я человекъ простой, но дворянинъ и вѣрный вашъ слуга... Дайте мнѣ что-нибудь въ дорогу на память. Не отказывайте мнѣ

въ этомъ! Уже наступаетъ время военной косьбы, а святой Георгій свидѣтель, что я буду находиться впереди, а не позади.

— О чемъ ты меня просишь?—спросила нѣсколько удивленная Ягенка.

— Повяжите меня на дорогу какой-нибудь лентой, потому что, если мнѣ придется лечь костыми, то мнѣ легче будетъ умирать съ вашей перевязью.

Онъ сложилъ руки, снова склонился къ ея ногамъ и умолялъ, глядя въ ея глаза, но на лицѣ Ягенки отразилось чувство замѣшательства, и она отвѣтила со взрывомъ невольнаго неудовольствія:

— Ахъ, мой милый! Не проси у меня этого, моя перевязь ни на что тебѣ не пригодится. Пускай тебѣ перевяжетъ тотъ, кто самъ счастливъ, вотъ это тебѣ принесетъ счастье. А во мнѣ, по правдѣ сказать, что такое? Ничего, только одна грусть! А передо мною—ничего, только одно несчастье! Охъ, не принесу я счастья ни тебѣ, ни кому-нибудь другому, потому что чего у меня нѣтъ, того я дать не могу. Такъ мнѣ теперь, Глава, плохо на свѣтѣ, что, что...

Она сразу оборвалась, чувствуя, что если скажетъ еще одно слово, то разрыдается, — слезы и такъ, словно туча, затуманивали ея глаза. Чехъ былъ очень взволнованъ, — онъ понялъ, что ей худо возвращаться въ Згожелницы и жить въ сосѣдствѣ свирѣпыхъ соперниковъ—Чтана и Вилька, и также худо оставаться въ Спыховѣ, куда раньше или позже могъ бы пріѣхать Збышко съ Данусей. Глава отлично понималъ все, что дѣлается въ сердцѣ дѣвушки, а такъ какъ не видѣлъ никакого средства противъ ея несчастья, то лишь снова обнялъ ея ноги и проговорилъ:

— Эхъ, умереть бы для васъ!... Умереть!

А она сказала:

— Встань. А на войну пусть тебя опояшетъ Сецеховна или дасть что-нибудь на память. Она всегда рада видѣть тебя.

Ягенка крикнула, и Сецеховна тотчасъ же явилась изъ сосѣдней комнаты. Вѣроятно, она подслушивала у дверей, а не показывалась только по своей робости, хотя въ ней кипѣло желаніе проститься съ прекраснымъ оруженосцемъ. Она вошла смущенная, испуганная, съ бьющимся сердцемъ, съ заплаканными полусонными глазами, и, опустивъ рѣсницы, не находя словъ, остановилась передъ чехомъ.

Глава, кромѣ глубокой привязанности, питалъ къ Ягенкѣ чуть не религіозное уваженіе, но не смѣлъ коснуться ея ни одной грѣховной мыслью, зато часто мечталъ о Сецеховнѣ и чувствуя, какъ кровь клокочетъ въ его жилахъ, не могъ устоять передъ ея очаро-

ваниемъ. Теперь она еще сильнѣе уязвила его сердце своею красотою, а въ особенности своимъ смущеніемъ и слезами, сквозь которыя проглядывала любовь, какъ сквозь ясную воду ручья проглядываетъ золотое дно.

И обратившись къ ней, онъ сказалъ:

— Знаете что? Я ѣду на войну, можетъ быть, и слягу тамъ. Вамъ меня не жаль?

— Мнѣ жаль васъ!—отвѣтила тонкимъ голоскомъ дѣвушка.

И она залилась слезами, потому что онъ всегда у нея были наготовѣ.

Чехъ растрогался окончательно и принялся цѣловать ея руки, подавляя въ себѣ, въ присутствіи Ягеньки, желаніе приступить къ еще болѣе горячимъ поцѣлуямъ.

— Опояшь его или дай что-нибудь въ дорогу на память, чтобы онъ бился подъ твоимъ знакомъ,—сказала Ягенька.

Но Сецеховнѣ не легко было дать что-нибудь, потому что она была одѣта въ мужскую одежду подростка. Она начала искать: ни ленты, ни какого-нибудь пояса! А такъ какъ женскіе уборы лежали еще не разобранными въ коробкахъ, то Сецеховна впала не въ малое затрудненіе, изъ котораго ее вновь вывела Ягенька, посоветовавъ отдать сѣтку съ головы.

— Слава Богу! Пусть будетъ сѣтка!—воскликнулъ, нѣсколько развеселившійся Глава.—Я повѣшу ее на шлемъ, и несчастна будетъ мать того нѣмца, который потянется за нею!

Сецеховна поднесла обѣ руки къ головѣ, и черезъ минуту свѣтлыя приди волосы рассыпались по ея плечамъ. Глава въ первый разъ видѣлъ ея простоволосою и измѣнился въ лицѣ. Его щеки сначала вспыхнули, а потомъ поблѣднѣли; онъ взялъ сѣтку, поцѣловалъ ее, спряталъ за пазуху, еще разъ обнялъ колѣна Ягеньки, а потомъ, сильнѣе, чѣмъ это было нужно, колѣна Сецеховны, и проговорилъ:

— Пусть будетъ такъ!—и вышелъ изъ комнаты!

Хотя онъ былъ утомленъ дорогой, но спать не легъ, а цѣлую ночь билъ на смерть съ двумя молодыми ланбовицкими дворянами, которые должны были ѣхать съ нимъ въ Жмудъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не напился и при первомъ лучѣ разсвѣта былъ уже на дворѣ, гдѣ его ждали готовые къ дорогѣ кони.

Одно изъ оконъ затянутыхъ пузыряремъ пріотворилось и сквозь его щель выглянули молодые глаза. Чехъ замѣтилъ это, хотѣлъ было идти къ окну, чтобы показать сѣтку, прикрѣпленную на шлемѣ и проститься еще разъ, но ему помѣшали всендзъ Балебъ

и старики Толина, которые вышли нарочно, чтобы дать ему несколько советов на дорогу.

— Поѣзжай ко двору князя Януша,—сказалъ всендзъ Ка-лебъ,—можетъ быть, и рыцарь Мацько тамъ. Во всякомъ случаѣ ты получишь вѣрныя свѣдѣнія, потому что въ знакомыхъ у тебя тамъ нѣтъ недостатка. Дороги оттуда на Литву всемъ извѣстны, да и проводника черезъ пушу найти легче. Если ты навѣрно хочешь доѣхать до пана Збышка, то дорога тебѣ лежитъ не на Жмудь,—тамъ ты встрѣтишь прусскую преграду,—но черезъ Литву. Имѣй въ виду, что и жмудины могутъ убить тебя, прежде чѣмъ ты крикнешь, кто ты таковъ. Не то будетъ, если ты явишься со стороны князя Витольда. Какъ бы то ни было, да благословить Богъ тебя и обоихъ твоихъ товарищей. Чтобъ вы возвратились въ добромъ здоровьи и привезли бы Данусю, а я за это послѣ каждой вечерни буду лежать крестомъ до первой звѣзды.

— Благодарю васъ, отче, за благословеніе,—отвѣтилъ Глава.—Не легко вырвать жертву живую изъ тѣхъ дьявольскихъ рукъ, но все будетъ по волѣ Господа Иисуса, а надѣяться лучше, чѣмъ отчаиваться.

— Конечно лучше, повѣтому я и не теряю надежды. Да... не теряю, хотя мое сердце не свободно отъ тревоги... Хуже всего, что самъ Юрандъ, какъ только произнесешь ее имя, тотчасъ же показываетъ пальцемъ на небо, какъ будто уже видѣлъ ее тамъ.

— Какъ же онъ могъ ее видѣть тамъ, если онъ потерялъ глаза?

Всендзъ заговорилъ, обращаясь на половину къ чеху, на половину къ самому себѣ:

— Бываетъ такъ, что у человѣка угаснуть земныя очи, а онъ видитъ то, чего другіе увидать не могутъ. Бываетъ такъ, бываетъ! Но вѣдь и то невозможно, чтобъ Госнодь допустилъ обидѣть такого агнца! Чѣмъ она провинилась передъ крестоносцами? Ни чѣмъ! Она была невинна, какъ лилія Божія, къ людямъ ласкова, щебетала, словно полевая пташка... Поѣзжай въ добромъ здоровьи и да сохранить десница Божія и всѣхъ васъ, и ее.

Всендзъ возвратился въ часовню, чтобы служить раннюю обѣдню, а чехъ сѣлъ на коня, еще разъ склонился передъ закрытымъ пузырчатымъ окошкомъ и поѣхалъ, потому что на дворѣ разсвѣло уже окончательно.

II.

Князь Янушъ и княгиня, вмѣстѣ съ частью двора, вѣхали на весенній ловъ рыбы въ Черскъ,—они очень любили это зрѣлище

и считали его первымъ въ числѣ удовольствій. Тѣмъ не менѣе, чехъ узналъ отъ Николая изъ Длуголяса о многихъ важныхъ событіяхъ, касающихся какъ частныхъ дѣлъ, такъ и войны. Прежде всего онъ узналъ, что рыцарь Мацько, видимо, составилъ намѣреніе ѣхать на Жмудь прямо, черезъ «прусскую преграду», потому что нѣсколько дней назадъ былъ въ Варшавѣ, гдѣ засталъ еще князя и княгиню. Относительно войны Николай говорилъ то же самое, что и Глава. Вся Жмудь, какъ одинъ человекъ, поднялась противъ нѣмцевъ, а князь Витольдъ не только что пересталъ оказывать помощь Ордену, но, не объявляя ему войны и маня различными договорами, всевозможнымъ образомъ подкрѣплялъ Жмудь деньгами, солдатами, конями и хлѣбомъ. Во все это время, какъ онъ, такъ и крестоносцы слали пословъ къ папѣ, къ римскому цезарю и другимъ христіанскимъ владыкамъ, взаимно обвиня другъ друга въ вѣроломствѣ, невѣрности и измѣнѣ. Со стороны князя поѣхалъ мудрый Николай изъ Женева, который умѣлъ распутывать нити, перепутанныя крестоносцами, ясно доказывая непомѣрныя несправедливости, испытываемыя литовскимъ и жмудскимъ краемъ.

И когда на виленскомъ сеймѣ связь между Литвой и Польшей еще болѣе укрѣпилась, орденскія сердца дрогнули. Легко было предвидѣть, что Ягелло, какъ верховный господинъ всѣхъ краевъ, находящихся подъ властью Витольда, въ случаѣ войны станетъ на его сторону. Графъ Юганъ Зайнъ, грудзѣнскій комтуръ, и графъ Шварценбергъ, комтуръ гданскій, по приказу магистра поѣхали къ королю съ вопросомъ, на что они могутъ рассчитывать. Король ничего не сказалъ имъ, хотя они привезли ему богатые дары. Послы пригрозили было войной, но не какъ слѣдуетъ, потому что хорошо знали, что магистръ и комтуръ въ глубинѣ души боятся страшной силы Ягелла и желаютъ отдалить день гнѣва и пораженія.

Всѣ договоры рвались, какъ паутина, въ особенности договоры съ Витольдомъ. Вечеромъ, послѣ пріѣзда Главы, до варшавскаго замка дошли свѣжія новости. Пріѣхалъ Бронишь изъ Цясноци, придворный Януша, котораго князь послалъ въ Литву разузнать положеніе дѣлъ, а вмѣстѣ съ Бронисшемъ пріѣхали двое могущественныхъ литовскихъ князей съ письмами отъ Витольда и отъ жмудиновъ. Новыя извѣстія были грозны. Орденъ готовился къ войнѣ. Повсюду укрѣпляли замки, дѣлали порохъ, обтесывали каменные ядра, стягивали къ пограничью кнехтовъ и рыцарей, а легкіе отряды кавалеріи и пѣхоты уже вторгались въ предѣлы Литвы и Жмуди, со стороны Рагнеты, отъ Йоттесвердера и другихъ замковъ. Въ лѣсныхъ заросляхъ, въ поляхъ, въ деревняхъ, уже раздавались

воинственные оглики, а по вечерамъ надъ темнымъ моремъ лѣсовъ мерцали отблески пожаровъ. Витольдъ, наконецъ, явно принялъ Жмудь подъ свое покровительство, выслалъ своихъ правителей, а въ вожди вооруженнаго народа поставилъ знаменитаго своимъ мужествомъ Скирвоиллу. Скирвоилла врывался въ Пруссію, разрушалъ, жегъ, уничтожалъ. Самъ князь придвинулъ войско къ Жмуди, нѣкоторые замки укрѣпилъ, другіе, какъ, напримѣръ, Ковно, совсѣмъ разрушилъ, чтобъ они не могли стать оплотомъ для нѣмцевъ, и ни для кого не было тайной, что когда наступитъ зима и морозъ скуеть болота и мочезины, а то и раньше, если лѣто выдаться сухое, начнется великая война, которая охватитъ всѣ литовскія, жмудскія и прусскія земли. Если же въ помощь Витольду придетъ король, то наступитъ день, когда нѣмецкая волна или зальетъ другую половину міра, или, отраженная, на долгіе вѣки возвратится въ давно занятое ею русло. Но все это должно было наступить еще не сейчасъ. Пока по свѣту раздавался только стонъ жмудиновъ, ихъ отчаянныя жалобы на всяческія обиды и требованіе справедливости. Письма несчастнаго народа читались и въ Бравовѣ, и въ Прагѣ, и при папскомъ дворѣ, и въ другихъ западныхъ королевствахъ. Къ князю Янушу это открытое письмо привезли тѣ бояре, которые прибыли вмѣстѣ съ Бронишемъ изъ Цясноци. И не одинъ изъ мазуровъ невольно нащупывалъ кинжалъ и въ глубинѣ души раздумывалъ, не вступить ли ему по собственной волѣ подъ знамена Витольда. Повсюду было извѣстно, что великій князь съ радостью привѣтствовалъ бы появленіе закаленной польской шляхты, такъ же рьяной въ бою, какъ литовскіе и жмудинскіе бояре, но болѣе обученной и лучше вооруженной. Иныхъ толкала ненависть къ стародавнимъ врагамъ ляхицкаго племени, а другихъ жалость. «Слушайте, слушайте!—взывали жмудины ко всѣмъ королямъ, князьямъ и народамъ:—мы были народомъ свободнымъ и благородной крови, а Орденъ хочетъ обратить насъ въ рабовъ! Но не души нашей онъ ищетъ, а только земли и достоянія. Нужда наша теперь уже такъ велика, что намъ приходится или просить милостыню или разбойничать. Какъ же имъ омывать насъ водою крещенія, коли у нихъ самихъ руки нечисты? Мы жаждемъ крещенія, но не кровью и мечомъ, а жаждемъ вѣры, но только такой, какой поучаютъ достойные монархи, Ягелло и Витольдъ. Слушайте и спасайте насъ, потому что мы погибаемъ! Орденъ не хочетъ крестить насъ, чтобъ легче сдавить насъ ярмомъ, не священниковъ, а палачей онъ посылаетъ къ намъ. Всѣ наши ульи, всѣ стада, всѣ земные плоды они уже забрали у насъ; намъ не дозволяется ни

рыбы ловить, ни звѣря бить въ нашихъ пущахъ. Умоляемъ васъ! Слушайте! Они заставляютъ насъ гнуть издревле свободную спину надъ ночными работами при ихъ крѣпостяхъ, дѣтей нашихъ исхитили въ качествѣ заложниковъ, а нашихъ женъ и дочерей безчестять въ глазахъ мужей и отцовъ. Намъ болѣе приличествовало бы стонать, чѣмъ говорить! Усадьбы наши они сожгли огнемъ, вельможъ увезли въ Пруссію, великихъ людей: Коркуця, Вассыгина, Свольба и Сонгайлу—убили и, какъ волки, лакаютъ нашу кровь. О, слушайте! Вѣдь мы люди, а не звѣри, и потому взываемъ къ Святому Отцу, чтобъ онъ повелѣлъ насъ крестить польскимъ епископомъ, ибо мы всей душой жаждемъ крещенія, но крещенія волей благоволенія, а не кровью гибели».

Такъ и на такой ладъ жаловались жмудины. Когда ихъ жалобы дошли и до мазовецкаго двора, то нѣсколько рыцарей и дворянъ рѣшили идти имъ въ помощь, соображая, что князя Януша нечего даже и просить о разрѣшеніи, хотя бы по тому поводу, что княгиня была родною сестрою Витольда. Всѣ сердца воспламенились общимъ гнѣвомъ, когда Бронишъ и бояре сообщили, что многіе изъ благородныхъ жмудиновъ, томящихся въ Пруссіи въ качествѣ заложниковъ, не снесли позора и жестокости, которые учиняли надъ ними крестоносцы, и лишили себя жизни.

Главѣ была пріятна эта горячность мазовецкаго рыцарства. Онъ думалъ, что чѣмъ больше людей пойдетъ изъ Польши къ князю Витольду, тѣмъ сильнѣй разгорится война и тѣмъ вѣрнѣе можно будетъ выказать свою удалъ противъ крестоносцевъ. Радовало его и то, что онъ увидитъ Збышка, къ которому привязался, и стараго рыцаря Мацька, —занятно видѣть его при воинской работѣ,—и новые, дикіе края, незнакомые города, невиданное до сихъ поръ рыцарство и войско, наконецъ, самого князя Витольда, слава котораго въ то время широко разлилась по всему свѣту. И руководствуясь этою мыслью, онъ рѣшилъ ѣхать «по большой и вѣрной дорогѣ», не останавливаясь нигдѣ дольше, чѣмъ это было бы нужно для того, чтобы покормить лошадей. Бояре, которые пріѣхали съ Бронишемъ изъ Цясноци, и другіе литвины, знающіе дорогу и всякіе проходы, должны были провожать его и добровольцевъ мазовецкихъ рыцарей отъ поселка до поселка, отъ города до города, сквозь неизмѣримыя пущи, которыми была покрыта большая часть Мазовіи, Литвы и Жмуди.

III.

Въ лѣсахъ, въ разстояніи мили отъ Бовна, которое уничтожилъ самъ Витольдъ, стояли главныя силы Скирвиллы и въ случаѣ надобности съ быстротою молніи перекидывались съ мѣста на мѣсто, устраивая быстрометныя набѣги то за предѣлы прусскихъ границъ, то на крѣпости и крѣпостцы, еще находящіяся въ нѣмецкихъ рукахъ, и поддерживая огонь войны по всему краю. Тамъ-то вѣрный оруженосецъ и нашелъ Збышка, а вмѣстѣ съ нимъ Мацька, который пріѣхалъ два дня тому назадъ. Поздоровавшись со Збышкомъ, чехъ проспалъ всю ночь, какъ убитый, и только на другой день вечеромъ пошелъ отдать привѣтъ старому рыцарю. Мацько былъ утомленъ и золъ и принялъ чеха гнѣвно, началъ разспрашивать, отчего онъ не остался по его приказанію въ Спыховѣ, и смягчился только тогда, когда Глава, воспользовавшись уходомъ Збышка, оправдался ясно выраженнымъ приказаніемъ Ягенки.

Глава прибавилъ, что кромѣ этого приказанія и врожденнаго пристрастія къ войнѣ его въ здѣшнія страны привело и желаніе, въ случаѣ чего, послать въ Спыховъ гонца съ новыми извѣстіями. «Паненка,—говорилъ онъ,—со своею ангельскою душою, вопреки собственному добру, молится за Юрандовну. Но всему есть конецъ. Если Юрандовны нѣтъ въ живыхъ, то пошли ей Господь царство небесное, потому что она была невинна, какъ ягненокъ, но если отыщется, то паненку нужно предупредить какъ можно скорѣй, чтобъ она тотчасъ же убѣжала изъ Спыхова, а не послѣ возвращенія Юрандовны, точно ее выгнали со стыдомъ и срамомъ».

Мацько съ неудовольствіемъ слушалъ эти слова, повторяя отъ времени до времени: «не твое это дѣло», но Глава, рѣшившійся говорить откровенно, ничуть не смущался этимъ, и въ концѣ сказалъ:

— Паннѣ лучше было бы оставаться въ Згожелицахъ и побѣдка эта ни на что не была нужна. Мы вдолбили въ голову бѣдняжкѣ, что Юрандовны нѣтъ въ живыхъ, а на самомъ дѣлѣ можетъ оказаться иначе.

— А кто же говорилъ, что ея нѣтъ въ живыхъ, если не ты?— съ гнѣвомъ спросилъ Мацько.—Нужно было держать языкъ за зубами. А я взялъ ее съ собою потому, что боялся Чтана и Вилька.

— Это было сдѣлано только для видимости,—отвѣтилъ оруженосецъ.—Она безопасно могла бы сидѣть въ Згожелицахъ, потому что одинъ мѣшалъ бы другому. Но вы, господинъ, боялись, какъ бы, въ случаѣ смерти Юрандовны, не ускользнула бы и паненка, и поэтому взяли ее съ собою.

— Что это ты такъ возвеличился? Точно ты опоясанный рыцарь, а не слуга!

— Я слуга, но слуга панны, и потому забочусь, чтобъ она не встрѣтилась съ позоромъ.

Мацько угрюмо задумался, потому что не былъ доволенъ собою. Не разъ уже онъ упрекалъ себя за то, что взялъ Ягенку изъ Згожелицъ, и понималъ, что, во всякомъ случаѣ, въ такой манеръ подсунуть ее поближе къ Збышку крылся ущербъ для нея и нѣчто болѣе ущерба, еслибъ Дануся нашлась. Виѣсть съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что въ дерзкихъ словахъ чеха заключается правда и что онъ исключительно взялъ съ собою дѣвушку для того, чтобы на всякій случай сберечь ее для Збышка.

— А вотъ это мнѣ и въ голову не пришло, — сказалъ онъ, желая затуманить себя и чеха. — Она сама настаивала на томъ, чтобы ѣхать.

— Настаивала, потому что мы вбивали ей въ голову, что ея братьямъ будетъ безопаснѣе безъ нея, чѣмъ съ нею, а Юрандовны нѣтъ уже на свѣтѣ, — вотъ она и поѣхала.

— Это ты сдѣлалъ! — крикнулъ Мацько.

— Я. Моя вина. Но теперь все выйдетъ наружу. Нужно, господня, что-нибудь дѣлать, — лучше намъ погибнуть.

— Что тутъ сдѣлаешь, — съ неудовольствіемъ сказалъ Мацько, — съ такимъ войскомъ и въ такой войнѣ!... Если будетъ что-нибудь лучшее, такъ только въ іюлѣ, потому что у нѣмцевъ двѣ только военныхъ поры: или зима, или сухое лѣто. А теперь не горитъ, а только тлѣетъ. Князь Витольдъ, кажется, поѣхалъ въ Браковъ переговорить съ королемъ, выпросить его разрѣшеніе и помощь.

— Но вѣдь по близости есть орденскіе замки. Если бы мы взяли хоть два изъ нихъ, то могли бы найти или Юрандовну, или извѣстіе о ея смерти.

— Или ничего.

— Да вѣдь Зигфридъ увезъ ее въ эту сторону. Намъ это говорили и въ Щитнѣ, и вездѣ, и мы сами такъ думали.

— А ты видѣлъ это войско? Выйди изъ палатки и посмотри. У однихъ только палки, а у другихъ мѣдныя прадѣдовскіе мечи.

— Да, но я слышалъ, что это народъ хорошій для боя.

— Но вѣдь не съ голыми же руками брать крѣлости, въ особенности орденскія.

Дальнѣйшій разговоръ прервало прибытіе Збышка и Скирвоиллы, вождя жмудиновъ. То былъ человекъ невысокаго роста, но

крѣпкій и плечистый, съ грудью настолько выпуклою, что она походила на горбъ, и съ непомерно длинными руками, касающимися коленъ. Вообще онъ напоминалъ Зиндарма изъ Машковицъ, знаменитаго рыцаря, съ которымъ Мацько и Збышко въ свое время познакомились въ Браковѣ; у него была такая же огромная голова и такія же кривыя ноги. О немъ говорили, что онъ хорошо понимаетъ военное дѣло. Жизнь его прошла въ полѣ, въ войнѣ съ татарами, съ которыми онъ боролся на Руси, и съ нѣмцами, которыхъ онъ ненавидѣлъ, какъ заразу. Во время этихъ войнъ онъ научился по-русински, а потомъ, при дворѣ Витольда, немного по-польски; по-нѣмецки же онъ зналъ или, по крайней мѣрѣ, повторялъ только три слова: огонь, кровь и смерть. Въ его огромной головѣ ронлось множество военныхъ замысловъ и хитростей, которыхъ крестоносцы не умѣли ни предвидѣть, ни предупредить, поэтому его такъ и боялись въ пограничныхъ комтуріяхъ.

— Мы говорили о войнѣ, — съ необычнымъ оживленіемъ сказалъ Збышко, — и пришли для того, чтобы выслушать ваше мнѣніе.

Мацько усадилъ Скирвоилло на сосновомъ пнѣ, покрытомъ медвѣжьей шкурой, приказалъ принести ендову меда и, когда всѣ достаточно подкрѣпились, спросилъ:

— Вы хотите сдѣлать нападеніе или еще что?

— Мы хотимъ осадить нѣмецкіе замки.

— А какіе?

— Рагнету или Новое Ковно.

— Рагнету, — сказалъ Збышко. — Четыре дня тому назадъ мы были подъ Новымъ Ковномъ и насъ побили.

— Вотъ именно, — подтвердилъ Скирвоилло.

— Подождите, — сказалъ Мацько, — я здѣшняго края не знаю. Гдѣ Новое Ковно и гдѣ Рагнета?

— Отсюда до Стараго Ковна безъ малаго мила, да отъ Стараго до Новаго тоже мила, — отвѣтилъ Збышко. — Замокъ находится на островѣ. Мы хотѣли было переправиться, но насъ побили при переправѣ. Преслѣдовали насъ цѣлыхъ полдня, но мы укрылись въ лѣсахъ, а войско наше такъ разсыпалось, что нѣкоторые воины возвратились только сегодня утромъ.

— А Рагнета?

Скирвоилло протянулъ свою руку, длинную, какъ вѣтвь, на сѣверъ и сказалъ:

— Далеко, далеко!...

— Вотъ именно потому, что далеко, — отвѣтилъ Збышко. — Тамъ вокругъ все спокойно, сколько было вооруженныхъ людей съ

той стороны границы, всё стянулись сюда. Тамъ нѣмцы не ожидаютъ никакого нападенія, и мы ударимъ на неподготовленныхъ.

— Онъ говорить правду, — сказала Скирвоилло.

А Мацько спросилъ:

— А вы думаете, что и замокъ можно будетъ взять?

Скирвоилло отрицательно покачалъ головой, а Збышко отвѣтилъ:

— Замокъ крѣпкій и взять его можно только случайностью. Но страну мы опустошимъ, города и деревни сождемъ, запасы уничтожимъ, а самое главное—захватимъ плѣнниковъ, въ числѣ которыхъ могутъ оказаться значительные люди. Брестоносцы охотно выкупаютъ ихъ или обмѣниваютъ...

Тутъ онъ обратился къ Скирвоиллѣ:

— Вы сами, князь, признали, что я говорю правду, теперь сообразите вотъ что: Новое Ковно лежитъ на островѣ. Тамъ мы никакой деревни не сождемъ, ни стада не захватимъ, ни плѣнниковъ. И наконецъ насъ тамъ только что побили. Эхъ! пойдите лучше туда, гдѣ насъ не ожидаютъ.

— Кто побилъ, тотъ меньше всѣхъ опасается новаго нападенія, — пробормоталъ Скирвоилло.

Но тутъ заговорилъ Мацько и началъ поддерживать предложеніе Збышка. Онъ понялъ, что молодой человѣкъ рассчитываетъ, что подъ Рагнетой можно добиться большаго толку, чѣмъ подъ Новымъ Ковномъ, легче схватить какого-нибудь значительнаго плѣнника, котораго потомъ можно было бы обмѣнять. Онъ думалъ, что, во всякомъ случаѣ, лучше идти дальше и неожиданно вторгнуться въ край, не столь тщательно оберегаемый, чѣмъ покушаться на островъ, укрѣпленный самою природою и, кромѣ того, защищенный сильнымъ замкомъ и побѣдоноснымъ гарнизономъ.

Какъ человѣкъ знакомый съ военнымъ дѣломъ, онъ говорилъ ясно и могъ бы убѣдить всякаго. Его слушали со вниманіемъ. Скирвоилло отъ времени до времени двигалъ бровями, какъ будто въ знакъ подтвержденія, и отъ времени до времени ворчалъ: «Правильно говорить!» — наконецъ ушелъ своею огромною головой въ широкія плечи такъ, что казался совершенно горбатымъ и глубоко задумался.

Но, спустя нѣсколько времени, онъ всталъ и, не говоря ни слова, началъ прощаться.

— Ну, какъ же, князь? — спросилъ его Мацько. — Куда мы двинемся?

Онъ коротко отвѣтилъ:

— Въ Новому Бовну, — и вышли из палатки.

Мацько и чехъ съ минуту въ удивленіи смотрѣли на Збышка, потомъ старый рыцарь ударилъ себя руками по бедрамъ и воскликнулъ:

— Тьфу! что это за пень!... Какъ будто слушаетъ, а потомъ опять свое. И языкъ трепать жалко!...

— Я слышалъ о немъ, что онъ всегда таковъ, а, по правдѣ сказать, и весь здѣшній народъ упрямъ, какъ никто, — проговорилъ Збышко. — Чужое мнѣніе выслушаетъ, а значенія ему не придастъ, какъ будто говорили на вѣтеръ.

— Зачѣмъ же онъ спрашивалъ насъ?

— Потому что мы опоясанные рыцари и для того, чтобы разсмотрѣть дѣло съ обѣихъ сторонъ. Но онъ не глупъ.

— Подъ Новымъ Бовномъ насъ, можетъ быть, ожидаютъ меньше всего, — замѣтилъ чехъ, — и потому именно, что васъ тамъ недавно побии. Въ этомъ случаѣ онъ правъ.

— Пойдемъ посмотрѣть людей, которые у меня подь началомъ, — сказалъ Збышко (ему было душно въ палаткѣ), — нужно сказать, чтобъ они были готовы.

И они вышли. На дворѣ стояла пасмурная и темная ночь, озаренная только кострами, возлѣ которыхъ сидѣли жмудины.

IV.

Для Мацька и Збышка, которые, во время службы у Витольда, досыта насмотрѣлись на литовскихъ и жмудинскихъ воиновъ, видъ лагеря не представлялъ ничего новаго, но чехъ смотрѣлъ на все съ любопытствомъ, рассчитывая въ умѣ, чего можно ожидать въ битвѣ отъ такихъ людей, и сравнивая ихъ съ польскимъ и нѣмецкимъ рыцарствомъ. Лагерь находился въ низинѣ, окруженной боромъ и болотами, значить совершенно былъ обезпеченъ отъ нападенія, потому что никакое другое войско не могло бы пробраться съвозъ эти предательскія мочезины. Сама низина, на которой стояли шалаши, представляла такую же топъ и болото, но жмудины такъ густо устлали ее еловыми и сосновыми вѣтвями, что покоились на ней какъ на самомъ сухомъ мѣстѣ. Князю Скирвоиллѣ наскоро устроили что-то вродѣ «нумы» или литовской хаты изъ земли и неотесанныхъ бревенъ, для важныхъ людей сплели изъ вѣтвей нѣсколько десятковъ шалашей, а простые солдаты сидѣли вокругъ костровъ, подь открытымъ небомъ, защищенные отъ дождя и перемѣны погоды только полушубками, надѣтыми на голое тѣло. Въ лагерѣ еще

никто не спалъ, потому что людямъ, послѣ недавняго пораженія, дѣлать было нечего и они спали днемъ. Одни сидѣли или лежали возлѣ яркихъ костровъ, другіе рылись въ пеплѣ, отъ котораго разносился запахъ печеной рѣпы, обычной пищи литвиновъ, и жаренаго мяса. Между кострами виднѣлись кучи оружія, сложеннаго такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, каждый нашелъ бы свое. Глава съ интересомъ присматривался къ копьямъ съ длинными и узкими наконечниками, выкованными изъ закаленнаго желѣза, къ дубовымъ кистевямъ, утыканнымъ кремнями или гвоздями, къ бердышамъ съ короткими рукоятками, похожими на топоры, которыми пользовалась польская конница, и съ рукоятками, почти такими же длинными, на какія были насажены бердыши пѣхотинцевъ. Попадались и мѣдные бердыши, происходившіе отъ тѣхъ стародавнихъ временъ, когда желѣзо еще не вошло въ употребленіе въ этихъ медвѣжьихъ углахъ. Иные мечи были также мѣдные, но большинство изъ стали, доставляемой изъ Новгорода. Чехъ бралъ въ руки копьа, мечи, бердыши, смолистые, обожженные въ огнѣ луки и, при свѣтѣ огня, испытывалъ, насколько они совершенны.

Лошадей возлѣ костровъ было немного. Табуны паслись дальше, въ лѣсахъ и на лугахъ, подъ надзоромъ чуткихъ конюховъ, но болѣе значительные бояре желали, чтобы ихъ кони были готовы при первомъ ихъ требованіи, и господскіе невольники кормили ихъ изъ рукъ на утоптанной площадкѣ. Главу приводили въ изумленіе эти кудлатыя лошади, необыкновенно малаго роста, съ могучими плечами и вообще настолько странныя, что западные рыцари считали ихъ за какихъ-то совершенно особенныхъ лѣсныхъ животныхъ, болѣе похожихъ на единороговъ, чѣмъ на настоящихъ коней.

— Здѣсь большія боевыя лошади ни къ чему, — говорилъ Мацько, вспоминая время, когда онъ служилъ у Витольда, — большая лошадь сейчасъ же увязнетъ въ здѣшнихъ трясилахъ, а эта проберется повсюду, какъ человѣкъ.

— Но въ полѣ здѣшнія лошади не устоятъ противъ большихъ нѣмецкихъ, — замѣтилъ чехъ.

— Конечно, не устоятъ. Зато нѣмецъ не убѣжитъ отъ жмудина и не нагонитъ его. Жмудскія лошади бѣгутъ такъ же, какъ татарскія, а то и лучше.

— Я видѣлъ татаръ, плѣнниковъ, которыхъ рыцарь Зыхъ привелъ въ Згожелицы. То были люди мелкіе, — ихъ всякій конь снесетъ, — а здѣсь народъ рослый.

Дѣйствительно, народъ здѣсь былъ дородный. При блескѣ огня всюду виднѣлись широкія груди и крѣпкія плечи. Парень въ пар-

ня, — костистые и рослые. Вообще этотъ народъ былъ сильнѣе обитателей прочихъ литовскихъ земель, потому что сидѣлъ на лучшихъ и болѣе обильныхъ земляхъ, гдѣ голодовки, отъ времени до времени посѣщавшія Литву, меньше давали себя знать. Зато своею дикостью они значительно превышали литвиновъ. Въ Вильнѣ былъ великокняжескій дворъ, въ Вильно стекались князья съ восхода и запада, приходили посольства, папывали заграничныя купцы, вслѣдствіе чего жители города и его окрестностей осваивались съ чужеземными порядками, — а здѣсь иноземецъ являлся только въ образѣ крестоносца или рыцаря Меча, несущаго въ глухія лѣсныя поселенія огонь, рабство и крещеніе кровью. Поэтому здѣсь все было болѣе грубо, сурово, болѣе приближено къ старымъ временамъ, болѣе враждебно относилось къ нововведеніямъ: и старый обычай, и старые приемы войны, да и язычество, упорствующее потому, что поклоненію Кресту обучалъ не снисходительный глашатай *Благой Вѣсти*, съ любовью апостола, а вооруженный нѣмецкій монахъ съ душою палача.

Скирвоилло и болѣе значительные князья и бояре были уже христианами, потому что послѣдовали примѣру Ягелла и Витольда. Прочіе, даже самые простые и дикіе воины носили въ своемъ сердцѣ глухое предчувствіе, что прежнимъ ихъ понятіямъ и вѣрѣ приходитъ конецъ. Они готовы были бы преклониться передъ Крестомъ, если бы только этотъ Крестъ не воздвигали ненавистныя нѣмецкія руки. «Мы жаждемъ крещенія, — зывали они ко всѣмъ владыкамъ и народамъ, — но вспомните, что и мы люди, а не звѣри, которыхъ можно дарить, покупать и продавать». Тѣмъ временемъ, когда старая вѣра угасала, какъ угасаетъ костеръ, въ который никто не подкладываетъ дровъ, а отъ новой отталкивало нѣмецкое насиліе, въ душахъ литвиновъ образовывалась пустота, порождалась тревога, сожалѣніе о прошломъ и глубокая грусть. Чехъ, который съ дѣтства сроднился съ веселой солдатской болтовней, съ пѣснями и громкой музыкой, въ первый разъ видѣлъ такой тихій и угрюмый лагерь. Лишь только кое-гдѣ, при кострахъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ «нумы» Скирвоиллы, слышались звуки дудки или пищалки, или слова тихой пѣсни, которую пѣлъ «буртинивасъ». Воины слушали ее со склоненными головами и глазами, уставленными въ огонь. Иные, опершись локтями въ колѣна, въ своихъ звѣриныхъ одеждахъ, сами походили на лѣсныхъ звѣрей. Но когда они, навстрѣчу проходящимъ рыцарямъ, поднимали головы, то блескъ пламени освѣщалъ вроткія лица и голубые глаза, не жестокіе, не хищные, но скорѣе такіе, какими смотрятъ грустные и обиженныя дѣ-

ги. У границъ лагеря, на иху, лежали раненные, которыхъ удалось унести послѣ послѣдней битвы. Колдуны, такъ называемые «лабдарисы» и «сейтоны», бормотали надъ ними заклятія или осматривали ихъ раны, прикладывая къ нимъ цѣлительныя зелья, и раненные лежали молча, терпѣливо вынося боль и муку. Изъ лѣсныхъ глубинъ, со стороны полянъ и луговъ, доносилось посвистыванье конюховъ, да отъ времени до времени поднимался вѣтеръ, окутывающій дымомъ лагерь и наполняющій шумомъ темный боръ. Но ночь все больше и больше клонилась къ концу, костры начинали покрываться пепломъ и гаснуть, и кругомъ воцарялась еще большая тишина, еще болѣе усиливающая впечатлѣніе царщей во-кругъ грусти и угнетенія.

Збышко отдалъ приказъ людямъ, которыми онъ предводительствовалъ и съ которыми легко могъ разговаривать,—среди нихъ была горсть уроженцевъ Полоцка,—потомъ обратился къ своему оруженосцу и сказалъ:

— Ты довольно насмотрѣлся, теперь намъ пора возвращаться въ палатку.

— Насмотрѣться-то я насмотрѣлся,—сказалъ оруженосецъ,—но не особенно доволенъ тѣмъ, что видѣлъ: сейчасъ же видно, что это побитые люди.

— Два раза побитые: четыре дня тому назадъ у замка и третьяго дня у переправы. А теперь Сбирвоилло хочетъ идти туда въ третій разъ, чтобъ испытать третье пораженіе.

— Какъ же онъ не понимаетъ, что съ такимъ войскомъ противъ нѣмца ничего не подѣлаешь? Мнѣ это говорилъ рыцарь Мацько, а теперь я и самъ понимаю, что здѣшній народъ плохъ и къ битвѣ не годится.

— Въ этомъ ты ошибаешься. Здѣшніе люди храбры такъ, какъ мало кто на свѣтѣ. Одно только, они бьются въ безпорядкѣ, а нѣмцы въ рядахъ. Если рядъ удастся разорвать, то жмудинъ чаще одолѣетъ нѣмца, чѣмъ нѣмецъ жмудина. Но нѣмцы это знаютъ и смыкаются такъ, что стоятъ стѣна-стѣной.

— А объ осадѣ крѣпостей такъ вѣрно и думать нечего,—сказалъ чехъ.

— Потому что у насъ нѣтъ никакихъ орудій для этого,—сказалъ Збышко.—У князя Витольда все есть, и, прежде чѣмъ онъ не присоединится къ намъ, мы не захватимъ ни одной крѣпости, развѣ только случайно или при помощи измѣнны.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до палатки, передъ которой горѣлъ большой огонь, а на огнѣ коптились туши мяса.

Въ палаткѣ было холодно и сыро и оба рыцаря, а вмѣстѣ съ ними и Глава расположились передъ огнемъ на шкурахъ.

Они поужинали, попробовали заснуть, но это имъ не удалось. Мацько вертѣлся съ боку на бокъ, наконецъ, замѣтивъ, что Збышко сидитъ у костра, обхвативъ руками колѣна, спросилъ:

— Слушай, почему ты совѣтовалъ идти далеко, къ Рагнетѣ, а не поближе, къ Готтесвердеру? На что это тебѣ нужно?

— Какой-то голосъ въ моей душѣ говоритъ, что Данусьна въ Рагнетѣ и крѣпость не такъ тщательно охраняютъ, какъ Готтесвердеръ.

— Намъ не было времени потолковать другъ съ другомъ, потому что я былъ утомленъ, а ты отыскивалъ въ лѣсу своихъ людей послѣ пораженія. Ну, а теперь говори: намѣренъ ли ты вѣчно искать эту дѣвку?

— Она не дѣвка, она моя жена, — отвѣтилъ Збышко.

Наступило молчаніе. Мацько хорошо понялъ, что на это ничего не скажешь. Еслибъ Дануся была до сихъ поръ дѣвушкой, то старый рыцарь непременно сталъ бы уговаривать племянника оставить ее, но передъ святостью брака поиски являлись обязанностью, и Мацько потому задалъ такой вопросъ, что не былъ на свадьбѣ и всегда невольно считалъ Юрандовну дѣвушкой.

— Вотъ оно что! — сказалъ онъ черезъ минуту. — Какъ же вышло такъ, что я спрашивалъ тебя объ этомъ два дня тому назадъ, а ты сказалъ, что ничего не знаешь.

— Я и не знаю ничего, кромѣ того, что надо мною гнѣвъ Божій.

Глава приподнялся съ медвѣжьей шкуры, сѣлъ и началъ внимательно прислушиваться.

А Мацько сказалъ:

— Покуда сонъ не разберетъ тебя, говори что ты видѣлъ, что дѣлалъ и что преуспѣлъ въ Мальборгѣ?

Збышко откинулъ волосы, которые за послѣднее время отросли спереди такъ, что падали ему на брови, помолчалъ съ минуту и заговорилъ:

— Далъ бы Богъ, чтобъ я столько же могъ знать о моей Дануськѣ, сколько знаю о Мальборгѣ. Вы спрашиваете, что я видѣлъ? Я видѣлъ неизмѣримое орденское могущество, усиливаемое всѣми королями и всѣми народами, и не знаю, сможетъ ли кто-нибудь въ свѣтѣ мѣряться съ нимъ. Я видѣлъ замокъ, котораго, пожалуй, нѣтъ и у самого римскаго цезаря, видѣлъ неисчислимыя сокровища, видѣлъ оружіе, видѣлъ муравейникъ вооруженныхъ мо-

наховъ, рыцарей и кнехтовъ, реликвию, какъ у Святого Отца въ Римѣ, и говорю вамъ, что у меня даже душа застыла, когда я подумалъ: гдѣ же кому-нибудь покушаться на нихъ? Кто ихъ одолѣеть? Кто устоитъ противъ нихъ? Кого не сломить ихъ сила?

— Насъ! дьяволъ бы ихъ взялъ!—бранилъ Глава, который никакъ не могъ сдержаться.

Мацьку слова Збышка также показались странными, и хотя ему хотѣлось узнать всѣ приключенія молодого человѣка, онъ прервалъ его рѣчь и сказалъ:

— А ты забылъ о Вильнѣ? Мало разъ мы сталкивались съ ними щить о щить, голова объ голову? Ты забылъ, какъ бывало не ладно ихъ дѣло съ нами, какъ они жаловались на нашу свирѣпость: мало было того, чтобъ коня утомить или преломить копье, требовалось или снять чужую голову, или сложить свою! Были у нихъ и гости, которые вызывали насъ, и всѣ ушли съ стыдомъ! Чего это ты такъ размякъ?

— Я не размякъ, и я бился на турнирѣ въ Мальборгѣ, но вы не знаете всей ихъ силы.

Но старикъ разсердился.

— А ты всю польскую силу знаешь? Ты видѣлъ всѣ полки вмѣстѣ? Не видалъ. А ихъ сила стоитъ на несправедливости къ людямъ и на измѣнѣ, потому что тамъ и пади земли нѣтъ, которая была бы ихнею. Наши князья приняли ихъ, какъ принимаютъ въ домъ убогаго человѣка, и одарили ихъ, а они, когда оперились, то укусили руку, которая кормила ихъ, какъ подлая, бѣшеная собака. Землю захватили, города взяли измѣной,—и вотъ въ чемъ вся ихъ сила! Но хотя бы всѣ цари міра шли имъ на помощь, день суда и отмщенія наступитъ.

— Вы мнѣ приказали говорить о томъ, что я видѣлъ, а теперь гнѣваетесь. Я лучше замолчу,—сказалъ Збышко.

Мацько нѣсколько разъ сердито вздохнулъ, но вскорѣ, однако, успокоился и проговорилъ:

— Развѣ этого никогда не случается? Стоитъ въ лѣсу сосна, какъ какая-нибудь несокрушимая башня, и ты думаешь, что она вѣки-вѣчные простоятъ, а стукнешь въ нее хорошенько обухомъ, то въ ней и окажется пустота и гниль изъ нея посыплется. Таковато и орденская сила! Но я тебѣ приказалъ говорить, что ты тамъ дѣлалъ и въ чемъ преуспѣлъ. Ты говоришь, что бился на турнирѣ?

— Бился. Сначала меня приняли надменно и недружелюбно, потому что имъ было извѣстно, что я убилъ Ротгера. Можетъ быть, со мной и дурное что-нибудь приключилось бы, если бы у меня не было

письма князя, да еслибъ не господинъ де-Лоршъ, котораго они уважаютъ, и который охранялъ меня отъ ихъ злобы. Но потомъ наступили пиры и состязанія, на которыхъ, по милости Господа Исуса, мнѣ посчастливилось. Вѣдь вы слышали, меня полюбилъ братъ магистра, Ульрикъ, и выхлопоталъ для меня у магистра письменный приказъ, чтобы мнѣ выдали Данусьбу.

— Люди говорили намъ,—сказалъ Мацько,—что у Ульрика лопнула подруга, а ты видѣлъ это и не захотѣлъ ударить въ него.

— Я уже было поднималъ копье, но удержался, а онъ съ этихъ поръ полюбилъ меня. Эхъ, Господи милостивый! Мнѣ важное письмо дали, и я могъ бы съ нимъ ѣздить изъ замка въ замокъ и искать. Я ужъ думалъ было, что моей бѣдѣ и моимъ невздамъ пришелъ конецъ, а теперь сижу здѣсь въ дикой сторонѣ, безъ всякой помощи, въ тоскѣ и огорченіи, и каждый день мнѣ дѣлается все хуже и тоскливѣй...

Онъ замолчалъ на минуту, потомъ бросилъ въ костеръ пень съ такою силой, что съ обгорѣлыхъ головней посыпались искры, и сказалъ:

— Если эта бѣдняжка стонетъ гдѣ-нибудь въ замкѣ и думаетъ, что я забылъ ее, то пусть меня не минуетъ внезапная смерть!

И въ немъ скопилось столько нетерпѣнія и горя, что онъ въ изступленіи началъ бросать въ костеръ пеньки за пенькомъ, а Мацько и Глава, не предполагавшіе, чтобъ онъ могъ такъ любить Данусю, съ изумленіемъ смотрѣли на него.

— Воздержись! — крикнулъ Мацько. — Расскажи лучше, что было съ этимъ письмомъ? Неужели комтуры не хотѣли слушать приказаній магистра?

— Успокойтесь, господинъ,—сказалъ и чехъ.— Богъ васъ утѣшитъ и, можетъ быть, скоро.

Въ глазахъ Збышка свѣтились слезы, но онъ немного успокоился и сказалъ:

— Предо мной открывали замки и темницы. Я былъ вездѣ, все обыскалъ. Но тутъ вспыхнула война и въ Гердавахъ войтъ фонъ-Хейдекъ сказалъ мнѣ, что военный законъ,—это дѣло со всѣмъ другое и охранные листы, выданные во время мира, теперь ничего не значать. Я вызвалъ его, но онъ не принялъ моего вызова и приказалъ выгнать меня изъ замка.

— А въ другихъ?—спросилъ Мацько.

— Повсюду то же самое. Въ Крелевцѣ комтуръ,—онъ начальникъ гердавскаго войта,—не захотѣлъ даже читать письма магистра. Онъ говоритъ, что война войной и приказалъ мнѣ уносить

голову, покуда она цѣла. Пытался я и въ другихъ мѣстахъ, и вездѣ то же самое.

— Теперь я понимаю,—сказалъ старый рыцарь.—Видя, что подѣлать ничего нельзя, ты предпочелъ прійти сюда, гдѣ, по крайней мѣрѣ, можно хоть отомстить.

— Да,—отвѣтилъ Збышко.—Я думалъ также, что мы наберемъ побольше плѣнниковъ и, можетъ быть, возьмемъ нѣсколько замковъ, но наши не умѣютъ осаждать крѣпости.

— А вотъ придетъ князь Витольдъ, и тогда все будетъ иначе.

— Пошли его Богъ поскорѣе.

— Онъ придетъ. Я слышалъ на мазовецкомъ дворѣ, что онъ придетъ, а можетъ быть, и король со всею польскою силой.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ приходомъ Скирвоиллы, который неожиданно выдѣлился изъ тѣни и сказалъ:

— Идемъ въ походъ.

Услышавши это, рыцари живо вскочили на ноги, а Скирвоилло приблизилъ къ ихъ лицамъ свою огромную голову и проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Есть новыя вѣсти. Къ Новому Ковну идутъ подгрѣпленія. Двое рыцарей сопровождаютъ вкнехтовъ, скотину и разную снѣдь. Мы перегордимъ имъ путь.

— Значить, мы переправимся черезъ Нѣманъ? — спросилъ Мацько.

— Да. Я знаю бродъ.

— А въ замкѣ знаютъ о подгрѣпленіи?

— Знаютъ и выйдутъ къ нему навстрѣчу, но на тѣхъ ударите вы.

И онъ началъ объяснять, гдѣ они должны засѣсть, чтобы неожиданно ударить на тѣхъ, которые выйдутъ изъ замка. Ему было нужно, чтобы двѣ стычки происходили одновременно, нужно было отомстить за послѣднее пораженіе, а это могло удасться тѣмъ легче, что, послѣ недавней побѣды, непріятель чувствовалъ себя въ полнѣйшей безопасности. Скирвоилло назначилъ польскимъ рыцарямъ мѣсто и время, когда они должны оказаться тамъ, а остальное предоставилъ ихъ храбрости и предусмотрительности. Збышко и Мацько въ глубинѣ своихъ сердецъ возрадовались, потому что сразу поняли, что съ ними говорить опытный и ловкій вождь. Скирвоилло приказалъ имъ идти за собой и возвратился въ свою нуму, гдѣ его ждали князья и сотники-бояре. Тамъ онъ повторилъ свои распоряженія, издалъ новыя, набонецъ, поднесъ къ губамъ пицалку,

вырѣзанную изъ волчьей кости, и издалъ громкій и пронзительный свистъ, который огласилъ лагерь отъ одного конца до другого.

При этомъ свистѣ возлѣ угасающихъ костровъ все заклокотало. Тамъ и здѣсь вспыхнули искры, блеснули огоньки, которые росли и усиливались съ каждою минутой, а при ихъ свѣтѣ были видны дикія фигуры воиновъ, толпящихся около кучъ оружія. Боръ дрогнулъ и пробудился. Немного погодя изъ лѣсныхъ глубинъ начали доноситься крики конюховъ, подгоняющихъ табуны къ лагерю.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мужикъ въ русской беллетристикѣ.

(1847—1897 г.)

Собраніе сочиненій Каронина (Н. Е. Петропавловскаго). Москва, 1899 г.

I.

Бто читалъ знаменитое письмо Чаадаева, тотъ согласится со мною, что самымъ сильнымъ и правдивымъ мѣстомъ въ этомъ письмѣ представляется то, гдѣ Чаадаевъ замѣчаетъ, что у каждаго народа есть нѣчто осѣдлое, свое, родное, къ чему онъ привыкъ, чѣмъ онъ дорожить, мы же, слово какое-то кочевое племя, живемъ настоящей минутой и вѣчно какъ будто куда-то ѣдемъ и находимся въ дорогѣ, на станціи, на распутьи, готовые тотчасъ же покинуть то мѣсто, на которомъ въ настоящую минуту находимся. Прошедшее Россіи пусто, настоящее—невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ, и Россія—это пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ, данный народамъ, до чего отчужденіе и рабство могутъ довести.

Еслибъ я былъ исторіографомъ и собирался писать исторію Россіи со времени ея основанія и до сего дня, я обязательно во главѣ своего труда поставилъ бы эпиграфомъ это мѣсто изъ письма Чаадаева. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли другой народъ на всемъ свѣтѣ, кромѣ развѣ какихъ-нибудь бедуиновъ или киргизовъ, который до такой степени былъ бы равнодушенъ къ своему прошлому, чуждъ какихъ бы то ни было историческихъ традицій и не зналъ бы даже, что съ нимъ было вчера, какъ мы, русскіе? И это зависить не отъ одного невѣжества; не однѣ темныя массы безграмотнаго люда смотреть на немногія уцѣлѣвшія развалины старины съ полнымъ безмысліемъ и каждую минуту были бы готовы растаскать ихъ по камешкамъ, если бы не видѣли въ нихъ казенной собственности, оберегаемой полиціей. Обратите вниманіе на образованное общество, на передовые слои русской интеллигенціи: здѣсь насъ еще болѣе должно поразить мало того что равнодушіе къ прошлому, грубое незнаніе его, но и полное къ нему пренебреженіе, какъ къ такому, что вовсе не заслуживаетъ ни малѣйшаго интереса и изученія. Въ тому же, это пренебреженіе къ прошлому не ограничивается какими-либо отдаленными временами, вродѣ вѣ-

бовъ Гостомысла, удѣльно-вѣчевого періода или Московскаго царства допетровскихъ временъ. Мы относимся съ презрѣніемъ и плюемъ на все то, что съ нами было не далѣе, какъ вчера или третьяго дня, и въ этомъ смыслѣ буквально оправдываются слова Чаадаева, что мы живемъ на-стоящей минутой. Намъ постоянно кажутся, что исторія наша только что начинается съ сегодняшняго дня, со вступленіемъ на общественное поприще нашего поколѣнія, и что не далѣе, какъ лѣтъ пять-десять тому назадъ господствовали по всей Русской землѣ такіе мракъ и хаосъ, въ которыхъ нѣтъ возможности разобраться, да не стоить и заглядывать въ эту тьму кромѣшную.

Такъ послѣ реформъ Петра смотрѣли на всю до-петровскую Русь, ничего не вида въ ней, кромѣ азіатскаго косвенія, и предполагали, что русская исторія начинается съ основанія Петербурга и съ приобщенія Россіи къ семьѣ европейскихъ народовъ. Но не болѣе какъ лѣтъ сто съ хвостикомъ мы гордились тѣмъ, что у насъ имѣются свое войско и флотъ, не уступающіе любой европейской державѣ, что мы способны одерживать побѣды не надъ одними турками и татарами, но даже надъ самимъ Наполеономъ, и что наконецъ у насъ завелись своя наука, своя литература и мы имѣемъ своихъ Вольтеровъ, Расиновъ и Мольеровъ. И вдругъ, въ разгаръ упоенія этой славой, явился Чаадаевъ и, какъ мы видѣли, объявилъ насъ непомятыми родства бродягами. Одновременно съ Чаадаевымъ выступилъ на литературное поприще Бѣлинскій и однимъ почеркомъ пера похѣрилъ всѣхъ нашихъ и Вольтеровъ, и Расиновъ, и Мольеровъ, и самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ началъ доказывать, что были у насъ три-четыре талантливыхъ писателя, но никакой литературы, въ истинномъ смыслѣ, до сихъ поръ еще не бывало, и что вся она въ будущемъ. И вотъ мало-по-малу въ обществѣ укоренилось полное пренебреженіе ко всѣмъ нашимъ литераторамъ, подвизавшимся на литературномъ поприщѣ до Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Съ тѣхъ поръ образовалось у насъ словно какъ бы двѣ русскихъ литературы: одна официальная, до-пушкинская, которую преподавали въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по выдержаніи же экзамена спѣшили забыть ее и болѣе въ нее не заглядывать, и послѣ-пушкинская, которую именно и полагали, какъ начало нашей истинной литературы.

Но не прошло десяти лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго, какъ явилось новое побужденіе плюнуть на все прошлое и начать исторію съ сегодня. Появились на сцену «мыслящіе реалисты» шестидесятыхъ годовъ и устани Писарева и Зайцева начали отрицать не только Пушкина и Лермонтова, но и всѣхъ сантиментальныхъ идеалистовъ и метафизиковъ сороковыхъ годовъ; были повергнуты не только Тургеневъ, Гончаровъ, Щедринъ и пр., но и отъ самого Бѣлинскаго не осталось и праха. Пришлось начинать исторію сызнова, и при этомъ начали считать лишнею тратой времени не только изучать, но знакомиться и читать все, что было напечатано до половины пятидесятыхъ годовъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе, что люди, учившіеся въ гимназіяхъ и университетахъ въ пятидесятыхъ и шести-

десятихъ годахъ, относясь съ полнымъ пренебреженіемъ къ Ломоносовымъ, Державиннымъ, Дмитріевымъ, Крыловымъ, въ то же время все-таки считали священною обязанностью читать отъ доски до доски Бѣлинскаго, увлекались Тургеневымъ и Гончаровымъ и наизусть декламировали Лермонтова и Некрасова. Люди же, воспитывавшіеся въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, за Бѣлинскаго и не брались, зная кое-что изъ него изъ устъ гимназическихъ учителей, а съ беллетристами сороковыхъ годовъ знакомились въ бѣгломъ чтеніи въ среднихъ классахъ гимназій; впоследствии же забывали все, что было прочитано въ дѣтствѣ, и уже не возвращались къ оживленію въ своей памяти такихъ памятниковъ русской литературы, какъ *Рудинъ*, *Дворянское шнэдо* или *Обломовъ*. Однимъ словомъ, относились къ нимъ совершенно такъ же, какъ ихъ отцы къ *Фелицѣ* и *Водопаду* Державина или къ *Недорослю* Фонвизина.

II.

Нѣчто подобное мы видимъ и въ настоящее время. Появились различные новыя вѣянія и теченія, вродѣ декадентовъ, символиствъ, ницшеанцевъ, неомарксистовъ, и приверженцы всѣхъ этихъ теченій предлагаютъ наплевать на всю русскую литературу шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Всѣ дѣятели шестидесятыхъ годовъ, по мнѣнію новѣйшихъ мыслителей, подлежатъ полному пренебреженію и забвенію, какъ мечтательные утописты, неисправимые идеологи, теоретики и сантиментальные народники. Съ полнымъ aplombомъ отрицая все прошлое нашей литературы и жизни до девяностыхъ годовъ включительно, молодые бойцы смѣло заявляютъ, что настоящая русская исторія еще и не начиналась: она начнется лишь въ двадцатомъ столѣтіи, съ утвержденіемъ въ Россіи капиталистическаго строя, такъ какъ только съ тѣхъ поръ начнется истинное приобщеніе Россіи къ Западной Европѣ.

Еслибъ еще подобное огульное отрицаніе всего нашего литературнаго прошлаго вытекало изъ мало-мальски основательнаго изученія этого прошлаго, анализа его и подведенія ему итоговъ, но ничего подобнаго мы не видимъ. Напротивъ того, все это прошлое безъ различія сваливается въ одну кучу, какъ нѣчто безвозвратно отжившее, надо всѣмъ ставится крестъ и все это передается безусловному пренебрежительному игнорированію: очень нужно разбираться во всемъ этомъ старомъ хламѣ.

Полный разборъ всего цикла и всѣхъ пунктовъ пренебрежительнаго забвенія славнаго прошлаго нашей литературы не входитъ въ предметъ моей статьи. Я намѣренъ ограничиться однимъ лишь пунктомъ, именно—забвеніемъ того, какъ относилась наша беллетристика къ деревнѣ и къ мужику, начиная отъ Тургенева и кончая Н. Е. Петропавловскимъ (Баронинимъ) и Г. А. Чеховымъ. Забвеніе это особенно ярко выразилось въ той сенсаци, какую произвелъ разсказъ Г. Чехова *Мужики*, появившійся впервые въ апрѣльской книжкѣ *Русской Мысли* за 1897 годъ. Въ раз-

сказѣ этомъ, какъ читатели наши, конечно, помнятъ, изображена деревня Халуевка, Московской губерніи, въ конецъ разоренная, обнищавшая, причѣмъ авторъ особенно подчеркиваетъ полное отсутствіе въ деревенскомъ людѣ малѣйшаго слѣда какой бы то ни было культурности, сознательныхъ понятій о Богѣ, о правдивности, о чести. Передъ вами не то полудивари, не дошедшіе еще до самыхъ элементарныхъ понятій обо всемъ этомъ, не то племя выродившееся и мало-по-малу превращающееся въ звѣрей. Я не намѣренъ вдаваться во всѣ частности этого разсказа, вполне увѣренный, что онѣ еще свѣжи въ памяти нашихъ читателей; замѣчу только, что въ общемъ разсказъ произвелъ на всѣхъ гнетущее, безотрадное впечатлѣніе. И вотъ мы видимъ, что вся читающая публика раздѣлилась на два лагера. Одни, люди стараго поколѣнія, отнеслись къ разсказу г. Чехова отрицательно и враждебно, начали утверждать, что авторъ умышленно сгустилъ мрачныя краски, для того, чтобы изобразить русскую деревню въ самомъ безнадежно-ужасномъ видѣ, въ угоду новымъ вѣяніямъ, относящимся, какъ извѣстно, отрицательно ко всему современному деревенскому строю; указывали на то, что г. Чеховъ, словно нарочно, взялъ деревню московскаго района, въ которомъ деревенская жизнь, какъ извѣстно, находится въ упадкѣ, и къ тому же изобразилъ какую-то Халуевку, питающуюся не столько земледѣліемъ, сколько столь унижительнымъ отхожимъ промысломъ, какъ поставкою половыхъ въ московскіе трактиры. Развѣ можно судить по такой Халуевкѣ о русской деревнѣ вообще?

Люди же молодого поколѣнія, болѣе или менѣе склонные къ новымъ вѣяніямъ, восторженно восклицали: вотъ она, ваша хваленая, русская деревня, ваша прославленная община, сельскій міръ, братская солидарность и проч., и проч. Однимъ словомъ, въ разсказѣ г. Чехова видѣли наступленіе новой эры народной беллетристики. Оказывалось, что до этого разсказа всѣ прежніе беллетристы стояли на почвѣ идеализаціи русскаго мужика и сантиментальнаго поклоненія передъ нимъ.

Прежде всего сдается мнѣ, что какъ порицатели разсказа г. Чехова, такъ и восхвалители его въ одинаковой степени стоятъ на ложной почвѣ. Воображаютъ, что подъ Халуевкой нужно разумѣть русскую деревню вообще, а подъ выведенными въ разсказѣ дѣйствующими лицами все крестьянское населеніе Россійской имперіи. Страсть искать въ художественныхъ произведеніяхъ во что бы то ни стало обобщеній перешла къ намъ отъ старыхъ временъ и укоренилась вслѣдствіе того, что писатели сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, дѣйствительно, имѣли склонность къ широкимъ обобщеніямъ, къ такимъ образамъ, которые въ одной фигурѣ олицетворяли бы все сословіе или челоуѣка извѣстной эпохи. Вспомните, напримѣръ, Гончарова, который въ своемъ романѣ *Обрывѣ*, въ бабушкѣ Бережковой хотѣлъ олицетворить всю старую Русь. Новѣйшіе же беллетристы отличаются отъ старыхъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они, по большей части, имѣютъ дѣло съ конкретною дѣйствительностью, съ областью частныхъ, случайностей, причѣмъ они нисходятъ иногда даже до изображенія фактовъ и

явленій, выходящихъ изъ общаго уровня жизни своею единичностью и необычайностью. Я не намѣренъ вдаваться въ разборъ того, представляетъ ли эта особенность достоинство или недостатокъ беллетристовъ послѣдняго двадцатилѣтія. Очень возможно, что особенность эта лежитъ въ духѣ времени, завися отъ большей сложности современной жизни, сравнительно съ прошлой, оттого, что жизнь нашего общества, отрѣшившись отъ всѣхъ прежнихъ установившихся вѣками укладовъ и отстоевъ, не успѣла еще придти къ какому-нибудь новымъ укладамъ и отстоямъ. Какъ бы то ни было, но нельзя упускать изъ виду этой конкретности современной беллетристики, и критика, имѣющая дѣло съ нею, должна особенно избѣгать старыхъ путей и остерегаться на основаніи изображаемыхъ частныхъ дѣлать какія-либо обобщенія. Она можетъ лишь подводить эти частности подъ общее, объяснять ихъ общими условіями жизни, не теряя въ то же время изъ виду, что все-таки это лишь частности.

Эти соображенія мы должны не упускать изъ виду и при разсмотрѣніи разсказа г. Чехова. Случайно винула судьба талантливаго художника, въ высшей степени впечатлительнаго и къ тому же расположеннаго къ пессимистическому взгляду на жизнь, по какому-либо дѣламъ или для дачнаго отдыха, въ деревню Халуевку. Глубоко поразили его всё безобразія жизни обитателей этой деревни, и онъ изобразилъ ихъ безъ всякой предвзятой цѣли и мысли. Чѣмъ же виноватъ авторъ, если вамъ угодно въ халуевцахъ видѣть русскихъ мужиковъ вообще, предполагать, что и во всей Руси мужицкая жизнь, какъ двѣ капли, похожа на халуевскую. Это ужъ ваше дѣло, а не г. Чехова.

Но въ настоящемъ случаѣ меня занимаетъ не то, насколько правдиво изобразилъ г. Чеховъ своихъ халуевцевъ и олицетворяютъ ли они обитателей одной Халуевки, или русскаго мужика вообще, а вотъ какое обстоятельство: правда ли, что г. Чеховъ своимъ разсказомъ началъ новую эру изображенія народной жизни? Правда ли, что до г. Чехова беллетристы, изображавшіе народный бытъ, только и дѣлали, что идеализировали русскаго мужика, смотрѣли на него какъ на владѣзь самобытной русской народности и преклонялись передъ нимъ до призыва всей интеллигенціи распуститься въ міръ народномъ, и не показываетъ ли это огульное обвиненіе всей прежней беллетристики изъ народнаго быта полное ея незнаніе и пренебрежительное игнорированіе? Это побуждаетъ меня сдѣлать смотръ всей нашей беллетристики этого рода, отъ Тургенева до Каронина включительно, и мы увидимъ, что г. Чеховъ является талантливымъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ.

III.

Я не буду спорить о томъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ общественныхъ кружковъ, равно какъ и въ прессѣ не было вовсе идеализація русскаго мужика и прославленія деревенской жизни со всѣми ея вѣковыми

порядками. Вспомнимъ только славянофиловъ сороковыхъ годовъ, почвенниковъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ, вспомнимъ такія статьи Добролюбова, какъ *Черты для характеристики простонародья* и *Народное дѣло*, вспомнимъ, наконецъ, народниковъ *Недѣлы*, вродѣ г. П. Ч., Юзова; вспомнимъ массу публицистическихъ статей, вооруженныхъ статистическими цифрами, историческими бытовыми фактами и другими данными, имѣющихъ цѣлью доказать прирожденность общинныхъ и артельныхъ порядковъ русскому народу, ихъ преимущества и спасительность; вспомнимъ, наконецъ, массу молодежи семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, которая шла въ народъ, группами или въ одиночку, не для того, чтобы учить его и передавать ему знанія и идеи, накопленные въ образованныхъ сферахъ общества, а напротивъ того—учиться у него, смиренно растворяться въ массу и набираться нравственной и физической мощи въ такомъ же тяжкомъ трудѣ, на какой обреченъ народъ искони вѣковъ.

Все это факты такіе несомнѣнные, противъ которыхъ странно было бы спорить. Но я имѣю здѣсь дѣло не съ тѣми или другими теоретическими ученіями, публицистическими или критическими статьями, настроеніями различныхъ кружковъ или массовыми увлеченіями и движеніями, имѣвшими мѣсто въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, а специально съ русскою беллетристикой, начиная, какъ я выше сказалъ, Тургеневымъ и кончая Каронинымъ, со всѣми повѣстями, очерками, рассказами и романами изъ народнаго быта, появившимися въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. И вотъ, имѣя въ виду эту самую беллетристику, я и утверждаю, что, за весьма немногими исключеніями, она отличалась во все это время полнымъ отсутствіемъ малѣйшей идеализаціи народа и преклоненія передъ мужикомъ; и обвинять ее въ этомъ могутъ только люди, которые никогда ее не читали и совершенно съ нею не знакомы.

Прежде всего нужно взять въ соображеніе, что русскій человекъ, въ силу географическихъ и климатическихъ условій населенной имъ страны, какъ житель суроваго сѣвера, окруженный однообразною и скудною природою безбрежныхъ равнинъ, обладаетъ умомъ болѣе расположеннымъ къ трезвому анализу, чѣмъ къ мечтательности, экспансивности и необузданнымъ полетамъ богатаго воображенія южанъ. Конечно, въ силу этого, въ литературѣ нашей, даже въ эпоху господства такихъ литературныхъ школъ, какъ классицизмъ и романтизмъ, по существу своему, расположенныхъ ко всякаго рода идеализаціямъ, всѣ попытки идеализировать что-либо были болѣе или менѣе неудачны, страдали неестественностью и ходульностью. Мы постоянно видимъ рядомъ съ этими неудачными попытками почти не прерывающуюся струйку трезваго реализма, исполненнаго юмора то сатирически-остроумнаго въ комедіяхъ Фонвизина, то насмѣшливо-лукаваго въ басняхъ Крылова, то саркастически-негодующаго въ комедіи Грибоедова, то безпечно-веселаго и игриваго въ стихотворныхъ и прозаическихъ романахъ и повѣстяхъ Пушкина. Юморъ этотъ постоянно расхолаживалъ маломальски идеалистическіе порывы какъ классиковъ, такъ и романтиковъ и

низвергалъ ихъ изъ заоблачной выси на почву бѣдной русской дѣйствительности. Когда же, послѣ того рѣшительнаго переворота, какой произвелъ могучій гевій Гоголя, вся наша литература окончательно и безповоротно обратилась на путь реализма, какая бы то ни была идеализація жизни была безусловно вычеркнута изъ эстетическаго кодекса. Отъ искусства начали требовать, чтобъ оно изображало одну трезвую правду жизни, выводило дѣйствительность во всемъ ея безобразіи. Натуральная школа, воцарившаяся въ концѣ сороковыхъ годовъ, была именно школою изображеній отрицательныхъ явленій русской дѣйствительности. До какой степени въ теченіе пятидесятихъ годовъ школа эта успѣла глубоко вкорениться и въ беллетристику и въ критику, мы видимъ изъ того, что на малѣйшія попытки идеализировать русскую жизнь, какихъ бы то ни было слоевъ общества, смотрѣли скептически, съ ироніею на устахъ, и критика не медлила находить въ этихъ попыткахъ умышленную или неумышленную фальшь. Такъ отнеслась критика, напримѣръ, къ Штольцу, въ романѣ Гончарова *Обломовъ*, и къ Тушину въ его же *Обрывѣ*; не менѣе иронически были встрѣчены впоследствии попытки нѣкоторыхъ беллетристовъ шестидесятихъ годовъ идеализировать молодыхъ людей своего поколѣнія.

Мыслимо ли дѣло, чтобы на почвѣ такого увлеченія натурализмомъ могла ни съ того, ни съ сего вдругъ возникнуть идеализація мужика. Тѣмъ болѣе трудно было ожидать этого, что до конца пятидесятихъ годовъ литература наша была сосредоточена преимущественно въ нѣдрѣ дворянства, которое искони, можно сказать, съ молокомъ матери всосало высокоумѣнно-презрительный взглядъ на мужика, какъ на рабочій двуногій скотъ; и какъ бы ни высоко стоялъ по своему образованію русскій писатель того времени, хотя бы ему удавалось усвоить всѣ передовыя европейскія идеи, ему все-таки приходилось считаться съ застарѣлою привычкою, бороться съ нею, а она нѣтъ-нѣтъ да и прорывалась. Самое большее, чего можно было требовать отъ него, это—снисходительно-гуманнаго взгляда на мужика, и участія въ немъ на томъ основаніи, что онъ невѣжественъ, грубъ, исполненъ самыхъ дикихъ предрасудковъ, преданъ пьянству, а пороку и совѣмъ теряетъ образъ и подобіе человѣка. Я полагаю, что всякій согласится со мною, что именно такимъ образомъ смотрѣло на мужика большинство людей сороковыхъ годовъ, согласится и съ тѣмъ, что отъ такого взгляда на мужика до идеализаціи его очень далеко.

IV.

Но обратимся къ самимъ писателямъ сороковыхъ годовъ и пусть разборъ произведеній ихъ, посвященныхъ изображенію деревенской жизни, покажетъ намъ, какъ далеки они отъ идеализаціи мужика.

На первомъ планѣ стоитъ, конечно, Тургеневъ, съ его *Записками охотника*. Первый рассказъ въ «Запискахъ охотника», появившійся въ 1847 году въ *Современникѣ* и возбуждвшій сенсацію въ публикѣ, былъ *Хоръ*

и Калинычъ, и первое, что васъ поражаетъ въ этомъ разсказѣ, это крайняя его объективность, полное отсутствіе малѣйшей восторженности или слезливой сентиментальности. Просто-по-просту изображаются два типа мужиковъ, очень часто встрѣчающіеся въ деревенской жизни и не представляющіе ничего идеальнаго и заслуживающаго поклоненія. Хорь является однимъ изъ тѣхъ смышленныхъ практиковъ, которые наживаются и при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ нихъ выходятъ булаки. Калинычъ же, напротивъ того, представлялъ собою одного изъ тѣхъ неумѣлыхъ неудачниковъ, у которыхъ хозяйство плыветъ между пальцами и они идутъ къ неминуемому разоренію.

Такъ мы видимъ, что Хорь первымъ дѣломъ отдѣлился отъ міра и попросилъ у своего барина позволенія поселиться въ лѣсу на болотѣ, обѣщавъ ему платить оброкъ, какой баринъ назначитъ. И вотъ мало-по-малу онъ разбогатѣлъ, такъ что ему ничего не стоило выплачивать по сто рублей въ годъ оброка. Калинычъ же, напротивъ того, бѣднѣлъ годъ отъ году. Но, чтобы судить о всей противоположности обоихъ пріятелей, обратимся къ самому Тургеневу, который такимъ образомъ опредѣляетъ существовавшую между ними разницу:

«Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, рационалистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, т.-е. обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ барининомъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебывался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, поворное и однодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г. Полутыкина (своего барина); Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря; Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, напримѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей, пчелы ему дались, рука у него была легкая».

Между прочимъ, въ этомъ самомъ разсказѣ изображены такія черты деревенской жизни, которыя рисуютъ ее далеко не въ идеальномъ свѣтѣ. Такова покупка мужиками косъ, а бабами—серповъ у особеннаго рода продавцовъ, которые передъ покосомъ наѣзжаютъ въ деревни и продаютъ косы за наличныя деньги по 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп. ассигнаціями, а въ долгъ—отъ трехъ рублей до трехъ съ полтиной. Все мужики берутъ у него въ долгъ, а черезъ двѣ-три недѣли онъ является снова и требуетъ денегъ; у мужика овесъ только-что скошенъ, стало-быть заплатить есть чѣмъ. Онъ идетъ съ кушомъ въ кабакъ и тамъ расплачивается. Иные помѣщики вздумали было сами покупать косы на наличныя деньги и раздавать въ долгъ мужикамъ по той же цѣнѣ, но мужики отказались

недовольными и даже впали въ уныніе, — ихъ лишали удовольствія щелкать по кося, прислушиваться, перевертывать ее въ рукахъ и разъ двадцать спросить у плутоватаго мѣшанна-продавца: «а что, малый, коса-то небольшо того?» При покупкѣ же серповъ вѣшиваются въ дѣло бабы и доводятъ иногда самого продавца до необходимости для ихъ же пользы поколотить ихъ.

Далѣе описывается, какъ бабы, тайкомъ отъ мужей, сбываютъ разное тряпье особеннаго рода скупщикамъ, *орламъ*, гдѣ-нибудь въ кустахъ около деревни.

«Бабы чутьемъ угадываютъ приближеніе *орла* и крадутся къ нему на встрѣчу. Въ торопяхъ совершается торговая сдѣлка. За нѣсколько мѣдныхъ грошей баба отдаетъ «орлу» не только всякую ненужную тряпицу, часто даже мужнину рубаху и собственную поневу. Въ послѣднее время бабы нашли выгоднымъ красть у самихъ себя и сбывать такимъ образомъ пеньку, въ особенности «заминки», — важное распространеніе и усовершенствованіе промышленности «орловъ»! Но зато мужики, въ свою очередь, наострились, и при малѣйшемъ подозрѣніи, при одномъ отдаленномъ слухѣ о появленіи «орла», быстро и живо приступаютъ къ исправительнымъ и предохранительнымъ мѣрамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли? Пеньку продавать ихъ дѣло, и они ее точно продаютъ, но не въ городѣ, — въ городѣ надо самимъ тащиться, — а прїѣзжимъ торгашамъ, которые, за немѣнѣишъ безмѣна, считаютъ пудъ въ сорокъ горстей, а вы знаете, чтѣ за горсть и чтѣ за ладонь у русскаго человѣка, особенно, когда онъ «усердствуетъ».

Далѣе, въ разсказѣ *Ермолай и мальчишка*, въ лицѣ Ермолая изображается мужикъ, сбившійся со всякаго пути и въ которомъ менѣе всего можно заподозрить что-либо идеальное. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка ни на какую работу не годнаго — ледашаго. Ему приказано было доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и буропатѣкъ, а, впрочемъ, ему позволялось жить гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ.

«Ермолай, — читаемъ мы, — былъ человѣкъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсыянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ, — и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ версты пятьдесятъ въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнороднымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребкахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ, сильно и долго, — и все-таки, черезъ нѣсколько времени, возвращался домой, одѣтый, съ ружьемъ и съ собакой. Нельзя было назвать его чловѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чудакомъ».

Замѣчательно, что подобный бродяга былъ семейный человѣкъ, и вотъ въ какомъ неприглядномъ видѣ рисуетъ Тургеневъ его семейную жизнь: «Была, — читаемъ мы, — у него и жена. Онъ ходилъ къ ней разъ въ недѣ-

лю. Жила она въ дрянной, полуразвалившейся избенкѣ, перебивалась кое-какъ и кое-чѣмъ, никогда не знала наканунѣ, будетъ ли сыта завтра, и вообще терпѣла участь горькую. Ермолай, этотъ беззаботный и добродушный человекъ, обходился съ ней жестоко и грубо, принималъ у себя дома грозный и суровый видъ,—и бѣдная жена не знала, чѣмъ угодить ему, трепетала отъ его взгляда, на послѣднюю копѣйку покупала ему вина и подобострастно покрывала его своимъ тулупомъ, когда онъ, величественно развалился на печи, засыпалъ богатырскими сномъ. Мнѣ самому не разъ случалось подмѣчать въ немъ невольныя проявленія какой-то угрюмой свирѣпости: мнѣ не нравилось выраженіе его лица, когда онъ прикусывалъ подстрѣленную птицу».

И далѣе затѣмъ мы видимъ у Тургенева цѣлый рядъ такихъ же монстровъ, какъ и Ермолай. Это не только не идеальные пахари, но нельзя назвать ихъ и заурядными мужиками. Таковъ, напримѣръ, Степушка въ рассказѣ *Малиновая вода*, о которомъ самъ Тургеневъ говоритъ, что его нельзя было считать «ни за человека вообще, ни за двороваго въ особенности». Таковъ Басьянъ изъ Красивой-Мечи, пятидесятилѣтній карликъ, выглядѣвшій какимъ-то гномомъ, который самъ о себѣ говорилъ: «Неразумень я больно, съ малолѣтства; работаю, пока мочно, работники-то я плохой... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ и руки глупы. Ну, весной соловьевъ ловлю». Таковъ Оболдуй въ рассказѣ *Плеть*, загулявшій, холостой, дворовый человекъ, отъ котораго собственные господа давнымъ-давно отступились и который, не имѣя никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находилъ однако средства каждый день покутить на чужой счетъ». Таковъ Бирюкъ въ рассказѣ, известномъ подъ этимъ заглавіемъ,—суровый, мрачный и нелюдиный лѣсникъ, покинутый женою и оставшійся одинокомъ съ дочкою на рукахъ. Ужъ если можно назвать его идеальнымъ, то развѣ только съ помѣщичьей точки зрѣнія, такъ какъ онъ былъ столь усердный лѣсникъ, что ни одинъ порубщикъ не въ состояніи былъ ускользнуть отъ его зоркаго надзора, и до такой степени ожесточилъ этимъ крестьянъ, что они въ глаза ему грозились: «А до тебя, погоди, доберемся! Постой, не долго тебѣ чваниться! Затянуть тебѣ глотку, постой!» Таковъ, наконецъ, Герасимъ въ рассказѣ *Муму*.

Вотъ почти и всѣ деревенскіе люди, крестьяне, въ произведеніяхъ Тургенева. Все это лица конкретныя, поразившія художника не какими-либо идеальными качествами, а своими особенностями, по большей части яркаго характера. Однимъ словомъ, все это раритеты, по которымъ нѣтъ никакой возможности судить о мужикахъ вообще.

У.

Почти одновременно съ Тургеневымъ, нѣсколько даже раньше (именно въ 1846 г.) выступилъ въ томъ же *Современникѣ* Д. В. Григоровичъ со своими повѣстями изъ деревенской жизни. О Григоровичѣ со-

ставилось такое предубѣжденіе, будто изображенные въ его произведенияхъ крестьяне болѣе похожи на французскихъ пейзанъ, выхваченныхъ изъ романовъ Жоржъ-Занда, чѣмъ на русскихъ мужиковъ. Но такое мнѣніе появилось, очевидно, подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ позднѣйшихъ романовъ Д. В. Григоровича *Переселенцевъ* и *Рыбаковъ*. Совсѣмъ иное мы видимъ въ первыхъ его разсказахъ изъ народнаго быта: здѣсь напротивъ того онъ еще въ большей степени, чѣмъ Тургеневъ является натуралистомъ, стоящимъ на безусловно отрицательной почвѣ.

Такъ, возьмемъ первый же разсказъ его въ этомъ родѣ—*Деревня*. Начинается онъ тѣмъ, что въ богатомъ селеніи, весьма значительномъ по количеству земли и числу душъ, въ грязной, смрадной избѣ, на скотномъ дворѣ у скотницы родилась дочь. Родильница не въ состояніи была вынести мученій и умерла, можетъ быть, отъ того, что была больная и хилая, а можетъ-быть и отъ недостатка бабки,—*что очень часто случается въ деревняхъ*,—замѣчаетъ при этомъ авторъ.

Не успѣла еще остыть покойница, какъ тотчасъ же начали окружавшія ее бабы крупную перебранку изъ-за дѣлежка между собою обошренныхъ дыравыхъ пожитковъ ея. Ребенокъ не замедлил бы отправиться вслѣдъ за своею матерью, если бы кто-то не всунулъ ему случайно попавшійся подѣ руку рожокъ. Едва угомонились бабы послѣ дѣлежка пожитковъ покойной, какъ снова переругались между собою изъ-за вопроса, кому долженъ остаться только что родившійся ребенокъ. Но сколько ни спорили бабы, ничего не могли рѣшить и положили, наконецъ, предоставить рѣшеніе жребію,—*способу*, по словамъ автора, *примашающему въ деревняхъ всякаго рода недоразумѣнія*.

«Жребій,—иронизируетъ далѣе авторъ,—въ благодарность за такое довѣріе, не замедлил по обыкновенію показать собою примѣръ безукоризненнаго безпристрастія и справедливости: сиротка пришлась на долю скотницы, которая, не въ примѣръ другимъ бабамъ, была надѣлена полдюжиною собственныхъ своихъ чадъ».

Скотница Домна, въ отвѣтъ на такое опредѣленіе судьбы, провозгласила, что жутко будетъ проклятому пострѣлу, невѣсть какъ несправедливо навязавшемуся ей на шею. Ну и дѣйствительно жутко было жить на свѣтѣ сироткѣ Акулѣ. Домна немилосердно тузила ее съ утра до вечера; не только за какія-либо провинности, а такъ, для будущности пригодится,—какъ выражалась она. И при этомъ авторъ опять-таки иронизируетъ: «Страсть къ битью, *подзатыльникамъ*, *нижкамъ*, *нахлобучникамъ*, *затрещинамъ* и вообще всякимъ такимъ способамъ проливанія крови, не послѣдняя страсть въ простомъ человѣкѣ. Ужъ врожденная ли она или развивалась черезъ круговую поруку,—Богъ ее вѣдаетъ; вѣрнѣе, что черезъ круговую поруку».

Далѣе затѣмъ Д. В. Григоровичъ замѣчаетъ, что, видѣ прискорбныхъ отношеній съ жителями избы, сиротка проводила дѣтство свое, *какъ и вся остальная дѣти села, въ совершенномъ забеснѣи*. При этомъ авторъ двѣ

страницы употребляет на изображеніе того, въ какомъ забросѣ воспитываются въ деревняхъ дѣти, причѣмъ родители предоставляютъ свое дѣтище на волю судьбы «нисколько не думая даже о физическомъ развитіи ребенка, которое считается у нихъ главнымъ и въ то же время единственнымъ, ибо ни о какомъ другомъ и мысли не заходитъ имъ въ голову». «Помянуто слышишь, что тамъ-то ребенокъ утонулъ въ ушатѣ, что тутъ-то забодала его быкъ или проѣхала черезъ него отцовская телѣга, что сынъ десятого отморозилъ себѣ ногу, а трехлѣтняя внучка старосты разрѣзала серпомъ щеку двухлѣтней сестрѣ своей» и т. п.

«Конечно,—замѣчаетъ далѣе авторъ,—если ребенокъ уцѣлѣетъ, то къ зрѣлому возрасту онъ превращается въ дюжого, плечистаго парня или свѣжую, красную дѣвку съ желѣзнымъ здоровьемъ. Но сколько ихъ и гибнетъ! Сколько остается на всю жизнь уродами! Чудо найти деревню, гдѣ бы не было жертвы безпечности родителей: калѣки, слѣпые, глухіе и всякіе увѣчные и юродивые, служащіе обыкновенно предметомъ грубыхъ пасмѣшекъ и даже общаго презрѣнія—въ деревняхъ сплошь и рядомъ!»

Согласитесь сами, что подобныя замѣчанія цѣлкомъ можно было бы вставить въ тотъ же рассказъ г. Чехова и они не составили бы ни малѣйшей дисгармоніи съ общимъ содержаніемъ рассказа.

Пока Агуля была ребенкомъ, ее заставляли пасти гусей и утокъ, а когда она подросла, она попала подъ еще болѣе тяжкую ферулу мужа Домны, Карпа, который работалъ нѣсколько лѣтъ сряду на миткалевой фабрикѣ, а затѣмъ переселился со своимъ станомъ къ женѣ на скотный дворъ, и Домна назначила ему Агулину въ помощницы. Карпъ былъ мужикъ крутой и несговорчивый и къ тому же горькій пьяница. Онъ и трезвый-то никому добромъ не промолвить,—лается, словно собака,—а какъ почнетъ пить, такъ лучше бѣги изъ дому вонъ. Съ первыхъ же дней житія отъ него дома не стало; заходилъ ли кто изъ сосѣдей или сосѣдокъ въ избу—подымались брань, ссоры, нерѣдко кончавшіяся даже дракой, такъ что вскорѣ никто не сталъ и заглядывать къ скотницѣ. Сама она, подверженная непрерывнымъ буйнымъ выходкамъ мужа, сдѣлалась какъ-то сварливѣе и заносчивѣе, и съ большимъ еще остервенѣніемъ взвѣлась на все окружающее. Такимъ образомъ битье, которому подвергалась Агулина, удвоилось: ее били теперь двумя руками—женской и мужской.

Нужно ли пересказывать дальнѣйшую судьбу Агулины, столь же громадную и ужасную. Насильно выдали ее замужъ, по барскому приказу, въ большую семью, въ которой она явилась совсѣмъ нежеланною молодухой, и попала изъ огня да въ полымя. Въ первый же день послѣ свадьбы мужъ ея Григорій, по наущенію родныхъ, долго возилъ ее взадъ и впередъ, захвативъ за косу, по избѣ, и затѣмъ вся жизнь ея потянулась въ тяжкомъ подневольномъ трудѣ, сопровождаемомъ безпрестанными потасовками. Черезъ четыре года нельзя было и узнать въ ней прежнюю красивую дебелую дѣвку. Она казалась состарѣвшеюся цѣлыми десятью годами. Оставалась только сухая отцвѣтшая кожа да страшно выглядывав-

шія сухія кости. Блѣдное лицо, изнуренное тяжкою жизнью, безъ времени покрылось морщинами; скулы сильно выступили подъ мутными, впалыми глазами и вообще по всей фізіономіи проскальзывала какая-то ноющая, неотразимая грусть, видѣлось что-то столь печальное и унылое, что нельзя было почти отыскать въ ней и тѣни былого. Поступь у нея стала медленная; идучи, она быстро останавливалась, прикладывала тощую свою руку къ груди и вслѣдъ затѣмъ слышался тяжелый, жестокій, долго непрерывавшійся кашель. Она видимо чахла. И таково было грубое безсердечіе ея родни, что почти умирающую, послѣ двухмѣсячной болѣзни, ее послали на барскій дворъ досушивать чечевичу, и только жена управляющаго приняла въ ней участіе, сжалилась надъ нею и отпустила ее домой.

Разсказъ кончается ужасною картиною похоронъ безвременно погибшей страдалицы, на которыхъ никто не провожалъ ее, кромѣ пьянаго мужа, который понукалъ кляченку, примостившись къ краю гроба, да сзади бѣжала, утопая въ сугробахъ снѣга, среди завыванья вьюги, дочурка Дунька, коченѣя отъ холода.

Такое же поразительное знаніе деревенскаго быта и трезво-реальное отношеніе къ нему мы встрѣчаемъ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ разсказовъ изъ народнаго быта Д. В. Григоровича. Таковъ, на примѣръ, разсказъ *Антонъ-Горемыка*, героемъ котораго является забытый, загнанный управляющій имѣніемъ мужиченко, принужденный продать послѣднюю лошадь для уплаты оброка, да и это ему не удается, такъ какъ въ городѣ на ярмаркѣ онъ попадаетъ въ шайку конокрадовъ, которые, пользуясь его простотой, уводятъ его кобылку, а затѣмъ, по возвращеніи домой, въ отчаяніи, онъ попадаетъ въ другую шайку, уже не конокрадовъ, а какъ есть грабителей на большой дорогѣ. Его арестуютъ вмѣстѣ съ ними и сылаютъ въ Сибирь, здорово живешь.

Въ разсказѣ *Кобылка* васъ поражаетъ полное безучастіе не только со стороны старухи помѣщицы, напуганной приживальщицею, но и крестьянъ къ умирающему бездомному старику, едва прибрѣдшему издалека, думая полѣниться у барыни. Никто не сжалился надъ нимъ, а всѣ старались отдѣлаться отъ него, изъ опасенія, что онъ умретъ и придется за него отвѣчать передъ властями. Отвели его за межу на землю сосѣдняго владѣнія и бросили тамъ, какъ издыхавшую собаку. Между тѣмъ какъ мужики продолжали пировать, справляя свой сельскій праздникъ, старикъ застывалъ, обливаемый дождемъ въ стужу осенняго ненастья. И когда на другой день нашли трупъ мужика на чужой землѣ, и господа, и крестьяне выражали общую радость, что Господь Богъ отвелъ ихъ отъ бѣды.

Въ разсказѣ *Четыре времени юда* деревенскую дѣвку продаютъ словно какую-нибудь кобылку или корову, такъ какъ отецъ ея, зажиточный крестьянинъ, да къ тому же и сельскій староста, положилъ, что выдать ее замужъ не иначе, какъ взявши за нее восемьдесятъ рублей выкупа. И дѣйствительно, крестьянинъ Демьянъ, желая женить на дочери старосты своего сына Петра, не могъ засылать и сватовъ къ старостѣ, прежде чѣмъ не

продать свою корову, затѣмъ, чтобы взаимнѣ оя на вырученныя деньги купить сыну жову.

Таковы факты, которые на каждомъ шагѣ встрѣчаются какъ въ мелкихъ разсказахъ изъ народнаго быта Д. В. Григоровича, такъ и въ крупныхъ его романахъ—*Рыбакаль* и *Переселенцаль*,—факты, совершенно въ такой же степени свидѣтельствующіе о необезпеченности, о малокультурности жизни народа, окутаннаго тьмою невѣжества и вѣковыхъ предрасудковъ, какъ и тѣ, которые вы встрѣчаете въ разсказѣ г. А. Чехова.

Что же касается пресловутаго предубѣжденія, будто бы въ произведеніяхъ Д. В. Григоровича, вмѣсто русскихъ мужиковъ пародируютъ французскіе жоржзандовскіе пейзаны, то мнѣ остается лишь повторить то, что я уже имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ: предубѣжденіе это, по моему мнѣнію, произошло не изъ-за чего иного, какъ изъ-за того, что въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ—*Рыбакаль* и *Переселенцаль*—г. Д. В. Григоровичъ не ограничился уже простою передачей фактовъ изъ народной жизни, а старался придавать своимъ повѣствованіямъ характеръ обширныхъ романовъ, со всѣми атрибутами этого рода беллетристики, — сложными интригами и изображеніями взаимной любви героевъ и героинь, борющихся съ разными препятствіями. Это привело Д. В. Григоровича къ изображенію сентиментальныхъ парней и дѣвокъ, которые своими объясненіями въ любви, сценами ревности, отчаянія и разныхъ любовныхъ тревогъ, дѣйствительно, напоминаютъ болѣе жоржзандовскихъ пейзанъ, чѣмъ русскихъ деревенскихъ парней и дѣвокъ. Но и здѣсь мы можемъ найти скорѣе неестественность, фальшь, но никакой идеализаціи, въ истинномъ смыслѣ этого слова, мы не видимъ.

VI.

То же самое реально-трезвое, чуждое малѣйшей сентиментальной идеализаціи, мы видимъ и у прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Прочтите хотя бы *Поликушку* Льва Толстого или его же *Власть тьмы*. Лишь подъ влияніемъ овладѣвшихъ имъ моральныхъ ученій, Левъ Толстой началъ выводить просіянныхъ мужиковъ, являющихся глашатаями божественной правды, вроде Каратаева; но и Каратаевъ, если снять его съ того пьедестала, на который ставить его авторъ, и перестать смотрѣть на него какъ на провозвѣстника неизреченныхъ глаголовъ, самъ по себѣ является ничѣмъ болѣе, какъ однимъ изъ тѣхъ юродивыхъ, которые встрѣчаются очень часто въ народной жизни и ничего сентиментально-идеальнаго въ себѣ не заключаютъ.

Нужно ли говорить о томъ, какъ было бы смѣшно искать хоть тѣни идеализаціи народнаго быта у Писемскаго, у этого писателя, предвосхитившаго своимъ грубымъ протоколизмомъ французскихъ натуралистовъ позднѣйшаго времени, въ каждомъ явленіи жизни подразумѣвавшаго какую-нибудь циническую подкладку? Такъ, въ разсказѣ *Путершицк* изображается

деревни, изъ которой всё мужики уѣзжаютъ въ Петербургъ на отхожіи промыслы, а дома остаются однѣ бабы, которыя и пашутъ и даже управляютъ административныя сельскія должности десятскихъ и сотскихъ. И въ то время, какъ мужики въ Питерѣ обзаваются любовницами, бабы, въ свою очередь, не дремлютъ и вступаютъ въ связь съ батраками, пастухами, а то и съ кѣмъ-нибудь повыше чиномъ. Свадьбы въ подобной деревнѣ являются торговыми сдѣлками, заключаемыми старшими, не спрашиваясь о согласіи младшихъ.

«За глаза меня, сударь, сговорили,—разсказываетъ герой,—да помогли на дѣвушкѣ изъ Макарьевского имѣнія; я и не разсмотрѣлъ хорошенько; наканунѣ только свадьбы я и рожу-то увидалъ невѣсты. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобы многого не разсмотрѣлъ. Опомнился отъ ихъ угощенья, какъ домой пріѣхалъ, и только всплеснулъ руками. Затанулъ я, сударь, все на сердцѣ и черезъ недѣлю же послѣ свадьбы махнулъ въ Питеръ».

Тамъ онъ не замедлилъ обзавестись любовницей. И любовница эта со своей теткою, женщиной офицерскаго званія, обобрали его кругомъ, такъ что мужикъ, имѣвшій нѣсколько тысячъ капитала, дошелъ до того, что, по его словамъ, «какъ появится въ карманѣ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсѣмъ не ѣвши былъ, одежда—словно рубище, сапоги—только одно званіе. Стыдно признаться, а грѣхъ потантъ: бывали такіе случаи, что Христа-ради просилъ».

Въ разсказѣ *Длиной* дѣвушка Мароуша, изнасилованная въ пьяномъ видѣ управляющимъ Егоромъ Парменовымъ и забеременѣвшая отъ него, сваливаетъ все на лѣшаго, который будто бы ее къ себѣ таскалъ, и всё въ деревнѣ поголовно вѣрятъ этому разсказу.

Въ разсказѣ *Плотничья артель* изображается злая мачиха, заѣдающая жизнь своего молодого пасынка изъ мести, зачѣмъ онъ не захотѣлъ слюбиться съ нею, а предпочелъ ей дѣвушку Катюшу, на которой и женился. Но хотя онъ и отвергъ любовь своей мачихи, тѣмъ не менѣе послѣдняя своей хитростью такъ вліяла на него своими наговорами на Катюшу, что онъ не только бранилъ свою жену, но и колачивалъ при всей своей любви къ ней. Однажды крѣпко побивши ее совершенно понапрасну, Петръ раскался и, чтобы загладить вину, купилъ жецѣ ситцу на сарафанъ. Но родные Петра нажаловались на него отцу, и тотъ, отнявъ подарки у Катюши, отдалъ ихъ своимъ дочерямъ и женѣ. Нужно ли говорить о томъ, что молодую женщину держали постоянно впроголодь, обременяя въ то же время непосильною работой, заставляя, напримѣръ, во время беременности таскать бревна на телѣгу, а когда Петръ замѣтилъ отцу о подобномъ безчеловѣчьи, старикъ свелъ сына къ бурмистру и тотъ его поколотилъ. Отдѣленный, наконецъ, отъ отца, по ходатайству барыни, Петръ поступилъ въ плотничью артель, хозяинъ которой, Пузинъ, является одною изъ тѣхъ отвратительныхъ личностей, не имѣвшихъ въ душѣ ни Бога, ни совѣсти, изъ которыхъ впослѣдствіи выработались деревенскіе кулаки. Работниковъ въ

своей артели онъ держалъ въ полной кабалѣ. Онъ искусно пользовался, когда кому-либо изъ крестьянъ нужны были деньги: давалъ нѣсколько цѣлковыхъ займа, а затѣмъ бралъ должника себѣ въ артель зарабатывать себѣ долгъ годами. Въ такую же кабалу попалъ и Петръ. Кончилось дѣло тѣмъ, что въ Успеневъ день, на сельскомъ праздникѣ, Петръ, вступившись за парня Митюшу, избиваемаго Пузынымъ, и обороняясь отъ послѣдняго, убилъ его нечаянно и за это угодилъ, конечно, въ Сибирь. Такovy нравы деревенской жизни, изображаемыя въ разсказахъ Писемскаго. Читатели сами могутъ судить, насколько въ нихъ идеализація.

Благодушнѣе всѣхъ писателей сороковыхъ годовъ относился къ народу, конечно, Некрасовъ. Некрасова долгое время считали почему-то исключительно сатирикомъ, т.-е. изобразителемъ отрицательныхъ сторонъ жизни, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ своихъ стихотвореній, онъ является лирикомъ, исполненнымъ чисто-шмиллеровскаго идеализма. Естественно вполнѣ, что и въ народной средѣ онъ искалъ идеальныхъ типовъ и поэтическихъ красокъ. Но не слѣдуетъ смѣшивать двѣ разныя вещи: изображать идеальное и идеализировать дѣйствительность. Въ первомъ случаѣ художникъ, силою своей фантазіи, создаетъ то, чего въ дѣйствительности не существуетъ или встрѣчается очень рѣдко, но что желательно, чтобы существовало; во второмъ же случаѣ возводится въ идеалъ дѣйствительность, не заключающая въ себѣ ничего идеальнаго.

Примѣняя это положеніе къ Некрасову, мы должны отдать справедливость поэту, что сколько бы ни изображалъ онъ идеальныхъ типовъ изъ народной жизни и какъ бы ни были эти типы привлекательны, никогда онъ не смѣшивалъ идеальнаго съ дѣйствительнымъ. Въ области идеальнаго, желательнаго Некрасовъ изображалъ Дарью въ *Морозъ красномъ носѣ*, губернаторшу—въ *Кому на Руси жить хорошо*. Въ мірѣ же дѣйствительномъ этимъ самымъ Дарьямъ и губернаторшамъ поэтъ предвѣщаетъ печальную долю, говоря въ стихотвореніи *Тройка*:

„За нераху пойдешь мужика,
Завязавши похъ мышли передникъ,
Перетянешь уродново грудь,
Будеть бить тебя мужъ-привередникъ,
И свекровь въ три погубели гнуть.
Отъ работы и черной, и трудной
Отдвѣтешь, не успѣвши расцвѣсть,
Погрувшись ты въ сонъ непробудный,
Будешь нянчить, работать и ѣсть.
И въ лицѣ твоємъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни—появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И бессмысленный вѣчный испугъ“.

Въ мірѣ идеальномъ — Провлы, Коробейники, Мазан и прочіе; въ дѣйствительномъ же:

„Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Охъ, сердечный!
Что же значить твой стонъ безконечный?“

Ты проснешься-ль, исполненный слезъ,
 Иль, судьбѣ повинуясь закону,
 Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
 Сздашь пѣсни, подобную стону,
 И духовно навѣки почишь?...“

Или еще того лучше:

„Я простился съ столицами,
 Мирно живу средь полей,
 Но и крестьяне съ унылыми лицами
 Не услаждаютъ очей;
 Ихъ нищета, ихъ терпѣнье безмѣрное
 Только досаду родить...
 Что же ты любишь, дитя маловѣрное,
 Гдѣ же твой идолъ стоять?“

Остаются только, въ видѣ исключенія, повѣсти изъ народнаго быта Марка Вовчка. На нихъ постоянно болѣе всего указывали, когда говорили объ идеализации народной жизни писателями сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Дѣйствительно, паробки и дивчаты, въ разсказахъ Марка Вовчка, имѣютъ сентиментально-буколическій характеръ. Но нужно взять во вниманіе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ русскою литературою въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Не надо забывать, что разсказы Марка Вовчка переведены съ малороссійскаго языка. Мы имѣемъ въ нихъ дѣло съ малороссійскою природою и съ малороссійскимъ народомъ, во многомъ отличающимся по своей культурѣ отъ великоруссовъ. Такъ, сентиментальность является одной изъ существенныхъ качествъ малороссійской народности. Вы встрѣчаете ее и въ разныхъ чертахъ народной жизни, и въ народныхъ пѣсняхъ съ ихъ грустными напѣвами. Вполнѣ естественно, что ею же проникнуты и всѣ представители малороссійской литературы до Гоголя включительно. Вспомните, что паробки и дивчаты въ его *Вечерахъ* несколько не менѣе сентиментальны, чѣмъ герои разсказовъ Марка Вовчка.

VII.

Въ то время, какъ писатели первостепенные, Тургеневъ, Л. Толстой, Некрасовъ, Григоровичъ, Писемскій при всемъ отрицательномъ отношеніи къ народной жизни, все-таки выражали свое участіе къ положенію мужика, старались отыскивать въ немъ общечеловѣческія чувства и стремленія, хотя и искаженные его печальной долею, — совсѣмъ иное отношеніе мы видимъ у второстепенныхъ писателей, Николая Успенскаго, В. Слѣпцова и прочихъ.

Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ явилось какое-то странное, ничѣмъ необъяснимое повѣтріе, шедшее совершенно въ разрѣзъ съ совершавшимся въ то время освобожденіемъ крестьянъ. Мужики начали изображаться вдругъ исключительно въ смѣхотворномъ видѣ. Нарочно выискивали такіе анекдоты, въ которыхъ крестьяне изображались

идиотами, не умѣющими ни говорить, ни считать, а только чешущими въ недоумѣніи разныя части своего тѣла и ежеминутно попадающими въ какой-нибудь нелѣпый просакъ.

Такъ Николай Успенскій въ своихъ *Деревенскихъ письмахъ* прямо говоритъ: «Бѣдность и невѣжество русскаго крестьянина привели его къ тому, что онъ очень часто не цѣнить своего собственнаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не цѣнить и чужого; онъ не имѣетъ понятія ни о правахъ собственныхъ, ни о правахъ другой личности; для него условій, законовъ гражданской жизни не существуетъ».

Было бы вполне понятно, если бы подобное отношеніе къ народу практиковалось въ то время въ лагерѣ крѣпостниковъ: оно имѣло бы прямую практическую цѣль показать правительству и обществу невозможность освобожденія отъ крѣпостной зависимости подобнаго рода бессмысленныхъ идиотовъ. Между тѣмъ мы видимъ, что писатели, подвизавшіеся на поприщѣ осмѣянія народа, и Николай Успенскій и В. Слѣпцовъ, печатались въ *Современникѣ*. Некрасовъ въ 1861 году выпустилъ отдѣльное изданіе сочиненій Николая Успенскаго, и Чернышевскій напечаталъ въ *Современникѣ*, по поводу этого изданія, хвалебную критическую статью подъ заглавіемъ *Не начало ли перемены*, въ которой провелъ ту мысль, будто до Николая Успенскаго въ русской литературѣ только и дѣлали, что идеализировали народъ, а съ Успенскаго только и начинается реально правдивое отношеніе къ нему.

«Особый талантъ г. Успенскаго, по словамъ Чернышевскаго, состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ о мужикахъ безъ церемоній, какъ о людяхъ, которыхъ онъ самъ считаетъ и читатель долженъ считать за людей одинаковыхъ съ собою,—за людей, о которыхъ можно говорить откровенно все, что замѣчаешь о нихъ. Онъ нимало не стѣсняется въ ихъ обществѣ».

Но я полагаю, что по приведеннымъ нами выдержкамъ изъ писателей сороковыхъ годовъ читатели наши могутъ въ достаточной степени судить, насколько прежніе писатели идеализировали народъ, и затѣмъ стоить только прочесть на выборъ любой изъ разсказовъ Николая Успенскаго, вродѣ хотя бы такихъ какъ *Поросенокъ*, *Обозъ* или *Сцены изъ сельскаго праздника*, чтобъ убѣдиться, что дѣло идетъ въ этихъ разсказахъ не о правдиво-реальномъ отношеніи къ народу, а о сплошномъ глумленіи надъ его безшабашнымъ идиотизмомъ. Но для насъ, въ настоящемъ случаѣ въ виду цѣли моей статьи, важно не то, насколько правъ или неправъ былъ Чернышевскій въ своей статьѣ и насколько правдивъ былъ Николай Успенскій въ своихъ изображеніяхъ изъ народнаго быта, а важенъ тотъ фактъ, что въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, даже въ такую горячую минуту, когда готовилась великая реформа освобожденія крестьянъ и всѣ взоры были обращены на народъ, наша литература не только не проявляла расположенія къ идеализаціи этого самаго народа, а напротивъ того впала въ противоположную крайность—утрированного осмѣянія его.

VIII.

Съ половины шестидесятыхъ годовъ начали появляться писатели, изображавшіе народный бытъ не на основаніи однихъ только случайныхъ и мимолетныхъ наблюденій со стороны и впечатлѣній, заносимыхъ во время лѣтнихъ путешествій въ записныя книжки, а основательнаго изученія его во всѣхъ деталяхъ и въ интимностяхъ, такъ какъ писатели эти если не выходили непосредственно изъ народа, то во всякомъ случаѣ стояли очень близко къ нему, много съ нимъ сталкивались и имѣли возможность изучить народную жизнь болѣе или менѣе самостоятельно. Таковы были Рѣшетниковъ, Левитовъ, а позже Глѣбъ Успенскій.

Правда, вы не встрѣтите у этихъ писателей такого высокоумѣрно-легкомысленнаго глумленія надъ мужикомъ, какое поражаетъ васъ въ очеркахъ Николая Успенскаго и Слѣпцова. Брестяне уже не изображаются у нихъ всѣ подъ-рядъ такими бессмысленными идиотами. Въ герояхъ ихъ изъ-подъ грубой оболочки, темнаго невѣжества и малокультурности, проглядываютъ часто высокія общечеловѣческія черты гуманности, братства и любвеобилія, встрѣчаются типы, которые могутъ быть названы даже положительными; таковъ, напримѣръ, у Левитова сапожникъ Шкурланъ, бабушка Маслеха и т. п. Но въ общемъ, въ изображеніи народной жизни, у всѣхъ этихъ писателей мы не видимъ не только ни малѣйшей идеализаціи народнаго быта, — напротивъ того, онъ продолжалъ изображаться все въ тѣхъ же отрицательно-мрачныхъ краскахъ, въ какихъ изображался прежде и какія мы встрѣчаемъ въ рассказѣ г. Чехова. Стоитъ припомнить только дебютъ Рѣшетникова — его *Подлиповцевъ* — и ту сенсацію, какую произвела эта повѣсть на публику, именно, своимъ безотрадно мрачнымъ колоризмомъ. Найдете ли вы во всемъ рассказѣ г. Чехова хотя бы нижеслѣдующія черты жизни подлиповцевъ, рассказанныя съ тою невозмутимую флегмой, какою отличался Рѣшетниковъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ:

«Каждый мужчина взрослый и женщина или дѣвушка носятъ по одной рубахѣ круглый годъ, ходятъ лѣтомъ въ рубахахъ, зимой надѣваютъ полушубокъ изъ овечьей, телячьей и собачьей шкуръ, мужчины надѣваютъ на голову такія же шапки, а лапти носятъ всѣ, кромѣ дѣтей, которыя едва-едва прикрываютъ тѣло чѣмъ-нибудь. Это еще ничего, но самое главное — пища мучитъ всѣхъ. Настоящій хлѣбъ ѣдятъ рѣдкіе съ мѣсяцъ въ годъ, остальное время всѣ ѣдятъ мякнуну съ корой, и отъ этого у нихъ является лѣнь къ работѣ, болѣзнь, и часто всѣ подлиповцы лежатъ больные, сами не зная, что съ ними дѣлается, а только ругаются и плачутъ. Подлиповцы уже привыкли къ такой жизни, свыклись и съ своими болѣзнями. Они знаютъ, что помочь имъ нѣкому; даже самые люди противъ нихъ. Всѣ они, жители своей деревни, родня другъ другу — отцы, братья, сестры, кумовья и кумушки; родня у нихъ много и въ другихъ деревняхъ, но тѣ не любятъ ихъ, не знаютъ съ ними, потому что и сами-то они голы, и отъ подлиповцевъ нечего взять. Съ своей стороны, и подлиповцы не лю-

бать ихъ и не ходить къ нимъ. Подлиповцевъ не любятъ жители другихъ деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермянской вѣры держатся, слывуть за лѣнливыхъ, самыхъ бѣдныхъ, и ихъ называютъ колдунами: захочетъ подлиповецъ посадить килу (грыжу)—посадить, захочетъ, чтобъ такой-то умеръ—умреть».

Еще ужаснѣе хотя бы слѣдующее мѣсто въ повѣсти: «Сысойкѣ страшно опротивѣла жизнь въ своемъ дому: каждый день и даже ночь ревѣли его маленькіе братъ Петръ 4-хъ и сестра Пашка 2-хъ лѣтъ, которые мерзли съ холоду и постоянно голодали. Эти маленькія дѣти, не умѣющія еще выговаривать и ходить, постоянно лежали или сидѣли полунагія, одѣтыя въ нѣсколько тряпокъ, спящихъ на подобіе мѣшковъ. На нихъ не обращалось вниманія ни Сысойкою, ни матерью, которая, больная и сумасшедшая, постоянно лежала на печкѣ и охала. Куда Сысойка ни посадить дѣтей, тамъ они и сидятъ, тамъ и ползаютъ. А если Сысойка садилъ ихъ на полати, что случалось очень рѣдко, то ребята то и дѣло получали колотушки... Онъ даже нарочно садилъ ихъ на голый полъ, для того чтобы они скорѣе умерли, нарочно не давалъ ѣсть, думая, что они помрутъ; но ребята кричали съ каждымъ днемъ хуже.—Сысойка злился, хотѣлъ ихъ пришибить чѣмъ-нибудь, но ему было жалко, онъ боялся чего-то»...

Но менѣе мрачными красками изображалъ народный бытъ и А. И. Левитовъ. Забѣйте при этомъ, что въ лучшемъ своемъ произведеніи *Степные очерки* Левитовъ изображалъ жизнь не какихъ-либо инородцевъ, затерянныхъ въ сѣверныхъ тундрахъ, а жителей роскошныхъ и богатыхъ южныхъ степей, среди которыхъ онъ родился и провелъ свое дѣтство. Но всѣ прелести степной природы и вся поэзія обаятельныхъ воспоминаній беззаботнаго дѣтства не могли заглушить тѣхъ стонъвъ нужды и горя, какими преисполнены рассказы Левитова. По его убѣжденію, вся жизнь обитателей счастливаго края представляетъ собой рядъ безысходныхъ страданій.

«Истинно скажу,—говоритъ онъ въ своемъ очеркѣ *Уличныя картины*.—*Ребѣнчи учителя*:—что человѣкъ, которому приведетъ судьба не только что родиться на мягкой почвѣ нашихъ сельскихъ улицъ, но и память много травы этой, бѣгаючи по ней дитей неразумнымъ до тѣхъ поръ, пока придется ему въ послѣдній разъ потяготить гробомъ своимъ ихъ родную ширину, такъ присмотрится къ нимъ человѣкъ этотъ, что и самъ непремѣнно сдѣлается такимъ же молчаливо-печальнымъ, такимъ же покорно-страдающимъ, какими кажутся улицы, потому, что во всю его жизнь лишь одно только горе, какъ обозъ какой нескончаемый, тянулось, по нимъ. Родить горе степного человѣка и оно же его, по нашей пословицѣ, въ ранній гробъ владеть. Голова у него закружится и глаза ослѣпнуть отъ слезъ при видѣ страданья, безсмѣнно ползающаго по уличной пыли, при видѣ нищеты, пугливо, какъ настращенный звѣрь, сравнившейся съ этою пылью. Смотреть на все это степной человѣкъ каждый день Божій до того, что и на свѣтлое солнышко взглянуть ему некогда, да и нельзя никакъ проглянуть къ нему, потому что не только заслоняютъ его отъ

хорошихъ глазъ пыльные столбы, вздымаемые страданіемъ и нищетою, сколько тѣ громадные, все небо занимающіе клубы, которые вздымаютъ на нашихъ улицахъ глупая, чванливая, но богатая спѣсь, когда она съ крикливымъ хвастаньемъ, заглушающимъ всякій человѣческій голосъ, валитъ по посадѣ впереди и вслѣдъ за горемъ страдающимъ и горемъ нищенствующимъ»...

При этомъ надо принять во вниманіе, что народное горе, о которомъ повѣствуетъ Левитовъ, обусловливается въ его очеркахъ не одними лишь внѣшними тяготѣющими надъ народомъ силами, а проистекаетъ изъ самаго быта народа: передъ вами развертывается картина дикаго, чисто-средневѣковаго неустройства, въ которомъ главную роль играютъ такіе невѣняемые факторы, какъ суевѣріе, грубость нравовъ и культуры и т. п.; передъ вами среда, въ которой ничья жизнь, ничье благосостояніе ни въ малѣйшей степени не обезпечены. Никто не можетъ поручиться, что завтра же не грянетъ гроза если не со стороны злыхъ враговъ, во образѣ людей, то со стороны звѣрей, въ видѣ какого-нибудь волка, который съѣстъ ребенка.

Если *Степные очерки* поражаютъ васъ такимъ мрачнымъ безотраднымъ колоритомъ, то что же сказать объ очеркахъ городской жизни, собранныхъ въ изданіяхъ, вроде *Жизнь московскихъ закоулковъ* и *Горе сель, дорогъ и городовъ*. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ народнымъ горемъ, съ которымъ не сравнится горе *Степныхъ очерковъ*. Это горе безвыходное, безучастно задыхающееся въ смятѣ столичныхъ заднихъ дворовъ и сырыхъ подваловъ,—горе, стоны и вопли котораго безслѣдно исчезаютъ, заглушаемые шумомъ и гамомъ столичной суеты,—горе, наконецъ, находящее себѣ единственный исходъ въ рядѣ безобразныхъ оргій, сопровождаемыхъ неистовыми взвизгиваніями и бѣшеной пляской трепака и общей кровавой потасовкой въ мутномъ чаду похмѣлья въ какомъ-нибудь изъ мрачныхъ городскихъ вертеповъ, вроде Грачовки или Крыма. Вы не найдете уже здѣсь тѣхъ непосредственно цѣльныхъ, народно-типическихъ характеровъ, какіе встрѣчаются въ степныхъ очеркахъ. Это все — личности надломленныя, перемолотыя, стертыя до полной безличности, въ мытарствахъ столичной жизни, искаженныя иногда до потери человѣческаго образа и опустившіяся до страшнаго, чудовищнаго разврата.

IX.

Что касается до Гл. Ив. Успенскаго, то смѣшно и рѣчь заводить о томъ, можно ли заподозрѣвать его въ идеализаціи народнаго быта. Это Глѣбъ Успенскій — то, авторъ *Черной работы*, *Малыхъ ребятъ*, *Чудака-барина*, *Людей и нравовъ современной деревни*, *Деревенской неурядицы*, *Власти земли* и проч., и проч., — попалъ вдругъ огуломъ, вмѣстѣ съ прочими беллетристами-народниками, въ идеализаторы народной жизни! Наоборотъ, очерки Гл. Успенскаго изъ народнаго быта могутъ служить

только доказательствомъ тому, до какой степени устойчиво и твердо наша беллетристика укоренилась на почвѣ строгаго реализма. Какъ извѣстно, въ началѣ семидесятыхъ годовъ началось въ интеллигентныхъ кружкахъ нашего общества сильное движеніе въ народъ. Движеніе это было преисполнено радужно-фантастическихъ иллюзій. Никогда, ни до того, ни послѣ того, не идеализировали народъ, какъ въ то время. Потянуло въ народъ и Глѣба Успенскаго, — *къ источнику*, какъ выражается онъ въ своей автобіографіи. По рекомендаціи одного богатаго помѣщика, онъ взялъ на себя обязанность завѣдывать крестьянскою ссудо-сберегательною кассою въ Самарской губерніи и такимъ образомъ получалъ возможность войти въ непосредственное сношеніе съ мужиками. И вотъ, не говоря уже о томъ, что по самой природѣ своей Гл. Ив. Успенскій обладалъ чисто-великорусскимъ умомъ, склоннымъ къ анализу и скептицизму, онъ сразу окунулся въ міръ такой дѣйствительности, которая разрушила передъ нимъ всѣ ходячія иллюзій о мужикѣ, раздѣляемыя имъ съ современниками.

«Адское душевное состояніе, — говоритъ онъ, — долженъ пережить всякій, кто только повинуюсь даже и инстинктивному влеченію къ деревнѣ, только чувствуя, что между нимъ и ею существуетъ какая-то трудно опредѣлимая, но несомнѣнно кровная связь, попробуетъ... ну, просто хоть только пожить въ деревнѣ... Слагается оно, во-первыхъ, изъ такого рода ежедневно предъ-являемыхъ деревнею фактовъ, въ которыхъ, по нашему мнѣнію (мнѣнію человѣка выросшаго въ другой средѣ), непостижимымъ для васъ образомъ оказываются нарушенными самыя непоколебимыя, самыя истинныя истины. Что можетъ быть неизбѣжнѣе тѣхъ цифирныхъ истинъ, какимъ учить васъ таблица умноженія? Два, умноженное на два, развѣ можетъ дать въ результатѣ что-нибудь кромѣ четырехъ? Ежедневный деревенскій опытъ доказываетъ такое, чего даже нѣтъ возможности ни понять, ни объяснить, къ объясненію чего нѣтъ ни дороги, ни пути, ни самоатлѣйшей нити... Я только прошу его представить себѣ положеніе человѣка, который по сту разъ въ день надѣется, что вотъ-вотъ получатся четыре, и по сту разъ въ день видитъ воочию, что получается то стеариновая свѣчка, то свиная морда, — словомъ, нѣчто неожиданное и невозможное, и онъ до нѣкоторой степени только пойметъ, что за безнадежно-отупляющее состояніе долженъ переживать всякій, кто смотритъ на деревню такъ, «какъ должно», по его мнѣнію, смотрѣть на нее»...

И вотъ, какъ разъ въ такое время, когда молодежь валомъ валила въ народъ, представляя его à priori въ самомъ идеальномъ свѣтѣ, начали появляться очерки Гл. Успенскаго изъ народнаго быта, которые словно холодной водой окачивали увлекавшихся.

«Тогда меня ругали, — говоритъ Гл. Успенскій въ своей автобіографіи, — за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ смѣшная, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи»...

Но, несмотря на такое враждебное отношеніе къ нему, Гл. Успенскій смѣло шелъ противъ теченія и развертывалъ передъ читателями всю неуря-

диду деревенской жизни. Такъ онъ указывалъ, что восхваляемые общинные порядки допускаютъ непризрѣнныхъ стариковъ, вдовъ и воспитываютъ изъ сиротъ деревенскихъ злодѣевъ, обращающихся въ конокрадовъ и поджигателей, на которыхъ сельскій миръ, допустившій на свою голову развитіе такихъ чудовищъ, обрушается безпощадно и самосудно. Крестьянское самоуправленіе, въ свою очередь, по мнѣнію Гл. Успенскаго, оказывается мражемъ. Никакой общественной силы въ немъ онъ не видитъ и практиковать ее, по его мнѣнію, не на чѣмъ. Какіе бы вопросы или проекты «оздоровленія», «образованія», «поднятія народной нравственности» ни поднимались въ обществѣ,—въ деревнѣ изъ нихъ образуются другія, уже грустные слова: «по гривеннику», «по двугривенному», «по полтиннѣ», и вся умственная дѣятельность крестьянина занята одной заботой—достать денегъ.

«Обведа,—говоритъ Гл. Успенскій въ очеркѣ *Люди и нравы современной деревни*,—вокругъ Москвы кругъ, радіусомъ верстъ въ четыреста, мы получимъ мѣстность, въ которой положеніе крестьянина и направленіе его мысли, въ общихъ чертахъ, опредѣлится именно этимъ стремленіемъ—«добыть денегъ», только денегъ, больше ничего. Екъ этому направленію крестьянской мысли начало присоединяться, къ крайнему огорченію людей, идеализирующихъ прочность деревенской общины, плохо опредѣляемое, но сильно чувствуемое крестьяниномъ желаніе уйти куда-нибудь, желаніе какъ-нибудь полегче добывать то, чтó теперь добывается съ такимъ трудомъ, и это стремленіе уйти изъ сухихъ и жесткихъ условій крестьянской среды объясняется все тою же необходимостью добывать все больше и больше денегъ».

Но и впоследствии, когда Гл. Успенскій обрѣлъ настоящій источникъ народной жизни, т.-е. иначе сказать, въ Новгородскихъ дѣбряхъ нашелъ мужика не искалѣченнаго, не извращеннаго цивилизаціей, и составилъ понятіе о крестьянской общинѣ и деревенскихъ порядкахъ не такое уже отрицательное, какое у него было прежде, все-таки порядки эти и вообще весь строй деревенской жизни рисуются имъ далеко не въ идеальномъ свѣтѣ. Такъ, во *Власти земли*, мужикъ является у него весь въ кабалѣ у земли, которую онъ обрабатываетъ. Она забрала его въ руки безъ остатка, всего цѣликомъ, и онъ не отвѣчаетъ ни за одинъ свой шагъ. Разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ велитъ его хозяйка-земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ: онъ убилъ конокрада—не виновенъ, потому что безъ лошади нельзя приступить къ землѣ; у него перемерли всѣ дѣти—не виновенъ, не родила земля, не чѣмъ кормить было; онъ въ гробъ вогналъ жепу—не виновенъ, дура, не понимаетъ въ хозяйствѣ, черезъ нее стало дѣло, стала работа, а хозяййка-земля требуетъ этой работы, не ждетъ. Въ концѣ концовъ, крестьянинъ до тѣхъ поръ и сохраняетъ свой могучій кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ власть земли и онъ безпрекословно повинуется ей. Оторвите крестьянина отъ земли, добейтесь, чтобъ онъ забылъ крестьянство,—и нѣтъ этого славнаго народа, нѣтъ народнаго міросозерпанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него. Для доказательства Гл. Успенскій выводитъ крестьянина Ивана

Петрова, который, получивши хорошее, вполне обеспечивающее мѣсто на желѣзной дорогѣ, излѣнивается, спивается и доходит до крайней деморализации, и исправляется лишь, когда, по возвращеніи въ деревню, снова подпадаетъ подъ власть земли. Тою же властью земли, по мнѣнію Гл. Успенскаго, обусловливаются и всѣ деревенскіе порядки. Такъ въ общинѣ онъ видитъ не какіе-либо сознательно разумные союзы, а такіе же чисто-зоологическіе типы, какъ ульи у пчелъ или муравейники. Общественные порядки, поражающіе изслѣдователей въ крестьянскомъ бытѣ, Гл. Успенскій усматриваетъ и въ рыбьемъ царствѣ:

«Даже у стерлядей,—говоритъ онъ во *Власти земли*,—по свидѣтельству рыболововъ, существуютъ «десятки», которые посылаются стерляднимъ обществомъ искать мѣста для метанія икры. Волжская рыба сазанъ, тоже живущая своими сельскими обществами, имѣетъ выборныхъ, и ходяковъ, и депутатовъ; они обыкновенно идутъ впереди «общества» и, подойдя къ заводу, которые ставятъ рыбники поперекъ рѣкъ, начинаютъ пробовать вѣрность его носомъ, потомъ налегаютъ бокомъ, потомъ пробуютъ перепрыгнуть; когда все это имъ не удается, то депутаты возвращаются и докладываютъ обществу; мірскаго сазаній сходитъ съ страшной стремительностью устремляется на заводъ и ударяетъ въ него всѣмъ своимъ коллективнымъ рыломъ. Многіе погибаютъ на смерть, а другіе проскальзываютъ въ брешь и спасаются.

Х.

Изъ всѣхъ изобразителей народнаго быта, съ которыми мы имѣемъ дѣло, единственнымъ, котораго можно заподозрить въ идеализаціи народнаго быта, является, конечно, Н. Н. Златовратскій. Идеалистъ и романтикъ, по самой своей природѣ, г. Златовратскій имѣетъ врожденную склонность къ изображенію идеальныхъ, положительныхъ типовъ. Понятно, что и въ народной средѣ онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на свѣтлыя стороны народнаго быта. До нѣкоторой степени онъ имѣетъ точки соприкосновенія съ народниками-мистиками въ духѣ П. Ч. и Юзова. Такъ онъ раздѣляетъ съ ними отрицательный взглядъ на городскую интеллигенцію, которая яко бы развратилась на почвѣ крайняго индивидуализма. И въ противоположность съ нею рисуется въ его произведеніяхъ народная среда нравственно-сильною и здоровою, вслѣдствіе единенія въ духѣ мира, любви, братской солидарности, сохраняющихся въ вѣковыхъ устояхъ народной жизни—общины и артели.

Но если вы возьмете самое главное произведеніе г. Златовратскаго, повѣсть его *Устом*, заключающую въ себѣ, такъ сказать, итоги всего міросозерцанія г. Златовратскаго, то по внимательномъ прочтеніи этой повѣсти вы убѣдитесь, какъ далеко даже и г. Златовратскій отъ той слѣпой идеализаціи народнаго быта, какая присуща вышеупомянутымъ народникамъ-мистикамъ. Такъ изъ содержанія этой повѣсти оказывается, что тѣ общинно-артельныя порядки, въ которыхъ видитъ

г. Златовратскій основные, нравственные устои народной жизни, существуютъ лишь въ такихъ глухихъ деревняхъ и поселкахъ, въ которыхъ народъ вполне изолированъ отъ всякихъ внѣшнихъ влияній и предоставленъ самому себѣ. Таковымъ является «Волчій поселокъ» въ разсказѣ г. Златовратскаго. Но едва деревня становится въ соприкосновеніе съ разными внѣшними влияніями, какъ идиллія рушится и начинается расшатываніе тѣхъ самыхъ нравственныхъ устоевъ, передъ которыми преклоняется писатель. «Какъ ни привлекательна была,—говоритъ г. Златовратскій,—фантазія Мокридія Софронича (Дергачевского старосты), тѣмъ не менѣе, когда прошелъ порывъ всеобщаго «благодущія», всё какъ-то еще яснѣе почувствовали, что на мирную жизнь поселка наплываетъ что-то «новое», что-то «чуждое». Въ чемъ состоятъ это «новое», опредѣлительно сказать никто бы не могъ; только чувствовалось, что въ жизни мужика не бываетъ идилліи, что суровая мужицкая судьба не преминетъ заявить о себѣ». Хорошо было существовать этой идилліи въ тѣ времена, когда земли было много, а людей было мало и ничего не стоило выселять на новыя мѣста всѣхъ несостоятельныхъ членовъ общества. Но и въ тѣ времена стоило произойти какой-нибудь неурядицѣ, бѣдствію, вродѣ пожара, голода и падежа, или личному несчастью, вродѣ болѣзни и смерти большака въ страдную пору,—и гармонія нарушалась, являлось неравенство: съ одной стороны голытьба обвиняемая, отбившіеся отъ поля бобыли, съ другой—богачи-мирофды.

Но идиллія деревенскихъ устоевъ еще въ большей степени начала искажаться, когда послѣ освобожденія крестьянъ въ крестьянскій міръ нахлынула масса новыхъ элементовъ, въ видѣ всякаго рода проходимцевъ, скупавшихъ за безцѣнокъ имѣнія разорившихся помѣщиковъ и вносившихъ въ деревенскій міръ городскіе нравы и понятія. Такъ, въ то время, когда крестьяне села «Дергачей» получили въ надѣлъ всего по полдесятинѣ, въ среду этихъ нищенскихъ надѣловъ затесались новые собственники, пошла череполосица, поземельныя отношенія достигли страшной, невообразимой путаницы, начались передѣлы, «судбища». Все это, само по себѣ разорявшее дергачевскій міръ, сопровождалось потоками мірскихъ попоекъ, приводившихъ къ еще большему разоренію, да еще и спавванію другъ друга. При такихъ условіяхъ мірское дѣло, со всѣмъ его традиціоннымъ ритуаломъ, перестало внушать къ себѣ въ дергачевцахъ священное уваженіе. Напротивъ того, оно сдѣлалось тяжестью, на него начали посматривать съ презрѣніемъ и враждебностью, какъ на агломератъ общественной неурядицы и отсутствіе всякой правды.

Люди умственные начали сторониться отъ него, повторяя слова Священнаго Писанія: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ», въ концѣ концовъ отдѣлялись отъ міра и шли въ города, какъ, наприм., Сысой-строгий, или уже дѣлались ожесточенными деспотами, какъ Петръ Бонифатьевичъ Волкъ, стремившійся осуществлять на развалинахъ общинныхъ порядковъ новые для деревни идеалы личной хозяйственности въ западно-буржуазномъ духѣ.

Такимъ образомъ, какъ ни противоположенъ представляется на первый взглядъ г. Златовратскій Гл. Ив. Успенскому, въ концѣ концовъ они сходятся въ томъ, что общинные порядки до тѣхъ поръ только и являются нравственными устоями для мужика, пока онъ повинуется слѣпо власти земли, ни о чемъ не разсуждая. А какъ только является на сцену умственность и выѣстъ съ нею критическій анализъ окружающей дѣйствительности, крестьянинъ отрѣшается отъ зоологической нравственности власти земли, или дѣлается кулакомъ и мнѣдомъ, или совсѣмъ уходитъ изъ деревни въ городъ.

Наконецъ оба они—и Гл. Ив. Успенскій, и Н. Н. Златовратскій—сходятся въ одномъ: оба раскрываютъ передъ нами во всемъ ужасѣ ту страшную трагедію, которую переживала русская интеллигенція въ теченіе семидесятихъ годовъ, въ своемъ неудачномъ хожденіи въ народъ. Такъ оба они выставляютъ на видъ, что въ то время, когда интеллигентные люди шли въ народъ, мечтавъ сливаться съ нимъ въ борьбѣ съ кулачествомъ, народъ смотрѣлъ на кулаковъ какъ на лучшихъ, наиболѣе способныхъ и «умственныхъ» представителей въ борьбѣ съ баринами, любовался, какъ кулаки обжигиваютъ разорившихся помѣщиковъ и относился въ то же время къ людямъ, готовымъ жертвовать всею своею жизнью для него, съ полнымъ недоверіемъ, а порою и враждой. Вспомните, хотя бы рядомъ съ *Чудакомъ барининомъ* Гл. Успенскаго отчаяніе Лизы Дрекаловой въ *Устолахъ* Н. Н. Златовратскаго, которая, сдѣлавшись учительницей сельской школы въ Дергачахъ, встрѣчается съ Петромъ, въ качествѣ попечителя школы, и напрасно хочетъ она уничтожить обаяніе, какое Петръ производитъ на ея учениковъ: они чуть не молятся на Петра, какъ на новаго героя деревни.

«Вы, вѣроятно, ожидали, что встрѣча моя съ Петромъ, — пишетъ она къ Пугаву, — не обошлась безъ какого-нибудь чрезвычайнаго столкновенія... Нѣтъ, ничего почти не было, — ни я, ни онъ, мы не сказали другъ другу ни слова, не глядѣли одинъ на другого... И тѣмъ не менѣе, добрый мой, состязаніе совершилось. И бѣдное сердце вашей бѣдной Лизы разбито, и развѣяно по вѣтру, какъ дымъ, все, во имя чего она пришла сюда. И побѣдилъ ее здѣсь тотъ «смѣшной волченокъ», тотъ «хорошій паренекъ», которымъ она когда-то такъ игриво играла и забавлялась. И ничто не спасло ея здѣсь. Что такое она, со своею любовью, со своею жертвой, со своими большими и тревожными думами передъ этими смиренными, добродушными, робкими старикомъ, попавшимъ за «миръ» въ острогъ, и передъ этимъ низенькимъ, худощавымъ, полуграмотнымъ «умственнымъ» мужикомъ, который до чего-то самъ дошелъ своимъ умомъ? За ними стоитъ все, а за мной?»...

Въ этихъ словахъ Лизы Дрекаловой, заканчивающихъ *Устои*, развѣ вы не видите отчаянный приговоръ писателя не только надъ его несчастнымъ поколѣніемъ, которое стремилось жизнь свою положить за народъ, но было отвергнуто имъ, но и надъ самимъ народомъ, который не нашелъ для себя лучшаго идеала, какъ Петра Бонифатьева.

А. Скабичевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Положеніе русской женщины въ семьѣ и обществѣ по произведеніямъ А. Н. Островскаго *).

Литературные матеріалы для исторіи русскаго общественнаго развитія въ
XIX вѣкѣ.

V.

Мы видѣли, какъ протекала молодость дѣвушки, какъ воспитаніе и образованіе готовили ее къ жизни, затѣмъ мы познакомились съ мужской молодежью, которая готовится вступить въ жизнь и на которую дѣвушка возлагаетъ надежду, какъ на твердую и вѣрную опору. Но мы уже знаемъ, что эти надежды въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказались несбыточны, и при сліяніи этихъ двухъ существъ, которыя должны быть фундаментомъ новой семьи, новой общественности и новыхъ началъ народной жизни нельзя ожидать чего-либо новаго, что осдѣжило бы затхлую атмосферу прошедшихъ временъ. И совершенно естественнымъ является вопросъ: но что же дѣлаетъ старшее поколѣніе? Вѣдь оно могло бы оказать свое вліяніе на молодую семью, могло бы дать ей извѣстное направленіе, хотя бы благодаря своему житейскому опыту. Произведенія Островскаго дали на это отрицательный и неблагоприятный отвѣтъ. Оказывается, что разсчитывать на какую-либо нравственную поддержку, добрый совѣтъ или дружеское участіе со стороны старшаго поколѣнія—нечего. Съ одной стороны въ силу убѣжденія, съ другой стороны въ силу эгоизма въ его интересы не входитъ забота о внутреннемъ благоустройствѣ и счастья новой семьи.

Даже самые добрые и любящіе изъ его среды отказываются отъ помощи молодымъ въ самый критическій моментъ. Напримѣръ, въ комедіи «Не такъ живи, какъ хочется» отецъ прямо заявляетъ своей дочери, которая проситъ его взять ее къ себѣ отъ изверга-мужа: «Да ты пойми, глупая, какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь онъ мужъ твой?... Какъ ты отъ мужа бѣжишь, глупая... Ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ

*) *Русская Мысль*, кн. II, 99 г.

вѣстѣ и поплачемъ о твоёмъ горѣ,—вотъ и вся наша помощь. Что я могу сдѣлать? Поплакать я съ тобой поплачу. Вѣдь я отецъ твой, дитятко мое, милое мое...» (т. II, стр. 96).

И съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ онъ будетъ плакать вѣстѣ съ дочерью, но не поможетъ ей. Вы, можетъ быть, подумаете, что это происходитъ отъ безхарактерности,—ничуть, скорѣе наоборотъ; ему самому, можетъ быть, и хотѣлось бы взять свое дитятко къ себѣ домой, но онъ не дѣлаетъ этого изъ глубокаго убѣжденія и изъ слѣдующаго принципа: «Богъ соединилъ, человекъ не разлучаетъ. Отцы наши такъ жили, не жаловались, не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ?» (т. II, стр. 96).

И въ силу своего смиренія и преклоненія предъ авторитетомъ отживающей рутины онъ, какъ типичный русскій человекъ, не осмѣливается не только признать себя умнѣе отцовъ, но даже подавляетъ въ себѣ всѣ человѣческія чувства и отказывается въ своей защитѣ даже родной дочери. Это-та типичная, возникшая на почвѣ невѣжества, черта народнаго характера, которая породила въ нашей нравственной и духовной жизни такія явленія, каковы, напримѣръ, нашъ упорный, неизлѣчимый расколъ, борьба за старые допетровскіе обычаи и порядки, сухой формализмъ въ служебныхъ отношеніяхъ, безжизненная обрядность въ общественныхъ отношеніяхъ и т. д.

Но мы нѣсколько уклонились въ сторону отъ нашей темы.

Въ силу обстоятельствъ, очень часто нѣкоторыя новыя семья бываютъ однако поставлены въ необходимость жить вѣстѣ подъ одной кровлей со старой семьей и вотъ въ такомъ случаѣ уже неизбѣжнымъ явленіемъ оказывается вліяніе старой семьи на новую. Но въ чемъ же оно выражается? Не въ чемъ много, какъ въ поученіяхъ и наказахъ временъ домостроевскихъ, дополненныхъ съ теченіемъ времени новѣйшими измышленіями въ томъ же духѣ. Прекраснѣйшимъ примѣромъ одного изъ такихъ поученій въ произведеніяхъ Островскаго можетъ служить вѣсьмъ хорошо извѣстная сцена въ комедіи «Гроза». Типичная представительница старшаго поколѣнія середины XIX вѣка—Кабаниха, по мѣстному выраженію ея дочери Варвары, сначала «какъ ржа желѣзо», «точить» своего сына, мужа Катерины, передъ тѣмъ, какъ отпустить его въ отъѣздъ по дѣламъ, а потомъ точить жену его Катерину за недостаточную, по ея мнѣнію, любовь къ мужу... «Ты вотъ,—заключаетъ она свое точенье,—похвалялась; что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора востъ, лежитъ на крыльцѣ; а тебѣ видно ничего» (т. III, стр. 249).

И вотъ отъ такого-то участія старшаго поколѣнія въ новой семьѣ, молодой спивается, а молодая топится...

Нѣтъ, видно, молодымъ надо самимъ устраивать свою жизнь, самимъ свивать свое гнѣздышко.

И дѣйствительно, тѣ молодые, которые живутъ отдѣльно и самостоятельно, тѣ сами начинаютъ поучать другъ друга. При этомъ въ большинствѣ

случаевъ, согласно словамъ священнаго писанія, провозглашаемымъ діакономъ при вѣнчаніи: «жена да боится мужа» и согласно завѣту Домостроя отца Сильвестра, въ качествѣ учителя выступать мужъ, а въ качествѣ ученика является жена.

Это ученіе на Руси распространено во всѣхъ классахъ общества и начинается съ буквального исполненія домостроевскихъ правилъ, очень даже часто безъ соблюденія указанныхъ отцомъ Сильверстомъ предосторожностей: «не бить передъ людьми, не бить по уху, по лицу, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинками, ни посохомъ не колотить и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ». А кончается это ученіе при помощи новѣйшихъ современныхъ намъ правоученій—нравственныхъ пытокъ своей законной жертвы—мученій ничѣмъ не уступающихъ любымъ инквизиціоннымъ пыткамъ. Островскій обращаетъ на эту сторону взаимныхъ отношеній большое вниманіе и съ тонкимъ чутьемъ истиннаго художника соблюдая строгую деликатность въ своихъ типичныхъ изображеніяхъ, онъ однако не оставляетъ безъ иллюстраціи ни одинъ изъ такихъ видовъ поученія молодыхъ жёнъ ихъ мужьями.

Между прочимъ, какъ мы уже знаемъ, онъ указываетъ и на обычай глубокой старины, говоря устами одного дѣйствующаго лица въ одной изъ своихъ историческихъ пьесъ:

„Вы жёнъ своихъ любить васъ приучили
Побоями и страхомъ“.

(Т. V, стр. 167).

А кромѣ того приводитъ много примѣровъ изъ нашихъ временъ.

Почетное лицо глухого захоlustья, лавочница Фетинья Мироновна какъ бы хвастается даже своимъ «ученьемъ» предъ своей сосѣдкой мѣщанкой Мигачевой:

Ф е т и н ъ я .

«Я женщина ученая, очень ученая».

М и г а ч е в а .

«Другія бы и рады, да негдѣ имъ этого ученья взять».

Ф е т и н ъ я .

«Моему ученью ты не обрадуешься: я себя все ученье видѣла отъ супруга».

М и г а ч е в а .

«Отъ супруга. Скажите!»

Ф е т и н ъ я .

«Да, отъ супруга. Ты спроси только, чѣмъ я не бита? И кочергой бита, и полѣномъ бита, и объ печку бита, только печкой не бита».

М и г а ч е в а .

«Однако же...» (т. VIII, стр. 65).

А вотъ и другого рода «ученье»—съ цѣлью развитія женщины до того уровня, на которомъ находится самъ ея учитель—мужъ.

Важный банковский чиновник Кочуевъ «перевоспитываетъ», какъ онъ выражается, свою молодую жену при помощи оперетки и новѣйшихъ слабранныхъ романовъ. Вотъ его интересный разсказъ объ этомъ своему приятелю, сотоварищу въ бутежахъ и попойкахъ:

«Я думалъ перевоспитать ее, замѣнить ея взгляды на жизнь и заставить жить, какъ всѣ люди живутъ... Уговорилъ я ее ѣхать въ оперетку. По-моему, хорошо исполненная оперетка самое лучшее средство для развитія женщинъ застѣнчивыхъ и очень скромныхъ. Тогда прѣехала изъ Парижа какая-то опереточная знаменитость. Играли какую-то разудалую пьесу живо, остроумно, изящно. Только одну арию, довольно слабрзаннаго содержания, героиня сопровождала ужъ очень смѣлыми жестами, по-парижски, ничѣмъ не стѣсняясь. Въ театрѣ поднялась буря, грохотъ; стонъ стоитъ отъ восторга; заставляютъ повторить...

«Потомъ я началъ было ее современными натуральными романами просвѣщать» (т. X, стр. 594 и 595).

Въ болѣе грубой средѣ соответствующія сцены: въ комедіи «Сердце не камень» Ольга Дмитриевна, молодая жена купца Коркунова, разсказываетъ слѣдующее:

«Я шла замужъ-то, какъ голубка была, а мужъ меня черезъ недѣлю по трактирамъ повезъ арфистокъ слушать; сажалъ ихъ за одинъ столъ со мной, обнимался съ ними, а что говорили, такъ у меня волосы дыбомъ подымались» (т. X, стр. 119).

Да, и превосходительный Вышневецкій въ комедіи «Доходное мѣсто», ставящій выше всего собственное спокойствіе, не останавливается ни передъ какими средствами, признавая лишь только необходимымъ, чтобы пилюли были позолочены. Онъ эгоистично проповѣдуетъ, что если жена матеріально обезпечена, и тогда даже «не совсѣмъ счастлива, такъ не имѣетъ права... не смѣетъ жаловаться. Женщинѣ, взятой изъ бѣдности и окруженной попеченіями и роскошью, кто же повѣритъ, что она не счастлива?...» (т. II, стр. 172).

И, конечно, ничего иного нельзя ждать отъ всѣхъ этихъ людей, у которыхъ рано вкоренилась привычка покупать за деньги ласки женщины и которые вслѣдствіе этого продолжаютъ даже у своей жены покупать ласки за деньги. Эти люди, навѣрное, никогда даже не задумались надъ тѣмъ, что женщина тоже человекъ, такъ какъ у нихъ, по словамъ Софьи Сергѣевны Бобловой, «въ рукахъ власть, — власть ужасная тѣмъ, что она опошляетъ все, къ чему ни коснется» (т. X, стр. 211).

И она глубоко права въ своей слѣдующей, хотя и рѣзкой, но мѣткой характеристикѣ:

«Посмотрите, взгляните, что въ нашемъ кругу! Посредственность, тупость, пошлость—и все это прикрыто, закрашено деньгами, гордостью, неприступностью, такъ что издали кажется чѣмъ-то крупнымъ, внушительнымъ...»

А на самомъ дѣлѣ:

«Наши мужья сами пошлы и ищутъ только пошлости, и видятъ во всемъ только пошлость» (т. X, стр. 211).

Послѣдніе примѣры касались молодыхъ женщинъ интеллигентныхъ и неудовлетворяющихся пошлою дѣйствительностью. Но понятно, не всѣ вступаютъ въ бракъ съ предопредѣленными задачами и запросами. Многія живутъ просто и на семейную жизнь смотрятъ еще проще, т.-е. какъ на своего рода удобство, комфортъ съ нѣкоторою свободой въ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ. Такихъ женщинъ удовлетворитъ, когда онѣ, какъ Олимпиада Самсоновна въ комедіи «Свои люди сочтемся», заведутъ все «по модѣ». Такія, по остроумному замѣчанію Аполлинарія Панкратьевны, «скоро высыхаютъ жизнь» и находятъ удовлетвореніе въ нарядахъ и гуляньяхъ и могутъ даже забывать всѣ страданія, все горе и даже торжествовать, когда видятъ, какъ всѣ женщины завидуютъ «тебѣ» и зеленѣютъ отъ злости» (т. X, стр. 400) при видѣ какого-нибудь наряда или драгоценнаго украшенія.

Такимъ образомъ въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ, жизнь новой семьи, по откровенному признанію одного изъ мужей—Кочуева въ комедіи «Не отъ міра сего», представляетъ мало отраднаго и симпатичнаго:

«Теперь, по большей части, мужья съ женами, даже самые согласные, не составляютъ одного цѣлаго, одной души. Они живутъ вмѣстѣ, а думаютъ врозь; у нихъ вкусы, привычки, образъ мыслей, даже образъ жизни—все разное...

«У нихъ и знакомства, и развлеченія разныя. У мужа свои пріатели, болѣею частью, холостежь, развратная, пресыщенная, вся пропитанная цинизмомъ; у него свои удовольствія: оперетка, маскарады...

«Жена въ развлеченіяхъ мужа никакого участія принимать не можетъ: такъ все тамъ неприлично и грязно. Жена или сидитъ дома и скучаетъ, или имѣетъ свой кружокъ изъ такихъ же несчастныхъ женъ, съ которыми проводитъ все время въ сплетняхъ, осужденіи ближнихъ, или играетъ за поемъ въ карты» (т. X, стр. 636).

И исполнѣ понятны слова одного изъ нашихъ критиковъ: «Отсутствіе живого нравственнаго развитія, неизмѣнныя опоры внутри себя и самодурный гнетъ извнѣ—вотъ причины, производящія въ «темномъ царствѣ» безнравственность женщины» *).

VI.

„Ужъ очень у насъ женщины въ обидѣ и во всякомъ забвеніи живутъ, — нѣтъ такого ничтожнаго, послѣдняго мужичонка, который бы не считалъ бабу ниже себя“.

Остроумскій, т. VII, стр. 348.

Такимъ образомъ мы видимъ, что женщина какъ была одинокой дѣвушкой, такъ и женой остается почти такою же одинокой въ своей внутренней

* Сочиненія Добролюбова, т. III, стр. 105. Спб., 1896 г.

ней духовной жизни. А между тѣмъ она одна несетъ на себѣ всѣ мелочныя хозяйственныя заботы, одна терпитъ отъ различныхъ то временныхъ, то періодическихъ неурядицъ по дому.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Житейскія мелочи и дразги совершаютъ свою разрушительную работу, и какъ древесныя гусеницы подтачиваютъ молодые деревья, такъ эти враги человѣческаго обществія подтачиваетъ новую семью. Свѣжее, молодое чувство взаимной любви охлаждаетъ. «Молодые» стали просто мужемъ и женой. Согласно Кочуевскому признанію, мужъ все болѣе и болѣе уходитъ изъ семьи, откупаясь вначалѣ деньгами и подарками, а впоследствии его эгоизмъ уже безцеремонно беретъ во всемъ перевѣсъ и всю тяжестью обрушивается на замужнюю женщину, проявляясь то въ дилетантскихъ, бессмысленныхъ самоудурствахъ, въ болѣе грубой средѣ, то въ видѣ отсутствія или даже лишенія свободы и нравственнаго угнетенія въ болѣе интеллигентной средѣ.

Цѣлый рядъ яркихъ картинъ въ произведеніяхъ нашего драматурга прекрасно характеризуетъ положеніе русской замужней женщины въ семьѣ и обществѣ. Возьмемъ нѣсколько наиболѣе рельефныхъ примѣровъ, по которымъ читателю самому не трудно будетъ судить объ этомъ вопросѣ и сдѣлать вмѣстѣ съ нами тѣ или другіе выводы. Начнемъ, какъ это мы дѣлали раньше, съ болѣе грубыхъ и рѣзкихъ примѣровъ, заимствованныхъ воображеніемъ художника изъ русской старины, а также срисованныхъ имъ съ натуры изъ грубой, купеческой среды.

Въ драмѣ «Не такъ живи какъ хочется» купеческій сынъ Петръ, который когда-то самъ увезъ тайкомъ свою жену отъ ея родителей, теперь со всѣмъ цинизмомъ необузданной натуры говоритъ такія рѣчи: «Мнѣ что за дѣло, какъ люди живутъ; я живу, какъ мнѣ хочется» (т. II, стр. 71).

И когда-то, очевидно, очень дорогая для него дѣвушка стала чѣмъ же?—Рабой.

Въ бѣшеномъ гнѣвѣ изъ-за своихъ неудачныхъ любовныхъ похожденій онъ кричитъ: «Она моя жена, она моя раба» (т. II, стр. 111) и съ ножомъ въ рукахъ бѣгаетъ за ней, чтобъ отомстить за свои неудачи въ любовныхъ похожденіяхъ на сторонѣ.

Читатель, конечно, скажетъ, что это слишкомъ рѣзкій примѣръ, что этотъ человѣкъ дѣйствуетъ и говоритъ въ состояніи изступленія и что его нельзя ставить въ примѣръ. Нѣтъ, это не исключеніе и не единственный случай. И если читатель позабылъ рассказъ лавочкицы Фетиньи Мироновны про свое ученье, то мы можемъ указать, какъ другіе мужья и въ спокойномъ состояніи самоудурствуютъ не менѣе и, выражаясь языкомъ нашихъ пѣвцовъ былинъ, «шутать шуточки не малыя», удовлетворяя свои дикіе вкусы издѣвательствомъ надъ своею законною рабой.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ милыхъ шуточекъ изъ комедій:

Антипъ Антипычъ (*врозно*).

«Жена! поди сюда!»

МАТРЕНА САВВИШНА.

«Что еще?»

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ.

«Поди сюда, говорятъ тебѣ!» (*Ударяетъ по столу кулакомъ.*)

МАТРЕНА САВВИШНА.

«Да что ты, очумѣль, что ли?»

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ.

«Что я съ тобой всдѣлаю!» (*Стучитъ по столу.*)

МАТРЕНА САВВИШНА.

«Да что съ тобой (*робко*), Антипъ Антипычъ?»

АНТИПЪ АНТИПЫЧЪ.

«А, испугалась! (*Смѣется.*) Нѣтъ, Матрена Саввишна, это я такъ шутки шучу...» (т. I, стр. 5).

Мы никакъ не можемъ согласиться съ однимъ изъ критиковъ Островскаго, который видитъ въ приведенной сценѣ—добродушіе русской широкой натуры. По нашему мнѣнію, это дикая выходка, какъ личная забава въ видѣ такой грубой потѣхи надъ женой, ничуть не уступаетъ извѣстнымъ шуткамъ русскихъ помѣщиковъ того же времени, выпускавшихъ на своихъ гостей медвѣдей или заставлявшихъ своихъ женъ жить въ одной комнатѣ съ дикими звѣрями.

А далѣе какою циничною пошлостью дышитъ рассказъ мучника Мануила Калиныча Бурицына въ драмѣ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», когда онъ хвастается своимъ обращеніемъ съ женой:

«Ну ужъ это ты врешь! Никогда эта самая наука, которая надъ бабами, изъ моды не выдетъ, потому безъ нея нельзя. Братъ, слушай, я до чего Ульяну доводилъ, до какой точки. Бывало у насъ промежь себя, промежь знакомыхъ или сродственникововъ за споромъ дѣло станеть, чья жена обходительнѣе. Я всѣхъ къ себѣ на домъ веду, сяду на лавку, вотъ такъ ногу-то выставлю и сейчасъ говорю женѣ: «Чего моя нога хочеть?» А она понимаетъ, потому обучена этому: ну, и значить, сейчасъ въ ноги мнѣ» (т. IV, стр. 29).

И несчастная Ульяна, соглашавшаяся на такія выходки своего повелителя-мужа изъ-за страха въ случаѣ неповиновенія быть избитой, въ отвѣтъ на приведенную похвальбу мужа только и можетъ отплатить за такое издѣвательство злобною насмѣшкой надъ нимъ въ присутствіи тѣхъ же родственниковъ: «Да ужъ вы, Мануила Калинычъ, извѣстный варваръ, кровопивецъ! Вамъ только бы надъ женой ломаться, да власть показывать, въ томъ вся ваша жизнь проходитъ».

Можетъ быть, впрочемъ, и это шуточки русской широкой натуры?

А вѣдь въ связи съ этими шуточками идетъ народный взглядъ на женщину, выразившійся въ народныхъ пословицахъ, на которыя, какъ на какіе-то нравственные законы, опирается въ своихъ поступкахъ тотъ же «варваръ и кровопивецъ» Бурицынъ. Одно изъ этихъ изреченій народной

мудрости гласить: «Жену бей, такъ щи вкуснѣй», а другое «Бей шубу, будетъ теплѣе, а жену—будетъ умнѣе». Недурная мудрость!

И для того, чтобы поддержать свой авторитетъ, свою власть, у которой нѣтъ никакихъ другихъ основъ, кромѣ права сильного, права кулака, мужъ совершенно сознательно внушаетъ своей женѣ «страхъ». Онъ боится, что «кабы на бабъ да не страхъ, съ ними бы и не сообразилъ», а другихъ средствъ для управленія онъ и не знаетъ, а иногда и знать не хочетъ.

Между тѣмъ мы должны помнить, что пословица—гласъ народа, въ сознаниі котораго, значить, крѣпко на крѣпко засѣли такія ужасныя убѣжденія и, слѣдовательно, если все это сопоставить вмѣстѣ и хорошенько вдуматься въ скрывающуюся за этими шутками печальную дѣйствительность, то невольно просвѣщенный умъ и гуманное сердце читателя будутъ поражены невообразимымъ ужасомъ.

Интеллигентные мужья, конечно, не полѣзутъ въ драку и, отправляясь на кутежи, не будутъ, какъ Боркуновъ въ комедіи «Сердце не камень» объявлять своимъ женамъ: «А ихъ не возьмемъ, кумъ, не возьмемъ! Пущай дома сидятъ! Вотъ и знайте! Мы въ разгулъ, а вы дома сидите» (т. X, стр. 137).

Но, признавая все-таки, какъ и Боркуновъ, что «баба-то вѣдь хомутъ», интеллигентные мужья продѣлываютъ по существу то же самое, только въ болѣе изящной, и главное—болѣе приличной съ точки зрѣнія большого свѣта формѣ, которая не бросается такъ рѣзко въ глаза и не вызываетъ такого внѣшняго взрыва негодованія, какое вызываютъ вышеприведенныя сцены общества лавочниковъ и купцовъ.

Поэтому Никита Абрамовичъ Кобловъ въ комедіи «Невольницы», развивая свои теоріи о бракѣ и семейной жизни, выражается, конечно, вполне прилично и даже болѣе—юридически точно, но, какъ читатель, конечно, легко замѣтитъ, конечный выводъ изъ его теорій недалеко ушелъ отъ мыслей, выраженныхъ въ народныхъ пословицахъ. «Вѣдь вы вѣвичаны,—говорить Кобловъ,—значить, вы стали въ извѣстныя отношенія другъ къ другу—вы мужъ и жена. Эти отношенія уже опредѣлены, и они одинаковы и для молодыхъ и для старыхъ, и для страстныхъ и для безстрастныхъ. Мужъ—глава, хозяинъ, а жена должна любить и бояться мужа. Любить—это надо предоставить женѣ, какъ ей угодно, насильно мимъ не будешь; а заставить бояться—ужъ это дѣло мужа, и эту обязанностью онъ пренебрегать никакъ не долженъ» (т. X, стр. 200).

И когда въ отвѣтъ на это сослуживецъ его и пріятель Евдокимъ Егоровичъ Стыровъ, въ которомъ еще, повидимому, совершенно случайно сохранилась свѣжесть чувства и гуманность, пытается возразить въ защиту молодой жены: «Но вѣдь она молода, ей жить хочется. Когда войдешь въ ея положеніе» (т. X, стр. 201), то Кобловъ съ мефистофельскимъ спокойствіемъ возражаетъ:

«А зачѣмъ это намъ входить въ ея положеніе? Нѣтъ, вы этого не дѣлайте! Начнете входить въ положеніе жены, такъ можете прибрѣсть

дурную привычку входить въ чужое положеніе вообще. Если послѣдовательно идти по этому пути, такъ можно дойти до юродства. Тамъ сирые да убогіе, несчастные да угнетенные; придешь, пожалуй, къ заключенію, что надо имѣніе раздать нищимъ, а самому съ цвѣточкомъ бѣгать босикомъ по морозу. Ужъ извините, такого поведенія нельзя рекомендовать человѣку дѣловому» (т. X, стр. 201).

Въ этомъ отвѣтѣ слышится съ одной стороны извѣстный взглядъ на женщину, какъ на рабу или какъ на одинъ изъ предметовъ движимой собственности, съ другой стороны слышатся сознаніе и боязнь, что отношенія къ женѣ и семьѣ могутъ повліять, могутъ воспитать и измѣнить отношенія общественныя и общечеловѣческія. Вотъ почему всѣ эти господа Кобловы, Вышневецкіе и т. д. и т. д. такъ боятся «вольнодумствъ» Стырова, подразумеывая подъ этими вольнодумствами «пренебреженіе правами мужа».

Очень интересенъ и важенъ съ исторической точки зрѣнія этотъ моментъ, когда вдругъ появляется опасеніе за непоколебимость «правъ мужа», когда является необходимость въ защитѣ ихъ. Это зловѣщія явленія, которыя служатъ предвѣстниками чего-то новаго во взаимныхъ отношеніяхъ мужа и жены. И, дѣйствительно, эти явленія характеризуютъ эпоху, когда является сомнѣніе въ подобныхъ правахъ, не имѣющихъ за собой ни логическихъ, ни нравственныхъ основаній, когда возникаетъ вопросъ, не имѣетъ ли какія-либо права и другая половина человѣческаго рода, до сего времени никакими правами не пользовавшаяся.

И такъ какъ эти сомнѣнія и вопросы, выдвинутые самою жизнью, начинаютъ быстро развиваться и требовать разъясненія, то защитники «правъ мужа» начинаютъ не на шутку беспокоиться о своей дальнѣйшей судьбѣ и потому часто не разбираютъ средствъ для защиты этихъ пресловутыхъ правъ. Подъ предлогомъ опасенія за увлеченія своихъ женъ,—увлеченія, считающіяся для нихъ самихъ не только простительными, но даже законными и похвальными—мужья рѣшаются, наконецъ, прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ лишеніе свободы и даже шпионство. Примѣромъ можетъ служить тотъ же Никита Абрамовичъ Кобловъ. Вотъ предлагаемая имъ съ вышеуказанною цѣлью мѣры предосторожности, которыя, какъ онъ надѣется, могутъ съ одной стороны спасти ихъ женъ, а съ другой стороны и это главное—сохранить личное спокойствіе этихъ законнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ мужей. «Надо,—говоритъ онъ,—принять мѣры: во-первыхъ, надо отнять совершенно свободу у жены... а, во-вторыхъ, надо учредить негласный надзоръ за женой» (т. X, стр. 202).

И когда на подобныя предложенія добродушный Стыровъ снова робко и скромно пытается возразить:

«Но справедливо ли смотрѣть на женщинъ, какъ на маленькихъ дѣтей».—то умный Кобловъ хладнокровно отвѣчаетъ этому добренькому вольнодумцу:

«Да мы, кажется, не о справедливости разговоръ начали, а о спокойствіи мужей» (т. X, стр. 203).

И это мысли и поступки такъ называемыхъ «интеллигентныхъ людей» конца XIX вѣка!

Не лучше этихъ явныхъ притѣсненій нѣкоторыя другія, порой даже бессознательно проводимыя мѣры, которыя съ виду кажутся самыми невинными, но которыя на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ страшную тлетворную силу. Одна изъ этихъ мѣръ, указываемыхъ Островскимъ, проведена въ той же комедіи «Невольницы». Это затягиваніе своихъ женъ въ картежную игру иногда бессознательно, иногда съ явномъ цѣлью отвлечь ихъ отъ всего живого и идейнаго и заглушить въ нихъ окончательно тѣ остатки умственнаго развитія и человѣческихъ чувствъ, которые, прорываясь наружу, такъ часто обнаруживаютъ въ женщинѣ высоту и чистоту ея естественныхъ задатковъ, противорѣчащихъ будничной пошлости и низменности интересовъ у сильной половины человѣческаго рода.

VII.

„Ужъ есть ли что хуже нашего женскаго положенія“!

Островскій. Т. X, стр. 337.

Въ изображеніи положенія замужней женщины Островскій остается настолько же безпристрастнымъ и всестороннимъ наблюдателемъ надъ жизнью, насколько внимательнымъ диагностомъ, изслѣдующимъ причины тѣхъ или другихъ ненормальныхъ явленій и въ то же время онъ съ идеальной чуткостью художника, въ общей массѣ людей и въ ихъ безконечной суетѣ, умѣетъ найти и отмѣтить тѣ мелкія крупинцы добра и истины, которыя не могутъ быть подмѣчены разсѣяннымъ взоромъ обыкновеннаго наблюдателя.

Поэтому мы найдемъ у него съ одной стороны представительницъ отрицательныхъ типовъ, а съ другой стороны и представительницъ если не цѣльныхъ положительныхъ типовъ, то во всякомъ случаѣ женщинъ, обладающихъ такими чертами характера, которыя болѣе или менѣе въ близкомъ будущемъ должны будутъ взять перевѣсъ надъ отрицательными чертами и дать человѣчеству обновленную женщину, а за ней нормальную семью и стройное общество.

Разсматривая художественную галерею Островскаго и знакомясь съ сюжетами, имѣющими отношеніе къ нашему вопросу, мы не можемъ между прочимъ пройти мимо одной картины, относящейся къ старымъ временамъ и очень интересно дополняющей общую характеристику вопроса полуфантастической картиной прошлыхъ временъ. Это разсказъ околичнаго Артамона Сергѣевича Матвѣева въ комедіи «Бомикъ XIX столѣтія» о пирушкахъ и развлеченіяхъ нашихъ прабабушекъ.

„А нашихъ женъ, боярынь пировавъ.
Глядѣть-то срамъ! Отъ сытнаго обѣда,
Отъ полныхъ чаръ медовъ стоялыхъ, встанутъ
Алеконьки, какъ макавы цвѣточки,

По лавочкамъ усядутся рядкомъ,
 Велятъ пустить шутихъ, бабенокъ скверныхъ,
 И тѣшатся безстыжнмъ ихъ (шлясаньемъ
 Съ виляньемъ спать и пѣснями срамными.
 И чѣмъ срамнѣй, тѣмъ лучше, тѣмъ угоднѣй
 Боярынямъ. И сами бы пошли,
 Да совѣсто, а плечи такъ и ходять,
 И каблукъ стучать, и громкій хохотъ
 Дебелыя колыхать тѣлеса.
 А дочери, на тѣ ногѣхъ глядя,
 Съ младенчества дѣвичій стыдъ теряютъ,
 И съ бабами и дѣвками сѣнными
 Безъ матери изрядно также пляшутъ».

(т. VIII, стр. 145).

Дѣйствительно, глядѣть - то срамъ было и современникамъ, а намъ и вспоминать - то неприятно о такихъ обычаяхъ предковъ.

Хвала Великому Преобразователю, что онъ вывелъ русскую женщину изъ терема и свѣтелки и указалъ ей на возможную для нея роль въ обществѣ.

Но насколько предшествовавшія эпохѣ Петра Великаго историческія условія были неблагоприятны для того, чтобы русская женщина могла занять какое-нибудь положеніе въ обществѣ, настолько и послѣдующія историческія событія вплоть до нашихъ временъ были всецѣло посвящены вопросамъ внѣшней политики и государственныхъ учреждений, такъ что почти не было ни мѣста, ни времени для женскаго вопроса, который, какъ извѣстно, особенно сильно сталъ развиваться только въ послѣднія десятилѣтія. Такимъ образомъ этотъ вопросъ, предоставленный, такъ сказать, самъ себѣ, подвигался въ своемъ развитіи очень туго и медленно и нѣкоторыя черты грубости и невѣжества, оставшіяся и по сіе время въ семейныхъ отношеніяхъ, служатъ яснымъ указаніемъ на наслѣдство глубокой до-петровской старины. Какъ иначе объяснить существованіе до сего времени домостроевскаго грубаго обращенія съ женой и дѣтьми? Чѣмъ объяснить, какъ не тѣмъ же, что женщина до того унижена и угнетена, что готова и свои оковы признать необходимымъ условіемъ своего существованія и чуть-ли не счастья. А такова вѣдь, на примѣръ, въ комедіи «Семейныя картинки» купчиха Степанида Трофимовна Пузанова, которая разсказываетъ, что: «Мы съ покойникомъ жили—не вамъ чета: гораздо таки полюбвише, да все-таки онъ меня въ страхѣ держалъ, царство ему небесное. Какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ на гвоздикѣ плетка висѣла про всякій случай» (т. I, стр. 8).

О другомъ даже болѣе рѣзкомъ примѣрѣ въ томъ же духѣ намъ уже приходилось раньше упоминать. Именно—о разсказѣ лавочницы Фетиньи Мионовны въ комедіи «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ» — о ея ученіи отъ мужа. И она, также какъ Степанида Трофимовна, не выражаетъ никакого неудовольствія, даже считаетъ такое обращеніе какъ бы необходимымъ. Фетинья Мионовна къ тому же слѣдующимъ образомъ

объясняет своей пріятельницѣ справедливость этой науки: «Первая мнѣ наука была за мои чувства, что чувствительна я до всего и сейчасъ въ слезы. Вторая—за характеръ... Женщина я добрая, точно, и еслибъ мой не вздорный характеръ, дурацкій, что готова я до ножей изъ всякой малости, кажется, давно бы я была святая» (т. VIII, стр. 65).

Къ этой же группѣ должна быть отнесена и тетка Афімья въ драмѣ «Не такъ живи какъ хочется», которая, зная прекрасно про кутежи своего племянника и искренно сочувствуя горю его жены, все-таки обвиняетъ эту послѣднюю, говоря, что «плоха та жена, отъ которой мужъ бѣгаетъ» (т. II, стр. 68).

Даже у Островскаго выведена масса женскихъ типовъ—такихъ, которые хотя и освободились отъ наслѣдія грубаго и, такъ сказать, некультурнаго рабства, но которые, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, своего невѣжества, пребываютъ въ рабствѣ полудивилизаціи. Это типы будничные, мелочные, встрѣчающіеся на каждомъ шагѣ.

Такія, напримѣръ, женщины, какъ Лидія Юрьевна Василькова въ комедіи «Бѣшенныя деньги» думаетъ про себя: «Я дама, дама съ головы до ногъ» (т. VII, стр. 313). Въ этомъ названіи она соединяетъ всю совокупность понятій о назначеніи женщины во всѣхъ ея отношеніяхъ къ семьѣ и обществу и полагаетъ, какъ и всѣ ея единомышленницы, что съ этимъ названіемъ неразрывно связаны какія-то права и преимущества, которыя разрѣшаютъ женщинѣ все, что по модѣ, что только не неприлично и т. д., все однако безъ какого бы то ни было отношенія къ принципамъ долга и нравственности.

Такого рода типы слѣдуютъ въ жизни совершенно своеобразной философіи, основанной на модахъ, туалетахъ, визитахъ, выѣздахъ и т. п., что все въ концѣ концовъ приводитъ ихъ къ одному—къ преклоненію предъ золотымъ тельцомъ.

Вслѣдствіе этого, напримѣръ, небогатая домовладѣлица Фелисата Антонова Шаблова въ комедіи «Поздняя любовь», прекрасно знаетъ, отчего у «дамы» есть характеръ, подѣ которымъ она подразумеваетъ нѣчто такое, что отличаетъ человѣка интеллигентнаго или образованнаго отъ простаго, а также «отчего хорошая дама въ компаніи развязный разговоръ имѣетъ?»—«Оттого, что все на ней въ порядкѣ, одно къ другому пригнато, одно другого ни короче, ни длиннѣе, цвѣтъ къ цвѣту подобранъ, узоръ подѣ узоръ подогнанъ. Вотъ у нея душа и {растетъ}» (т. VIII, стр. 294). Вслѣдствіе того же и богатая Серафима Карповна, вдова, собирающаяся замужъ, въ комедіи «Не сошлись характерами», слѣдующимъ образомъ откровенно дѣлаетъ оцѣнку себѣ: «я стараюсь только, чтобы не прожить капитала, а проживать одни проценты. Что-жъ я буду тогда безъ капитала?—я ничего не буду значить» (т. II, стр. 315).

Оттого же многимъ и очень многимъ приходится по душѣ разсужденія Аристарха Владиміровича Вышневецкаго въ комедіи «Доходное мѣсто», который смѣло, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій надъ жизнью,

обобщаетъ факты и страется внушить молодому поколѣнію, еще не успѣвшему приобрести жизненнаго опыта, что «безъ богатства, или, по крайней мѣрѣ, довольства, нѣтъ счастья для женщины. Ты, можетъ-быть,—говорить онъ своему племяннику,—по своему обыкновенію станешь мнѣ противорѣчить; такъ я тебѣ докажу, что это правда. Оглянись вокругъ себя: какая умная дѣвушка задумается выйти замужъ за богатаго старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь такимъ образомъ, даже противъ ея воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество, и благодаря Бога, что Онъ послалъ ей Машенькѣ или Аннушкѣ такое счастье. Каждая мать напередъ увѣрена, что дочь послѣ будетъ благодарить ее» (т. II, стр. 171).

Мы знаемъ, что это говорить одинъ изъ тѣхъ черствыхъ эгоистовъ, который говоритъ и дѣйствуетъ вовсе не изъ любви и уваженія къ женщинѣ, а исключительно изъ-за своихъ личныхъ пошленькихъ цѣлей, которыя онъ въ данномъ случаѣ, благодаря своему генеральству и родственному отношенію, не считаетъ даже нужнымъ скрывать предъ молодымъ племянникомъ. Онъ сознается, что: «И для собственнаго спокойствія, которое тоже что-нибудь стоитъ, мужъ долженъ обезпечить жену совершенно въ матеріальномъ отношеніи: тогда даже... даже если жена и не совсѣмъ счастлива, такъ не имѣетъ права... не смѣетъ жаловаться. Женщинѣ, взятой изъ бѣдности и окруженной попеченіями и роскошью, кто же повѣритъ, что она несчастлива»... (т. II, стр. 171).

А вѣдь идеи господъ Вышневскихъ легко и быстро распространяются и особенно въ среднемъ обществѣ, которое всегда имѣетъ очень хорошее основаніе для воспріятія этихъ идей, въ видѣ своей хронической, неизлѣчимой болѣзни—недостатка въ матеріальныхъ средствахъ. Слѣдовательно, проповѣди господъ Вышневскихъ, которыя, конечно, не сопровождаются на практикѣ такими откровенными признаніями, какъ только что приведенное выше изъ комедіи Островскаго, встрѣчаютъ въ обществѣ прекрасно подготовленную почву и дѣлаются своего рода законами и руководящими статьями въ житейскомъ обиходѣ женщины въ ея отношеніяхъ къ мужчинамъ. Вотъ на основаніи этой исторической и психологической подкладки и созданъ идеаль «благородной и образованной женщины», къ которому стремятся и чиновницы, и купчихи и т. д. Какъ мѣтко схвачены и изображены этотъ идеаль Островскимъ въ монологъ известной уже намъ чиновницы Фелисаты Герасимовны Кукушкиной изъ комедіи «Доходное мѣсто»:

«Что нужно для женщины... образованной, которая видитъ и понимаетъ всю жизнь, какъ свои пять пальцевъ?... Для женщины нужно, чтобъ она одѣта была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное—нужно спокойствіе, чтобъ она могла быть отдалена отъ всего, по своему благородству, ни въ какія хозяйственныя дразги не входила. Юленька у меня такъ и дѣлаетъ: она отъ всего рѣшительно далека, кромѣ какъ занята собой. Она спитъ долго; мужъ поутру долженъ распорядиться насчетъ

стола и рѣшительно всѣмъ; потомъ дѣвка напоить его чаемъ и онъ уѣзжаетъ въ присутствіе. Наконецъ, она встаетъ; чай, кофе, все это для нея готово, она кушаетъ, разодѣлась отличнѣйшимъ манеромъ и сѣла съ книжкой у окна дожидаться мужа. Вечеромъ надѣваетъ лучшія платья и ѣдетъ въ театръ или въ гости. Вотъ жизнь! вотъ порядокъ! вотъ какъ дама должна вести себя! Что можетъ быть благороднѣе, что деликатнѣе, что нѣжнѣе?... Хвалю» (т. II, стр. 221).

И вотъ, чтобы доставить другой своей дочери подобное же счастье быть «благородной, деликатной и нѣжной дамой», добродѣтельная маменька начинаетъ учить уму-разуму свою дочь, молодой мужъ который желаетъ служить и жить, хотя бы и бѣдно, но честно, и который сумѣлъ своимъ благородными мыслями и чувствами передать своей молодой подругѣ жизни. Но какъ же бѣдной, молодой женщинѣ, не получившей въ приданое никакихъ даровъ воспитанія и образованія и, слѣдовательно, слабой и легкомысленной, уже въ силу этого недостатка, устоять противъ страстныхъ убѣжденій матери:

«Не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день и ночь: давай денегъ, да давай, гдѣ хочешь возьми, да подай. Мнѣ, молъ, на то нужно, на другое нужно. Маменька, молъ, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Сважеть: пѣтъ у меня. А мнѣ, молъ, какое дѣло? Хоть укради, да подай. Зачѣмъ брать? Умѣлъ жениться, умѣй и жену содержать прилично. Да этакъ съ утра да до ночи долбила бы ему въ голову, такъ авось бы въ чувство пришелъ. У меня бы на твоемъ мѣстѣ другого и разговору не было» (т. II, стр. 219).

А тутъ еще и милая сестрица, счастливая замужемъ за взяточникомъ и обладающая всѣми благами, расписанными маменькой, съ своей стороны даетъ соответствующіе совѣты: «Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даромъ любить не будешь. Ты, глупенькая,—за что ихъ даромъ любить-то, мужьевъ-то? Это довольно странно! Обезпечь меня, дескать, во всемъ, чтобъ я блистала въ обществѣ, тогда я и стану любить» (т. II, стр. 217).

Ну, какъ идти противъ такихъ ловкихъ демоновъ-искусителей, какъ противостоятъ такой слабой натурѣ, какова Поленька и всѣ ей подобныя, и сохранить достаточную силу характера въ такія критическія минуты!

Въ связи съ такимъ общимъ міровоззрѣніемъ въ этой средѣ и выработался тотъ опредѣленный взглядъ на женщину, какъ на жену съ ея обязанностями и дѣятельностью, который формулируетъ Островскимъ въ рѣчахъ той же типичной представительницы этого круга, чиновницы Кукушкиной, которая высказываетъ его съ апломбомъ и съ удивленіемъ, какъ можно этого не знать: «Какъ для чего жена? Кто же этого не знаетъ? Ну, извѣстно... для того, чтобы одѣвать ее какъ нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить въ люди, доставлять всѣ наслажденія, исполнять каждую ея прихоть, какъ законъ... боготворить...» (т. II, стр. 225).

И на этомъ основаніи женщины находятъ, что любовь и всѣ ея про-

явленія въ видѣ ласки и нѣжности совершенно излишни, такъ какъ по выраженію Юленьки Бѣлогубовой «лаской изъ мужчины ничего не сдѣлаешь» (т. II, стр. 216).

А г-жа Букушкина, не упускающая случая примѣнять всѣ усвоенныя ею теоріи на практикѣ, сейчасъ же даетъ своей дочери соответствующій совѣтъ: «А ты знаешь ли, что ваше баловство портитъ мужчинъ? У тебя все нѣжности на умѣ, все бы ты вѣшалась къ нему на шею. Обрадовалась, что замужъ вышла, дождалась. А нѣтъ, чтобы объ жизни подумать» (т. II, стр. 219). И не смущаясь, подкрѣпляетъ свой совѣтъ дарвиновскимъ закономъ о наследственности, приноровляемымъ къ буржуазнымъ возрѣніямъ этой среды. «У насъ въ роду всѣ рѣшительно холодны къ мужьямъ: больше все думаютъ о нарядахъ, какъ одѣться поприличнѣе, блеснуть передъ другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы онъ чувствовалъ, за что его ласкаютъ» (т. II, стр. 219).

Результатомъ такихъ отношеній жены къ мужу являются, какъ необходимыя орудія для достиженія своихъ цѣлей и для защиты своихъ интересовъ, хитрости, искусственные и естественные капризы, притворство, ложь и тому подобныя средства, болѣе или менѣе неблаговидныя, ставящія женщину на очень опасный съ нравственной стороны путь.

За примѣрами не далеко ходить.

Богатая барыня Варвара Харитоновна Лебекина откровенно заявляетъ: «Намъ, женщинамъ, нельзя жить безъ хитростей» (т. VIII, стр. 354); бѣдная вдова Шаблова подтверждаетъ тоже: «Схитришь, да солжешь, только и проживешь въ свое удовольствіе» (т. VIII, стр. 354) и Софья Сергѣевна Коблова въ комедіи «Невольницы» сознается, что женщины считаютъ «малодушными, вѣтреными и главное—хитрыми и лживыми» (т. X, стр. 210); Юрій Михайловичъ Цыплуновъ въ комедіи «Бѣдная невѣста» не безъ основанія обвиняетъ женщинъ въ томъ же: «А между тѣмъ женщины лгутъ постоянно. Что онѣ подкрашиваютъ себя, чтобы казаться лучше и моложе, это было бы еще не бѣда; онѣ притворяются наивными, довѣрчивыми и простосердечными, тогда какъ въ сущности очень ловки, расчетливы и сухи сердцемъ» (т. IX, стр. 104).

Но, конечно, самымъ яркимъ примѣромъ можетъ служить Глафира Алексѣевна въ комедіи «Волки и овцы». Припомните, съ какою артистическою тонкостью она, смотря по обстоятельствамъ, превращается то въ скромненькую, наивную овечку, то въ самую кровожадную волчицу. И хотя Поленька Жадова хвастается предъ сестрой, что я какую хочешь сцену сыграю не хуже всякой актрисы: «Во-первыхъ,—прибавляетъ она объясненіе,—насъ дома къ этому съ малолѣтства приучали, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно, я все сама съ собой и разговариваю—такъ научилась, что чудо» (т. II, стр. 217), однако ей, конечно, никогда не сравняться съ опытною столичною жительницей Глафирой, которая во всемъ похожа скорѣе на представительницъ свѣта, описанныхъ П. Бурже, М. Прево и другими романистами, чѣмъ на нашу обыкновенную дѣвушку.

Намъ пришлось нѣсколько разъ упоминать о семействѣ г-жи Кукушкиной въ комедіи «Доходное мѣсто» и между прочимъ объ одной изъ дочерей Фелисаты Герасимовны—Поленькѣ, которая уже въ значительной степени удаляется отъ своихъ сестеръ и подругъ, принадлежащихъ къ только что разсмотрѣнной нами группѣ отрицательныхъ типовъ. Она можетъ быть отнесена къ группѣ типовъ переходныхъ къ положительнымъ, такъ какъ отличается отъ первой группы тѣмъ, что вопреки своему образованію и воспитанію, которыми предъ всѣми хвасталась ея маменька, она сохраняетъ въ себѣ зачатки нравственности и здраваго ума, которые подмѣтилъ ея женихъ Жадовъ и которые онъ, сдѣлавшись ея мужемъ, началъ понемногу развивать съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ этой легкомысленной герцогини-куклы хорошую и честную женщину—человѣка.

Вмѣстательство маменьки и родственниковъ, какъ мы знаемъ, чуть было не погубило честь и счастье этой милой парочки, стоявшей одиноко въ серединѣ ужасной всепоглощающей пучины взяточничества и мѣщанскаго счастья.

Такихъ женщинъ, какова Поленька Жадова, въ жизни очень много, но еще больше такихъ, которыя, будучи одарены и большими способностями и большою силой характера, не встрѣтили своихъ Жадовыхъ и въ силу обстоятельствъ или по своей неопытности, а иногда даже противъ своей воли, связываютъ свою судьбу съ людьми совершенно противоположными благородному мужу Поленьки.

Въ подобныхъ случаяхъ зачастую разыгрываются драмы, которыя глубоко потрясаютъ душу и поражаютъ насъ видомъ того безвыходнаго положенія, въ которое бываетъ поставлена молодая женщина. Типовъ въ этомъ родѣ у Островскаго нѣсколько и изъ нихъ на первомъ планѣ нужно поставить жену важнаго въ чиновномъ мѣрѣ старика Вышневекаго—Анну Павловну.

Вы помните, конечно, какъ этотъ одряхлѣвшій старикъ съ признаками подагры купилъ себѣ жену у ея родственниковъ, какъ будучи уже мужемъ, за деньги покупалъ ея ласки, до какого чувства презрѣнія къ самой себѣ онъ довелъ ее (мы приводили уже эти выдержки изъ комедіи). Вы можете, слѣдовательно, ясно представить себѣ весь драматизмъ положенія Анны Павловны Вышневекаго вслѣдствіе уже одного этого факта—неравнаго брака поневолѣ. Но кромѣ того молодая Вышневекаго не принадлежитъ къ числу женщинъ, которыхъ могли бы удовлетворить моды и визиты. Ея впечатлительная душа жаждала истиннаго чувства; ея свѣтлый умъ жаждалъ честной дѣятельности и благородныхъ человѣческихъ отношеній. И ничего этого у нея не только не было, но съ первыхъ шаговъ своего замужства она паталкивается на все противоположное. Дальнѣйшее положеніе Анны Павловны мы передадимъ ея собственными словами, такъ какъ неподражаемые монологи Вышневекаго въ комедіи Островскаго лучше всего сами за себя передаютъ тотъ глубокій смыслъ ея словъ, который во всякомъ другомъ пересказѣ можетъ только утратить и силу и свое высокохудожественное впечатлѣніе.

«Но что со мной было потомъ,—говорить она,—когда я узнала, что даже деньги, которыя вы мнѣ дарите—не ваши, что они приобретены нечестно...»

«Замолчите...»—прерываетъ ее Вышневицкій, который самъ уже не выдержалъ подобнаго укора.

Но кипѣвшая душа Вышневицкой не можетъ уже выдержать болѣе, и она продолжаетъ свою рѣчь.

«Вы помните, какъ я дичилась общества; я боялась его, и не даромъ. Но вы требовали—я должна была уступить вамъ. И вотъ совсѣмъ неприготовленную, безъ совѣта, безъ руководителя, вы ввели меня въ свой кругъ, въ которомъ искушеніе и порокъ на каждомъ шагѣ. Некому было ни предупредить, ни поддержать меня. Впрочемъ, я сама узнала всю мелочность, весь развратъ тѣхъ людей, которые составляютъ ваше знакомство. Я берегла себя. Въ то время я встрѣтила въ обществѣ Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его свѣтлые глаза. Какъ уменъ и какъ чистъ былъ онъ самъ. Какъ горячо спорилъ онъ съ вами, какъ смѣло говорилъ про всякую ложь и неправду! Онъ говорилъ то, что я уже чувствовала, хотя и неясно. Я ждала отъ васъ возраженій. Возраженій отъ васъ не было; вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусныя сплетни, старались уронить его въ общественномъ мнѣніи. Какъ я желала тогда заступиться за него! Но я не имѣла для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мнѣ оставалось только... полюбить его. Такъ я и сдѣлала. Я видѣла потомъ, какъ вы губили его, какъ мало-по-малу достигали своей цѣли. То-есть не вы одни, а всѣ, кому это было нужно... Онъ принужденъ былъ оставить службу, родныхъ, знакомыхъ, уѣхать отсюда... Я все это видѣла, все выстрадала на себѣ. Я видѣла торжество злобы, а вы все еще считаете меня тою дѣвочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить васъ за ваши подарки. Изъ моихъ чистыхъ отношеній къ нему сдѣлали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали безъ церемоніи преслѣдовать меня. Вотъ до чего вы довели меня, женщину, достойную, можетъ быть, лучшей участи, женщину, способную понимать истинное значеніе жизни и ненавидѣть зло» (т. II, стр. 247).

Изъ этой горячей защитительной рѣчи, полной самыхъ ясныхъ фактовъ, не требующихъ никакихъ толкованій, читатель или зритель пойметъ, насколько тяжела жизнь женщины въ подобныхъ условіяхъ. А эти условія у насъ, какъ всѣ прекрасно знаютъ, явленіе самое обыденное и очень частое и таковыми еще будетъ вѣроятно не одинъ десятокъ лѣтъ. И слѣдовательно, тѣмъ ужаснѣе конечный итогъ, подведенный Анной Павловной, итогъ, который, впрочемъ, подводитъ не она одна, а многія другія, также какъ и она полныя жизни и въ расцвѣтѣ силъ. Я думаю, холоднымъ потомъ обольется тотъ, кто внимательно вслушается и сердцемъ пойметъ этотъ леденящій мыслъ приговоръ жестокой судьбы надъ ни въ чемъ неповинными жертвами.

«Мужь, — говоритъ Вышневецкая, — убилъ всю мою жизнь. Онъ своимъ эгоизмомъ засушилъ мое сердце, отнял у меня возможность семейнаго счастья, онъ заставилъ меня плакать о томъ, что воротить нельзя, — о моей молодости. Я провела ее съ нимъ пошло, безчувственно, тогда какъ душа просила жизни, любви. Въ пустомъ, мелочномъ кругу его знакомыхъ, въ который онъ ввелъ меня, во мнѣ заглохли всѣ лучшія душевныя качества, оледѣнѣли всѣ благородныя порывы» (т. II, стр. 239).

Другимъ примѣромъ можетъ служить Евлаія Андреевна Стырова въ комедіи «Невольницы». Евлаія Андреевна, какъ выражается про нее ея подруга, «изуродована рабствомъ въ дѣтствѣ» и, выйдя замужъ, попадаетъ хотя и въ другое по составу общество, чѣмъ Вышневецкая, но также какъ и первое, отличающееся не меньшею пошлостью. Съ полной довѣрчивостью обращается она къ людямъ, но на каждомъ шагѣ наталкивается на факты и отношенія людей, которые одинъ за другимъ все болѣе и болѣе поражаютъ ея наивное представленіе о людяхъ и жизни. Между прочимъ, съ одной стороны въ виду полного отсутствія какихъ бы то ни было болѣе или менѣе серьезныхъ интересовъ и занятій, или даже просто приличныхъ развлеченій, а съ другой стороны благодаря случайной встрѣчѣ съ другомъ дѣтства, успѣвшимъ къ данному времени сжиться съ окружающею средой и проникнуться ея идеями, Евлаія Андреевна даетъ свободу своему чувству. Но ей очень скоро приходится испытать на себѣ, насколько велика разница между ея личною воспримчивостью самаго искренняго и глубокаго чувства и отношеніемъ къ тому же чувству всѣхъ другихъ. И ее поражаетъ, что то, что она сама считаетъ и думаетъ, что и другіе считаютъ святымъ, подвергается осмѣянію и поруганію, и она остается одинокой, не находя себѣ никакой защиты и поддержки даже въ близкомъ человѣкѣ — мужѣ, съ которымъ ей наконецъ-таки приходится объясниться.

«Да развѣ это не горе, — говоритъ она мужу, — быть совершенно одинокой? Отца я едва помню, мать — директриса учебнаго заведенія: она всю жизнь была моею гувернанткой, а не матерью. Остаетесь вы, мужь... Ну, я не знаю ничего, не понимаю, ну, я глупенькая, совсѣмъ институтка... Такъ вѣдь не мучить меня за это, а пожалѣть надо. А вы вмѣсто того, чтобы руководить меня къ жизни, быть мнѣ вмѣсто отца, нанимаете шпионовъ подсматривать за мной. Ахъ, подите прочь, пожалуйста...» И далѣе, скрывая подъ видомъ примѣра истину, она въ слѣдующихъ рѣчахъ объясняетъ свое настроеніе и свои мысли: «Вѣдь могу же я когда-нибудь въ жизни встрѣтить и полюбить хорошаго человѣка, который стѣнитъ любви? Вѣдь это можетъ случиться? Пусть моя любовь будетъ преступна въ вашихъ глазахъ, но вѣдь я буду лѣгать ее въ свой груди, буду беречь ее. Она мнѣ будетъ дорога... поймите меня. Я полюбила и почувствовала себя женщиной, а до тѣхъ поръ я считала себя куклой. Я буду таять эту любовь какъ сокровище, буду беречь ее не только отъ осужденія, но даже отъ самаго теплаго дружескаго участія; уже и оно мнѣ покажется оскорб-

лежишь моею святыни. И вдругъ эта лѣбленная, береженная дѣвственнымъ чувствомъ тайна волочится, треплется отъ передней и кухни до кабинета моего мужа. Вотъ тогда мнѣ нуженъ ядъ для того, чтобы на загрязненной очной ставкѣ съ прислугой умереть съ улыбкой счастья на лицѣ» (т. X, стр. 275).

И действительно Евлалія Андреевна гибнетъ съ застышею улыбкой счастья на лицѣ.

«Какъ гибнетъ?—возражаете вы:—у Островскаго она вовсе не гибнетъ, а наоборотъ, мужъ даетъ ей полную свободу, отъ которой она сама же послѣ довольно глупо отказывается, а кончается комедія тѣмъ, что она вмѣстѣ съ мужемъ садится играть въ карты и даже пить шампанское». Да, совершенно вѣрно, но вѣрно и то, что бѣдная Евлалія Андреевна, даже получивъ полную свободу, не могла вернуть себѣ обратно ни молодой мечты о беззавѣтной взаимной любви, ни уваженія къ окружающей средѣ, ни даже способности или умѣнья пользоваться бессмысленною свободой, которая, безъ нравственнаго содержанія, стала для нея пустымъ, ничего не значущимъ звукомъ, и Евлалія Андреевна погибла,—она утонула за зеленымъ сукномъ карточного стола въ той пучинѣ, которая затягиваетъ все, что не имѣетъ нравственной силы удержаться на скользкомъ пути надъ этою бездною.

Евлалія Андреевна, надежды которой такъ скоро рушились передъ черствыми, безсердечными отношеніями къ ея чувствамъ и къ ея личности, поступила такъ, какъ, навѣрное, поступаетъ въ ея положеніи большинство замужнихъ женщинъ, которыя безъ борьбы опускаются въ житейскую нучину и, навѣрное, болѣе или менѣе скоро удовлетворяются пріятнымъ времяпровожденіемъ за зеленымъ сукномъ, мелочными хозяйственными интересами, сплетнями подобнхъ ей кумушекъ и, какъ всѣ ей подобныя, обезличиваются въ конецъ.

Еъ ней какъ нельзя болѣе подходятъ слова высказанныя однимъ изъ нашихъ публицистовъ - литераторовъ *): «Много,—говоритъ онъ,—нужно душевныхъ силъ, много воли, чтобы женщинамъ самимъ, по собственной инициативѣ, выбраться навѣрхъ; между тѣмъ, какъ жизнь, которую онѣ ведутъ, не только не развиваетъ и не закаляетъ ихъ душевныхъ силъ, а, напротивъ того, расслабляетъ и растлеваетъ ихъ: изношенные, безхарактерныя, малодушныя, онѣ не способны ни къ какому самостоятельному шагу, и потому загорѣвшаяся въ нихъ любовь приводитъ ихъ лишь къ бессильному отчаянію, послѣ чего онѣ махаютъ на все рукой и стремятся забыться, еще болѣе погружаясь въ свою безпутную и пустую жизнь».

Подобныхъ Евлаліи Андреевнѣ, сказали мы,—и читатель, навѣрное, согласится съ нами,—къ сожалѣнію, большинство среди нашихъ женщинъ. Но есть не мало другихъ женщинъ, которыя не такъ легко отступаютъ отъ

* Д. Скабичевскій: Сочиненія, т. II, стр. 808.

своихъ идеаловъ, и изъ нихъ громадное большинство,— чтобы не сказать всё,—гибнуть въ борьбѣ, которая оказывается для женщины ни по физическимъ, ни по нравственнымъ силамъ ея.

Въ галлерей Островскаго изъ числа этихъ женщинъ-борцовъ есть представительницы всѣхъ классовъ народа. Всѣ онѣ находятся въ различныхъ условіяхъ жизни, всѣ онѣ различнаго развитія, но всѣ связаны между собою одной общей идеей протеста противъ деспотизма семьи и общества, лежащагося всѣмъ своимъ бременемъ исключительно на женщину. Въ первыхъ двухъ примѣрахъ, которые сейчасъ будутъ предложены читателю, являются еще не совсѣмъ полноправныя женщины,—это невесты наканунѣ замужства: Надя въ комедіи «Воспитанница» и Ларисса Дмитріевна въ комедіи «Безприданница».

Первая—воспитанница помѣщицы Уланбековой, происходитъ родомъ изъ среды простаго народа, но воспитывалась въ помѣщичьемъ домѣ и поэтому отличается бѣльшей впечатлительностью, чѣмъ какая-нибудь крестьянская дѣвушка. Къ тому же чтеніе книжекъ оказало на нее, можетъ быть, больше впечатлѣнія и вліянія, чѣмъ оно оказываетъ на читателей изъ интеллигентной среды. Оно въ высшей степени облагородило ея мысли и чувства, и попади она въ хорошую семью, изъ нея вышелъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, хорошій человекъ, скромно и добросовѣстно исполняющій свои обязанности жены и матери. Но она встрѣчается съ самыми грубыми формами эгоизма и деспотизма старшаго поколѣнія. Полная самыхъ свѣтлыхъ надеждъ молодой дѣвушки и лучшихъ плановъ молодой женщины, она не выноситъ бессмысленнаго и жестокаго насилія надъ своею личностью и въ ужасѣ отъ предстоящей ей въ ближайшемъ будущемъ отвратительной семейной жизни съ пропойцей мужемъ, въ порывѣ отчаянія, отдается первому попавшемуся ей человеку, въ которомъ она видитъ небольшую долю участія и любви къ себѣ. Этимъ она губитъ себя окончательно. Последняя промелькнувшая, было, надежда на заступничество человека, котораго она, отдавшись ему, полюбила и какъ бы сроднилась съ нимъ, не оправдывается, и несчастная, нравственно искалѣченная Надя въ полномъ отчаяніи говоритъ: «Ни помощниковъ, ни заступниковъ мнѣ не надо! Не надо! Не хватитъ моего терпѣнія,—такъ прудъ-то у насъ не далеко» (т. III, стр. 215).

На этомъ кончается пьеса. И почти безошибочно можно сказать, что не въ замужствѣ и не въ заступничествѣ безхарактернаго барчука, а въ этомъ именно прудѣ она успокоитъ свою истерзанную душу.

Другая—это безприданница Ларисса Дмитріевна Огудалова, происходящая изъ богатой, но разорившейся купеческой семьи. Она вращается въ шумномъ, веселящемся, безпечномъ обществѣ. Въ драмѣ нѣтъ свѣдѣній ни о ея дѣтствѣ, ни о ея воспитаніи и образованіи, но, зная ея маменьку Харитину Игнатьевну, прекрасно уже охарактеризованную авторомъ въ описаніи ея наружности: «одѣта изящно, но смѣло и не по лѣтамъ», можно составить себѣ вѣрное и полное представленіе о той безалаберщицѣ въ ея семьѣ, которая изъ чуткой, но скромной дѣвочки воспитала свѣтскую барышню, за-

кружившуюся въ общественномъ вихрѣ и пробудившуюся только въ тотъ моментъ, когда должна была рѣшиться окончательно судьба всей ея будущей жизни.

Между прочимъ, Островскій при обработкѣ этого характера очень интересно изображаетъ вліяніе на женскую молодежь общественной среды съ ея просвѣтителями и развивателями молодыхъ и неопытныхъ душъ. Это, съ одной стороны, вся компанія Кнуровыхъ, Паратовыхъ, Вожеватовыхъ и другихъ, удовлетворяющихъ свои высшія потребности цыганскими хорами, шампанскимъ и пикниками съ безумной роскошью и распущенностью. Съ другой стороны, это—отношенія къ Лариссѣ Дмитріевнѣ господина Вожеватова, который самъ сознается, что, пользуясь близостью къ ней, онъ «то нальетъ лишній стаганчикъ шампанскаго потихоньку отъ матери, то пѣсенку выучитъ, то привезетъ романы, которые дѣвушка читать не даютъ». И когда на это Кнуровъ замѣчаетъ: «Развращаете, значитъ, понемножку», то Вожеватовъ прехладнокровно отвѣчаетъ:

«— Да мнѣ что? Я вѣдь насильно не навязываю... что же мнѣ объ ея нравственности заботиться! Я не опекунъ» (т. X, стр. 11).

Но Ларисса—натура далеко не дюжинная, и, несмотря на всю окружающую ее распущенность общества и семьи, она подъ внѣшней, испорченной этой же средой, оболочкой свято сохранила нетронутымъ и дѣвственнымъ свое глубокое чувство любви. Не надѣясь найти гдѣ-нибудь вблизи симпатичнаго ей спутника для того, чтобы выйти на прямой и честный путь замужней женщины, она рѣшается связать свою судьбу съ недалекимъ, но, какъ ей кажется, искренно любящимъ ее человекомъ, который самъ сознается, что она для него «только та соломинка, за которую хватается утопающій» (т. X, стр. 43), и собирается удалиться отъ опротивѣвшаго ей свѣтскаго общества. Но и въ этомъ, какъ казалось, ничтожномъ чловѣчкѣ она встрѣчаетъ тотъ же холодный эгоизмъ, который душилъ ее и въ обществѣ, и семьѣ, и отъ котораго она хотѣла бѣжать... и тутъ-то начинается ея полное разочарованіе и паденіе.

Въ разговорѣ съ своимъ женихомъ она, предчувствуя что-то недоброе, говорить, разсуждая какъ бы сама съ собою: «Самолюбіе! Все только о себѣ! Всѣ себя любятъ! Когда же меня будетъ любить кто-нибудь? Доведете меня до погибели!» (т. X, стр. 44).

И тому же избраннику Лариссы Дмитріевны выпадаетъ на долю еще разъ уже окончательно оттолкнуть отъ себя ее, ищущую у него спасенія и успокоенія, разсказомъ объ отношеніяхъ къ ней ея близкихъ знакомыхъ: «Кнуровъ и Вожеватовъ,—разсказываетъ ея женихъ,—мечутъ жребій, кому вы достанетесь, играютъ въ орлянку, и это не оскорбленіе? Хороши ваши пріятели! Какое уваженіе къ вамъ! Они не смотрятъ на васъ, какъ на женщину, какъ на чловѣка,—чловѣкъ самъ располагаетъ своею судьбой, они смотрятъ на васъ, какъ на вещь!» (т. X, стр. 105).

И Ларисса лишается уже всякой надежды на истинныя чловѣческія отношенія и, не чувствуя въ себѣ больше ни почвы подъ ногами, ни ка-

кой-либо другой силы, кромѣ глухого озлобленія глубоко оскорбленнаго человѣка, падаетъ въ открывающуюся передъ ней пропасть.

«— Я любви искала и не нашла, — говоритъ она Карандышеву. — На меня смотрѣли и смотрять, какъ на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мнѣ въ душу, ни отъ кого я не видѣла сочувствія, не слышала теплаго сердечнаго слова. А вѣдь такъ жить холодно! Я не виновата. Я искала любви и не нашла... Ея нѣтъ на свѣтѣ... Нечего и искать. Я не нашла любви, такъ буду искать золота» (т. X, стр. 107).

Она готова уже опуститься въ грязный омутъ роскоши и разврата и только благодаря счастливой (въ полномъ смыслѣ этого слова) случайности она спасается отъ нравственной смерти тѣмъ же ничтожнымъ женихомъ своимъ, который убиваетъ ее, послѣ того, какъ не удался его планъ личной мести презирающему его обществу. И, выливая свою злобу на людей, онъ мститъ несчастной жертвѣ того же общества—своей невѣстѣ.

Но Ларисса съ радостью встрѣчаетъ смерть, которая для ея чистой, но слабой души является благодѣтельницей, и съ искренней благодарностью на остывающихъ устахъ и съ искренней радостью за веселье и счастье другихъ оставляетъ тотъ мѣръ, который ее не понялъ и который убилъ въ ней человѣка.

Съ личностью Екатерины мы переносимся въ мѣръ среднего купечества и мѣщанства. Мы уже обратили вниманіе читателя на ея дѣтство, и намъ не трудно будетъ припомнить, что ея простое, слѣдовательно, болѣе нормальное, чѣмъ всякое другое, воспитаніе, съ нѣкоторымъ только излишкомъ религіознаго мистицизма, общало создать изъ этой дѣвушки хотя простого и недалекаго по своему умственному кругозору, но, во всякомъ случаѣ, хорошаго человѣка, т.-е. хорошую жену и хорошую мать. Но опять-таки, въ силу столкновенія ея съ идеями страха и непоколебимыхъ авторитетовъ старшаго поколѣнія, міросозерцаніе Екатерины принимаетъ узко-мистическое направленіе, и ея напряженные, впечатлительные нервы не выносятъ, наконецъ, такого долгаго неослабляющаго напряженнаго состоянія, соединеннаго съ вѣчнымъ раздраженіемъ. Она пытается нѣсколько разъ найти опору въ ближайшемъ ей человѣкѣ—мужѣ, но горько ошибается, такъ какъ онъ, самъ подавленный гнетомъ самодурства, думаетъ только о своей шкурѣ, о томъ, какъ бы ему вырваться, хоть не надолго, изъ этой, всепритупляющей семейной обстановки, и потому ему совсѣмъ, конечно, не до жены. Катерина обращается къ молодой сестрѣ мужа, но и та подъ вліяніемъ тѣхъ же домашнихъ условій устраниваетъ свою жизнь такъ, чтобы хотя при помощи лжи и обмана имѣть немного воли въ этомъ царствѣ рабства и эгоизма. Тогда Катерина, нища защиты и пріюта для своей наболевшей души послѣ долгой борьбы, бросается уже къ постороннему человѣку—Борису. Но и тотъ ее не понимаетъ, не удовлетворяетъ и только усиливаетъ тяжесть, и безъ того гнетущую несчастную жертву самодурства. И вотъ, въ

борьбѣ чувства долга съ неутолимою жаждою участія и любви у Катерины не хватаетъ силъ для того, чтобы продолжать это непрерывное мученіе.

И какъ честный воинъ въ борьбѣ за освобожденіе вдругъ остается одинъ и безъ всякой надежды на подмогу со стороны своихъ, теряетъ послѣднія силы въ неравномъ бою и въ концѣ концовъ самъ взрываетъ себя на воздухъ или бросается въ морскую бездну на вѣрную смерть, но не сдается неприятелю своей крѣпости или своего корабля и не допускаетъ мысли о примиреніи съ позорнымъ положеніемъ плѣнника и раба, такъ и Катерина, подъ влияніемъ новаго взрыва самодурства, теряетъ послѣднюю надежду на какое-либо улучшеніе своего положенія и на болѣе или менѣе сносное отношеніе къ ней новой семьѣ, бросается въ водяную пучину, чтобы не быть поглощенной пучиною темнаго царства.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ изъ этой группы типовъ. Это Ксенія Васильевна Кочуева изъ комедіи «Не отъ міра сего». Это—нѣжное и хрупкое созданіе, почти что мечта художника, съ чистымъ, высокимъ и полнымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ. По выходѣ замужъ, она сразу попадаетъ въ нашу типичную обывденную среду большого свѣта и сразу же она смертельно поражена царящими въ ней нравами, которые такъ далеки отъ ея личнаго идеальнаго міра и такъ пошлы, и низки сравнительно съ нимъ. Это и было ея несчастьемъ, которое слишкомъ уже поздно понялъ ея мужъ. «Вся моя бѣда въ томъ,—объясняетъ онъ своему пріятелю,— что я женился на очень добродѣтельной дѣвушкѣ. Это была большая ошибка. На такихъ дѣвушекъ надо любоваться издали, а въ жены онѣ намъ не годятся»..

А затѣмъ онъ прибавляетъ: «А каково имѣть предъ собой ежеминутно строгаго цензора нравовъ? Ты ждешь отъ жены наивности, веселости, ласки, а она тебѣ въ душу глядитъ, точно допрашиваетъ» (т. X, стр. 594).

Когда онъ понялъ это, то задумалъ перевоспитать молодую подругу на свой ладъ. Но, къ его удивленію, въ этой молоденькой и слабенькой женщинѣ онъ встрѣтилъ сильнѣйшаго духомъ противника, который съ поразительной быстротой и легкостью свелъ къ нулю весь хитро-составленный главой дома планъ покоренія противной стороны и подчиненія ея своимъ законамъ и обычаямъ.

Когда Кочуевъ, самъ страстный любитель легкаго искусства и особенно его представительницъ, задумалъ и свою жену просвѣтить опереткой и повелъ ее смотрѣть какую-то парижскую знаменитость, то, въ самомъ интересномъ мѣстѣ, «жена моя,—разсказываетъ онъ своему пріятелю,—вспыхнула и обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «Что это хорошо?» Я, знаешь, сталъ такъ и сякъ оправдывать актрису и публику, и этотъ родъ представленій. Она ничего слушать не хочетъ, оставила на меня глаза въ упоръ и твердитъ одно: «Нѣтъ, ты скажи, хорошо это или нѣтъ?» Куда-жъ тутъ дѣваться? Нѣтъ,—говорю,—нехорошо.—«А если,—говоритъ,—нехорошо, такъ затѣмъ же ты повезъ меня, затѣмъ и самъ ѣздишь?» (т. X, стр. 595).

И даже ненавистникъ женщинъ Елоховъ, не признававшій у женщинъ логики, не могъ не согласиться со справедливостью этого: «Да, это дѣйствительно логика».

Подобная же участь постигла и другой способъ просвѣщенія, чтеніе современныхъ натуральныхъ романовъ: «Романы она покидала подъ столъ, а одинъ маменькѣ свезла. Отъ той мнѣ такой нагоняй былъ, что я не зналъ, какъ ноги унести. Тутъ скоро она прослышала про мои закулисные грѣшки въ опереткѣ... Поднялась буря. Я думалъ отразить нападеніе нападеніемъ, сталъ упрекать въ ревности, доказывать, какой это гнусный порокъ, какъ она разрушаетъ семейное счастье. Не помогло. На мой горячій монологъ она мнѣ отвѣтила самымъ рѣшительнымъ тономъ, знаешь что?... «Нѣтъ,—говоритъ,—это не ревность. Если бы ты увлекся женщиной хорошей, увлекся ея умомъ, достоинствами, я, можетъ быть, и почувствовала бы ревность; но ты падаешь очень низко, ты пересталъ быть равнымъ мнѣ, ты попадаешь въ число людей, которыхъ я равнодушно презираю. Любить такого человѣка я не могу,—значитъ, не могу быть и его женой; это безнравственно, грѣшно» (т. X, стр. 596).

Дѣйствовать такъ энергично и смѣло можетъ, конечно, только человѣкъ искренно и глубоко убѣжденный въ своихъ взглядахъ. И Ксенія Васильевна была таковой. Въ ея убѣжденія, которыя шли такъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, нашъ драматургъ вложилъ такъ много идеальной и поэтической истины, что и мы, подобно ея мужу Кочеву, можемъ только преклоняться и издали любоваться этимъ идеаломъ.

«Вѣдь любовь,—говоритъ Ксенія Васильевна,—цѣль нашей жизни, вѣнецъ всѣхъ желаній, торжество. Вѣдь это та неоцѣненная рѣдкость, которую ищутъ всѣ женщины, а находятъ очень немногія. Женщины кроткія, скромныя, меньше всего имѣютъ надежды на это счастье; но зато онѣ дороже его цѣнятъ. Какъ онѣ благодарны тѣмъ мужьямъ, которые ихъ любятъ, на какой пьедесталъ ихъ ставятъ. Загляните въ душу такой женщины. Вѣдь это—храмъ, гдѣ совершается скромное торжество добродѣтели. Кроткая женщина не столько радуется тому, что ее любятъ, сколько торжествуетъ, что родъ людской еще не совсѣмъ палъ, что не одна красота, а и скромное любящее сердце могутъ найти себѣ оцѣнку. Это святое, духовное торжество, это ни съ чѣмъ не сравнимая радость побѣды добра и честной жизни надъ зломъ и развратомъ».

«У страстной, энергической женщины явится ревность, она отомститъ или мужу, или соперницѣ, для оскорбленнаго чувства найдется выходъ, а кроткая женщина и на протестъ не рѣшится: для нея все это такъ гадко покажется, что она только уйдетъ въ себя, сожмется, завянетъ. Да цвѣтокъ она, цвѣтокъ... Пригрѣетъ его солнцемъ,—онъ распустится, благоухаетъ, радуется; поднимется буря, подуетъ холодный вѣтеръ,—онъ вянетъ безъ всякаго протеста. Конечно, можетъ и не умереть отъ такой обиды, а ужъ жизнь будетъ надломлена. Женщина сдѣлается или сухой, озлоб-

ленвой, придирчивой моралисткой, или завянетъ какъ цвѣтокъ и уже другой бурж, другого мороза не выдержатъ, свернется» (т. X, стр. 611).

Такъ случилось и съ ней самой. Какъ цвѣтокъ на морозѣ или какъ вольная пташка въ душной клѣткѣ, безъ живящей струи свѣжаго воздуха, идеалистка Ксенія свернулась и только на одно мгновеніе предъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ она вострепнулась и пропѣла свою лебединую пѣсню.

«Я убита, уничтожена. Какое холодное, безжалостное презрѣніе къ женскимъ чувствамъ, къ женскому сердцу. И мужъ не заступился за меня. Значитъ, онъ меня только словами утѣшаетъ, обманываетъ. Нѣтъ, намъ, вротьямъ и незнающимъ жизни женщинамъ, жить нельзя на свѣтѣ и не надо... Кому вѣрить? На кого положиться? Вотъ мужъ мой... Я знаю, что онъ меня любитъ, но положиться на него я не могу... Онъ не говоритъ мнѣ правды, онъ говоритъ мнѣ только то, что мнѣ приятно, старается попасть въ мой тонъ, утѣшаетъ меня. Утѣшаетъ и обманываетъ; онъ какъ ребенка нянчить меня на рукахъ, говоритъ мнѣ: «агу, душенька!»—пляшетъ передо мной, даритъ мнѣ куклы, конфеты, но умомъ своимъ, своими знаніями не дѣлится со мной. Въмѣсто того, чтобъ учить, руководить меня, онъ со мной соглашается, онъ боится оскорбить меня моимъ же невѣжествомъ; онъ боится, что я буду спорить противъ неоспоримыхъ истинъ, и прячетъ ихъ, скрываетъ отъ меня. И я уже ему вѣрить не могу. Если онъ скрываетъ отъ меня свои убѣжденія, можетъ скрывать и что-нибудь другое...» (т. X, стр. 650).

И обманутая въ послѣдній разъ Ксенія Васильевна все-таки, вѣря чело­вѣку и любя его, съ прощеніемъ на устахъ въ своемъ послѣднемъ словѣ отходить въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни жи, ни пошлости, ни черстватаго гонима.

VIII.

„Островскій в: хватилъ такіа общія стремленія и потребности, которыми проникнуто все русское общество, которыхъ голосъ слышится во всѣхъ явленіяхъ нашей жизни, которыхъ удовлетвореніе составляетъ необходимое условіе нашего дальнѣйшаго развитія“.

Добрлюбовъ (т. III, стр. 438).

Окончивъ нашъ обзоръ положенія русской женщины по художественнымъ даннымъ произведеній Островскаго, мы, прежде чѣмъ перейти къ заключенію, напомнимъ читателю вкратцѣ главныя части этого обзора.

Обстановка, въ которой начиналась жизнь женщины, была во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительна, главнымъ образомъ вслѣдствіе деспотическаго произвола главы семьи. Дѣвочкой она попадала подъ гнетъ родительскаго страха, подъ вліяніемъ котораго и росла, развиваясь безъ всякаго воспитанія и лишь иногда при помощи весьма плохого образованія.

Бъ концу этого періода жизни, у нея намѣчался или кроткій харак-

теръ съ задатками серьезности, скромности, честности и съ громаднымъ запасомъ терпѣнія, или наоборотъ характеръ бойкій, неповорный, хитрый, легкомысленный и нетерпѣливый.

Наступаютъ годы юности. Дѣвушка покончила съ образованіемъ, которое не дало ей ни практическихъ свѣдѣній вообще, ни научнаго интереса къ какой бы то ни было отрасли знанія, ни знакомства съ искусствомъ пониманія его и наслажденія имъ, ни, наконецъ, общаго развитія, которое выработало бы извѣстную зрѣлость и твердость характера и закалило бы ее для жизненной борьбы. Занятій или развлеченій нѣтъ никакихъ и потому всѣ молодыя силы направляются въ область чувства.

Тутъ у дѣвушки еще опредѣленнѣе высказываются черты характера, и первая группа, которая, какъ мы сказали выше, обладаетъ вроткимъ характеромъ, всѣ свои силы отдаетъ серьезному чувству любви, которое должно замѣнить ей и родныхъ, и образованіе, и должно наполнить ее жизнь, давъ ей и смыслъ, и цѣль.

У второй же группы, обладающей бойкимъ и легкомысленнымъ характеромъ, развитіе чувства играетъ больше роль развлеченія, отдаляя мысль дѣвушки отъ серьезныхъ запросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и само оно утрачиваетъ свой идеальный характеръ.

Съ возникновеніемъ и развитіемъ любви начинается чувствоваться одиночество, и потому обѣ группы дѣвушекъ обращаются къ сильной половинѣ человѣческаго рода, одна—въ надеждѣ найти друга, опору и защиту, другая—желая найти мужа и освобожденіе отъ домашняго гнета.

Но сильная половина человѣческаго рода въ преобладающемъ большинствѣ оказывается на очень невысокомъ нравственномъ уровнѣ, и поэтому трудно ожидать, чтобъ она удовлетворила запросамъ женщины. Такъ и оказывается въ дѣйствительности. И первая группа горько ошибается въ своихъ надеждахъ и страдаетъ за свою невольную ошибку; вторая группа въ отвѣтъ на обманъ или сама учится обманывать, или махаетъ на все рукой. Семейная же жизнь, начавшаяся подъ тлетворнымъ вліяніемъ самодурства старой семьи и при эгоистическихъ наклонностяхъ мужа, дѣлается для женщины во всѣхъ отношеніяхъ тяжелымъ бременемъ, которое начинаетъ болѣе или менѣе скоро оказывать на женщину свое вліяніе, или убивая въ ней нравственнаго человѣка, т.-е. развращая ее, или же убивая ее въ полномъ смыслѣ этого слова.

И когда цѣлью супружества дѣлается не совмѣстная нравственная жизнь, не общій жизненный путь, полный труда, борьбы и порой невзгодъ, а главною цѣлью ставится приобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ и удовольствія, которыя эти средства могутъ доставить, то картина супружеской жизни оказывается очень далекой отъ своего идеала. Женны, попавшія на этотъ путь также ради золотого тельца, теряютъ тотъ высокій человѣческій обликъ, который въ нихъ еще могъ бы сохраниться при другихъ условіяхъ или другихъ руководителяхъ, и погразаютъ въ пучинѣ темнаго царства. А тѣ, которыя не затѣмъ шли замужъ, чтобы сдѣлаться рабынями

маманы, и которыя, навѣрно, въ пылу первыхъ мечтаній и увлеченій не замѣтили, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло,—тѣ являются снова, какъ и до замужства, одинокими, лишними и непригодными къ подобному прозябанію, не удовлетворяющему ихъ духовныхъ потребностей, и гибнуть, или медленно угасая въ непосильныхъ мукахъ и борьбѣ, или же сразу прекращая всѣ счеты съ неудовлетворяющей ихъ жизнью.

И если въ дѣвушкѣ, въ силу естественной передачи нравственныхъ началъ изъ одного поколѣнія въ другое, сохранилось еще много хорошаго и добраго, то, какъ мы видимъ, въ женщинѣ, разочаровавшейся въ своей послѣдней опорѣ—мужѣ, все, что было хорошаго, опошляется и исчезаетъ, а это вѣдь влечетъ за собой съ одной стороны измелъчаніе самой женской природы и, какъ результатъ этого, упадокъ уваженія и любви къ ней въ мужьяхъ, а съ другой стороны это развращаетъ семью, отъ которой вслѣдствіе отсутствія въ ея основахъ нравственныхъ началъ нельзя ожидать добрыхъ плодовъ. И такъ тянется этотъ безконечный ремень вокругъ двухъ своихъ колесъ, разъ за разомъ содѣйствуя разрушительной дѣятельности зловѣщаго генія—нравственнаго измелъчанія женщины-человѣка.

Самъ драматургъ, на закатѣ своей дѣятельности, какъ будто ужаснулся общей картины непригляднаго положенія женщины въ этомъ грубомъ темномъ царствѣ,—картины, которая послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ его литературной дѣятельности предстала предъ нимъ во всей яркости красокъ, поражающихъ зрителя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше онъ разсматриваетъ ее и чѣмъ больше онъ видитъ въ ней жизненной правды. Пораженный и смущенный своимъ собственнымъ произведеніемъ, принявшимъ неожиданно для него самого такіе грандіозные размѣры и формы, драматургъ, кажется, начинаетъ искать отвѣта въ той же самой жизни, которую онъ изображалъ, можетъ быть, пропущеннаго, недосмотрѣннаго имъ отвѣта на мучительный вопросъ, невольно напрашивающійся на уста: «Неужели изъ этого невозможнаго положенія нѣтъ выхода, нѣтъ средствъ измѣнить его? А если есть, то какой и какія?» Вѣдь ясно, что «вольный воздухъ и свѣтъ,—какъ говорить Добролюбовъ,— вопреки всѣмъ предосторожностямъ погибающаго самодурства, врываются въ келью Катерины; она чувствуетъ возможность удовлетворить естественной жаднѣ своей души и не можетъ долѣе оставаться неподвижною: она рвется къ новой жизни, хотя бы пришлось умереть въ этомъ порывѣ. Что ей смерть? Все равно, она не считаетъ жизнью и то прозябаніе, которое выпало ей на долю въ семьѣ Кабановыхъ» *).

Эти слова критика, относящіяся въ частности къ Катеринѣ Кабановой, по справедливости могутъ быть отнесены вообще къ русской женщинѣ. Понятно, что она не можетъ уже оставаться неподвижною и бездѣятельною, разъ въ ея жизнь, даже и вопреки всѣмъ предосторожностямъ самодурства, ворвался «вольный воздухъ и свѣтъ». И вотъ Островскій въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ подмѣчаетъ въ жизни русской женщины какое-

*) Сочиненія Добролюбова, т. III, стр. 464.

то новое въяніе—дѣйствительно тотъ порывъ «къ новой жизни», который долженъ положить начало удовлетворенію «естественной жажды» души женщины.

Этотъ порывъ выражается пока, съ одной стороны, въ формѣ протеста противъ стараго порядка, и протеста уже рѣшительнаго, не признающаго никакихъ полумѣръ и сдѣлокъ, а съ другой стороны—въ видѣ желаній и требованій чего-то новаго, но еще недостаточно яснаго, не отлившагося въ болѣе или менѣе опредѣленныя формы.

Намъ приходится снова обратиться къ комедіи «Невольницы», которой мы уже пользовались и въ которой умышленно прошли молчаніемъ одинъ важный эпизодъ въ отношеніяхъ мужа и жены. Вы припомните, что этотъ мужъ, Евдокимъ Егоровичъ Стыровъ, — очень богатый человѣкъ, дѣлецъ, лѣтъ уже за пятьдесятъ, — собственно говоря, только подъ постороннимъ вліяніемъ (именно—своего компаньона по предпріятію, Коблова) слѣдуетъ въ своихъ некрасивыхъ отношеніяхъ къ женѣ завѣтамъ старины и прижѣру окружающей среды, а на самомъ дѣлѣ онъ, по своимъ взглядамъ и по своему, какъ бы сохранившемуся съ молодости, доброму, гуманному чувству къ человѣку вообще, а къ своей женѣ въ особенности, принадлежитъ къ людямъ совершенно обратнаго образа мыслей, скорѣе къ тому новому поколѣнію, которому предстоитъ содѣйствовать измѣненію семейнаго и общественнаго положенія женщины.

Жена же его Евлалія Андреевна—одна изъ протестантокъ противъ деспотизма темнаго царства въ этихъ отношеніяхъ.

На ихъ столкновеніи и проектѣ Стырова объ улучшеніи положенія жены Островскій даетъ картину современнаго ему состоянія вопроса, поставленнаго выше.

Въ отвѣтъ на заявленіе Евлаліи Андреевны о томъ, что послѣ всѣхъ оскорбленій, перенесенныхъ ею, она не можетъ оставаться болѣе въ такой средѣ, которая не уважаетъ въ женщинѣ человѣческаго достоинства, Островскій влагаетъ въ уста Стырова предложеніе даровать своей женѣ «полную свободу».

Это было такой неожиданностью для молодой женщины, воспитанной покорно въ страхѣ дѣдовъ и отцовъ, что она поражена этими словами, какъ человѣкъ, увидавшій вдругъ среди безпроглядной тьмы яркій лучъ свѣта. Повторяя безсвязно какъ будто непонятныя для нея эти чудные звуки новой жизни, она раздумываетъ надъ ихъ значеніемъ, но такъ взволнована, что, повидимому, не отдастъ себѣ во всемъ этомъ отчета. «Свободу? Ахъ! это что-то хорошее... Я ея не знала съ дѣтства... Ахъ, погодите! Я и рада, и путаюсь въ мысляхъ... Что это такое? Это новое... я еще дѣны ему не знаю... погодите, я подумаю...» (т. X, стр. 275).

А между тѣмъ Стыровъ разъясняетъ далѣе свою мысль и говоритъ: «Я съ самаго начала долженъ былъ дать тебѣ свободу и оказать полное довѣріе. Вотъ въ чемъ моя ошибка или вина, какъ тебѣ угодно.

«Я вѣдь недурной человѣкъ, а только слабый и безхарактерный: я под-

чинился чужому вліянію, послушался чужихъ совѣтовъ. Я очень люблю тебя и желаю, чтобы ты была совершенно счастлива,—я только не сообразилъ, что безъ свободы нѣтъ счастья для женщины» (т. X, стр. 276).

Чего же больше? Эти мысли могутъ уже привести въ восторгъ кого угодно и смутить не одну только бѣдную Евлалію Андреевну, не имѣющую твердыхъ нравственныхъ основъ. Даже современные идеальные феминисты, навѣрное, не пожелаали бы ничего больше...

Но «пьесы жизни» Островскаго хладнокровны и безжалостны какъ древнія богини судьбы—Парки: героиня его комедіи оказывается не на высотѣ пониманія и удовлетворенія своихъ собственныхъ желаній, она отказывается даже потомъ отъ предлагаемой такъ искренно и безкорыстно «полной свободы» и, какъ мы уже сказали выше, гибнетъ нравственно въ омутѣ житейской суеты.

Сначала кажется, что авторъ этимъ финаломъ какъ будто хотѣлъ доказать, что, какъ, на примѣръ, поздно давать свободу канарейкѣ, въ клѣткѣ вылупившейся изъ яйца, въ клѣткѣ просидѣвшей всю жизнь и ничего не видѣвшей дальше стѣны противоположнаго дома, да клочка неба надъ нимъ,—бѣдная затворница все равно не сумѣетъ воспользоваться свободой и погибнетъ, не вкусивъ ея прелести,—такъ и Евлалія Андреевна, «съ дѣтства не знавшая свободы», не сумѣла бы воспользоваться ею. И, конечно, съ практической точки зрѣнія, она поступила вполнѣ благоразумно, отказавшись отъ такого подарка, который ея мужъ совершенно напрасно, хотя и справедливо, оцѣнилъ дороже «милліоновъ».

Но изъ этого факта нельзя дѣлать ни того заключенія, что «свобода не нужна женщинѣ», ни того, что «женщина не сумѣетъ воспользоваться свободой», какъ это говоритъ Кобловъ, ни другихъ, тому подобныхъ, выводовъ. Нельзя также изъ этого заключать относительно самого автора, что будто бы этимъ произведеніемъ онъ хотѣлъ указать на несостоятельность практическаго примѣненія дарованія женщинѣ свободы и довѣрія...

Если вдуматься въ эту пьесу и принять въ соображеніе время появленія ея на свѣтъ, то мы увидимъ, что, не рѣшая вопроса будущаго времени, выводы этой пьесы, неразрывно связанные съ выводами остальныхъ произведеній Островскаго, указываютъ только на намѣтившіеся къ концу XIX вѣка исходные пункты для рѣшенія женскаго вопроса.

Самыя понятія: «невольницы», «рабство», «свобода», «довѣріе» и др.—схвачены Островскимъ прямо изъ жизни русскаго общества семидесятыхъ годовъ, когда эти понятія были въ большомъ ходу вмѣстѣ съ «эмансипаціей», «равенствомъ», «бурсами» и другими, вновь появившимися понятіями, словами и начинаніями. Это былъ періодъ сильнаго броженія общественной мысли по всѣмъ животрепещущимъ и наболѣвшимъ вопросамъ, вызванный тѣмъ подъѣмомъ духа и нравственной энергіи русской интеллигенціи, который дали конецъ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ русской исторической жизни текущаго столѣтія.

Но всѣ планы, проекты, мысли, реформы этого времени, все это не

было рѣшеніемъ наболѣвшаго многовѣковаго женскаго вопроса, — все это были попытки, выяснявшія силы, матеріалы и другія данныя для рѣшенія вопроса. И комедія Островскаго есть не что иное какъ изображеніе одной изъ подобныхъ попытокъ, зарисованныхъ наблюдательнымъ художникомъ. Самъ драматургъ не брался, да и, конечно, никогда не взялся бы за рѣшеніе подобнаго вопроса. Но съ его стороны велика заслуга уже въ томъ, что онъ далъ этому вопросу прекраснѣйшую наглядную иллюстрацію, которая настолько общедоступна и понятна, что каждому дѣлаются понятны историческіе эпизоды, которые должны послужить сырымъ матеріаломъ будущему времени, выводы настолько реальны и справедливы, что они, навѣрное, совпали бы со статистическими данными, если бы таковыя можно было бы составить.

Этими выводами или, какъ мы назвали ихъ выше, исходными пунктами для рѣшенія женскаго вопроса, сложившимися къ концу XIX вѣка и отмѣченными произведеніями Островскаго, являются слѣдующіе общіе факты, имѣющіе широкое общественное значеніе.

Во-первыхъ, историческое наслѣдство прошлыхъ временъ выработало всѣ остальные ненормальности и создало даже нѣкоторые законы, много обычаевъ и привычекъ, сдѣлавшихся законными потребностями большинства.

Во-вторыхъ, отсутствіе воспитанія и недостатокъ образованія были въ русской жизни такими плохими факторами, которые не дали даже матеріала и средствъ для выработки нормальнаго человѣка, въ особенности со стороны его нравственной уравновѣшанности.

Въ-третьихъ, ненормальныя отношенія старшаго поколѣнія къ младшему все время препятствовали правильному развитію послѣдняго.

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, ненормальныя отношенія мужчины къ женщинѣ создали изъ перваго эгонста-деспота и самодура, а изъ второй или лукавую рабыню, достойную своего господина, или подавленное, безжизненное существо, только механически исполняющее свои хозяйственныя, семейныя и общественныя обязанности, навязанныя обычаемъ и модой, а никакъ не вытекающія естественнымъ путемъ изъ духовныхъ потребностей женщины.

Съ этими-то фактами нужно будетъ считаться при выработкѣ условій новой жизни и, можетъ быть, не далеко то время, когда исполнится желаніе Стывова дать свободу женщинѣ, какъ онъ выразился «съ самаго начала, т.-е. женщинѣ-ребенку—дома, женщинѣ-дѣвочкѣ—въ школѣ, женщинѣ-дѣвушкѣ—въ обществѣ, женщинѣ-женѣ—въ семьѣ».

Тогда, можетъ быть, женщина будетъ «полнымъ человѣкомъ» и умѣетъ разумно воспользоваться своею свободой и докажетъ на дѣлѣ, что она также можетъ быть человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и создастъ изъ своего ребенка вмѣсто современнаго, безъидеянаго, неудовлетвореннаго болѣзненнаго существа — физически и нравственно здороваго члена семьи, общества и государства...

Будемъ ждать и надѣяться на лучшее будущее. И мнѣ кажется, будетъ весьма умѣстнымъ заключить нашъ обзоръ слѣдующими словами Гоголя, какъ нельзя болѣе относящимися къ нашему вопросу и заключающими въ себѣ непремѣнное условіе «новой жизни»:

«Забирайте же,—сказалъ онъ,—съ собой въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество,—забирайте съ собой всё человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ,—не поднимите потомъ. Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдастъ назадъ и обратно».

А. Сомиль.

Воспитаніе общественности.

I.

Когда мы въ своей статьѣ «Нравственное воспитаніе и начальная школа» говорили о силѣ нравственнаго внушенія и примѣра, о развитіи воли, дѣтскихъ идеаловъ и нравственнаго чувства,—почти все сказанное нами въ равной мѣрѣ могло относиться и къ семьѣ, и къ школѣ. Теперь мы приступаемъ къ области явленій, имѣющихъ мало отношенія къ семьѣ и преобладающихъ въ школѣ. Если мы заглянемъ въ себя, то мы найдемъ въ своей душѣ неодолимыя наклонности, пружины, то инстинктивно толкающія насъ навстрѣчу ближнему, побуждающія насъ согласовать свои дѣйствія, свои настроенія, свои идеи съ поступками, чувствами и идеями другихъ людей, то соединяющія людей узами сознательной привязанности и объединяющія ихъ въ союзы подобно тому какъ атомы, обладающіе взаимнымъ притяженіемъ, даютъ соединенія, называемыя молекулами, а эти послѣднія, также благодаря только взаимному сдѣленію, образуютъ тѣла. Мы вѣримъ, что мы любимъ людей, жалѣемъ ихъ, желаемъ имъ добра и что они насъ тоже любятъ, что имъ не чуждо великодушіе, милосердіе, сожалѣніе и преданность. Это—любовь къ ближнему, по одной терминологіи, это—соціальныя или общественныя чувства, по другой. Мы радуемся радостямъ ближняго, мы горюемъ его печальми, мы сознаемъ необходимость заботиться о немъ, мы готовы для него на нѣкоторыя жертвы.

И мы убѣждены, что развитіе этихъ чувствъ представляетъ важнѣйшую, наиболѣе существенную задачу въ нравственномъ воспитаніи. Да и что такое сама нравственность, какъ не цементъ, связующій людей другъ съ другомъ въ цѣлыя общества? Если бы человекъ жилъ внѣ общества, не существовало бы самого понятія о нравственности. Отношенія между людьми, составляющими общество, ихъ отношенія къ самому обществу—вотъ что служить предметомъ этики. Этика ближе всего къ социологін. Чтобы какое-нибудь общество было здоровымъ, надо чтобы отношенія, связующія его членовъ воедино, были нормальны. вмѣстѣ съ измѣненіемъ формъ, какія претерпѣваютъ въ своемъ развитіи человѣческія общества, измѣ-

няются и нравственные понятія. Чтобы судить о томъ, какъ великъ прогрессъ въ этой области, достаточно представить себѣ разстояніе между людоедствомъ первобытнаго человѣка и идеями универсальной справедливости и жизни для другихъ. Самое понятіе о томъ, кто нашъ ближній, котораго мы любимъ, съ которыми связаны чувствомъ солидарности и симпатіи, претерпѣваетъ значительныя измѣненія, и это развитіе идетъ отъ болѣе узкихъ къ болѣе широкимъ кругамъ. Могутъ существовать и теперь самыя идеальныя отношенія членовъ семьи другъ къ другу рядомъ съ враждебнымъ отношеніемъ ко всему остальному міру. Это будетъ пережиткомъ, идущимъ къ намъ изъ глубины вѣковъ, когда существовали только однѣ семейныя, родственныя связи. Деревенскій кулакъ усердно молится Богу о счастіи своей жены и дѣтей, но онъ ставитъ переломленную свѣчку предъ иконою угодника Божія, чтобы такъ-же переломило его сосѣда. Любовь къ людямъ своей расы можетъ уживаться рядомъ съ ожесточенною ненавистью къ народамъ другой расы. Это будетъ также пережиткомъ, но уже болѣе позднаго происхожденія. Современнымъ идеаломъ служить ученіе Христа о томъ, что всѣ люди братья, что для насъ не должно быть ни эллина, ни іудея, что каждый человѣкъ—нашъ ближній. Тѣ связи, какія раньше соединяли только членовъ одного клана, позже людей одного племени, еще позже подданныхъ одного государства, мы дѣлаемъ попытки перенести на всѣхъ людей, на все человѣчество. Но по существу это однѣ и тѣ же связи, и въ области чувства имъ соотвѣтствуютъ общественныя эмоціи, побуждающія насъ жить для другого. Можетъ быть, дѣло только въ томъ, чтобы признать брата въ человѣкѣ, котораго мы считаемъ чужимъ только по недоразумѣнію. Въ англійской литературѣ есть рассказъ про двухъ горцевъ-братьевъ. Они жили недалеко другъ отъ друга. И одинъ изъ нихъ рано утромъ пошелъ навѣстить своего брата. Въ долину, черезъ которую онъ шелъ, стоялъ густой туманъ и придавалъ всѣмъ предметамъ самыя причудливыя, фантастическія формы. На полпути горецъ замѣтилъ, что навстрѣчу ему двигается какое-то громадное, страшное существо, и суевѣрный человѣкъ принялъ его за злого генія этихъ горъ. Горецъ съ силою сжимаетъ орѣховую палку, которая была въ его рукѣ, и храбро наступаетъ на непріятеля. Его врагъ дѣлаетъ то-же. Но вотъ вѣтеръ прогоняетъ туманъ, и при яркихъ лучахъ солнца горецъ сразу узнаетъ въ своемъ врагѣ родного брата. Оказалось, что они оба вышли, чтобы навѣстить другъ друга; ихъ обоимъ туманъ ввелъ въ заблужденіе и каждый изъ нихъ принялъ родного брата за врага. Оба они за минуту предъ тѣмъ готовы были вступить въ борьбу другъ съ другомъ. И кто знаетъ, не похожи-ли и отдѣльныя лица, и цѣлыя народы на этихъ братьевъ, не ведутъ-ли они борьбу другъ съ другомъ только потому, что невѣжество и вѣковые предрасудки не позволяютъ имъ признать брата въ другомъ человѣкѣ. И мы вѣримъ, что настанетъ время, когда свѣтъ знанія поможетъ намъ видѣть и въ нашихъ соперникахъ-соотечественникахъ, и въ людяхъ другой страны и другой расы не враговъ, а своихъ братьевъ.

Значеніе общественныхъ чувствъ и инстинктовъ въ нашей жизни громадно. Все, что мы имѣемъ, создано трудомъ другихъ людей. Во все время нашего беспомощнаго дѣтства мы пользовались заботами другихъ. Всѣ удобства жизни, всѣ наши удовольствія, всѣ идеи, ставшія нашими достояніемъ, все это открыто, сдѣлано, распространено, передано намъ другими людьми. Робинзонъ возможенъ только въ области вымысла; но даже Робинзонъ пользовался орудіями, найденными на разбитомъ кораблѣ, а эти орудія были произведеніями тысячей другихъ людей.

Люди были бы безсильны въ борьбѣ съ природою, они погибли бы, если бы общественныя чувства не объединили ихъ въ роды, общины, государства. Еще Контъ требовалъ, чтобы воспитанникамъ было внушено, сколько ума, гениальности и труда, сколько слезъ и крови было употреблено на достиженіе благъ, которыми мы пользуемся; сколько извѣстныхъ и забытыхъ благодѣтелей работало и въ области мысли, и въ области практической дѣятельности для нашего благополучія. Это пробудитъ въ душѣ юноши стремленіе и самому внести свою лепту въ общую сокровищницу народнаго блага, побудитъ его жить для другихъ, потому что онъ самъ живетъ при помощи другихъ.

Мы знаемъ возраженія, какія обыкновенно приводятся, когда идетъ рѣчь о развитіи чувства симпатіи и любви къ другимъ. Говорятъ о томъ, что надежды на царство мира, любви и правды—химера, что въ животномъ мірѣ царитъ ожесточенная борьба за существованіе, а не любовь, что та же самая борьба за существованіе, жестокая и неумолимая, преобладаетъ и въ человѣческомъ обществѣ, что болѣе умными и болѣе развитыми надо признать тѣхъ, кто, не желая быть наковальной, сумѣетъ стать молотомъ, что воспитатель, не вооружившій своего питомца необходимыми средствами для борьбы за существованіе, заравѣ обрекаетъ его на неудачи, на пораженія въ борьбѣ за жизнь, что на войнѣ, какъ на войнѣ, и потому мягкое, незлобивое сердце, жалость и состраданіе къ другимъ только повредятъ ему въ неизбѣжныхъ столкновеніяхъ съ другими, заставятъ его шагъ за шагомъ уступать болѣе выгодныя позиціи своимъ конкурентамъ; что тамъ, гдѣ господствуетъ соревнованіе, борьба за лучшее мѣсто, за благосостояніе, за заработокъ, за каждый кусокъ хлѣба, беретъ верхъ каменное сердце, бездушные типы, не знающіе жалости борцы. Невозможно скрывать, что и въ настоящемъ, и въ прошломъ человѣческой жизни борьба за существованіе принимаетъ очень часто именно эти формы, хотя это положеніе можетъ быть принято только съ значительными оговорками. И въ прошломъ, и въ настоящемъ наряду съ безобразною, звѣрскою борьбой, какаѣ идетъ между людьми, была, и теперь существуетъ еще и солидарность, и жалость, и помощь.

Задатки чувства симпатіи есть даже въ животномъ мірѣ. И примѣры проявленія этого чувства знаетъ естественная исторія. Бремъ разказываетъ, на примѣръ, про обезьяну, бросившуюся, какъ настоящій герой, въ среднюю стаю собакъ, окружившихъ маленькую беззащитную обезьянку, чтобы

спасти послѣднюю отъ опасности. Онъ же рассказываетъ про воронъ, кормившихъ свою слѣпую подругу. Тамъ, гдѣ между людьми альтруистическія чувства развиты сильнѣе, гдѣ шире распространены идеи солидарности, гдѣ эти идеи чаще и лучше воплощаются въ практической жизни, тамъ люди пользуются большею долею благосостоянія и счастья.

Но въ данномъ случаѣ важенъ не столько вопросъ о томъ, что есть, сколько вопросъ о томъ, что будетъ. Человѣчество развивается такъ-же, какъ растетъ дерево, какъ развивается ребенокъ. То, что казалось непреложнымъ закономъ въ его прошломъ, можетъ оказаться уродливымъ исключеніемъ въ будущемъ. Мы часто поражаемся эгоизмомъ маленькаго ребенка. Онъ думаетъ только о себѣ, все тащитъ для себя одного, ежеминутно готовъ вступить въ ссору и драку съ товарищемъ изъ-за обладанія какою-нибудь игрушкой, яблокомъ, простою палочкой, изображающею лошадь. Но если бы кто сталъ на основаніи этихъ наблюденій предсказывать, что этотъ ребенокъ никогда не будетъ въ силахъ принести значительную жертву для кого бы то ни было другого, тотъ впадетъ въ грубую ошибку.

Такая характеристика вполнѣ справедлива для прошлаго и отчасти для настоящаго этого ребенка, но она будетъ совершенно несправедливою для его будущаго, она не можетъ быть перенесена на взрослаго человѣка, какимъ станетъ потомъ этотъ ребенокъ. Мало этого: ребенокъ, каковъ онъ сегодня, носитъ въ себѣ, въ скрытомъ состояніи, зародышъ менѣе корыстнаго будущаго и оно проявится въ его поступкахъ и образѣ жизни, когда онъ наберетъ достаточно силы и мощи. Ребенокъ вырастетъ; личные интересы и тогда не станутъ ему чужды, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него явятся другія стремленія, онъ станетъ способенъ на жертвы и, можетъ быть, очень большія. Если онъ полюбитъ женщину, онъ не остановится ни предъ какою жертвой ради нея. Когда онъ станетъ отцомъ, его жизнь станетъ непрерывнымъ рядомъ жертвъ, которыя онъ будетъ приносить съ радостью и любовью для своихъ дѣтей. Можетъ быть, онъ дорастетъ до любви къ своей родинѣ и будетъ готовъ отдать за нее свою жизнь. И кто признаетъ тогда въ немъ маленькаго эгоиста, проявлявшаго только инстинкты варвара и дикаря? Разумѣется, и тогда онъ станетъ заботиться и о своемъ здоровьѣ, и о своихъ силахъ, и о своемъ вліяніи, но онъ, можетъ быть, подчинитъ эти заботы своимъ высшимъ стремленіямъ: и здоровью, и силамъ, и вліянію ему нужны будутъ для того, чтобы съ наилучшимъ успѣхомъ работать для своей семьи, для своего общества, для народа.

Аналогичный образъ мы видимъ и въ растеніи. Пока оно молодо, оно только сосетъ и тянетъ въ себя; всѣ его органы,—и корни, и листья,—приспособлены только къ усвоенію, къ питанію. Но вотъ оно выросло, набрало достаточно силъ и на немъ появляются уже другіе органы—цвѣты, тычинки и плодники,—назначеніе которыхъ плодить жизнь на землѣ, и оно уже творитъ, оно даетъ зародыши для другихъ жизней. Если бы орлиное яйцо, неподвижное и инертное, сознало скрытыя въ немъ силы, это сознаніе было бы идеаломъ свободной и гордой птицы, парящей подъ облаками.

Человѣчество тоже растетъ и развивается. Въ прошломъ міръ былъ не таковъ, каковъ онъ сегодня; но и теперь онъ не таковъ, какииъ онъ станетъ въ будущемъ. То, что существуетъ теперь, существовало, какъ зародышъ, въ скрытомъ состояніи, въ людѣдахъ каменнаго вѣка, когда законъ борьбы за существованіе, въ самыхъ грубыхъ его формахъ, превосходно изображенный Дарвиномъ, былъ, можетъ быть, единственнымъ закономъ; но мы носимъ въ себѣ точно также въ скрытомъ состояніи еще зародышъ будущаго, которое тоже не будетъ походить на настоящее, какъ настоящее не похоже на прошлое. На первой ступени человѣческая жизнь характеризуется латинскимъ изреченіемъ: «*Nono homini lupus*» (Человѣкъ для человѣка волкъ); на второй поговоркою: «живи самъ; но давай жить и другимъ» и на послѣдней намъ извѣстной ступени принципомъ: «живи самъ, заботься о себѣ, но въ заботахъ о своемъ благополучіи не забывай, что твоя жизнь имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если ты живешь для другихъ, для блага народа, для блага человѣчества; и если ты заботишься о томъ, чтобы твоя жизнь была наиболѣе продолжительной и наиболѣе интенсивной, то это лишь для того, чтобы возможно дольше и возможно энергичнѣе работать для всеобщаго блага, всеобщаго развитія, свободы, справедливости и солидарности; и если ты заботишься о своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, то это опять-таки лишь для того, чтобы вѣрнѣе и лучше сообразовать всѣ твои дѣйствія, всю твою жизнь съ тою же цѣлю всеобщаго, равнаго для всѣхъ развитія и блага; и если ты заботишься о воспитаніи твоихъ дѣтей, то и здѣсь ты руководишься тою же цѣлю приготовить изъ нихъ умныхъ, знающихъ, мужественныхъ и стойкихъ борцовъ за тѣ же общечеловѣческіе идеалы».

Рядъ сравненій между различными историческими эпохами убѣдитъ каждого въ томъ, что прежняя животная борьба въ ея грубыхъ формахъ, можетъ быть слишкомъ медленно, можетъ быть съ колебаніями и попятными движеніями, но зато съ все возрастающею быстротой, уступаетъ въ человѣческихъ обществахъ мѣсто стремленіямъ къ солидарности, взаимопомощи, единенію, согласію и гармоніи, борьбѣ за общее благо и справедливость.

Если ограничиться только историческими временами, то и здѣсь мы встрѣтимся на зарѣ исторіи съ такими ужасами, какъ, напримѣръ, всемірное распространеніе человѣческихъ жертвоприношеній.

Не такъ давно еще существовало рабство, а въ древности самымъ образованнымъ грекамъ или римлянамъ не приходила въ голову даже мысль о его несправедливости. Съдая древность не знала такихъ типовъ, какъ докторъ Гаазъ, какъ Бэтъ Мардсенъ. Давно ли отошли въ области преданій пытки, вьюты, плети и шпирютены, разные виды жестокихъ развлеченій, истязанія душевно-больныхъ, какъ одержимыхъ бѣсами? Доступна ли была имъ идея о всеобщемъ даровомъ обязательномъ обученіи, о страхованіи рабочихъ, о равноправности женщинъ? Конечно, и теперь еще много темныхъ сторонъ въ общественной жизни, какъ, напримѣръ, милитаризмъ, злоупотребленія

капитала и проч., но наши современные недуги вызываютъ со всѣхъ сторонъ столько жалобъ и сознательно отрицательнаго отношенія къ нимъ во имя гуманности и справедливости, столько возвышенныхъ умовъ думаютъ надъ уничтоженіемъ золь, столько великодушныхъ сердець полно состраданіемъ къ жертвамъ этихъ недуговъ, что недалеко время, когда человечество освободится и отъ тѣхъ золь, тяжесть которыхъ мы чувствуемъ сегодня. «Черезъ всю всемірную исторію,—говоритъ нѣмецкій поэтъ,—изъ поколѣнія къ поколѣнію раздается одинъ кличъ: онъ призываетъ къ суду притѣснителей и напоминаетъ о забытыхъ правахъ человѣка. Этотъ призывъ исходитъ изъ мрака и темницъ, изъ устъ несчастныхъ, страдающихъ отъ духовнаго гнета, отъ бѣдности,—это стремленіе людей къ знанію, справедливости и хлѣбу,—это напоминаніе богачамъ и счастливымъ объ обездоленныхъ». И этотъ всемірный кличъ не можетъ не найти отзвука въ сердцахъ даже тѣхъ, кто самъ на себѣ не чувствуетъ бремени общественныхъ недуговъ. И если бы мы сумѣли заглянуть въ тайники души самыхъ безсердечныхъ, повидимому, людей, мы, можетъ быть, и тамъ нашли бы зародыши тѣхъ же стремленій—къ правдѣ, ко всеобщему благу и всеобщему развитію. А если это такъ, если всѣхъ людей, несмотря на видимыя противорѣчія, объединяють одни и тѣ же стремленія, если всѣ они,—одни вполне сознательно, быстро, безъ колебаній и безъ уклоненій, а другіе—полусознательно, медленно, съ остановками и временными попятными движеніями, но идутъ къ одной и той же цѣли,—то мы не можемъ не вѣрить, не можемъ не питать твердой надежды на то, что въ будущемъ ожесточенная животная борьба за жизнь замѣнится борьбою съ неправдою и тьмою, борьбою за всеобщее счастье, за всеобщее гармоническое развитіе всѣхъ высшихъ человѣческихъ способностей, за воплощеніе формъ справедливости въ общественной жизни. И въ этой борьбѣ болѣе слабые не будутъ гибнуть, какъ это имѣетъ мѣсто въ звѣрской борьбѣ за существованіе, а ихъ будутъ лѣчить, развивать и воспитывать, чтобы поднять до общаго средняго уровня. Стоитъ сравнить, напримѣръ, средне-вѣковую школу съ современной. Въ средніе вѣка господствовалъ простой отборъ учениковъ, обладающихъ феноменальною памятью и воловьимъ терпѣньемъ; тогда путемъ массовыхъ исключеній и жестокихъ звѣрскихъ наказаній, обращавшихъ въ бѣгство всѣхъ, кто не подходилъ подъ тогдашнія требованія, педагоги отдѣлывались отъ менѣе терпѣливыхъ и менѣе способныхъ. Теперь наши лучшія школы почти не знаютъ исключеній по неспособности и лѣни, по испорченности и злой волѣ; хорошая школа теперь почти не пользуется отборомъ дарованій, она гораздо больше заботится о слабыхъ и отстающихъ, чѣмъ о сильныхъ и успѣвающихъ; она не хочетъ знать борьбы за первенство даже въ ея болѣе мягкихъ формахъ, и тѣмъ не менѣе достигаетъ и въ нравственномъ, и въ умственномъ отношеніи несравненно болѣе цѣнныхъ результатовъ, чѣмъ средне-вѣковая схоластическая школа, оставлявшая въ своихъ стѣнахъ только сильныхъ и безжалостно изгонявшая слабыхъ. Та же тенденція красною нитью прохо-

дять и въ измѣненіяхъ, какія совершилися въ отношеніяхъ народовъ другъ къ другу. Какъ поступали побѣдители съ побѣжденными въ древнія времена? Мы не говоримъ уже о канибализмѣ, но и на болѣе высокой ступени развитія мы встрѣчаемся, напримѣръ, съ такими требованіями: «Поразиши Амалика и Іерима и вся яже суть его... и искорениши его, и проявляеши его и вся сущая его и не пощадиши его: и да убіеши отъ мужска пола и до женска и отъ юношъ и до ссущихъ млеко» (1 кн. Царствъ XIV, 3). Какая огромная пропасть существуетъ между этими отношеніями къ побѣжденнымъ и современными стремленіями внести въ покоренныя страны культуру и просвѣщеніе мирными средствами: черезъ посредство школъ, миссіонеровъ, торговли, общественныхъ учреждений. Побѣжденные уже не уничтожаются, какъ этого требовалъ бы жестокий законъ грубой борьбы за существованіе: болѣе слабыхъ, напротивъ, теперь стараются поднять и сдѣлать болѣе сильными. Правда, и теперь мы еще часто встрѣчаемся съ пережитками, съ грубыми и жестокими остатками варварства; но они съ каждымъ годомъ встрѣчаютъ все болѣе и болѣе протеста и осужденій, и недалеко время, когда наиболѣе отвратительныя изъ этихъ пережитковъ отойдутъ въ область печальныхъ преданій. Древняя грубая борьба за жизнь нужна была для того, чтобы путемъ отбора создать расы, болѣе сильныя, болѣе смѣлыя и храбрыя; потому что и сила, и храбрость, и смѣлость нужны и теперь въ борьбѣ за общее благо и справедливость: это была подготовительная работа, когда человѣчество копило силы, необходимыя для другой болѣе высокой, болѣе гуманной и справедливой общественной жизни. Но разъ уже пройденъ періодъ подготовительнаго развитія, разъ необходимыя силы накоплены,—въ самыхъ этихъ силахъ, въ ихъ избыткѣ уже заключается стремленіе не только брать, но и отдавать, не только пользоваться чужими силами, но и самимъ помогать себѣ подобнымъ, жить не только для себя, но и для другихъ, для родины, для общества, для всего человѣчества.

Если бы люди точно измѣрили накопленныя ими уже силы,—это знаетъ, можетъ быть, они уже давно бы смѣло и бодро вступили на новый путь, оставивъ позади отвратительныя, грубыя, животныя формы,—кто знаетъ, о сколькихъ бы людяхъ можно было тогда сказать словами поэта:

Не зналъ сиротина, что выросли крылья,
До неба достанетъ, когда полетитъ.

Для дальнѣйшаго роста этихъ силъ окажется совсѣмъ ненужной древняя грубая форма борьбы за жизнь, а будетъ вполне достаточно развитаго чувства симпатіи и любви. Конечно, и въ будущемъ окажется впереди тотъ, у кого болѣе развитъ умъ, нравственное чувство и воля; но очутившись впереди, онъ будетъ употреблять свои способности не на то, чтобы давить слабого и эксплуатировать его, а на то, чтобы помочь болѣе слабымъ, на то, чтобы всѣ отсталые его догнали. Растутъ не только силы, но вмѣстѣ съ ними возвышаются и цѣли, преслѣдуемыя людъ-

ми. Нѣтъ, надежда на лучшія времена, на господство гуманнѣхъ, общечеловѣческихъ отношеній, основанныхъ на высокомъ развитіи нравственнаго чувства—не химера: въ этомъ направленіи и съ каждымъ годомъ быстрѣе движется сама исторія, сама жизнь. Сама жизнь, самъ міропорядокъ, насколько мы его понимаемъ, подсказываетъ намъ, можетъ быть, скрытые въ немъ самыя идеалы свободы и братства, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашихъ идеалахъ жизнь находитъ себѣ лучшаго союзника, сознательную силу, давно уже ставшую могущественнымъ факторомъ, и притомъ факторомъ, растущимъ не по днямъ, а по часамъ. Эти идеалы люди берутъ изъ наблюдений и изученія жизни, проникая въ ея будущее, разъ они признаны людьми, эти идеалы сами преобразуютъ жизнь по своему образу и подобию. «Идея,— говоритъ Фулье,— это сила». Мысль—это уже начало дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, идея, образъ сопровождаются чувствомъ,—а чувство—это уже импульсъ дѣйствія. Идеаль, т.-е. идея блага, это уже первый шагъ къ осуществленію добра. Это знаютъ поэты. «При мысли одной, что я человѣкъ, невольно душой возвышаюсь», сказалъ еще Пушкинъ. Химерою и грубою ошибкой, напротивъ, мы должны назвать отрицаніе этихъ новыхъ, все возрастающихъ мощныхъ силъ, двигающихъ человѣчествомъ. И эта ошибка похожа на ошибку матери, продолжающей обращаться съ своимъ юношей-сыномъ, какъ съ маленькимъ ребенкомъ. Не беспочвенные мечтатели, а самыя трезвые люди, не путемъ теоретическихъ построеній, а подъ влияніемъ фактовъ повседневной жизни приходятъ теперь къ мысли о необходимости и возможности смягчить ужасы принципа войны даже въ международныхъ отношеніяхъ, гдѣ этотъ возмутительный принципъ освященъ не только исторіею и обычаемъ, но даже нѣкоторыми господствующими религіями, даже международнымъ писаннымъ правомъ. А между тѣмъ международныя отношенія поддаются преобразованіямъ несравненно труднѣе, нежели внутреннія отношенія среди отдѣльныхъ народовъ: сплотить воедино все человѣчество труднѣе, нежели сплотить въ одно цѣлое жителей одной страны.

Человѣчество растетъ и прежнія полени для него уже тѣсны, новыя силы проявляются въ немъ, а вмѣстѣ съ новыми силами являются и новыя стремленія, и новыя цѣли, и новыя формы. Тысячи признаковъ указываютъ, какъ съ каждымъ годомъ увеличивается, несмотря на пережитки и колебанія, самая быстрота этого роста. Книга, доступная нѣкогда только ученымъ монахамъ, становится теперь доступною вчерашнему рабу, вчерашнему дикарю, а книга кромѣ знаній разноситъ еще и идеалы, зажигаетъ энтузіазмъ. Демократизуется искусство, а роль его въ образованіи и распространеніи идеаловъ никто не станетъ оспаривать. Каждое новое изобрѣтеніе въ области книгопечатанія, фотографіи, литографіи, каждая желѣзная дорога, новая проволока телеграфа, всякое улучшение въ почтовыхъ сношеніяхъ, всякая новая организація въ области распространенія народнаго образованія, науки, промышленности, торговли влекутъ за собою все большее сближеніе между людьми, усиливаютъ ихъ связи, увеличиваютъ солидарность.

Надо ли прибавлять, что тѣ же средства увеличиваютъ и общую сумму знаній и умственнаго развитія народныхъ массъ, а также сумму симпатій людей другъ къ другу?

Для учителя и воспитателя существенно важно выяснитъ условія, благоприятствующія развитію симпатическихъ чувствъ, и условія, которыя задерживаютъ это развитіе, потому что это значитъ найти наиболѣе вѣрные средства воспитанія альтруиста.

Говорятъ, что ребенокъ—эгоистъ по природѣ. И это понятно; для развитія сочувствія къ другимъ нужна извѣстная степень умственнаго развитія, а его недостаетъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Чтобы сочувствовать другимъ, надо понимать ихъ, ясно представлять себѣ ихъ душевныя состоянія, а для этого нужны наблюденія надъ людьми, нужно уметь распознавать внѣшніе признаки чужихъ радостей и страданій, надо знать, что вызываетъ эти чувства, нужно самому испытать ихъ, нуженъ, словомъ, запасъ опытовъ и умственное развитіе, и это составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ заботъ воспитателя. Нельзя требовать отъ ребенка, чтобы онъ сочувствовалъ такимъ страданіямъ, которыя представляютъ для него книгу за семью печатами? Ребенокъ не будетъ сочувствовать страданіямъ Гамлета; но то, что онъ легко представляетъ себѣ, то легко вызываетъ и его сочувствіе. Онъ способенъ чувствовать жалость, когда видитъ страдающихъ отъ голода, холода, жажды, физической боли и другихъ примитивныхъ лишеній. Онъ дѣлится своимъ завтракомъ съ своими четвероногими друзьями. Онъ не прочь дать игрушку своему товарищу. Попросите у него часть его булки для голоднаго нищаго, и онъ охотно подѣлится съ нимъ. Когда плачетъ мать или нянька, ребенокъ дѣлаетъ попытки ихъ утѣшить. По мѣрѣ возвышенія его умственнаго кругозора, расширенія его личнаго опыта и наблюденій, чтенія художественныхъ и историческихъ произведеній, изображающихъ болѣе сложныя и тонкія чувства, ребенокъ станетъ болѣе чуткимъ къ несчастіямъ другого. Мы въ прошлой своей статьѣ уже приводили примѣры того, какъ съ потерей зрительныхъ воспоминаній, больные теряютъ чувствительность. Извѣстны и примѣры обратнаго характера. Лаура Бриджменъ, лишенная слуха и зрѣнія, была чистопробной эгоисткой, пока одинъ врачъ не научилъ ее читать. Чтеніе же мало-по-малу сдѣлало ее способной сочувствовать другимъ.

Мало этого: чѣмъ выше будетъ умственное развитіе ребенка, тѣмъ онъ будетъ объективнѣе. Особенность ума—это объективность. Недостатокъ умственнаго развитія и недостатокъ силъ—вотъ главная причина эгоизма въ ребенкѣ. Онъ все тянетъ въ себя и къ себѣ; ему трудно поставить себя на мѣсто другого; трудно отнестись безпристрастно къ себѣ и къ другимъ, если здѣсь замѣшана личная выгода. Болѣе развитой и живой умъ, напротивъ, при помощи воображенія легко выводитъ насъ за предѣлы своего эгоизма и личной выгоды, легко переноситъ насъ въ положеніе другихъ и, обратно, легко сознаетъ, что несправедливое и злое по отношенію къ намъ также несправедливо и дурно и по отношенію ко всѣмъ другимъ,

легко приходитъ къ выводу: желай другимъ того же, чего желаешь себѣ; не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ. Еще больше умственного развитія требуется тамъ, гдѣ объектомъ чувства является собирательное цѣлое: семья, школа, деревня, народъ. Для этого надо привыкнуть представлять себя только какъ часть цѣлага, какъ одного изъ многихъ, надо подняться до объективнаго отношенія къ себѣ. Еще, кажется, Кантъ удивлялся, что добрыхъ людей много, а справедливыхъ мало. Но это вполне естественно, п. ч. для доброты достаточны полусознательныя симпатическія чувства, а для справедливости — объективность развитого ума. Но было бы неразумно дожидаться того времени, когда умственное развитіе сдѣлаетъ вполне достаточнымъ для нашихъ цѣлей. Будемъ развивать умъ ребенка, обогащать его великодушными образами, начнемъ дѣло воспитанія симпатическихъ чувствъ съ перваго дня поступленія дѣтей въ школу, воспользовавшись тѣми представленіями, какія ребенокъ получаетъ въ дошкольный періодъ. Да и сами представленія, чтобы руководить нами, должны опираться на какое-нибудь чувство. Холодныя представленія не могутъ дать сильныхъ побужденій къ дѣйствию. И симпатія къ другимъ, прежде чѣмъ стать сознательнымъ чувствомъ, проявляется у ребенка, въ инстинктивной, бессознательной формѣ. Не много надо ума, чтобы ребенокъ пожалѣлъ мать, если она больна и стонетъ, не надо большого развитія, чтобы его тянуло къ играющимъ на улицѣ товарищамъ. Надо развить эти полусознательныя симпатіи, чтобы общественныя идеи нашли въ нихъ достаточно сильный двигатель.

Лучшими средствами пробудить эти симпатіи ребенка къ другимъ—это дарить его самого симпатіей, быть внимательнымъ къ его маленькимъ жертвамъ, какія онъ приноситъ другимъ, не скрывать своей радости, когда въ ребенкѣ проявляются симпатическія чувства къ другимъ. Равнодушіе и сдержанность учителя въ данномъ случаѣ принесетъ только вредъ. Чѣмъ меньше ласки испытываютъ на себѣ дѣти, тѣмъ болѣе въ нихъ самихъ черствости сердца. Рассказываютъ про г-жу Ментенонъ, — вторую жену Людовика XIV, что она, обладая огромнымъ умомъ, не отличалась ни сердечностью, ни мягкостью. Биографы объясняютъ сухость ея сердца воспитаніемъ. «Ея мать, — по словамъ г-жи д'Омаль, — только два раза поцѣловала ее и то послѣ долгаго отсутствія». Другое средство вызвать жалость въ ребенкѣ, это при видѣ страданія другого напоминать ему объ аналогичныхъ его личныхъ страданіяхъ. Еще Руссо обратилъ вниманіе на эту связь между личными страданіями и сочувствіемъ чужому горю. «Для того, чтобы сдѣлаться жалостливымъ, — пишетъ онъ въ своемъ Эмиль, — необходимо, чтобы ребенокъ зналъ, что есть другія подобныя ему существа, которыя страдаютъ такъ же, какъ и онъ страдалъ, чувствуютъ такую же боль, какую онъ чувствовалъ».

Замѣчено, что дѣти послѣ болѣзни или пережитаго личнаго горя дѣлаются сердечнѣе. Объясненіемъ этого явленія можетъ служить, во-первыхъ, то, что за это время они видѣли со стороны окружающихъ больше ласки

и участія, а во-вторыхъ то, что живое воспоминаніе о своихъ страданіяхъ облегчаетъ имъ возможность представить себѣ и чужія страданія.

Знанія и умъ учителя, его трудолюбіе, высокое нравственное развитіе могутъ вызвать въ ученикѣ уваженіе къ нему; но для нѣжной привязанности это мало. Надо еще, чтобы самъ учитель любовно, мягко и ласково относился къ ребенку. И если послѣднему кажется, что близкіе люди не любятъ его, онъ переживаетъ тяжелое состояніе. Нѣжныя привязанности къ окружающимъ пробуждаются въ дѣтахъ очень рано. Уже на второмъ году ребенокъ горюетъ, когда ему приходится расставаться съ близкими людьми, и радуется, когда встрѣчается съ ними. Онъ дѣлится иногда съ близкими людьми своими лакомствами, игрушками, плачетъ, когда они печальны, дѣлаетъ наивныя попытки ихъ утѣшить. Любовь къ близкимъ людямъ— вотъ съ чего начинается развитіе общественныхъ чувствъ въ ребенкѣ.

Наши деревенскія дѣти умѣютъ любить, они любятъ и товарищей, и учителя, и даже животныхъ, хотя подчасъ бываютъ и жестокими. Въ дѣтяхъ такъ смѣшано и хорошее, и дурное, что одинъ и тотъ же ребенокъ можетъ своими поступками то привести своего учителя въ отчаяніе, то вызвать въ немъ восторгъ. Здѣсь я позволю себѣ для иллюстраціи дѣтскихъ отношеній къ окружающему привести нѣсколько выписокъ изъ записки слушательницы хорольскихъ педагогическихъ курсовъ, учительницы г-жи Си—ой: «Меня часто угнетала,—пишетъ г-жа С.,—жестокость дѣтей въ обращеніи съ животными. Идетъ мальчикъ, встрѣчается ему по дорогѣ собака, онъ бросаетъ въ нее камень и торжествуетъ, если ему удастся попасть въ нее и заставить ее взвизгнуть. Но вотъ разъ я прихожу въ школу и вижу, что дѣти въ большомъ волненіи: вижу, что меня ждали съ нетерпѣніемъ и будутъ о чемъ-то просить. Слышу изъ толпы голосокъ: «У насъ собака есть въ классѣ, мы ее назвали «Мишкой». Позвольте ей быть на урокахъ съ нами». Оказалось, что собака отстала какъ-то отъ своего хозяина, когда тотъ проѣзжалъ черезъ наше село. Голодная, она нѣсколько дней бродила по селу, пока дѣти кусочками хлѣба не привадили ее къ школѣ. Сначала я была противъ того, чтобы «Мишка» присутствовалъ на занятіяхъ, но дѣти просили, и я не могла имъ отказать, да и «Мишка» велъ себя самымъ корректнымъ образомъ. И страннымъ всѣмъ казалось то, что «Мишка» такъ привязался къ самому жестокому мальчику, и надо было видѣть гордость, съ какою послѣдній рассказывалъ намъ о дняхъ скитальчества «Мишки», о томъ, какъ жалобно выла голодная собака, и какъ онъ, Иванъ, носилъ ей пиццу тайкомъ отъ родителей, поселилъ ее гдѣ-то въ укромномъ мѣстечкѣ, скрывая ее отъ глазъ равнодушныхъ родныхъ. Нѣсколько дней у насъ только и разговоровъ было, что о нашемъ новомъ другѣ. Дѣти съ каждымъ днемъ открывали все новыя и новыя достоинства въ немъ. Даже въ примѣрѣ «Мишку» ставили, если какой-нибудь палунъ плохо сидѣлъ на урокѣ: «Мишка» внимательнѣе тебя, обыкновенно говорили въ такихъ случаяхъ. Другой разъ дѣти притащили въ классъ полузамерзшаго грача, и стало для нихъ заботой, какъ бы его выгнать, вер-

нуть къ жизни. Отогрѣли птичку, накормили, она стала бодрѣе. Дѣти обрадовались, но вотъ уже время расходиться, и они своего пациента поручили школьному сторожу. «Дядусю, пожалуйста, присмотрите за птичкой до завтра». На другой день приходимъ, а птица издохла; вижу, дѣти озлобленные такіе. Что случилось? Поились жалобы на сторожа, что онъ птичку убилъ, чтобы не смотрѣть за ней въ наше отсутствіе, жаловались, что онъ грубъ съ ними, обижаютъ напрасно. Я спросила, почему же они мнѣ раньше объ этомъ не говорили; оказалось, что они считали это чѣмъ-то неизбѣжнымъ, но послѣдній жестокой его поступокъ заставилъ дѣтей заговорить.

«Разъ дѣти привели ко мнѣ мальчика бойкаго, развязнаго,—товарища ихъ дѣтства. Мальчикъ этотъ былъ круглый сирота, жилъ у своихъ опекуновъ, ничего пока не дѣлалъ. Первый проказникъ на улицѣ, онъ увлекалъ дѣтей своими продѣлками и всѣ знали «Сашку», какъ его дѣти звали. Но вотъ Сашка подросъ настолько, что долженъ былъ помогать работать въ семьѣ опекуна; это ему не понравилось, и онъ убѣждалъ 8 лѣтъ изъ своей родной деревни въ другую, къ какому-то изъ помѣщиковъ, разжалобилъ того своей беспомощностью, понравился своимъ бойкимъ видомъ; его оставили здѣсь, одѣли, приласкали, а потомъ даже въ школу посылали, но и это ему надоѣло, онъ ушелъ къ другому, третьему и продолжалъ бродяжить до тѣхъ поръ, пока не потянуло его на родину. Вотъ тогда-то я и познакомилась съ нимъ. Дѣло это было въ концѣ апрѣля. По вечерамъ у насъ устраивались общія игры, въ которыхъ принимали участіе не только школьники, но и другія, желающія играть, дѣти. Пришелъ и Сашка. Онъ слишкомъ выдѣлялся среди другихъ дѣтей, и я заинтересовалась этимъ свободолюбивымъ цыганенкомъ. Дѣти мои, очевидно, очень обрадовались, что я имъ интересуюсь, и наперерывъ рассказывали разные эпизоды изъ его жизни, желая, повидимому, расположить меня къ нему; трогательно рассказывали о его сиротствѣ, что онъ ни отца, ни матери не знаетъ, хотя и не оправдывали его бродяжничество. Каждый выражалъ Сашѣ свои опасенія за его дальнѣйшую судьбу. Маленькіе говорили. «Тебя можетъ въ полѣ волкъ задушить». — «Не боюсь», — отвѣчалъ неустрашимый мальчикъ. «Ты можешь замерзнуть зимой на дорогѣ», — но и то не пугало Сашу. Старшіе же изъ дѣтей, болѣе развитые, убѣждали его оставить эту жизнь, которая пріучаетъ къ лѣни и ведетъ по дурной дорогѣ. Я поняла, что доставлю дѣтямъ удовольствіе, если приму участіе въ Сашѣ, и еще большее удовольствіе доставлю, если предоставлю имъ самимъ это сдѣлать. Саша сдѣлался спутникомъ въ нашихъ прогулкахъ, товарищемъ игръ; потомъ дѣти явились ко мнѣ съ просьбой сначала дать Сашѣ книжку, а дальше принять его въ школу. Я согласилась. Сталъ мальчикъ ходить въ школу, онъ уже былъ грамотный, и мы посадили его во вторую группу. Отвѣчалъ онъ на вопросы очень бойко и удачные отвѣты его очень радовали учениковъ. И когда черезъ нѣсколько времени цыганская натура Сашки сказалась и онъ ушелъ-таки изъ школы, ученики очень жалѣли своего протеже». И тысячи другихъ подобныхъ примѣровъ показываютъ

пamь, что наши дѣти не лишены задатковъ симпатическихъ чувствъ. Эти чувства пробуждаются чрезвычайно рано, хотя близорукіе родители нерѣдко совершенно не понимаютъ ихъ проявленій. Г. И. Успенскій очень трогательно и вполне реально изображаетъ одно изъ проявленій этого чувства въ раннемъ дѣтствѣ. Дѣло происходитъ въ одной петербургской чиновничьей интеллигентной семьѣ. Ребенковъ трехъ лѣтъ съ гвоздиками и колесомъ въ рукахъ что-то мастерить. Мать, отецъ и цѣлый штатъ прислуги съ шумомъ и гамомъ совершаютъ насилие надъ ребенкомъ, отнимая у него гвоздики. Слышатся по его адресу возгласы: «каналья... чортъ знаетъ что такое!...» и т. д. Мальчикъ сопротивляется, рыдаетъ, какъ будто ему причинили острую боль. Когда послѣ всевозможной брани, топанья ногами, гарезанья, насилия надъ ребенкомъ, дѣло на другой день разясняется, то оказывается вотъ что: «Поставила я его (ребенка) на окно, — рассказываетъ нянька, — и смотрѣли мы на улицу, точильщикъ на тротуарѣ точилъ. Я и думаю: не повернетъ-ли въ наши ворота? У меня ножницы совсѣмъ иступились. Смотрѣли, разсматривали. «Видишь, говорю, вертится?» Ну, точильщикъ окончилъ и ушелъ, и не къ намъ, а прочь. Я осерчала, топнула ногой и представилась, будто плачу. Обхватилъ меня за шею, дѣлуетъ. «Жалко тебѣ, нянечка». Хнычу я: «жалко, жалко, что я буду дѣлать съ тупыми ножницами?» дѣлуетъ, руки отъ глазъ моихъ отымаетъ. «Я самъ тебѣ выточу, я сдѣлаю. Не плачь, няня! Я тебѣ ваточу! Я умѣю! Я умѣю все, я все тебѣ сдѣлаю». «Скучая купленными, лавочными, игрушечными впечатлѣніями, картонными и деревянными людьми и животными, чуткое впечатлительное дѣтское сердце, находящее возможнымъ наполнять жизнью даже бездушную куклу, живетъ истиннымъ человѣческимъ чувствомъ, руководствуется неспорченными, свѣжими, едва показавшими ростокъ побужденіями любви», говорить по поводу вышеприведенной сцены Успенскій.

Задача воспитанія—развить въ дѣтяхъ, сколько возможно въ этомъ возрастѣ, чувства симпатіи и привязанности и цѣлесообразно направить эгоистическіе инстинкты, не разрушая ихъ, но подчиняя мотивамъ общественнымъ, а задача дальнѣйшаго воспитанія и самовоспитанія—поднять альтруистическія чувства на такую высоту, чтобы несчастье ближняго дѣти чувствовали, какъ собственное несчастье, радость его—какъ собственную радость. Если мы не будемъ пробуждать въ дѣтяхъ любви и жалости къ людямъ, если не будемъ предоставлять имъ исхода изъ этого чувства хотя бы въ самомъ крошечномъ, вполне доступномъ ихъ маленькимъ силамъ, дѣлѣ помощи, то ребенокъ будетъ жить только одними эгоистическими инстинктами, которые едва ли нуждаются въ усиленномъ развитіи. Для того, чтобы развить какое-нибудь чувство въ ребенкѣ, нѣтъ другого средства, какъ дольше и чаще удерживать его вниманіе на образахъ, возбуждающихъ это чувство. Чувство вызывается представленіемъ, а изъ представленій стануть господствующими только тѣ, которыя опираются на самое большое число опытовъ и воспоминаній. Я зналъ людей, которые просто отъ нечего дѣлать и по модѣ стали заниматься педагогіей въ воскресныхъ школахъ, но чѣмъ болѣе уведи-

чивался ихъ опытъ, чѣмъ больше копилось въ ихъ душѣ воспоминаній о пережитыхъ въ школѣ радостяхъ и печаляхъ, удачахъ и неудачахъ, тѣмъ все искреннѣе, все теплѣе и теплѣе они относились къ своему дѣлу и изъ нихъ выходили люди, до фанатизма преданные дѣлу воскресныхъ школъ. Попробуйте дальше думать о добрѣ, которое сдѣлалъ вамъ вашъ знакомый, и вы почувствуете къ нему глубокое чувство благодарности. Думайте больше о злѣ, какое онъ вамъ принесъ, — и вы его возненавидите.

И если это вѣрно для образовъ и воспоминаній, то это также вѣрно и относительно реальныхъ воспріятій, дѣйствующихъ несравненно сильнѣе, нежели воспоминанія.

Школа не только представляетъ случай для пробужденія въ дѣтяхъ симпатическихъ чувствъ, но она кромѣ того даетъ еще новое могущественное средство дѣйствовать на дѣтей въ томъ или другомъ направленіи, вліять на чувство и волю каждаго ученика, на все его поведеніе съ такою силою, что едва ли какой-либо другой способъ можетъ быть болѣе дѣйствительнымъ. Мы говоримъ о вліяніи общественнаго мнѣнія школы на поведеніе ученика. Всякій изъ насъ по себѣ знаетъ, насколько возбуждающимъ образомъ дѣйствуетъ на насъ всякое собраніе, куда мы приходимъ, какъ оно электризуетъ насъ, какъ оно заставляетъ насъ волноваться и какъ часто оно съ непреодолимою силою увлекаетъ насъ за собою своимъ общимъ массовымъ порывомъ. Общественная среда часто незамѣтно для самого человѣка, но такъ же сильно вліяетъ на него, какъ воздухъ. Она заставляетъ насъ смотрѣть на себя и дѣлать оцѣнку своихъ поступковъ съ точки зрѣнія кружка, сословія, народа, къ которому мы принадлежимъ.

Исторія массовыхъ движеній полна примѣрами того, какія чудеса превращенія можетъ сдѣлать съ душою человѣка даже простая случайная толпа. Дѣйствіе толпы на наши чувства и волю одинаково непреодолимы и тогда, когда она толкаетъ насъ на высокій подвигъ, и тогда, когда она влечетъ насъ къ преступленію. Вотъ почему чрезвычайно важно для учителя овладѣть мнѣніемъ и волею класса. Тогда всякое состоявшееся общее рѣшеніе будетъ въ состояніи заразить общимъ стремленіемъ или чувствомъ каждаго ученика, хотя бы всѣ его привычки, все предшествующее воспитаніе находились въ прямомъ противорѣчій съ установившимися въ классѣ порядками, обычаями, требованіями, поддерживаемыми мнѣніемъ всей школы. Иной бы и не захотѣлъ, будучи предоставленъ одному себѣ, подняться до общаго уровня. Но когда онъ попадаетъ въ школу, онъ чувствуетъ себя на виду у всѣхъ, толпа одобряетъ его, когда онъ дѣлаетъ усилія сравняться съ другими, порицаетъ его, когда онъ отстаётъ, возбуждаетъ его силы, и онъ действительно дѣлаетъ успѣхи, чтобы не стать хуже другихъ. Мало этого, ребенокъ привыкаетъ къ гармоническому строю школьной жизни; нарушеніе его звучитъ для него непріятнымъ диссонансомъ и онъ не хочетъ нарушить этого строя, приспосабливается къ нему самъ и желаетъ приспособить другихъ: то помогаетъ своимъ товарищамъ, то самъ пользуется ихъ помощью. Теперь никто не оспариваетъ, что толпа,—бу-

деть ли это школа, или другая какая-либо организація, — поднимаетъ до общаго уровня всѣхъ посредственныхъ по своимъ способностямъ людей. Но нѣкоторые думаютъ, будто вліяніе такихъ сообществъ принижаетъ уровень наиболее даровитыхъ товарищей. Мнѣніе это, однако, едва ли можно признать основательнымъ. Вліяніе общества путемъ одобренія или порицанія со стороны общественнаго мнѣнія создаетъ и великихъ поэтовъ, и художниковъ, и артистовъ, и ораторовъ, и писателей, а это какъ разъ тѣ профессіи, гдѣ требуется огромная масса и усилій, и способностей, чтобы завоевать себѣ извѣстность. Дѣло въ томъ, что общество, порицая и поощряя, требуетъ отъ насъ такихъ способностей и умѣній, которыя вели бы къ развитію общественнаго блага. И это благо естественно является цѣлью нашихъ стремленій, подъ вліяніемъ на насъ общественнаго мнѣнія. Если учитель сумѣетъ овладѣть мнѣніемъ школы, — а при довѣріи, уваженіи и любви къ нему дѣтей этого не трудно добиться, — то въ его рукахъ явится орудіе, съ помощью котораго онъ можетъ заставить работать самыхъ отъявленныхъ лѣнтяевъ, соблюдать порядокъ и тишину во время урока самыхъ отчаянныхъ шалуновъ; пользуясь этимъ орудіемъ, онъ заставитъ драчуна щадить и защищать маленькихъ дѣтей, хотя бы онъ до поступленія въ школу не давалъ никому проходу; самые грубые эгоисты будутъ у него оказывать другъ другу услуги и помощь, самые неряшливые ученики будутъ беречь книги и учебныя пособія. Лишь бы только эти требованія стали требованіями не одного учителя, а всей школы, лишь бы только большинство учениковъ, не ради страха предъ наказаніемъ, а добровольно и сознательно повѣрили въ справедливость и неизбѣжность этихъ требованій. Тогда классъ силою своего вліянія, одними одобреніями и порицаніями, выражающими общее мнѣніе класса, въ состояніи заставить ребенка сдерживать самые сильные изъ своихъ порывовъ, даже вспышки гнѣва, злобы, жестокости.

У г-жи Неккеръ де-Соссюръ мы находимъ одинъ рассказъ, указывающій на силу порицанія, выраженного присутствующими. Одинъ ребенокъ, гуляя въ саду, поймалъ ручную перепелку и бросилъ ее въ клетку, гдѣ сидѣла хищная птица. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ о послѣдующемъ: «За обѣдомъ было много народу и хозяинъ дома сталъ рассказывать эту сцену и безъ всякихъ разсужденій, но при этомъ назвалъ меня. Когда онъ кончилъ, наступила минута общаго молчанія, и каждый глядѣлъ на меня съ нѣкотораго рода страхомъ. Я услышалъ нѣсколько словъ, сказанныхъ присутствующими, и хотя прямо ко мнѣ никто не обращался, но я могъ понять, что я производилъ на всѣхъ впечатлѣніе чудовища». Мы не могли бы одобрить мѣры такого сильнаго воздѣйствія на маленькаго ребенка; но мы пользуемся этимъ фактомъ лишь для иллюстраціи защищаемаго нами положенія. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ стыдъ, испытанный ребенкомъ, надолго, можетъ быть, навсегда остался въ его памяти.

Намъ скажутъ, что въ обществѣ дѣтей легко возникаютъ между ними столкновенія. Это правда, но сами общественные инстинкты ребенка, его

неодолимая потребность быть, играть и работать вмѣстѣ съ другими, если этими силами правильно пользоваться, скоро заставляют ребенка принести въ жертву товариществу свои наиболѣе шероховатые эгоистическіе мотивы, лишь бы не лишиться общенія съ своими сверстниками. О тяжеломъ положеніи овцы безъ стада говорится даже въ пословицахъ. А между тѣмъ жизнь въ стадѣ обязываетъ къ содѣйствію другимъ, развиваетъ привычку дѣйствовать въ согласіи со всѣми другими, думать о другихъ, служить имъ. Именно такъ слагаются нормальныя, здоровыя отношенія между дѣтьми. И эти же отношенія переходятъ затѣмъ и въ жизнь взрослого человека, съ тѣми измѣненіями, какія внесетъ въ нихъ его послѣдующая жизнь, его дальнѣйшее развитіе, его идеалы, его принципы.

Въ большинствѣ нашихъ народныхъ школъ практикуется совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, и это еще болѣе усиливаетъ благотворное вліяніе сообщества учащихся на каждого изъ нихъ. Цѣлымъ рядомъ наблюденій доказано, что при этихъ условіяхъ дѣвочки отвыкаютъ отъ женанства, становятся болѣе самостоятельными и независимыми, а мальчики отвыкаютъ отъ грубости, дѣлаются болѣе мягкими и вѣжливыми во взаимныхъ отношеніяхъ. Ж. П. Рихтеръ справедливо пишетъ: «лучшая гарантія хорошаго поведенія въ училищѣ это совмѣстное воспитаніе дѣтей обоего пола». Хорошо извѣстно, насколько благотворно отражается вліяніе совмѣстнаго обученія въ Америкѣ, гдѣ отношенія молодыхъ людей, окончившихъ начальную школу, къ женщинамъ рыцарски безукоризненны. Мы сказали выше, что предметъ этики—это отношенія людей другъ къ другу; а стало быть научить этимъ отношеніямъ ребенка возможно только тогда, когда онъ будетъ находиться въ обществѣ другихъ дѣтей. Нельзя научить ребенка любить своихъ родителей, удаляя его изъ родной семьи, какъ это хотѣли бы сдѣлать закрытыя учебныя заведенія, нельзя научить его любить народъ, не показывая народа, удаляя его отъ общенія съ нимъ. Точно также нѣтъ никакой возможности сдѣлать ребенка нравственнымъ, уединивъ его отъ другихъ дѣтей. Совершенно также стоитъ вопросъ и объ отношеніяхъ обоихъ половъ другъ къ другу. Но здѣсь есть еще одна особенность. Въ возрастѣ, когда дѣти учатся въ начальной школѣ, половыя инстинкты находятся въ дремлющемъ состояніи, и несравненно легче устанавливается гармонія въ отношеніяхъ между мальчиками и дѣвочками, а разъ она установилась, ея вліяніе перейдетъ и на послѣдующіе возрасты. Всѣ впечатлѣнія дѣтства такъ новы, такъ свѣжи, жизнь представляется въ глазахъ дѣтей въ такихъ волшебныхъ краскахъ; все такъ полно для нихъ неизсякаемаго интереса и значенія, что гармонія отношеній дѣтей другъ къ другу, если ее удастся установить въ раннемъ дѣтствѣ на началахъ симпатіи, справедливости и равенства, станетъ однимъ изъ мощныхъ факторовъ нашего поведенія во всю послѣдующую жизнь. Ничѣмъ нельзя будетъ затѣмъ исправить ошибки, если эта счастливая, невозвратная пора прошла у ребенка или въ одиночествѣ, или въ уродливыхъ отношеніяхъ съ своими сверстниками. Не въ нашихъ ли среднихъ и высшихъ школахъ, гдѣ маль-

чики и дѣвочки воспитываются обособленно, какъ будто бы это были люди двухъ различныхъ индійскихъ кастъ, надо искать причинъ ненормальностей въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ?

Можетъ быть, нигдѣ развитіе общественныхъ чувствъ и солидарности не представляетъ задачи такой огромной важности, какъ именно въ нашей деревнѣ.

Вотъ что, напримѣръ, сообщаетъ мнѣ въ замѣткахъ о своей школѣ учитель Хорольскаго уѣзда г. Симоновскій: «Общественная жизнь нашего народа представляетъ много неустройства и неурядиць. Въ праздничный день стономъ стоитъ гуль возлѣ сборной избы. Брикъ, ссоры, драки, взаимныя оскорбленія. Въ самомъ пустячномъ житейскомъ дѣлѣ не могутъ сойтись. Богачи и кулаки главенствуютъ на сходахъ и почти всегда постановляютъ приговоры въ своихъ интересахъ. Въ памятные голодные годы многіе крестьяне не могли себѣ взять хлѣба на продовольствіе и обѣщаніе, потому что богатѣи, мироѣды, заправлявшіе сходами, дали отписку начальству, что крестьяне не нуждаются въ ссудахъ. Голодающій народъ по-неволѣ обращался къ нимъ за помощью и получалъ ее въ тридорога. Въ другихъ мѣстахъ сами крестьяне обращались за ссудою, но кулаки и ихъ приспѣшники, составляющіе большинство, не хотятъ за нихъ поручиться, и ихъ насущныя нужды остаются безъ удовлетворенія. Наши волостные порядки не всегда хороши. Волостные судьи далеко не отличаются безпристрастіемъ.

Писатель, одаренный удивительною наблюдательностью, тщательно изучавшій деревенскую жизнь въ теченіе многихъ лѣтъ, Г. И. Успенскій, котораго никто не заподозритъ въ тенденціозно-мрачномъ изображеніи психики русскаго крестьянина, рисуетъ занимающую насъ въ настоящую минуту сторону житейскихъ отношеній въ деревнѣ въ такихъ краскахъ, что, читая его, можно придти въ отчаяніе отъ современной дѣйствительности. «Сколько въ деревнѣ нищихъ, убогихъ, калѣкъ, сиротъ, бездомныхъ, случайно несчастныхъ и оставленныхъ на произволъ судьбы!—воскликаетъ онъ.—Обо всемъ этомъ должна бы заботиться неугнетенная чужою заботою мысль; но она не заботится, потому что не знаетъ, что объ этомъ надо заботиться. Мирскія дѣла почти исключительно состоятъ въ раскладкѣ и питіяхъ водки по разнымъ случаямъ». Авторъ сравниваетъ заботы крестьянина о скотинѣ съ заботами о собственномъ ребенкѣ и приходитъ въ крайне неутѣшительнымъ выводамъ. «Однаго мальчика,—по словамъ Успенскаго,—зашибъ баранъ, мальчикъ сначала лежалъ безъ чувствъ, потомъ, очнувшись, рыдалъ какъ помѣшанный отъ испуга». Авторъ думаетъ, что этотъ испугъ останется въ немъ на всю жизнь. Отецъ и мать оба мучились надъ мальчишкой: прикладывали что-то, напримѣръ, навозъ теплый, вообще лѣчили и болѣли душой, но лѣчили они его средствами, какія найдутся вокругъ дома; а вотъ захромала у того же Ивана Ермолаевича кобыла, погнѣчилъ онъ ее также собственными средствами, также намазывалъ на тряпку какую-то дрянь, а кончилъ тѣмъ, что поѣхалъ и привезъ коновала и три рубля серебромъ

ему не пожалѣлъ. Для лошади въ народѣ есть уже профессія не вполне шарлатанская, къ услугамъ коновала прибѣгаютъ и культурные владѣтели лошадей. А вотъ когда мальчишка оретъ, то тутъ могутъ только плакать и прикладывать тряпку съ навозомъ». Если таково отношеніе деревенскаго обывателя къ своимъ дѣтямъ, то отношеніе къ сосѣдямъ и общественнымъ дѣламъ безразлично до ужаса. Когда знакомому Успенскаго, Ивану Ермолаевичу, подробно, просто и долго рассказывали о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, онъ ровно ничего не понялъ и только замѣтилъ: «Брать-то хорошо, а вотъ отдавать-то какъ? Свяжешься... Богъ съ нимъ совсѣмъ». Когда ему указываютъ на кулака, который беретъ и отдаетъ и выгоду имѣетъ, Иванъ Ермолаевичъ говоритъ: «Ну, песъ съ нимъ... Тамъ ужъ это ихній рассчетъ».

О должностныхъ лицахъ общества у Ивана Ермолаевича самыя страшныя понятія. «Какъ присягу принялъ, точно въ звѣря оборачивается,—говоритъ Иванъ Ермолаевичъ,—по мнѣ, такъ я, кажется, за миллионъ на это не согласился бы... Напримѣръ, принять присягу волостную. Я однава слушалъ, такъ обмеръ начисто. Какъ зачалъ поцъ вычитывать: «отъ отца, отъ матери отрекись, отъ братьевъ, сестеръ отрекись, отъ роду и племени откажись», волоса у меня на макушкѣ даже поднялись дыбомъ. Передъ Богомъ. Ужъ который человекъ такимъ манеромъ себя проклялъ, такъ онъ отъ этого самаго не иначе дѣлается какъ злодѣемъ». По словамъ Успенскаго, Иванъ Ермолаевичъ всякій разъ, когда авторъ заводилъ рѣчь о коллективной оборонѣ деревни, немедленно найдетъ предлогъ улизнуть отъ бесѣды: то ему захочется спать, то болить нога, то надо поглядѣть, отчего лаютъ собаки. Автора поражало также полное невниманіе деревенскаго обывателя къ людямъ. Каждый крестьянинъ отлично знаетъ, «сколько у кого скота, хлѣба, что «дадено» за лошадь въ такомъ-то дворѣ,—словомъ, сколько у кого физическихъ ресурсовъ къ существованію. Но случись въ этомъ дворѣ какое-нибудь изъ ряда выходящее событіе, объяснить которое можно только зная людей, участвовавшихъ въ немъ, — не объяснить. Случилось въ деревнѣ два самоубійства, и никто ничего не могъ объяснить. «Должно быть, деньги пропилъ». «Стало быть, ему ужъ такъ положено»—вотъ и всѣ объясненія.

Отыскивая причины этого печальнаго индифферентизма деревни и къ общимъ интересамъ и къ людямъ, мы не можемъ видѣть ихъ въ какихъ-либо особенныхъ природныхъ свойствахъ русскаго человека. Наблюденія надъ отдѣльными лицами изъ народа, прошедшими хорошую школу и пользовавшимися хорошею книгою или непосредственнымъ вліяніемъ на нихъ добраго образованнаго человека, показываютъ, что русскій крестьянинъ способенъ и на коллективную работу въ общественныхъ интересахъ, и на пожертвованія, что его душѣ доступно и участіе къ горю ближняго, и солидарность, что онъ можетъ страстно тосковать по идеалу, искать его и жить, согласно съ его требованіями. То же самое подтверждаютъ примѣры нашихъ самоучекъ, проявившихъ столько энергій въ работѣ на пользу

обружающихъ, столько любви къ людямъ, столько вѣры въ дѣло общественнаго служенія. Нѣтъ, корни этого безразличія къ другому человѣку, къ общественнымъ дѣламъ лежатъ не въ природныхъ качествахъ русскаго крестьянина: невозможно отрицать дарованій въ народѣ, изъ котораго вышли Ломоносовъ, Посошковъ и другіе. Причину здѣсь мы можемъ видѣть только въ невѣжествѣ народа и нашемъ историческомъ прошломъ. Брѣвостное право усиленно культивировало въ крестьянахъ только одну способность къ мускульному труду на счетъ всѣхъ остальныхъ качествъ человѣка, энергично вело войну со всѣми малѣйшими проявленіями среди него солидарности, заботы объ общихъ интересахъ. Лучшіе изъ помѣщиковъ брали эти заботы на самихъ себя; худшіе оставляли крестьянъ на произволъ бурмистровъ и управляющихъ, но ни тѣмъ, ни другимъ не приходило даже мысли о томъ, что ихъ живой инвентарь самъ можетъ сообща позаботиться о своихъ нуждахъ, можетъ имѣть какія-нибудь общія стремленія, планы, надежды. «Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ, надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя»,—характеризовалъ этотъ строй нашъ гениальный поэтъ Пушкинъ. Послѣ 1861 года мы также не можемъ констатировать особеннаго усердія въ смыслѣ смягченія правовъ деревенскаго населенія.

Теперь, спустя 37 лѣтъ послѣ освобожденія, пора обратить вниманіе на это горькое наслѣдство нашей исторіи, пора принять самыя широкія мѣры къ развитію въ народѣ солидарности, заботы объ общественномъ дѣлѣ, вниманія къ другому, къ сиротѣ-ребенку, къ безпомощному старику, къ бездомному калѣкѣ.

Лѣтъ 10 тому назадъ газеты ретрограднаго пошиба какъ на панацею деревенскихъ золъ указывали на необходимость возможно большаго подчиненія деревенской жизни надзору чиновниковъ, увеличенія числа такихъ надзирателей и расширенія ихъ полномочій. Намъ напоминаютъ эти разглагольствованія ямудскаго принца Иззединъ-Музаферъ Мирзу, выведеннаго въ одномъ изъ произведеній нашего гениальнаго сатирика. Иззединъ просилъ своего воспитателя, татарина, бывшаго лакея гостиницы, учить его «уму-разуму». Татаринъ везетъ принца въ Морганскъ. Порядки Морганска приводятъ въ восторгъ обоихъ. «Ай-ай, хорошо здѣсь,—говоритъ принцъ,—народъ нѣтъ, помпадуръ есть—чисто! Айда домой реформа дѣлать».—Домой ѣзжалъ, реформа начиналъ. Народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, реформа кончалъ»...

Нѣтъ, въ нашей деревнѣ никогда не было недостатка въ начальствѣ всѣхъ видовъ, степеней и наименованій. Кочегаръ на желѣзной дорогѣ—это уже начальство съ деревенской точки зрѣнія; лакей важнаго барина—это уже грозное начальство. Начальства въ деревнѣ вполне достаточно и приказывающаго, и постановляющаго приговоры, и сѣкущаго, и арестующаго, и разносящаго, и штрафующаго, и ревизующаго, и доносящаго; начальства форменнаго и самозваннаго. И если до сихъ поръ мы не видимъ порядка въ деревнѣ, если деревенскіе нравы поражаютъ насъ своею жесто-

костью, то виною тому не начальство, исполняющее свои обязанности съ большою энергіей и усердіемъ. Чего недостаетъ въ деревнѣ — это образованнаго чловѣка, который бы воздѣйствовалъ на крестьянъ не приказаніями и сѣченіемъ, не арестами и доношеніями, а своимъ примѣромъ, совѣтами, разъясненіями и помощью старался бы внести въ деревенскія отношенія побольше справедливости, чловѣколюбія и правды. Исторія не знаетъ ни одного примѣра, когда бы аресты и розги дѣлали людей мягче, справедливѣе и гуманнѣе, вездѣ и всегда было какъ разъ наоборотъ. Вездѣ и всегда эти мѣры только озвѣряли населеніе, вносили въ его нравы ни для кого не нужную жестокость, грубость и безсердечіе.

Цѣлесообразныхъ мѣръ противъ этого недуга надо искать совсѣмъ въ другой плоскости. И въ первомъ ряду мѣръ, какія необходимы въ данномъ случаѣ, несомнѣнно будетъ стоять влияніе школы, какъ объ этомъ подробнѣе мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

В. Вахтеровъ.

Борьба между личностью и общественностью.

H. Michak: „L'idée de l'Etat. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques depuis la révolution“.

Ludwig Stein: „Die Sociale Frage im Lichte der Philosophie“.

Adolff Prins: „L'organisation de la liberté et le devoir sociale“.

I.

Едва ли кто-нибудь будет спорить против того, что современное европейское общество все ярче и определеннее раздробляется на два лагера, которые совмещают в себя два течения: одно — в сторону усиления *общественности*, другое — в сторону усиления *индивидуальности*.

Эти два основных течения включают в себя всевозможные ступени и той, и другой тенденции.

Так, на стороне усиления общественности стоят в виде крайнего полюса *бисмаркизм*, граничащий с одной стороны с *цезаризмом*, а с другой — с *государственным социализмом*; у противоположного течения, крайним пунктом или полюсом является *нигилизм*, не признающее никаких стеснений, даже этических, для свободы индивидуумов. Даже то ограничение личности, какое заключается в ее собственном чувстве сострадания, жалости, любви к ближнему и в альтруизмъ, считается здѣсь позорным рабствомъ.

Это настояще — тезисъ и антитезисъ. Только они образовались не в умѣ отдельнаго человѣка, а в умѣ цѣлаго современнаго культурнаго человечества.

Мнѣ невольно припоминается блестящая теорія Тарда, изложенная в одномъ изъ его новыхъ сочиненій, *La logique sociale*. По этой теоріи, общество обладает своей особенной логикой, *логикой социальной*. Въ этой логикѣ отдѣльныя идеи размѣщаются между отдѣльными личностями и ихъ группами и ведутъ между собой борьбу, напоминающую борьбу идей въ индивидуальномъ умѣ. Если умъ отдельнаго человѣка склоненъ рѣшать вопросы, переходя отъ одной крайности къ другой, пока не найдетъ примиренія (синтеза), то это же свойство является, очевидно, достояніемъ и

общечеловѣческаго ума, и никогда оно не выражалось такъ ярко, никогда не доходило до такой крайней полярности, какъ въ нашу эпоху.

Въ виду этого, уже а priori можно ожидать, что коллективный умъ придетъ въ концѣ концовъ къ синтезу или примиренію двухъ крайностей. Какое будетъ его рѣшеніе, скоро ли онъ придетъ къ нему и какими путемъ придетъ—мирнымъ или обостреннымъ случаями, это покажетъ будущее. Но есть всё основанія думать, что рѣшеніе придетъ мирнымъ путемъ и что этому поможетъ особенно сильно свободный обмѣнъ идей, свободное обсужденіе обѣихъ крайностей.

Это уже и замѣчается отчасти въ западной научно-соціологической и философской литературѣ. Въ послѣднее время появляются обширные трактаты, глубокія изслѣдованія, имѣющіе въ виду этотъ основной вопросъ. Его значеніе станетъ тѣмъ болѣе понятно читателю, чѣмъ яснѣе онъ пойметъ, что между двумя полюсами, намѣченными мною, размѣщаются почти всё общественные взгляды и теоріи нашего времени, всё тенденціи, проявляющіяся въ борьбѣ философской, эстетической, моральной, социальной, политической и экономической. Если основныя тенденціи совершенно ясно, опредѣленно и отчетливо сознаны и формулированы на двухъ противоположныхъ полюсахъ, то въ промежуточныхъ взглядахъ и стремленіяхъ, лежащихъ между ними, онѣ являются въ менѣе сознательной формѣ, такъ какъ вниманіе второстепенныхъ группъ болѣе поглощено частными задачами, частными моментами основныхъ теченій. Эти частные моменты вызываются потребностями самой жизни, ея коллизіями; однако если на всю эту борьбу и суматоху взглянуть сверху, охватить ее однимъ взглядомъ, то замѣтишь, что и тѣ два полюса, которые намѣчены нами, являются лишь логическимъ развитіемъ общей борьбы или процесса развитія нашей эпохи. Возьмемъ для примѣра самый мирный либерализмъ какого-нибудь Спенсера и его борьбу съ современнымъ коллективизмомъ или такой научно-покойный либерализмъ, какъ у Мена и его борьбу съ демократическими тенденціями, въ которыхъ онъ предвидитъ грядущій потопъ для всякой индивидуальной свободы... Развѣ тутъ мы не видимъ той же борьбы двухъ тенденцій, но только въ смягченномъ видѣ?

Я могъ бы указать такіе же примѣры изъ областей болѣе отдаленныхъ отъ реальной и политической жизни, — изъ области эстетики, философіи, даже педагогики, — что и дѣлаетъ, между прочимъ, Пренсъ, въ своей книгѣ, упомянутой въ заголовкѣ моей статьи.

Но это заняло бы у меня черезчуръ много времени и мѣста. Я поставилъ себѣ болѣе скромную цѣль: прослѣдить по двумъ-тремъ наиболѣе крупнымъ трактатамъ, относящимся къ данному явленію, его важнѣйшіе моменты, его возможный исходъ, его важнѣйшія причины и т. п.

Если этимъ способомъ мнѣ удастся освѣтить хотя немного ту грандіозную задачу, которая волнуетъ современное культурное человѣчество, раздѣляя его на два лагеря, то это освѣщеніе будетъ имѣть уже тотъ полезный результатъ, что смягчитъ нѣсколько взаимную враждебность группъ,

отражающуюся и въ нашей литературѣ, правда, очень блѣдно и несознательно.

Я избралъ три сочиненія, въ которыхъ огромная эрудиція авторовъ и богатѣйшій фактическій матеріалъ соединяются съ различными точками зрѣнія на дѣло: такъ Анри Мишель склоняется больше на сторону индивидуализма и рассматриваетъ борьбу только двухъ началъ — личности и государства, притомъ исключительно въ умственной области (въ литературѣ); Штейнъ вводитъ еще третье начало, «общество», въ качествѣ фактора прогресса, и рассматриваетъ не только идейную борьбу этихъ трехъ элементовъ, но и фактическую исторію ихъ отношеній, склоняясь на сторону общественно-государственного начала; наконецъ, Прэнсъ пытается примирить эти элементы, указывая и на фактическое ихъ примиреніе, сказывающееся въ исторіи рабочаго движенія за послѣдніе его періоды.

При обширности матеріала этихъ трактатовъ (книга Мишеля содержитъ 600 стр., книга Штейна 778 стр., книга Прэнса 458 стр.), я буду въ силахъ коснуться лишь главныхъ моментовъ, прямо относящихся къ моей задачѣ.

Начну съ книги Мишеля.

II.

Его трактатъ представляетъ наиболѣе полное, какое когда-либо являлось въ печати, изложеніе идей о государствѣ, появившихся съ середины XVII в. и до нашихъ дней во Франціи, Англіи, Германіи, но главнымъ образомъ, во Франціи, такъ какъ нѣмецкія и англійскія идеи интересуютъ его лишь по ихъ связи съ французскими. Изложеніе этихъ идей авторъ ведетъ въ извѣстной системѣ, выражающей его основную цѣль: прослѣдить борьбу идеи государства съ идеей личности, — борьбу, проходящую красной нитью въ исторіи политической и соціальной жизни французовъ (если не всей Европы) въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Въ переворотѣ, начатомъ во Франціи въ 1789 г., авторъ видитъ широкую постановку идеи индивидуализма. Но онъ доказываетъ, что эта постановка была въ то время (въ эпоху первой революціи) вовсе не сознательно-критической. Что это значитъ?

Опытъ, явившійся лишь гораздо позднѣе, не могъ поставить (даже передъ выдающимися умами той эпохи) задачи, выяснившейся только въ нашу современную эпоху, а именно: задачи объ *отношеніи личности къ государству и обратно*. Даже еще въ началѣ XIX столѣтія такой вопросъ не ставился передъ французскою мыслью въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ (стр. 104).

Понятія о государствѣ, начиная съ XVII столѣтія, насколько они отразились въ литературѣ, можно раздѣлить на три нижеслѣдующихъ типа, постепенно смѣнявшихъ другъ друга: 1) понятіе государства, въ томъ видѣ, какъ оно было принято, такъ называемой, «административной» монархіей

(Людовика XIV); казалось, что это понятіе (по которому государство отождествлялось съ могучей администраціей, сходявшейся, какъ въ фокусъ, въ лицѣ абсолютнаго монарха властелина) отвѣчало условіямъ традиціонной, устойчивой жизни французскаго народа. За этимъ понятіемъ идутъ: 2) понятіе о государствѣ, созданное, такъ называемыя, «просвѣщенныя деспотизмомъ» и, наконецъ, 3) понятіе чисто-индивидуалистическое.

Что касается современнаго строя Франціи, то, по мнѣнію Мишеля, онъ представляетъ пеструю амальгаму, въ которой учрежденія, проникнутыя идеей индивидуализма, существуютъ рядомъ съ остатками старой организаціи не только въ области администраціи, но и въ области школы, церкви etc. Они были возстановлены отчасти въ 1800 г., отчасти въ эпоху консульства и имперіи, да такъ и остались.

Понятно, что смѣсь двухъ началъ враждебныхъ и борющихся другъ съ другомъ не можетъ обѣщать стойкости государственнаго механизма. Не разобравшись въ этихъ двухъ элементахъ, публика, — и французская, и чужеземная, — постоянно впадаетъ въ ошибку, отпоя къ принципу индивидуализма (т.-е. къ политической свободѣ) всѣ прегрѣшенія этой амальгамы, составленной изъ враждующихъ элементовъ.

Еще болышую путаницу внесло въ эту амальгаму третье, непредвидѣнное въ ту эпоху новое начало, а именно развитіе капитализма, который произвелъ настоящую экономическую революцію въ сферѣ прежнихъ экономическихъ отношеній.

И вотъ, такимъ образомъ, цѣль автора сводится на то, чтобы опредѣлить, какое имѣютъ значеніе для современнаго политическаго сознанія тѣ юридическія и «договорныя» теоріи (т.-е. вытекшія изъ идеи государства, какъ договора между индивидуумами), которыя были вдохновлены индивидуализмомъ XVIII вѣка? Могутъ ли онѣ одержать побѣду противъ тѣхъ препятствій и возраженій, которыя встрѣтились на ихъ пути съ стороны различныхъ умственныхъ теченій XIX вѣка? И если онѣ побѣдятъ (въ чемъ авторъ убѣжденъ), то при какихъ условіяхъ?

Чтобы понять выводы Мишеля, необходимо хотя бы въ бѣглыхъ чертахъ ознакомиться со смѣной и борьбой идей, намѣченныхъ выше.

Это мы и сдѣлаемъ теперь.

III.

Ходъ исторіи Франціи велъ до XVIII в. къ постоянному возрастанію власти короля. Въ «административной» монархіи XVII в. эта власть стала почти единственнымъ двигателемъ всей государственной системы.

Тогда находилъ въ понятіяхъ людей того времени о государствѣ три элемента: во-первыхъ—римскій, состоящій въ передачѣ власти государю; во-вторыхъ—христіанскій, видѣвшій въ государѣ представителя Бога на землѣ, и, въ-третьихъ, элементъ феодальный, видѣвшій въ государѣ универсальнаго *сюзерена*, настоящаго собственника имѣній своихъ вассаловъ,

которыми эти послѣдніе владѣютъ только въ качествѣ «*domaine utile*», какъ показываетъ эдиктъ Людовика XIV, данный въ августѣ 1692 г.

Выраженіе Людовика XIV: «государство, это—я»,—было не его личнымъ взглядомъ только, а общимъ чувствомъ и пониманіемъ той эпохи. Власть государя не должна была,—*по мнѣнію всѣхъ*,—ограничиваться ничѣмъ, кромѣ его собственнаго интереса и его частныхъ обязанностей къ Богу. Но и эти послѣднія обязанности разсматривались своеобразно. Такъ, Боссюэтъ, являющійся лишь выразителемъ мнѣній современниковъ, хотя и совѣтуетъ государю, въ видѣ *религіозной обязанности*, доброту, кротость, попеченіе о слабыхъ и т. п. (*Политика*, кн. III), но, какъ глава церкви, государь самъ опредѣляетъ до извѣстной степени даже эти обязанности. Боданъ, Боссюэтъ (какъ и Гоббсъ) считали, что государство произошло отъ *силы*, а потому и поддержаніе его лежитъ только въ силѣ же, а потому всѣ остальные цѣли государства должны подчиняться этой послѣдней. Такъ, дѣла религіи предоставляются церкви, но государство должно вмѣшиваться въ эти дѣла, если въ столкновеніяхъ сектъ усмотрить источникъ волнованій; оно же опредѣляетъ границы папской власти, чтобы имѣть возможность оставаться хозяиномъ у себя дома.

Послѣдовательно исходя изъ этого принципа, государство той эпохи стремилось только къ поддержанію и увеличенію своего могущества. Еюрьоль заботился одновременно о расширеніи своей власти внутри и объ увеличеніи территории, занимаемой націей, чтобы гарантировать себѣ независимость относительно иностранныхъ государствъ, что давало ему вѣстѣ съ тѣмъ и преобладаніе въ христіанствѣ.

Вотъ почему войско и налоги составляли въ теченіе вѣковъ главнѣйшую заботу французскихъ государей и краеугольный камень всей политики.

Каковъ же былъ въ то время взглядъ *на личность*?

Онъ естественно вытекалъ изъ этихъ взглядовъ на государство,—взглядовъ, раздѣляемыхъ величайшими умами эпохи: Боссюэтъ утверждалъ, наприм. (соч., т. XI, стр. 145), что «частное достоиніе и частное благо приносятся законно въ жертву государству, т.-е. королю». Этотъ послѣдній «можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ соображать свои дѣйствія только съ Богомъ». Что же касается гражданъ, то единственнымъ лѣкарствомъ отъ могущихъ произойти бѣдствій должна быть «молитва и терпѣніе относительно публичной власти» (*тамъ же*).

Были защитники этого взгляда и съ этической точки зрѣнія, видѣвшіе нравственный подвигъ въ такомъ полномъ уничтоженіи личности. Но Мишель замѣчаетъ, что это уничтоженіе не было результатомъ добровольнаго самопожертвованія; оно вынуждалось извне, а потому его этическое значеніе сомнительно.

И вотъ, противъ такого-то представленія о государствѣ выступаетъ сперва теорія «просвѣщеннаго деспотизма», какъ предвѣстіе настоящаго индивидуализма, расцвѣтшаго позднѣе и характеризующаго XVIII столѣтіе. Провозвѣстники индивидуализма еще не подвергаются обвиненію аб-

солдатских учреждений. И этого нельзя объяснить одной внешней невозможностью подобной критики. По всей вероятности, на сторонѣ существующаго порядка были еще и убѣжденія, и чувства многих выдающихся людей даже XVIII вѣка, въ началѣ проявленія индивидуалистическаго теченія.

Въ чемъ же, однако, оно выражалось, если не трогало даннаго *statu quo*?

Оно выражалось въ стремленіи внушить королевской власти чувство *новыхъ обязанностей* относительно подданныхъ. И въ философін, и въ политикѣ продолжаютъ настаивать на пользѣ деспотизма, но желаютъ, чтобъ онъ сдѣлался «просвѣщеннымъ деспотизмомъ».

Еще болѣе замѣчательно то, что прямая проповѣдь нѣкоторой свободы для индивидуума ограничивается вначалѣ, главнымъ образомъ, проповѣдью его права «свободно думать и говорить».

Это право было провозглашено въ XVIII столѣтіи съ яркой страстностью.

Но не въ одномъ этомъ сказалось зарожденіе индивидуализма: *начали искать новыхъ основаній для права вообще*. Идея «естественнаго *) права» была не нова, но она пряталась въ позабытыхъ, старыхъ трактатахъ дидактическаго характера. И вотъ, она извлечена оттуда на Божій свѣтъ и начинаетъ мало-по-малу охватывать умы: о ней горячо полемизируютъ, но еще не дѣлаютъ детальныхъ выводовъ изъ ея основоположеній. Это придетъ только впоследствии.

Наконецъ, переходъ къ индивидуализму сказанъ въ томъ еще, что перестали довольствоваться только восхищеніями передъ существующимъ, а начали и обсуждать кое-что, *преимущественно—права*, а затѣмъ и нѣкоторыя учрежденія. Наконецъ, перестали бояться движенія, шума; между тѣмъ эта боязнь была характернымъ признакомъ XVII вѣка. Бойль, Фонтенель, Вольтеръ, энциклопедисты, фізіократы, говоря строго, не шли дальше этого. Вольтеръ говорилъ и о «естественномъ законѣ», и о «естественномъ правѣ», но только въ примѣненіи къ свободѣ мысли. Ему также обязаны мы введеніемъ понятія «человѣчности», или точнѣе — понятія о *чувствѣ челоѣчности*, на которомъ онъ основываетъ все свои предложенія реформы—въ нравахъ и учрежденіяхъ: оно занимаетъ первый планъ въ его сочиненіяхъ. Что же онъ понималъ подъ этимъ терминомъ? Онъ выражалъ его формулами, весьма напоминающими Канта: наприм., «относись къ другимъ такъ, какъ ты желаешь, чтобы относились къ тебѣ самому». Этотъ принципъ онъ называлъ великимъ, универсальнымъ, «единственнымъ неизблемымъ и основнымъ закономъ», который «не можетъ быть вырванъ изъ челоѣческаго сердца».

По словамъ Мишеля, изучившаго до малѣйшихъ деталей его произведенія, трудно рѣшить, что больше воодушевляло его — *любовь ли къ людямъ, или отвѣтъ и ненависть противъ тѣхъ религіозныхъ учреждений, которая зажгала костры и возводила на нихъ мучениковъ*.

*) По этой теоріи, челоѣку даны права самой природой. Наибольшее развитіе достигается этой идеей у Руссо.

Это замѣчаніе весьма важно отмѣтить: въ немъ наглядно сказывается значеніе человѣческой личности и ея развившихся и наболѣвшихъ потребностей въ исторіи возникновенія идей. Наболѣвшее чувство или потребность переходятъ въ сознательную идею, въ болѣе или менѣе стройную теорію, и *начинаютъ* непосредственно протестовать противъ гнета, — и протестовать, прежде всего, въ *томъ направленіи, которое всею ближе касается наболѣвшихъ потребностей*. Вольтеръ былъ представителемъ интеллекта той эпохи, и вотъ на него, какъ и на другихъ его современниковъ, стоявшихъ на той же ступени умственнаго развитія и соответствующихъ умственныхъ потребностей, прежде всего падалъ гнетъ, тяготѣвшій надъ свободой мысли и совѣсти. Остальныя потребности, — если и существовали въ обществѣ *de facto*, — еще не дошли до полной *сознательности*, а частью (какъ увидимъ далѣе) казались еще несбыточными и, во всякомъ случаѣ, отодвигались въ сознаніи на задній планъ тѣмъ, что особенно сильно наболѣло.

Мишель касается при этомъ вопроса весьма интереснаго и часто вызывающаго споры: не были ли идеи ХVIII в. (и не былъ ли вообще индивидуализмъ) продуктомъ *преднамереннаго классоваго эгоизма буржуазіи*? Въдѣ идеи свободы, провозглашенныя въ эту эпоху, послужили впоследствии на пользу, — какъ думаютъ нѣкоторые, — только одному этому классу. Мишель полагаетъ, — о чемъ мы подробнѣе скажемъ далѣе, — что у провозвѣстниковъ индивидуализма не было преднамереннаго классоваго эгоизма. Прослѣживая ихъ біографіи, ихъ скромный, почти аскетическій образъ жизни, онъ доказываетъ, что они искренно считали свои требованія требованіями общаго блага и, быть можетъ, они не ошибались въ этомъ. Будучи сами чисты и безкорыстны, они не могли предвидѣть, что ихъ идеями могутъ воспользоваться грубо-эгоистически, какъ можно воспользоваться всѣмъ, чѣмъ угодно. Но не эти ли идеи, проникнувъ постепенно въ сознаніе и другихъ классовъ, заставили и ихъ сознать ярче, болѣзненнонѣе, и свои «классовыя» потребности, ставшія впоследствии во главѣ движенія эпохи XIX вѣка?

Однако, нельзя сказать, чтобъ и Вольтеръ не думалъ вовсе объ экономическомъ положеніи низшихъ классовъ. Но онъ былъ увѣренъ, что ихъ потребности выплывутъ еще не скоро на арену исторіи. Положеніе трудящагося класса поразило его особенно сильно во время пребыванія въ Англіи. По крайней мѣрѣ, въ письмахъ оттуда мы находимъ такое мѣсто: «потребуются *тысячи* для того, чтобы человечеству дана была справедливость, — чтобы почувствовать, какъ было *ужасно* заставлять съѣсть большинство, а собираніе жатвы — предоставить меньшинству!»

Въ общемъ же Вольтеръ не былъ не только революціонеромъ или демократомъ, онъ не былъ даже либераломъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова: такъ, онъ высказывался противъ парламентовъ и «*états généraux*». Онъ считалъ величайшимъ несчастіемъ для «государства», если у него «оспаривается законодательная власть». Его идеаломъ былъ «просвѣщенный деспотизмъ», а героями — Людовикъ XIV, Фридрихъ II и Екатерина II.

«Основная политическая мысль Вольтера, отрываемая анализом его сочинений,—говорит Мишель,—состояла въ томъ, чтобы заставить короля служить осуществленію желательныхъ реформъ».

Мы остановились такъ долго на Вольтерѣ потому, что онъ является однимъ изъ самыхъ искреннихъ, типичныхъ и, пожалуй, гениальныхъ представителей идеи «просвѣщеннаго деспотизма», т.-е. доминирующей идеи той эпохи. Она господствовала тогда и въ Германіи (Лейбницъ, Вольфъ), и отчасти въ Англіи.

Энциклопедисты являлись также поборниками просвѣщеннаго деспотизма, хотя источникъ власти они видѣли въ народѣ. Но разъ народъ передалъ эту власть одному лицу,—она не должна быть ограничиваема. Монархъ долженъ только,—имѣя въ виду народный источникъ своей власти,—направить все свое вниманіе на терпимость, развитіе просвѣщенія и общее благосостояніе. Изъ энциклопедистовъ въ области политики выдавался больше другихъ Гольбахъ, построившій свои взгляды на началахъ созданной имъ этики «счастья», изъ которой многое заимствовали англійскіе утилитаристы. Но и для него форма правленія безразлична, лишь бы соблюденъ былъ принципъ, что источникомъ власти является народъ. У Гольбаха же замѣтенъ уже переходъ къ требованію *экономической свободы*,—требованію, выразившемуся у физиократовъ (имѣвшихъ сношенія съ Ад. Смитомъ) знаменитымъ положеніемъ—«laissez faire»: Гольбахъ видитъ высшее благо уже не въ свободѣ мысли и совѣсти, а «въ свободѣ трудиться для своего благосостоянія, безъ чего всѣ другія блага недействительны».

Замѣчательно, что физиократы, пустившіе въ ходъ вышеупомянутую знаменитую формулу *экономической свободы* (считаемую краеугольнымъ камнемъ расцвѣта позднѣйшей буржуазіи), въ то же время, своими философскими взглядами, отрицаютъ у личности автономію и избирающую волю, говоря, что человекъ живетъ подъ влияніемъ среды и времени, и что эти послѣднія (т.-е. среда и время), а не человекъ, создаютъ учрежденія и законы.

Замѣчательно это потому, что, наприм., у спенсеріанцевъ, являющихся въ наше время такими же горячими поборниками индивидуализма въ *экономической* области, идетъ рядомъ также и отрицаніе почти всякаго значенія дѣятельности личности и личной воли. Вѣдь по эволюціонной теоріи спенсеріанцевъ *), все совершается самимъ процессомъ эволюціи.

На первый взглядъ кажется, что философія этой группы противорѣчитъ ея практическимъ требованіямъ: съ одной стороны требованіе свободы для индивидуума, съ другой—философское отрицаніе значенія этой свободы.

Для объясненія этого кажущагося противорѣчія необходимо уяснить себѣ, что и физиократами и спенсеріанцами экономическая свобода требуется не столько въ расчетахъ на *творчество или инициативу* инди-

*) Я говорю „спенсеріанцевъ“ а не Спенсера, такъ какъ самъ Спенсеръ не разъ объясняетъ, что придаетъ важное значеніе индивидуальнымъ усиліямъ.

видуумовъ, сколько для того, чтобы *не мѣшать естественному процессу или закону*, который самъ все сдѣлаетъ. Если тутъ есть противорѣчіе, то развѣ только въ томъ, что если личность—ничто, то и препятствія съ ея стороны естественному закону безсильны. Наконецъ, если она лишь *орудіе* естественнаго процесса, то откуда же въ ней является и желаніе и сила сопротивляться ему?

Какъ бы тамъ ни было, но во всѣхъ теоріяхъ этого рода, индивидуализмъ еще весьма сомнителенъ, хотя въ *экономической* области онъ уже провозглашается, указывая, что здѣсь уже назрѣла эта потребность. Но это провозглашеніе опирается не на свободныя творческія силы самихъ индивидуумовъ, которыя должны создать себѣ благо, а на нѣчто вроде фатума, который приводитъ къ этому благу. Въ доказательство этого Мишель указываетъ на родство натуралистическаго взгляда съ теократическимъ: такъ, наприм., Дюпонъ де Немуръ прямо говоритъ, что такъ какъ законы природѣ даны Богомъ, то они должны быть одинаковы и для природы внѣшней и для общества. Отсюда вѣра фізіократовъ въ единый «всѣмѣрный порядокъ», въ «естественную необходимость», въ господство надъ обществомъ физическихъ законовъ и т. п. Различіе съ теократическими воззрѣніями лишь то, что божественный законъ или воля, передъ которыми была ничтожна человѣческая воля, замѣняются мало-по-малу естественнымъ закономъ, по съ тѣмъ же приниженіемъ человѣческой воли и личности.

Въ то же время, подобно теократамъ, въ политической области фізіократы являются поборниками деспотизма, противниками Монтескьё и его принципа раздѣленія власти, а также противниками Руссо съ его «примитивнымъ естественнымъ правомъ» людей. Только деспотизмъ можетъ дать порядокъ, но деспотизмъ, основанный не на капризѣ, а на *аксіомахъ* или *безспорной очевидности*. Это нѣсколько напоминаетъ и позднѣйшую теорію О. Конта, съ его деспотическими правителями, избираемыми изъ ученыхъ и банкировъ. По мнѣнію фізіократовъ, такой деспотизмъ можетъ встрѣтить оппозицію только со стороны невѣжества. Если онъ побѣдитъ невѣжество, онъ побѣдитъ все. Отсюда—требованіе народнаго образованія, а съ другой стороны свободы обмѣна,—вотъ и всѣ положительныя идеалы реформъ, предлагаемыхъ фізіократами.

Замѣтимъ, что мы еще видѣли только зародыши индивидуализма. Настоящій индивидуализмъ отличается отъ воззрѣній теоретиковъ просвѣщеннаго деспотизма тѣмъ, что эти послѣдніе, по словамъ Мишеля, «не имѣли чувства равнаго достоинства личностей», чувства необходимаго для гражданскаго равенства.

По мнѣнію Мишеля, на этомъ-то чувствѣ и основывается какъ политическое, такъ и всякое другое право. Всѣ реформы, какія предлагались тогда, мотивировались еще благомъ самого государя (наприм., устраненіемъ неудовольствій народа и т. п.) или государства. Индивидуумъ и его благо были сравнительно не причемъ. Наконецъ, и реформы ожидалась только отъ государства. Исключенія не составлялъ даже Тюрго. По словамъ его

друга, Мальзебра, «онъ всего ожидаетъ отъ королевской власти, дѣйствующей изъ себя самой».

Даже монархія Людовика XIV, —говоритъ Мишель,—меньше поглощаетъ личность, чѣмъ монархія по взглядамъ Тюрго.

IV.

Наступленіе третьяго періода, т.-е. *настоящій индивидуализмъ*, Мишель видитъ въ *Монтескьё*. По опредѣленію Монтескьё, свобода есть *право дѣлать то, что дозволяетъ законъ*. Законъ же въ странѣ, гдѣ онъ дѣйствительно существуетъ, состоитъ въ томъ, «чтобы каждый могъ дѣлать то, чего *должно желать*, и никомъ образомъ *не могъ быть принужденъ дѣлать то, чего не должно желать*».

Здѣсь ставится на первый планъ *законъ*, а основой самого закона является только этическое начало «*должнаго*». Но въ этихъ двухъ формулахъ говорится еще только о *личной* свободѣ гражданъ, а не о правѣ ихъ на власть или участіе въ ней. Монтескьё строго разграничиваетъ два этихъ понятія, находя, что свобода возможна во всѣхъ формахъ государственности, а не въ однѣхъ только демократіяхъ. Въ античныхъ демократіяхъ граждане участвовали во власти, но они не были свободны *какъ личности*, такъ какъ всецѣло подавлялись идеей государства. На то же явленіе указываетъ между прочимъ Людвигъ Штейнъ, видя въ этомъ главное отличіе отношеній между личностью и государствомъ теперь и въ античномъ мірѣ. Итакъ, Монтескьё правъ, разграничивъ два этихъ вида свободы.

Я не буду излагать подробно идей Монтескьё, предполагая, что онѣ достаточно знакомы: онъ совѣтуетъ раздѣленіе властей, чтобъ одна могла *умѣрять* или сдерживать другую; онъ совѣтуетъ не давать преобладанія одному началу,—наприм., аристократическому, или демократическому,—и опять съ той же цѣлью взаимнаго «умѣренія». Вліяніе англійскихъ учрежденій здѣсь безспорно и очевидно.

Замѣчательно, что другой яркій представитель индивидуализма, Жапъ-Жакъ Руссо, рѣзко полемизировалъ съ Монтескьё. Онъ находилъ его «раздѣленіе властей» напоминающимъ тотъ японскій фокусъ, когда человѣкъ разрубается на нѣсколько кусковъ и затѣмъ, по волѣ фокусника, они срастаются въ одно цѣлое.

По мнѣнію Руссо, власть принадлежитъ всеѣмъ, какъ одному цѣлому, связанному договоромъ. Она не можетъ быть отчуждаема или передовѣряема (какъ общая), не нуждается ни въ какихъ гарантіяхъ для своихъ подданныхъ, такъ какъ всѣ они въ то же время и властители.

Это—сколокъ съ античнаго государства и какъ тамъ, такъ и у Руссо, на первый планъ выдвинуто *право участія во власти*, а *личная свобода совершенно подавлена*: всѣ могутъ вмѣшиваться въ личную жизнь каждаго,—даже въ моральную жизнь, такъ какъ Руссо, по примѣру античныхъ государствъ, объединяетъ религіозную и политическую власть.

Мишель видит въ идеяхъ индивидуалистовъ вліяніе Америки и Англіи, а здѣсь онѣ развились на почвѣ протестантизма (Курпо: *Измѣдованіе о послѣдовательности основныхъ идей*, 1861, и Боржо (Borgeaud) о томъ же въ 1890—91 и 93 гг.) Солдаты Кромвеля привыкли избирать своихъ руководителей культа въ конгрегаціяхъ и довѣрять имъ путемъ избранія всѣ права, какими обладали. Такую же демократическую идею, вытекающую изъ равенства всѣхъ передъ Христомъ, изъ высокаго почтенія къ личности человѣка, какъ носительницѣ божественнаго начала,—они стремились внести и въ государство.

Наоборотъ, противоположное направленіе, какъ мы уже замѣтили, болѣе тѣсно связано съ католицизмомъ. Его отличительная особенность—отрицаніе значенія личности. И это отрицаніе можетъ являться на самыхъ различныхъ основаніяхъ: у Боссюэта, Сень-Мартена, де-Местра, Бональда, Ламене отрицаніе это опирается на божескомъ всемогуществѣ, у физиократовъ и Галлера—на всемогуществѣ законовъ природы, у Гегеля—на законѣ развитія міровой идеи *), у Шопенгауэра—на развитіи міровой воли, у Сень-Симонистовъ, О. Конта, Луи-Блана, Маркса, Энгельса—на основаніи закона общей эволюціи, или эволюціи экономической. Сень-симонисты, по словамъ Мишеля, создали настоящую религію эволюціи, при помощи которой «реабилитировали великія историческія преступленія не только Ришелье, но и Катерины Медичи. По этической доктринѣ Бюше (сень-симониста), «нравственно все, что имѣетъ общественную цѣль, какое бы зло при этомъ ни причинялось индивидууму». Сведеніе личности къ нулю здѣсь очевидно. Тоже у Пьера Леру и О. Конта (у «личности нѣтъ ничего, что не было бы дано ей человечествомъ»). Но при этомъ забывалось, что и, наоборотъ, у человечества не было ничего, что не было бы ему дано личностью.

Но здѣсь снова замѣчается фактъ уже указанный выше: Сень-Симонъ, требовавшій всюду примѣненія науки (которая имъ понималась не въ смыслѣ *опытной науки*, какъ у англичанъ, а въ смыслѣ синтетическаго и дедуктивнаго сведенія всѣхъ *явленій жизни къ законамъ физическимъ*), этотъ же Сень-Симонъ проповѣдуетъ въ политической области, чтобы «дѣйствіе власти ограничивалось насколько возможно», и чтобы люди «пользовались величайшей степенью свободы, какая только совместима съ состояніемъ общества».

Такимъ образомъ, выясняется довольно любопытный фактъ, что на одной и той же философской почвѣ могутъ возникать самыя противоположныя политическія и экономическія воззрѣнія. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ какъ исторія философіи знаетъ *правыхъ и лѣвыхъ гегельянцевъ*, эта истина не должна бы была составлять новости. Та горячность, съ какою у насъ спо-

*) Конечно, связь идей Гегеля (или Шопенгауэра) съ теократическими идеями Рима доказать едва ли возможно. Вообще такого рода *историческая связь* часто является лишь исторической натяжкой.

рять часто объ общих идеяхъ міросозерцанія, обвиняя ихъ въ тѣхъ или другихъ практическихъ слѣдствіяхъ, есть или нетерпимость, или недоразумѣніе, хотя, конечно, не всегда.

Мишель разсматриваетъ дальше тотъ взрывъ реакціи, который наступилъ послѣ взрыва индивидуалистическихъ воззрѣній. Не говоря уже о теократической реакціи въ лицѣ де-Местра, Сень-Мартена, де-Бональда, Ламена и др., та же реакція сказалась въ сень-симонизмѣ, позитивизмѣ, а позднѣе въ государственномъ социализмѣ, граничившемъ, особенно въ Германіи, съ цезаризмомъ. Эта реакція не ограничивалась Франціей, она захватила не только Германію (Савиньи, Гегель) но и Англію (Бёркъ, Бентамъ).

Послѣдній говоритъ, что хорошая администрація, хорошіе законы и благо наибольшаго числа людей гораздо лучше политической свободы*).

Пропускаю главы о Прудонѣ, Фурьё (которыхъ Мишель называетъ *парадоксалистами индивидуализма*), о Марксѣ, Энгельсѣ и экономическомъ матеріализмѣ, и перейду прямо къ выводамъ.

Мишель становится на сторону индивидуализма, но указываетъ предварительно нѣкоторыя крупныя ошибки его, которыя должны и могутъ быть исправлены по указаніямъ того горькаго опыта, какой пережило человечество съ конца XVIII в., т.-е. съ эпохи зарожденія индивидуализма и до нашихъ дней.

Эти ошибки не въ томъ только, что индивидуализмъ XVIII в., проповѣдая свободу индивидуума, не задумывался строго надъ отношеніями индивидуума къ государству и надъ гарантіями, обеспечивающими настоящую свободу,—онѣ еще и въ томъ, что индивидуализмъ XVIII в. принималъ въ соображеніе не конкретныхъ людей съ ихъ слабостями, а идеальнаго человѣка, оторваннаго отъ мѣста и времени и надѣленнаго извѣстными, теоретически-опредѣленными свойствами и потребностями. Далѣе, онъ не предчувствовалъ вторженія капитализма, при которомъ свобода, объявленная закономъ, становилась фактивной, такъ какъ у человѣка, лишеннаго средствъ къ существованію, не было фактическаго права жить и свободно договариваться.

Наконецъ, индивидуализмъ XVIII в. поставилъ принципомъ оппозицію государству, не принявъ во вниманіе, что государство мѣняется, что въ высшей стадіи своего развитія оно есть ни больше, ни меньше какъ сумма индивидуумовъ.

Но эти ошибки прежняго индивидуализма были неизбежны, и онѣ были несомнѣнно искренни, основаны на желаніи общаго блага. Индивидуалисты XVIII вѣка не могли и представить себѣ, чтобы, напримѣръ, принципъ *laissez faire* могъ современемъ кого-либо обездолить. Сами они вели скромную жизнь, были поглощены всецѣло вопросами высшаго порядка и самосовершенствованіемъ. Имъ казалось, что несовершенства людей яв-

*.) Въ этой реакціи мы имѣемъ доказательство еще и того, что идея индивидуализма вовсе не была сознательной идеей *буржуазіи*, какъ *класса*. Та же буржуазія являлась то противницей индивидуализма, то его поборницею*

ляются продуктами неправильнаго государственнаго устройства и невѣжества, и что если измѣнится то и другое, то всё станутъ такими же, какими были сами они, т.-е. безкорыстными и самоотверженными работниками общественнаго блага и совершенствованія. У нихъ не было опыта, который подсказалъ бы имъ мысль о необходимости гарантировать закономъ не только свободу, но и «право жить».

Кромѣ того, они не могли въ то время признать въ государствѣ гарантій для свободы. Передъ ними во Франціи XVII в. былъ противоположный опытъ, а все, что они знали лучшаго въ Англии, Америкѣ, въ античныхъ демократіяхъ, они стремились пересадить на свою почву, не принимая во вниманіе особенностей тѣхъ индивидуумовъ, къ которымъ все это переносилось. Противникамъ же индивидуализма Мишель возражаетъ, что нельзя одну и ту же формулу примѣнять къ различнымъ стадіямъ развитія обществъ. Возьмемъ, напримѣръ, теорію договора: въ *настоящее время* (а не въ отдаленныя времена) государство мало-по-малу становится дѣйствительно договорнымъ, въ которомъ *сознаніе* и *личность* играютъ великую роль. Но было время,—и тутъ правы противники индивидуализма (т.-е. правы отчасти),—когда индивидуумъ былъ почти равенъ нулю, когда внѣшнія условія, законы природы, законы эволюціи дѣйствительно играли личностью, какъ вѣтеръ щепкой. Однако, это время миновало. И ошибка противниковъ индивидуализма (философскихъ?) именно въ томъ и заключается, что они хотятъ *прошедшее сдѣлать закономъ и для настоящаго*.

Мишель преклоняется передъ точными методами въ социальной наукѣ: пусть работаетъ статистика, пусть опредѣляются законы связи и послѣдовательности общественныхъ явленій, но пусть этихъ законовъ не навязываютъ намъ въ настоящей стадіи развитія, когда человечество живетъ сознательно; пусть, наконецъ, ихъ не навязываютъ грядущему, которое будетъ еще сознательнѣе, овладѣвъ еще больше и законами природы, и законами эволюціи для своихъ цѣлей.

Какъ устроится это грядущее, нельзя сказать на основаніи какого-либо одного принципа или одной формулы. Устройство это необходимо должно совершаться *при помощи науки*, но не въ томъ смыслѣ, чтобы людямъ навязывались извѣстные принципы и формулы, а въ томъ смыслѣ, чтобы наука опредѣляла, что болѣе пригодно для тѣхъ или иныхъ условій.

Такая главенствующая роль, проектируемая для науки, едва ли не противорѣчитъ принципу индивидуализма, какъ бы ни оговаривался авторъ относительно необходимости ничего не навязывать и остерегаться однообразныхъ принциповъ.

Вообще надо замѣтить, что въ положительной части своего труда Мишель гораздо слабѣе, чѣмъ въ исторической. Онъ старается по возможности примирить всѣ воинствующія начала нашей эпохи, но это вовсе не такъ легко сдѣлать, какъ легко написать, или взвалить всю тяжесть рѣшеній на науку.

По адресу экономистовъ-реформаторовъ Мишель говоритъ: «нѣкоторые противники индивидуализма были правы, когда требовали для всѣхъ членовъ общества *права жить* и указывали на зло той политической экономіи, которая была безразлична къ страданіямъ и лишеніямъ большинства. Но они ошибались съ того момента, когда перестали видѣть въ человѣческомъ обществѣ что бы то ни было, кромѣ распредѣленія богатствъ».

Поэтому Мишель ставитъ на первомъ планѣ такую формулу справедливости: «право равное для всѣхъ членовъ общества жить и становиться личностями» (стр. 676). На стр. 646, слова: «становиться личностями» замѣнены словами «возвышаться посредствомъ образованія».

Все это—хорошія вещи, но—какъ все это будетъ достигнуто и почему будетъ достигнуто,—ясныхъ указаній или доказательствъ мы у Мишеля не находимъ. Ихъ нѣсколько больше у Людвигъ Штейна, къ которому мы и перейдемъ теперь.

У.

Штейнъ прежде всего отличается отъ Мишеля тѣмъ, что для него элементы социальной задачи представляются въ *трехъ принципахъ*, а не въ двухъ, какъ у Мишеля. У этого послѣдняго дѣло идетъ только объ отношеніи личности и государства; у Штейна—объ отношеніяхъ *личности, общества и государства*.

Мишель совершенно упускаетъ значеніе общества, какъ такового, а между тѣмъ Штейнъ показываетъ, что общество есть самостоятельный элементъ процесса, что оно не есть только простая сумма индивидуумовъ и что, кромѣ того, оно должно быть отграничено отъ понятія государства.

Подъ «обществомъ» Штейнъ понимаетъ (стр. 107) «просто условія или отношеніе (*Verhältniss*) сотрудничества или совмѣстной дѣятельности, надстраивающіяся надъ индивидуумами и упорядочивающія ихъ взаимныя отношенія. Между тѣмъ, государство есть *учрежденіе*, имѣющее цѣлью обезпечить землю и территорію, а также защищать жизнь и собственность внутри и снаружи (общества)».

Автору приходится посвятить еще не мало страницъ на выясненіе этого предварительнаго опредѣленія.

Такъ, онъ не считаетъ обществомъ семейнаго союза, особенно если онъ основанъ только на кровномъ родствѣ. То, что вытекаетъ изъ непосредственныхъ биологическихъ потребностей и связей еще не есть общество, а только *союзъ*. Общество является лишь съ того момента, когда возникаетъ нѣчто вродѣ внѣшняго условія (*convention*), какъ регулятора отношеній (стр. 62).

Но и *союзы* (*Gemeinschaft*), предшествующіе появленію общества, создаются изъ нѣсколькихъ элементовъ и переживаютъ извѣстныя стадіи или моменты. Общимъ же отличительнымъ ихъ признакомъ можно считать то, что въ нихъ все обуславливается инстинктивными влеченіями, а такъ какъ

инстинкты ничѣмъ не урегулированы, то жизнь въ союзахъ зависитъ отъ случайностей, отъ произвола и прихоти сильнѣйшихъ, и т. п. Первымъ моментомъ союза можно считать *кровное родство*, затѣмъ общность занимаемаго *мѣста* (одна пещера), далѣе—*половой инстинктъ*, вызывавшій столкновения, наконецъ, четвертый моментъ, вызывавшій особенно частыя столкновения,—моментъ борьбы за экономическое существованіе,—причемъ столкновения могли возникать изъ различій и разной интенсивности вкусовъ, желаній etc. Къ этому періоду относится возникновеніе раздѣленія труда, какъ нѣкоторый выходъ изъ лабиринта возможныхъ столкновений *). Но, съ большимъ и большимъ проникновеніемъ въ союзъ раздѣленія труда, возникаютъ уже зачатки нѣкоторыхъ *правилъ* относительно правъ и обязанностей, хотя бы, напримѣръ, для регулированія отношеній между союзомъ кровнымъ и союзомъ мѣстнымъ. И вотъ, только здѣсь, на мѣсто инстинктивной дѣятельности, возникаютъ *руководящіе мотивы* (Leitmotive). Это и есть первое строило *соціальной* организаціи. Эти первыя инстинктивные правила кристаллизуются мало-по-малу въ болѣе прочныя *нормы*: *болѣе прочны онѣ уже потому, что болѣе сознательны*. Штейнъ проводитъ мимоходомъ параллели между развитіемъ этихъ нормъ и развитіемъ языка (который онъ считаетъ *пятымъ* элементомъ первоначальнаго союза). Законодатели языка (грамматикеи), какъ и законодатели въ буквальномъ смыслѣ этого слова, лишь придаютъ сознательныя формы тому, что образовано инстинктивно самимъ союзомъ. *Государство* составляетъ высшую и гораздо болѣе позднюю ступень развитія общества (соціальной эволюціи). Въ дикомъ состояніи, а также на первыхъ ступеняхъ варварства, совершенно неизвѣстенъ тотъ соціальный агрегатъ, который мы называемъ государствомъ. Первоначальныя же формы—рѣчи, права и нравовъ—ведутъ сначала только къ образованію *общества*.

Уже изъ этого образованія, послѣ того какъ оно пережило множество повольтнй, испытало безчисленныя взаимодействія и вліянія, требующія *интегрированія*, развилаь структура *государственной устройства*.

Что касается образованія собственности, какъ одного изъ важнѣйшихъ факторовъ позднѣйшаго права, то собственности предшествовало просто обладаніе или имущество (Besitz), которое само могло возникнуть лишь послѣ образованія у человѣка понятія *числа* и *времени*. У жителей тропическаго климата, обходившихся безъ жилищъ и запасовъ пищи, потребность въ имуществѣ можетъ долго отсутствовать, а потому нѣтъ и «желанія имущества» (Besitzwillen Геринга) или «представленія объ имуществѣ» (Штейнъ).

Но, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, начинало недоставать продуктовъ естественнаго питанія; человѣчество вынуждено было переходить

*) Штейнъ допускаетъ и дѣйствіе естественнаго подбора при образованіи всѣхъ этихъ моментовъ и соответствующихъ чувствованій, не исключая чувства *семейнаго*, чувства *собственности* и т. п. (см. далѣе).

въ болѣе и болѣе отдаленныя и, слѣдовательно, въ болѣе холодныя области. Здѣсь уже необходимо нужно было думать о запасахъ, такъ какъ зимніе періоды лишали возможности поддерживать жизнь охотой и т. п. Въ этой возрастающей борьбѣ за существованіе и возникло представленіе о *будущемъ*, какъ оно должно было возникнуть, наприм., и у перелетныхъ птицъ. Подборъ и наследственность должны были развивать и укрѣплять дальше эту работу. Но у человѣка въ этому присоединилась и умственная дѣятельность (интеллектуальная функція).

Такимъ образомъ, первыми основателями имущества, а въ то же время и побѣдителями въ борьбѣ за существованіе, — побѣдителями въ томъ смыслѣ, что они пережили другихъ, — были люди, у которыхъ сильнѣе развились представленія о времени, т.-е. о грядущемъ, и о страданіяхъ, соединенныхъ съ наступленіемъ зимы.

Великую революцію въ имущественныхъ отношеніяхъ должно было произвести прежде всего *прирученіе животныхъ*. Этотъ моментъ былъ переходнымъ отъ жизни рыболововъ и охотниковъ къ жизни пастушеской. «Домашнія животныя, — говоритъ фонъ-Бэръ, — были ступенью, черезъ которую пришло въ сознаніе арійскихъ народовъ понятіе о собственности. Недвижимая собственность не считалась въ древнѣйшія времена частной собственностью, а рассматривалась какъ общее достояніе. Мысль объ *исключительномъ* отношеніи индивидуума къ вещи была сознаана впервые только относительно животныхъ (а принадлежности костюма и домашняго хозяйства?). Затѣмъ она переходила различныя стадіи, отражающія различныя фазы того образа жизни, которыя прошло человѣчество: охотничій, рыболовный, пастушескій, земледѣльческій».

Вездѣ, гдѣ возникало *правовое* состояніе, оно было слито съ понятіемъ *собственности*. По словамъ Пухты, «мы не можемъ мыслить никакаго праваго состоянія, въ которомъ уже не являлось бы въ сознаніи понятіе о собственности».

Но образовавшееся понятіе о собственности нельзя считать устойчивымъ и оформившимся сразу. Наоборотъ, оно само еще блуждаетъ между различными формами.

Подводя итоги какъ первоначальному развитію собственности, такъ и развитію брака (которое Штейнъ прослѣживаетъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій), авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: вездѣ мы видимъ *«переходъ отъ отсутствія правилъ (Regellosigkeit) къ возникающимъ социальнымъ императивамъ, отъ союза къ обществу, отъ коммунизма (общаго пользованія и владѣнія) къ индивидуализму, отъ хаотической, безпорядочной массы къ выработавшейся единичной личности»* (стр. 91).

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ процессомъ развитія собственности въ ея переходѣ отъ общей къ частной. Намѣтимъ только главные моменты. Мы видѣли уже значеніе въ этомъ отношеніи домашнихъ животныхъ, теперь добавимъ еще рабство, въ которомъ Штейнъ видитъ условіе

перехода къ болѣе высокимъ культурнымъ формамъ; борьба за землю послужила къ возникновенію культа физической силы. Постепенное дифференцированіе собственности обуславливало и дифференцированіе общества. Оно существовало уже во времена Гомера, Библии и египетскихъ іероглифовъ. Въ Римѣ переходъ отъ аграрной общинности къ индивидуализму совершился такъ рано и широко, что основныя формы римскаго вещнаго права мы встрѣчаемъ уже въ древнѣйшія времена.

Штейнъ замѣчаетъ фактъ, имѣющій важное значеніе для его дальнѣйшихъ выводовъ: даже въ самомъ Римѣ понятіе о собственности было неустойчиво и классическій типъ правовыхъ формъ подвергался колебаніямъ, смотря по *соціальнымъ* потребностямъ или политической тактикѣ.

Если выступившій впередъ въ Римскомъ государствѣ плебейскій элементъ заставлялъ ограничить аграрный коммунизмъ, то достигалось усиленіе недвижимой частной собственности. Если, наоборотъ, въ концѣ республики, политическія соображенія требовали отмены частной недвижимой собственности въ завоеванныхъ провинціяхъ, ради государственнаго всемогущества Рима, то начиналось обратное теченіе.

«Однимъ словомъ, *понятіе собственности принимало нѣкогда тѣ формы, какія наиболее соответствовали соціальной потребности.* Но только эта потребность *должна была* обладать средствами власти (Machtmittel), чтобы приобрести значеніе и быть выслушанной» (стр. 102).

Отсюда Штейнъ приходитъ къ выводу, что попытки установить въ этой области нѣчто неизбѣжное такъ же несостоятельны, какъ попытка дѣтей строить песочные замки, разлетающіеся при малѣйшемъ вѣтрѣ. Думать, что собственность приняла свою окончательную форму, значить думать, что эволюція окончила свой процессъ на томъ моментѣ, въ который мы живемъ. Между тѣмъ, очевидно, что сама собственность есть моментъ, *вырабатывавшій совершенно новыя чувстваванія*, какихъ не могло возникнуть при хаотическомъ владѣніи, а именно: первобытный человекъ дѣлалъ самъ все для себя; поэтому онъ могъ себя чувствовать почти совершенно независимымъ отъ окружающаго общества. Частная собственность, сопровождавшаяся широкимъ раздѣленіемъ труда, сдѣлала то, что ни одинъ членъ общества не можетъ обойтись безъ работы десятковъ, а быть можетъ и сотенъ другихъ. Это повело къ развитію *сознанія о взаимной связи и зависимости* всѣхъ и каждого, а въ результатѣ явилось развитіе *альтруистическихъ чувствъ* *). Типъ современнаго общества тяготеетъ больше и больше къ такой формулѣ: *децентрализація работы и централизація выгодъ или пользы* (Interessen).

Но здѣсь, по мнѣнію Штейна, возникаетъ дилемма: если, съ одной стороны, частная собственность была благодѣтельна въ этическомъ отношеніи, развивая альтруизмъ высшихъ классовъ, то, съ другой стороны, этотъ самый, развившійся благодаря ей альтруизмъ протестуетъ противъ многихъ

*) Мы увидимъ, что Прэнсъ держится противоположнаго взгляда.

ся послѣдствій. И, замѣчательно, — говорить Людвигъ Штейнъ, — что такіе протесты возникаютъ прежде всего среди самихъ же представителей собственности, съ ихъ болѣе развитымъ и просвѣщеннымъ альтруистическимъ чувствомъ. Но какъ же быть, если исторически собственность доказала свое великое моральное значеніе? Вѣдь, повтому, возвращеніе къ первобытной общинности было бы возвратомъ къ торжеству эгоизма и паденіемъ одного изъ стимуловъ этического совершенствованія?

Штейнъ видитъ исходъ изъ этой дилеммы въ компромиссѣ: ближайшею общественною цѣлью должна быть не полная отиѣна этого института, а болѣе равномерное и, рядомъ съ этимъ, болѣе справедливое распредѣленіе собственности.

Штейнъ выражаетъ это въ слѣдующей формулѣ, которая будетъ понятна, если мы предупредимъ, что употребленное нами въ ней слово «общинный» не вполне отвѣчаетъ подлиннику, но болѣе удобно для русскихъ читателей.

Штейнъ говоритъ: «общественный идеаль есть индивидуализмъ, смягченный общиннымъ характеромъ государственнаго распорядка».

Эта формула станетъ вполне ясной для читателя, если мы добавимъ, что, по Штейну, государство — и въ настоящее время, и прежде — стремилось вносить и вносило въ отношенія между личностью и обществомъ поправки, носящія общинныя черты.

Такъ, наприм., введеніе фабричнаго законодательства, охрана лѣсовъ, пагогъ въ пользу бѣдныхъ и многоразличныя ограниченія безусловнаго права частной собственности въ интересахъ цѣлага, носятъ явные слѣды «общинныхъ» признаковъ въ дѣятельности государства.

Однако, если бы кто-нибудь понялъ это въ томъ смыслѣ, что цѣль государства есть вообще культивированіе среди людей общинныхъ началъ, вмѣсто стремленій индивидуализма, тотъ совершенно не понялъ бы мысли Штейна. *Роль государства состоитъ въ постоянномъ установленіи равновѣсія между двумя борющимися началами — индивидуальнымъ и родовымъ.* Индивидуумъ обладаетъ стремленіемъ удалиться отъ централизаціи (центробѣжность); наоборотъ, интересы рода или вида стремятся централизовать его, прикрѣпить, обезличить во имя общихъ интересовъ (центростремительность).

Человѣческое общество, въ первыхъ періодахъ своего развитія, было подчинено общимъ законамъ, направлявшимъ его эволюцію: борьба между сильными и слабыми обществами, между болѣе сплоченными и менѣе сплоченными, заставляла падать общества, въ которыхъ преобладало индивидуальное начало надъ сплоченностью и готовностью бороться какъ одинъ человѣкъ. Но это давалось лишь до тѣхъ поръ, пока человѣкъ, по недостатку знаній, по слабости и незащищенности, являлся игрушкой общихъ законовъ природы. Между тѣмъ, человѣкъ отличается отъ остальныхъ животныхъ и ихъ обществъ тѣмъ, что онъ знаетъ свою исторію, что, благодаря этому, онъ можетъ обратить безсознательный процессъ своей эволюціи въ сознательно поставленныя цѣли. Но кто же ставить эти цѣли? Въ комъ живетъ

сознание исторіи, а, стало быть, и всего прошлаго опыта? Кто, однимъ словомъ, является носителемъ сознанія, мысли, критики, предвидѣнія, идеаловъ и пр.? Конечно, индивидуумъ.

И вотъ, въ то время, какъ естественный процессъ эволюціи, — какъ это всегда бываетъ, — дѣйствовалъ въ направленіи сохраненія *рода* или *рода*, индивидуумъ, какъ единственно-чувствующее и сознательное существо, ставитъ свои собственные, индивидуальныя цѣли — блага, развитія и т. д. Но могъ ли онъ осуществить ихъ въ изолированномъ состояніи? Конечно, нѣтъ. Могъ ли онъ осуществить ихъ черезъ все общество, какъ таковое? Тоже нѣтъ, потому что именно въ обществѣ и запечатлѣвалось дѣйствіе автоматической эволюціи, создававшее формы, которыя подавляли личность. И вотъ, въ *государствѣ* явился коррективъ, уравнивающий два этихъ стремленія — стремленія личности, съ одной стороны, и тяготѣнія надъ нею автоматической эволюціи, съ другой стороны. Эта функція государства, конечно, проявлялась не всегда одинаково: мы видѣли, что иногда государство поддерживало потребности индивидуализма, иногда коллективизма или рода (наприм., въ Римѣ).

Штейнъ не изслѣдуетъ вопроса, насколько успѣшно поддерживалось при этомъ равновѣсіе и дѣйствительно ли государство всегда угадывало правильно, какая сторона нуждается въ его защитѣ. Ему этотъ вопросъ, по-видимому, казался второстепеннымъ, а считалъ онъ важнымъ только одно — доказать, что эту функцію уравниванія *исполняло только государство и могло исполнить только оно*. А зависить это оттого, что государство *устойчиво*, а общество *измѣнчиво-текуче*. Связующее средство въ обществѣ это — *тактъ*, а въ государствѣ — *законъ*; члены общества держатся въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ къ другу — *правами*, а члены государства — *правомъ*.

Однако, въ настоящее время, общество представляетъ всемірно-гражданскій союзъ, обнаруживающійся «общественнымъ мнѣніемъ» цивилизованнаго міра, которое теперь выступаетъ съ почти такою же властью, съ какой въ средніе вѣка выступала церковь, а въ древности политической абсолютизмъ царской власти. Между тѣмъ государство тѣсно связано съ націей и интересомъ только своихъ членовъ (стр. 543).

Въ разныя эпохи роль государства опредѣлялась различно: въ античныя времена полагали, что цѣль государства въ немъ самомъ, а индивидуумы суть только средства для этой цѣли; теологи считали государство божественнымъ учрежденіемъ; наконецъ, его рассматривали какъ «помѣстье князей или королей»; «мы же, — говоритъ Штейнъ, — считаемъ государство, особенно въ его теперешней стадіи, прочной организующей системой непосредственнаго упорядоченія соединенныхъ въ немъ индивидуумовъ и группъ, ради равновѣсія пользы, правильной личной жизни единицъ и пользы націй, а затѣмъ и пользы всего человѣчества».

По мѣрѣ развитія общества и государства, бессознательная дѣятельность ихъ становится все болѣе сознательной и разумно цѣлесообразной.

Одновременно съ этимъ происходятъ соответствующія измѣненія въ самомъ правѣ, которое болѣе и болѣе «соціализируется». Тотъ же процессъ социализаціи заключается въ религіи, искусствѣ, наукѣ. И эта же тенденція должна быть поставлена идеаломъ грядущаго. Подъ *соціализированіемъ* права Штейнъ понимаетъ «правовую защиту слабыхъ въ хозяйственномъ отношеніи; сознательное соподчиненіе пользы единицы пользамъ болѣе обширнаго цѣлаго, иначе говоря, — государства, а въ концѣ концовъ цѣлаго человечества» (стр. 607).

«Косвенно это социализированіе ведетъ къ благу самихъ индивидуумовъ»... «Абсолютная экономическая свобода индивидуумовъ, господствующая теперь, есть, съ социологической точки зрѣнія, бессмыслица. Свобода должна быть только *относительной*, а экономическое равенство людей можетъ быть только *пропорціональнымъ*» (стр. 608).

«Нашей ближайшей задачей должно быть созданіе новой социализирующей среды» (стр. 659).

Такимъ образомъ, система Штейна требуетъ вѣры въ грядущее *обобщеніе* (социализированіе) всѣхъ факторовъ общественной жизни, и хотя, на этомъ основаніи, онъ протестуетъ противъ общественнаго пессимизма, видя въ нѣкоторыхъ его формахъ болѣзнь, однако и его система оставляетъ возможность многихъ сомнѣній и вопросовъ, которые мы укажемъ далѣе. Теперь же добавимъ, что авторъ, рассматривая современный экономическій кризисъ и его требованія съ «философской» точки зрѣнія, считаетъ нашу эпоху имѣющей значеніе гораздо болѣе широкое, чѣмъ кажется: дѣло идетъ далеко не объ одномъ только измѣненіи экономическихъ отношеній, а о новомъ фазисѣ культуры. И этотъ фазисъ столь же грандіозенъ, какъ эпохи «возрожденія», «гуманизма», «реформаціи». Вѣдь современный «соціальный оптимизмъ» ясно видитъ передъ глазами цѣль, состоящую въ общемъ *физиологическомъ, умственномъ и моральномъ подьемѣ* *человѣческаго типа*.

Во всякомъ случаѣ, задача объ отношеніяхъ индивидуума, общества и государства разрѣшена имъ едва ли достаточно опредѣленно; у читателя остаются нѣкоторые вопросы, которые скорѣе загромождаются, чѣмъ освѣщаются изобиліемъ матеріала, даваемого авторомъ: наприм., не видно, откуда государство беретъ силу для сохраненія равновѣсія между индивидомъ и родомъ. Не видно, слѣдуетъ ли общество считать тождественнымъ съ понятіемъ рода или вида? Какимъ образомъ государство имѣетъ возможность опираться то на требованія индивидуумовъ, то на требованія вида (или общества), чтобы дать перевѣсъ то тѣмъ, то другимъ? Какимъ образомъ оно знаетъ, кому слѣдуетъ дать въ данное время перевѣсъ? Въ одной изъ вышеприведенныхъ выписокъ мы видѣли, что потребность должна имѣть въ распоряженіи извѣстныхъ «средствъ власти» или силы, чтобы быть услышанной и чтобы перевѣсить на свою сторону рѣшеніе. Но не сводится ли въ такомъ случаѣ все дѣло на борьбу общественныхъ группъ? И тогда какова же роль государства, какъ такового? Какова будетъ его роль при

«соціалізаціи» всѣхъ элементовъ? Не поглотитъ ли эта соціалізація личности, т.-е. ея свободы?

На всѣ эти вопросы мы не находимъ точныхъ отвѣтовъ у Штейна. По-видимому, его теорія постепеннаго обобществленія всѣхъ факторовъ соціальной эволюціи представляетъ возможность полнаго сліянія государства и общества. Но гдѣ же тогда будетъ уравнивающимся регуляторъ тенденцій личности и тенденцій вида? Или, быть можетъ, съ высшимъ развитіемъ сознательности окончатся коллизіи между индивидуомъ и видомъ? Быть можетъ, такимъ результатомъ будетъ, какъ полагаетъ Спенсеръ, развившійся до высшихъ степеней *абсолютный альтруизмъ*.

Для философскихъ надеждъ, поддерживающихъ оптимистическое настроеніе духа, это, быть можетъ, и хорошо; однако, какъ справедливо замѣчаетъ Гёффдингъ, въ своей «Этикѣ», всѣ такіа оптимистическія надежды имѣютъ свойство нѣсколько затуманивать нашъ взглядъ на настоящее съ его реальными страданіями, мучительными текущими вопросами и коллизіями, въ которыхъ намѣчаются развѣ только слабые признаки альтруистическихъ тенденцій будущаго.

Поэтому, вернемся къ реальной дѣйствительности, посмотримъ, не дастъ ли намъ какихъ-нибудь разъясненій книга Прэнса, который стоитъ на болѣе реальной почвѣ историческихъ и насущныхъ явленій жизни (Прэнсъ—профессоръ Брюссельскаго университета и бывшій товарищъ министра юстиціи въ Бельгіи).

VI.

Бельгійскій ученый замѣчаетъ, какъ и Штейнъ, существованіе въ исторіи постоянныхъ колебаній между двумя факторами, личностью и государственностью. То усиливается государственность и принижается личность, то наоборотъ. Но авторъ объясняетъ эту неустойчивость не тѣмъ, что государство,—стоящее по Штейну какъ бы отдѣльно отъ общества,—стремится уравнисить интересы личности и вида, а просто тѣмъ, что когда большинство чувствуетъ, что его эксплуатація меньшинствомъ стала невыносимой, оно бросается подъ защиту власти и вызываетъ ограниченія свободы, и наоборотъ. Очевидно, отсюда и родилась мысль, будто бы демократія всегда ограничиваетъ личную свободу, вызываетъ диктатуру, цезаризмъ, крайнюю централизацію etc.

Но всегда ли такъ должно быть? Законъ ли это? Или, наоборотъ, можно замѣтить признаки перемѣны и въ этомъ отношеніи, въ фактахъ прогресса человечества?

Большая простота и реальность постановки вопроса у Прэнса уже тутъ ярко бросаются въ глаза.

Когда массы то ищутъ защиты у власти, то снова борются противъ нея, доходя до крайняго отрицанія и даже анархизма, то тутъ не разъ замѣчалось одно недоразумѣніе: принципу власти приписывали то, въ чемъ

повинна *централизация*. Если бы возможно было указать форму, объединяющую и автономію личности или общественных группъ, и сильную регулирующую власть, то задача была бы рѣшена. Чтобы доказать, что дѣло въ централизаціи, Прэнсъ говоритъ, что и Гумбольдтъ въ своей книгѣ *Опытъ о границахъ дѣятельности государства*, и Жюль Симонъ въ соч. *О свободѣ*, и Дюкрепль въ этюдѣ *Миссія государства* и т. д., и т. д., указываютъ на опасности усиленія не самой власти, а только централизаціи ея. Картины, рисуемыя ими, служатъ лишь къ подтвержденію того, какъ *усиленно-централизующееся* государство приводитъ къ вредному для развитія и жизни единообразію, какъ, стремясь, наприм., лѣчать какую-нибудь сознанную общественную болѣзнь однообразными средствами, излишне централизованное государство рискуетъ породить другую болѣзнь въ другой части общества и кончаетъ тѣмъ, что приноситъ въ жертву какую-нибудь группу интересовъ благу той группы, которую оно защищаетъ. Точно также плоды не власти самой по себѣ, а ея крайней централизаціи, такіе факты: принужденная заниматься многочисленными предметами и личностями, такая власть приходитъ неизбѣжно къ созданію новыхъ колесъ въ машинѣ управленія, для которыхъ необходимы новые и новые налоги; рядомъ съ этимъ идетъ прогрессивное разрастаніе бюрократіи, кадровъ администраціи, ускользающихъ отъ контроля и не побуждаемыхъ къ совершенствованію взаимной конкуренціей» (стр. 59).

Все это плоды централизаціи, а не власти, и писатели, видѣвшіе въ этомъ зло, предлагали въ качествѣ лѣкарствъ не безвластіе (анархію), а только децентрализацію.

Но откуда Прэнсъ дѣлаетъ выводъ, что колебанія обществъ отъ власти къ свободѣ и обратно вовсе не составляютъ вѣчнаго закона? Если зло въ централизаціи,—говоритъ онъ,—то, по мѣрѣ сознанія людьми и самимъ государствомъ необходимости децентрализоваться, устранятся и причины, заставляющія бросаться отъ власти къ крайнему индивидуализму. «Власть должна быть локализована въ многочисленныхъ *мѣстныхъ организаціяхъ*». По замѣчанію Токвилля, «децентрализація есть единственное выраженіе власти, которое *согласуется порядкомъ съ демократіей* и препятствуетъ этой послѣдней сдѣлаться *тиранніей большинства*». Прэнсъ указываетъ, между прочимъ, что всѣ бѣдствія республиканской Франціи и въ прошломъ, и въ настоящемъ заключаются въ централизаціи ея власти, тогда какъ, наприм., монархическая Англія представляетъ типъ децентрализаціи *). Очевидно, централизація не совпадаетъ непременно съ какой-нибудь формой государственнаго устройства, а зависитъ отъ иныхъ, болѣе глубокихъ, органическихъ причинъ.

Какія же это причины? Откуда взялась современная централизація?

По мнѣнію Прэнса, Европа взяла ее отъ римской цивилизаціи, но эту цивилизацію и погубила именно централизація. «Цезари Рима завѣщали

*) Эта же мысль развита въ замѣчательномъ и обширномъ трудѣ *Crosier*.

намъ типъ власти, оторванной отъ исторической почвы, оторванной и отъ жизни общества,—власти, живущей выше націи и внѣ ея и поглощающей въ свою пользу всё коллективныя и индивидуальныя права. Цезари устранили гражданъ отъ государственной жизнедѣтельности, они стремились къ монополіи управленія, они надѣялись выполнить *едилично* и исключительно сами миссію опекуновъ и пестуновъ, они присвоивали себѣ право все предвидѣть, все направлять, проникать всюду, дѣйствовать для общаго блага, управлять малѣйшими частностями политической организаціи посредствомъ администраціи, однообразно отражающей внушенія одной воли. Такимъ образомъ, они замѣнили дорого - стоящимъ, громоздкимъ и малоподвижнымъ механизмомъ естественныя силы націи» (стр. 62).

Средніе вѣка временно противопоставляли этому «гигантскому цвѣтку римской культуры» свою общинную группировку, коренящуюся въ примитивномъ общинномъ строѣ франковъ, германцевъ, англо-саксонцевъ. Въ этихъ общинахъ каждый въ своей группѣ учился общественной жизни, каждый, участвуя въ коллективной дѣятельности, участвовалъ и въ коллективныхъ рѣшеніяхъ, каждый былъ и судьей, и солдатомъ, и законодателемъ, и администраторомъ, и правящимъ, и управляемымъ. Мѣстная свобода ихъ сближала, заставляла чувствовать, что они нужны другъ другу, а почетное исполненіе мѣстныхъ функций давало имъ опытность, зрѣлость, вдумчивость.

Но, однако, эта структура общества пала, хотя Прэнсъ и называетъ ее «органической». Почему же она погибла? Какъ могла ее побѣдить римская административная машина? «Въ ней не было единства», отвѣчаетъ авторъ. Римъ же, наоборотъ, стремился къ идеальному единству, а потому и разбилъ въ мельчайшую пыль эту органическую структуру естественныхъ федерацій.

Не будемъ слѣдить вмѣстѣ съ Прэнсомъ за развитіемъ этой централизаціи, которой помогли и юристы, увлекавшіеся римскими идеями, и теологи, и государственные люди. «Въ общемъ, три послѣднія столѣтія представляютъ въ различныхъ странахъ Европы отраженіе и продолженіе вѣка Августа, т.-е. систему, дѣлающую изъ націи мягкое тѣсто, которое законодатель можетъ рѣзать на кусочки, но которое, въ то же время, можетъ позволить солдату, нивѣшему успѣхъ, сбить ее съ пути и запрячь въ свою колесницу». Конвентъ также унижалъ мѣстную автономію, какъ и Людовикъ XIV, и вотъ теперь мы видимъ результаты! Демократія дѣйствовала даже рѣзче въ дѣлѣ централизаціи: вѣдь она чувствовала себя болѣе вправѣ вторгаться даже въ мелочи частнаго быта.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь еще болѣе наглядное подтвержденіе мысли, встрѣченной уже у Мишеля: демократія рѣшаетъ только задачу *участія во власти*, но еще не рѣшаетъ вопроса о *свободѣ личности*, говоритъ Мишель. Теперь мы видимъ, что она, сама по себѣ, не рѣшаетъ даже вопроса о свободѣ (т.-е. автономіи) *мѣстныхъ органическихъ структуръ*. Это совсѣмъ особая задача; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать, но ихъ безпрестанно смѣшиваютъ.

Такимъ образомъ, въ результатъ централизаціи является распаденіе органическихъ молекулъ общества и обращеніе ихъ въ пыль, въ отдѣльные, разрозненные атомы. Эта разрозненность и атомность общества даетъ въ результатъ и полное безсиліе личности, т.-е. человекъ, разобщенный съ другими, есть *ничто* по своей слабости. Кажущійся индивидуализмъ такого состоянія есть въ сущности полное обезличеніе передъ единымъ, огромнымъ, машинообразнымъ дѣломъ.

Въ такомъ-то состояніи атомно-раздробленныхъ и безсильныхъ массъ и застааетъ Европу капитализмъ. Но, прежде чѣмъ перейдемъ къ опредѣленію его значенія, посмотримъ на то, какъ понимаетъ Прэнсъ сущность прогресса.

Онъ видитъ ее въ томъ, что «человѣчество, въ теченіе всей своей исторіи, *научалось получать одинаковые результаты при меньшемъ и меньшемъ расходѣ труда и времени*». Поэтому, во-первыхъ, оно могло производить все большее и большее число предметовъ и, во-вторыхъ, у него оставался все большій и большій досугъ на производство предметовъ высшей культуры, удовлетворяющихъ не однимъ только потребностямъ фізіологическаго самосохраненія, а и потребностямъ умственнымъ, эстетическимъ, моральнымъ и т. п. Раздѣленіе труда служило той же задачѣ прогресса.

Такъ какъ въ обществѣ, — какъ и въ отдѣльномъ человекѣ, — то, что бываетъ сперва сознательной дѣятельностью, потомъ становится привычной и механической работой, то прогрессъ совершается все быстрѣе и быстрѣе.

Человѣкъ стремится сперва къ необходимому, потомъ къ излишнему. Но излишнее скоро становится привычнымъ, а потому въ свою очередь необходимымъ, и, такимъ образомъ, стремленіе къ счастью продолжается безъ конца.

Въ силу этого, экономическая исторія Европы показываетъ намъ, — начиная съ Возрожденія, — сперва эмансипацію средняго класса, а потомъ и эмансипацію рабочаго класса.

«Фиктивно-свободный, но безсильный, а потому и униженный рабочій, какимъ мы видимъ его въ началѣ нашего столѣтія, становится къ концу его кооператоромъ, избирателемъ». Его стремленіе — уменьшить число часовъ труда и увеличить заработную плату есть выраженіе того же общаго закона прогресса, какой мы видимъ выше: «получать предметы съ меньшей затратой труда и времени».

Въ результатъ, и здѣсь должно получиться то, что достигнуто общимъ прогрессомъ, т.-е. не только увеличеніе благосостоянія, но и возможность воспитать въ себѣ высшія потребности, — умственные, этические, эстетическія, семейныя, такъ какъ даже эти послѣднія были подавлены въ моментъ атомистической разрозненности. Прэнсъ рисуетъ въ доказательство этого яркія картины безсемейности, нравственнаго паденія, даже полнаго разврата, относящіяся къ періодамъ, когда рабочій еще не взялся за созданіе своей новой группировки въ коопераціяхъ различнаго рода и характера.

Прэнсъ видитъ, конечно, глубокую разницу между этими новѣйшими

ячейками и той старинной, «органической» группировкой, какая была въ средні вѣка; но онъ показываетъ, что принципъ и тамъ, и здѣсь одинъ и тотъ же: какъ разрозненный атомъ, человекъ безсиленъ; соединяясь въ молекулы, онъ уже—сила, онъ уже нѣсколько обезпеченъ и гарантированъ отъ случайностей, ему уже легче бороться съ жизнью и ея невзгодами; онъ можетъ уже задумываться не объ одномъ хлѣбѣ насущномъ; наконецъ, онъ воспитывается въ себѣ духъ единенія, общественности, альтруистическія чувства *).

Различіе этихъ новыхъ ассоціацій отъ первобытныхъ прежде всего въ томъ, что въ нихъ личность все меньше и меньше лишается своей индивидуальной свободы. Хотя и къ такой группировкѣ индивидуумъ приведенъ необходимостью, но онъ къ ней приведенъ уже сознательно, а не слѣпо и органически. А потому формы новой кооперации оставляютъ обширное мѣсто для его независимости во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя не связаны прямо или косвенно съ цѣлями даннаго союза.

Могло ли выполнить государство сполна эту задачу, выполняемую теперь самодѣятельностью людей-атомовъ, когда они сознали всю беспомощную опасность своего разобщенія, своей взаимной конкуренціи и борьбы, которая больше и больше понижала ихъ заработокъ, приводя и самихъ индивидуумовъ, и ихъ семьи къ настоящей безднѣ паденія и вырожденія?

По мнѣнію Прэнса, власть могла многое сдѣлать въ этомъ отношеніи, и даже обязана была сдѣлать. Но, однако, централизованная власть могла и здѣсь приводить часто къ нежелательнымъ результатамъ. Такъ, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ законодательныхъ мѣръ, наприм., относительно ограниченія труда женщинъ и дѣтей, страхованія рабочихъ и т. п., единообразное законодательство, примѣненное къ цѣлому, безъ различія мѣстныхъ условій или потребностей, было бы гибельно.

Здѣсь должна быть такая же децентрализація, какъ и въ другихъ сферахъ, и современные «совѣты промышленности», синдикаты труда и т. п. уже составляютъ шагъ впередъ въ этомъ направленіи.

Далѣе Прэнсъ показываетъ, какимъ образомъ «свобода въ экономической области» (*laissez faire*), свобода на римскій ладъ, т. е. опирающаяся на фиктивномъ правѣ договаривающихся сторонъ, привела къ крайнимъ формамъ философскаго и политическаго отрицанія, — къ пессимизму, къ философіи силы (Ницше) и т. п. «Но когда къ разьединенному состоянію людей присоединяется еще нищета, то они переходятъ отъ отчаянія и печали къ жаднѣ общественныхъ потрясеній; если при этомъ государство кажется имъ единственнымъ препятствіемъ къ достиженію ихъ стремленій, то возникаетъ мечта—или подчинить его себѣ (соціализмъ), или желаніе—разрушить его (анархизмъ). А государство всегда кажется тѣмъ бѣльшимъ препятствіемъ, тѣмъ оно отдаленнѣе отъ жизни индивидуума и тѣмъ оно отвлеченнѣе представляется его мысли. При этомъ, въ странахъ республи-

*) Сравни. это мнѣніе съ мнѣніемъ Штейна о развитіи альтруизма.

канскихъ и демократическихъ, но централизованныхъ, какъ Франція, это раздраженіе противъ государства является тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше увѣрены въ его способности и обязанности удовлетворять всѣмъ нуждамъ.

Итакъ, спасеніе отъ централизаціи, а, слѣдовательно, и отъ такихъ и подобныхъ имъ послѣдствій ея, лежитъ въ развитіи и поддержаніи мѣстныхъ автономныхъ ячеекъ и новѣйшихъ ассоціацій и кооперацій всякаго рода. Это заключалось не во власти, какъ оно не заключалось и въ экономической свободѣ. Не свобода оставила людей безпомощными атомами, а отсутствіе между ними организаціи, т.-е. ассоціацій и кооперацій. Цѣль теперешнихъ ассоціацій—не поглотить личность, а поддержать и защитить ея интересы.

Ассоціаціи могутъ быть результатомъ самыхъ различныхъ цѣлей. Такъ уже теперь существуютъ ассоціаціи религиозныя, политическія, социальныя, экономическія, коммерческія, земледѣльческія, филантропическія, научныя, профессиональныя, этическія, художественныя, гигиеническія etc., etc.

Но между всѣми этими ассоціаціями нужно различать *два вида: ассоціаціи капиталовъ и ассоціаціи личностей.*

Первыя существуютъ давно. Ихъ двигатель—личный интересъ, ихъ цѣль—доходъ, ихъ результатъ—концентрація и побѣда капитала. Онѣ породили крайнее развитіе богатствъ, избытокъ которыхъ развратилъ буржуазію, содѣйствовалъ до крайности развитію духа спекуляціи, не сдѣлавъ ничего для моральнаго развитія своихъ членовъ (Штейнъ, какъ мы видѣли, думаетъ иначе).

Ассоціаціи же личностей явились продуктомъ самосохраненія низшихъ классовъ противъ безусловной власти капитала. Онѣ почти во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ противоположность (антитезу) ассоціаціямъ капиталовъ.

Въ концѣ концовъ Прэнсъ доказываетъ фактами статистики гигантскій ростъ кооперацій и ассоціацій на Западѣ, а также огромное этическое различіе въ существованіи индивидуума, находящагося въ ассоціаціи, или живущаго изолированнымъ атомомъ.

Конечно, для того, чтобы эти новыя ячейки не были стерты въ пыль, какъ были стерты ихъ прототипы, средневѣковыя общины, необходимо, чтобы новыя ассоціаціи не страдали недостаткомъ примитивныхъ общинъ; а мы видѣли этотъ недостатокъ: «они были разрозненны» и подавляли личность.

Значитъ, необходима дальнѣйшая свободная организація этихъ мелкихъ организмовъ - ячеекъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы уже видимъ этотъ процессъ дальнѣйшей коопераціи между собою отдѣльныхъ ячеекъ. Объ этомъ я ужъ писалъ въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* *). Въ Соедин. Штатахъ эту роль выполнила т. н. «Федерація американскихъ рабочихъ», имѣвшая уже въ 1893 г. 800,000 членовъ.

Прэнсъ не задается никакими философскими соображеніями. Онъ даетъ

*) *Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ.* Кн. 34, стр. 522—551.

только факты и цифры, и они сами собою складываются въ нашѣ умѣ въ стройную послѣдовательность явленій.

Точно также, не прибѣгая ни къ какимъ гаданіямъ, эти цифры рисуютъ намъ значеніе личности въ прогрессѣ. Я говорю «личности» не въ смыслѣ карлейлевскомъ, т.-е. не въ смыслѣ героевъ, ведущихъ человѣчество, а въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ единицъ общественнаго агрегата. Эта личность имѣетъ огромное значеніе, но для этого требуется одно условіе а именно, чтобы ея сознаніе, ея мысль имѣли досугъ опредѣлить свое положеніе и задуматься надъ выходомъ изъ него. Когда прогрессъ промышленности создалъ эту возможность для четвертаго сословія, оно, прежде всего, поняло значеніе ассоціаціи и быстро стало реализировать это пониманіе.

Быть можетъ, правъ и Штейнъ, полагая, что этому сознанію содѣйствовать разившійся альтриюзмъ высшихъ классовъ. А быть можетъ, наоборотъ, самый альтриюзмъ высшихъ классовъ явился лишь оттого, что четвертое сословіе сознало свое положеніе, поняло его причины и условія. Во всякомъ случаѣ, развитіе ассоціацій показываетъ, что въ нашу эпоху четвертымъ сословіемъ намѣченъ еще одинъ путь къ выходу, кромѣ призывовъ къ власти, требующихъ обузданія свободы, или призывовъ къ индивидуализму, требующихъ разрыва личности съ обществомъ.

Этотъ путь—путь свободного организованія въ общественныя ячейки, экономическая, педагогическая и быть-можетъ и политическая роль которыхъ аналогична роли прежнихъ общинъ, цеховъ и т. п., но безъ подавленія личности этими послѣдними. Свободная кооперація этихъ ячеекъ не позволить имъ распасться, а въ то же время дастъ возможность проявить себя въ мѣстной и общей жизни государства или націи.

Отсюда понятно и заглавіе книги: *L'organisation de la liberté*. Свобода,—разъ она такъ организована,—теряетъ опасность, представляемую централизованными демократіями; она устраняетъ и опасности экономического индивидуализма, т.-е. раздробленности, атомности; она достигаетъ уравновѣшенія требованій личности и потребностей общественности, не принося ни того, ни другого принципа въ жертву чему-либо одному. Таково рѣшеніе Прэнса.

Приговоръ ему промзнесетъ грядущее.

Л. Е. Оболенскій.

На сходах волости особаго устройства.

Самою характерною чертой фактическаго положенія нынѣшняго крестьянскаго самоуправленія, уничтожающею юридическую сущность этого вида мѣстнаго управленія, является, безъ сомнѣнія, его полная приниженность, подавленность, зависимость, — слѣдовательно, нѣчто даже большее, чѣмъ отсутствіе самостоятельности, составляющей необходимую принадлежность всякаго вида самоуправленія *)... Еще Б. Д. Кавелинъ, въ книжкѣ, вышедшей въ 1882 году, справедливо замѣтилъ: «Въ чемъ заключаются недостатки крестьянскаго самоуправленія? Они сводятся, главнымъ образомъ, въ двумъ: по имени, по названію, по наружнымъ формамъ, принципъ его есть самоуправленіе. На самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, самоуправленія вовсе не существуетъ. На дѣлѣ крестьянами управляютъ разнаго рода власти, назначаемыя правительствомъ, выбранныя отъ земства и отъ дворянства,—и это дѣйствительное самоуправленіе во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительно» **). Но если слова эти были вѣрны относительно времени, предшествовавшаго введенію въ значительной части Россіи въ дѣйствіе законоположеній 12 іюля 1889 г., то насколько печальнѣе должно быть ихъ значеніе относительно нынѣшняго времени?...

Особенно подавляющее значеніе для крестьянскаго самоуправленія имѣеть широко распространенный, несоответствующій закону, обычай присутствованія земскихъ начальниковъ на общественныхъ сходахъ. Наблюдающееся непосредственное участіе земскихъ начальниковъ въ дѣятельности сходовъ, въ роли всеисполныхъ предсѣдателей, обладающихъ дискреціонною властью и надъ обыкновенными членами сходовъ, и надъ должностными лицами,—естественно, и не можетъ дать иныхъ слѣдствій, кромѣ подавленія самостоятельности крестьянскаго самоуправленія ***).

Но земскіе начальники присутствуютъ обыкновенно на волостныхъ схо-

*) См. нашу статью: *Основные вопросы крестьянскаго самоуправленія*, въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ *Сѣвернаго Вѣстника* за 1897 г.

**) *Крестьянскій вопросъ*, стр. 116.

***) См. въ июльской книжкѣ *Новаго Слова* за 1897 г. нашу статью: *Можетъ ли земскій начальникъ присутствовать на крестьянскихъ сходахъ?*

дахъ. Сельскіе сходы сохраняютъ еще нѣкоторую долю своей самостоятельности, по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ ея проявленія. Въ волостяхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, крестьянское самоуправленіе не представляется еще совершенно подавленнымъ разсматриваемымъ обычаемъ. Оно обнаруживаетъ еще въ такихъ волостяхъ нѣкоторые признаки жизни.

Но есть волости, въ которыхъ самостоятельность крестьянскаго самоуправления, благодаря указываемому обычаю, представляется уже совершенно убитою. Это тѣ волости, которыя состоятъ изъ одного сельскаго общества. Здѣсь общественный сходъ одинъ, рѣшающій всѣ дѣла, отнесенныя къ вѣдомству какъ сельскаго, такъ и волостного *). И на этомъ сходѣ еще чаще, чѣмъ на волостномъ, присутствуетъ земскій начальникъ. Безъ него сходъ такой волости почти никогда не происходитъ. Понятно, что крестьянское самоуправленіе и должно представляться здѣсь уже совершенно подавленнымъ, лишеннымъ всякой самостоятельности, необнаруживающимъ признаковъ жизни.

Это именно и оказывается въ одной изъ волостей, которыя намъ пришлось наблюдать. Пусть дѣйствительная жизнь говорить сама за себя, своими картинками, своимъ для всѣхъ вразумительнымъ языкомъ. Воспроизводимъ ее фотографически **).

I.

Барановская волость населена единственно крестьянами, бывшими государственными, водворенными на собственныхъ земляхъ, вышедшими изъ крѣпостной зависимости еще въ 1833 году въ званіе «свободныхъ хлебопашцевъ». Особенности ихъ положенія въ значительной степени стерлись и забылись, при постепенномъ распространеніи на всѣ разряды крестьянъ сельскихъ обывателей законоположеній, выработанныхъ для крестьянъ крѣпостныхъ. Особенности эти только глухо держатся въ народномъ сознаниі. Земля оплачена давно. Мѣстные крестьяне владѣютъ ею безъ передѣловъ. По существу, они имѣютъ на нее право личной собственности. Таково убѣжденіе самихъ крестьянъ. Но это положеніе не получаетъ полного признанія со стороны мѣстной администраціи. Споры о землѣ отнесены практикою мѣстныхъ учреждений въ вѣдѣнію схода и вообще административныхъ, а не судебныхъ установленій. Поземельныя отношенія крестьянъ Барановской,

*) Положеніе такихъ волостей заслуживало бы, казалось, особаго вниманія. Между тѣмъ, страннымъ образомъ, о нихъ не имѣется и простого упоминанія въ *Сводѣ заключеній губернскихъ съездовъ по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ*.

***) При слабомъ вниманіи, которое удѣляется вопросамъ юридическаго быта крестьянъ, почти вовсе не имѣется уже въ нашей литературѣ опытовъ непосредственнаго описанія крестьянскихъ сходовъ, живыхъ картинъ крестьянскаго самоуправления... Не много такихъ картинъ и въ известной книгѣ покойнаго Н. М. Астyreва *Въ волостныхъ писаряхъ*.

какъ и другихъ сосѣднихъ волостей бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, представляются отъ этого неопредѣленными, неясными, запутанными,—и дѣла, возникающія изъ нихъ, безконечными, крайне тягостными *).

Трудно установить съ надлежащею точностью, откуда возникла особенность положенія Барановскѣй волости, заключающаяся въ томъ, что она состоитъ изъ одного сельскаго общества съ соответствующими измѣненіями въ отношеніи управленія ея дѣлами. Во всякомъ случаѣ, представляемая ею особенность не предусмотрена закономъ, не опирается на законъ. Законъ допускаетъ образованіе волости изъ одного значительнаго селенія **). Но здѣсь сорокъ три селенія ***). Такъ же или иначе, благодаря такой особенности, въ Барановской волости, какъ и во всякой иной общинѣ-волости, волостной сходъ замѣняется сельскимъ и къ вѣдѣнію одного схода отнесены предметы вѣдѣнія обоихъ сходовъ, установленныхъ въ области крестьянскаго самоуправленія,—сельскаго и волостного.

При такихъ условіяхъ, по закону, для созыва схода, не требуется разрѣшенія земскаго начальника и не представляется послѣднему самый списокъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію схода ****). Но, въ силу особаго распоряженія земскаго начальника, на созывъ схода каждый разъ испрашивается его согласіе. Земскій начальникъ имѣетъ при этомъ обыкновеніе почти всегда, за самыми рѣдкими исключеніями, присутствовать на сходахъ самолично.

Какъ и въ каждой общинѣ-волости, здѣсь нѣтъ сельскихъ старостъ. Мѣсто старосты сельскаго общества, изъ котораго состоитъ волость, занимаетъ волостной старшина съ избираемымъ, для содѣйствія ему, въ его распоряженіе, помощникомъ. Отсутствіе же старосты дѣлаетъ необходимымъ существованіе особаго сборщика податей. Вообще, составъ управленія, по своей численности и по издержкамъ на его содержаніе, такой же, какъ если бы волость была раздѣлена на два сельскихъ общества.

Сходъ бываетъ весьма многочисленный. Въ составѣ его считается свыше трехсотъ домохозяевъ. Собирается же обыкновенно до двухсотъ человекъ, изъ которыхъ у значительной части по два голоса,—свой и по передачѣ, допущенной однимъ изъ дополняющихъ въ значительной степени положенія о крестьянахъ Высоч. утв. положеній главнаго комитета объ устройствѣ

*) См. докладъ нашъ *О поземельныхъ правахъ бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ*, читанный въ гражданскомъ отдѣленіи Сиб. Юридическаго Общества 26 марта 1898 г. и напечатанный въ №№ 11 и 12 журнала *Жизнь* за 1898 г.

***) Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 45.

****) Весьма любопытно, что общины-волости, образованныя съ такимъ отступленіемъ отъ закона, встрѣчаются нерѣдко. Такъ, въ сосѣдней съ Барановской общинѣ-волости другого уѣзда считается шестьдесятъ три селенія.

*****) *Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго самоуправления и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ*, составленный И. Л. Горемыкинымъ, изд. 3-е, 1898 г., т. I, ч. I, Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 74, и разъясненіе къ ней изъ опредѣленія гражданскаго кассаци. департамента правит. сената отъ 7 марта 1885 г.

сельскаго состоянія. Женщины вовсе лишены здѣсь представительства на сходѣ. Это—издавна, со времени вотчиннаго управленія. Никто не помнитъ даже, чтобы когда-либо женщины допускались здѣсь къ участію въ дѣятельности сходовъ. Не только, какъ и въ сосѣднихъ волостяхъ, мужья, отлучаясь надолго изъ дому, не могутъ поручать женамъ участвовать вмѣсто себя на сходахъ и обязываются передавать свои голоса за деньги мужчинамъ—однообщественникамъ (подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, невыдачи паспорта), но и вдовы-домохозяйки, владѣющія землею и аккуратно выплачивающія всѣ повинности, не могутъ ни лично присутствовать на сходахъ съ правомъ непосредственнаго голоса, ни даже уполномочивать на это мужчинъ. Дворы такихъ женщинъ вовсе остаются безъ представительства въ общественномъ управленіи. Мѣстная власть не обращаетъ на это вниманія. Въ то же время не является и возраженій противъ такого порядка... Почему? Потому что, по существующимъ условіямъ положенія, дѣятельности, зависимости, неурядица и приниженности крестьянскаго «самоуправленія»,—участіе въ сходахъ составляетъ одну обузу для огромнаго большинства, не извлекающаго изъ этого разныхъ практическихъ выгодъ... Неполученіе «приказовъ» объ явкѣ на сходъ считается здѣсь особо большимъ счастьемъ, благодаря крайней раскинутости волости и отдаленности нѣкоторыхъ деревень отъ правленія, въ помѣщеніи котораго сходы собираются *).

Многочисленность сходовъ, естественно, приводитъ къ большимъ неудобствамъ въ отношеніи обсужденія и разрѣшенія дѣлъ. Разныя интересы отдѣльныхъ селеній, соединенныхъ въ одно общество, собираемыхъ для рѣшенія всѣхъ дѣлъ въ одинъ сходъ, обнаруживается здѣсь особенно ярко. Крики бывають беспорядочнѣе, громче, непонятнѣе, чѣмъ на сходахъ сосѣднихъ волостей. Въ дѣло вносится здѣсь еще меньше обсужденія. Писарю приходится чаще только догадываться, на чемъ остановился сходъ и что слѣдуетъ занести въ приговоръ. Равнымъ образомъ, старшинѣ чаще представляется возможность истолковывать, по-своему, крики однообщественниковъ и приказывать писарю, по собственному усмотрѣнію, заносить въ приговоры то или иное рѣшеніе дѣла.

Между тѣмъ, общественному сходу здѣсь есть чѣмъ заняться. Волость—богатая. Въ ней имѣется свыше двадцати тысячъ наличнаго капитала. Часть имѣвшагося прежде еще въ большей суммѣ капитала затрачена нѣсколько лѣтъ назадъ на покупку имѣнія въ нѣсколько сотъ десятинъ, — и имѣніе это состоитъ подъ управленіемъ должностныхъ лицъ волости, подъ предполагаемымъ контролемъ общественнаго схода. На попеченія схода нахо-

*) На одной изъ стѣнъ Барановскаго правленія виситъ объявленіе, — родъ „закона“, изданнаго земскимъ начальникомъ: „По распоряженію земскаго начальника, будутъ подвергнуты штрафу или аресту тѣ, кто не придетъ на сельскій сходъ, или уйдетъ со схода, не подписавъ приговора“. Ни въ одной изъ прочихъ волостей, подвѣдомственныхъ тому же земскому начальнику, нѣтъ такого „закона“. Здѣсь случаи неявки на сходъ болѣе часты. „Законъ“ этотъ и примѣняется.

дится, далѣе, каменная богадѣльня, устроенная однимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, состоящимъ нынѣ временнымъ купцомъ. Словомъ, дѣль, требующихъ вниманія схода, совѣщанія и распоряженія со стороны общества,—много. Но при нынѣшнемъ его устройствѣ это ведетъ только къ тому, что сильнѣе и яснѣе чувствуются и обнаруживаются только недостатки и беспорядочность въ дѣятельности схода.

Совершенно непонятно существованіе подобныхъ общинъ-волостей (въ особенности при данныхъ условіяхъ и при отсутствіи всякихъ особенностей положенія Барановской волости, по сравненію съ сосѣдними волостями, устроенными по обычному типу). Если это опытъ извѣстнаго устройства крестьянскаго общественнаго управленія, то несостоятельность его должна была давно сдѣлаться явнѣе. Впрочемъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлено крестьянское «самоуправленіе», въ подобныхъ общинахъ-волостяхъ дѣла идутъ вообще немного хуже, чѣмъ въ волостяхъ съ отдѣльными сельскими обществами, съ сельскими и волостными сходами, — или такъ же худо... Но въ частныхъ случаяхъ они могутъ идти гораздо хуже. Это именно при старшинахъ, склонныхъ чрезмѣрно расширять свою власть, утѣющихъ добиваться благоволенія и довѣрія начальства и не зѣвающихъ тогда, когда можно бываетъ устроить собственныя дѣлишки... Тутъ старшина можетъ явиться, дѣйствительно, всемогущимъ, могущественнымъ владыкой... Понятно теперь, что старшина сосѣдней Боровинской волости, Ивановъ, отличающійся въ изобиліи всеми этими свойствами, съ завистью взираетъ на положеніе барановскаго волостного старшины, Костина. На его мѣстѣ онъ не былъ бы такъ простъ и неповоротливъ и сумѣлъ бы гораздо лучше угодить начальнику... Понятно и то, что въ Боровинской волости,—конечно, не безъ вліянія со стороны Иванова,—возникаютъ предположенія возбудить ходатайство объ уничтоженіи сельскихъ обществъ и сельскихъ сходовъ и объ образованіи одной общины-волости, съ однимъ сходомъ и съ помощниками старшины, вмѣсто старостъ, не всегда бывающихъ достаточно покладистыми и покорными старшинѣ, иногда сознающими свою законную самостоятельность и независимость отъ него...

Посмотримъ же теперь на барановскій особенный сельскій общественный сходъ.

II.

Члены схода, созывавшіеся къ восьми часамъ, собрались въ законномъ составѣ къ девяти. Каждый вновь явившійся домохозяинъ записывался. Затѣмъ нѣкоторые изъ записанныхъ уходили...

— У насъ,—говорятъ здѣсь,—только запишись, а тамъ уходи, куда хочешь. Приходи только подписываться подъ приговорами. Все равно торчать-то взади...

Дѣйствительно, сходы открываются безъ повѣрки присутствующихъ по списку. Огромное большинство являющихся, впрочемъ, съ обычнымъ для русскаго человѣка терпѣніемъ, выжидаютъ до конца...

Лишь въ одиннадцать часовъ въ залу, биткомъ набитую народомъ, вошелъ земскій начальникъ и помѣстился за рѣшеткой.

— Учетъ и раскладка? — сказалъ онъ полувопросительно, обращаясь больше къ старшинѣ. — По порядку. Значить, нужно выбрать учетчиковъ.

— Кого, господа, выбираете въ учетчики? — обращается къ сходу, въ свою очередь, старшина, подлежащій учету.

По закону, при учетѣ старшинѣ предсѣдательствуетъ на сходахъ общинъ-волостей помощникъ волостного старшины, или одинъ изъ помощниковъ, если ихъ нѣсколько. Въ данномъ же случаѣ, вопроса объ особомъ предсѣдателѣ не возникло. Предсѣдательство на сходѣ, по обыкновенію, принялъ на себя самъ земскій начальникъ. Имѣвшійся помощникъ старшины остался въ своемъ званіи. Вопросъ, обращенный къ сходу учитываемымъ старшиной, былъ нарушеніемъ и закона, и фактическихъ «правъ» земскаго начальника, забывшаго въ этотъ моментъ, что онъ самъ взялся быть «предсѣдателемъ» на сходѣ...

На предложеніе относительно избранія учетчиковъ, въ крикахъ со стороны схода можно было разобрать четыре имени. Лица, которымъ принадлежали эти имена, и объявлены были учетчиками. Но одно изъ нихъ отказалось отъ этого званія. Тогда указано было новое лицо двумя-тремя членами схода, и комплектъ учетчиковъ, самъ собою такимъ образомъ составившійся, оказался полнымъ.

Учетчики съ книгами и бумагами удалились въ другую комнату.

Почему только теперь, на самомъ учетномъ сходѣ избраны учетчики? Дѣло въ томъ, что учетчики были уже назначены сходомъ мѣсяца три назадъ. Но земскій начальникъ уѣхалъ въ отпускъ, схода же безъ себя, по обыкновенію, не разрѣшалъ. Между тѣмъ избранные сами разбѣжались, живя, какъ большая часть мѣстныхъ крестьянъ, значительную часть года на сторонѣ. Такъ учетъ, произведенный ими, и не могъ быть доложенъ сходу и потребовались новые учетчики.

Теперь надлежало ждать, пока они справятся, — наскоро, спѣшно, конечно, — съ своей задачей.

— А пока, — предложилъ земскій начальникъ, послѣ того какъ учетчики удалились, — разбирайте мелочь.

И сходъ сталъ разбирать «мелочь».

— «Раздѣлъ братьевъ Мухиныхъ», — предлагается первое дѣло...

— Согласны. Особое хозяйство у каждаго. Давно бы разойтись *на бумагу!* — раздался болѣе или менѣе однообразныя и единодушныя восклицанія *).

*) У насъ нерѣдко выражается мнѣніе, что постановленія о семейныхъ раздѣлахъ какъ прежнія, устанавливавшія лишь односложно обязательность разрѣшенія сельскаго схода, такъ и новыя подробныя отъ 18 марта 1886 г. въ мѣстностяхъ съ общиннымъ пользованіемъ полевой землею, — на практикѣ не примѣняются, а существуютъ больше на бумагѣ... Успокоительное мнѣніе это, однако, совершенно неосновательно. Оно выводится изъ того только, что не всегда семейные раздѣлы

Другой раздѣлъ...

Тутъ крики беспорядочнѣе, ожесточеннѣе, разнорѣчнѣе... Возникаетъ горячій споръ между десятью-пятнадцатью членами схода, протискивающимися впередъ. Вѣроятно, это собѣди дѣлающихся, — домохозяева того селенія, одинъ изъ дворовъ котораго ходатайствуетъ о разрѣшеніи раздѣлиться.

крестьянъ происходятъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ закономъ. Это такъ. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что существующія постановленія не ставятъ препятствій естественному стремленію отдѣльныхъ членовъ крестьянскихъ семей къ самостоятельности и не даютъ чувствовать себя сторонамъ подчасъ очень тяжело... Увы! — все это наблюдается тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе развивающееся среди крестьянъ стремленіе къ самостоятельности и независимости. Дѣло въ томъ, что „домовой раздѣлъ“, какъ называется, напримѣръ, здѣсь раздѣлъ безъ участія сельскаго схода, есть дѣло чисто-фактическое, не влекущее за собою многихъ необходимыхъ юридическихъ послѣдствій. При такомъ раздѣлѣ, платежною единицей остается та же семья въ ея совокупности, — и одни могутъ быть поставлены въ необходимость платить за другихъ; представительство на сходѣ, равнымъ образомъ, не измѣняется, — и новый дворъ, фактически образовавшійся, не приобретаетъ права на участіе въ общественныхъ дѣлахъ; домохозяиномъ или старшимъ членомъ семьи юридически остается прежнее лицо, — и оттого, между прочимъ, члены новаго двора обязываются испрашивать его разрѣшеніе на отлучки и остаются лишенными самаго важнаго и необходимаго права, права передвиженія, и пр. Самыя имущественныя взаимныя притязанія между членами семьи, распавшейся по „домовому раздѣлу“, не претраждаются при такомъ условіи: пусть новыя семьи много гдѣтъ живутъ самостоятельно, независимо послѣ домашняго частнаго раздѣла общесемейнаго имущества, — это нисколько не обезпечиваетъ однихъ отъ предьявленія къ нимъ со стороны другихъ правъ на „части“, якобы слѣдовавшія имъ по раздѣлу; подобныя притязанія возникаютъ часто уже между наследниками раздѣлившихся безъ разрѣшенія схода, — предьявляются племянникамъ и внукамъ къ дядьямъ или дѣдамъ и дядьями къ племянникамъ, племянницамъ, невѣсткамъ и пр.; иски такого рода возникаютъ нерѣдко спустя не одинъ десятокъ гдѣтъ послѣ „домового раздѣла“, благодаря господствующей (совершенно неосновательной, кстати сказать) практикѣ, считающей земскую давность необязательною для примѣненія въ крестьянской средѣ (см. о земской давности въ статьѣ нашей *Крестьяне и общее гражданское право*, напечатанной въ №№ 5 и 6 *Журнала Юридическаго Общества* за 1896 г.). Отсюда же постоянное неопредѣленное, тревожное положеніе семьи, раздѣлившейся домашнимъ порядкомъ... Понятно теперь, что постановленія о раздѣлахъ примѣняются, — хотя больше въ смыслѣ только-что описаннаго дѣла, разрѣшеннаго барановскимъ сходомъ: въ смыслѣ раздѣла „на бумагѣ“; сходы очень часто призываются призывать и какъ бы вновь производить раздѣлъ, состоявшійся 20—30 гдѣтъ домашнимъ порядкомъ...

Несмотря на всѣ препятствія, семейные раздѣлы не уменьшаются, а усиливаются, учащаются. Иначе и быть не можетъ. Въ нихъ находятъ себѣ выраженіе развивающаяся личность крестьянина. Свобода, самостоятельность, независимость становятся неодолимою потребностью его души.

Таковъ голосъ самой жизни... Весьма любопытно, что онъ весьма ясно слышится въ матеріалахъ, служащихъ извѣстнымъ основаніемъ для происходящаго нынѣ пересмотра законовъ о крестьянахъ, — въ *Сводѣ губернскихъ сощаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ*. Какъ нимало могли быть склонны собиравшія эти матеріалы бюрократическія комиссіи прислушиваться къ такимъ новымъ тонамъ въ народной жизни, къ запросамъ личности крестьянина, тѣмъ не менѣе онѣ воспроизвели именно этотъ тонъ... Страницы „Свода“, посвященныя семейнымъ раздѣламъ, лучшія, наиболѣе яркія и жизненныя страницы...

Они только и знают вѣдь положеніе двора. Ихъ только и касается до извѣстной степени раздѣлъ. Эти члены схода окружаютъ однообщественниковъ, желающихъ раздѣлиться, и принимаютъ ближайшее участіе въ ихъ дѣлѣ. Споръ, повидимому, возбуждается кажущеюся несправедливостью предложенныхъ условій раздѣла... Кто-то представляется обиженнымъ, кто-то обдѣляемымъ... Трудно понять, къ чему приходятъ спорящіе, и еще менѣе, что думаетъ объ основаніяхъ раздѣла безмолвная безучастная масса членовъ схода... Но въ прочитанномъ послѣ приговорѣ значится: «домъ продать, деньги пополамъ, землю также пополамъ» *).

Разрѣшеніе «мелочи» продолжается...

Въ богадѣльню просится старикъ.

— Принятъ!

Старшинѣ дается довѣренность на полученіе процентовъ съ капитала.— Подъ пасѣку при училищѣ предоставляется нѣвѣчно участокъ земли.— По поводу ходатайства одного изъ однообщественниковъ о разрѣшеніи ему перейти окончательно въ купеческое званіе, указывается, что сначала должно быть испрошено имъ на это согласіе отца...

*) Такъ обыкновенно и дѣлать „сельскіе сходы своихъ однообщественниковъ не на бумагѣ, а по предписаннымъ закономъ правиламъ“... Какъ, на какомъ основаніи, почему устанавливается то или иное распределеніе между членами дѣлячагося семейства—надѣльной земли, строеній, необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства? Что слѣдуетъ признать „необходимою принадлежностью крестьянскаго хозяйства“, кромѣ указанныхъ въ законѣ точно лишь земледѣльческихъ орудій и скота? Гдѣ искать разрѣшенія послѣднихъ вопросовъ, коль скоро въ общихъ гражданскихъ законахъ понятіе о необходимыхъ принадлежностяхъ представляется совершенно неразвѣтнымъ, а обычно правовыхъ положеній можетъ и вовсе не существовать по этому предмету, или они могутъ оказаться покрытыми совершеннымъ туманомъ и оставаться неизвѣстными? Все это остается неяснымъ, неразумительнымъ, допускающимъ всевозможныя стороннія вліянія... Въ то же самое время право жалобы на приговоры сходовъ касательно семейныхъ раздѣловъ, постановляемые обыкновенно при всемъ томъ съ крайнею снѣжностью, — весьма ограничено, и на дѣлѣ, въ концѣ концовъ, существеннѣйшіе интересы крестьянъ, права часто-гражданскія, по своему существу, требующія правильнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія со стороны пѣлаго ряда судебныхъ инстанцій,—остаются въ зависимости отъ земскаго начальника, вращаются въ обычномъ для крестьянскихъ дѣлъ „закодованномъ кругу“... Недостатки положенія вещей въ настоящемъ отношеніи усугубляются еще тѣмъ, что, по закону, раздѣлъ производится сходомъ сельскаго общества, а не сходомъ одной той деревни, къ которой принадлежитъ дѣлящаяся семья и которой, конечно, ближе и лучше знакомо состояніе ея дѣлъ....

Понятно, что желательна отмѣна всѣхъ ограниченій касательно семейныхъ раздѣловъ крестьянъ, уравненія крестьянъ въ этомъ отношеніи съ лицами прочихъ сословій, подчиненіе суду всѣхъ споровъ, возникающихъ изъ раздѣловъ, касаются ли они надѣльной, или ввѣнадѣльной земли, недвижимаго или движимаго имущества, — словомъ, необходимо прямое и ясное утвержденіе закономъ и практикою полной самостоятельности и независимости крестьянъ въ имущественномъ отношеніи, раздѣльности имущественныхъ правъ между дѣтьми и родителями, мужьями и женами, братьями и сестрами (что собственно и предполагается въ законѣ, какъ это мы доказываемъ въ упомянутой статьѣ—*Крестьяне и общее гражданское право*).

Дальше писарь читаетъ заявленіе старшины слѣдующаго (по возможности буквально приводимъ) содержанія: «Въ общественныхъ лѣсахъ, въ купленномъ имѣніи, производится у насъ порубки. Это ведетъ къ расхищенію лѣсовъ и непріятностямъ между домохозяевами. Представляю сходу, чтобы снѣмъ сходомъ меня уполномочить привлекать виновныхъ къ судебной власти для отвѣтственности по существующимъ законамъ».

— Раздѣлимъ, такъ пожалуйста,—добавляетъ на словахъ старшина.— Тогда руби каждый свою часть. А безъ этого—чтобы ни сучка!...

Для провѣрки того, насколько русскій крестьянинъ лѣсной хищникъ, лѣсонстребитель и смотритъ на чужой лѣсъ какъ на свой,—это дѣло было весьма любопытно. Изъ словъ старшины выходило, что рубили лѣсъ свои однообщественники. Значитъ, порубки находились въ составѣ схода. Ничто не помѣшало бы хотя одному такому порубщику вырешнуть изъ толпы: «не надо»!... Однако, ни одного возраженія не послѣдовало. Но, быть можетъ, порубки, подавшія поводъ къ доложенному предложенію старшины, были значительны и часты? Нѣтъ. Порубокъ было нѣсколько и каждая была совершенно незначительна. И это было въ отношеніе лѣса, плохо охраняемаго (сторожъ,—объяснилъ кто-то тутъ же на сходѣ,—получаетъ жалованье черезъ три мѣсяца, благодаря тому «порядку», который установился въ общественномъ хозяйствѣ волости). Лѣсъ этотъ притомъ каждый барановскій крестьянинъ считаетъ своимъ,—какъ это въ извѣстной степени и есть на самомъ дѣлѣ,—почему и земскій начальникъ сосѣдняго уѣзда, въ предѣлахъ котораго расположено имѣніе, выносилъ оправдательные приговоры по двумъ-тремъ обвиненіямъ, которыя и до настоящаго приговора возбуждались передъ нимъ барановскимъ старшиною противъ своихъ однообщественниковъ (для чего, кстати сказать, вовсе и не требовалось согласіе схода)*).

По разрѣшеніи этого дѣла, писарь доложилъ новое письменное предложеніе старшины: «У насъ есть пустошь. Куликово въ восемьдесятъ пять десятинъ. Какъ по отдаленности ея, надзору имѣть невозможно. Какъ мнѣ извѣстно и можетъ вамъ также, она приходитъ въ уничтоженіе. Какъ-то лѣсъ вырубается. Все завалено. А потому, нужно бы пустошь ту сдать въ аренду, а еще лучше продать, чтобы извлечь больше пользы изъ cadaго полученнаго рубля»...

— Я былъ тамъ,—прибавляетъ сборщикъ податей.—Что же,—все положано, завалено, пустота совсѣмъ.

— Продать, продать!—раздается нѣсколько громкихъ голосовъ.

Впередъ выходитъ Шапкинъ, содержатель трактира въ ближайшемъ къ Баранову большомъ торговомъ селѣ, оказывающійся желающимъ купить пустошь и дать обществу возможность «извлечь больше пользы изъ cadaго полученнаго рубля»... Онъ узналъ о предстоящей продажѣ. Члены

* Сводъ Горемыкина, т. I, ч. 1, пунктъ 7 статьи 88 и разъясненіе изъ рѣшенія угол. кассац. департ. сената отъ 16 ноября 1893 г.

сходовъ не знаютъ заранѣе, о чемъ будутъ они разсуждать, какія дѣла рѣшать. Но постороннее заинтересованное лицо легко узнаетъ, что нужно въ подобныхъ случаяхъ...

— Нужно бы публиковать, коли такъ. Можетъ, найдется больше желающихъ купить,—дѣлается возраженіе нѣсколькими членами схода противъ немедленной угрожающей продажи земли.

— Что тутъ! Три года назадъ постановляли ужь продать...

— Теперь всѣ узнаютъ, и явится больше покупателей.

— Затянется опять!

— И торопиться некуда. Не загорѣлось.

— Продать, продать!—опять усердно выкрикиваетъ нѣсколько чело-
вѣкъ.

Покупатель протискивается еще ближе.

— А сколько бы вы дали?—обращаются къ нему.

— Три рублика за десятинку,—предлагаетъ онъ, не моргнувъ и глазомъ.

— Что вы!

Столь откровенно предложенная цѣна, видимо, смутила многихъ и изъ числа сторонниковъ Шапкина.

— Расходовъ на купчую больно будетъ много,—поддерживаетъ Шапкина свое предложеніе.—Возьмите расходы на себя,—тогда четыре рубля...

— Какъ можно!

— Продать, продать!—кричатъ, все же, нѣкоторые.

— Публиковать!—Оставить!—не менѣе громко кричатъ другіе.

Въ приговорѣ означается, что настоящее дѣло откладывается. Нѣкоторые усердные сторонники Шапкина все же выкрикиваютъ: «продать,—сейчасъ можно продать».

Затѣмъ возникаетъ вопросъ о ссудахъ на обмѣненіе полей изъ хлѣбозапаснаго магазина. Прежде всего, читается слишкомъ недоимщиковъ. Ихъ довольно много...

— Предоставить брать по шести четвертей на осьмакъ,—предлагаетъ одинъ изъ членомъ схода *).

— Я прибавилъ бы,—вступается земскій начальникъ,—что ссуда въ такомъ размѣрѣ выдается только тѣмъ домохозяевамъ, которые уплатили недоимку по прежнимъ ссудамъ...

Но предложеніе земскаго начальника вызываетъ единодушныя возраженія.

*) „Осьмакъ“—мѣра неопредѣленная. Есть осьмаки въ 18--19 дес.; есть и другіе въ 20--21 дес. Откуда эта мѣра? Можно полагать, что она составляетъ остатокъ прежнихъ вотчинныхъ распорядковъ. Въ осьмакѣ считается четыре надѣла, четыре „души“. Отсюда счетъ на четверти и половины осьмака. Вѣроятно, осьмакъ представлялъ собою въ былыя времена „тягло“, но тягло не душевое, а тягло средняго двора. Неодинаковъ же осьмакъ въ разныхъ деревняхъ, надо полагать, вслѣдствіе различій въ качествахъ почвы, нѣкогда и раздѣлявшейся на „границы“.

- Какъ можно!
- Такъ нельзя!
- Не по міру же идти недоимщикамъ!

Въ концѣ концовъ, подѣ явнымъ вліяніемъ земскаго начальника, все же постановляется выдавать недоимщикамъ только по половинѣ ссуды въ общей принятой нормѣ. Нужно было бы составить затѣмъ списокъ нуждающихся въ ссудѣ, съ точнымъ обозначеніемъ нужды каждаго (и безъ всякихъ общихъ нормъ, не установленныхъ для ссудъ закономъ). Но этого не дѣлается. (Не было бы, поэтому, ничего неожиданнаго, если бы разрѣшенія на позанмствованія изъ хлѣбозапаснаго магазина волости и не послѣдовало, и крестьяне остались бы безъ сѣмянъ къ посѣву). *)

III.

Между тѣмъ, учетчики не замедлили. Не прошло и часу какъ одинъ изъ нихъ явился въ залу засѣданія схода и доложилъ:

- Учетъ готовъ, ваше высокоблагородіе.
- А, прекрасно!—сказалъ земскій начальникъ.

Вскорѣ писарь, по приказанію земскаго начальника, читаетъ не то от-

*) Нельзя не признать крайне обременительнымъ и неудобнымъ порядокъ исходайствованія крестьянскими обществами ссудъ изъ собственныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ. При значительной ссудѣ, дѣло изъ уѣздной земской управы переходитъ въ губернскую и тянется такъ долго, что приговоры о ссудахъ крестьяне бываютъ вынуждены составлять за нѣсколько мѣсяцевъ до посѣва, когда нужда въ сѣменахъ не опредѣляется еще въ точной мѣрѣ. Нужда эта обнаруживается иногда послѣ, когда уже поздно просить о ссудѣ. Такъ крестьяне и остаются нерѣдко безъ сѣмянъ и хлѣба для продовольствія. Отсюда весьма часто встрѣчающееся образованіе хлѣбныхъ запасовъ „сверхъ положенія“, то-есть свыше нормы, для болѣе свободнаго и плѣсообразнаго распоряженія ими. Въ то же самое время разрѣшеніе ссудъ изъ запасовъ „по положенію“ и надворъ за цѣлостію этихъ запасовъ, принадлежащій цѣлому ряду установленій,—дѣло чисто-бумажное, ничего не обезпечивающее, ничего не устраниющее. Любопытную иллюстрацію къ этому даетъ Барановская волость.

Нѣсколько дѣтъ тому назадъ, здѣсь было обнаружено систематическое хищеніе изъ хлѣбозапаснаго магазина. Украдено было 86 четвертей ржи и 12 четвертей овса. Кто тутъ участвовалъ? Къ суду былъ привлеченъ мѣстный дьячокъ. Кража провадилась, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе года. Въ теченіе этого времени не разъ составлялись по магазину и признавались правильными разные отчеты и вѣдомости, самый магазинъ осматривали земскій начальникъ, членъ земской управы, наконецъ, губернаторъ. Все, казалось, обстояло благополучно. А затѣмъ возникло дѣло, и легко обнаружено было особое приспособленіе, съ помощью котораго воръ проникалъ въ магазинъ изо дня въ день. На судѣ же оказалось, что, несмотря на всѣ эти отчеты, вѣдомости, повѣрки, осмотры и сложныя условія, которыми обставлено получение ссудъ крестьянами, неизвѣстно даже, сколько было хлѣба въ магазинѣ и сколько осталось по обнаруженіи кражи. Выяснился полный хаосъ, въ которомъ находилось дѣло обезпеченія продовольствія и сѣмянныхъ нуждъ Барановской волости. Само по себѣ дѣло о кражѣ хлѣба оказалось крайне темнымъ. Защита этимъ воспользовалась, дьячекъ былъ оправданъ. Обществу крестьянъ пришлось пополнять магазинъ. Выскичать было не съ кого.

четь о произведенных расходах, большею частию въ круглыхъ и крупныхъ цифрахъ, не то смѣту на будущій годъ въ такихъ же цифрахъ:

«Старшинѣ 400 р., писарю 300 р., двумъ сотскимъ 192 р., уряднику квартирныхъ 30 р., на разные расходы по правленію и училищу, какъ-то: на очистку отхожихъ мѣсть, чисту трубъ и пр. 130 р., на ремонтъ мостовъ 235 р., на канцелярскія принадлежности для волостного правленія 55 р., на письменныя принадлежности для училища 30 р., на новобранцевъ 50 р., на пріемъ чудотворныхъ иконъ 20 р., на неугасимое масло 25 р., на молебны и панихиды 40 р., на общественныя поминки 135 р.» *).

*) Это—поминки помѣщцы, отпущившей мѣстныхъ крестьянъ на волю, въ „свободные хлѣбопашцы“. Память этихъ крестьянъ, освобожденныхъ полнѣе и раньше „общей воли“,—благодарна, хотя съ нихъ и былъ вѣять тогда огромный выкупъ. Но, къ сожалѣнію, настоящій способъ чествованія памяти бывшей помѣщцы представляетъ собою явленіе крайне некрасивое. Это — непокрытое общественное пьянство. Благоразумная часть волости давно помпшляетъ объ уничтоженіи поминковъ. Но это очень трудно, хотя каждый годъ дѣлаются на сходѣ особыя ассигновки на устройство поминковъ и иногда даже сходъ совмѣщается для этого. Вотъ, одинъ изъ случаевъ голосованія по этому вопросу, совпавшій съ поводомъ, указывавшимъ возможность лучшаго назначенія хотя для части тѣхъ денегъ, которыя тратятся ежегодно на объяденіе и пьянство.

Сходъ, на сей, очень рѣдкій, разъ безъ участія земскаго начальника. Одно дѣло чередуется съ другимъ. Очередь доходить до предложенія старшинамъ относительно поминковъ.

— Попрежнему, что ли, господа?—спрашиваетъ онъ.

— Все бы не нужно!—раздаются голоса.

— По старому, по старому!—кричатъ другіе.

— По старому, по старому!—подхватываетъ большое число голосовъ.

— А сколько истрчено было въ прошломъ году?—спрашиваетъ одинъ изъ членовъ схода.

— Сто тридцать пять рублей,—объясняетъ старшина.

— Такъ не составить ли смѣты, чего купить?—предлагаетъ тотъ же членъ схода, видимо желая, по крайней мѣрѣ, сократить столь крупный ежегодный расходъ.

— По старому, по старому!—кричатъ „чествователи“, предчувствуя, что предложеніе направлено если не къ отмѣнѣ, то къ ограниченію поминковъ.

— Все не нужно!—настаиваютъ другіе.

Но тутъ выступаетъ старшина.

— Слушайте, вотъ что пишетъ земскій начальникъ на этотъ счетъ,—говоритъ онъ и читаетъ: „На сходъ не прійду. Разрѣшаю собраться безъ себя. Расходъ на поминкованіе разрѣшаю по прошлагодней смѣтѣ“. Значитъ, и баринъ желаетъ по старому,—основательно заключаетъ старшина.

— По старому, по старому!—подхватываютъ ободренные „чествователи“.

Между тѣмъ, у противниковъ „чествованія“ языка, естественно, оказываются прилипшими къ гортанямъ.

Старшина переходитъ къ новому дѣлу и докладываетъ:

— Крестьянка Черногорова просится въ богадильню. Но у нея раны на ногахъ, „посредствомъ которыхъ она можетъ заразить другихъ прирѣваемыхъ“. Поэтому, лучше дать ей „способіе“ въ два рубля въ мѣсяцъ,—предлагаетъ старшина.

Дѣло это уже не вызываетъ къ себѣ столь же горячаго отношенія, какъ только что разрѣшенное.

— Согласны!—раздается нѣсколько голосовъ.

Всего расходовъ около четырехъ тысячъ рублей. Столько же поступлений: мірскаго сбора, «травяныхъ денегъ» (денегъ, получаемыхъ по сдачѣ травы въ имѣніи), процентовъ на капиталы. Капиталовъ оказалось: предназначенаго для богадѣльни семь тысячъ, мірскаго—двадцать двѣ тысячи.

За такимъ докладомъ не послѣдовало никакого предложенія обсудить что-либо, никакого вопроса, обращеннаго къ сходу. И сходы безмолвствовали

— Раскладка прежняя,—не то съ вопросомъ, не то съ предложеніемъ, обратился старшина къ сходу, приступая прямо ко второй части дѣла, стоявшаго на очереди.

— Сбавить можно!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Нынче не будетъ такихъ расходовъ,—поддерживаетъ это-то предложеніе о сбавкѣ.

— Непредвидѣнные могутъ быть,—возражаетъ старшина.

— То-то у насъ много непредвидѣнныхъ,—замѣчаетъ одинъ изъ членовъ схода.

— По рублю съ осьмака можно сбавить,—рѣшительно предлагаетъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ барановскаго схода, пожилой крестьянинъ Медвѣдевъ. При этомъ, вставая съ одной изъ переднихъ лавокъ, онъ махаетъ заднимъ рядомъ однообщественниковъ: «Что же вы не кричите?» Но задніе ряды откликаются очень слабо. «Вотъ,—замѣчаетъ Медвѣдевъ съ укоромъ,—ты имъ продикуй, а они молчатъ. Такъ вотъ ты - то скажешь, и будешь *не хорошъ*».

— Сбавить, сбавить!—раздается опять нѣсколько голосовъ.

— Какъ хотите, снимемъ,—говоритъ старшина.—Для насъ все единственно. А только будетъ нехватка, такъ придется добавлять.

— Сбавить, сбавить!—дружнѣе и дружнѣе кричить сходы.

И по числу «осьмаковъ» земли, облагаемыхъ мірскимъ сборомъ, смѣта уменьшается на 292 руб.

— А коли убавили,—выступаетъ тутъ неожиданно земскій начальникъ,—такъ пусть сборщикъ немедленно составляетъ списокъ недоимщиковъ и описываетъ ихъ имущество... Нужно взыскивать *).

Ни возраженій, ни иныхъ замѣчаній.

— Съ какого мѣсяца пособіе, съ 1 октября?—спрашиваетъ вскорѣ послѣ того писарь, составляя утвердительный приговоръ.

Сходъ же происходитъ въ половинѣ сентября.

— Съ 1 октября,—говоритъ старшина, не обращаясь даже къ сходу, хотя передъ этимъ вовсе не упоминалъ въ своемъ докладѣ о срокѣ, съ котораго слѣдовало выдавать пособіе больной женщинѣ.

Спустя нѣкоторое время, передъ сходомъ появляется жалкая старуха и, бормоча что-то, становится на колѣни. Это, оказывается, и есть Черногорова. Никто не обращаетъ на нее вниманія.

— Прибавки просить,—замѣчаетъ только кто-то.

Постоявъ на колѣняхъ, старуха уходитъ, какъ бы незамѣченная.

*) Послѣ, дѣйствительно, и происходитъ «выколачиваніе недоимокъ». Приступаютъ прямо къ описи и продажѣ имущества, безъ особаго общественнаго приговора, по одному настоящему распоряженію земскаго начальника и безъ принатія предвар-

Такимъ образомъ, осталось неопредѣленнымъ точно, на что будутъ производиться расходы, въ какомъ именно размѣрѣ и на какомъ основаніи. Не выяснено было сходу и то, по какимъ статьямъ были поступления и въ какомъ размѣрѣ, какъ ведется хозяйство въ имѣніи, почему 85 десятинъ пустоши оказались даже несданными въ аренду. Словомъ, сходу не было представлено никакого отчета, при невозможности и для учетчиковъ войти, по краткости времени, въ какія-либо подробности. Но, по крайней мѣрѣ, уменьшена на одинъ рубль раскладка, и то составившая 5 р. 60 к. на «осьмакъ». Зато, какъ бы въ наказаніе, строжайшая мѣра взысканія, примѣняемая къ недоимщикамъ.

Затѣмъ сходъ закрывается. Члены начинаютъ подписываться по очереди, по списку, подъ приговорами. Въ коридорахъ и на лѣстницѣ образуются отдѣльныя кучки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжаютъ говорить объ учетѣ. Возбуждаются сомнѣнія по поводу различныхъ расходовъ, поставленныхъ обществу въ счетъ, когда теперь, уже по утверженіи учета, нѣкоторыя цифры становятся извѣстными частнымъ образомъ.

— Петръ Иванычъ, — говорятъ въ одной кучкѣ (разумѣя помощника старшины), — обѣщаль огородить пасѣку такъ, на свой счетъ, а замѣсто того взялъ сто шестьдесятъ пять рублей.

— Неужто?

— Вѣрно!

— Какъ же старшина выдалъ?

— Выдалъ!

— Безъ приговора?

— Безъ приговора!

Нѣкоторые негодуютъ.

— А приходи съ расходомъ вѣрнѣ, — насмѣшливо замѣчаетъ въ толпѣ одинъ изъ учетчиковъ.

— Такъ что же вы? — укоряетъ его кто-то.

— Смотри самъ въ книгу, — отражаетъ укоръ учетчикъ.

— Да, поди тутъ, смотри! — выражаются сомнѣнія съ разныхъ сторонъ.

Такимъ-то образомъ обременяется довольно высокими платежами крестьянская земля и здѣсь, гдѣ она давно очищена отъ оброка или выкупа. При незначительности государственнаго и земскаго поземельнаго сборовъ, она обременяется именно почти исключительно мірскими сборами. При извѣстныхъ условіяхъ, на отдѣльныхъ надѣлахъ накапливаются недоимки. Онѣ достигаютъ значительныхъ размѣровъ, и тогда, съ одной стороны, лицо, имѣющее право на землю, вынуждено бываетъ отступить отъ нея, съ другой же стороны, и отступаясь, оно, по общему личному, а не вещному характеру платежей, падающихъ на крестьянъ, и способу, по порядку ихъ

тельно болѣе мягкихъ мѣръ, предписываемыхъ закономъ. Недоимки безпоощадно взыскиваются, несмотря на то, что всѣ мірскія потребности покрыты и что у общества есть имѣніе, купленное частнымъ путемъ, капиталъ и ир.

взысканія, и по нераздѣльности семей, оказывается стѣсненнымъ въ важнѣйшемъ своемъ правѣ, въ правѣ передвиженія, выхода изъ общества и перехода въ другое общество, сословіе.

Случай такого рода обнаружился тутъ же, немедленно по закрытіи схода. Къ земскому начальнику подошелъ одинъ крестьянинъ, оказавшійся принадлежащимъ къ Коровинской волости. Словесно онъ предъявилъ жалобу на барановскій сходъ, не увольняющій его зятя и препятствующій такимъ образомъ припискѣ послѣдняго къ его, тестя, обществу, при которой только онъ, тесть, и могъ бы обезпечить его и свою дочь нѣмѣшеюся у него землю. Иначе дочь, за его смертью, осталась бы безъ земли, а сыновей у него не было.

— Почему не увольняютъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Недомки сто сорокъ шесть рублей,—объяснилъ старшина.

— На комъ?

— На дядѣ, а онъ (зять просителя) не отдѣленъ.

— Такъ у него, ваше высокоблагородіе, части нѣтъ,—говоритъ жалобщикъ о своемъ зятѣ.—Онъ ничѣмъ не пользовался.

— Все равно,—заявляетъ земскій начальникъ.—Не можетъ быть уволенъ. Объ этомъ нечего и говорить. Не дадутъ приговора.

— Уплатите недомку, тогда...—предлагаетъ старшина.

— Хоть пополамъ съ дядей,—совѣтуетъ земскій начальникъ.

— Да онъ-то, онъ ничѣмъ не пользовался... части у него не было...—продолжаетъ жаловаться тесть.

Не далѣе какъ на слѣдующемъ сходѣ Щуринъ (фамилія зятя) вновь возбуждаетъ ходатайство объ увольненіи изъ барановскаго общества.

— Да у него недомки сто сорокъ шесть рублей,—говоритъ старшина, обращаясь къ сходу.

Тутъ выступаетъ уже въ защиту просителя родная мать.

— Деверь, деверь, вѣдь, батюшки, накопиль, — плачетъ она передъ сходомъ.

— Человѣкъ и землей не пользовался, въ Коровинской волости и воспитывался,—поддерживаетъ ее кто-то.

— За что держать человѣка?—раздается еще сочувственный голосъ.

— Заплати недомку,—поддерживаютъ, однако, нѣсколько голосовъ заявленіе старшины.

Въ концѣ концовъ, предлагается заплатить хотя только пятьдесятъ рублей. Дѣлать нечего, бѣднякъ соглашается. Старшина возбуждаетъ тогда вопросъ, когда, съ какого момента увольняется Щуринъ.

— Заплатить пятьдесятъ рублей, такъ и пусть уходитъ, тогда и приговоръ,—предлагаетъ кто-то изъ состава схода.

Увольнительный приговоръ, все же, дается Щурину.

IV.

— Иди, вотъ, на сходъ... А день-то какой! Сѣно сушить нужно бы... Подмоченнаго много... Былъ у насъ приговоръ, чтобы въ рабочую пору не

собирать сходы по буднямъ. Да, вотъ, земскому начальнику ѣхать подѣ статью: сегодня онъ въ Коровинѣ, завтра — у насъ, а послѣзавтра — въ Бобылинѣ. Нарочно самъ не хочетъ прѣзжать... А крестьянинъ — иди! А сколько бы можно было поработать въ такой-то день...

Такъ разсуждалъ одинъ изъ членовъ барановскаго схода, котораго я догналъ, направляясь въ слѣдующій разъ въ Бараново, и съ которымъ дошелъ до правленія. Собесѣдникъ мой не принадлежалъ, кажется, къ числу особо старательныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ. Но и онъ былъ, дѣйствительно, недоволенъ распоряженіемъ земскаго начальника...

Первое дѣло, которымъ пришлось заняться этому новому сходу, открывшемуся около одиннадцати часовъ, касалось устройства бесплатной народной библіотеки въ волости. Предположеніе объ учрежденіи библіотеки явилось еще года за три передъ тѣмъ. Тогда же сходомъ ассигновано было на этотъ предметъ сто рублей. Между тѣмъ, библіотеки все еще не было... Стремленіе крестьянъ къ самообразованію, книгѣ, встрѣтилось и здѣсь съ обычными общими внѣшними препятствіями, съ тѣми сложными правилами, которыми обставлено у насъ открытіе народныхъ библіотекъ и которыя на практикѣ, по усердію низшихъ властей, соединяются еще съ разными другими.

— Вотъ, вы когда-то пожертвовали сто рублей на открытіе у себя библіотеки, — началъ земскій начальникъ. (Привожу почти буквально его недлинную рѣчь.)—По всей вѣроятности, осенью она будетъ открыта. Но для того, чтобы получить разрѣшеніе, вамъ нужно избрать отвѣтственное лицо, которое отвѣчало бы за библіотеку. Вотъ, я вамъ объясню законъ... Отвѣтственнымъ лицомъ можетъ быть мѣстный земскій начальникъ или помѣщикъ. Кого хотите, того и выбирайте, — земскаго начальника или другого... А потомъ вамъ нужно будетъ выбрать двухъ завѣдующихъ. Впрочемъ, завѣдывать библіотекой будетъ учительница. Все-таки, завѣдующихъ нужно выбрать... Такъ вотъ, главное, необходимо отвѣтственное лицо, — земскій начальникъ или помѣщикъ...

Въ первый разъ земскій начальникъ упоминалъ слово «законъ», — да и это упоминаніе было, очевидно, неумѣстно, такъ какъ рѣчь шла не о законѣ, а о едва ли согласномъ съ закономъ распоряженіи административной власти. Самыя подразумѣвавшіяся тутъ правила 15 мая 1890 г. о бесплатныхъ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ вовсе не ограничивали въ такой мѣрѣ кругъ, изъ котораго могли бы быть избираемы отвѣтственные лица. Устанавливавшееся имъ ограниченіе было тѣмъ уже притомъ, что въ описываемой мѣстности вовсе не было помѣщиковъ.. Земскому начальнику явно желательно было стать «отвѣтственнымъ» лицомъ самому, наложить на дѣло свою руку... По условіямъ же, при которыхъ происходить обсужденіе общественныхъ дѣлъ на сходахъ, и по вліянію, которое имѣлъ здѣсь земскій начальникъ, никто, кромѣ него, и не могъ быть избранъ. Подчиненные члены схода необходимо должны были «избрать» своего начальника. Для нѣкоторыхъ было совершенно ясно, что указать на него — значило ему угодить...

— Мы бы попросили васъ, ваше высокоблагородіе, — очень естественно обратились къ нему старшина, его помощникъ и нѣсколько человѣкъ изъ числа сидѣвшихъ впереди.

— Да ужъ! — подхватило еще нѣсколько голосовъ.

— Хорошо... А можетъ, другого кого, — помѣщика?...

— Нѣтъ, ужъ васъ, в. в.

— Ну, а кого назначите завѣдующими?

Названо было нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ старшина и его помощникъ.

— И я думалъ, тебя да тебя, — сказалъ земскій начальникъ, обращаясь къ послѣднимъ.

Библиотечное дѣло окончилось скоро, и сходъ перешелъ къ слѣдующему дѣлу...

— Вотъ, господа, — обратился старшина къ однообщественникамъ, — Кашкинъ не платитъ пятидесяти рублей за траву, которую снималъ въ нашемъ вочетковскомъ имѣніи. Теперь онъ въ Петербургѣ. Уполномочиваете требовать съ него деньги черезъ полицію?

— Какъ же, ежели не платитъ.

— Нужно бы судомъ, важется...

— Извѣстенъ порядокъ-то...

— Уполномочиваемъ!

Но тутъ земскій начальникъ указалъ иной «порядокъ»... не объяснивъ неосновательности предложенія старшины.

— Лучше подождать, пока не явится сюда самъ Кашкинъ, — вступился онъ и, обратившись къ старшинѣ, спросилъ: — Срокъ его паспорта кончается, вѣдь, скоро?

— Скоро, в. в., — отвѣчалъ старшина.

— Ну, а новаго ему не выдавать, мнѣмъ именемъ. Не выдавать! Слышишь?

— Слушаю, в. в., — покорно отвѣчалъ старшина.

— Не выдавать! — еще разъ повторилъ земскій начальникъ и прибавилъ: — А то онъ больно много всякихъ пакостей понаписалъ тутъ... Пишетъ: то неправильно, другое... и что всё мы — мошенники...

Рѣчь шла о какихъ-то бумагахъ, присланныхъ передъ тѣмъ Кашкинымъ и въ правленіе, и земскому начальнику *).

Сходъ молчалъ, видимо недоумѣвая, какъ же можно было и взыскивать арендную плату, и наказывать Кашкина за подобныя письменныя заявленія невыдачею паспорта, прегражденіемъ ему возможности списывать себѣ на сторонѣ средства къ существованію (а Кашкинъ занималъ

*) Кашкинъ — бывшій дѣятель волости, писарь, адвокат. По его предложенію, открывается и библиотека. Онъ не могъ ужиться въ деревнѣ, при настоящихъ условіяхъ, — и самъ удалился со сцены... Иначе дѣло могло бы кончиться для него печально... Извѣстно, какими способами «доводятъ» въ современной деревнѣ людей, имѣющихъ голосъ и интересъ въ общественнымъ дѣламъ.

въ то время порядочное мѣсто въ Петербургѣ)? Многіе понимали, что земскій начальникъ и не имѣеть никакого права приказывать не выдавать паспортъ кому-либо... Другіе испытывали понятное смущеніе передъ наличностью той власти, которую присвоивалъ онъ себѣ, — власти лишать ихъ свободы передвиженія, по собственному усмотрѣнію... А мѣстные крестьяне, живущіе преимущественно отхожими промыслами, естественно, цѣнили эту свободу... Въ то же время и по тому же самому, больше и лучше, чѣмъ многія иныя правила, знали, при какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ она могла быть до сихъ поръ ограничиваема... Самъ старшина былъ, видимо, сконфуженъ отдачею ему страннаго приказанія *)...

— Вотъ, господа, — заявилъ потомъ старшина, переходя къ новому дѣлу, — по случаю рабочаго времени, мы отмѣняемъ присутственные дни по два раза въ недѣлю. Пусть будутъ они только по понедѣльникамъ. Согласны?

Земскій начальникъ молчалъ. Не послѣдовало возраженія и со стороны схода.

— Нужно бы скостить сколько-нибудь изъ жалованья старшинѣ, — довольно тихо замѣтилъ только кто-то.

Вслѣдъ затѣмъ къ земскому начальнику подошла молодая, порядочно одѣтая женщина, оказавшаяся крестьянкою Пестриковою, и словесно предъявила ему просьбу — распорядиться отпереть домъ, запертый мужемъ отъ нея, и отдать ей землю, сданную имъ въ аренду...

Осталось неизвѣстнымъ, было ли дальнѣйшее продолженіемъ схода, или

*) Угроза не была приведена въ исполненіе, и паспортъ Кашкину былъ возобновленъ, когда онъ того потребовалъ. Да это и была, безъ сомнѣнія, одна угроза, „острастка“: послать Кашкина снова въ деревнѣ не было никакого интереса... Но фактъ тотъ, что приказаніе о невозобновленіи паспорта упомянутому лицу было громогласно и самоувѣренно отдано... Еще печальнѣе то, что земскій начальникъ, дѣйствительно, легко можетъ, злоупотребляя своимъ положеніемъ, ограничивать крестьянъ въ столь важномъ и необходимомъ правѣ, каково право передвиженія. Видя на жительство крестьянамъ выдаются волостными старшинами, а на дѣйствія старшинъ по этому предмету предоставлено жаловаться земскому начальнику. Дальнѣйшаго порядка обжалованія дѣйствій властей по выдачѣ паспортовъ не указано. Право дальнѣйшаго обжалованія, однако, несомнѣнно, есть, и порядокъ, надо полагать, долженъ соблюдаться тутъ общій. Но, уже независимо отъ усиливающейся этимъ отсутствіемъ прямыхъ указаній по настоящему предмету затруднительности дальнѣйшаго обжалованія, ясно, какое вліяніе можетъ принадлежать земскому начальнику въ дѣлѣ полученія видовъ на отлучку крестьянами: онъ можетъ на довольно продолжительное время задержать полученіе паспорта лицомъ, которому пожелаетъ сдѣлать непріятность... Такъ, въ данномъ случаѣ приказаніе не возобновлять Кашкину паспортъ могло быть отдано конфиденціально, безъ оборота на автора приказанія, а не открыто, не громогласно, на всемъ сходѣ (чѣмъ уже облегчалась возможность добиться его отмѣны). Старшина исполнилъ бы это приказаніе. На дѣйствія же его жалоба должна была бы быть принесена тому же земскому начальнику. Затѣмъ, послѣдній могъ не торопиться ея разрѣшеніемъ, требовать не одинъ разъ объясненій, возбуждать различные вопросы — и, наконецъ, разрѣшить дѣло не въ пользу жалобщика... Тѣмъ же временемъ послѣдній могъ потерять мѣсто и потерять тысячи непріятностей...

разбирательствомъ земскимъ начальникомъ административнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, перерыва объявлено не было, и сходъ принялъ участіе въ сужденіяхъ по этому поводу, вовсе не относившемуся ни къ его вѣдомству, ни къ вѣдомству земскаго начальника. Возникло поворище для бѣдной женщины,—безъ нужды и повода.

— Она дурнаго поведенія, — замѣтилъ кто-то, — а господинъ у ней хорошій.

— Какой господинъ? — спросилъ земскій начальникъ.

— Господинъ, — мужъ, значить.

— Черезъ нее и погибаетъ!

— Она его обобрала!

— Лавка своя была у него въ Питерѣ, а она взяла деньги и уѣхала.

Было сдѣлано еще нѣсколько замѣчаній въ этомъ родѣ. Пестрикова оправдывалась. Кое-кто поддерживалъ ее, въ томъ числѣ мать, бывшая тутъ же...

Земскій начальникъ, предоставивъ разыгратъ подобной сценѣ, отклонилъ, между тѣмъ, просьбу Пестриковой, безъ объясненія, какъ ей нужно дѣйствовать.

У.

Послѣ того земскій начальникъ оставилъ залу, и сходъ продолжалъ свою дѣятельность въ его отсутствіе съ нѣсколько большею свободой.

Старшина сдѣлалъ письменное заявленіе: «Какъ по сдать въ прошедшемъ году луговъ въ Бочетковскомъ имѣніи выходило много неприятностей, и особенно недобросовѣстнымъ оказался крестьянинъ Башкинъ, то нынче нужно сдавать траву за наличныя, чтобы сейчасъ же и получать что слѣдуетъ»...

— Что же это? Изъ-за одного-то?!... — замѣтили нѣкоторые.

Затѣмъ возникли горячія пренія собственно о томъ, можно или нельзя, снявъ траву, сдавать ее другимъ, и не однообщественникамъ. Одни говорили: «снявъ, и кому хочешь сдавай самъ...» Другіе: «не смѣй, бери только для себя, по силѣ возможности...» Указывалось, однако, что, все равно, не услѣдишь,—«и на себя возьметъ, и съ своими работниками скосятъ, а тамъ продастъ сѣномъ...» На сходѣ произошелъ расколъ...

— Чѣмъ же рѣшили? — спросилъ я одного изъ крестьянъ, не лишенаго голоса на сходѣ, когда пренія смолкли и писарь заносилъ на бумагу имѣніе схода.

— Да по старому, должно быть... Петръ Петровичъ, — обратился онъ, однако, тутъ же самъ къ старшинѣ,—какъ теперь съ лугами? По старому?

— По старому.

— Сдавай, значить, кому хочешь?

— Ни... Не могу! Бери только для себя сколько можешь, и сейчасъ же денегки.

Въ этомъ смыслѣ оказался составленнымъ и приговоръ, прочитанный потомъ.

Затѣмъ должно было слѣдующее дѣло: изъ Москвы препровождался на родину арестантъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, Пѣшковъ. Выданная ему изъ мѣста высылки одежда, по сдѣланной тогда оцѣнкѣ, стоила около 5 руб. съ копейками; по возвращеніи же по принадлежности, она была оцѣнена въ три рубля съ копейками. Почти черезъ годъ губернское правленіе и потребовало съ общества разницу между стоимостью платья по той и другой оцѣнкѣ. Волостное правленіе, получивъ это требованіе, отвѣтило, что «за проносъ платья» имъ уплачено было тогда же 18 коп., но что одежда была принята имъ отъ арестанта «въ должномъ видѣ», и если она цѣнится теперь иначе, то потому, вѣроятно, что во второй разъ цѣнили ее другой оцѣнщикъ... Предписано было, однако, взыскать, не принимая никакихъ отговорокъ... Такъ требованіе это и переписка возобновлялись нѣсколько разъ.

— Какъ теперь быть, господа? — обратился старшина къ сходу. — Мы сдали все въ должномъ видѣ, а тамъ, можетъ, годъ-то прислуга у становаго носила арестантское платье...

— Они оцѣнять въ 15 рублей, а послѣ переоцѣнять! Что же, намъ и платить?!

— Не слѣдовало бы!

— Пусть съ Пѣшкова и получаютъ!

— Да съ него взять-то нечего.

— Казна свое возьметъ, — не безпокойся!

— Чего тутъ, — отдать!

— Отдать, два рубля — пустяки.

— Такъ отдать? — переспросилъ старшина.

— Отдать ужъ, отдать.

— Не слѣдовало бы, — упрямылся кто-то.

Въ приговорѣ было постановлено потомъ: удовлетворить требованіе губернскаго правленія.

— Господа, — предложилъ, въ заключеніе, старшина, — вотъ писарь говорить, что ему больно много работы съ пропиской паспортовъ пришлыхъ рабочихъ. А какъ вездѣ за это берется плата, то нужно и намъ постановить...

Сборъ подобнаго рода съ лицъ постороннихъ, столь же незаконный, какъ и широко распространенный сборъ съ видовъ на отлучки однообщественниковъ, дѣйствительно, весьма распространенъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда прибываетъ много стороннихъ рабочихъ. Затѣмъ и паспорта всѣхъ вообще лицъ, прибывающихъ въ уѣздъ, прописываются вмѣсто полиціи волостными правленіями. Черезъ волостныя правленія пересылаются всѣмъ вообще лицамъ и различные документы изъ всякаго рода учреждений. Такимъ образомъ, волостныя правленія, благодаря подобнымъ фактически разлагаемымъ на нихъ обязанностямъ, лишній разъ являются правительственными установленіями, содержимыми, однако, единственно на сословныя

крестьянскія средства. Съ этой же стороны понятно стремленіе крестьянъ возмѣщать какъ-либо расходы, дѣлаемые ими на постороннихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, установленіе подобнаго или какого-либо иного сбора съ постороннихъ лицъ въ законодательномъ порядкѣ возможно и желательно, конечно, лишь при условіи, когда крестьянскія установленія сдѣлаются не только по обязанностямъ, произвольно и силою житейской необходимости, на нихъ налагаемымъ, но и по правамъ, и по составу, общественными, всесловными или бессловными съ правительственными функциями.

Предложеніе старшины относительно настоящаго сбора съ паспортовъ пришлыхъ рабочихъ встрѣтило, однако, здѣсь со стороны самихъ крестьянъ довольно сильныя возраженія, будучи понято, къ тому же, какъ хлопотнее въ пользѣ волостного писаря.

При такихъ условіяхъ, писарь счелъ, повидимому, за лучшее отказаться отъ сбора, и на самомъ дѣлѣ предназначавшагося въ его пользу, и въ приговорѣ не значилось, чтобы сходомъ былъ установленъ этотъ сборъ, хотя при недостаткѣ голосованія и потому, какъ подписываются приговоры крестьянами, онъ могъ совершенно свободно занести въ приговоръ обратное заключеніе.

Настоящее дѣло было послѣднимъ. Началось подписываніе приговоровъ членами схода, занимающее здѣсь довольно много времени. Было уже довольно поздно, когда барановскій сходъ разошелся.

VI.

Прошелъ годъ со времени описаннаго выше, въ главѣ третьей, учетнаго и раскладочнаго схода. Хотя, какъ мы видѣли, раскладка, къ явному неудовольствію земскаго начальника, была уменьшена на одинъ рубль съ осьмака и составила 5 р. 60 к., вмѣсто 6 р. 60 к., взимающихся прежде, тѣмъ не менѣе, всѣ волостныя потребности были вполне покрыты. Конечно, по непремѣнному обыкновенію, остатка не оказалось... Но на все, по крайней мѣрѣ, достало и уменьшеннаго сбора. Казалось бы, слѣдовало и опять испытать систему уменьшенія обложенія и облегченія платежныхъ тяжестей населенія. Но вотъ, ровно черезъ годъ, на новомъ учетномъ и раскладочномъ сходѣ, доходитъ очередь до установленія раскладки на текущее время.

— Въ прошломъ году было пять рублей шестьдесятъ копеекъ на осьмака, а нынче, я думаю, нужно назначить по шести рублей, — неожиданно предлагаетъ председательствующій вновь земскій начальникъ.

— По пяти, по пяти! — очень дружно раздается, однако, со стороны схода.

— Будетъ по пяти, больше не надо! — слышатся новые не менѣе громкіе и столь же многочисленные голоса.

Земскій начальникъ взволновывается.

— Не хватитъ! — возражаетъ онъ и добавляетъ тономъ приказапія: — По шести рублей назначайте! Меньше нельзя!

— По пяти, по пяти!—еще громче и дружнее, однако, кричить сходить.

Земскій начальникъ начинаетъ считать вслухъ прошлогодні расходы въ круглыхъ и крупныхъ суммахъ. Изъ общей суммы онъ вычитаетъ, затѣмъ, проценты съ капиталовъ и доходы съ имѣнія и остальную сумму дѣлитъ на число осѣмаковъ, подлежащихъ обложенію.

— Вѣдь выходитъ даже по восьми рублей съ полтиной, — заявляетъ онъ.—Видите. А я предлагаю по шести...

— По пяти, по пяти!—вновь дружно кричить сходить.

— Ишь ты, сколько вышло, этакъ можно насчитать и больше, — дѣлаются менѣе громкія отдѣльныя замѣчанія.

— Говорю вамъ, что нельзя меньше, —убѣждаетъ земскій начальникъ, какъ бы не отдавъ еще себѣ отчета въ томъ, что дѣло его безнадежно, что сходить желаетъ рѣшительно заупрямиться.

— По пяти, по пяти!—стоятъ на своемъ крестьяне дружнее и дружнее.

Земскій начальникъ дѣлаетъ, однако, новыя попытки убѣдить сходить въ необходимости принять высшій размѣръ обложенія.

— Тѣ, которые стоятъ ближе, —говоритъ онъ, —слышали, какъ я считалъ. Я сосчиталъ все. Вѣрьте мнѣ. Неправильностей никакихъ нѣтъ. Лишняго ничего не положено. Говорю вамъ, меньше шести рублей невозможно.

— Можно, можно! — единодушно, какъ эхо, возражаетъ сходить. — По пяти! Довольно!

Земскій начальникъ, однако, не менѣе упрямъ.

— Нынче нельзя меньше шести рублей, — все еще продолжаетъ онъ убѣждать крестьянъ. — На будущій годъ, дѣйствительно, можно... Нынче заплатите за пожарную трубу, — а тамъ не будетъ ужъ этого расхода. Можно будетъ и еще что-нибудь уменьшить...

— И нынче можно! По пяти, по пяти! — стоятъ сходить на своемъ съ большимъ единодушіемъ.

— Не хватить, такъ придется дѣлать дополнительную раскладку, добавлять, — дѣлаетъ земскій начальникъ послѣднее усиліе убѣдить сходить, такъ сказать, обыкновенными доводами.

— Добавимъ! Тамъ видно будетъ! По пяти, по пяти!

Тогда уже, въ виду подобнаго упрямства схода, земскій начальникъ прибѣгаетъ къ инымъ доводамъ въ пользу своего предложенія, видимо, раздражаясь болѣе и болѣе.

— Если вы назначите только пять рублей, —заявляетъ онъ, —то я представлю приговоръ вашъ къ отиѣнѣ въ сѣздѣ, и ровно черезъ недѣлю вамъ придется вновь прогуляться на сходить по тому же дѣлу...

Увы! не дѣйствуетъ и угроза.

— Придемъ хоть завтра! По пяти, по пяти!

Земскій начальникъ уходитъ въ «свою» комнату, видимо, крайне раздраженный.

Базалось бы, пятирублевое обложеніе было окончательно установлено. Слѣдовало немедленно составить и приговоръ въ этомъ смыслѣ. Но этого

сдѣлано не было. Съ уходомъ земскаго начальника наступилъ какъ бы перерывъ засѣданія, хотя онъ и не былъ объявленъ. Оставшись какъ бы безъ председателя, сходъ, въ его цѣломъ, пересталъ обсуждать раскладку. Онъ раздѣлился на группы и разошелся по коридорамъ правленія. Но и въ отдѣльныхъ группахъ слышатся тѣ же замѣчанія—въ пользу назначенія пяти рублей на осьмакъ; тутъ же принимаются отдѣльныя статьи расходовъ истекшаго года и указывается на возможность ихъ уменьшенія или и полного исключенія. Одна особенно многочисленная группа наиболѣе вліятельныхъ членовъ схода разсматриваетъ прошлогодніе расходы по самому докладу учетчиковъ и приходитъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Убѣжденіе въ достаточности пяти рублей на осьмакъ, повидимому, еще болѣе крѣпнеть. Кажется, что если вновь послѣ перерыва будетъ обращенъ къ сходу вопросъ: «сколько?»—то единодушіе его обнаружится еще ярче.

Но къ послѣдней группѣ членовъ схода подходитъ старшина, побывавшій уже у земскаго начальника и успѣвшій, какъ оказывается, побесѣдовать съ нимъ по поводу упрямства схода.

— Какъ хотите, братцы,—заявляетъ онъ.—Постановите хоть по пяти рублей, мнѣ все равно. А только онъ говоритъ: не дамъ де вамъ тратить проценты съ капитала, если такъ... Тогда ужъ придется не по шести рублей платить...

При этомъ заявленіи лица всѣхъ присутствующихъ моментально вытягиваются.

— Сдѣлаетъ,—говоритъ кто-то съ убѣжденіемъ,—это, дѣйствительно, во власти земскаго начальника.

— Такъ ужъ и сдѣлано въ Полозовской волости,—подкрѣпляетъ другой представитель наиболѣе вліятельной группы схода, это убѣжденіе однообщественника, видимо, раздѣляемое и другими.

— Въ его рукахъ, можетъ, сдѣлаетъ! — раздаются подавленные голоса.—И по пятнадцати рублей будемъ платить.

Картина быстро мѣняется. Новая угроза сразу производитъ желаемое дѣйствіе.

— Потѣшите барина!—предлагаетъ старшина.—А то хуже будетъ...

Во вліятельной группѣ членовъ схода немедленно и созрѣваетъ согласіе «потѣшить барина».

— Постановимъ ужъ шесть рублей!

— Что-жь дѣлать!—постановимъ...

— Ничего не подѣлаешь,—постановимъ...

— Пожалѣемъ рубля,—десять переплатимъ...

Здѣсь уже нѣтъ возраженій. Тутъ всѣ уже отступили отъ первоначальнаго рѣшенія. «Верхи» схода, члены, сидящіе напередѣ, готовы «потѣшить барина». Но какъ «низы», какъ остальная масса схода, помѣщающаяся назадѣ, обыкновенно безучастная, а на сей разъ съ такимъ одушевленіемъ выражавшая свое несогласіе на предложеніе земскаго начальника и стоявшая за пятирублевое обложеніе?

— Скажите тамъ, чтобы соглашались на шесть рублей, — предлагаетъ одинъ изъ членовъ настоящей вліятельной группы схода, стоящій въ серединѣ ея, у стола, на которомъ лежитъ докладъ учетчиковъ, только что разсмотрѣнный съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ на самомъ сходѣ.

— Хуже, дескать, будетъ, — процентовъ не дастъ! — дается наставленіе нѣсколькимъ лицамъ, изъявляющимъ готовность идти и уговаривать однообщественниковъ «потѣшить барина».

— Ладно, — говорятъ новые дипломаты, отправляясь исполнять порученіе.

Когда же, минувъ черезъ двадцать, явился земскій начальникъ и сходъ открытъ былъ вновь, предложеніе назначить по шести рублей на осьмакъ не встрѣтило ни одного достаточно громкаго возраженія и было признано принятымъ. Въ цѣломъ сходѣ, состоявшемъ не менѣе какъ изъ двухсотъ человѣкъ, не нашлось ни одного, который возбудилъ бы хотя сомнѣніе въ томъ, можетъ ли, дѣйствительно, земскій начальникъ не дать процентовъ и заставить болѣе нежели вдвое увеличить и безъ того непосильное обложеніе.

Н. Дружининъ.

Къ психіатрическому вопросу.

Намъ эта статья передана Л. Н. Толстымъ съ слѣдующимъ письмомъ.

«Авторъ этой статьи уже давно тщетно пытался обратить вниманіе общества и правительства на неогражденность у насъ людей отъ возможности заключенія ихъ въ домъ для умалишенныхъ и на тѣ злоупотребленія, которыя совершаются въ этихъ домахъ. Предлагаемой статьей, я думаю, достигнется та цѣль, которой авторъ добивается. Факты, изложенные въ этой статьѣ, такъ ужасны и изложеніе носитъ на себѣ такой несомнѣнный отпечатокъ правдивости, что и общество, и правительство должны будутъ принять мѣры къ тому, чтобы такіе ужасные факты не могли повторяться».

Левъ Толстой.

Сообщеніе въ №№ 16 и 19 *Саратовскаго Листка* за 1899 годъ о дебатахъ въ саратовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи по поводу температуры въ 8—9°, которая зимою постоянно держится съ гигиеническими цѣлями въ земской психіатрической лѣчебницѣ, пробудило во мнѣ воспоминанія изъ неособенно давняго прошлаго о психіатрическомъ больничномъ заведеніи, тоже бывшемъ обыкновенно весьма холоднымъ по зимамъ. Но низкая температура въ немъ держалась не съ однѣми лишь только гигиеническими цѣлями, а и съ нѣкоторыми другими; да и степень холода въ немъ опредѣлялась не градусами термометра, а тѣлесными ощущеніями, почему въ различныхъ его помѣщеніяхъ температура была различна и колебалась отъ сноснаго холода до такого, что водопроводныя, внутри заведенія, трубы лопались отъ замерзавшей въ нихъ воды.

Невольные обитатели одного изъ отдѣленій этого заведенія, о которомъ я хочу рассказать нѣсколько воспоминаній, размѣщались частію въ общихъ палатахъ (большихъ комнатахъ) по нѣскольку человекъ въ каждой, частію же отдѣльно по одному въ небольшихъ помѣщеніяхъ, называвшихся одиночками и раздѣлявшихся на свѣтлыя—съ окномъ и полусвѣтлыя, въ которыхъ окно почти до самаго верха было заложено. Двери какъ общихъ, такъ и одиночныхъ помѣщеній выходили въ одинъ

общій для всѣхъ свѣтлый коридоръ, въ который выходили также двери ванной комнаты и небольшой комнаты, отдѣлявшей коридоръ отъ ватерклозета. Мебельная обстановка въ общихъ палатахъ и въ свѣтлыхъ одиночкахъ состояла исключительно лишь изъ жѣлезныхъ кроватей, почему для завтрака, обѣда и ужина всѣ собирались въ коридоръ и усаживались за однимъ длиннымъ столомъ на скамьяхъ, поставленныхъ вдоль по обѣимъ сторонамъ стола; а если въ свѣтлыхъ одиночкахъ содержались привилегированныя лица, то имъ кушанье подавалось каждому отдѣльно въ его одиночку, въ которую тогда ставили небольшой деревянный столикъ. Въ полусвѣтлыхъ же одиночкахъ рѣшительно уже никакой мебели не полагалось, такъ что помѣщенные въ нихъ должны были и спать и совершать свою трапезу на полу. Содержащиеся въ одиночкахъ—какъ свѣтлыхъ, такъ и полусвѣтлыхъ—раздѣлялись на запертыхъ и не запертыхъ. Незапертые пользовались относительно свободой, имѣя возможность выходить въ общій коридоръ; запертые же должны были оставаться постоянно въ одиночкѣ, выпускаясь оттуда лишь для необходимыхъ отправокъ, да и то не всегда. Осмотръ главнымъ врачомъ всѣхъ содержавшихся въ отдѣленіи производился ежедневно въ опредѣленный часъ, причемъ всѣ, кромѣ запертыхъ и кромѣ тѣхъ, кто не могъ вставать съ постели, вызывались въ коридоръ и, сколько могло помѣститься, усаживались въ одинъ рядъ на скамейкѣ, стоявшей у стѣны для стола, а остальные стояли.

Вентиляція въ заведеніи производилась главнымъ образомъ черезъ средство открыванія форточекъ, находившихся въ окнахъ. Этимъ же путемъ въ холодное время года достигалась надлежащая степень холода, практическое примѣненіе котораго начиналось съ осени и продолжалось всю зиму, причемъ онъ употреблялся двоякимъ способомъ: или въ соединеніи съ влажностью, или одинъ самъ по себѣ.

Первый способъ состоялъ въ слѣдующемъ: въ полусвѣтлой, не содержавшей никакой мебели одиночкѣ, охлажденной открытою форточкою, намачивали болѣе или менѣе сильно весь полъ, и затѣмъ запирали въ ней предназначеннаго для этого субъекта, раздѣвши его или совсѣмъ дочиста, или оставивши въ одной лишь только сорочкѣ. Холодъ побуждалъ къ усиленному движенію, при которомъ естественно выбирались тѣ мѣста, которыя были меньше намочены и которыя поэтому скорѣе другихъ начинали подсыхать. Но какъ только подсыхала значительная часть пола, субъектъ изъ этой одиночки былъ переводимъ въ другую, приготовленную такъ же, какъ была приготовлена предшествующая, то-есть охлажденную и съ сильно намоченнымъ въ ней поломъ. А какъ скоро и въ этой другой подсыхалъ полъ, субъекта переводили опять въ первую одиночку, намочивши въ ней снова полъ, какъ слѣдуетъ. Бывали ли случаи такого перевода изъ одной одиночки въ другую и потомъ обратно въ первую болѣе трехъ разъ, я не знаю; точно также не знаю и научныхъ для подобной процедуры показаній, такъ какъ въ учебникахъ психіатріи ничего объ этомъ найти не могъ; по впечатлѣнію же, оставшемуся у меня, склоняюсь къ заблю-

ченію, что вышеописанный способъ примѣненія холода въ заведеніи имѣлъ не столько медицинское, сколько педагогическое значеніе, научая покорности, послушанію и сговорчивости на всякаго рода условія и требованія.

Другой способъ практическаго примѣненія въ заведеніи холода былъ проще. Открывали форточку въ какой-либо одиночкѣ, а помѣщеннаго туда раздѣвали дочыста и держали такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, оставляя форточку постоянно день и ночь открытою. По какимъ показаніямъ употреблялся этотъ способъ въ заведеніи, я не знаю, но результатъ въ видѣнномъ мною случаѣ лѣченія этимъ способомъ старика получился весьма рѣзкій: развилась быстротечная рожа, окончившаяся вскорѣ смертю.

Вспоминается мнѣ и еще случай смерти, въ которомъ холодъ имѣлъ также нѣкоторое значеніе. Какъ-то въ концѣ уже зимы надзиратель заведенія, осматривая около полудня въ коридорѣ новое верхнее платье на больныхъ, приказалъ вывести тоже въ коридоръ недавно помѣщеннаго въ заведеніе молодого татарина, содержавшагося въ одиночкѣ. Въ коридорѣ вслѣдствіе открытыхъ форточекъ было весьма холодно, а татарина почему-то вывели совершенно раздѣтымъ, въ одной лишь сорочкѣ, и посадили на скамью, стоявшую въ коридорѣ. Долго сидѣлъ татаринъ въ такомъ видѣ и дрожалъ отъ холода, но затѣмъ всталъ и, сдѣлавши нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ по коридору, хотѣлъ войти въ свою одиночку, несмотря на непускавшаго его туда служителя. Завязалась борьба, въ которой приняли участіе всѣ прочіе служителя, бывшіе въ коридорѣ, и втащили татарина сначала въ одиночку, а потомъ черезъ нѣкоторое время отнесли его въ ванную комнату, чтобы обмытъ. Страшные крики его, раздавшіеся по внесеніи его туда, побудили надзирателя, находившагося въ коридорѣ, отправиться также въ ванную, но и послѣ того крики долго не умолкали, раздаваясь по всему заведенію. Чѣмъ вызывались эти крики, я не видѣлъ, но одинъ изъ очевидцевъ рассказывалъ мнѣ впоследствии, что служителя, желая омыть татарина, чему тотъ противился, повалили его на полъ, мяли и били его, причемъ одинъ изъ служителей такъ дакнулъ колѣномъ его грудь, что послышался сильный трескъ, зависѣвшій, по всему вѣроятію, отъ перелома костей груди. Такимъ образомъ цѣль «омыть» была достигнута, но омовеніе это оказалось предсмертнымъ, такъ какъ несчастный, отнесенный послѣ того въ свою одиночку, уже не выходилъ изъ нея и черезъ три дня тамъ померъ.

Замѣчательно отношеніе къ этому случаю врачей, которыхъ въ заведеніи было два: одинъ главный директоръ заведенія, а другой помощникъ его. Первоначально я обратился къ помощнику и во время утренней его визитаци, бывшей на слѣдующій день послѣ происшествія, рассказалъ ему о случившемся. Хотя онъ и выслушалъ меня, но такъ какъ потомъ ни онъ, ни директоръ заведенія ни разу не навѣстили набитаго и измятаго большого татарина, лежавшаго въ своей одиночкѣ безвыходно до самой

смерти, то вскорѣ послѣ нея я обратился къ директору съ вопросомъ: известна ли ему причина этой смерти. Но директоръ, не давши мнѣ даже досказать вопроса, прервалъ меня словами: «коллега, не будьте донощикомъ», и, отвернувшись отъ меня, ушелъ.

Но хотя врачевный персоналъ заведенія и охранялъ такимъ образомъ тайну употреблявшихся въ заведеніи мѣръ при борьбѣ съ непокорностью и непослушаніемъ, однако въ публикѣ все-таки было очень хорошо извѣстно, что заведеніе борется съ этими пороками и для борьбы съ ними имѣетъ въ своемъ распоряженіи многія такія средства, какія нигдѣ еще употребляться не могутъ. И такъ какъ въ прямую зависимость отъ этихъ пороковъ можно поставить всякія несогласія различнаго рода, то, между прочимъ, и при семейныхъ несогласіяхъ и раздорахъ, если прекращеніе ихъ не достигалось ни полюбовнымъ соглашеніемъ, ни другими какими-либо домашними средствами, прибѣгали къ помощи заведенія, которое и принимало на себя, по просьбѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, «лѣченіе» непокорности у другой. Хотя и существовало правило, что пріемъ въ заведеніе долженъ ограничиваться исключительно лишь случаями сумасшествия, но правило это нисколько не стѣсняло администрацію заведенія, такъ какъ она, на основаніи существовавшаго у нея научно-теоретическаго взгляда, могла видѣть и признавать сумасшествіе въ каждомъ человѣкѣ по поводу его рѣчей и поступковъ, какіе бы они ни были. А такъ какъ надобность въ помощи заведенія при приведеніи къ покорности противной стороны наичаще являлась, конечно, у стороны слабѣйшей, то и естественно, что по преимуществу жены помѣщали въ заведеніе своихъ мужей, огорчаясь какою-либо ихъ непокорностію. Но бывали и обратные случаи. Одинъ изъ нихъ произошелъ при мнѣ: стою я однажды въ коридорѣ, недалеко отъ выходныхъ дверей, и вдругъ слышу въ сѣняхъ за дверями отчаянный женскій крикъ: «Да что же это такое! Да какъ же это можно здоровую женщину запирать въ сумасшедшій домъ! Пустите меня! Пустите меня!...» Обращаюсь съ недоумѣніемъ къ стоявшему около меня служителю, а тотъ смѣется и рассказываетъ: «Это жена полицейскаго Х. Знаю я его. Онъ связался съ другой, а она стала ругаться съ нимъ, скандалничать. Вотъ онъ и помѣщаетъ ее сюда... Да это ничего! Подержать ее здѣсь въ женскомъ отдѣленіи, а потомъ онъ опять ее возьметъ къ себѣ». Чѣмъ окончилась эта исторія, не знаю, но думаю, что непокорная жена Х. непременно должна была покориться. Дѣло въ томъ, что всякій помѣщенный подобнымъ образомъ въ заведеніе не выписывался уже изъ него какъ совершенно здоровый человѣкъ, а, признаваясь, хотя и не официально, душевно-больнымъ, отдавался на поруки и во власть помѣстившаго его, отъ усмотрѣнія котораго и зависѣло держать ли его, какъ душевно-больного, у себя, или въ случаѣ непокорности отправить снова для «лѣченія» въ заведеніе.

Такимъ образомъ всякій помѣщенный въ заведеніе, по поводу какой-либо непокорности съ его стороны по отношенію къ другой, необходимо

долженъ былъ покориться, т.-е. удовлетворить тѣ требованія другой стороны, за неисполненіе которыхъ онъ былъ помѣщенъ въ заведеніе, а если же онъ не хотѣлъ или не могъ ихъ удовлетворить, то «лѣченіе» его въ заведеніи продолжалось до тѣхъ поръ, пока не влялся ему конецъ какою-нибудь случайностью или черезчуръ энергичнымъ примѣненіемъ какого-нибудь изъ средствъ, употреблявшихся въ заведеніи. Вотъ одинъ изъ случаевъ, который можетъ быть отнесенъ къ послѣдней категоріи: вскорѣ послѣ смерти татарина, происшедшей отъ черезчуръ энергическаго воздѣйствія на него при его омовеніи, въ томъ же отдѣленіи заведенія померъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ К. дней черезъ 7 послѣ произведеннаго на него тоже черезчуръ энергическаго воздѣйствія. Сильно страдая физически въ эти дни, онъ оставался, однако, въ полномъ сознаніи до самой смерти. По его словамъ, онъ въ заведеніе попалъ вовсе не вслѣдствіе помѣшательства, а потому, что волостной старшина, войдя въ связь съ его женой и захотѣвши поэтому удалить его изъ села, придрался къ нему по какому-то поводу, велѣлъ связать и отвести въ заведеніе. Пробывши нѣкоторое время въ заведеніи, онъ получалъ будто бы отъ врачей обѣщаніе, что его вскорѣ выпишутъ, но исполненію этого обѣщанія помѣшалъ, по его мнѣнію, надзиратель И. П—чь. Этотъ И. П—чь былъ тотъ самый надзиратель, въ присутствіи котораго происходило описанное насильственное омовеніе татарина. Совмѣщая въ себѣ должности надзирателя и фельдшера, И. П—чь раздавалъ лѣкарства и заставлялъ принимать ихъ, наблюдалъ за больными, переводилъ ихъ по своему усмотрѣнію изъ одного отдѣленія въ другое, наблюдалъ также за вентиляціей и вообще имѣлъ въ заведеніи большую силу и значеніе, такъ что дѣйствительно могъ имѣть вліяніе и на выписку изъ заведенія. Но, какъ бы то ни было, справедливо или нѣтъ, а К. думалъ, что онъ оставленъ въ заведеніи по милости И. П—ча, и, считая себя здоровымъ, раздражался до крайности тѣмъ, что И. П—чь заставлялъ его ежедневно принимать лѣкарство. Однажды раздраженіе его дошло до того, что онъ бросился на И. П—ча и вцѣпился было въ него, но, разумѣется, тотчасъ же былъ отстраненъ подоспѣвшими служителями. Послѣ этого К. два раза переводили въ другое отдѣленіе, извѣстное энергією служителей при усмиреніи непокорныхъ, почему въ это отдѣленіе и переводились изъ всѣхъ прочихъ отдѣленій тѣ, на кого признавалось нужнымъ воздѣйствовать посильнѣе и основательнѣе. Оба раза К. возвращался оттуда хотя и сильно избитымъ, но все-таки поправлялся. Въ третій же разъ возвратился до того измѣнившимся, что его трудно было узнать: голова его постоянно тряслась; всѣ движенія были какія-то какъ бы старческія, осторожныя, а при каждомъ неосторожномъ движеніи болѣзненные содроганія его блѣднаго, страшно осунувшагося лица указывали на острую чувствуемую имъ боль; ясные же признаки перелома реберъ и кровоподтеки подъ кожей въ различныхъ частяхъ тѣла дополняли картину и вполне объясняли причину внезапно наступившихъ измѣненій внѣшняго вида К. Возможно ли было и на этотъ разъ поправленіе для К., сказать трудно; но если и было воз

можно, то развѣ лишь при оказаніи надлежащей помощи; вмѣсто же помощи К. не позволяли даже оставаться спокойно въ своей одиночкѣ и, не обращая вниманія на переломъ у него реберь и на чувствуемую имъ вслѣдствіе этого страшную боль при движеніяхъ, его все-таки заставляли надѣвать халатъ, выходить въ коридоръ и садиться тамъ на скамьѣ за столъ вмѣстѣ и заурядъ съ другими на время завтрака, обѣда, ужина и визитаціи директора заведенія. И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока К. дня за два до своей смерти не ослабѣлъ настолько, что былъ окончательно уже не въ состояніи подняться съ постели. Врачи заведенія и въ этомъ случаѣ, несмотря на очевидные признаки внѣшняго насилія, не замѣчали ихъ и ничего не хотѣли о нихъ слышать.

Въ виду подобнаго жестокаго отношенія къ содержавшимся въ заведеніи больнымъ, можетъ быть, подумаютъ, что врачи заведенія были люди вообще жестокіе. Но ничуть не бывало. Оба они пользовались репутаціей людей гуманнѣйшихъ, мягкосердечнѣйшихъ, и весьма возможно, что внѣ стѣнъ заведенія они были дѣйствительно таковыми. Вспоминаю по этому поводу бывшій со мною разговоръ директора заведенія, который, рассказывая о себѣ, припомнилъ, что вслѣдствіе его мягкосердечія замедлилось нѣсколько полученіе имъ степени доктора медицины, такъ какъ невыносимая жалость къ заключенному въ кѣтку кролику, надъ которымъ былъ сдѣланъ опытъ какой-то операци, заставила его отказаться отъ избранной имъ для диссертациіи темы, требовавшей подобныхъ опытовъ. Разговоръ нашъ происходилъ въ коридорѣ заведенія, и я невольно посмотрѣлъ на другую сторону коридора, гдѣ виднѣлось трясущееся, блѣдное, страшно осунувшееся лицо изможденнаго К., доживавшаго тогда свои послѣдніе дни. И точно также невольно припомнилась мнѣ тутъ, изъ какой-то читанной мною повѣсти, барыня-помѣщица, бывшая вообще мягкосердечною, даже до приторности, но до крайности жестоко относившаяся къ своимъ крѣпостнымъ.

Подобное сочетаніе мягкосердечія и крайней жестокости, гуманности и безчеловѣчія представляется обыкновеннымъ явленіемъ у людей, имѣющихъ безусловную, безграничную власть надъ другими, но не имѣющихъ къ нимъ любви и считающихъ почему-либо ихъ не совсѣмъ такими же людьми, какъ они сами. Такимъ образомъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ добросердечныя и гуманныя отношенія считались большинствомъ рабовладѣльцевъ обязательными лишь съ равными, а по отношенію къ подвластнымъ имъ людямъ допускались самыя варварскія жестокости. Такимъ же образомъ объясняются и жестокости, допускаемыя въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ по отношенію къ ихъ невольнымъ обитателямъ, такъ какъ при совершенной недоступности этихъ заведеній для гласности и при положительномъ отсутствіи надъ ними фактическаго контроля всѣ помѣщенные въ эти заведенія подпадаютъ тамъ подъ безусловную, ничѣмъ не ограниченную власть завѣдующихъ ими и, считаясь существами неразумными, оказываются совершенно въ рабскомъ положеніи. А такъ какъ рабство, въ какомъ бы видѣ оно ни существовало, всегда уже дѣйствуетъ деморализующимъ

образомъ на властвующихъ и у большинства изъ нихъ, какъ замѣчено выше, возбуждаетъ свирѣпыя инстинкты по отношенію къ подвластнымъ, то и нѣтъ ничего удивительнаго, что жестокое обращеніе съ содержащимися у насъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ практикуется не въ одномъ какомъ-либо заведеніи, а во многихъ. Въ хроникѣ послѣднихъ четырехъ лѣтъ есть указанія на истязанія и избіенія, произведенныя въ психіатрическихъ заведеніяхъ городовъ: Перми (*Нов. Время*, № 6839), Саратова (*Сарат. Лист.* 1895 г., № 270), Херсона (*Саратовскій Лист.* 1898 г., № 21), С.-Петербурга (*Нов. Вр.*, № 7861), Харькова (*Нов. Вр.*, №№ 8009 и 8014) и Бурашевской колоніи Тверской губерніи (*Врачъ* 1895 г., № 40, стр. 1136, № 41, стр. 1167 и № 45, стр. 1283). А если принять во вниманіе, что психіатрическія больничныя заведенія представляютъ заведенія наглухо закрытыя, и что поэтому лишь только вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ случайностей могутъ сдѣлаться извѣстными совершающіеся въ нихъ ужасы, то нельзя не предположить, что число истязаній и избіеній въ нихъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ, ничтожно по сравненію съ дѣйствительнымъ числомъ.

Однако, можетъ быть, мнѣ скажутъ, что всѣ жестокія истязанія и избіенія производятъ грубая и невѣжественная прислуга заведеній по своему произволу, а администрація заведеній тутъ не причеиъ. Но такъ ли это? Было время, когда въ нашемъ войскѣ унтеръ-офицеры и офицеры, начальствовавшіе надъ солдатами, обращались съ ними жестоко и немилосердно ихъ били даже публично, нисколько не стѣняясь, такъ какъ это было разрѣшено въ видахъ поддержанія дисциплины. Затѣмъ времена измѣнились: бить было запрещено и поддерживать дисциплину приходилось иными средствами. Но грубые и невѣжественные унтеръ-офицеры и нѣкоторые изъ офицеровъ такъ привыкли къ кулачной расправѣ, что находили невозможнымъ обходиться безъ нея, и потому она весьма долго еще продолжала существовать, хотя, конечно, уже не явно. Впрочемъ, были полки, въ которыхъ она прекратилась сразу за послѣдовавшимъ запрещеніемъ, а были и такіе, въ которыхъ она попеременно то прекращалась, то возобновлялась. Все зависѣло отъ командира полка: если былъ не желавшій допускать ни въ какомъ случаѣ кулачной расправы въ своемъ полку,—она въ немъ и не было; если же являлся смотрѣвшій на нее сквозь пальцы, или даже одобрявшій ее (были и такіе), то она процвѣтала во всей силѣ. Конечно, и въ психіатрическихъ больничныхъ заведеніяхъ все зависитъ отъ завѣдующаго заведеніемъ. Если завѣдующій будетъ относиться, какъ специальныйъ врачъ, вполне гуманно и къ находящимся въ его заведеніи душевнобольнымъ, не обвиняя ихъ нисколько и не взыскивая съ нихъ за ихъ поступки, обусловливающимися ихъ болѣзненнымъ состояніемъ, при лѣченіи же будетъ избѣгать примѣненія жестокихъ мѣръ, то по его примѣру и прислуга будетъ относиться къ больнымъ подобнымъ же образомъ, и во всякомъ случаѣ воздержится отъ жестокаго обращенія, если будетъ знать, что оно положительно не допускается въ заведеніи и что всякій изъ прислуги,

при малѣйшемъ проявленіи съ его стороны жестокости по отношенію къ больнымъ, будетъ тотчасъ же удаленъ изъ заведенія. Если же завѣдующимъ будетъ такой врачъ, отношеніе котораго къ больнымъ будетъ по преимуществу не врачебно-медицинское, а дисциплинарно-педагогическое, съ употребленіемъ при этомъ суровыхъ или даже и жестокихъ мѣръ, то, конечно, и прислуга съ своей стороны не остановится уже ни передъ какими жестокостями при приведеніи больныхъ къ покорности и послушанію. Чтобы не быть голословнымъ, укажу на Бурашевскую колонію. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, пока она находилась въ завѣдываніи д-ра М. П. Литвинова, ни о какихъ жестокостяхъ прислуги въ ней ничего не было слышно; вскорѣ же послѣ того, какъ завѣдываніе колоніей перешло къ другимъ лицамъ, было обнаружено два случая избиеній, произведенныхъ прислугой, изъ которыхъ въ одномъ оказался переломъ 17 реберъ и раздробленіе грудины (*Врачъ* 1895 г., № 40, стр. 1136, и № 41, стр. 1167), а въ другомъ—переломъ пяти реберъ (*Врачъ* 1895 г., № 45, стр. 1283). Въ первомъ случаѣ завѣдывавшій колонію хотѣлъ было скрыть избиеніе, признавши за причину перелома реберъ болѣзненное перерожденіе костей, и только при судебномъ слѣдствіи, возбужденномъ почему-то въ этомъ случаѣ, была узнана дѣйствительная причина перелома. Другой случай произошелъ, когда завѣдующимъ колоніей былъ д-ръ С., относительно котораго въ корреспонденціи, напечатанной въ 1896 г. въ *Новомъ Времени* и перепечатанной въ *Саратовскомъ Листкѣ*, было сообщено, что земская психіатрическая больница, въ которой онъ состоялъ прежде, имѣла по отчетамъ въ продолженіе года 100 умершихъ изъ 600 больныхъ. Въ Бурашевской колоніи онъ, примѣняя свою систему, употреблялъ въ видѣ «педагогическихъ мѣропріятій» для сумасшедшихъ различныя наказанія. Такъ въ корреспонденціи разсказывается, между прочимъ, слѣдующій случай: «больной Вончаковъ «за непочтеніе къ доктору» былъ посаженъ въ холодный карцеръ и выдержанъ тамъ безъ постели 4 сутокъ. Озлобленный больной порвалъ на себѣ все платье и, отказываясь все время отъ пищи, стоически несъ наказаніе и мерзъ отъ холода въ карцерѣ съ асфальтовымъ поломъ. Когда служитель сжалился надъ несчастнымъ и протопилъ карцеръ, онъ былъ подвергнутъ за то взысканію со стороны доктора» (*Саратовскій Листокъ* 1896 г., № 35, стр. 3).

Привожу дословно изъ корреспонденціи этотъ случай, потому что и въ томъ заведеніи, о которомъ нѣсколько воспоминаній приведено мною выше, несмотря на грубое часто обращеніе и на крайнюю жестокость, доходившую въ нѣкоторыхъ случаяхъ до смертельныхъ побоевъ, все-таки въ общемъ отношеніи прислуги къ содержащимся въ заведеніи было въ сущности добросердечіе, чѣмъ отношеніе администраціи заведенія. Такъ какъ становилось невыносимо холодно, вслѣдствіе открытыхъ по распоряженію администраціи форточекъ, прислуга иногда закрывала ихъ на нѣкоторое время и давала такимъ образомъ возможность нѣсколько отогрѣться, а должествовавшимъ по назначенію администраціи томиться жаждой—давала поти-

хоньку пить; приговореннымъ къ безвыходному заключенію въ одиночѣ— давала возможность отдохнуть немного отъ угнетающаго вліянія такого заключенія, оставляя ихъ, по ихъ просьбѣ, дольше, чѣмъ слѣдовало, въ ватеръ-клозетѣ и дозволяя при возвращеніи оттуда помедлить нѣсколько въ комнатѣ, отдѣлявшей ватеръ - клозетъ отъ коридора, или даже выпуская на нѣкоторое время прямо въ коридоръ и т. п. Мнѣ могутъ, пожалуй, замѣтить, что администрація заведенія, назначая жестокія, повидимому, мѣры, имѣла въ виду лѣченіе, и что поэтому добросердечіе прислуги, мѣшая лѣченію, приносило больнымъ не пользу, а вредъ. Вдаваться въ подробное обсужденіе подобнаго замѣчанія считаю здѣсь неумѣстнымъ, такъ какъ, указывая на добросердечіе прислуги въ психіатрическихъ у насъ заведеніяхъ, я имѣлъ собственно въ виду указать, что при этомъ ея свойствѣ не можетъ быть особенно затруднительнымъ удержать ее отъ тѣхъ страшныхъ жестокостей, которыя она теперь зачастую проявляетъ. Что же касается до лѣченія, то наука давнымъ давно доказала, что въ дѣлѣ лѣченія и призрачія помѣшанныхъ весьма возможно обойтись безъ всякихъ жестокихъ средствъ. Поэтому примѣненіе холода въ томъ видѣ, какъ выше описано, лишеніе пищи, мученіе жаждой, томленіе одиночнымъ заключеніемъ, способствующимъ, какъ извѣстно, развитію сумасшествія, допущенія побоевъ и тому подобныя средства представляются совершенно напрасною и излишнею жестокостью, если употребляются у помѣшанныхъ, и вопіющимъ злоупотребленіемъ, если употребляются у непомѣшанныхъ, могущихъ содержаться въ заведеніи, какъ, напримѣръ, у выздоравливающихъ, или у попадающихъ въ заведеніе по злоупотребленію.

Легкая возможность злоупотребленій послѣдняго рода обусловливается тѣмъ, что приемъ въ психіатрическія больничныя заведенія не ограниченъ у насъ, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, строгими правилами, а совершается въ большинствѣ случаевъ исключительно по усмотрѣнію завѣдующихъ заведеніями врачей, которые поэтому и могутъ принимать въ заведенія кого имъ угодно. Публикѣ, конечно, не безызвѣстно это, а также не безызвѣстно и существованіе научно-теоретическаго взгляда, по которому всякаго человѣка можно признать душевно-больнымъ. Поэтому и весьма естественно, если взглядъ этотъ примѣняется на практикѣ въ подходящихъ къ тому случаяхъ, какъ, напримѣръ, при семейныхъ неурядицахъ, когда у кого-либо изъ родственниковъ, или изъ членовъ семейства, является недовольство къ главѣ семейства и желаніе взять отъ него его имущество въ свое распоряженіе, а его самого устранить или поворить своей власти. Тогда вскорѣ могутъ быть замѣчены какія-либо странности въ поведеніи главы семейства, въ его поступкахъ или сужденіяхъ, которыя и дадутъ поводъ, сочтя его душевно-больнымъ, отправить въ специальное для такихъ больныхъ заведеніе, заручившись, разумѣется, предварительнымъ на то согласіемъ врача, завѣдующаго заведеніемъ. Въ видѣ примѣра приведу здѣсь случай съ оренбургскимъ купцомъ Дѣвымъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ, потому что дѣло по иску этого купца о возвращеніи

ему подареннаго имъ женѣ своей участка земли разбиралось (6 сентября 1896 г.) въ гражданскомъ отдѣленіи оренбургскаго окружнаго суда. Дѣло это, о которомъ, со словъ *Самарск. Газеты*, было сообщено въ № 209 *Сарат. Листка* 1896 г., возникло слѣдующимъ образомъ: Ф. М. Дѣвѣ, всѣмъ извѣстный въ Оренбургѣ купецъ, подарилъ женѣ своей участокъ земли. При начавшихся у нихъ вскорѣ послѣ того семейныхъ неурядицахъ жена г. Дѣва стала хлопотать о признаніи мужа душевно-больнымъ, чтобы такимъ образомъ посадить его въ сумасшедшій домъ, а все его имущество взять въ свое распоряженіе. Принятія ею съ этою цѣлью мѣры были настолько успѣшны, что дѣйствительно г. Дѣвѣ совершенно неожиданно для него былъ взятъ и заключенъ въ сумасшедшемъ домѣ, изъ котораго ему удалось освободиться лишь только благодаря какимъ-то особо счастливо сложившимся для него обстоятельствамъ. Затѣмъ, хотя по производствѣ полицейскаго дознанія и оказалось, что нѣтъ совершенно никакихъ данныхъ къ признанію г. Дѣва душевно-больнымъ, но жена его продолжала свое о томъ ходатайство и въ подаваемыхъ ею прошеніяхъ отзывалась въ высшей степени оскорбительно о своемъ мужѣ. Въ виду всего этого, г. Дѣвымъ и былъ предъявленъ къ женѣ гражданскій искъ о возвращеніи ею его подарка, разбиравшійся въ окружномъ судѣ. И лишь только вслѣдствіе такого совершенно побочнаго обстоятельства могъ сдѣлаться извѣстнымъ въ печати описанный случай заключенія въ «сумасшедшемъ домѣ», обычный по цѣли, съ которою было произведено заключеніе, и по средствамъ, употребленнымъ для достиженія этой цѣли, но являющійся совершенно исключительнымъ въ томъ отношеніи, что заключенному удалось освободиться.

При обыкновенномъ въ подобныхъ случаяхъ ходѣ дѣла помѣщеніе близкими людьми въ психіатрическое заведеніе кого бы то ни было подъ видомъ душевно-больнаго, съ согласія на то врача, завѣдующаго заведеніемъ, рѣшаетъ судьбу помѣщеннаго, обрекая его на жестокую до чрезвычайности участь. Находясь въ обществѣ помѣшанныхъ и испытывая такое же какъ и они отношеніе къ себѣ больничнаго персонала и другихъ людей, съ которыми случай приведетъ его видѣться, онъ испытываетъ такіа ужасныя душевныя мученія, что необходимо *долженъ* черезъ болѣе или менѣе продолжительное время *дойти до сумасшествія*, если только мучительное его существованіе не прекратится ранѣе, вслѣдствіе примѣненія какихъ-либо средствъ, вродѣ продолжительнаго дѣйствія холода, или вслѣдствіе насилій, могущихъ послѣдовать со стороны сумасшедшихъ, въ обществѣ которыхъ онъ будетъ находиться, или со стороны ухаживающихъ за нимъ служителей. Лишь только у насъ въ Россіи остается еще возможность подвергать другъ друга такой возмутительно-жестокій участи, во всѣхъ же другихъ европейскихъ государствахъ подобная возможность уже устранена. Вотъ что по этому поводу говоритъ вѣнскій психіатръ Крафтъ-Эбингъ: «Но и помимо честнаго исполненія своихъ обязанностей врачами-психіатрами, отъ возможности злонамѣреннаго заточенія въ дома умалишенныхъ вполне обезпечиваютъ современныя законодательства, предписывающія строгое соблю-

деніе извѣстныхъ правилъ, относительно пріема душевно-больныхъ и испытуемыхъ въ психіатрическія заведенія. Поэтому слишкомъ опасливыхъ людей мы можемъ смѣло успокоить увѣреніемъ, что въ наше время такое отвратительное преступленіе, какъ противозаконное лишеніе свободы путемъ содержанія въ домѣ умалишенныхъ, еще менѣе имѣетъ шансовъ на свое осуществленіе, чѣмъ погребеніе челоуѣка заживо» (*Д-ръ Р. Ф.-Крафтъ-Эбингъ*: «Судебная психопатологія». Перев. А. Черемшанскаго. Спб., 1895 г., стр. 531).

Такимъ образомъ современныя европейскія законодательства, несмотря на честное исполненіе своихъ обязанностей врачами-психіатрами, все-таки требуютъ строгаго соблюденія правилъ, при которыхъ противозаконное лишеніе свободы въ домѣ умалишенныхъ представляется совершенно невозможнымъ. И требованіе это нельзя не признать вполне рациональнымъ, если принять во вниманіе, что къ неправильному задержанію въ психіатрическихъ больничныхъ заведеніяхъ могутъ побуждать врачей-психіатровъ весьма сильныя соблазны, а устойчивость противъ такихъ соблазновъ вообще у людей ограничена. Если же еще будетъ существовать увѣренность, что содѣянное по соблазну не только не повлечетъ за собою отвѣтственности, но и останется совершенно неизвѣстнымъ, то сила соблазна увеличивается до того, что противостоять ему при подобныхъ условіяхъ могутъ лишь рѣдкіе, исключительные люди. Поэтому если при существующемъ теперь наглухо замкнутомъ и безконтрольномъ положеніи нашихъ психіатрическихъ заведеній въ нихъ обнаружился бы между прочимъ и такія злоупотребленія, которыя Крафтъ-Эбингъ называетъ отвратительнымъ преступленіемъ, то нечего было бы особенно винить въ нихъ врачей, завѣдующихъ заведеніями, такъ какъ это значило бы винить ихъ за то, что они не принадлежатъ къ рѣдкимъ, исключительнымъ людямъ. То же самое можно сказать и относительно прислуги по поводу производимыхъ ею жестокостей надъ содержащимися въ заведеніяхъ душевно-больными. И у пей, вслѣдствіе глухой замкнутости заведеній и отсутствія надъ ними контроля, необходимо должна явиться увѣренность, что общіе законы, дѣйствующіе внѣ стѣнъ заведенія, не относятся къ находящимся въ заведеніи душевно-больныхъ и что, слѣдовательно, нечего опасаться отвѣтственности за какія бы то ни было надъ этими больными дѣйствія, если только они допускаются врачевнымъ персоналомъ. А деморализованная вліяніемъ такой увѣренности прислуга, при надоедливости ей тѣхъ больныхъ, за которыми ей приходится ухаживать, въ особенности же при неповиновеніи ихъ, конечно, уже не можетъ сдерживать своего противъ нихъ раздраженія и производить жестокія истязанія или избіенія ихъ, остающіяся обыкновенно тайною заведеній, обнаруживающоюся лишь только изрѣдка, вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ случайностей.

Разбирая такимъ образомъ причины, которыми обусловливаются производимыя въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ истязанія и увѣчья пезвольныхъ ихъ обитателей, нельзя не прийти къ заключенію, что для

прекращенія этихъ возмущающихъ общественную совѣсть жестокостей необходимо сдѣлать что-нибудь одно изъ двухъ: или измѣнить существующее теперь глухозамкнутое и безконтрольное положеніе заведеній, или подобрать такой персоналъ въ нихъ, чтобы весь онъ безъ исключенія состоялъ постоянно изъ рѣдкихъ исключительныхъ людей непоколебимой честности и свято исполняющихъ свой долгъ при всякихъ условіяхъ. Но дѣлать подобный подборъ для всѣхъ существующихъ у насъ психіатрическихъ больничныхъ заведеній, разумѣется, нельзя, между тѣмъ какъ установить надъ ними надлежащій контроль, хотя бы по примѣру другихъ европейскихъ государствъ, и сдѣлать ихъ не такъ глухо закрытыми, какъ они теперь, конечно, исполнѣ возможно. А если это будетъ сдѣлано и такимъ образомъ будетъ установленъ въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ порядокъ, при которомъ нельзя уже будетъ разсчитывать навѣрное, чтобы какое-либо изъ содѣянныхъ злоупотребленій могло остаться неизвѣстнымъ и безответственнымъ, то несомнѣнно, что злоупотребленій не будетъ. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ и возможности легкой, вслѣдствіе злоупотребленій, наживы, то если бы между врачами и оказались даже такіе спеціалисты, которые на всякую спеціальность смотрятъ лишь какъ на средство для наживы, они не стали бы стремиться въ завѣдующіе заведеніями, почему мѣста эти и могли бы быть заняты спеціалистами, искренно преданными дѣлу служенія страждущему человѣчеству. А такіе спеціалисты сумѣли бы найти себѣ нужныхъ помощниковъ и подходящую для заведеній прислугу, а также обучить ее надлежащему обращенію съ душевнобольными. И тогда наши «сумасшедшіе дома», составляющіе теперь предметъ ужаса, стали бы представлять безопасныя убѣжища, гдѣ люди съ надломленными и ослабѣвшими въ житейской борьбѣ умственными силами могли бы находить или возстановленіе своихъ силъ, или мирный конецъ.

А. М.

Возмущеніе въ Византіи VI-го вѣка.

(Голубые и Зеленые византійскаго ипподрома.)

Константи́нъ *Великій*, сынъ Констанція Хлора и Елены, сдѣлавшись, послѣ побѣды надъ Лициніемъ, единовластителемъ Римской имперіи, перенесъ столицу имперіи изъ древняго языческаго Рима въ Византію, которую переименовалъ въ Константинополь, т.-е. «городъ Константина» (въ 330 г.). Въ то же время императоръ объявилъ христіанство государственною религіей, вмѣсто господствовавшаго въ Римѣ язычества. Но этимъ отнюдь не установилось торжество христіанства надъ древнею римско-эллинскою религіей. Съ изданіемъ этого закона прекратились гоненія на христіанъ, послѣдователи Христа получили равныя права съ язычниками, но и эти послѣдніе изъ своихъ правъ ничего не утратили. Все управленіе и вся власть въ Римѣ и во многихъ провинціяхъ оставалась въ рукахъ знатнѣйшихъ язычниковъ. Самъ императоръ, въ душѣ своей обратившійся къ христіанству, оставался формально язычникомъ, продолжалъ носить титулъ «*pontifex maximus*» языческой имперіи, хотя и предсѣдательствовалъ въ Никей на первомъ Вселенскомъ соборѣ, установившемъ основныя догматы православія. Но св. крещеніе онъ принялъ только передъ самою своею смертію въ Никомидіи, въ 337 г. Подъ вліяніемъ своей матери, ревностной христіанки царицы Елены, онъ строилъ христіанскія церкви, щедро ихъ одарялъ имуществами, отбираемыми у языческихъ храмовъ, богато украшалъ великолѣпными колоннами и всякими драгоценностями, отвѣтныи у тѣхъ храмовъ, вступать же въ открытую борьбу съ язычествомъ, слишкомъ еще сильнымъ въ большей части имперіи, не рѣшался, какъ равно не касался древнихъ римскихъ учреждений, тѣсно соприкасавшихся съ язычествомъ и съ давно отжившими формами республиканскаго образа правленія. Оказывая покровительство христіанамъ и даже явное предпочтеніе, Константинъ оставлялъ въ Римѣ все неприкосновеннымъ, по старинѣ, и самый Римъ оставался вполне языческимъ городомъ до конца IV вѣка, когда опять вся Римская имперія оказалась подъ единою властью Θεодосія Великаго, силою заставившаго римлянъ закрыть всѣ языческіе храмы, послѣ тяжелой и кровопролитной войны.

Оставляя римлянамъ ихъ древнія политическія установленія и желая, съ тѣмъ вмѣстѣ, сдѣлать излюбленный имъ Константинополь настоящею столицей имперіи, Константинъ перенесъ всѣ римскія правительственныя формы въ Византію, создавъ тамъ сенатъ и консульства, по древнимъ образцамъ, префектуру и преторію, всѣ римскіе титулы и наименованія. Для приданія внѣшняго великолѣпія и блеска своей столицѣ, «Новому Риму», онъ не щадилъ казны на сооруженіе роскошнѣйшихъ дворцовъ и общественныхъ зданій, на украшеніе города колоннами и ставами, по совершенно языческому обычаю, противному христіанамъ, и на построеніе христіанскихъ церквей, изъ которыхъ ни одной, впрочемъ, не посвятилъ ни Христу, ни Богородицѣ. Изъ трехъ построенныхъ имъ христіанскихъ храмовъ одинъ посвященъ *Силѣ Божіей*, другой—*Премудрости Божіей* (Софіи), третій—*Божественному Миру* (Иринѣ). Дабы увеличить населеніе «Новаго Рима», Константинъ старался привлечь и удержать въ Константинополѣ всякими средствами, льготами и привилегіями, отчасти даже насиліемъ, обитателей разныхъ областей, не исключая и древняго Рима. Относительно переселенія въ Византію нѣсколькихъ знатнѣйшихъ римскихъ сановниковъ существуетъ такое сказаніе, что императоръ Константинъ, отправляя ихъ съ войскомъ въ походъ противъ Персовъ, отобралъ у нихъ перстни, которые, какъ извѣстно, служили въ древности именными печатами; написалъ и скрѣпилъ этими печатами письма къ оставшимся въ Римѣ ихъ семействамъ съ приказаніемъ переселиться всѣмъ поголовно въ Константинополь. Самъ же распорядился построить въ новой столицѣ точно такіе же дома, какіе были у каждаго изъ нихъ въ Римѣ, и поселилъ въ нихъ прибывшія семейства, такъ что каждый изъ вельможъ, по возвращенію съ войны, очутился какъ бы въ своемъ прежнемъ римскомъ домѣ. Весьма заманчивымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для привлеченія переселенцевъ въ Византію была такъ называемая «продовольственная премія» *ситуресіонъ*, т.-е. раздача отъ казны хлѣба, масла, вина и топлива всѣмъ, кто обзаведется домомъ въ Константинополѣ. Раздача эта отмѣнена въ 683 г., при императорѣ Иракліи. Дабы облегчить и удешевить постройки, императоръ Константинъ освободилъ отъ всякихъ повинностей въ Константинополѣ архитекторовъ, ваятелей, живописцевъ, каменщиковъ, плотниковъ и вообще всѣхъ мастеровыхъ строительнаго дѣла. Къ мѣрамъ принудительнаго характера относится, между прочимъ, законъ, въ силу котораго всѣ, имѣющіе недвижимое имущество на берегахъ Чернаго моря и Азіи, обязаны были имѣть одинъ, по крайней мѣрѣ, домъ въ Константинополѣ, въ противномъ случаѣ завѣщанія о наслѣдствѣ считались не имѣющими законной силы.

Не рѣшаясь порвать окончательно съ преданіями и обычаями древняго Рима, Константинъ не могъ оставить безъ вниманія и любимыя развлеченія римлянъ, ихъ потѣхи играми и скачками въ циркахъ. Поэтому въблизи императорскаго дворца былъ устроенъ громадный *Ипподромъ* для колесныхъ ристалищъ, сдѣлавшійся вскорѣ обычнымъ мѣстомъ разныхъ государствен-

ныхъ церемоній] и торжествъ. Подъ вліяніемъ возвышеннаго и мягкаго эллинизма, характеръ зрѣлищъ и забавъ кореннымъ образомъ измѣнился, бои гладиаторовъ между собою и съ дикими звѣрами, травли звѣрами беззащитныхъ людей и тому подобныя кровавыя и непристойно жестокія потѣхи суровыхъ римлянъ были окончательно уничтожены и почти забыты въ Византіи. Зато страсть ко всякаго рода процессіямъ, торжествамъ и, въ особенности, къ скачкамъ въ колесницахъ развилась съ необычайной силой у византійцевъ и стала оказывать очень странное вліяніе на дѣла не только государственныя, но и религіозныя, въ новой столицѣ и во всей имперіи. Подъ вліяніемъ этой страсти, весь городъ, начиная съ бѣднѣйшихъ гражданъ и кончая сильнѣйшими вельможами и даже дворомъ царскимъ, раздѣлился на двѣ партіи—*Голубыхъ* и *Зеленыхъ*, принявши такія наименованія по цвѣту туникъ лучшихъ, соперничавшихъ между собою, церковныхъ наѣздивковъ. Партіи эти, возникшія изъ-за праздноя забавы, мало-по-малу, въ силу принадлежности къ той или другой изъ нихъ знатныхъ государственныхъ дѣятелей, приобрѣли значеніе политическихъ партій, и принадлежность къ одной изъ нихъ стала собою опредѣлять приверженность къ тому или иному порядку вещей, на сторонѣ котораго стояли руководители и главы партій.

Христіанское духовенство всегда относилось очень неодобрительно ко всякаго рода зрѣлищамъ и увеселеніямъ, къ церкамъ и театрамъ, считало все это грѣховными соблазнами и «дьявольскими потѣхами». Но оно бессильно было оказать имъ явное противодѣйствіе, ибо язычество было еще слишкомъ вліятельно и даже могущественно въ массѣ населенія, въ высшихъ слояхъ общества и во дворцѣ императора. И неотжившее еще могущество свое язычество проявило весьма грозно для христіанъ, спустя всего четверть вѣка послѣ смерти императора Константина, при второмъ по немъ преемникѣ императорѣ Юліанѣ, названномъ *Отступникомъ* и, несомнѣнно, самомъ опаснѣйшемъ изъ гонителей вѣры Христовой. Черезъ годъ послѣ смерти Юліана (въ 363 г.), пытавшася задавить христіанство средствами чисто-моральными, византійскій престолъ занялъ Валентъ, сынъ Граціана, незначительнаго римскаго сановника родомъ изъ Панноніи. Юліанъ былъ человекъ выдающагося ума, большихъ талантовъ, огромной учености, настоящій философъ конца античнаго міра, мечтавшій сдѣлаться великимъ реформаторомъ язычества, и этимъ самымъ крайне опасный для неокрѣпшаго еще и даже не вполне установившагося христіанства. Валентъ, грубый и жестокій, издавъ указъ, которымъ предписывалъ: «не пада ни пола, ни возраста, ни сана, казнить всѣхъ упорствующихъ въ исполненіи христіанской религіи». Онъ сгорѣлъ 9 августа 378 г. въ Адрианополѣ въ снѣжнѣхъ.

Только въ слѣдующемъ, 379 году, со вступленіемъ на престолъ Θεодосія *Великаго*, христіане могли вздохнуть свободно и сказать, наконецъ, что наступило настоящее торжество христіанства въ Византіи, въ Римѣ и во всей имперіи. Но это было лишь торжество христіанства надъ языче-

ствомъ, такъ какъ внутри самой церкви Христовой происходили жесто-
 ченные раздоры между «православными», послѣдователями догматовъ, уста-
 новленныхъ вселенскимъ соборомъ Никейскимъ, и еретиками, изъ которыхъ
 наиболѣе сильными, устойчивыми и вліятельными были ариане, еutihане и
 манихеи или манихейне. Населеніе Византіи—невообразимая смѣсь утон-
 ченныхъ и извѣженныхъ грековъ, посвященныхъ во всю «эллинскую»
 мудрость, суровыхъ римлянъ, никогда не отдѣлявшихъ религіи отъ государ-
 ства, суевѣрныхъ еракійцевъ, мистиковъ Азіи, склонныхъ вѣрить во все
 сверхъестественное, мечтательныхъ варваровъ, съ младенческими религіоз-
 ными представленіями, смѣсь народовъ трехъ частей свѣта, различныхъ
 культуръ и характеровъ, — это населеніе представляло собою необык-
 новенно подвижную массу, быстро увлекающуюся, капризную, лишен-
 ную твердыхъ и устойчивыхъ традицій, легко воспламеняющуюся до фа-
 натизма, любопытную, падкую до новостей, безумно любящую всякіе
 споры объ отвлеченныхъ матеріахъ. Въ такомъ городѣ всѣ политическія
 и религіозныя разногласія тотчасъ же дѣлались общественнымъ достояніемъ,
 переходили на улицы и площади, волновали умы множества людей, не умѣв-
 шихъ даже уразумѣть сущности и предмета спора. При такомъ располо-
 женіи умовъ вожаки спорящихъ сторонъ,—хотя бы споръ шелъ о рели-
 гіозномъ догматѣ,—старались перенести его на почву наиболѣе доступную
 пониманію народныхъ массъ; извѣстный вѣронсповѣдный догматъ приуро-
 чивался къ подходящей для него политической партіи, стоявшей, въ своемъ
 очередь, въ тѣсной связи съ одною изъ церковныхъ партій—съ Голубыми
 или Зелеными. Въ такомъ положеніи находилось населеніе Византіи, когда
 на престолъ Восточной Римской имперіи вступилъ въ апрѣлѣ 527 года
 еракіецъ Юстиніанъ, сынъ Савватія или Савватіана и Вигиліанціи, сестры
 императора Юстина, происходившаго изъ простаго званія и бывшаго въ
 молодости пастухомъ.

За симъ я попытаюсь разсказать объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій
 царствованія Юстиніана, названнаго *Великимъ*,—о грандіозномъ возму-
 щеніи въ Византіи, въ которомъ главную роль играли церковныя партіи
Голубыхъ и *Зеленыхъ*. Для моего повѣствованія я пользуюсь книгой боль-
 шого знатока Византіи и ея быта, Огюстена Марра (Augustin Marrast)—
La vie Byzantine au VI siècle, причемъ предупреждаю читателя о томъ,
 что мнѣ придется кое-что смягчить и порою умолчать про то, что касается
 интимной жизни супруги Юстиніана, славной императрицы Теодоры, при-
 знанной святою греческою церковью.

I.

Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на византійскомъ тронѣ воз-
 сѣдаютъ самодержавный и равноапостольный *) *василевсъ* Юстиніанъ и его
 благовѣрная супруга *василисса* Теодора.

*) Такое наименованіе входило въ полный титулъ византійскихъ царей, хотя бы
 они были злыми еретиками.

Съ восточной границы, гдѣ знаменитый полководец Велисарій ведетъ тяжелую войну съ персами, не получается никакихъ извѣстій. Городъ въ страшной тревогѣ,—разнесся слухъ, будто Велисарій проигралъ рѣшительное сраженіе на берегахъ Евфрата.

На небѣ являлась грозная комета, направлявшаяся съ запада на востокъ. Ядро кометы, величиною въ дискъ полной луны, уменьшалось, по мѣрѣ ея движенія, а хвостъ разрастался, принимая форму меча. По толкованію нѣкаго монаха праведной жизни, это небесное знаменіе предвѣщало гибель царской семьи и скорое паденіе самого василевса. И предсказаніе это легко можетъ осуществиться. Новая династія, только что основанная крестьяниномъ-оракиѣемъ Іустиномъ, дядею и предшественникомъ Юстиніана, далеко не окрѣпла на престолѣ Византіи. Она имѣетъ противъ себя три могущественныя силы: *Зеленымъ* цирка, религиозныхъ диссидентовъ и приверженцевъ царской семьи, свергнутой съ престола.

Прямыми наследниками императора Анастасія *) были его племянники: патрици Ипацій, Провъ и Помпей, очень богатые, вліятельные, чтимые въ столицѣ, извѣстные арміи. Анастасій держался ученія монофизитовъ, признававшихъ въ Іисусѣ Христѣ исключительно одно естество — божеское. При немъ въ священную пѣснь *Трисагіонъ*: «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ»,—вставлена была основная формула ихъ ученія: «Боже, распятый за насъ, помилуй насъ».

Монофизиты были очень многочисленны въ Константинополѣ и имѣли въ немъ много своихъ церквей. Имъ, говорятъ, оказывала свое покровительство императрица Феодора. Нетерпимость Юстиніана превратила ихъ въ открытыхъ враговъ императора. Василевсъ вновь подтвердилъ постановленія Халкидонскаго собора, осудившаго монофизитовъ, своимъ декретомъ объявилъ ихъ еретиками и повелѣлъ уничтожить ихъ приходы, чѣмъ глубоко взволновалъ столицу.

Но и самъ Юстиніанъ не избѣжалъ подозрѣнія въ ереси. Истинно вѣрующіе упрекали его въ томъ, что онъ будто бы пытается создать нѣчто среднее между арианствомъ и монофизитствомъ; они противопоставляли Юстиніану, какъ высокій образецъ православія, Феодосія, великаго борца противъ арианъ.

Анастасій покровительствовалъ *Зеленымъ*, и сторонники его династии, какъ политическіе, такъ и религиозные, примкнули къ этой партіи, приняли ея цвѣтъ. Наоборотъ, православные вошли въ тѣсный союзъ съ *Голубыми*, приверженцами Юстиніана. Придворные, чиновники разныхъ управленій и всѣхъ ранговъ, судейскіе, агенты полиціи и сыскаго вѣдомства

*) Анастасій, по прозвищу „Дикоросъ“, родомъ иллиріецъ, былъ „селенціаріемъ“ (чиновникомъ особыхъ тайныхъ порученій) при императорѣ Зенонѣ, женатомъ на Аріаднѣ, дочери Льва I. По смерти мужа, Аріадна своими происками доставила престолъ Анастасію и вышла за него замужъ. Онъ коронованъ въ Ипподромѣ 9 апрѣля 499 года, умеръ пораженный громомъ въ 518 г. Послѣ него императоромъ провозглашенъ Іустинъ.

сдѣлались *Голубыми*. Этотъ, такъ сказать, официально правительственный цвѣтъ открывалъ пути ко всякаго рода милостямъ и льготамъ, обезпечивалъ безнаказанность всякихъ несправедливостей и насилій надъ людьми, державшимися иного цвѣта.

Ненависть между обѣими партіями обострилась до того, что общественная жизнь въ Византіи превратилась въ какой-то адъ, причѣмъ нейтралитетъ оказывался совершенно невозможнымъ, даже для иноземцевъ.

Иныя причины, болѣе существенныя, вызывали уже недовольство Юстиніаномъ и грозили союзомъ всѣхъ партій противъ него. Всѣ классы и слои столичнаго населенія съ большою тревогою прислушивались къ разсказамъ о громадныхъ предпріятіяхъ, затѣваемыхъ императоромъ. Говорили, будто онъ торопится какъ-нибудь покончить войну съ персами лишь для того, чтобъ отнять Африку у вандаловъ. Сухопутные и морскіе арсеналы уже работаютъ безостановочно, заготовляютъ вооруженія и военныя машины; безчисленные корабли собраны въ портахъ Византіи и Пирея; производятся усиленные наборы матросовъ на греческихъ островахъ и по Адриатическому побережью. И это, по слухамъ, принимаемымъ за вѣрныя, будетъ лишь первымъ военнымъ предпріятіемъ, задуманнымъ страннымъ завоевателемъ, который, подобно Филиппу II испанскому, хочетъ весь міръ взбудоражить, не выходя изъ своего дворца, не показавшись ни разу на полѣ битвы. Увѣрили, что Африкой онъ не удовлетворится, пожелаетъ забрать Италію, Испанію, Галлію и даже Великобританію. Такія стремленія къ завоеваніямъ называли безумствомъ, такъ какъ имперія съ трудомъ отстаивала свои владѣнія отъ варваровъ на Дунаѣ, отъ персовъ на Евфратѣ. Всѣ были увѣрены въ томъ, что это поведетъ къ нескончаемымъ войнамъ, особенно ненавистнымъ грекамъ, давно утратившимъ чувство патриотизма и воинственный духъ.

Константинъ Великій отстраивалъ свою новую столицу такъ поспѣшно, что, спустя всего столѣтіе, многія изъ его роскошныхъ сооруженій уже разрушались. Гордый Юстиніанъ мечтаетъ теперь заслужить наименованіе второго основателя Византіи, воздвигаетъ мраморные портики и монументальныя форумы на мѣстѣ узкихъ улицъ съ невзрачными домами, въ которыхъ бѣдные люди помѣщались за недорогую плату. Въ предмѣстьяхъ Хризополѣ и Халкидонѣ онъ настроялъ дворцовъ, храмовъ и театровъ, ни въ чемъ не уступающихъ столичнымъ.

На площади Августеонъ возвышается порфирная колонна. На ней стояла серебряная вызолоченная статуя Θεодосія. Юстиніанъ приказалъ замѣнить ее точно такую же своею статуей, и эта выходка зазнававшегося выскочки приводила въ бѣшенство почитателей великаго императора. Ходили слухи, будто онъ хочетъ превзойти самого Соломона, перестроивши храмъ св. Софіи съ невиданнымъ великолѣпіемъ, по плану, принесенному ему ангелами.

Растративши сокровища, накопленныя Анастасіемъ *), Юстиніанъ на-

*) Имп. Анастасій ввелъ въ управленіе строгій порядокъ и разумную экономію, хотя самъ былъ государемъ щедрымъ. Въ свое 27-лѣтнее царствованіе онъ накопилъ

шелъ нужнымъ съ особенною силою приналечь на свою могучую административную машину, отлично приспособленную къ выжиманію послѣднихъ соковъ изъ доведеннаго до отчаянія народа. Василевсъ присвоилъ себѣ монополію торговли наиболѣе рѣдкими товарами, какъ, напримѣръ, шелкъ и издѣлія изъ него, а затѣмъ послѣдовательно забралъ въ свои руки торговлю главными предметами повседнежнаго потребленія. Бупцы поставлены были въ необходимость забирать хлѣбъ, масло и вино въ правительственныхъ складахъ. Съѣстные припасы страшно вздорожали, таможенные пошлины подорвали коммерческіе обороты. Сельское хозяйство погибало отъ непосильныхъ налоговъ. Землевладѣльцы оказались прикрѣпленными къ землѣ обязательствомъ каждаго продолжать занятія родителей. Въ томъ случаѣ, если доведенные до крайности хозяева бросали земли и бѣжали въ чужіе края, казна ничего не теряла, раскладывая недоборы податей на содѣльныхъ владѣльцевъ.

Зато весь персоналъ администраціи, цѣлая армія чиновниковъ и канцеляристовъ, болѣе многочисленная, чѣмъ толпы варваровъ-наемниковъ въ царскихъ войскахъ, не платитъ никакихъ налоговъ, объѣдаетъ провинціи и живетъ на счетъ трудящихся классовъ.

II.

Никифоракій, посланецъ Велисарія, прибылъ изъ Никомидіи. Видѣли, какъ его трирема подошла къ царской пристани и скрылась подъ темными сводами, которыми она оканчивается. Послѣ долгаго доклада императору и императрицѣ, онъ былъ оставленъ во дворцѣ, и Юстиніанъ приказалъ созвать министровъ и важнѣйшихъ сановниковъ на слѣдующій день утромъ.

Гномонъ *) показываетъ пятый часъ ночи, т.-е. около полуночи. Всѣ мирно спятъ во дворцѣ, кромѣ обычныхъ часовыхъ и самого василевса. Подъ вліяніемъ всегдашней тревожной бессонницы, за которую онъ былъ прозванъ «не засыпающимъ царемъ», Юстиніанъ вышелъ изъ кабинета, помолвился въ своей приватной церкви, гдѣ хранятся жезлъ Моисея и сапидалии Христа-Спасителя, и вернулся къ рабочему столу составлять проекты декретовъ и разсматривать планы, представленные зодчимъ Ананіемъ изъ Траллеса **). Покончивши съ этимъ, онъ приваливается на ложе и принимается за чтеніе Евангелія, написаннаго золотыми буквами на окрашенномъ пурпуромъ пергаментѣ, но скоро онъ закрываетъ книгу въ рѣзномъ изъ слоновой кости обкладѣ и направляется въ длинную галерею дворца, выходящую къ морю.

3,200 кентинаріевъ золота, что составляетъ на современную монету 361.132,800 франковъ. Густинъ сберегъ эту казну для Юстиніана, который не только все растратилъ, но еще оставилъ наслѣдникамъ огромные долги.

*) Особого рода часы, солнечные и лунные, очень древніе, бывшіе въ употребленіи еще у вавилонянъ и финикіянъ.

***) Одинъ изъ строителей храма св. Софіи, вмѣстѣ съ Исидоромъ Милетскимъ и магистромъ Игнатіемъ.

Три раза, съ часа на часъ, смѣнялись протоспаэаріи (тѣлохранители императора) въ бѣлыхъ туникахъ, вооруженные длинными копьями и окаймленными золотомъ щитами, а императоръ все еще нервно ходитъ по галлерей, въ которой когда-то любилъ сидѣть его престарѣлый дядя, впавшій въ дѣтство Густинъ, съ своею сестрою Вигиланціей *) и смотрѣть на звѣзды. И Юстиніанъ смотритъ на тѣ же звѣзды, его душа мятется думой о предстоящей ему тяжелой работѣ. Сраженіе, данное Велисаріемъ, было не чѣмъ инымъ какъ блестящею обороною отъ нападенія персовъ. Завтра императоръ представитъ это дѣло въ видѣ рѣшительной побѣды, одержанной его полководцемъ. Ему во что бы то ни стало нужно заключить миръ съ персами, чтобы имѣть возможность всё свои силы направить на арианъ вандаловъ. Но онъ хорошо знаетъ, что это будетъ унижительно для него миръ, купленный дорогою цѣною едва замаскированной дани... Наконецъ, утомленный до изнеможенія, онъ удаляется въ свою опочивальню и забывается тревожнымъ сномъ.

Раннимъ утромъ собираются въ Священныя Палаты созванные царемъ высшіе сановники имперіи. Во главѣ ихъ—патріархъ Анеміи **), консулы того года, Орестъ и Лампадъ, за ними—патриции Ипаеій, Провъ и Помпей, племянники Анастасія, Іоаннъ Каппадокійскій, префектъ преторіи и хранитель царской печати, Леонтій, оберъ-церемоніймейстеръ и государственный министръ, знаменитый законовѣдъ Трибоніанъ и многіе другіе высоко титулованные вельможи ***).

Императоръ отстоялъ заутреню. Евнухи-кубикуларіи получили отъ оберъ-гардеробмейстера пурпурную обувь, отличительный знакъ царскаго достоинства, и положили ее передъ дверью золотого триклиніума. Одинъ изъ евнуховъ стучитъ въ дверь. На этотъ зовъ выходятъ дежурившіе ночью камергеры, уже одѣвшіе императора, берутъ пурпурные сапоги и удаляются съ ними обувать василевса...

III.

Предшествуемый silenzio сѣзды съ золотыми жезлами въ рукахъ и сопровождаемый оберъ-церемоніймейстеромъ, императоръ, облеченный въ шелковую фіолетовую одежду, украшенную медальонами съ павлинами, шествуетъ въ залу совѣта, куда логоветъ, хранитель царской казны, уже ввелъ сановниковъ. Царь садится на широкій золотой тронъ.

Правильныя черты лица Юстиніана, блестящіе глаза, пристальный ихъ

*) Мать Юстиніана.

***) Или Анемій I, бывшій епископъ Трапезундскій, нивложенъ Юстиніаномъ, какъ еретикъ.

***) Я не привожу ихъ необычайныхъ титуловъ, перечисленныхъ въ кодексѣ Θεодосія и по большей части непереводимыхъ, каковы: *Amplitudo tua, illustris auctoritas tua, celsitudo tua, culmen tuum, gravitas tua, sublimis magnificentia tua, praesentia tua, sinceritas tua, solertia tua* и т. п.

взглядъ, яркій румянецъ, не слабѣющій отъ долгихъ постовъ, придаютъ ему необыкновенное сходство съ Домиціаномъ. Верхъ его головы лишень волосъ, почему плѣшивость была тогда въ большой модѣ *). Его корона съ длинными ниспадающими жемчужными подвѣсками состоитъ изъ широкаго горизонтальнаго круга и двухъ скрещивающихся золотыхъ дугъ, надъ которыми возвышается крестъ.

Послѣ обычныхъ метаній (земныхъ поклоновъ) всѣхъ присутствующихъ, царь говоритъ торжественнымъ голосомъ заранѣе подготовленную рѣчь: «*Illustrissimi*, Господь Богъ ниспосылаетъ намъ Свои неисчерпаемыя милости, одновременно съ побѣдою Онъ даетъ намъ прочный миръ **). Послѣ упорнаго боя безчисленныя войска персовъ, подъ предводительствомъ Азарета и Альмандара, были оттѣснены и въ значительной мѣрѣ разбѣяны нашими легіонами, подъ начальствомъ Велисарія. 6,000 невѣрныхъ погибло въ бою. Вслѣдствіе этого пораженія царь персовъ оказался вынужденнымъ вступить въ переговоры о мирѣ, и его послы сошлись съ нашими уполномоченными, Гермогеномъ и Руфиномъ, на Тигрѣ. По заключенному между ними предварительному договору, резиденція дука римской Месопотаміи переносится въ Константину изъ Дары, укрѣпленія которой мы повелѣли срыть.

Царь возвращаетъ намъ взятые имъ города и взаимно получаетъ Фарангумъ и Болъ съ ихъ золотыми присеами. Онъ обязывается защищать тѣснины Кавказа отъ гунновъ и аланъ за ежегодную субсидію въ 110 центинаріевъ золота.

Торговымъ людямъ открывается свободный доступъ во всѣ страны обѣихъ имперій съ платою установленной десятины. Маги не должны препятствовать отправленію христіанскихъ богослуженій.

Предложенія эти я нашелъ удобопріемлемыми, могущими обезпечить намъ вѣчный миръ, и въ этомъ смыслѣ написалъ брату нашему царю персидскому».

При словѣ «братъ», патрицій Христофоръ, извѣстный своимъ высокимъ благочестіемъ, не могъ сдержать движенія, выражающаго неодобреніе. Это не ускользнуло отъ вниманія зоркаго Юстиніана, и онъ сказалъ, обратившись къ Христофору:

«Я раздѣляю твои сомнѣнія, *illustrissimus*, но досточтимый Θεолептъ, епископъ Филадельфій, доказалъ мнѣ, на основаніи Писанія, что можно именовать братомъ даже діавола. Кто знаетъ, быть можетъ, и онъ вернетъ себѣ свое прежнее положеніе?»

Услышавъ эти слова, весьма сомнительнаго православія, еретикъ Трибоніанъ наклонился къ атенсту Іоанну Каппадокійскому и прошепталъ ему на ухо: «Другъ Іоаннъ, вотъ доктрина, которая можетъ тебя совершенно успокоить».

*) Какъ въ недавнее время во Франціи, при второй имперіи, по милости плѣши графа Мориа.

**) Рѣчь эта, украшенная цвѣтами византійской элоквиенціи, мною значительно сокращена.

А императоръ продолжаетъ:

«Побѣдами я умиротворилъ Востокъ, мнѣ предстоитъ совершить большее. Западная имперія исчезла съ лица земли, затопленная волнами нашествія варваровъ.

«Вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ, какъ вандалы овладѣли четырьмя провинціями Африки. Готы оскверняютъ своимъ присутствіемъ городъ св. апостола Петра. Теодорихъ держитъ въ плѣну его епископа. Галлія принадлежитъ бургундамъ, франкамъ и вестготамъ. Последніе захватили и Испанію, кромѣ нѣсколькихъ принадлежащихъ намъ приморскихъ городовъ. На сѣверѣ за Дунаемъ расположились гепиды и славяне. Гунны бродятъ въ Херсонесѣ Таврическомъ *) и вплоть до Кавказа.

«Исключая франковъ, всѣ германскія племена держатся еретическаго ученія Арія. Англо-саксы Великобританіи остаются язычниками. Но я предпочитаю язычниковъ еретикамъ, гордыня которыхъ болѣе преступна.

«И вотъ я задумалъ великое дѣло, а Господь Богъ, содѣйствующій со мною, дастъ мнѣ силы совершить его, возстановить имперію въ тѣхъ границахъ, какія она имѣла при цезаряхъ, утвердить римскій миръ, подчинить варваровъ-еретиковъ и язычниковъ святой православной церкви, нашей воинской дисциплинѣ и стройному порядку законовъ, выработанныхъ нами. Что можетъ быть возвышеннѣе намѣченной нами дѣли? Да дастъ же намъ Господь дожить до того дня, когда единая вселенская церковь будетъ господствовать въ единой всемірной имперіи!

«На Африку направимъ мы наши первые удары. Изнѣженные продолжительнымъ миромъ и разслабляющимъ климатомъ вандалы не выдержатъ напора нашихъ легионовъ, побѣдившихъ персовъ.

«Господь же явилъ себя въ Кареагенѣ угрожающимъ чудомъ: епископъ арианинъ хотѣлъ погрузить одного варвара въ купель крещенія; вдругъ вода засохла, и варваръ убѣжалъ!

«Новый Сципionъ, нашъ славный Велисарій, увѣнчанный лаврами, возьметъ Кареагенъ и уничтожитъ храмы арианъ. Слѣдомъ за четырьмя провинціями Африки, Сицилія, Сардинія и Корсика почтутъ за счастье быть подъ нашимъ императорскимъ скипетромъ, и столица наша, Новый Римъ, обогатится сокровищами и трофеями, похищенными Гензерихомъ изъ Капитолія».

Юстиніанъ смолкъ, гордо выжидая криковъ восторга и удивленія.

Изъ числа слушавшихъ царя нѣкоторые искренно считали его великимъ человѣкомъ, способнымъ возстановить имперію первыхъ цезарей. Большинство же сознавало великую опасность такой заносчивости. Тѣмъ не менѣе всѣ поспѣшили выразить свое рабское восхищеніе:

— Многая лѣта василевсу первосвященнику **)! Твой городъ признаетъ тебя новымъ апостоломъ Павломъ, мудрѣйшимъ борцомъ за вѣру Христову!

*) Херсонесъ Таврическій—Крымъ.

**) Παλλὰ ἑτησίᾳ ἀρχιεπίᾳ Βασιλ. Κωνσταντῖνα Βαγρανородναγο: *de Ceremoniis*.

— Ангелъ истребитель будетъ сопутствовать твоимъ легіонамъ. Твоимъ законамъ подчинятся Востокъ и Западъ. Подобно Августу, ты затворишь храмъ Януса.

— Твои желанія равносильны велѣніямъ божественнымъ!...

Царь распускаетъ «священный» совѣтъ, удерживаетъ при себѣ государственнаго министра и префекта преторіи и съ ними переходитъ въ свой рабочій кабинетъ.

Четыре секретаря едва успѣваютъ писать указы подъ диктовку Юстиніана.

«Полководецъ Велисарій, въ случаѣ перерыва переговоровъ о мирѣ, долженъ избѣгать сраженія въ день св. Прокочія, ибо сочетание созвѣздіи намъ неблагоприятно.

«Вождю маговъ разрѣшается вывезти изъ Константинополя вооруженія для 100 всадниковъ и 500 пѣхотинцевъ, уплативши установленныя пошлины.

«Грамотою за золотою печатью утвердить возведеніе въ митрополию архіепископства Врѣзіи и предоставить самостоятельность монастырю св. Аенногена на горѣ Олимпѣ.

«Логоуетъ казны выдастъ 1,000 серебряныхъ монетъ и 500 шелковыхъ одеждъ на выкупъ стратига Константиноліа, находящагося въ плѣну у гунновъ.

«Разрѣшается стратигу Нарсесу основать въ Хризополѣ монастырь енуховъ, который именовать Обителью Чистыхъ.

«Царекъ лазовъ на Кавказѣ на письмо императора, убѣждавшаго его принять христіанство, отвѣтилъ, что онъ предпочитаетъ, попрежнему, поклоняться лунѣ, такъ какъ отъ христіанъ видѣлъ только насилія и несправедливости».

При этомъ докладѣ лицо Юстиніана, обыкновенно безстрастное, принимаетъ гнѣвное и злое выраженіе. Раздраженнымъ голосомъ онъ диктуетъ приказъ командующему тамошними войсками немедленно вторгнуться въ страну лазовъ, выжечь поля, разрушить города и продать обывателей въ рабство.

«Префекту Константинополя повелѣвается принять мѣры къ расквартированію въ столицѣ и ея окрестностяхъ 70 тысячъ варваровъ, принятыхъ на службу императора.

«По доносу епископа Сиеополя, отрѣшить отъ должности командующаго войсками въ Анатолиіи и вызвать въ Константинополь за то, что онъ публично говорилъ противъ сотворенія ангеловъ.

«Лицинію, правителю Александріи, предписать отправить епископа съ 40 священниками для наставленія въ вѣрѣ жителей Еіоіиіи, владѣтель которой выразилъ склонность къ принятію христіанства».

Императоръ почувствовалъ голодъ. Со вчерашняго дня онъ не принималъ никакой пищи. На золотомъ блюдѣ, осыпанномъ по краямъ драгоценными камнями и расписанномъ эмалью, ему подали варенныя въ водѣ

овощи, политыя олизковымъ масломъ и уксусомъ. Послѣ такого незатѣливаго завтрака, Юстиніанъ продолжаетъ еще нѣкоторое время занимать-ся дѣлами гражданскаго, духовнаго и военнаго управленій. Потому онъ принимаетъ представляющихся ему правителей областей, военачальниковъ, епископовъ, монаховъ и даже простыхъ рабочихъ и крестьянъ, ибо столь гордый властелинъ былъ въ то же время доступнѣйшимъ изъ людей даже для незнакомцевъ изъ самыхъ низшихъ классовъ и любилъ подожду съ ними разговаривать.

Покончивши приемы, царь не остается безъ дѣла, а ради отдыха лишь измѣняетъ родъ занятій, призываетъ магистра Трибоніана и его сотрудниковъ Диоскорида и Θεократа, знаменитыхъ законовѣдовъ, и съ ними работаетъ нѣсколько часовъ надъ нескончаемою мозаикой Пандектовъ.

Выходя изъ кабинета императора, ловкій царедворецъ Трибоніанъ говорить своимъ двумъ товарищамъ:

— Какой дивный человекъ нашъ самодержецъ!

— Я опасуюсь иногда, какъ бы онъ не исчезъ отъ насъ, взятый живымъ на небо, подобно пророку Иліи,—отвѣчаетъ одинъ.

— Онъ, по-истинѣ, божествененъ!—отзывается другой.

IV.

А старые боги все еще были живы и сильны. Выходцы изъ Мегары, основавшіе греческій городъ Византію на мѣстѣ древняго еракійскаго поселка, воздвигли храмъ Палладѣ Эквазіи, близъ западной части Золотого Рога, у берега, къ которому пристали ихъ корабли. Позднѣе, на холмѣ между Золотымъ Рогомъ и моремъ, былъ сооруженъ храмъ Артемидѣ Свѣтоносной, покровительницѣ Византіи, на монетахъ которой изображены полумѣсяцъ со звѣздой, — эмблема, перешедшая впоследствии на турецкія знамена.

Это почитаніе Аѳины-Паллады, Артемиды и Парены, совершенной дѣвы, дающей свѣтъ, благополучіе и чистыя радости, покровительницы всего живого, помогающей женамъ родить, дающей многоплодіе стадамъ и плодородіе нивамъ, обильную добычу рыбакамъ и охотникамъ, естественнымъ образомъ было перенесено византіяцами на Всесовершеннѣйшую Дѣву и Матерь Бога нашего, на Царицу неба и земли, охраняющую Своимъ покровомъ Византію христіанъ, на Пресвятую Богородицу—Панагію *).

Послѣ эдикта Θεодосія, запретившаго отправленіе языческихъ обрядовъ, храмъ Артемиды былъ разрушенъ. Обломки стѣнъ и разбитыя капители колоннъ обозначали мѣсто, гдѣ онъ существовалъ, заросши дикими кустарниками въ тѣни нѣсколькихъ стройныхъ кипарисовъ. Противоположный сеать холма, на которомъ стоялъ храмъ, былъ совершенно пустыненъ. Въ народѣ ходили рассказы о томъ, будто по ночамъ тутъ бродятъ при-

*) Отъ сочетанія словъ: παν—все и αγιος—святой.

видѣнія и появляются демоны. Христіане избѣгали этой мѣстности и далеко обходили развалины этого храма.

Въ самомъ началѣ царствованія Юстиніана нѣкій критянинъ, по имени Альпеноръ, покинулъ свою родину и переселился въ Константинополь, гдѣ построилъ себѣ домъ близъ моря, у подошвы холма, на которомъ когда-то стоялъ храмъ Артемиды. Права тихаго и необщезнательнаго, критянинъ жилъ тамъ съ своими сыновьями и немногими слугами, своими соотечественниками. Каждое лѣто онъ уѣзжалъ куда-то на нѣсколько мѣсяцевъ, — говорилъ, на островъ Критъ.

Этотъ человекъ, скромный и безобидный, повидимому, былъ на самомъ дѣлѣ вожакомъ и душою всѣхъ «эллиниствующихъ», почитателей древнихъ языческихъ боговъ. Во времена Юстиніана и позднѣе оставалось еще много ревностныхъ язычниковъ въ горахъ Греціи и на островахъ Архипелага, и долго самыя суровыя мѣры не могли тамъ уничтожить язычество. Въ странахъ земледѣльческихъ оно сохраняло свои наивныя и народныя формы. Въ Константинополѣ его послѣдователи были немногочисленны, но принадлежали они почти исключительно къ высшимъ слоямъ населенія.

Только образованные и высоко-развитые люди могли удовлетворяться философскимъ политеизмомъ, которому Юліанъ далъ новыя и утонченныя формы и наименованіе «эллинизма». Народъ же, всегда инстинктивно склонный къ идолопоклонству, вполне довольствовался тѣмъ, что ему давала греческая церковь, и искренно смѣшивалъ Панагію Одигитрію съ античною покровительницею города — совершенною дѣвою Аеиною-Палладой.

Юліанъ быстро сталъ легендарною личностью, благодаря своей славной и преждевременной смерти. Въ представленіи очень многихъ онъ былъ великимъ героемъ эллинизма, и не мало было людей, которые не вѣрили тому, что онъ умеръ. Его принимали за Аполлона, воплощеннаго посредника между Зевсомъ и людьми. И не парейское копье прекратило, по ихъ мнѣнію, блестящую дѣятельность возстановителя античнаго культа, а въ шумѣ битвы онъ былъ восхищенъ на небо и возвратится на землю, когда наступитъ время восторжествовать язычеству.

И народъ не забывалъ его, все еще нерѣдко тѣснился вокругъ его мраморнаго саркофага у южнаго портика храма св. Апостоловъ. Его конная статуя все еще красовалась у порта Юліана, и правительство не осмѣливалось уничтожить ее, несмотря на негодующіе крики православныхъ. Эллиниствующіе носили на перстняхъ изображенія императора Юліана, какъ знакъ, по которому они распознавали своихъ ново-язычниковъ.

Эти-то ново-язычники вступили въ сношенія съ патриціемъ Ипазіемъ, племянникомъ императора Анастасія, рассчитывая его именемъ совершить государственный переворотъ, возвести его на царскій тронъ и получить право открыто и свободно отправлять языческіе обряды. Они были увѣрены въ томъ, что народныя массы не замедлятъ применить къ нимъ. Но христіанство пустило уже такіе глубокіе корни и настолько окрѣпло, что

правительство, благорасположенное къ язычеству, было бы уничтожено тотчасъ же. Претендентъ далъ имъ очень уклончивый отвѣтъ, что, однако, не охладило ихъ фанатизма. Они никакъ не хотѣли признать, что небольшая кучка ихъ сторонниковъ представляется совершенно ничтожною въ столицѣ православія, съ ея громадною арміею священниковъ и монаховъ, тысячею церквей и монастырей.

Но все-таки, при всемъ безсиліи своемъ противъ торжествующей церкви Христовой, влиявшіе, какъ интеллигенція столицы, смѣлая, силоченная, воодушевленная крайнею ненавистью, представляла собою элементъ очень опасный для правительства. Юстиніанъ зналъ это и до жестокости усиливалъ суровость мѣръ противъ ново-язычниковъ. Императоръ издалъ указъ, которымъ назначалъ имъ трехмѣсячный срокъ для обращенія въ христіанство. По истеченіи этого срока упорствующіе лишались правъ получать наслѣдства и завѣщать свои имущества, исключались изъ армии и отрѣшались отъ всѣхъ гражданскихъ должностей; имъ воспрещалось даже быть преподавателями и адвокатами.

То же самое угрожало христіанамъ, которые не успѣютъ обратиться къ христіанству своихъ супруговъ или супруговъ и дѣтей. Многіе влиявшіе были арестованы и подвергнуты публичнымъ поруганіямъ и истязаніямъ. Ихъ книги и изображенія ихъ боговъ сжигались на площадяхъ.

Слѣдствіемъ такого усиленнаго гоненія на язычниковъ было трагическое событіе, глубоко взволновавшее столицу. Патрицій Фотій, уличенный въ томъ, что тайно исполнялъ языческіе обряды въ удаленныхъ покояхъ своихъ палатъ, и принуждаемый Юстиніаномъ принять христіанство, покончилъ съ собою ударомъ кинжала. Сторонники Фотія восхваляли его за это, считая его поступокъ проявленіемъ античной доблести; большинство видѣло въ томъ лишь примѣръ отвратительнаго нечестія, доведившій до крайняго напряженія раздраженіе язычниковъ.

Ихъ молитвенныя собранія становились все рѣже, были немногочисленны и устраивались въ уцѣлѣвшемъ подземельи разрушеннаго храма Артемиды Свѣтоносной (*Фосфора*), подъ предсѣдательствомъ Эльпенора, ихъ главнаго жреца и проповѣдника.

То былъ въ Византіи послѣдній пріютъ античной религіи грековъ. Но языческіе боги были еще живы и угрожали боровшемуся съ ними василевсу.

У.

Императрица Теодора, дочь повадильщика медвѣдей, бывшая актриса, поковалась на низкомъ ложѣ, поддерживаемомъ четырьмя павлинами, перья и хвосты которыхъ сдѣланы изъ художественно-подобранныхъ драгоценныхъ камней. Шелковая фіолетовая одежда царицы усѣяна вышитыми золотомъ пчелами; въ ея разрѣзы съ обѣихъ сторонъ видна бѣлая шелковая сорочка, унизанная жемчугами по вороту и рукавамъ.

Царица блестящею красотою гречанки острова Кипра, ея родины. Золо-

тистые волосы, завитые въ мелкія кудри, прикрываютъ ея лобъ отъ одного виска до другого, по модѣ, противъ которой сильно возставали краснорѣчивѣйшіе отцы церкви. Зеленоватые глаза полузакрыты, на щекахъ играть то вспыхивающій, то угасающій болѣзненный румянецъ.

Пурпурные занавѣсы спускаются между серебряными колоннами, поддерживающими потолокъ, изукрашенный арабскими восточнаго стиля. На стѣнахъ, по золотому фону, красуются сдѣланные мозаикой причудливые цвѣты. Полъ устланъ большими мраморными плитами съ зелеными прожилками, напоминающими цвѣтомъ и изгибами рябь моря. По серединѣ комнаты на серебряномъ столѣ, съ инкрустаціей изъ перламутра и слоновой кости, въ китайской курильницѣ медленно горятъ индійскіе ароматы. Бронзовая статуетка Іоанна Златоуста, уста котораго на самомъ дѣлѣ вызолочены, поставлена прямо противъ статуетки спящей Ариадны.

Антонина, дочь колдуньи и вучера, нынѣ «патриціанка опоясанная», супруга славнаго полководца Велисарія, сидитъ у ложа царицы на шелковыхъ подушкахъ. Велисарій, знатнѣйшій вождь своего времени, не устоялъ передъ чарами этой весьма зрѣлой красавицы, бывшей долго актрисой и гетерой. Феодора безукоризненно оберегаетъ свое царское достоинство и честь своего державнаго супруга. Антонина безстыдно измѣняетъ мужу. Императоръ и императрица часто вынуждены вмѣшиваться въ дѣло и составлять семейное согласіе между куртизанкой и героемъ, который не можетъ вырваться изъ-подъ обаянія этой женщины, приворожившей его, по мнѣнію народа, колдовствомъ, унаслѣдованнымъ ею отъ матери.

Императрицѣ извѣстна власть Антонины надъ Велисаріемъ, и она приблизила ее къ себѣ, чтобы черезъ нее держать въ своихъ рукахъ великаго полководца. Антонина, съ своей стороны, достигшая изъ ничтожества столь высокаго положенія, хорошо знаетъ, что она всего лишится съ перемѣною государя и что слишкомъ часто необходимо ей заступничество царя и царицы передъ ея мужемъ, а потому она искренно преданна Феодорѣ...

Лицо императрицы было не только поразительной красоты, но и необыкновенно подвижно и выразительно. Всѣ ея движенія—пластичны и граціозны. При этомъ Феодора обладала совершенно выдающимся умомъ, огромными способностями, рѣдкимъ въ ея время образованіемъ, очень твердымъ характеромъ и удивительною смѣлостью.

Обычная и первая совѣтница Юстиніана, —надъ чѣмъ охотно подсмѣивался персидскій царь Хозрай,—она съ несокрушимой энергіей содѣйствовала осуществленію всѣхъ внушенныхъ ею плановъ. Своимъ тонкимъ женскимъ чутьемъ она угадывала противниковъ, оставаясь для нихъ всегда непроницаемою. Надежныѣе ея не могло быть друга, и не было врага, болѣе упорнаго и безпощаднаго, чѣмъ она. Болѣзненная и изгнѣженная царица, казалось, всю жизнь свою проводила въ безконечныхъ ваннахъ и въ томъ состояніи, которое на Востокѣ называютъ *кейфомъ*; на самомъ же дѣлѣ она находила время принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ государства и оказывать на нихъ самое дѣятельное вліяніе.

Гордый и высокоблагочестивый Юстинианъ возвысилъ до себя дочь ничтожнаго медвѣжатника и посадилъ на первый тронъ въ мирѣ бродячую комедіантку, поддавшися неодолимой страсти, охватывающей съ особенною силой людей сосредоточенныхъ, замкнутыхъ въ себѣ, постоянно занятыхъ тяжелымъ умственнымъ трудомъ. Подобно богу Олимпа, увлекшемуся смертною, самодержецъ Византіи тѣшилъ свое самолюбіе тѣмъ, что рядомъ съ собою посадилъ на свой священный тронъ любимую женщину, взятую имъ изъ подонковъ общества, осыпалъ ее золотомъ и драгоценностями, заставлялъ сильнѣйшихъ міра обоготворять ее.

Начальникъ евнуховъ императрицы появился изъ двери сосѣдней комнаты, гдѣ онъ обычно находился съ своимъ штатомъ дежурныхъ евнуховъ. Онъ принесъ списокъ лицъ, которымъ разрѣшено было въ этотъ день представиться государынѣ. Антонина надѣла на голову царицы легкую діадему изъ филиграннаго золота, украшенную крупными кабошонами, помогла императрицѣ подняться, подвела ее къ золотому креслу, отдѣланному рѣзными камнями и покрытому пурпурною подушкой, а сама стала позади. Каллигонъ, главный евнухъ, ввелъ двухъ епископовъ изъ Малой Азіи.

Послѣ бесѣды о самыхъ мудреныхъ вопросахъ богословія, волновавшихъ Византію и дѣлвшихъ все христіанство на множество ересей, почтенные архипастыри удалились, очарованные милостивымъ приемомъ, большою ученостію и благочестіемъ императрицы. На смѣну имъ былъ введенъ торговецъ Каллій въ сопровожденіи двухъ негровъ, сгибавшихся подъ тяжестью сундуковъ чернаго дерева. Торговецъ принялся раскладывать свои товары: вавилонскіе ковры, газовыя покрывала съ алмазными звѣздами, бронзы съ инкрустациями золотомъ и серебромъ, хитро раскрашенные фарфоры, вазы изъ нефрита и горнаго хрустала,—всѣ сокровища страны шелковъ (Китай, Индія и Тапробана *).

Пересматривая эти роскошныя вещи, Феодора разспрашивала купца о путешествіяхъ.

Онъ только-что прибылъ изъ Діоскоріи, греко-скиѣскаго города у подножій Кавказа, куда ежегодно и въ извѣстное время съѣзжаются на большой торгъ торговцы всѣхъ странъ. Соаны, отравляющіе свои стрѣлы, привозятъ золото, которое они добываютъ въ своихъ рѣкахъ. Сарматы предлагаютъ янтарь, выбрасываемый каждую весну волнами Киммерійскаго моря. Тамъ онъ встрѣтилъ двухъ монаховъ, идущихъ въ Константинополь. Они несутъ императору ячки какой-то «варварской козявки», выпускающей изъ себя нити шелка, которымъ такъ богата страна *Серика* **). Два

*) *Тапробана*,—наименованіе, которое древніе греки и римляне давали острову Цейлону.

**) „Страною шелковъ“ (*Seres* или *Sérica*) византіиды называли Китай, долго хранившій тайну добычи матеріала и выдѣлки шелковыхъ матеріаловъ. Персы давно вели мѣнновой торгъ съ Китаемъ, забрали въ свои руки монополію торговли шелкомъ и снабжали этимъ дорогимъ товаромъ всѣ тогдашніе рынки. Шелковыя ткани успѣли войти въ большую моду у византіидцевъ, сдѣлались почти предметомъ необходимости.

года тому назадъ Каллій побывалъ въ Индіи, куда пробрался черезъ Острію и Красное море, такъ какъ прежній путь сталъ невозможнымъ, по случаю войны съ Персіей. Онъ побывалъ и на Тапробанѣ, чудномъ островѣ, которымъ владѣютъ два враждующихъ между собою царя. Одинъ изъ нихъ очень богатъ драгоценными камнями, имѣетъ множество слоновъ и властвуетъ надъ горами. Другому принадлежатъ хорошо воздѣланныя равнины и приморскій городъ, близъ котораго со дна моря вылавливаютъ жемчугъ. Въ этомъ городѣ пристають корабли грековъ, христіанъ Эѳіопіи, жителей Индіи и даже страны шелковъ, у которыхъ корабельныя снасти сдѣланы изъ волоконъ кокосовыхъ пальмъ. Усердіемъ благочестивѣйшаго императора Ромеевъ Евангеліе проповѣдуется уже въ самыхъ отдаленныхъ и баснословныхъ странахъ. Епископъ управляетъ христіанами св. Фомы на Малабарскомъ берегу, откуда греческіе купцы вывозятъ золотой песокъ, изумруды и благовонія. Въ Тапробанѣ выстроена церковь...

Императрица отобрала у торговца нѣсколько цѣнныхъ вещей и отпустила его. Пріемъ продолжался...

VI.

Противъ сената, на площади Августеонъ, возвышаются статуи Зевса, Минервы, Афродиты, Посейдона съ его грознымъ трезубцемъ. На бронзовыхъ дверяхъ, похищенныхъ изъ храма Артемиды въ Эфесѣ, изображены битвы боговъ съ титанами, скиновъ съ амазонками. Храмъ Св. Софіи, базилика юридической школы, палаты судебныхъ установленій, великолѣпные дворцы окаймляютъ громадный четырехугольникъ императорскаго форума. На колоннѣ изъ порфира красуется конная статуя Юстиніана, замѣнившая собою изображеніе Θεодосія.

Передъ лавкой подъ портикомъ сената сидятъ торговецъ шелкомъ Ксаной и мѣняла Планудій и разсуждаютъ о дѣлахъ, занимающихъ столицу.

— Опять землетрясеніе, Ксаной. Нынче ночью обрушилась часть стѣны Θεодосія Великаго. Оторвалось бронзовое копые статуи Константина и глубоко воткнулось въ землю. И прошло всего восемь дней съ послѣднихъ подземныхъ ударовъ. А царь вѣдь обходилъ городъ съ крестныхъ ходомъ, приказалъ выставить по улицамъ Евангелія и постановленія Халкидонскаго собора.

— Въ огонь бы бросить эти злосчастныя постановленія! — отвѣтилъ

Юстиніану представлялась невыносимою обязанность переплачивать огромныя деньги враждебному народу за товаръ, столь необходимый въ его столицѣ. И вѣжливо усердно искивалъ средства овладѣть тайною этой промышленности, когда два монаха, хорошо ознакомившіеся съ нею въ самомъ Китаѣ, пронесли тайно черезъ всю Азію въ полныхъ камышевыхъ палкахъ грену шелковичныхъ червей. Опытъ съ выводомъ и выкоромъ ихъ удался вполне, въ великому удовольствію императора и къ большой выгодѣ для имперіи.

торговец шелкомъ мѣнялъ. — Не видишь ты развѣ, другъ Планудій, что изъ-за новшествъ-то въ вѣрѣ, вводимыхъ царемъ, на насъ и обрушивается гнѣвъ Божій. При Θεодосіи, истинно православномъ царѣ, вотъ такихъ грозныхъ знаменій не бывало.

— Да развѣ эти одни? Въ устьѣ Сангарія *) появилось морское чудовище, тридцати локтей длины и десяти толщины, опрокинуло лодку и пожрало бывшихъ на ней рыбаковъ. Комета скрылась, но вотъ уже нѣсколько ночей надъ дворцомъ сияетъ красная звѣзда. Въ Византіи скоро будетъ новый властитель.

— Тихе, Планудій! Что если какой-нибудь эпоптъ **)...

— Мы одни, кажется.

— А кто ихъ знаетъ?

— Нынѣшнюю ночью я видѣлъ во снѣ Юстиніана, когда меня разбудилъ подземный ударъ.

— Другъ, расскажи твой сонъ.

— Мнѣ снилось, — заговорилъ мѣняла, — будто я иду по набережной противъ Халкидона. Въ проливѣ стоялъ преогромный великанъ. Я узналъ Юстиніана. Онъ нагнулся и сталъ пить, и выпилъ всю воду. Вдругъ съ разныхъ сторонъ потекли ручьи грязи и всякихъ нечистотъ. Юстиніанъ и ихъ поглотилъ, и проливъ совсѣмъ пересохъ.

— Для уразумѣнія этого сна нѣтъ надобности обращаться къ снотолкователямъ, настолько это похоже на правду, — отвѣтилъ торговецъ шелкомъ. — Первая вода, выпитая великаномъ—это 320,000 фунтовъ золота, накопленные Анастасіемъ и растроченные Юстиніаномъ менѣе чѣмъ въ три года. Ручьи грязи и нечистотъ—то множество денегъ, которое выжимала казна насиліями, конфискаціями и монополіями. Онъ и это растратилъ, и этотъ источникъ прекратится, и пересохнетъ проливъ, погибнетъ имперія.

— Вѣрно, пересохнетъ! Надо платить какія-то субсидіи сарацинамъ, гуннамъ бѣлымъ и чернымъ, лазамъ и всякимъ варварамъ, именъ которыхъ мы даже не знаемъ доподлинно. Много нужно золота на удовлетвореніе роскоши и жадности аристократовъ, на жалованіе чиновникамъ, на содержаніе безчисленныхъ монаховъ. Палаты Константина Великаго, дворцы Елены Августы и Θεодосія оказываются слишкомъ тѣсными и нищенскими для еракійскаго пастуха и для дочери медвѣжатника. И вотъ сынъ Савватія, властитель тѣлъ и душъ, самодержецъ и глава церкви, сдѣлался барышникомъ, фальшивымъ монетчикомъ, скупщикомъ шелка, масла и затхлаго хлѣба. А кто осмѣлится выразить малѣйшее недовольство, того сейчасъ же обвинять въ колдовствѣ, въ злой ереси, въ непотребствѣ!

*) Рѣка въ Малой Азіи, нынѣ *Sakaria*.

**) Въ Византіи называли *эпоптами* своего рода „податныхъ инспекторовъ“, на обязанности которыхъ лежала перепись и провѣрка имущества, подлежащихъ обложенію. Мало-по-малу, они превратились просто въ сыщиковъ тайной полиціи, и по-латыни ихъ стали называть: *visitores*, *inspectores* и *curiosi*.

— Вотъ времечко, Планудій! Правосудія не существуетъ, за деньги все можно купить: судей, свидѣтелей, солдатъ и вельможъ! При дворѣ, какъ и въ арміи, господствуютъ иноземные обычаи и нравы, а мы, греки, вынуждены свой послѣдній оболъ отдавать издѣвающимся надъ нами недавнимъ рабамъ!

— Ксаной, нынѣ нѣтъ уже ни грековъ, ни римлянъ. Мы уже не народъ, а безыменная толпа, сбродъ плательщиковъ, не знающихъ отечества. Безжалостный деспотизмъ распоряжается каждымъ нашимъ шагомъ. Чтобы поѣхать куда-нибудь, чтобы торговать, построить домишко, справиться одежду... на все требуется царское клеймо. На-дняхъ адвокатъ Олимпій говорилъ мнѣ: я не смѣю чихнуть или зѣвнуть изъ опасенія нарушить какое-нибудь распоряженіе.

— А страсть къ постройкамъ!—продолжалъ мѣняла.—Въ три года меня уже четвертый разъ сгоняютъ съ моей усадьбы и уничтожаютъ мои жилища, ради какихъ-то новыхъ сооружений. Мой сосѣдъ, такъ дрянненькій евнухъ, Оливрій, счастливецъ. Его вздумали было выселить, онъ написалъ дерзкое письмо префекту, и его оставили въ покоѣ.

— На то онъ и евнухъ. Правительство благоволитъ къ нему.

— Хоть бы за наши деньги-то оно предоставляло намъ покой и безопасность. Такъ и того нѣтъ. Голубые и мнимые православные безчинствуютъ совершенно безнаказанно. Нѣсколько дней назадъ зарѣзали сына Эпагаза, вчера убили одного торговца лѣсомъ. Нашихъ женъ похищаютъ и насилуютъ. Кредиторы требуютъ уплаты долга съ кинжаломъ въ рукѣ. Чиновникъ, постановляющій рѣшеніе противъ людей партіи, долженъ приготовиться къ смерти, какъ проконсулъ въ Фессалоникѣ, осудившій *Голубыхъ*, былъ вскорѣ зарѣзанъ ихними.

— Да, если бы *Зеленые* сумѣли, въ свое время, подладиться, теперь, вѣроятно, приходилось бы плохо *Голубымъ*.

— Знаешь, Планудій, я рѣшительно не вѣрю тому, что еракійскій па-стушонокъ и дочь медвѣжатника обыкновенные люди. Оба они — не что иное, какъ тѣ кровожадные демоны, которыхъ поэты называютъ вампирами.

— Юстиніанъ-то вампиръ? О, нѣтъ. Онъ просто увалень, которымъ помыкаетъ околдовавшая его жена. Говорятъ, что у него уши движутся, какъ у осла.

— Слушай, извѣстно навѣрное, что Вигиланція передъ смертью призналась въ томъ, что Юстиніанъ не сынъ Савватія или какого-либо другого мужчины, а что ночью къ ней приходилъ демонъ!...

— О, святые угодники! Что ты говоришь, Планудій?

— Протоспаераріи, дежурившіе въ Священныхъ Палатахъ, видѣли своими глазами, какъ василевсъ расхаживалъ по ночамъ, не имѣя на плечахъ головы. Одинъ пустынный изъ Палестины, введенный въ кабинетъ императора, упалъ замертво. Когда его привели въ чувство, онъ увѣрялъ, что видѣлъ самого Сатану на тронѣ...

VII.

Ихъ бесѣда была прервана появленіемъ толпы чело­вѣкъ въ тридцать изъ широкой улицы, ведущей отъ форума Константина къ Августеону. Увидавши прибывшихъ, оба купца, съ выраженіемъ ужаса, поспѣшили укрыться въ лавку и запереть ее за собой.

Выѣхавшіе на площадь люди, почти всё молодые, были одѣты въ стран­ные костюмы: въ островочныя шапки, въ большіе кожаные сапоги, въ плащи съ широкими каймами и красными наплечниками. Они нарядились въ такія полуварварскія одежды отчасти изъ — за простой фантазіи, а также для того, чтобы легче узнавать другъ друга. Въ рукахъ у нихъ были палки или луки, у поясовъ — кинжалы, которыхъ они не думали скрывать, не­смотря на строгое запрещеніе всѣмъ гражданамъ носить оружіе.

То была отборная молодежь *Голубыхъ*, наиболѣе отчаянные и наиболѣе ненавистные члены этой шайки, которая, прикрываясь вѣрностью религіи и царствующей династіи, насильничала и грабила, наводя ужасъ на столицу цивилизованнаго міра. Въ этомъ необычайномъ сообществѣ, профессиональ­ные *bravi* (наемные убійцы), цирковые наѣздки, кашпадокійцы составляли излюбленную компанію молодыхъ людей высшихъ классовъ, погрязшихъ въ долгахъ и развратѣ, и тѣхъ юныхъ аристократиковъ, которымъ каза­лось очень эффектнымъ подражать этому сброду.

Завидѣвши эту подозрительную толпу, мирные обыватели, проходившіе черезъ площадь, торопились уносить ноги. Изъ числа полицейскихъ, весьма многочисленныхъ въ этомъ людномъ мѣстѣ, большинство пересмѣивалось и перемигивалось съ озорниками; остальные подвергались оскорбленіямъ и угро­замъ и благоразумно уходили подальше.

— Вѣчно опаздываешь, Иродіонъ! — сказалъ одинъ изъ *Голубыхъ* только что прибывшему товарищу. — Лучше ли намъ посчастливится, чѣмъ два мѣ­сяца назадъ?

— Это вы о чемъ? — спросилъ наѣздникъ Иларіонъ.

— О приключеніи съ Филиной, женою эмалиера по золоту. Я долго подстерегалъ ее, прежде чѣмъ узнать, что она отправляется съ мужемъ въ Хризополь. Я сѣлъ въ лодку съ Иродіономъ и съ четырьмя другими, и мы ихъ скоро нагнали. Мужъ, оглушенный ударомъ палкой, свалился къ но­гамъ гребцовъ. Супругу я было схватилъ за платье, но она какъ-то вы­рвалась и бросилась въ море. Только ее и видѣли. Такая досада!

— Экое горе! Одной бабенкой меньше — и только. Посейдонъ охотникъ до хорошенькихъ, сдѣлаетъ ее нимфой.

— Ну, а мужъ?

— Узналъ меня и пожаловался. Я просидѣлъ три дня въ тюрьмѣ. Но Балоподій приказалъ выпустить, по просьбѣ патриція Юнилія, принадлежа­щаго къ нашей партіи.

— Да Балоподій изъ нашихъ. Вотъ милѣйшій судья, не то, что Пан-

кратій, злѣйшій нашъ врагъ, отъ котораго мы едва избавились прошлымъ лѣтомъ.

— Знаю, самъ принималъ въ этомъ участіе. Старый Панкратій преспокойно спалъ въ своемъ загородномъ домѣ, когда мы ворвались. Не проснулся, разумѣется. Логоуетъ Алексѣй, его племянникъ, щедро одарилъ насъ за то, что мы избавили его отъ стараго скряги. Мы, впрочемъ, на всякій случай, и сами себя вознаградили, забравши драгоцѣнные камни и золото. Дюжина рабовъ — гунновъ разбѣжалась, благословляя насъ, какъ своихъ избавителей.

— Я никогда не боялся Панкратія, — сказалъ одинъ каппадокіецъ. — Иоаннъ Каппадокійскій всегда выручитъ соотечественника.

— Каппадокіицы насъ скоро совсѣмъ слопаютъ, — возразилъ одинъ изъ грековъ. — Изъ-за нихъ погибнетъ Византія!

— Тебѣ-то что? Развѣ мы не подданные одного съ тобою государя?

— Есть три мерзкихъ К, — спорилъ грекъ, — критянинъ, вилкиецъ, каппадокіецъ.

Они уже готовы были подраться, но ихъ розняли.

— Молодые люди, — вступился старикъ писецъ, невѣдомо какъ попавшій въ эту шайку, — я весьма опасаясь, какъ бы такіе ваши подвиги не кончились очень плохо для васъ и для нашей партіи. Клянусь Басторомъ и Полуксомъ, длиться это не можетъ. Императоръ сквозь пальцы смотритъ, но крайне недоволенъ. Я уже чувствую приближеніе грозы.

— Юстиніанъ насъ выдастъ? А кто же защититъ его отъ Зеленыхъ и отъ еретиковъ?

— Добрыя вѣсти отъ Голубыхъ Антиохіи! Одержали блестящую побѣду на осеннихъ скачкахъ!

— Это и намъ предвѣщаетъ побѣду назавтра. Изъ Александріи много нашихъ пріѣхало, и съ ними знаменитый наѣздникъ Агаееноръ.

Одинъ изъ Голубыхъ, отдѣлившійся отъ ихъ толпы съ четверть часа назадъ, прибѣжавъ обратно, крича: «Вдѣтъ, ѣдетъ! уже миновалъ церковь святаго Діоміда».

Онъ извѣщалъ о приближеніи Марка серебряника, особенно ненавистнаго Голубымъ. Римлянинъ родомъ, богатый, набожный, онъ былъ приверженцемъ династіи Анастасія, прикинулъ къ партіи Зеленыхъ и не стѣнялся дѣлать непріятное Голубымъ. Еще недавно, виѣстъ съ депутаціей Зеленыхъ, онъ жаловался императору на правителя Исаврїи, который безъ суда приказалъ казнить троихъ изъ нихъ. Юстиніанъ оставилъ жалобу безъ вниманія, а черезъ три дня правитель Исаврїи былъ убитъ неизвестными людьми, при выходѣ изъ дворца. Въ этомъ убійствѣ заподозрили доведенныхъ до отчаянія Зеленыхъ.

Едва Маркъ выѣхалъ на площадь, какъ изъ толпы на него полетѣли стрѣлы и камни. Лошадь Марка, раненая нѣсколькими стрѣлами, сбила всадника, и онъ, хотя тоже раненый, успѣлъ вбѣжать въ храмъ св. Со-

фіи. Толпа *Голубыхъ* остановилась у дверей святого убѣжища. Но пятеро изъ нихъ, самые неистовые, бросились за несчастнымъ. Онъ подбѣжалъ къ статуѣ св. Елены Августы и припалъ къ ея колѣнамъ. Елена Августа, за свое милосердіе и благочестіе, была особенно чтима византіяцами, почти наравнѣ съ Панagioй (Пресвятою Богородицей). Два священника поспѣшили было на помощь Марку, но были избиты и убѣжали. Маркъ, пораженный нѣсколькими ударами вѣнжала, упалъ мертвымъ къ подножію статуи. Убийцы сняли съ него шелковое платье, дорогое ожерелье, перстни и скрылись. Священники положили его тѣло въ отдѣленіе для оглашенныхъ и вечеромъ отдали его семейству.

М. Рензевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ближайшія задачи московскаго общественнаго управленія по благоустройству города и средства къ ихъ осуществленію.

Сравнивая внѣшнее благоустройство г. Москвы съ такимъ же европейскіхъ городовъ, нельзя не замѣтить, что Москва не только значительно отстала отъ нихъ въ этомъ отношеніи, но и нѣтъ, повидимому, никакой надежды, что въ недалекомъ будущемъ она пойдетъ по пути надлежащаго развитія болѣе быстрыми шагами, чѣмъ шла до сего времени. Напротивъ, все указываетъ на то, что съ каждымъ годомъ отсталость Москвы по части наружнаго благоустройства, въ сравненіи съ другими столичными центрами, все замѣтнѣе и замѣтнѣе будетъ бросаться въ глаза и все невыгоднѣе и невыгоднѣе отзываться на благосостояніи городскихъ обывателей. Большіе города уже теперь создали такіа громадныя требованія относительно необходимыхъ удобствъ городской жизни, что для полнаго удовлетворенія ихъ потребны и громадныя средства. Требованія эти однако не останутся постоянными: они не только постепенно измѣняются, приспособляясь къ лучшимъ условіямъ жизни, но и увеличиваются количественно. Техника и санитарія постепенно совершенствуются, производятся подробныя изслѣдованія условій городской жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ открываются все новыя и новыя язвы этой жизни, раздаются настоячивые голоса къ ихъ устраненію и сообразно съ этимъ увеличиваются и требованія къ созиданію здоровыхъ условій существованія и къ организаціи, и облегченію совершающихся въ городѣ процессовъ производства и распредѣленія продуктовъ. Какъ бы долго ни откладывалось исполненіе этихъ требованій, обыватели въ концѣ-концовъ потребуютъ тѣхъ удобствъ, которыя сдѣлались столь необходимыми при новыхъ условіяхъ жизни и не останутся для этого ни передъ какими затратами. А что затраты эти будутъ громадны и что съ каждымъ потеряннымъ для улучшеній годомъ онѣ будутъ возрастать въ высокой степени, въ этомъ врядъ ли можетъ быть какое сомнѣніе. Дѣйствительно, съ торгово-промышленнымъ развитіемъ и ростомъ городовъ, жизнь въ нихъ дѣлается болѣе дорогой, увеличивается цѣнность

недвижимой собственности, рабочихъ рукъ и матеріаловъ; то, что десятокъ лѣтъ тому назадъ можно было сдѣлать съ сравнительно небольшими затратами, въ настоящее время требуетъ уже значительныхъ расходовъ, а съ каждымъ прожитымъ годомъ будетъ требовать, конечно, еще большихъ.

Москва, несмотря на ея гигантскій въ послѣднее время ростъ, сильно отстала по части благоустройства не только отъ большинства европейскихъ, но даже и отъ многихъ русскихъ городовъ, и для того, чтобы наверстать потерянное время, необходимо приложить громадную энергію и настойчивость къ проведенію въ возможно ближайшемъ будущемъ тѣхъ крупныхъ мѣропріятій, безъ которыхъ правильный ростъ города не можетъ совершаться. Мѣропріятія эти должны быть не только зрѣло и безпристрастно обдуманы, но и намѣчены тѣ средства, посредствомъ которыхъ можно съ полнымъ успѣхомъ прийти къ скорѣйшему осуществленію ихъ. Чѣмъ полнѣе эти мѣропріятія будутъ разработаны, чѣмъ скорѣе они будутъ проведены въ жизнь, тѣмъ большихъ выгодъ можно ожидать отъ нихъ для городской жизни и тѣмъ большая благодарность будетъ заслужена отъ ближайшаго потомства. Въ чемъ же должны заключаться эти необходимыя мѣропріятія? Не касаясь вопроса въ полномъ его объемѣ, по крайней его сложности, въ предлагаемой статьѣ сдѣлана лишь попытка намѣтить въ краткихъ чертахъ тѣ главныя улучшенія, которыя должны коснуться только внѣшняго благоустройства Москвы, поскольку это послѣднее можетъ служить къ созиданію необходимыхъ удобствъ и здоровыхъ условій жизни.

Начнемъ съ плана города.

Какъ извѣстно, въ настоящее время заканчиваются работы по составленію плановъ регулированія проѣздовъ г. Москвы главнымъ образомъ по ширинѣ ихъ. Для составленія плановъ регулированія потребовалось нѣсколько лѣтъ, для осуществленія же проектныхъ линій въ натурѣ требуется, конечно, не одинъ десятокъ лѣтъ. Но и съ окончаніемъ этой работы не будетъ достигнуто полной регулировки городскихъ проѣздовъ. Всякій проѣздъ кромѣ ширины имѣетъ еще продольный и поперечный профили. Для города имѣютъ большое значеніе не только ширина и расположеніе проѣздовъ, но въ той же, если еще не въ большей, мѣрѣ продольный и поперечный профили проѣздовъ. Для упорядоченія профилей проѣздовъ городомъ не сдѣлано пока ничего или сдѣлано очень мало. Регулировка проѣздовъ по профилю была совершенно забыта при составленіи программы работъ по регулированію, а между тѣмъ планъ и профиль проѣзда составляютъ одно цѣлое и взаимно дополняютъ другъ друга.

Никто не станетъ отрицать того факта, что городъ Москва, вслѣдствіе своихъ топографическихъ условій, болѣе чѣмъ многіе другіе города, нуждается въ удобныхъ путяхъ сообщенія. Приглядываясь болѣе внимательно къ существующему профилю городскихъ проѣздовъ, нельзя не замѣтить, что профиль этотъ въ очень многихъ случаяхъ можетъ быть измѣненъ на болѣе правильный и удобный для проѣзда и прохода публики, и притомъ

измѣненія эти не потребуютъ для своего осуществленія ни крупныхъ затратъ, ни продолжительнаго времени, но въ то же время въ Москвѣ существуютъ и такіе проѣзды, профиль которыхъ или совсѣмъ нельзя радикально измѣнить, или же, наконецъ, хотя и возможно, но въ очень продолжительное время, путемъ постепеннаго осуществленія цѣлаго ряда проектныхъ линій для одного и того же проѣзда.

Такимъ образомъ осуществленіе вполне удобнаго профиля городскихъ проѣздовъ, поскольку это достижимо при особыхъ топографическихъ условіяхъ города Москвы, возможно только въ отдаленномъ будущемъ, ибо осуществленіе это тѣсно связано съ капитальной перестройкой многихъ изъ существующихъ зданій.

Принимая во вниманіе быстрый ростъ и начавшуюся перестройку города, а вмѣстѣ съ тѣмъ все возрастающія требованія возможныхъ удобствъ для городской жизни, нельзя не признать, что предварительная работа по составленію плановъ регулированія проѣздовъ въ полномъ ея объемѣ должна быть исполнена немедленно. Проведенію въ жизнь созрѣвшей уже потребности въ усовершенствованнымъ мостовымъ, электрическимъ трамваямъ, канализациі, водопроводу и т. п., несомнѣнно должна предшествовать выработка такихъ профилей для городскихъ проѣздовъ, которые отвѣчали бы въ возможной мѣрѣ удобствамъ, какъ пути сообщенія, ибо въ противномъ случаѣ впоследствии придется считаться съ очень крупными затратами на передѣлку уже сдѣланнаго.

Самое собою очевидно, что пока городъ не возьметъ на себя указанія линіи постройки домовъ параллельно выработанному ранѣе продольному профилю проѣздовъ, какъ это сейчасъ дѣлается для линіи построекъ по ширинѣ проѣздовъ, и не будетъ строго слѣдить за исполненіемъ его указаній въ натурѣ, до тѣхъ поръ никакое серьезное улучшеніе городскихъ проѣздовъ, какъ путей сообщенія, а также улучшеніе санитарнаго состоянія затопляемыхъ полыми водами мѣстностей въ Москвѣ—немыслимы.

Относительно составленнаго уже плана регулированія проѣздовъ по ширинѣ слѣдуетъ замѣтить, что хотя работа эта и дала въ общемъ очень цѣнный плановой матеріалъ, но совершенно не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя въ настоящее время принято преслѣдовать при составленіи плановъ регулированія *). Въ данномъ случаѣ преслѣдовались не нужды быстро развивающагося города, а лишь нѣкоторая правильность проѣздовъ, не требующая, однако, сколько-нибудь значительныхъ затратъ на свое осуществленіе, и вся регулировка, въ большинствѣ случаевъ, сводилась къ урѣзкѣ выступающихъ отдѣльныхъ зданій подъ общую линію существующихъ построекъ; въ незастроенныхъ же частяхъ города, гдѣ строго опредѣлившихся проѣздовъ еще не существуетъ, таковыя проектировались или по городскимъ землямъ или же по межамъ частныхъ владѣ-

*) См. правила, выработанныя прусскою строительною академіей. *Неделя Строителя*, 1899 г., № 5.

ний на значительномъ другъ отъ друга разстояніи и иногда значительно искривленными. Не трудно, однако, видѣть, что въ вопросѣ о регулировкѣ города финансовая сторона дѣла должна стоять на второмъ планѣ. Нельзя мѣривою необходимости считать только существующее положеніе вещей, необходимо заглянуть немного впередъ, необходимо проектировать планъ города такъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ не потребовалось несравненно большихъ затратъ на вторичное регулированіе и, истративъ теперь нѣсколько больше, чѣмъ это предположено, сэкономятъ въ будущемъ значительно.

Такъ какъ составленный планъ регулированія будетъ осуществленъ не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, то не трудно оцѣнить и ту пользу, которую онъ можетъ принести по истеченіи большого промежутка времени. Очевидно, что такой планъ не нуженъ настоящему поколѣнію, такъ какъ оно не успѣетъ воспользоваться его плодами и не совсѣмъ пригоденъ для будущаго. Это не есть цѣльная законченная работа, это есть лишь слабая и притомъ, какъ было уже объяснено, односторонняя попытка подойти къ одному изъ самыхъ первыхъ и наиболѣе существенныхъ для всякаго города вопросовъ о размѣрахъ и расположеніи проѣздовъ, долженствующихъ служить для наикратчайшаго и удобнаго сообщенія между различными частями города. При настоящемъ порядкѣ вещей въ будущемъ потребуется постоянная, непрерывная работа по приспособленію регулированныхъ частей города къ измѣняющимся условіямъ жизни. Въ виду же начавшейся перестройки города гораздо удобнѣе сразу проектировать его планъ, соображаясь съ потребностями будущаго времени. Только такое рѣшеніе вопроса будетъ наиболѣе выгоднымъ и можетъ дать вполне хорошіе результаты. Характерный примѣръ въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляетъ Парижъ. Только благодаря работамъ по регулированію центральной части города и особенно пригородовъ, исполненнымъ по проектамъ Гаусмана и Наполеона въ періодъ времени съ 1852 по 1870 гг. Парижъ получилъ удобную распланировку и правильный ростъ. Правда, преобразования эти сдѣланы были слишкомъ быстро и потому потребовали громадныхъ расходовъ; они сдѣланы были слишкомъ смѣлою рукой, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, не жалѣя старинныхъ памятниковъ искусства, которыхъ такъ много было въ центральной части города въ видѣ величественныхъ храмовъ и монастырей, принадлежавшихъ различнымъ орденамъ, но зато они дали и громадные удобства для текущей городской жизни. Въ наше время такіе способы для необходимыхъ перепланировокъ города уже недопустимы, но зато современная техника указываетъ намъ другія средства къ достиженію тѣхъ же цѣлей; она предлагаетъ заранѣе намѣчать необходимыя измѣненія въ планѣ города, а также пользоваться передвиженіемъ существующихъ построекъ съ одного мѣста на другое и только въ дѣйствительно необходимыхъ случаяхъ сломкою ихъ.

Москва, хотя и очень древній городъ, не имѣетъ однако такихъ лаби-

ринтовъ улицъ, какіе имѣлъ, наприм., Парижъ до его перестройки въ 1852—1870 гг. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время планъ Москвы нуждается во многихъ крупныхъ преобразованіяхъ. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя окраины города. Москва въ последнее время стала быстро расти и далеко ушла за городскую черту, опредѣленную еще при Екатеринѣ II Камеръ-Коллежскимъ валомъ. Такъ какъ граница эта давно уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то еще въ 1879 г. по соглашенію съ земствомъ и затѣмъ въ самое последнее время при составленіи плановъ регулированія проѣздовъ, сдѣланы были вполне понятныя попытки значительно расширить границы города. Большая бѣда, однако, въ томъ, что присоединеніе пригородовъ слишкомъ запоздало, пригороды эти почти сплошь застроены и притомъ застроены безъ заранее составленнаго общаго плана, безъ предварительной необходимой планировки мѣстности. Принимая въ свое вѣдѣніе эти хаотическія поселенія, городъ не можетъ остаться по отношенію къ нимъ только равнодушнымъ зрителемъ, онъ принужденъ будетъ привести ихъ въ должный порядокъ, соотвѣтствующій современнымъ требованіямъ городской жизни. Съ проведеніемъ новыхъ желѣзнодорожныхъ линій и осуществленіемъ окружной дороги, должно начаться быстрое заселеніе незастроенныхъ еще мѣстностей по окраинамъ Москвы; фактическая граница города уйдетъ уже за линію окружной дороги, и городу опять придется хлопотать о присоединеніи новыхъ пригородовъ, настолько же неблагоустроенныхъ, какъ и тѣ, которые онъ получаетъ теперь, опять придется составлять планы регулированія для этихъ частей, опять придется заботиться о приведеніи ихъ въ должный порядокъ. Съ увѣренностью можно предсказать, что при такомъ положеніи вещей бюджетныхъ средствъ города не хватитъ даже и на удовлетвореніе обыденныхъ мѣстныхъ нуждъ, какъ этихъ средствъ не хватаетъ теперь на поддержаніе въ должномъ порядкѣ всѣхъ существующихъ сооруженій, состоящихъ уже въ вѣдѣніи города.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ интересахъ города необходимо теперь же измѣнить установившуюся систему застройки окраинъ. Городъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ въ заселеніи пригородовъ, такъ какъ эти послѣдніе неминуемо должны перейти въ его вѣдѣніе; городъ долженъ разрѣшать поселеніе только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя предварительно регулированы, сообразуясь съ общимъ планомъ города, которыя еще до застройки вполне благоустроены. Только въ такомъ случаѣ пригороды не сдѣлаютъ города банкротомъ.

Единственный способъ сдѣлаться хозяиномъ въ заселеніи пригородовъ это скупка близлежащихъ мѣстностей, какъ незастроенныхъ, такъ отчасти и застроенныхъ уже, и постепенное, по мѣрѣ потребности, приведеніе ихъ въ благоустроенный видъ, т.-е. планировка, регулированіе проѣздовъ, замощеніе и устройство тротуаровъ, прокладка сточныхъ и водопроводныхъ трубъ, освѣщеніе, устройство удобнаго и быстрого сообщенія съ городомъ и, наконецъ, сдача свободныхъ участковъ земли въ долгосрочную

аренду под постройки. Само собою очевидно, что затрата на такое дѣло нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ изъ заемныхъ суммъ сторицею окупится и будетъ давать солидный процентъ на капиталъ, вслѣдствіе прогрессивнаго возрастанія цѣнности земли, а главное, не потребуетъ отъ города тѣхъ громадныхъ и непроезжихъ расходовъ, на которые только что было указано. Крайне безпорядочная и въ то же время очень быстрая застройка пригородовъ есть одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ общественнаго благоустройства, на которомъ городъ, можно сказать, ежегодно теряетъ громадныя суммы и все болѣе и болѣе связываетъ себя. Какъ ни одинъ владѣлецъ даже маленькаго участка земли не станетъ застраивать его, прежде чѣмъ не обдумаетъ, какъ удобнѣе расположить на немъ строенія, такъ тѣмъ болѣе городъ, въ виду еще большей сложности вопроса, отнюдь не долженъ строиться безъ заранѣе составленнаго и строго обдуманнаго плана и необходимыхъ предначертаній.

Какъ ни очевидна приведенная здѣсь мысль о застройкѣ пригородовъ, къ сожалѣнію, она до сихъ поръ еще не вошла въ общее сознаніе.

Кромѣ регулировки городскихъ проѣздовъ по ширинѣ и продольному и поперечному профилямъ, въ послѣднее время стала примѣняться еще регулировка по высотѣ или правильнѣе сказать по фасадамъ строящихся зданій. Несомнѣнно, что нѣкоторый порядокъ въ постройкѣ зданій, соответствіе архитектурныхъ линій ихъ, примѣняясь, конечно, къ условіямъ жизни въ данной части города, дѣлаетъ улицу болѣе правильной и красивой и потому не долженъ игнорироваться при разрѣшеніи частныхъ построекъ.

Городскіе проѣзды, какъ пути сообщенія нуждаются еще не въ одной регулировкѣ, они должны быть также приведены въ состояніе, удобное для проѣзда экипажей и прохода публики. Въ этомъ отношеніи устройство на проѣздѣ гладкой и въ то же время безшумной мостовой и хорошихъ тротуаровъ не считается въ настоящее время роскошью для большихъ городовъ, такъ какъ оно очень выгодно въ санитарномъ и даже финансовомъ отношеніяхъ *).

*) Простой расчетъ показываетъ всю выгоду замѣны обыкновенной булыжной мостовой—усовершенствованной. Такъ, наприм., если принять, что при замѣнѣ булыжной мостовой—торцовой деревянной, сила тяги лошади уменьшится въ $2\frac{1}{2}$ раза (по англійскимъ опытнымъ даннымъ, это справедливо при сравненіи деревянной торцовой мостовой съ макадамомъ, при сравненіи же съ булыжной мостовой эта разница должна быть еще больше), то на перевозку тѣхъ грузовъ, которые въ настоящее время приходится перемѣщать по городу, потребуется въ $2\frac{1}{2}$ раза меньше лошадей. Принимая для расчета статистическія данныя 1894 г. о числѣ лошадей въ Москвѣ, занятыхъ перевозкою грузовъ по городу (18,158), получимъ, что при замѣнѣ булыжной мостовой—деревянной торцовой для суточной работы потребуется всего $13158:2,5=5,263$ лошади, т.-е. на 7,895 лошадей меньше. Считая стоимость работы одной лошади въ день—2 рубля, отъ уменьшенія числа лошадей получимъ экономію $7,895 \times 2=15,790$ рублей или въ годъ $15,790 \times 300=4,737,000$ рублей. Если къ тому же принять во вниманіе ту порчу лошадей и экипажей которыя происходятъ отъ движенія по обыкновенной булыжной мостовой и которой въ большей или меньшей

Особыя условія жизни въ такихъ городахъ требуютъ такого покрытія проѣздовъ, которое бы не только облегчало передвиженіе по нимъ грузовъ и пассажировъ, но также, и притомъ главнымъ образомъ, было гигиенично; послѣднее же условіе заставляетъ употреблять дорого стоящія покрытія изъ асфальта, камня и дерева на прочномъ бетонномъ основаніи. Отъ мостовой въ большихъ городахъ требуется, чтобы она была прочна, гладка, по возможности безшумна, удобна для очистки и непроницаема для нечистотъ. Такими качествами въ большей или меньшей мѣрѣ обладаютъ многія устройства, изъ которыхъ самыя употребительныя: асфальтовая прессованная, каменная брусчатая и деревянная торцовая мостовыя. Тотъ или иной способъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, долженъ найти себѣ примѣненіе и на проѣздахъ г. Москвы, такъ какъ существующая сейчасъ булыжная мостовая не только неудобна для безпрепятственного передвиженія по ней, но главнымъ образомъ не гигиенична и потому въ большомъ городѣ недопустима. Если булыжная мостовая и получила такое широкое примѣненіе на проѣздахъ г. Москвы, то, конечно, не въ виду своихъ сколько-нибудь сносныхъ качествъ, а лишь по своей дешевизнѣ первоначальнаго устройства и ежегоднаго содержанія. Если обратиться къ дѣйствительнымъ расходамъ города на содержаніе булыжной мостовой, то получимъ, что расходъ этотъ за послѣднее 3-лѣтіе (1895—1897 г.) составлялъ въ среднемъ около 30 к. въ годъ на 1 кв. саж. Этотъ расходъ настолько незначителенъ по сравненію съ расходомъ на содержаніе мостовыхъ въ благоустроенныхъ городахъ и притомъ настолько недостаточенъ для сколько-нибудь сноснаго содержанія даже для скверной булыжной мостовой, что заставляетъ совершенно какъ бы игнорировать существованіе мостовой въ довольно значительной части города и почти ничего не тратить на ея содержаніе. Въ Москвѣ существуетъ еще много такихъ проѣздовъ (около 500,000 кв. саж.), булыжная мостовая на которыхъ со времени ея передачи въ вѣдѣніе города, т.-е. съ 1876 года, ни разу не перемещивалась и потому находится въ крайне неприглядномъ видѣ. Тогда какъ нѣкоторые проѣзды города на поддержаніе булыжной мостовой на нихъ въ удобопрѣзжемъ видѣ требуютъ расхода въ нѣсколько разъ превышающаго средній *), другіе проѣзды не получаютъ на тотъ же предметъ почти ничего или получаютъ очень мало, и потому мостовая на

степени подвержены всѣ 42,000 лошадей, съ которыхъ взимается въ пользу города опредѣленный сборъ, то ежегодную потерю отъ булыжной мостовой, только отъ указанныхъ факторовъ, слѣдуетъ опредѣлить по крайней мѣрѣ въ 6.000,000 рублей. При переустройствѣ всѣхъ булыжныхъ мостовыхъ въ городѣ на деревянные торцовыя полная стоимость ежегоднаго содержанія ихъ (ремонтъ и возобновленіе) можетъ быть опредѣлена приблизительно въ 4.000,000 р. Такимъ образомъ за удовольствіе имѣть булыжную мостовую въ городѣ, крайне неудобную для вѣды и невозможную съ санитарной точки зрѣнія, Москва платитъ ежегодно нѣсколько милліоновъ рублей.

*) Ежегодный расходъ, наприм., на содержаніе 1 кв. саж. булыжной мостовой на Масницкой въ среднемъ за послѣднее 10-лѣтіе равнялся 1 р. 44 к.

никъ приходитъ все въ большее и большее разстройство *). Такимъ образомъ текущихъ средствъ города не хватаетъ на поддержаніе въ сколько-нибудь удовлетворительномъ видѣ даже той площади булыжной мостовой, которую онъ получилъ, такъ сказать, по наслѣдству. Если къ тому же привести на справку квадратное содержаніе проѣздовъ, совсѣмъ до сего времени не замощенныхъ и частью замощенныхъ, то получимъ, что къ 1 января 1898 года такихъ проѣздовъ имѣлось только въ чертѣ города, установленной по соглашенію съ земствомъ въ 1879 г.—511,343 кв. саж. Считая изъ этого количества къ замощенію только 320,000 кв. саж., получимъ стоимость такого замощенія булыжнымъ камнемъ: 320,000 квадр. саж. \times 8 р. 50 к. = 2.720,000 р.

Это настолько солидная сумма, что врядъ ли можно надѣяться на то, что она будетъ удѣлена изъ текушаго городского бюджета даже въ 10 ближайшихъ лѣтъ. Такимъ образомъ обитатели этихъ незамощенныхъ проѣздовъ еще надолго обречены жить на грязныхъ и не проѣзжихъ улицахъ, они долго еще будутъ удивляться тому, что городское управленіе при его, на первый взглядъ, громадномъ 11.000,000 бюджетѣ изъ года въ годъ откладываетъ удовлетвореніе ихъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ и, взимая съ нихъ налогъ, не даетъ имъ замѣнъ этого даже самыхъ примитивныхъ удобствъ жизни.

Изъ только что приведенныхъ краткихъ соображеній можно съ достаточною наглядностью видѣть то крайне тяжелое положеніе, въ которое поставлено сейчасъ городское управленіе необходимостью содержать свои слишкомъ многочисленныя проѣзды. Это тяжелое положеніе очень скоро сдѣлается невыносимымъ, такъ какъ не надо забывать, что, вслѣдствіе быстрого роста окраинъ, городу въ скоромъ времени опять придется принять въ свое вѣдѣніе еще новыя неустроенныя пригороды; мало того, для центральныхъ частей города потребуются подумать о замѣнѣ обыкновенной булыжной мостовой болѣе совершеннымъ, а слѣдовательно, и болѣе дорогимъ типомъ. Какъ ни странно на первый взглядъ думать сейчасъ объ усовершенствованной мостовой, когда многіе проѣзды до сихъ поръ еще не имѣютъ никакой мостовой и утопаютъ иногда въ непролазной грязи, а значительная часть города имѣетъ непроѣзжія мостовыя, тѣмъ не менѣе требованія хорошей мостовой налицо; они созданы условіями жизни большого города и, несмотря ни на что, будутъ все настойчивѣе и настойчивѣе предъявляться. Переходъ къ усовершенствованной мостовой потребуетъ въ свою очередь почти въ 10 разъ большихъ (по сравненію съ настоящими расходами на булыжную) расходовъ на ежегодное содержаніе такой мостовой **).

*) Чтобы замѣнить это ненормальное положеніе, необходимо увеличить кредитъ, отпускаемый на содержаніе булыжныхъ мостовыхъ въ городѣ по крайней мѣрѣ въ 2 раза.

**) Содержаніе, наприм., 1 кв. саж. каменной брусчатой мостовой обходится въ Москвѣ ежегодно 3 р. 38 к., деревянной горцовой—2 р. 64 к.

Очевидно, что при настоящем положеніи общественное управленіе не въ состояніи удовлетворить даже самымъ скромнымъ требованіямъ по части содержанія въ сколько-нибудь удовлетворительномъ видѣ своихъ многочисленныхъ проѣздовъ, еще менѣе состоятельно въ этомъ отношеніи оно будетъ въ ближайшемъ будущемъ, если теперь же не озаботится пріисканіемъ необходимыхъ средствъ.

Затронувъ вопросъ о городскихъ проѣздахъ, какъ путяхъ сообщенія, нельзя обойти молчаніемъ и вопроса объ устройствѣ тротуаровъ, которые занимаютъ такую значительную площадь всякаго городского проѣзда и должны служить для возможно удобнаго прохода публики. Какъ извѣстно тротуары, хотя и находятся на проѣздахъ общественнаго пользованія, тѣмъ не менѣе составляютъ какъ бы собственность частныхъ владѣльцевъ и должны устраниваться и содержаться иждивеніемъ этихъ послѣднихъ. Вопросъ о передачѣ тротуаровъ въ вѣдѣніе города поднимался уже нѣсколько разъ, но не пошелъ дальше изданія обязательныхъ поставленій о порядкѣ устройства и содержанія ихъ опять-таки частными же владѣльцами. Правда, благодаря этимъ обязательнымъ постановленіямъ и главнымъ образомъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись административнымъ порядкомъ, тротуары передъ частными владѣніями замѣтно упорядочились, но они очень еще далеки отъ требуемаго городскимъ благоустройствомъ вида. Не говоря уже про ширину существующихъ тротуаровъ, которая въ большинствѣ случаевъ недостаточна и совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ширинѣ городскихъ проѣздовъ и движенію на нихъ, самые способы устройства ихъ, какъ по отношенію къ поперечнымъ уклонамъ и высотѣ подъема ихъ надъ уличными лотками, такъ и по отношенію къ сочетанію и выбору матеріаловъ, представляютъ такое разнообразіе, что тротуары эти не могутъ быть оставлены надолго въ существующемъ видѣ. Въ настоящее время при постройкѣ домовъ въ Москвѣ обыкновенно не обращаютъ должнаго вниманія на продольный профиль того проѣзда, на который долженъ выходить фасадъ строящагося зданія и потому полы 1-хъ этажей располагаютъ для простоты или горизонтально или нѣсколькими уступами, совершенно не соотвѣтствующими профилю проѣзда, и затѣмъ тротуаръ подгоняютъ подъ уровень входныхъ дверей. Въ результатъ проѣзды города получаютъ крайне непривлекательный и неудобный для прохода публики видъ. Рѣзкимъ примѣромъ отступленія въ фасадѣ постройки отъ продольнаго профиля городского проѣзда можетъ служить зданіе Среднихъ торговыхъ рядовъ. Подобныхъ примѣровъ въ Москвѣ найдется не мало.

Въ наше время, когда на красоту городскихъ проѣздовъ обращается такое большое вниманіе и когда во многихъ случаяхъ затрудняются даже разрѣшить, наприм., постановку на проѣздахъ очень изящныхъ по вѣшнему виду столбовъ для электрической тяги, изъ боязни нарушить этимъ благообразный видъ улицы, практикуемый способъ устройства тротуаровъ совсѣмъ недопустимъ. При устройствѣ на проѣздахъ города усовершенствованной мостовой придется сплошь сломать и всѣ существующіе тро-

туары и затѣмъ устраивать ихъ вновь, строго придерживаясь заранѣе выработаннаго продольнаго профиля проѣздовъ.

Очевидно, что достигъ однообразія и правильности въ устройствѣ тротуаровъ въ Москвѣ можно только при условіи передачи этихъ сооружений общественнаго пользованія въ вѣдѣніе города и чѣмъ скорѣе эта передача совершится, тѣмъ отъ большихъ расходовъ, хлопотъ и неприятностей въ будущемъ городъ избавить себя.

Очистка проѣздовъ отъ сора, грязи и снѣга въ видахъ улучшенія самой очистки и уменьшенія обязательныхъ расходовъ, лежащихъ на частныхъ владѣльцахъ, также должна быть сосредоточена въ рукахъ города, какъ это давно уже съ успѣхомъ практикуется во многихъ иностранныхъ городахъ.

Говоря о сухопутныхъ путяхъ сообщенія, нельзя обойти молчаніемъ и водяныхъ путей. Хотя р. Москва, вслѣдствіе постройки многихъ желѣзнодорожныхъ линій, и потеряла то громадное значеніе, которое имѣла для города раньше, тѣмъ не менѣе она и теперь еще служитъ какъ путь для подвоза многихъ продуктовъ первой необходимости, и въ интересахъ города поставить ее въ такія условія, чтобы она возможно совершенно исполняла не только эту роль, но и служила какъ удобный и дешевый путь сообщенія между отдѣльными частями города,—чтобы она въ то же время была и украшеніемъ города.

Подводя итоги тому, что было сдѣлано городомъ, хотя бы за послѣднія 50 лѣтъ, для достиженія только-что указанныхъ цѣлей, приходится сознаться, что сдѣлано очень мало. Русло рѣки Москвы до сихъ поръ еще не регулировано и имѣетъ крайне разнообразную ширину (отъ 40 до 100 саж.), берега ея на значительномъ протяженіи до сихъ поръ еще не укрѣплены даже въ чертѣ города и потому во время весеннихъ половодій земляные береговые откосы постоянно размываются, русло рѣки постепенно перемѣщается и засаривается наносами, и рѣка дѣлается все менѣе и менѣе судоходной и совсѣмъ непривлекательной на видъ.

Необходимость укрѣпленія земляныхъ береговыхъ откосовъ рѣки давно уже сознается городскимъ управленіемъ, но, тѣмъ не менѣе, по недостатку средствъ работа эта выполнялась до сего времени небольшими частями и притомъ безъ заранѣе составленнаго общаго плана регулированія самаго русла. Работа по укрѣпленію береговъ рѣки Москвы въ настоящее время хотя и настоятельно необходима, но не можетъ быть исполнена на бюджетныя средства города въ виду своей высокой стоимости. Средствъ этихъ не хватаетъ даже на поддержаніе въ образцовомъ порядкѣ существующихъ уже набережныхъ, послѣднія приходятъ все въ большее и большее разстройство и, конечно, съ каждымъ годомъ должны ложиться все болѣе и болѣе тяжелымъ гнетомъ на городской текущій бюджетъ *).

*) См. возспительную записку къ проекту смѣты доходовъ и расходовъ г. Москвы на 1899 годъ, стр. 16.

Разсматривая рѣку Москву какъ водный путь сообщенія въ предѣлахъ города, можно замѣтить, что рѣка вполнѣ судоходна только въ нижнемъ своемъ теченіи до Б. Каменнаго моста. У Бабьяго Городка рѣка преграждена плотиною, для обхода которой служить Водоотводный каналъ съ Краснохолмской плотиною и шлюзомъ. Существующая ширина Водоотводнаго канала, особенно въ шлюзовой его части, недостаточна для пропуска всѣхъ тѣхъ барокъ, которыя пригоняются въ Москву, и потому большая часть ихъ должна выгружаться въ юго-восточной части города, а грузы съ этихъ барокъ должны перевозиться по городу на значительныя разстоянія гужевымъ путемъ. Такъ какъ воднымъ путемъ въ городъ подвозятся на большихъ судахъ обыкновенно малоцѣнные грузы, какъ дрова, сѣно, кирпичъ, бутъ, песокъ и друг., то гужевая перевозка на большія разстоянія значительно удорожаетъ цѣнность этихъ предметовъ и загромождастъ подводами городскіе проѣзды.

Для пассажирскаго сообщенія между отдѣльными частями города рѣка Москва совсѣмъ не служитъ, да и не можетъ служить по своей мелководности. Правда, при дѣйствіи вышеупомянутыхъ гидротехническихъ сооружений, т.-е. послѣ закрытія Бабьегогородской и Краснохолмской плотинъ на 3 лѣтнихъ мѣсяца, устанавливаются небольшіе пароходные рейсы, но послѣдніе ограничиваются незначительнымъ участкомъ рѣки отъ Воробьевыхъ горъ до Болотной площади и никогда не распространяются на ниже лежащій участокъ рѣки. Конечно, въ интересахъ города возможно полнѣе использовать такой путь, который ему данъ самой природой, какъ это старались сдѣлать, наприм., Берлинъ и Парижъ, расположенные на такихъ же незначительныхъ рѣкахъ, какъ и Москва. Средствами къ достиженію указанной цѣли должны служить регулированіе русла рѣки Москвы съ надлежащимъ укрѣпленіемъ береговъ ея и расчисткою фарватера и переустройство существующихъ гидротехническихъ сооружений, которыя въ настоящее время далеко не удовлетворяютъ своему назначенію. Первая очередь въ этомъ послѣднемъ отношеніи стоитъ за Водоотводнымъ каналомъ.

Существующій Водоотводный каналъ устроенъ въ 1784—85 гг. по случаю крайняго обветшанія Б. Каменнаго моста. Чтобы возобновить какъ слѣдуетъ этотъ мостъ, рѣшено было подробно освидѣтельствовать его фундаменты. Для этой цѣли по старому, заброшенному руслу р. Москвы и прорыть былъ каналъ, начиная почти отъ Крымскаго моста и до Краснаго Холма.

Впослѣдствіи на каналѣ этомъ построили мосты, плотину, шлюзы и откосы его замостили камнемъ. Такимъ образомъ это сооруженіе, которое слѣдовало бы допустить только какъ временное, просуществовало съ нѣкоторыми видоизмѣненіями болѣе 100 лѣтъ и въ настоящее время служитъ для совершенно иныхъ цѣлей, чѣмъ тѣ, которыя имѣлись въ виду при его устройствѣ. Благодаря нѣкоторымъ искусственнымъ сооружениямъ Водоотводный каналъ можетъ служить теперь для цѣлей мелкаго судоходства.

Дно канала въ настоящемъ его видѣ не имѣетъ ни общаго уклона, ни

правильнаго продольнаго профиля, а потому послѣ спада весеннихъ водъ каналъ во многихъ мѣстахъ обсыхаетъ, остающаяся же въ углубленныхъ мѣстахъ вода, будучи загрязняема къ тому же постояннымъ спускомъ грязныхъ водъ съ улицъ, дворовъ и фабрикъ, быстро загниваетъ и издаетъ сильное зловоніе. Такое антисанитарное состояніе канала, особенно въ лѣтнее время, служитъ источникомъ малярійныхъ и другихъ заразныхъ заболеваний и вызываетъ справедливыя жалобы обывателей. На планѣ холерной эпидеміи 1892—93 гг. участки города, расположенные по берегамъ канала, отмѣчены какъ наиболѣе пострадавшіе отъ этой эпидеміи.

Въ весеннее время низкіе берега Водоотводнаго канала почти ежегодно заливаются полой водою, причемъ высота подъема послѣдней надъ уровнемъ проѣздовъ доходитъ мѣстами до 1 саж. и создаетъ крайне тяжелыя и нездоровыя условія жизни въ этой части города.

Для судоходства, какъ было уже замѣчено, Водоотводный каналъ тоже не представляетъ необходимыхъ удобствъ.

Въ весеннее время каналъ служитъ для отвода нѣкоторой части высокихъ весеннихъ водъ.

Въ виду того, что существующій Водоотводный каналъ неудобенъ для судоходства и создаетъ крайне нездоровыя условія для городской жизни, неоднократно уже поднимался вопросъ о его засыпкѣ, но сдѣлать этого нельзя безъ предварительнаго устройства такихъ сооружений, которыя способны были бы вполне замѣнить его настоящую службу. Изъ всѣхъ предложеній, которыя до сего времени сдѣланы были въ этомъ смыслѣ, особаго вниманія заслуживаетъ предложеніе бывшаго члена управы А. Н. Петунникова *), устроить новый каналъ въ южной части города, не только удобный для судоходства, но главнымъ образомъ достаточный для отвода части весеннихъ водъ рѣки Москвы помимо центральныхъ частей города; старый же каналъ засыпать и занятую имъ поверхность обратить въ широкій проѣздъ или бульваръ.

Въ поясненіе къ тому, что именно заставило главнымъ образомъ обратиться къ прорытію новаго канала, а не къ переустройству существующаго, необходимо замѣтить слѣдующее. Рѣка Москва, представляя въ обыкновенное время года мелководный потокъ съ слабымъ теченіемъ и незначительнымъ расходомъ воды, въ весеннее время рѣзко мѣняетъ свой характеръ: уровень воды въ рѣкѣ поднимается иногда на 4 саж. выше ординара, и рѣка выступаетъ изъ береговъ, затопляя низкія прибрежныя мѣстности и покрывая своимъ разливомъ огромную площадь, которая по изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ въ 1879 году инженеромъ Д. П. Ражковымъ, опредѣлилась въ 1,259 десятинъ или около 11,2 кв. верстъ. Эта послѣдняя площадь превышаетъ обычную поверхность рѣки (266 десятинъ) болѣе чѣмъ въ 4 съ половиною раза и составляетъ одну седьмую всей площади года. Этими разливами были затоплены: Дорогомилово, Лужники, Брынокъ, Кабій

*) „Извѣстія Московской Городской Думы“ 1881 г., вып. I.

Городокъ, островъ между рѣкой и каналомъ, значительная часть Замоскворѣчья и всѣ проѣзды по набережнымъ рѣкъ Москвы и Яузы. Вода залила не только подвальные, но и первые этажи многихъ домовъ и унесла своимъ теченіемъ много имущества городскихъ обывателей. Въ Садовникахъ теченіе было настолько сильное, что опрокидывало лодки, и жители страшно страдали, находясь почти 2 дня безъ провизіи. Нѣсколько человѣкъ погибло, спасая свое имущество. Водой было подмочено и попорчено масса товару. Многимъ мостамъ въ городѣ угрожала серьезная опасность отъ заторовъ, образовавшихся изъ льда, бревень, дровъ и разбитыхъ барокъ. Послѣ спада высокихъ водъ подвальные и нижніе этажи многихъ построекъ, населенные преимущественно бѣднымъ людомъ, долго еще оставались необитаемы и затѣмъ при водвореніи въ нихъ вызывали усиленные инфекціонныя заболѣванія. Нельзя подсчитать тѣхъ убытковъ, которые причинилъ этотъ разливъ, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что убытки эти были громадны.

Весенній паводокъ 1879 года съ его ужасными послѣдствіями и подвѣлъ вопросъ о необходимости отвода части весенней воды, помимо центральныхъ и сплошь застроенныхъ участковъ города. Нельзя не удивляться, однако, тому, что предложеніе, сдѣланное въ то время А. Н. Петунниковымъ, не получило до сихъ поръ никакого осуществленія. Правда, паводокъ 1879 года былъ однимъ изъ самыхъ высокихъ по подъему воды за послѣднее 40-лѣтіе; но подобныя же паводки съ нѣкоторыми измѣненіями въ ту и другую стороны повторяются каждое 10-лѣтіе, — они были въ 1855, 1856, 1867, 1888 и 1895 годахъ и по своимъ послѣдствіямъ мало чѣмъ отличались другъ отъ друга. Глазу московскаго обывателя стали слишкомъ привычны картины высокихъ весеннихъ разливовъ рѣки, онъ привыкъ смотрѣть на нихъ какъ на что-то неизбѣжное, неустраняемое, и покорно склоняетъ голову передъ этимъ неумолимымъ бѣдствіемъ. То ужасное положеніе, на которое заранѣе обрекаются десятки тысячъ жителей во время весеннихъ половодій, не можетъ быть допустимо ни въ одномъ сколько-нибудь благоустроенномъ городѣ, оно не можетъ быть долѣе терпимо, такъ какъ для устраненія его давно уже предлагаются вполнѣ надежныя средства.

Устройство взамѣнъ существующаго Водоотводнаго канала—новаго канала по дну Андреевскаго оврага, въ южной части города, одновременно дало бы серьезныя улучшенія для города, а именно:

1. Засыпанъ былъ бы грязный Водоотводный каналъ.
2. Устранилось бы затопленіе высокими весенними водами центральныхъ участковъ города, расположенныхъ по берегамъ канала и отчасти р. Москвы.
3. Улучшилось бы судоходство и условія подвоза сырыхъ матеріаловъ въ чертѣ города, такъ какъ новый каналъ былъ бы въ состояніи пропускать всѣ суда, пригоняемыя въ Москву, и обратилъ бы водный путь для доставки матеріаловъ въ сѣверо-западную часть города.
4. Вслѣдствіе устраненія затопленія весенними водами многихъ жилыхъ

строений значительно улучшились бы санитарныя условия жизни въ прибрежныхъ участкахъ города.

5. Отъ засыпки Водоотводнаго канала получилось бы значительное количество свободной земли, въ которой такъ теперь нуждается городъ; кроме того приведеніе мѣстности, занимаемой каналомъ, въ благоустроенный видъ сильно подняло бы цѣнность недвижимой собственности въ этой мѣстности.

Однимъ словомъ, несмотря на значительную стоимость этого необходимаго для города сооруженія, которая опредѣляется приблизительно въ 3.500,000 рублей, осуществленіе его будетъ чрезвычайно выгодно не только въ техническомъ и санитарномъ, но даже и въ финансовомъ отношеніяхъ.

Въ виду того, что съ проведеніемъ новой желѣзнодорожной линіи «Москва-Павелецъ» южная часть Замоскворѣчья начнетъ быстро застраиваться и стоимость земли быстро возрастать, неотложность этой работы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Съ устройствомъ въ Москвѣ окружной дороги и проведеніемъ электрическихъ трамваевъ цѣнность земли на окраинахъ города еще болѣе поднимется, окраины эти застроятся и тогда осуществленіе указаннаго проекта станетъ трудно выполнимымъ и потребуетъ отъ города непосильныхъ расходовъ.

Вмѣстѣ съ устройствомъ новаго отводнаго канала въ Москвѣ необходимо также переустроить и существующую Бабьегородскую плотину. Сооруженіе это, построенное еще въ 40-хъ годахъ, по конструкціи своей не соответствуетъ современнымъ требованіямъ. Ежегодная разборка и сборка этой плотины продолжаются не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ и въ это время рѣка Москва и Водоотводный каналъ имѣютъ далеко не привлекательный видъ. Во время лѣтнихъ и осеннихъ паводковъ, такъ часто повторяющихся на рѣкѣ Москвѣ, неоднократно происходило разрушеніе плотины и вслѣдствіе этого сносило нижележащіе мосты, уносило барки, плоты и разные строительныя матеріалы и тѣмъ причиняло громадные убытки обывателямъ. Въ виду изложеннаго, переустройство Бабьегородской плотины давно уже необходимо, и если работа эта откладывается теперь изъ года въ годъ, то лишь по недостатку средствъ. При переустройствѣ Бабьегородской плотины слѣдуетъ, конечно, утилизировать и ту энергію, которую даетъ эта плотина и которая въ настоящее время пропадаетъ даромъ, причемъ городъ теряетъ ежегодно около 45,000 руб. *).

Въ рѣку Москву въ предѣлахъ города впадаетъ очень много притоковъ. Всѣ эти притоки, за исключеніемъ Яузы, заключены теперь на значительномъ своемъ протяженіи въ трубы и служатъ коллекторами для отведенія атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ на бассейнъ города, и отчасти для стока хозяйственныхъ водъ изъ домовъ и фабрикъ.

Яуза тоже не имѣетъ, да и не можетъ имѣть по своей мелководности

*) Считаая запасъ энергіи на Бабьегородской плотинѣ въ 300 силъ въ продолженіе 300 дней въ году, городъ потерялъ со времени принятія этого сооруженія въ свое вѣдѣніе (съ 1888 года):

$300 \times 300 \times 50 \text{ коп.} \times 11 \text{ лѣтъ} = 495,000 \text{ рублей.}$

ниязкого значенія для судоходства; она несетъ лишь грязныя воды, спускаемыя съ расположенныхъ по берегамъ ея фабрикъ и промышленныхъ заведеній и потому въ недалекомъ будущемъ ее придется заключить въ трубу. Выполненіе этой работы съ выпрямленіемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ русла, перепланировкой прилегающей мѣстности и устройствомъ широкихъ проѣздовъ и бульваровъ поверху засыпаннаго русла упорядочить это отвратительное въ настоящее время мѣсто города и сильно поднять цѣнность недвижимой собственности въ окружающей мѣстности.

Рѣка Москва, дѣлая въ предѣлахъ города нѣсколько изгибовъ, очень близко подходитъ къ его центру и разсѣкаетъ его на двѣ неравныя части. Для сообщенія съ зарѣчными частями города въ настоящее время служатъ 8 мостовъ, изъ которыхъ 7 построены и содержатся городскимъ управленіемъ и одинъ (плашкоутный, у Симонова монастыря) — обществомъ Московско-Казанской желѣзной дороги. Уже самый фактъ постройки моста частнымъ обществомъ указываетъ на то, что вообще мостовъ черезъ рѣку Москву недостаточно для удобнаго сообщенія между частями города. Дѣйствительно, несмотря на громадныя затраты, которыя городу пришлось сдѣлать уже на постройку мостовъ, удобнымъ сообщеніемъ не обезпечены не только окраины, но даже и центральныя части города. Всего три моста расположены на небольшомъ сравнительно разстояніи другъ отъ друга, построены по типу, принятому въ большихъ городахъ и по своей ширинѣ удовлетворяютъ существующему на нихъ движенію, это: Б. Каменный, Москворѣцкій и Б. Устинскій мосты. Что касается Бородинскаго, Крымскаго и Б. Краснохолмскаго мостовъ, то при постройкѣ ихъ принята наиболѣе дешевая система и незначительная ширина проѣзжаго полотна. Ширина этихъ мостовъ не удовлетворяетъ въ настоящее время все возрастающему движенію по нимъ и потому переустройство этихъ мостовъ въ самомъ недалекомъ будущемъ необходимо.

Временныя деревянныя мосты Новоспасскій и Симоновскій тоже, конечно, нуждаются въ замѣнѣ ихъ постоянными, такъ какъ необходимая разборка ихъ на время весенняго половодья, т.-е. прекращеніе движенія по нимъ на 4 мѣсяца, не допустима при настоящихъ условіяхъ жизни города. Первая очередь въ этомъ отношеніи за Новоспасскимъ мостомъ.

Кромѣ существующихъ мостовъ является необходимость въ постройкѣ новыхъ мостовъ, а именно: противъ Зачатіевскаго, Вражскаго и Титовскаго переулковъ. Разстояніе между Крымскимъ и Большимъ Каменнымъ мостами слишкомъ сейчасъ велико и потому въ зимнее время противъ Зачатіевскаго переулка устанавливается переѣздъ прямо черезъ ледъ, причемъ, несмотря на неудобства этого пути, въ сутки проѣзжаетъ до 6,000 экипажей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ городскимъ управленіемъ была проектирована постройка въ этомъ мѣстѣ плоскоутнаго моста, но она не была, къ сожалѣнію, выполнена по независящимъ отъ города обстоятельствамъ.

Мостъ противъ Вражскаго переулка необходимъ для болѣе удобнаго и кратчайшаго сообщенія съ вновь построенной станціей Московско-Брянской

железной дороги, въ виду чего при разрѣшеніи этой железно - дорожной линіи и была поставлена условіемъ постройка за счетъ общества этого моста, но условіе это осталось до сихъ поръ невыполненнымъ. Необходимость въ постройкѣ моста притивъ Титовскаго переулка тоже въ недалекомъ будущемъ сдѣлается настоятельной.

Такимъ образомъ и по этому отдѣлу городского хозяйства тоже предстоятъ очень крупныя расходы.

Остановившись на путяхъ сообщенія въ городѣ, нельзя обойти молчаніемъ и тѣхъ устройствъ, которыя должны служить для механическаго передвиженія пассажировъ и грузовъ. Это тоже одинъ изъ наиболѣе существенныхъ для большого города вопросовъ, и Москва давно уже нуждается въ удачномъ разрѣшеніи его. Надо однако сознаться, что и въ этомъ отношеніи Москва сильно отстала отъ другихъ городовъ. Кромѣ небольшой сѣти конно-железныхъ дорогъ, неудовлетворительной во многихъ отношеніяхъ, нѣсколькихъ соединительныхъ паровыхъ линій между отдѣльными вокзалами железныхъ дорогъ и плохихъ извозчиковъ она не имѣетъ ничего. Неудобства, создаваемые такимъ положеніемъ вещей, настолько велики и такъ невыгодны въ матеріальномъ отношеніи для московскихъ обывателей, что, наконецъ, почти одновременно двумя учрежденіями поднять вопросъ о переустройствѣ существующей сѣти конно-железныхъ дорогъ на электрическую и о постройкѣ окружной для города дороги. Осуществленіе настоящихъ предположеній о переустройствѣ и расширеніи всей сѣти конно-железныхъ дорогъ и эксплуатациіи ихъ городомъ сразу поставитъ этотъ назрѣвшій вопросъ на правильную почву и не замедлитъ дать такія неоптимальныя удобства, которыя даже совершенно ясно и не представляются воображенію московскаго обывателя, привывшаго мириться съ невозможными подчасъ условіями жизни.

Что касается постройки въ Москвѣ окружной дороги, долженствующей соединить между собою всѣ 10 железно-дорожныхъ линій, которыя будутъ входить въ городъ и служить какъ для передачи грузовъ и пассажировъ съ одной дороги на другую, такъ и для передвиженія ихъ въ предѣлахъ города, то, въ виду большой сложности этого вопроса, рѣшено, повидимому, упростить задачу и проектировать окружную дорогу почти исключительно для грузового движенія, чтобы развязать тотъ железно - дорожный узелъ, который образовался вслѣдствіе громаднаго количества грузовъ, прибывающихъ въ настоящее время въ Москву. Для пассажирскаго движенія хотя и предположены въ устройствѣ 2 самостоятельныхъ пути, но, какъ это ни странно при такомъ предположеніи, наимыгоднѣйшія условія этого движенія почти не приняты во вниманіе. Такая односторонняя постановка вопроса объ окружной дорогѣ, разрѣшеніе котораго необходимо сейчасъ для Москвы въ полномъ его объемѣ, можетъ повести къ ошибкамъ, которыя впоследствии будутъ трудно поправимы.

М. И.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письмо въ редакцію.

Помощникъ директора Московскаго сельско - хозяйственнаго института, профессоръ Кулагинъ, просить насъ напечатать слѣдующее письмо:

«Не найдете ли вы возможнымъ исправить въ ближайшей книжкѣ вашего уважаемаго журнала слѣдующіе неточные факты, касающіеся Московскаго сельско-хозяйственнаго института, сообщенные въ статьѣ: «Кіевскій Политехническій институтъ Императора Александра II (*Русская Мысль*, 1899 г. январь, стр. 57).

1) На стр. 64 вышеупомянутой статьи напечатано: Условія и порядокъ назначенія профессоровъ въ Политехническомъ институтѣ. Въ уставахъ технологическихъ институтовъ Петербургскаго, Харьковскаго, Московскаго сельско - хозяйственнаго и др. подобныхъ для занятія каведры требуется ученая степень лишь отъ профессоровъ химіи и физики; для профессоровъ прочихъ предметовъ признается достаточнымъ успѣшное окончаніе соотвѣтствующаго высшаго учебнаго заведенія, «рекомендуется только дѣлать выборъ изъ лицъ, извѣстныхъ трудами по своей специальности и обладающихъ даромъ слова».

Условія назначенія профессоровъ Московскаго сельско - хозяйственнаго института изложены въ § 47 Положенія объ институтѣ. Означенный § гласитъ слѣдующее: «Профессоромъ и адъюнктомъ-профессоромъ не можетъ быть лицо, не имѣющее ученой степени доктора или магистра. По тѣмъ предметамъ, по которымъ сихъ ученыхъ степеней не установлено, профессорами и адъюнктомъ-профессорами могутъ быть лица, получившія высшее по этимъ предметамъ образованіе, удостоенныя званія, соотвѣтствующаго такому образованію и заявившія себя печатными учеными трудами.

Примѣчаніе 1. Въ случаѣ невозможности замѣстить вакансіи профессоровъ лицами, удовлетворяющими изложеннымъ въ сей статьѣ требованіямъ, министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставляется по предварительномъ, если онъ признаетъ нужнымъ, обсужденіи этого вопроса въ совѣтѣ института, приглашать въ институтъ извѣстныхъ своими трудами ученыхъ для преподаванія по найму впредъ до полученія ими лицами степени магистра, и по полученіи ими таковой утверждать ихъ въ

должности профессора, съ зачетомъ въ дѣйствительную службу времени со дня допущенія ихъ къ преподаванію.

Примѣчаніе 2. Въ преподаванію минералогіи и геологіи въ качествѣ профессора или адъюнктъ-профессора допускаются горные инженеры, извѣстные своими трудами, хотя бы они и не имѣли степени доктора или магистра означенныхъ наукъ.

На стр. 66 названной статьи говорится: «Съ другой стороны, столь важное отступленіе естественно можетъ повести къ преобладанію въ учебномъ персоналѣ института лицъ, не подвергавшихся специальнымъ испытаніямъ и не заявившихъ себя учеными трудами, что и замѣчается въ технологическихкихъ институтахъ, Петербургскомъ, Харьковскомъ, сельскаго хозяйства въ Нов. Александріи, Московскомъ и друг.

По штату Московскаго сельско - хозяйственнаго института полагается 19 профессоровъ и 9 адъюнктъ-профессоровъ. Изъ нихъ въ настоящее время имѣютъ степень доктора 4, степень магистра 7, одинъ горный инженеръ (членъ Баварской королевской академіи наукъ), одинъ инженеръ-технологъ (проф. Московскаго технического училища), одинъ инженеръ-механикъ (преподаватель Императорскаго технического училища), 2 инженера путей сообщенія (кандидаты математическихкихъ наукъ, изъ нихъ одинъ преподаватель Императорскаго инженернаго училища), 1 магистрантъ сельскаго хозяйства (и. д. проф.), 1 межевой инженеръ, 1 бывший проф. Петровской земледѣльческой академіи, извѣстный лѣсоводъ, и 1 кандидатъ сельскаго хозяйства (и. д. проф.).»

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Выставка картинъ Московскаго Товарищества художниковъ).

Въ концѣ Великаго поста закрылась выставка картинъ, устроенная Московскимъ товариществомъ художниковъ въ залахъ Историческаго музея. На этой выставкѣ было два новшества, которыя мы считаемъ нужнымъ отмѣтить прежде всего, такъ какъ они представляютъ собою явленія интересныя и симпатичныя. Въ залахъ музея на-ряду съ картинами были выставлены изготовленные кустарями, по рисункамъ художниковъ, столы, стулья, шкафчики и иная мебель, разныя вышивки и глиняныя издѣлія, могущія служить для украшенія комнатъ. Вторая новость состоитъ въ томъ, что въ дальнихъ залахъ размѣщены были картины, «предназначенныя для народно-исторической выставки». Мы не знаемъ доподлинно, кѣмъ, гдѣ и когда предполагается устройство «народно-исторической выставки». Судя по объясненіямъ, даннымъ намъ однимъ изъ дежурившихъ на выставкѣ художниковъ, можно думать, что то же товарищество художниковъ намѣревается устроить исключительно для народа своего рода «передвижную» выставку картинъ «историческаго» содержанія, каковая выставка и будетъ путешествовать по Россіи. Сама по себѣ, очень хороша и полного сочувствія заслуживаетъ идея знакомить путемъ выставокъ русскій народъ съ произведеніями нашихъ художниковъ. Только мы не совѣтъ понимаемъ, кого господа художники разумѣютъ подъ наименованіемъ народъ и тѣмъ, по ихъ мнѣнію, должна отличаться народная или народно-историческая выставка картинъ отъ обыкновенной художественной выставки. Мы знаемъ, конечно, что до сихъ поръ существуетъ различіе между тѣмъ большинствомъ нашихъ соотечественниковъ, которыхъ приобыкли называть народомъ, и тѣмъ меньшинствомъ, которое себя именуется интеллигенціей и которое народъ называетъ *юстодами*. Но такое различіе производится, главнымъ образомъ, по внѣшнимъ признакамъ: по костюмамъ и по достаткамъ. Степень образованности, культурности, пребываетъ покрытою мракомъ неизвѣстности до тѣхъ поръ, пока не обнаружится въ рѣчахъ, сужденіяхъ и поступкахъ. Наиболее образованный *юстодинъ* (интеллигентъ), обѣдѣвшій или, по собственному желанію, опростившійся, тотчасъ же сливается съ массою такъ па-

зывается «народа», и, наоборот, выкарабкавшийся из этой массы грубый и невежественный кулак, разбогатевший и напаявший на свои лапы лайковые перчатки, перестает принадлежать къ «народу», искреннѣйшимъ, хотя и весьма наивнымъ, образомъ считаетъ себя «господиномъ», иногда дѣзетъ даже въ «моценаты». Мы полагаемъ, что между обыкновенною художественною выставкой и выставкой картинъ для народа должно существовать два основныхъ различія: первое—для «народа» входная плата должна быть удешевлена до минимума; второе—отборъ картинъ для «народной» выставки надо производить съ особенною тщательностью, гораздо большею, чѣмъ это дѣлается Товариществомъ передвижныхъ выставокъ. А затѣмъ мы не видимъ поводовъ устраивать для народа выставки картинъ исключительно историческаго содержанія. Неужели гг. художники думаютъ, что «народъ», т. е. крестьяне, фабричные, ремесленники, мелкіе торговцы,—неспособенъ понять и оцѣнить «жанръ» или залюбоваться хорошимъ пейзажемъ? Это была бы большая ошибка. Мы думаемъ, что пейзажи и жанры окажутся для такого народа доступнѣе и занимательнѣе, а потому и поучительнѣе, чѣмъ картины изъ исторіи совсѣмъ неизвѣстной нашему малограмотному народу и весьма недостаточно извѣстной большинству тѣхъ, кто себя величаетъ «интеллигенціей». А безъ подписей или безъ обстоятельнаго каталога и совсѣмъ уже никто не уразумѣетъ, что изображено на той или другой изъ, такъ называемыхъ, историческихъ картинъ. Примѣры: Е. Д. Подѣнова изобразила молодого человѣка въ древне-русской одеждѣ; онъ, видимо, въ смятеніи, чѣмъ-то испуганъ. Вотъ и все. Что же сіе изображать должно? Кому и какой интересъ смотрѣть на растеряваго юношу? И выиграетъ ли картина, насколько поднимется интересъ зрителей, когда они прочтутъ подпись: «Убіеніе кн. Бориса?» Или еще: г. Розановъ отлично написалъ двѣ ступени и каменный помостъ, примыкающій къ старинной русской постройкѣ; на помостѣ лежитъ, изображенный въ большомъ ракурсѣ, мертвый человѣкъ, покрытый полосатымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго видны двѣ голыхъ ноги и голая правая рука. Сбоку у помоста сидитъ воинъ съ бердышемъ,—должно быть, караулитъ мертвое тѣло отъ вороновъ, изъ которыхъ одинъ издали уже подбирается къ покойнику по стволу поваленнаго дерева. Лица покойника не видно. Очень хорошо написаны его ноги и рука, одѣяло и камни. Ну, а дальше-то что же? Это это, и кому этотъ босой покойникъ на что нуженъ? Смотрить «народъ» въ каталогъ выставки,—тамъ написано: «Смерть Андрея Боголюбскаго». Но позвольте, однако, отчего же ему смерть приключилась и что въ ней такого замѣчательнаго, что потребовалось ради нея писать большую картину? На такіе вопросы «народъ» не получитъ на народно-исторической выставкѣ никакихъ отвѣтовъ, или, того хуже, получитъ неудовлетворительные отвѣты, если, при такихъ «иллюстраціонныхъ» картинахъ, ему не будетъ предложенъ рядъ цѣлыхъ лекцій или чтеній изъ исторіи. Тогда какъ прекраснѣйшіе «жанры», не предназначенные для народа», работы Я. Я. Калининена—*Догораetz* и А. А. Соколова—*Прода-*

эти лошади понятны всемъ безъ объясненій, всемъ близки къ сердцу, и «народу» они ближе и чувствительнѣе, чѣмъ «господамъ». Въ недлинномъ ряду картинъ, «предназначенныхъ для народно- исторической выставки»,—ихъ всѣхъ 18,—есть одна безъ подписи и въ каталогъ не занесенная. На ней представленъ какой-то важный мужъ, бородатый, сидящій на креслѣ у стола,—должно быть, князь какой-нибудь,—на столѣ развернуть планъ перкви. Два иноземца,—надо полагать, зодчій и переводчикъ,—даютъ князю объясненія. За ними слѣдуетъ нѣсколько второстепенныхъ, дополнительныхъ лицъ. Сдѣлана картина и написана очень хорошо. Но какое изображено на ней событіе неизвѣстно, а потому и нѣтъ возможности судить, насколько изображенное подходитъ къ моменту и личностямъ, взятымъ художникомъ, самое имя котораго осталось намъ тоже неизвѣстнымъ. Отлично скомпанована и написана картина Л. П. Пупаревой-Базановой *Съездъ князей въ 1. Любичъ*. На «народной» выставкѣ, по нашему мнѣнію, весьма у мѣста будетъ картина Ф. И. Рерберга *Праздникъ Купали въ языческой Руси*. И очень мало смысла находимъ мы въ *Масляницѣ* (время язычества) Е. Д. Полѣновой, изобразившей чуть ли не съ высоты птичьего полета улицу, запруженную народомъ: ни фигуръ, ни лицъ, ни костюмовъ нѣтъ,—видна только сплошная масса пестрыхъ шапокъ. Подпишите, вмѣсто «Масляницы», — «базаръ», «сходка», и картина сойдетъ съ одинаковымъ успѣхомъ за то и за другое, и за что угодно еще. Ея же, Е. Д. Полѣновой, выставлена картина *Виднїе передъ Невскою побѣдой* (вел. кн. Александра Невскаго надъ шведами), и еще выставлено г. Вилліамъ *Виднїе св. Зосимы, основателя Соловецкаго монастыря*. Передъ такими картинами мы можемъ только одно сказать, не желая никого дразнить: «Виднїя могутъ быть, вѣроятно, всякія. Почему не быть и такимъ?» Но, въ дѣйствительности, ничего не бывало сколько-нибудь похожаго на картину А. Я. Головина, изображающую *Годъ ученія св. Сергія Радонежскаго*. Г. Головинъ, очевидно, увлекся фантазіями «пре-рафаэлитовъ» и написалъ свою картину такъ, какъ она могла бы быть написана выходцемъ изъ Византии во времена крайняго упадка искусства, дѣтъ за 150 до эпохи Возрожденія. Такія картины всего менѣе пригодны для «народныхъ» выставокъ, какъ, вообще, непригодны для школъ «лубочныхъ» картины и всякія уродливости декадентства и символизма. Балуйтеъ у себя дома въ мастерской чѣмъ угодно, малюйте какое хотите безобразіе,—хоть *Богатыря*, М. А. Врубеля, хоть *Пещеру мертвыхъ*, г. Напахетьяна,—и для такой маэни найдутся меценаты-покупатели, но такимъ издѣліямъ отнюдь не мѣсто на выставкахъ, да еще устраиваемыхъ для «народа». Мы обязаны давать «народу» и дѣлать для «народа» доступными лучшія произведенія искусства и литературы, нашъ долгъ развивать вкусъ «народа», а не сбивать его съ толку произведеніями декадентовъ или такихъ художниковъ, которые сами сбились съ пути въ погонѣ за оригинальностью. Подобные художники и ихъ хвалители не сознаютъ того, что въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего оригинальнаго, а есть только поку-

шенія поддѣлаться подъ старину, давно отжившую своимъ вѣкомъ, т.-е. покушенія,—въ живописи, преимущественно,—вернуться назадъ, во времена крайняго упадка искусствъ, когда люди разучились «хорошо дѣлать». На выставкѣ, о которой идетъ рѣчь, мы видѣли даже попытки писать картины такъ, какъ ихъ писали тогда, когда не умѣли это дѣлать... В. Д. Полѣновъ, несомнѣнно, большой человекъ въ современномъ искусствѣ Россіи, и изъ уваженія къ его заслугамъ на этомъ поприщѣ мы предпочитаемъ пройти молчаніемъ его картину, «предназначенную для народно-исторической выставки», *Дочь Фараона находитъ Моисея*. Кромѣ этой картины, есть еще шесть на библейскія темы. Изъ нихъ намъ болѣе всѣхъ нравится *Обрядъ очищенія*, Я. П. Турлыгина. Обрядъ состоялъ въ томъ, что разъ въ годъ, въ установленный день, первосвященникъ народа Израильскаго входилъ въ Святаго Святыхъ и тамъ приносилъ жертву «очищенія» за всѣхъ евреевъ. Насколько исторически вѣрна обстановка, мы судить не беремъ, но картина написана тщательно и производитъ надлежащее впечатлѣніе. Остальныя представляютъ собою болѣе или менѣе удачныя иллюстраціи событій Священной исторіи. Противъ такихъ картинъ для «народной» выставки возражать нечего. Только для какой бы то ни было выставки историческихъ картинъ слишкомъ мало и, вѣроятно, всегда будетъ недостаточно. Не могутъ же художники изготавлять ихъ, «какъ блины пекутъ». Вотъ почему мы еще разъ настаиваемъ на томъ, что выставки для «народа» слѣдуетъ составлять такъ же точно, какъ всякія другія, исключая изъ нихъ лишь все непригодное или могущее показаться непристойнымъ. Всего же непригоднаго мы считаемъ произведенія декадентовъ.

Московское Товарищество художниковъ издало очень плохой иллюстрированный каталогъ своей VI выставки. Пренія выставки уже приучили насъ къ снимкамъ фототипіей съ наиболѣе замѣтныхъ произведеній. Теперь же передъ нами крайне неудовлетворительныя цинкографіи съ набросковъ перомъ, сдѣланныхъ съ картинъ. Большинство изъ нихъ не даетъ никакого представленія о томъ, что имѣется на выставкѣ. Первая зала производитъ довольно удручающее впечатлѣніе, за исключеніемъ небольшого жанра г. Калининченка, *Догораютъ*, о которомъ мы выше упоминали, и трехъ картинъ В. А. Бѣляевскаго. «Догораютъ» дрова въ топящейся печи и «догораютъ» одиноко старикъ, сидящій передъ печкой. На большомъ полотнѣ г. Бѣляевскаго прекрасно изображено *Утро на рейдѣ въ Тулонѣ*, на двухъ меньшихъ—отлично исполненные виды городовъ Средней Азіи. Далѣе, подъ № 124, есть его *Караванъ*,—вещь какъ нельзя болѣе пригодная для «народной» выставки. Г. Калининченко выставилъ еще премилую, безпретенціозную картинку, *Кумысникъ (ногаецъ)*. Мы упоминали уже объ одномъ изъ лучшихъ жанровъ этой выставки, о *Продажѣ лошади*, А. А. Соколова. *Ослѣпшій художникъ*, В. Н. Мѣшкова, не производитъ того впечатлѣнія, на которое рассчитывалъ авторъ. Если бы не под-

сказывающая подпись, этого человека безъ сюртука можно было бы принять за «задумавшагося» или за «дремлющаго» художника. Мы считаемъ вполне удачными только такія картины, для уразумѣнія смысла которыхъ не требуется объясненій. Если къ этому мы добавимъ картину В. И. Слободчикова, *Въ юстяхъ у сестры*, полную жизни и движенія, то на этомъ мы и можемъ покончить съ жанрами. По части «пейзажа» мы не отмѣтили ничего особенно выдающагося, кромѣ вышеназванныхъ картинъ г. Бѣляевского. На этой выставкѣ лучшими намъ показались: г. Трояновскаго, *Осень*, г. Калининченка, *Бездна* (этюдь), г. Бутурлина, *Осень*, да пожалуй еще *Сосенка*, г. Левина. Пейзажей много, но изъ нихъ добрую половину не слѣдовало бы пускать на выставку, такъ же точно, какъ разные эскизы и этюды, для конхъ надлежащее мѣсто—въ чуланѣ при мастерской. Мы не намѣрены перечислять всякую выставочную пустяковину, которая, несомнѣнно, пойдетъ въ «художественный отбросъ». Но въ заключеніе все-таки считаемъ нужнымъ еще разъ напомнить гг. распорядителямъ, что выставка—не базаръ, на который всякій живописецъ можетъ тащить свои напачканныя и недоконченныя полотна въ надеждѣ сбыть ихъ хоть за что-нибудь.

Ан.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Повидимому, Франція нашла себѣ въ Эмиль Лубе образцоваго президента республики. Онъ вышелъ изъ народа; трудомъ, умомъ и твердымъ, спокойнымъ характеромъ приобрѣлъ уваженіе всѣхъ честныхъ людей. У него ясныя, глубоко-продуманные и прочувствованные взгляды, необходимыя для главы великаго государства; онъ скромный и доступный, какъ духовно-сильный человѣкъ. Въ нашъ вѣкъ шатанія и мысли, и совѣсти съ радостью останавливаешься на такомъ государственномъ человѣкѣ. Онъ далеко не геній,—не Гладстонъ, не Бисмаркъ, не Гамбетта, да для его благородной и отвѣтственной роли регулятора государственныхъ и общественныхъ силъ геніальности и не надо. Эмиль Лубе обѣщаетъ быть мудрымъ и справедливымъ правителемъ. Мы упоминали въ прошломъ обзорѣнн, что первою его мѣрой, какъ президента Французской республики, была отмѣна судебного преслѣдованія тѣхъ уличныхъ крикуновъ, которые оскорбительными возгласами встрѣтили въ Парижѣ его избраніе. Затѣмъ президентъ помиловалъ двухъ преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь (это наказаніе будетъ замѣнено каторжными работами). Можно надѣяться, что при такомъ президентѣ смертная казнь не будетъ вообще приводиться во Франціи въ исполненіе.

Хорошее впечатлѣніе произвелъ и такой фактъ: когда торжественный кортежъ президента республики слѣдовалъ по улицамъ его роднаго города Монтелимара, Эмиль Лубе увидѣлъ на трибунѣ для публики свою старушку-мать, простую фермершу. Глава Французской республики приказалъ остановить кортежъ и поднялся на трибуну, чтобы обнять и расцѣловать свою любимую мать.

Да, такой человѣкъ, какъ президентъ республики, добрый признакъ для современной Франціи. При немъ можно ждать справедливаго и недолгаго конца злополучнаго дѣла Дрейфуса. Время идетъ быстро не только для отдѣльныхъ людей, но и для государствъ и народовъ, и Франціи пора возстановить свое славное имя, пора побороть милитаристическіе и клерикально-реакціонные происки. Трудно предположить, конечно, чтобы Франція когда-либо упала до Испаніи, до возможности военныхъ пропусіа-

менто. Но,—хоть и полвѣка почти тому назадъ, — Наполеону III удалось все-таки произвести предательскій государственный переворотъ. Французскій генеральный штабъ требуетъ генеральной очистки.

А дѣла въ Испаніи въ высокой степени печальны. Либеральное (!) министерство Сагасты, стѣснявшее печать, приостановившее конституцію, безтолково ведшее войну,—вынуждено было, наконецъ, удалиться. Его мѣсто занялъ кабинетъ, въ который вошли представители милитаризма и клерикализма. Несчастливая страна! Съ одной стороны тяжелый гнетъ мрачной римско-католической организаціи, съ другой—интриги честолюбивыхъ генераловъ, общественное недовольство внутри, карлистская агитація извнѣ,—все сковываетъ нормальное развитіе отъ природы богато-одареннаго народа. Арестовываются генералы, командовавшіе частями въ неудачную войну, раздаются обвиненія въ измѣнѣ. Въ газетахъ появились свѣдѣнія, за точность которыхъ нельзя, разумѣется, поручиться, насколько была подготовлена Гаванна для осады въ моментъ принятія мира. Кромѣ волонтеровъ, въ ней было 42,000 регулярныхъ солдатъ, 284 пушки, 81,000 ядеръ и бомбъ, 443,000 килогр. пороха, 15 милл. патроновъ. Изъ провіанта въ Гаваннѣ было: 250 ящиковъ галетъ, 768—сушеной рыбы, 500 мѣшковъ пшеницы, 6,227—риса, почти 7,000—маиса, 2,500 ящиковъ ветчины, 9,420 мѣшковъ и 3,000 боченковъ муки, 204 мѣшка кофе и проч. Въ городѣ было много свиней и убойнаго скота, не считая лошадей. Городъ былъ защищенъ 3 вѣрстями, 17 редутами, 24 береговыми батареями, 5 люнетами, 11,411 метрами траншей, 28 торпедами. Изъ этого ясно, что Гаванна могла выдержать продолжительную осаду. Нѣкоторые считаютъ Бланко виновникомъ сдачи Гаванны.

Но, говорить по этому поводу *Петербургскія Вѣдомости*, если кабинету Сагасты было хорошо извѣстно положеніе города, и онъ все-таки успѣшилъ заключить позорный миръ,—то Бланко только исполнилъ предписаніе высшаго правительства и не можетъ быть отвѣтственнымъ лицомъ *).

Обнаруживаетъ въ Испаніи признаки жизни и республиканская партія, но она представляетъ серьезную силу въ немногихъ наиболѣе развитыхъ умственно и промышленно областяхъ переживающаго тяжелый кризисъ королевства.

Руководителемъ новаго кабинета считаютъ генерала Полавіеху, клерикала и реакціонера, позорно знаменитаго разстрѣляніемъ одного изъ вождей кубанскаго возстанія, Ризаля. Министръ-президентъ, Сильведа, даетъ успокоительныя заявленія, говорить, что правительство не будетъ оказывать давленія на новыхъ выборахъ въ кортесы, но всему этому плохо вѣрять. Административныя мѣста раздаются пріятелямъ и сторонникамъ реакціонно-клерикальнаго кабинета.

Ближайшая сессія новыхъ кортесовъ должна будетъ заняться вопросами о восстановленіи страшно-потрясенныхъ экономическихъ и военныхъ силъ

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 68.

страны. Сильвела общается децентрализацию въ вопросахъ образованія, общественныхъ работъ, благотворительности. Въ вопросахъ религіозныхъ министр-президентъ желаетъ устранить опасеніе реакціоннаго направленія, такъ какъ существующая религіозная терпимость гарантирована конституціей. Внѣшняя политика новаго кабинета будетъ выжидательной. Въ печати одобряютъ предположеніе Сильвелы уничтожить выдачу половиннаго жалованья прежнимъ министрамъ. Въ виду частыхъ перемѣнъ министровъ, этотъ расходъ является довольно чувствительнымъ для государственнаго казначейства. Гамасо и Маура уже отказались отъ содержанія сами.

Въ результатѣ—ничего опредѣленнаго, полное тревожныхъ ожиданій будущее.

Мы своевременно упоминали о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыми прусская администрація подвергаетъ въ Шлезвигѣ датское населеніе и датскихъ подданныхъ. Въ палатѣ депутатовъ и въ печати лучшіе представители германскаго общественнаго мнѣнія протестовали противъ этихъ мѣръ. Теперь въ апрѣльской книжкѣ вліятельнаго французскаго журнала *La Revue de Paris*,—въ настоящее время лучшаго во Франціи,—напечатана статья Георга Брандеса: *Право слабыхъ. Датскій Шлезвигъ*.

Брандесъ обращается къ лучшимъ чувствамъ лучшихъ представителей германскаго народа. Небольшой датскій народъ велъ двѣ войны съ Германіей изъ-за Шлезвига и, послѣ героической борьбы, потерялъ это герцогство. Овладевъ имъ въ 1864 году, Австрія и Пруссія признали необходимымъ спросить населеніе, желаетъ ли оно быть оторваннымъ отъ Даниіи. Но подоспѣла война 1866 года, и Пруссія, разгромившая Австрію, отказалась отъ исполненія обѣщанія, даннаго будто бы не населенію Шлезвига, а одной Австріи.

Населеніе это до сихъ поръ жило однако надеждою на возвращеніе къ отечеству, поддерживало съ нимъ духовныя отношенія и охраняло родной языкъ. Естественно, что это могло вызывать,—говоритъ Брандесъ,—лишь уваженіе со стороны тѣхъ нѣмцевъ, которые осуждаютъ мѣры, развивающія въ населеніи недобрыя инстинкты, въ особенности духъ раболовія передъ силою.

Въ послѣднее время нѣмецкая администрація стремится растворить датчанъ сѣвернаго Шлезвига въ германскомъ морѣ, путемъ обязательнаго преподаванія въ школахъ, даже въ частныхъ, на нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ двухъ уроковъ въ недѣлю по закону Божію. Къ этому присоединяются произвольныя высылки изъ Шлезвига датскихъ подданныхъ и многообразныя тягостныя стѣсненія для лицъ, не желающихъ отказаться отъ болѣе или менѣе близкихъ отношеній къ своимъ датскимъ роднымъ и знакомымъ.

Брандесъ говоритъ, что такой образъ дѣйствій былъ бы черезуръ грубъ, еслибъ онъ практиковался съ полудикимъ негритянскимъ племенемъ, а датскій народъ отличается высокою культурой.

Брандесъ не отрицаетъ, конечно, благотворнаго вліянія на нее въ

туры германской. Но, съ другой стороны, старыя исландскія сказанія, Эдды и Саги, имѣли вліяніе на интеллектуальную жизнь Германіи.

Брандесъ съ гордостью констатируетъ, что современное датское земледѣліе и сельское хозяйство вообще превосходитъ нѣмецкое, что датскіе студенты и крестьяне образованнѣе германскихъ, и т. д. На этомъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ насъ въ данномъ случаѣ интересуеетъ политическая сторона вопроса.

Нѣмцы удивляются, не встрѣчая въ Даніи сердечнаго сочувствія. Но Брандесъ напоминаетъ имъ, что порохомиъ и свинцомиъ они отняли у королевства двѣ пятыхъ его территоріи, лишили Данію европейскаго значенія въ политическомъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тягостно преслѣдуютъ насильственно присоединенное датское населеніе. И Брандесъ высказываетъ твердую увѣренность, что грозная военная имперія Гогенцоллерновъ не одолѣетъ маленькаго свободнаго и просвѣщеннаго датскаго народа.

Германское правительство, грозившее рейхстагу распушеніемъ, если онъ не приметъ военнаго законопроекта, пошло на уступки и согласилось на компромиссъ, предложенный центромъ. Увеличеніе арміи благодаря этому прошло (противъ голосовъ свободомыслящихъ, демократовъ и социаль-демократовъ), но въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ желало этого правительство. Оно сохранило, конечно, за собою право черезъ нѣсколько времени внести въ парламентъ предложеніе о новомъ увеличеніи численнаго состава войска въ мирное время.

Центръ,—не подлежащій сомнѣнію,—не даромъ пошелъ на компромиссъ. Вездѣ, гдѣ болѣе или менѣе крупную роль играетъ римско-католическая церковь, усиліе милитаризма идетъ рука объ руку съ усиліемъ клерикализма. Хорошо, что Германія наполовину протестантская страна.

Въ прошлый разъ мы говорили о колониальныхъ владѣніяхъ Франціи. Въ участіи во всемірномъ захватѣ земель давно приступила уже, какъ извѣстно, и Германія. Въ Африкѣ ей принадлежать обширныя области, на островѣ Самоа она приходитъ не то къ столкновенію, не то къ соглашенію съ Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, въ Китаѣ пріобрѣтаетъ твердую торговую и военную позицію. Если исключить наше отечество, всѣ пріобрѣтенія котораго сосредоточены исключительно въ Азіи и вплотную примыкаютъ къ нашей территоріи, Германія стремится занять въ колониальномъ отношеніи третье мѣсто, послѣ Великобританіи и Франціи.

Обнародованный между двумя послѣдними государствами договоръ о разграниченіи ихъ африканскихъ владѣній встрѣченъ сочувственно большинствомъ французской печати, хотя договоръ этотъ и является отказомъ Франціи стать твердою ногою на верховьяхъ Нила. Громадныя области къ югу отъ Алжира, Туниса и Триполи до озера Чадъ отходятъ въ безспорное отнынѣ владѣтельство Франціи. Въ ближайшемъ будущемъ французы построятъ желѣзную дорогу черезъ Сахару и свяжутъ ею свои владѣнія на Нигерѣ съ Алжиромъ и Бизертой. Въ проигрышѣ остается главнымъ образомъ Італія.

Но у англичанъ въ верхнемъ теченіи Нила возникаетъ новая непріятность: праваго берега рѣки достигла Абиссинія (въ отрядѣ были русскіе офицеры). Великій рельсовый путь, которымъ Сесаль Родесъ имѣетъ въ виду прорѣзать всю Африку, отъ мыса Доброй Надежды до Александріи, можетъ поэтому въ очень близкомъ сосѣдствѣ имѣть имперію Менелика. Въ удобную минуту, конечно, постараются вновь подойти къ Нилу съ другой стороны и французы. Если громадное морское первенство Англии надъ Франціей вынудило послѣднюю на важную уступку въ вопросѣ о Фашодѣ, то это превосходство не имѣетъ значенія по отношенію къ Абиссиніи. При помощи Франціи и отчасти нашего отечества она можетъ въ скоромъ времени стать серьезною военною силой.

Мы много разъ старались указывать на то, что современный ходъ исторіи становится на самомъ дѣлѣ всемірнымъ. Страны, культурно не жившія или отжившія, втягиваются въ международную связь. *Русская Мысль* печатаетъ рядъ статей объ Индіи, Персіи, Малой Азіи. Въ скоромъ времени у насъ появятся статьи о Китаѣ и Японіи. Много, разумѣется, корыстнаго у европейцевъ, гонятся они за рынками, за наживою; но въ наше тоскливое, безыдеальное для многихъ время не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ концѣ-концовъ побѣждаетъ міръ научная мысль и честный трудъ.

Государства Балканскаго полуострова живутъ непокойною жизнью. Въ Сербіи фактически королевствуетъ, интригуя противъ Россіи и нарушая конституцію, пресловутый Миланъ; Болгарія постоянно находится подъ угрозой македонскаго возстанія, которое почти навѣрное втянетъ княжество въ столкновение съ Турціей и Сербіей. Греція далеко не оправилась отъ несчастной войны, только Бритъ дышитъ теперь спокойно, благодаря тому, что Россія, Франція, Англія и Італія вырвали его изъ рукъ турецкихъ властей и дали острову широкое самоуправленіе. Отношенія между христіанами и магометанами, конечно, далеко еще не дружелюбны, но королевичъ Георгій обнаруживаетъ тактъ, справедливость и терпимость, и это создаетъ условія, благопріятныя для правильной совмѣстной жизни населенія.

Въ Румыніи происходятъ возмущенія крестьянъ. Всѣ безпристрастные наблюдатели, всѣ честные органы печати, какъ либеральной, такъ и консервативной, свидѣтельствуютъ, что положеніе румынскихъ крестьянъ ужасно. Приводятся такіе случаи: новый арендаторъ вмѣсто 36,000 левъ предлагаетъ землевладѣльцу 90,000, и громадную разницу, конечно, выдавливать изъ крестьянъ. Мѣстные власти обыкновенно поддерживаютъ во всемъ арендаторовъ. Румынское правительство, замѣчаетъ по этому поводу *Frankfurter Zeitung*, упорствуетъ въ своемъ невѣдѣніи истиннаго положенія вещей и хочетъ рѣшить трудный земельный вопросъ, сажая крестьянъ въ тюрьмы *).

Если при всемъ этомъ принять во вниманіе, что въ Австріи идетъ пре-

*) *Frankfurter Zeitung*, 29 März.

исполненная ненависти борьба между національностями, то станутъ понятными опасенія вѣнской *Neue Freie Presse* о возможныхъ результатахъ гаагской мирной конференціи *). Мудрено ждать значительныхъ благихъ послѣдствій отъ международнаго совѣщанія, когда внутренняя политика многихъ совѣщающихся государствъ далека отъ идей справедливости и терпимости.

Консервативный англійскій кабинетъ провелъ двѣ реформы: ирландскаго мѣстнаго самоуправленія и лондонскаго. *Правительственный Вѣстникъ* сообщаетъ, что новое самоуправленіе произвело на настроеніе ирландскаго населенія благоприятное впечатлѣніе. «Выборы въ мѣстныя земскія учрежденія оказались въ пользу ирландскихъ націоналистовъ, одержавшихъ верхъ даже въ Ульстерѣ, населеніе котораго всегда было противно ирландскому движенію и крѣпко стояло за политическое и административное единеніе Ирландіи съ прочими частями Соединеннаго Королевства. Въ лондонскихъ политическихъ кружкахъ не довѣряютъ, однако, искреннему замиренію ирландскихъ чувствъ и ожидаютъ новыхъ въ Ирландіи смуть въ видахъ достиженія болѣе широкой политической автономіи, равносильной фактическому отпаденію Ирландіи отъ Соединеннаго Королевства. Подтвержденіемъ этому могутъ служить и сообщенія лондонскихъ газетъ о состоявшемся въ Дублинѣ, 23 марта (4 апрѣля), собраніи представителей ирландской національной партіи, въ которомъ предводитель непримиримыхъ, Диллонъ, потребовалъ преобразованія политическихъ силъ Ирландіи на основахъ, предшествовавшихъ состоявшемуся въ ирландскомъ лагерѣ расколу. Диллонъ заявилъ, что ирландцы не могутъ удовлетвориться полумѣрами, и громкогласно объявилъ, что ихъ боевымъ кличемъ долженъ снова сдѣлаться «No me gule» **).

Вторая реформа, о которой мы упомянули,—преобразованіе лондонскаго муниципальнаго управленія. Нижняя палата парламента приняла ее во второмъ чтеніи, въ мартѣ мѣсяцѣ, вслѣдъ затѣмъ началось по обычаю подробное обсужденіе законопроекта статья за статью. Пестрота и нестройность нынѣшняго самоуправления великаго города общеизвѣстны. Съ 1888 года Лондонъ составляетъ графство съ выборнымъ совѣтомъ во главѣ. Совершенно независимо отъ него управляется Сити, имѣющій своего лордъ-мера. Правительство не рѣшается коснуться этой исторической аномаліи. Оно имѣетъ въ виду сократить полномочія графскаго совѣта (County Council) и увеличить самоуправленіе округовъ, на которые предполагается раздѣлить городъ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ правительственный законопроектъ почти никого не удовлетворяетъ. Но, быть можетъ, обсужденіе въ комитетѣ внесеть въ него важныя поправки и дополненія.

*) *Neue Freie Presse*, 28 Мѣг.

***) *Правит. Вѣстникъ*, № 70.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Московское губернское земское собраніе. — Вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей. — Приготовленія провинціи къ Пушкинскому празднику. — Печатный листъ. — Вопросъ о дуэли. — Земство на окраинахъ. — О тотализаторѣ.

Только-что закрывшаяся сессія московскаго губернскаго земскаго собранья ознаменовалась инцидентомъ, имѣющимъ важное принципиальное значеніе. Предсѣдатель губернской земской управы Д. Н. Шиповъ отказался отъ должности, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ солидарности между губернской управой и собраніемъ. Въ послѣдніе годы въ московскомъ земствѣ довольно замѣтно сталкивались два теченія: централистское, во главѣ котораго стояла губернская управа, и уѣздное, во главѣ котораго стояли уѣздныя управы. Губернское земство старалось присвоить себѣ руководящую роль въ направленіи земской дѣятельности, уѣздныя употребляли всѣ усилія для того, чтобы по возможности сократить компетенцію губернскаго земства и завоевать себѣ побольше самостоятельности. Въ виду этого разлада Д. Н. Шиповъ еще въ прошлую сессію, когда происходили выборы членовъ управы, просилъ не ставить его кандидатуры, причѣмъ въ рѣчи, обращенной къ собранію, выяснилъ тѣ принципы, которые должны лежать въ основѣ взаимныхъ отношеній между губернскимъ и уѣзднымъ земствами. «Земская дѣятельность,—говорилъ онъ тогда, въ основѣ своей имѣетъ извѣстное нравственное начало—начало взаимопомощи. Если уѣздное земство представляется союзомъ взаимопомощи населенія уѣзда, то губернское земство является такимъ же союзомъ населенія всей губерніи. Руководствуясь этимъ началомъ, губернское земство въ губерніи, а уѣздныя въ уѣздахъ должны преслѣдовать одну цѣль: равномерное исполненіе всѣхъ источниковъ земскаго обложенія съ цѣлью равномернаго же удовлетворенія потребностей всего населенія губерніи. Принимая во вниманіе неравномерное распредѣленіе по уѣздамъ источниковъ земскаго обложенія, въ силу чего мѣстныя потребности въ однихъ уѣздахъ удовлетворяются при незначительномъ напряженіи плательщиковъ полнѣе, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, гдѣ процентъ обложенія въ три-четыре раза болѣе, чѣмъ въ первыхъ, губернское земство, по моему убѣжденію, должно являться

нѣкоторымъ регуляторомъ для равномернаго, по возможности, использованія всѣхъ источниковъ земскаго обложенія въ губерніи и направлять общегубернскія средства преимущественно въ тѣ мѣстности губерніи, въ которыхъ, вслѣдствіе недостатка мѣстныхъ средствъ, потребности населенія остаются неудовлетворенными».

Выбранный снова въ предсѣдатели губернской управы, Д. Н. Шиповъ надѣялся провести высказанные имъ взгляды въ жизнь и установить болѣе тѣсную связь между губернскими и уѣздными земствами. Съ этой цѣлью имъ были даже устроены совѣщанія изъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, на обсужденіе которыхъ предварительно вносились всѣ важнѣйшіе вопросы земской жизни. Но всѣ усилія Д. Н. Шипова ни къ чему не привели, и настоящее собраніе еще болѣе предыдущихъ убѣдило его, что необходимаго между земствами объединенія нѣтъ, что между губернскимъ и уѣздными земствами существуетъ принципиальная рознь.

По настоятельной просьбѣ губернскаго собранія Д. Н. взялъ свой отказъ обратно и согласился снова баллотироваться въ предсѣдатели губернской управы, причѣмъ былъ выбранъ громаднымъ большинствомъ 41 противъ 10 голосовъ. Вслѣдъ за своимъ предсѣдателемъ и управа, также было отказавшаяся, взяла свой отказъ обратно. Событіе, однако, не теряетъ вслѣдствіе этого своего важнаго принципиальнаго значенія. Вопросъ о сферѣ компетенціи губернскаго и уѣздныхъ земствъ не получилъ вполнѣ твердаго и опредѣленнаго рѣшенія въ земскомъ положеніи и очень слабо разработанъ практикой земской жизни. Московское земство далеко не единственное, гдѣ имѣетъ мѣсто антагонизмъ между губернскимъ и уѣздными земствами. Извѣстная часть нашей печати, которая «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ» не устаетъ воевать противъ земства вообще, всегда относилась особенно неблагоприятно къ губернскому земству. Къ этимъ органамъ нынѣ прикнуло *Новое Время*, которое въ чемъ другомъ, но во враждѣ къ земскимъ учрежденіямъ вообще неповинно. Обсуждая инцидентъ въ московскомъ губернскомъ земствѣ, газета со свойственной ей рѣшительностью заявляетъ, что губернское земство вноситъ въ земское дѣло духъ бюрократизма, «характеризуемый преобладаніемъ отвлеченности, теоретизма, общихъ взглядовъ и нѣсколько пренебрежительнымъ, недостаточно внимательнымъ отношеніемъ къ чисто-мѣстнымъ задачамъ и потребностямъ; точнѣе сказать, эти послѣднія мѣряются на отвлеченный аршинъ господствующихъ теоретическихъ началъ и отвлеченныхъ представленій объ общемъ благѣ и т. п., тогда какъ уѣздныя управы самымъ своимъ положеніемъ обязываются держаться крѣпче мѣстной почвы, конкретныхъ нуждъ и пользы своего уѣзда».

Радуясь тому, что московское земство подняло «знамя бунта» противъ губернскаго земства, газета надѣется, что за этимъ знаменемъ пойдутъ и другія земства.

Для иллюстраціи взглядовъ *Новаго Времени* относительно «теоретизма» губернскаго земства и практичности уѣздныхъ мы приведемъ два до-

клада, обсуждавшіеся въ послѣдней сессіи тульскаго губернскаго земскаго собранія. Доклады эти поступили изъ Новосильскаго и Чернскаго уѣздовъ, — послѣдній уже успѣлъ приобрести нѣкоторую извѣстность своей борьбой противъ земской школы. Въ обоихъ этихъ уѣздахъ земское дѣло попало въ руки «практичныхъ» людей, присвоившихъ себѣ монополію знанія правды дѣйствительной жизни и, какъ и всѣ подобныя монополисты, объявившихъ рѣшительную войну всякимъ «теоріямъ» и «увлеченіямъ». Вотъ, въ видахъ исключенія изъ практической земской жизни «теорій» и «увлеченій», новосильское земское собраніе, по словамъ *Орловскаго Вѣстника*, и рѣшило ходатайствовать предъ правительствомъ объ измѣненіи ст. 75 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ денежные ассигнованія, какъ въ губернскомъ, такъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, разрѣшались лишь большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, а не простымъ большинствомъ. Такое же постановленіе, по предложенію гласнаго С., принято и чернскимъ собраніемъ. Въ докладѣ, представленномъ г. С. по этому поводу, было указано, что губернское земство доведетъ уѣзды до полного разоренія, особенно своими заботами о народномъ образованіи (*Da liegt der Hund begraben!*). На этомъ основаніи г. С. приходитъ къ выводу о бесполезности губернскаго земства, «гдѣ проходитъ болѣе времени въ практикѣ въ ораторствѣ, чѣмъ въ занятіяхъ дѣлами». Не рѣшаясь еще требовать упраздненія безполезнаго губернскаго земства, г. С. просилъ ходатайствовать, чтобы денежные ассигнованія принимались большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ. Доклады обоихъ земствъ почти единогласно были отвергнуты губернскимъ земскимъ собраніемъ.

Читатель видитъ, что просвѣщенные новосильскіе и чернскіе прожектеры совершенно сошлись съ *Новымъ Временемъ* во взглядахъ на значеніе губернскаго земства. Недаромъ говорить французская поговорка: *Les beaux esprits se rencontrent*. Новосильскіе и чернскіе земцы такъ же, какъ и *Новое Время*, пуще всего боятся «теоретизма» и «увлеченій» и крѣпко держатся «практической» почвы. Но гдѣ граница между «теоріей» и «практикой»? Есть люди, которые все, что выходитъ изъ круга ихъ ограниченныхъ, узкихъ интересовъ, считаютъ «теоріей» и «увлеченіями», а всякую теорію, въ свою очередь, считаютъ безполезной. Съ этой точки зрѣнія можно усмотрѣть «теоретизмъ и отвлеченность» не только въ губернскомъ земствѣ, но и во всякомъ другомъ центральномъ учрежденіи. Но не нужно вовсе быть поклонникомъ централизаціи, чтобы признавать, что центральные органы не менѣе полезны и необходимы, чѣмъ мѣстные. Задача губернскаго земства не менѣе практическая и полезная, чѣмъ задача уѣздныхъ: оно должно руководить и направлять земскую дѣятельность всей губерніи, согласовать интересы отдѣльныхъ уѣздовъ съ общегубернскими интересами и нуждами и распредѣлять общегубернскія средства такъ, чтобы развитіе уѣздовъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, медицинской помощи населенію и т. д. шло, по возможности, болѣе равномерно.

Надо надѣяться, что комиссія, выбранная, по предложенію В. И. Герье,

московскимъ губернскимъ собраніемъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній губернскаго и уѣзныхъ земствъ, именно въ этомъ смыслѣ и рѣшить вопросъ, имѣющій важное принципиальное значеніе для всей земской Россіи.

Съ наступленіемъ весны извѣстія о голодѣ, охватившемъ восточныя губерніи, становятся все болѣе и болѣе тревожными. Нужда, повидимому, достигла въ настоящее время сильнѣйшей степени напряженія. Можно подумать, что, въ виду приближенія новаго сбора хлѣбовъ, голодѣ, если можно такъ выразиться, собираетъ всѣ свои усилія для того, чтобы нанести послѣдній ударъ населенію, измученному и изстрадавшемуся въ непосильной борьбѣ съ нуждой. Тифъ, цынга и другіе спутники голода эпидемически распространяются по цѣлымъ уѣздамъ, дополняя своими ужасами и безъ того страшную картину голода. Газеты переполнены извѣстіями, несущимися изъ голодающихъ мѣстностей и рисующими нерѣдко такія картины, отъ которыхъ съ болью сожмется самое черствое сердце. А между тѣмъ тѣ же извѣстія сообщаютъ, что ни средствъ, ни людей не хватаетъ для борьбы съ голодомъ и сопровождающими его болѣзнями. Такъ, г-жа Габай пишетъ въ № 86 *Русскихъ Вѣдомостей*: «Изъ предшествующихъ сообщеній въ газетахъ извѣстно, что Казанская губ. одна изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая. Поѣхавъ туда, а именно въ село Савруши, Чистопольскаго уѣзда, и открывъ тамъ столовую на средства моей матери, я и г-жа Кожикова вполне убѣдились, какъ незначительны средства, какими мы располагаемъ. Тысячи съ лишнимъ рублей слишкомъ недостаточно, чтобы накормить хоть 500 человекъ до новаго хлѣба. Крестьяне продали и проѣли все, что у нихъ было. Скотины почти ни у кого уже нѣтъ, одежды также, не говоря уже о какихъ бы то ни было запасахъ хлѣба или овощей. У немногихъ осталось еще по одной лошади, съ которой особенно тяжело разставаться теперь, когда въ нихъ скоро будетъ такая нужда; куда ни заглянешь, всюду одинъ и тотъ же видъ полнѣйшаго запустѣнія. Цынга, эта ужасная спутница голода, уже властно вступила въ свои права. Больныхъ чрезвычайно много, а будетъ еще больше, потому что помощь населенію слишкомъ незначительна. Хотимъ открыть еще столовую, но нѣтъ средствъ. Придите, кто можетъ, на помощь этой ужасной нуждѣ» *). Изъ Спасскаго у. той же Казанской губ. сообщаютъ въ *С.-Петербургскія Вѣдомости*: «Тифъ и цынга на почвѣ недоѣданія населенія начинаютъ распространяться въ этомъ уѣздѣ съ ужасающей быстротой. Въ особенности плохо приходится отъ цынги женщинамъ и груднымъ ребятамъ, у которыхъ, выражаясь языкомъ врачей, цынга проявляется въ классическихкихъ формахъ. Во многихъ деревняхъ нѣтъ не только хлѣба, но нѣтъ и дровъ. Частныхъ пожертвованій, ссудъ правительственныхъ и столовыхъ Краснаго Креста положительно недостаточно

*) Тутъ же адресъ для писемъ и посылокъ: Село Савруши, Чистопольскаго у., Казанской, для г-жъ Габай и Кожиковой.

для того, чтобы населеніе могло противопоставить здоровые организмы цынгѣ, тифу, дифтериту и другимъ эпидемическимъ заболѣваніямъ... А между тѣмъ голодъ нынѣшняго года во многихъ мѣстахъ нашей губерніи гораздо сильнѣе даетъ себя знать населенію, чѣмъ голодъ 1891 г.» Ветеринарный врачъ г. Могилевскій дѣлится на столбцахъ *Русскихъ Вѣдомостей* впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ поѣздки по Сарапульскому уѣзду, Вятской губ. «Есть семьи,—пишетъ онъ,—дѣти которыхъ не имѣютъ ни платья, ни бѣлья или же только всего одну рубашку и, когда моютъ послѣднія, то дѣти остаются буквально голыми и сидятъ на печкѣ все время, пока рубашки не высохнутъ. Не мало есть и взрослыхъ, которымъ также надѣть нечего, ибо все продали, все проѣли. Не забыть того, какъ женщина полуголая (въ юбкѣ, но безъ рубахи, едва прикрытая платкомъ) стирала снятыя послѣднія рубахи, свою и мужа, или какъ черемисницѣ и русскій показывали тряпки, надѣтыя на нихъ вмѣсто бѣлья... Не мало приходилось видѣть весьма тяжелыхъ сценъ, которыхъ никогда не забудешь»...

Особенно часто мелькаютъ въ газетахъ извѣстія о цынгѣ. Л. В. Лепешкина сообщаетъ въ *Курьерѣ* изъ Кармалинской волости, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ.: «Работы масса. Цынга распространяется не по днямъ, а по часамъ. Въ Кармалахъ открытъ баракъ для цынготныхъ больныхъ. Видъ больныхъ ужасный. Намъ придется лѣчить самимъ. Въ одной деревнѣ появилась даже оспа... Денегъ, денегъ, денегъ!»... *Новое Время* получило письмо изъ Казанской губерніи отъ лица, работающаго на мѣстѣ: «Теперь эпидемія цынга,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ.—Война объявлена и надо дѣйствовать. Надо большія и большія средства. Надо ихъ направлять равномерно, ибо несправедливо, когда приносятъ въ одинъ уголокъ, одну деревню больше, чѣмъ въ сосѣднія. Мы готовы умолять всѣхъ дать намъ средства для борьбы съ эпидеміей и пріѣзжать для личной работы. Дѣлаешь все свыше силъ и кармана. Просто не хватаетъ силъ. Не имѣемъ времени для сна, ѣды. Нервы разстроены. Что выдерживаешь—Богъ видитъ. Боже, какъ надо людей и людей, которые могли бы добровольно посвятить себя трудной работѣ: кормить и кормить». Въ № 83 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* читаемъ о чрезвычайно быстромъ распространеніи цынга въ Самарскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ. Количество больныхъ растетъ ежеминутно, и въ настоящее время приходится уже имѣть дѣло съ сотнями цынготныхъ въ каждомъ селеніи. «Развиваясь быстро въ этихъ уѣздахъ въ самой тяжелой формѣ, сваливающей съ ногъ обезсиленное населеніе, цынга несомнѣнно широко развивается и въ прочихъ уѣздахъ Самарской губерніи: такъ уже нынѣ получены свѣдѣнія о 19 селеніяхъ Николаевскаго и 20 селеніяхъ Бугурусланскаго уѣздовъ». И здѣсь также не хватаетъ ни средствъ, ни людей. Настоящій дѣйствующій на мѣстахъ отрядъ Краснаго Креста,—сообщаетъ корреспондентъ газеты,—въ буквальный смыслъ слова совершенно измученъ. Особенно необходимъ низшій медицинскій персоналъ. Запаздываніе помощи отражается самымъ пагубнымъ образомъ на борьбѣ съ эпи-

деміей; болѣзнь распространяется съ немовѣрной быстротой, и число больныхъ черезъ три-четыре дня со времени появленія цынги утраивается. А между тѣмъ своевременно организованная помощь совершенно останавливаетъ распространеніе цынги.

Но вы, можетъ быть, не знаете, читатель, что такое цынга. Вотъ краткое описаніе этой болѣзни, которое даетъ г. Пругавинъ со словъ врача самарскаго губернскаго земства г. Эйгеса, въ статьѣ *Самарскій голодъ*. Цынготные больные дѣлятся на легкихъ, среднихъ и тяжелыхъ. Къ легкимъ относятся тѣ больные, у которыхъ наблюдается пораженіе десенъ и кровоизліаніе въ кожѣ; къ среднимъ тѣ, у которыхъ кромѣ этого наблюдается еще кровоизліаніе въ мышцахъ и пораженіе одного или двухъ суставовъ; у тяжелыхъ больныхъ замѣчаются большіе кровоподтеки, мѣстами пролежни и язвы и пораженіе нѣсколькихъ суставовъ. «Очевидцы, имѣвшіе случай посѣтить села, пораженныхъ цынгой,—читаемъ мы въ статьѣ г. Пругавина,—передаютъ настоящіе ужасы о томъ, что имъ приходилось тамъ видѣть и наблюдать. Цынга въ тяжелой формѣ уродуетъ и калѣчитъ человѣка: больные, пораженные тяжелой формѣ цынги, лишаются зубовъ, совершенно обезсиливаютъ, лицо ихъ распухаетъ до того, что становится не видно глазъ, а тѣло почти сплошь покрывается пролежнями, язвами и кровоподтеками; при отсутствіи помощи и надлежащаго ухода (а какой же уходъ можетъ быть въ смрадной, сырой, грязной и холодной избѣ?) они заживо разлагаются. Въ избу, гдѣ лежатъ больные, свѣжему человѣку трудно войти: такой невыносимо-тяжелый, чисто-трупный запахъ идетъ отъ нихъ!»

Ваши нервы измучены, читатель. Каково же очевидцамъ, близко стоящимъ къ народной нуждѣ, видѣть всё эти ужасы и слышать стоны голодающихъ, особенно дѣтей *)! И дѣйствительно, нѣкоторыя сообщенія изъ голодающихъ мѣстностей представляютъ собою настоящіе вопли отчаянія. Мы позволимъ себѣ привести еще здѣсь помѣщенное въ *Волжскомъ Вѣстникѣ* письмо священника села Елани, Лаишевскаго уѣзда, М. Н. Ивановскаго. Въ каждой строкѣ этого безхитростнаго, простаго письма сельскаго священника слышится трепеть потрясеннаго сердца. «Господи, Господи!—пишетъ о. Ивановскій.—Вразуми и научи, что мнѣ сдѣлать съ нуждающимися... Душа моя скорбитъ смертельно, видя толпы, идущія къ моему дому съ просьбой о помощи. Плачутъ, кланяются въ ноги, говоря: «добрый пашъ батюшка, не дайте умереть! Ради самого Создателя, помогите. Вотъ, батюшка, моя семья три дня не ѣла, силы нѣтъ ходить, а ребятишки кричать: «мама, хлѣбца,—мама, ѣсть хочу!» Батюшка, дай ради Бога, хоть фунтиковъ 5 мучки, настряпаемъ ржаныхъ прѣсныхъ лепешекъ и душу отведемъ». Вотъ, благодѣтели христіюбивые, что мнѣ, служителю Престола Божія, приходится видѣть во второй половинѣ каждаго мѣсяца. Вникните,

*) *Новое Время* (17 марта), говоря о дѣятельности въ Уфимской губ. кн. С. И. Шаховскаго и его сотрудниковъ, имѣло... твердость духа сказать: „Суля теперь по ихъ письмамъ въ московскій Курьеръ, видъ окружающей нужды и голытѣбы заставляеть ихъ *мзмиине переночать*“.

православные, въ нужду бѣдствующихъ, не ѣвшихъ по три дня! Вообразите себѣ невинныхъ людей, кричащихъ съ душою потрясающимъ плачемъ: «мама хлѣбца,—мама, ѣсть хочу!» Войдите въ мое положеніе. Каково мнѣ, приходскому священнику, видѣть и слышать потрясающую картину? Да, душа моя скорбитъ смертельно. Какъ я желалъ бы не видѣть всего этого, но воля Божія... Ради Бога, ради Господа, ради Царицы Небесной, помогите, помогите, помогите скоро»...

Но, увы! Несмотря на отчаянные крики о помощи, которые несутся изъ деревни, общество остается сравнительно глухо къ народному бѣдствію. Въ тѣхъ же корреспонденціяхъ, въ которыхъ рисуются страшныя картины голода, мы читаемъ и жалобы на равнодушное отношеніе общества къ положенію голодающаго населенія. О той отзывчивости, о томъ общественномъ подъемѣ, который имѣлъ мѣсто въ 1891—92 г., нѣтъ въ настоящее время и помину. Правда, поступаютъ пожертвованія въ пользу голодающихъ, но ихъ слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣмъ, сколько нужно; отправляются въ пострадавшія мѣстности группы лицъ для организаціи помощи, — особенно отличается своей энергичной дѣятельностью въ Уфимской губерніи кн. С. И. Шаховской, — но въ людяхъ чуть ли не бѣльшій недостатокъ, чѣмъ въ деньгахъ. Все это капля въ морѣ народной нужды.

Въ № 80 *Курьера* помѣщено трогательное письмо, подписанное учительницей и 400 дѣтьми. Посылая для голодающихъ 5 пудовъ бѣлья и платья, учительница пишетъ, что все это собрано школьной дѣтворой. «Прислушались дѣтишки корреспонденціи, помѣщенной въ вашей уважаемой газетѣ,—пишетъ учительница,—у многихъ глаза затуманились, и понесли на ругой же день узелочки и сверточечки. Два раза уже школьники и копейки свои отсылали голоднымъ и еще собираемъ къ Пасхѣ,—пришлю въ вашу редакцію,—да позвольте и еще пудиковъ пять прислать бѣлья и платья: дѣтямъ—отъ дѣтей, а взрослымъ—отъ взрослыхъ».

Эти дѣти, собирающія копейки и узелочки платья для голодающихъ, даютъ намъ, взрослымъ, хорошій урокъ любви къ ближнему. Приближается Пасха, свѣтлый праздникъ христіанской любви и милосердія. Пусть же въ эти дни широко откроются наши сердца для помощи нашимъ братьямъ во Христѣ, гибнущимъ отъ голода, тифа, цынга и всякой другой напасти...

Провинціальная Русь дѣятельно готовится къ предстоящимъ пушкинскимъ празднествамъ. Отовсюду изъ самыхъ глухихъ и самыхъ отдаленныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества получаютъ извѣстія о приготовленіяхъ къ чествованію памяти великаго національнаго поэта. Память поэта будутъ чествовать и на сѣверѣ, который былъ такъ «вреденъ» для него, и на далекомъ югѣ, гдѣ онъ когда-то томился въ изгнаніи, и въ холодной Сибири, — словомъ, на всемъ пространствѣ Россіи, «отъ финскихъ хладныхъ скалъ, до пламенной Болхиды, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая». Конечно, не все населеніе на этомъ пространствѣ будетъ принимать участіе въ чествованіи Пушкина. Не будутъ принимать

участія въ празднествахъ тѣ, которые никогда не слышали имени поэта, пробудившаго своей лирой добрыя чувства и такъ горячо мечтавшаго когда-то объ освобожденіи народа отъ ига крѣпостнаго права. Крѣпостное право пало, но народъ остался подъ игомъ невѣжества и нужды...

Среди извѣстій о приготовленіяхъ къ празднествамъ любопытны тѣ, которыя сообщаютъ объ участіи въ чествованіи поэта иностранцами. Такъ, изъ Евпаторіи сообщаютъ *Мишаку*, что прихожане армянской церкви ходатайствуютъ о разрѣшеніи открыть имъ въ оградѣ церкви бібліотеку-читальню имени Пушкина. Въ Бишиневѣ мѣстные цыгане, потомки воспѣтыхъ поэтомъ Алеко и Земфиры, подали ремесленному старшинѣ прошеніе о желаніи примкнуть къ чествованію памяти творца «Цыганъ». Такія же извѣстія получаются изъ различныхъ мѣстностей Кавказа. Мечта поэта о томъ, что назоветъ его всякъ сущій въ Россіи языкъ, еще не осуществилась, но начинается осуществляться.

Формы чествованія приближительно предполагаются вездѣ однѣ и тѣ же. Въ разныхъ городахъ именемъ поэта будутъ названы улицы или площади, будутъ устроены торжественныя собранія для интеллигенціи и чтенія для народа, предполагаются дѣтскіе праздники съ устройствомъ прогулокъ по городу воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Въ нѣкоторыхъ городахъ къ чествованію памяти поэта будетъ приурочено открытіе полезныхъ обществъ или учреждений, наприм., въ Перми предполагается открытіе пушкинскаго общества для содѣйствія народному образованію въ Пермской губерніи. Въ большинствѣ городовъ и земствъ память поэта предполагается чествовать открытіемъ школъ, бібліотекъ, народныхъ читаленъ и другихъ просвѣтительныхъ учреждений. Последняя форма чествованій является наиболѣе удачной и достойной имени великаго поэта. Распространять именемъ поэта просвѣщеніе—значить воздвигнуть ему тотъ самый нерукотворный памятникъ, о которомъ мечтала его возвышенная душа.

Но мы были бы недостойны себя, еслибъ предстоящія празднества прошли безъ всякаго диссонанса. Ужъ какіе бы мы были россияне, еслибъ мы могли совершить какое-нибудь культурное дѣло безъ того, чтобы хоть гдѣ-нибудь не прозвучалъ диссонансъ. Какъ это ни печально, но, повидимому, не пройдутъ безъ диссонансовъ и пушкинскіе дни, какъ не прошли безъ нихъ и празднества въ честь Бѣлинскаго. По крайней мѣрѣ, въ псковскомъ комитетѣ по устройству пушкинскаго праздника уже творится что-то неладное. По сообщенію псковскаго корреспондента *Сына Отечества*, здѣсь давно уже ходили слухи о томъ, что нѣкоторая часть псковскаго дворянства пытается придать предстоящему торжеству исключительно дворянскій характеръ на томъ основаніи, что Пушкинъ былъ дворянинъ. Такъ, нѣсколько времени тому назадъ псковскій губернскій предводитель дворянства поручилъ предсѣдателю уѣздной земской управы сообщить всемъ землевладѣльцамъ, что 28 мая въ Псковѣ предполагается балъ въ честь Пушкина въ дворянскомъ собраніи. На балъ этотъ рассылаются приглашенія черезъ уѣздную земскую управу отъ имени предводителя дворянства. Но

кому бы вы думали, читатель? Общественнымъ группамъ или даже сословіямъ, чиновному міру, врачамъ, учителямъ и т. д.? Нѣтъ, исключительно лицамъ, обладающимъ... земельнымъ цензомъ. Чѣмъ руководствуется въ этомъ случаѣ псковскій предводитель дворянства—сказать довольно трудно. Можетъ быть, онъ полагаетъ, что лишь лица, обладающія земельнымъ цензомъ, въ состояніи оцѣнить значеніе Пушкина; можетъ быть, онъ считаетъ ниже своего достоинства принять участіе въ празднествѣ вмѣстѣ съ лицами не обладающими земельной собственностью. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: сколько бы псковскій комитетъ ни старался, ему не удастся сдѣлать изъ Пушкина дворянскаго поэта. Пушкинъ принадлежитъ всей Россіи, образованной.

Русской печати рѣдко приходится говорить о своихъ собственныхъ нуждахъ. Общество, требуя отъ повременныхъ изданій разнообразныхъ достоинствъ, объ этихъ нуждахъ до сихъ поръ не заботилось. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прочли мы въ *Журналѣ Министерства Юстиціи* замѣтку сенатора Боровиковскаго о томъ, что такое *печатный листъ*. 8 августа прошлаго года издано было распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, по которому печатный листъ опредѣлялся въ 33,000 буквъ. «Почему 33,000?—спрашиваетъ *Журналъ Министерства Юстиціи*. — Свѣдущіе въ типографскомъ дѣлѣ утверждаютъ, что при дѣйствіи правилъ 1867 г., «сообразительный» издатель, взявъ наиболѣе «выгодные» форматъ и шрифтъ, могъ выпустить безъ предварительной цензуры книгу въ 10 листовъ, съ наборомъ въ листъ менѣе 11,000 буквъ. Почему же теперь—33,000? *Для этого ни малѣйшаго основанія въ законѣ нѣтъ.*

«Помимо отсутствія почвы въ законѣ, распоряженіе 1898 г. грѣшитъ и крайней неясностью, «чреватой» массой недоразумѣній.

«Сказано: «33,000 буквъ». Какъ это понимать: требуется ли количество, дѣйствительно, напечатанныхъ буквъ или, какъ выражаются въ типографіяхъ, «мѣстъ»? Дѣло въ томъ, что при заказахъ въ типографіяхъ, въ основаніе счета берется количество «мѣстъ» въ строкѣ, т.-е. считается, сколько буквъ помѣстилось бы въ строкѣ, еслибы она заполнилась буквами сплошь, безъ вычета разстояній, занимаемымъ промежутками между словами, неполными строками и т. п. Что же требуется: 33,000 буквъ или мѣстъ? Разница, по меньшей мѣрѣ, процентовъ въ 10. И притомъ, сосчитать «мѣста» въ строкѣ не трудно; но считать, хотя бы лишь въ сомнительныхъ случаяхъ, количество, дѣйствительно, напечатанныхъ буквъ—слишкомъ кропотливо.

«Чтобы иллюстрировать чрезмѣрную требовательность новыхъ правилъ, можно указать, наприм., что въ листъ такого формата и шрифта, какимъ напечатана эта моя статья, всего лишь 32,000 мѣстъ, а буквъ не болѣе 29,000. Слѣдовательно, листъ *Журнала Министерства Юстиціи*, во всякомъ случаѣ, не листъ, и подписчики журнала не всегда получаютъ обѣщанныя 20 листовъ въ книгѣ. Напечатанная этимъ шрифтомъ и въ этомъ

форматъ книга, въ 160 страницъ, т.-е. въ 10 листовъ, подлежить по новымъ правиламъ предварительной цензуры. Беру на выдержку другую понавшуюся подъ руку книгу, *Императоръ Александръ I* г. Шильдера. Книга эта напечатана in 4° по 8 страницъ въ листъ; мѣсть въ строкъ приблизительно 64, строкъ въ страницъ 42. Не мало мѣста отходить на рисунки, на пробѣлы въ заглавныхъ и заключительныхъ страницахъ главъ и т. п. Но если бы страницы были заняты наборомъ сплошь, то и тогда въ листъ оказалось бы всего 21,500 мѣсть (64 мѣста \times 42 строки = 2,688 въ страницъ \times 8 = 21,504), а буквъ никакъ не больше 19,000. Значить, листъ такой книги—далеко «не листъ», и 10 такихъ листовъ—отнюдь не 10.

«Далѣе. Установленіемъ нормы «33,000 буквъ» — устранена ли норма «печатный листъ»? Могутъ быть два случая: наборъ, 1) болѣе и 2) менѣе 33,000 буквъ. Спрашивается, если въ наборъ данной книги, скажемъ, не 33,000, а 66,000 буквъ, сочтутъ ли два листа за одинъ? При утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ выйдетъ, что при наборѣ въ 66,000 буквъ пройдетъ безъ предварительной цензуры книга въ 5 печатныхъ листовъ, а книга съ наборомъ въ 16,500 и менѣе буквъ подлежить цензуры, хотя бы въ ней было 19 и даже болѣе печатныхъ листовъ. Въ обоихъ случаяхъ нарушается указанная закономъ норма—«печатный листъ».

«А стихотворенія? Поэты капризны на длинныя и короткія строчки. Какъ ихъ учитывать? Прежнія правила все-таки давали норму, а распоряженіе 1898 г. должно поставить цензоровъ втупикъ, ибо не даетъ по этому вопросу никакихъ особыхъ узаконеній, значить и отъ стиховъ требуется 33,000 буквъ въ листъ? Беру на выдержку *Евгенія Онтима*, въ немъ (изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб., 1887 г.) болѣе 10 печатныхъ листовъ и, слѣдовательно, по правиламъ, дѣйствовавшимъ до 1898 года, поэма могла бы выйти безъ предварительной цензуры. Сосчитавъ же буквы въ 2—3 строчкахъ, я вижу, что, несмотря на значительный форматъ упомянутаго изданія, въ листъ не болѣе 13,000 буквъ,—недостаетъ 20,000 до нормы».

Сенаторъ Боровиковскій полагаетъ, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ. По его мнѣнію, слѣдовало бы сохранить только цензуру карательную (по судебному приговору?); а изъ предварительныхъ оставить лишь 1) цензуры спеціальныя (иностранная, духовная, придворная) и 2) добровольную, для желающихъ подвергнуть ей предполагаемую къ выпуску въ свѣтъ книгу.

Въ газетѣ *Развѣдчикъ* появился глубоко печальный рассказъ отставного генералъ-лейтенанта А. А. Навроцкаго о нежданой дуэли между двумя офицерами-друзьями (товарищами по училищу). Подвыпили они, изъ-за пустяка повздорили, одинъ получилъ ударъ по лицу. «Оба валятся и засыпаютъ». Въ несчастію, были свидѣтели. На другой день обоихъ пріятелей вызываютъ къ полковому командиру. Тотъ спрашиваетъ:

«— Вы помните, что съ вами было вчера послѣ обѣда?»

«— Ничего не было особеннаго, господинъ полковникъ.

«— Ничего?

«— Не знаю.

«— Ну, такъ я вамъ скажу,—продолжалъ строго командиръ полка,— вы получили вчера ударъ по лицу отъ поручика Волоцкого, когда не дозволяли ему снять пистолеть со стѣны. Помните?

«— Не помню, господинъ полковникъ. Извините, мы оба были выпивши. Если и было что, то безъ намѣренія, нечаянно.

«— Я не могу судить о намѣреніяхъ. Я знаю фактъ. Онъ произошелъ при постороннихъ, въ присутствіи офицера другого полка. Какъ думаете вы возстановить честь, смыть нанесенное вамъ оскорбленіе?

Оскорбленный возвращается домой. Оскорбитель только что проснулся и лежалъ на кровати.

«— Зачѣмъ тебя требовалъ командиръ полка?—спросилъ онъ меня.

«— Вася, ты помнишь, что ты натворилъ вчера?—спросилъ его я.

«— Не помню, рѣшительно не помню!—отвѣчалъ онъ, зѣвая и потягиваясь.—Упился, какъ сапожникъ, до положенія ризъ. А что?

«— Ты ударилъ меня по лицу.

«— Ну!— Вася вскочилъ, обнялъ меня и, цѣлуя, говорилъ: — прости, прости, голубчикъ! Экая я скотина! Прости, милочка! Какъ это меня угораздило?

«— Я-то убѣжденъ, что нечаянно, но тутъ были свидѣтели: Иванцовъ и Скрибятскій. Они разболтали и...

«— И командиръ полка требовалъ тебя по этому поводу?

«Я молча кивнулъ головой.

«И въ результатѣ дуэль друзей для возстановленія чести. Смерть одного отъ шальной пули. Терзанія совѣсти другого».

Въ высшей степени прискорбный случай, который наводитъ на печальныя размышленія. Иного мнѣнія генералъ-лейтенантъ А. Кирѣевъ (не извѣстный ли лже-славянофилъ?). Въ *Новомъ Времени* напечатано его письмо, гдѣ онъ надѣется, что разговоръ *Развѣдчика*—фантастическій.

Въ этомъ письмѣ, если г. Кирѣевъ, какъ мы предположили, дѣйствительно, соприсчисляетъ себя къ славянофиламъ, есть прямо возмутительныя строки. Упомянувъ о приказѣ 20 мая 1894 г., генералъ Кирѣевъ говоритъ: «Конечно, основная мысль этого приказа не можетъ пользоваться сочувствіемъ автора статьи *Развѣдчика*; но онъ, авторъ, могъ бы и въ немъ найти указаніе, какъ слѣдуетъ поступить офицеру, не желающему рисковать своимъ драгоценнымъ здоровьемъ и не ощущающему никакой опасности постъ полученной (или данной своему товарищу) пощечины: такой офицеръ можетъ подать въ отставку и этимъ избѣгнуть поединка. Странно, что авторъ забылъ о возможности этого выхода для «героевъ» своего разсказа! Или онъ серьезно считаетъ возможнымъ (или даже желательнымъ?) такой порядокъ (среди офицеровъ), при которомъ можно и пощечинами обмѣниваться, и не выходить на поединокъ и еще оставаться въ полку (не

снимать мундира)? Мнѣ кажется, это было бы уже слишкомъ «удобно» для некоторыхъ господъ!»

На эту противохристіанскую выходку генералъ Навроцкій отвѣтилъ слѣдующими спокойными и основательными словами: «Г. Кирѣевъ, странно трактуя о пощечинахъ, упустилъ изъ вида, что въ моемъ очеркѣ ударъ по лицу былъ нанесенъ *безсознательно*, въ опьяненіи, и безъ всякаго намѣренія нанести оскорбленіе своему другу».

«Что же, г. Кирѣевъ требуетъ и за безсознательный нечаянный ударъ — крови и даже жизни?»

«Извѣстно ли г. Кирѣеву, что когда послѣдній законъ о дуэляхъ обсуждался предварительно въ главномъ военномъ судѣ, то члены этого суда, хорошо знакомые съ домашнимъ бытомъ нашего армейскаго офицерства, почти единогласно высказались противъ этого закона, считая, что онъ не только не поведетъ къ ограниченію дуэлей, которыя у насъ и безъ того были рѣдки, а напротивъ вызоветъ ихъ распространеніе и породитъ нежелательные случаи?»

«Такъ оно на дѣлѣ и оказалось».

По мнѣнію генерала Навроцкаго, раздѣляемому, какъ онъ сообщаетъ, многими военачальниками, «регламентация дуэлей не соответствуетъ духу русскаго человѣка, а слѣдовательно русскаго офицерства, и способна вызывать крайне печальныя послѣдствія».

Отвѣтимъ слѣдующія, вполне справедливыя слова г. Навроцкаго, которыя не мѣшало бы если не усвоить, то по крайней мѣрѣ принять къ свѣдѣнію нашимъ елейнымъ лже-славянофиламъ: «постановленіе закона о возможности» избѣжать дуэли выходомъ въ отставку почти не примѣнимо въ дѣйствительности. Имъ на человѣка налагается клеймо трусости и надо имѣть героическій, исключительно христіанскій взглядъ, чтобы, нося офицерскій мундиръ и привыкнувъ къ офицерской жизни съ ея во многомъ условными понятіями, оставить службу съ клеймомъ труса на челѣ».

Цѣлесообразность новаго закона отвергается компетентными людьми. Онъ нашелъ, что въ офицерскомъ быту «предназначенныя пощечины не терпѣлись ранѣ этого закона, не будутъ терпѣться и не будутъ оставаться безнаказанными никогда. Въ этомъ быту однако есть свои особыя условія русской жизни, чуждыя строгой шепетильности и формальной регламентации германскихъ военныхъ порядковъ, гдѣ они развились подъ вліяніемъ иныхъ историческихъ условій. Пересаживать ихъ на нашу почву поэтому и не существуетъ, какъ думаю, доказательной необходимости».

Мы можемъ только живѣйшимъ образомъ привѣтствовать мнѣніе заслуженнаго генерала, раздѣляемое многими военачальниками, о возможности согласованія требованій военной чести съ предписаніями Евангелія.

На чрезвычайномъ собраніи дворянъ Тифлисской губерніи горячимъ и продолжительнымъ преніемъ былъ подвергнутъ вопросъ о введеніи въ край земскихъ учреждений. Одинъ изъ ораторовъ, князь Д. З. Меликовъ,

доказывая необходимость земских учреждений, упомянуть о национальной розни, будто бы существующей между народностями Закавказья. Оратор читалъ въ газетахъ подобныя увѣренія нѣкоторыхъ публицистовъ, но самъ другого мнѣнія. «Дворянство наше,—продолжалъ кн. Меликовъ,—состоитъ изъ грузинъ, армянъ и татаръ, никогда въ собраніяхъ своихъ не возбуждало національныхъ вопросовъ, и страсти не разыгрывались на этой почвѣ. Во всякомъ случаѣ, если эта рознь существуетъ, то она родилась и окрепла безъ земства, и я не понимаю, какимъ образомъ земскія учрежденія будутъ содѣйствовать ея усиленію!... Въ числѣ практическихъ затрудненій для введенія земства называютъ, главнымъ образомъ, неразмежеванность нашихъ владѣній. При этомъ противники забываютъ, что администрація сумѣла обойтись безъ межеванія и ввела уже поземельный налогъ. Правда, это обстоятельство, дѣйствительно, нужно счесть неудобствомъ, но говорить о невозможности введенія у насъ земства изъ-за того, что еще не закончено межеваніе, значитъ просто вымышлять доводы противъ несимпатичнаго нововведенія... Введеніе земскихъ учреждений, дѣйствительно, увеличитъ наши налоги; но если мы испрашиваемъ милости и охотно пользуемся привилегіями всего російскаго дворянства, то неужто намъ позволительно отказаться отъ тягостей въ пользу общегосударственнаго дѣла, которыя равно несутъ наши собратья во внутр. губерніяхъ».

Эта рѣчь была покрыта долгими рукоплесканіями. Послѣ нея въ защиту введенія земскихъ учреждений сказалъ князь П. Т. Чавчавадзе. Тифлисское дворянское собраніе, громаднымъ большинствомъ голосовъ, высказалось въ пользу предложенія. Постановлено выработать въ особой комиссіи текстъ ходатайства и внести его на утвержденіе апрѣльскаго чрезвычайнаго дворянскаго собранія.

Вопросъ о введеніи земскихъ учреждений возбужденъ и въ Землѣ Войска Донскаго. Какъ извѣстно, введенное въ этой области земство было, такъ сказать, взято назадъ.

Въ настоящее время въ Новочеркасскѣ работаетъ комиссія генерала Маслоковца. Она изучила причины упадка хозяйственнаго быта въ землѣ войска Донскаго и изыскиваетъ мѣры къ поднятію экономическаго и культурнаго вообще уровня областей. Новочеркасская *Донская Рѣчь* говоритъ по поводу трудовъ комиссіи слѣдующее: «Необходимость земства явится неоспоримымъ положеніемъ, разъ будетъ признано, что благосостояніе казачества можетъ развиваться только рядомъ и въ зависимости съ общимъ культурнымъ развитіемъ массъ населенія, а что это будетъ признано,—въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Усиленное распространеніе общаго народнаго образованія, распространеніе техническихъ и профессиональныхъ знаній, народное здравіе, изысканіе мѣръ помощи сельскому хозяйству и проч. все это—вопросы и задачи, въ которыхъ земство не только доказало уже многолѣтнимъ опытомъ свою полную компетентность, но и обнаружило въ высшей степени плодотворные результаты въ осуществленіи этихъ задачъ. Наконецъ, земство даетъ намъ то, чего мы до сихъ поръ почти не имѣли:

правильное представленіе о нуждахъ населенія края, точную картину всѣхъ сторонъ его общественной жизни въ каждый данный моментъ. «Мы столько можемъ, сколько знаемъ,—говорилъ еще Бэконъ,—и вотъ это-то «знаніе» и дадутъ намъ земскія статистическія изслѣдованія, давно уже пользующіяся всюду признаніемъ своей солидности и незаурядной цѣнности» *).

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* очень кстати напечатана статья. *Къ исторіи тотализатора и законодательной постановки его во Франціи* **). Говоримъ очень кстати потому, что скоро начнется скаковой и бѣговой сезонъ и вмѣстѣ съ нимъ развращающая «работа» тотализатора.

Починъ въ организаціи этого безнравственнаго учрежденія принадлежитъ нѣкому Оллеру (въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ истекающаго столѣтія). Игра все возрастала, и съ восьмидесятыхъ годовъ приняла такіе размѣры, что скаковые и бѣговые круги превратились въ игорныя мѣста съ массою злоупотребленій. 15 марта 1887 г. послѣдовало распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, воспредавшее заклады на ипподромахъ.

Началась борьба противъ запрещенія тотализатора, который наконецъ и былъ разрѣшенъ, съ разными обязательными и ограничительными условіями. Въ 1895 г. общая сумма закладовъ на всѣхъ французскихъ ипподромахъ составила 163.018,413 фр.; изъ означенной суммы 1% — 1.630,183 фр. 13 с. были обращены въ фондъ на поощреніе коневодства, 2% — 3.268,368 фр. 26 с. отданы на благотворительныя учрежденія и, наконецъ, 4% — 6.580,736 фр. 54 с. поступили въ пользу обществъ.

Бъ сожалѣнію, тотализаторъ, повидимому, прочно организовался и у насъ.

*) *Донская Рѣчь*, 22 марта.

***) *Правит. Вѣстникъ*, №№ 64 и 65.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Бол. Никитская ул., Шереметевскій пер., д. Шереметева) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1887, 1888, 1890, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку— по разстоянію.

Полные годовые экземпляры журнала высылаются съ налож. плат. по полученіи задатка не менѣе двухъ рублей. При выпискѣ отдѣльныхъ номеровъ журнала съ налож. плат. гг. подписчики благоволятъ прилагать при заявленіи 35 коп. (почтовыми марками) за каждый выписываемый номеръ журнала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Апрѣль

1899 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика. — Публицистика, критика. — Философія, психологія, педагогика. — Этнографія, археологія, антропологія, географія. — Политическая экономія, статистика. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Искусство. — Учебники, пособия. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *мартъ*. — «Русское Богатство», *февраль*. — «Міръ Божій», *мартъ*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 1899 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Памяти В. Г. Бѣлинскаго“. Литерат. сборникъ. — „Святочные рассказы“. Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Изданіе Пензенской общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. М., 1899 г. Ц. 3 руб. 50 коп. Прежде чѣмъ говорить о содержаніи этой книги, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что „чистый доходъ поступить въ фондъ имени В. Г. Бѣлинскаго, образуемый при Лермонтовской библіотекѣ для просвѣтительныхъ цѣлей“. Великій русскій критикъ Виссарионъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1811 г. въ Севеборгѣ, но родомъ онъ изъ Пензенской губерніи, гдѣ въ селѣ Бѣлыиѣ, Нижне-Ломовскаго уѣзда, родной его дѣдъ много лѣтъ священствовалъ. Сначала Бѣлинскій учился въ Чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ — въ Пензенской гимназіи, откуда, въ 1829 г., принужденъ былъ выйти „за нехожденіе въ классъ“. Вскорѣ онъ поступилъ въ Московскій университетъ на словесный факультетъ, но курса не кончилъ, былъ исключенъ въ 1832 г. Скончался Бѣлинскій въ 1848 г. Въ гор. Пензѣ въ память другого великаго уроженца Пензенской губерніи, М. Ю. Лермонтова, существуетъ общественная библіотека его имени. По случаю приближавшагося пятидесятилѣтія со дня смерти В. Г. Бѣлинскаго, общее собраніе членовъ Лермонтовской общественной библіотеки обратилось къ пензенской городской думѣ съ просьбой „исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на открытіе всероссійской подписки на памятникъ В. Г. Бѣлинскому и на основаніе какого-либо просвѣтительнаго учрежденія его имени. „При этомъ общество выразило надежду, что городское управленіе приметъ мѣры къ тому, чтобы самый день пятидесятилѣтія 26 мая 1898 г. ознаменовался торжественнымъ празднествомъ въ честь В. Г. Бѣлинскаго“. Городское управленіе Пензы и губернская земство съ полнымъ сочувствіемъ отозвались на призывъ общества. Живущій въ Парижѣ скульпторъ М. Я. Капланъ предложилъ городу безвозмездно памятникъ, предназначавшійся имъ на могилу Бѣлинскаго.

„Ходатайство города о разрѣшеніи всероссійской подписки на памятникъ, представленное 13 іюня 1897 г., было отклонено г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ г. министръ выразилъ, что съ его стороны не встрѣтилось бы препятствій къ разрѣшенію чествованія памяти Бѣлинскаго г. Пензой и къ сооружеію ему памятника на средства, имѣющіяся въ распоряженіи города, еслибъ отъ городской управы было возбуждено ходатайство о томъ въ установленномъ порядкѣ“. Такое ходатайство было возбуждено и, въ свою очередь, отклонено было г. министромъ на томъ основаніи, что „невозможно предвидѣть, удостоится ли проектъ памятника Высочайшаго утвержденія или нѣтъ, а также въ виду того, что городомъ не представлено проекта на памятникъ и смѣты на его сооруженіе, не выяснено, имѣется ли въ наличности необходимая на покрытіе расходовъ сумма и изъ какого источника она получена или только предназначена къ полученію“. Получено только 17 мая 1898 года разрѣшеніе устроить публичное чествованіе памяти Бѣлинскаго въ г. Пензѣ, по одобренной г. министромъ программѣ. Несмотря на краткость срока, чествованіе состоялось 26 мая того же года, довольно скромное, но тѣмъ не менѣе прекрасное тѣмъ, что на него отозвались пріветствіями почитатели великаго критика со всѣхъ концовъ Россіи и тѣмъ ясно показали, какое огромное значеніе имѣетъ для нашего отечества В. Г. Бѣлинскій. Предисловіе и первый отдѣлъ *Сборника* заняты изложеніемъ исторіи организаціи чествованія, описаніемъ самыхъ торжествъ и воспроизведеніемъ рѣчей по случаю пятидесятилѣтія со дня кончины Виссаріона Григорьевича. Этотъ отдѣлъ заканчивается матеріалами для біографіи Бѣлинскаго: статью А. Н. Пыпина—*Прѣбываніе Бѣлинскаго въ Московскомъ университетѣ*, записками и письмомъ Бѣлинскаго къ А. П. Ефремову и письмами Бѣлинскаго къ женѣ (въ 1846 г.).

Во второмъ отдѣлѣ первымъ помѣщено превосходное стихотвореніе нашего извѣстнаго поэта, подписывающаго свои произведенія буквами К. Р. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить нашихъ читателей съ этими идейно-поэтическими строфами, озаглавленными: *Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!*

„Сраженный стрѣлой ассирійскою, палъ
Кесарь, отступникъ Христова ученія.
Въ смертельной тоскѣ къ небесамъ онь взывалъ:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

Погибъ Юліанъ, врагъ Христова креста.
Церковь свободна отъ злого гоненія,
Снова воскликнули вѣрныхъ уста:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

Расторгнемъ же цѣпи порока и зла,
Къ свѣту воспрянемъ изъ тьмы усыпленія;
Вновь да раздается и ваша хвала:
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

Да сбудется вѣщее слово поэта!...

Этотъ второй отдѣлъ, занимающій 400 страницъ очень большого формата, представляетъ собою не просто книгу, а цѣлую бібліотеку небольшихъ (по размѣрамъ) литературныхъ произведеній: стихотвореній, рассказовъ, статей научнаго, историко-литературнаго и критическаго содержанія. Всѣ произведенія — оригинальныя, и между ними не мало такихъ, которыя могли бы быть украшеніемъ любой изъ европейскихъ

литературъ. За приведеннымъ нами стихотвореніемъ К. Р. и стихотвореніемъ г. Алексѣя Жемчужникова слѣдуютъ три разсказа нашего высокоталантливаго сотрудника А. П. Чехова: *Ораторъ*, *Неосторожность* и *Въ банѣ*. Всѣ три разсказа — шуточные, но наши читатели, да и вся читающая Россія, знаютъ, какой мастеръ А. П. Чеховъ на умную и незлобивую шутку, которою часто прикрывается очень серьезная и всегда гуманная мысль. Последнее въ книгѣ повѣствованіе подписано славнымъ именемъ графа Льва Николаевича Толстого. Въ 1881 г. Н. И. Костомаровъ издалъ малороссійскую легенду *Сорокъ лѣтъ*. Въ „легендѣ“ разсказывается, что нѣкто Трофимъ Семеновичъ убилъ купца, разбогатѣлъ на ограбленные деньги и живетъ въ довольствѣ и спокойствіи. При совершеніи преступленія онъ слышалъ гласъ, угрожавшій ему наказаніемъ черезъ сорокъ лѣтъ. Съ приближеніемъ этого срока Трофимъ начинаетъ мучиться и во всемъ признается сыну. Сынъ совершенно успокоиваетъ его, увѣривши, что бояться нечего, что не существуетъ никакихъ наградъ и не бываетъ никакихъ наказаній, такъ какъ „нѣтъ ни Бога, ни души“. Старикъ успокоивается и доживаетъ свой вѣкъ спокойно, безъ тревогъ и печалей. Такимъ образомъ, по „легендѣ“, наказаніе совершилось въ назначенный срокъ полною утратой вѣры и закончилось безболѣзненною, внезапною смертью „нераскаяннаго грѣшника“. Гр. Л. Н. Толстой даетъ этой „легендѣ“ новое, свое, окончаніе, болѣе соответствующее природѣ человѣка, болѣе правдивое и производящее не въ примѣръ болѣе сильное впечатлѣніе. Послѣ разговора съ сыномъ, убійца успокоивается, но лишь на очень короткое время. Едва онъ легъ спать въ своей комнатѣ, какъ началось его наказаніе. „Нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ наказанія! — разсуждаетъ онъ самъ съ собою. — Какъ хорошо, какъ покойно! И какъ много и долго я понапрасну мучилъ себя. Всѣ боремся другъ съ другомъ, всѣ губимъ другъ друга, чтобы жить, какъ это сказалъ Александръ. Борьба за существованіе — вотъ законъ. И другого нѣтъ. И мнѣ Богъ далъ быть побѣдителемъ. Богъ далъ! Все остается эта глупая привычка. Не Богъ какой-то далъ, а я сумѣлъ быть побѣдителемъ; вотъ мнѣ и хорошо. И всякій борись, а кто поборолъ, пользуйся своею побѣдой. Я поборолъ и пользуюсь“... И вотъ, мало-по-малу, онъ доходитъ до такой мысли, что и другіе захотятъ попользоваться и поступать такъ же точно, какъ онъ поступилъ. Его сынъ, Александръ, напримѣръ, навѣрное, желаетъ получить его богатство, а слѣдовательно долженъ желать его смерти, а если желаетъ, то и можетъ убить его или отравить, такъ какъ вѣдь Бога нѣтъ и никакого суда нѣтъ, кромѣ людского, котораго легко избѣжать, дѣйствуя осторожно. Вотъ тутъ-то и начинаются жестокія мученія стараго Трофима, изображенные съ тѣмъ необычнымъ мастерствомъ, съ какимъ гр. Толстой умѣетъ описывать душевныя состоянія страдающихъ людей. *Повидимому*, Трофимъ дожилъ свой вѣкъ въ довольствѣ и почетѣ и похороненъ съ большою честью. „Никто, кромѣ Бога, не зналъ о преступленіи Трофима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ онъ потерялъ въ себѣ Бога“. Изъ множества другихъ разсказовъ мы отмѣтимъ: *Сонъ*, Н. Н. Златовратскаго, *Нужда*, „наброски изъ жизни переселенцевъ“, Н. Д. Телешова, *Тѣнь*, „изъ одного дневника“, Л. Мельшина. Прекрасную статью, *П. С. Мочаловъ въ жизни и на сценѣ*, далъ А. И. Сумбатовъ, какъ большой артистъ и талантливый писатель, отлично понимающій, въ чемъ, почему и какъ сказывалась гениальность великаго русскаго трагика. Въ высокой степени интересна характери-

стика знаменитаго французскаго романиста, сдѣланная К. К. Арсеньевымъ въ статьѣ, озаглавленной *Два „похода“ Эмиля Золя*. Къ удачнымъ литературнымъ характеристикамъ принадлежитъ статья В. А. Гольцева, *Нѣсколько словъ о Тургеневѣ, какъ поэтѣ*. Въ ней авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Да, Бѣлинскій былъ пророкомъ, но въ еще большей степени былъ имъ Тургеневъ. Его *Елена* создана художникомъ изъ разрозненныхъ въ жизни элементовъ, его Базаровъ воплотилъ въ яркомъ образѣ то, что смутно являлось въ дѣйствительности. По Карлейлю, пророкъ (прорицатель) и поэтъ—одно и то же“... „Художникъ можетъ безстрастно, ярко и выпукло изображать явленія дѣйствительной жизни. Если эти явленія значительны, если ихъ изображеніе удалось, передъ нами будетъ большой художникъ—Эмиль Золя, напримѣръ. Но если отъ созданій художника на васъ вѣетъ субъективнымъ чувствомъ и міропониманіемъ художника, если онъ творческими силами своего духа украшаетъ и природу, и человѣка, — передъ вами поэтъ. Онъ поднимаетъ васъ надъ дѣйствительностью, очищаетъ вашу душу и вводитъ ее въ царство идеала“... Бодрящими, мажорными тонами заканчиваетъ г. Гольцевъ свои *Нѣсколько словъ о Тургеневѣ*: „Вотъ описываетъ Тургеневъ семейку воробьевъ. Надъ ними кружилъ ястребъ, а они весело и бойко прыгали. „Я поглядѣлъ,—говоритъ Тургеневъ,—разсмѣялся, встряхнулся,—и грустныя думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удалъ, охоту къ жизни почувствовалъ я. И пускай надо мною кружить мой ястребъ... Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!“ — Да, повоюемъ“.

По нашему времени „конца вѣка“ *), какъ нельзя болѣе встаетъ проблема въ *Сборникѣ* статья доктора Н. Н. Баженова, *Символисты и декаденты*, „психіатрической этюдъ“. Вооруженный „человѣческими документами“, добытыми въ психіатрическихъ клиникахъ и приведенными въ этой статьѣ, авторъ говоритъ: „Резюмируя все вышеннеложенное, мы можемъ сказать, что относительно цѣлаго ряда, — и притомъ крупныхъ, — представителей этого направленія (символистовъ и декадентовъ) намъ было не трудно съ біографическими данными въ рукахъ доказать, что это были несомнѣнно душевно-больные люди. Что же касается до остальныхъ, то анализъ элементовъ ихъ творчества выясняетъ намъ слѣдующія основныя черты: скудость фантазій и убожество мысли, поверхностность, капризность и причудливость настроенія, извращенность вкусовъ и вообще ненормальность психологической реакціи, нравственную тупость, уродливость и болѣзненность ассоціативныхъ и высшихъ логическихъ процессовъ, равную той, которую можно наблюдать въ тяжелыхъ и болѣею частью неизлѣчимыхъ формахъ психозовъ, и рядомъ съ этимъ ничѣмъ не мотивированную переоцѣнку собственной личности“.

Далѣе авторъ переходитъ къ вопросамъ: слѣдуетъ ли думать, что нашъ конецъ вѣка отмѣченъ въ цивилизованномъ мірѣ особеннымъ ослабленіемъ или нарушеніемъ душевнаго равновѣсія и психической мощи? Являемся ли мы въ самомъ дѣлѣ свидѣтелями періода упадка и умиранія старыхъ культурныхъ расъ? На нихъ мы получаемъ такой осторожный отвѣтъ: „Нѣтъ данныхъ, чтобы утверждать, какъ это дѣлаетъ Нордау, что констатируемое вырожденіе отдѣльныхъ лицъ есть показатель вырожденія цѣлой расы. Нѣтъ основанія утверждать также, что патологическое состояніе нѣсколькихъ писателей есть нѣчто специальное и свойственное только нашему столѣтію“. Въ подтвержде-

*) Парижане уже не говорятъ: „fin de siècle“, а „queue de siècle“.

пие этихъ положеній авторъ приводитъ много примѣровъ изъ исторіи прошедшихъ вѣковъ.

Нашъ отзывъ объ этой книгѣ-библіотекѣ такъ разросся, что мы вынуждены лишь очень коротко упомянуть о нѣкоторыхъ статьяхъ, заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія, таковы: *Фольклоръ и его изученіе*, В. В. Лесевича; *Происхожденіе идеи дома*, М. М. Ковалевскаго; *Бальзакъ, Чеховъ и Короленко о крестьянахъ*, Ѳ. Д. Батюшкова; *Эволюція личности у женщинъ, по типамъ Ибсена*, Л. Е. Оболенскаго.

Книга издана превосходно, къ ней приложены три портрета В. Г. Бѣлинскаго, хорошо исполненные фототипіей.

Святочныя разказы, Д. Н. Мамина-Сибиряка. Спб., Ц. 1 руб. Въ числѣ картинъ недавно умершаго художника Ярошенка есть одна, озаглавленная *Повсюду жизнь* или *Вездѣ жизнь*. На картинѣ изображено вотъ что: у платформы желѣзно-дорожной станціи стоитъ арестантскій вагонъ съ рѣшетчатымъ окномъ, изъ котораго выглядываютъ арестанты, арестантки и ихъ дѣти. Ребятки бросаютъ на платформу хлѣбныя крошки; ими кормятся разгуливающіе по платформѣ голуби. Изъ этого слѣдуетъ, что „живутъ люди и въ этой неволѣ“ и помогаютъ еще существованію другихъ созданий Божіихъ. Въ *Святочныхъ разказахъ* г. Мамина-Сибиряка (изъ всѣхъ 16) мы видимъ, что дѣйствительно „жизнь—вездѣ“ даетъ себя знать всему живущему сходными, если не всегда тождественными, волненіями и тревогами, тяжелыми горестями и блестящими просвѣтами радости. Въ особенности же важно то, что эти разказы г. Мамина-Сибиряка раскрываютъ передъ нами очень разнообразныя печали и радости въ незначительныхъ существованіяхъ, намъ мало извѣстныхъ или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ, и разказы эти заставляютъ любить „жизнь вездѣ“, какъ бы ни была она тяжела изо дня въ день, и заставляютъ любить людей, каковы бы они ни были въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ, ибо въ проявленіяхъ ихъ огорченій и радостей, въ причинахъ этого и въ слѣдствіяхъ мы имѣемъ неотразимыя доказательства того, что такъ называемые, „несчастные“ и „темные“, „униженные и оскорбленные“, загнанную жизнью и безпощадно поруганные, доведенные почти до „звѣринаго образа“ — все же наши братья по духу. И не только люди, но и все, живущее на землѣ, сходно съ нами и родственно намъ своими тревогами, печалами и радостями. Такое впечатлѣніе производитъ одинъ изъ художественнѣйшихъ разказовъ въ сборникѣ, озаглавленный—*Овъ*. Разказъ представляетъ собою нѣчто вродѣ басни. Шустрый заяцъ,—какъ извѣстно, трусливѣйшее существо въ мірѣ,—успѣваетъ спастись отъ когтей коршуна и отъ зубовъ волка, забивается въ яму и чуть не помираетъ со страха подъ корнями дерева, когда на это самое дерево садится гнавшій за нимъ коршунъ, а около ямы укладывается отдыхать напугавшій его волкъ. Рядомъ въ рѣчкѣ, подъ тѣмъ же деревомъ, нѣжится въ холодкѣ щука; на вѣткѣ дерева плететь свои сѣти паукъ. Четыре хищника ведутъ между собою бесѣду о томъ, кто изъ нихъ могущественнѣе, и каждый похвальною своею силой. Вдругъ волкъ вскакиваетъ, въ ужасѣ пятится и сваливается въ яму, гдѣ укрылся заяцъ. Заячья душа совсѣмъ ушла въ пятки. Но волкъ науганъ не меньше зайца и шепчетъ ему: „Пожалуйста, не шевелись... Я закусилъ и не трону тебя. Пусть *овъ* пройдетъ“... Заяцъ осмѣлился спросить:—„Кто *овъ*?“—„Ты не знаешь? *Овъ*—человѣкъ... Это самый страшный изъ всѣхъ звѣрей!“—*Овъ* стрѣлою убилъ ястреба, камнемъ изъ пращи уложилъ волка, вытащилъ щуку на бе-

регъ. Тогда заяцъ выползъ изъ своей норы и сказалъ пауку:— „Ну, теперь я ничего не боюсь, потому что ничего страшнаго не увижу!“

Помимо мастерства изложенія и художественности фабулъ, очень большой интересъ въ бытовомъ отношеніи прѣдставляютъ рассказы изъ быта раскольниковъ: *Душа проснулась*, *Рай красный*, *Страшные дни*, *Седьмая труба*. Превосходные рассказы: изъ быта ссыльныхъ— *Отца на новый годъ* и изъ жизни бродягъ— *Темные люди*. Замѣчательно хороши и типичны старый генералъ Петлинь и его денщикъ Кузькинъ въ рассказѣ *Старый эстетикъ*, сокрушающійся о томъ, что изобрѣтены дальнобойныя пушки и ружья, бездымный порохъ и т. п., что его внуки, которые несомнѣнно сдѣлаются офицерами, будутъ лишены возможности геройствовать и проявлять храбрость, подобно ихъ дѣдушкѣ и его сверстникамъ.— „Нынче, братъ, войну приготавлиютъ въ ученыхъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, какъ лѣкарство“... „Зависнутъ молодцы-внуки въ лабораторіи гдѣ-нибудь или въ библиотекѣ. Ни героевъ, ни храбрости—ничего не нужно, а только одни знавья-сь. Вотъ мнѣ и жаль... Да, жаль, страшно будетъ жить“. Такъ скорбитъ душою заслуженный генералъ времяя Севастопольскихъ и покоренія Кавказа“.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА.

„Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ“. И. С. Блюха.— „Новыя англо-саксонскія общества“. *Пьера Леруа Боле*.— В. Г. Бѣлинскій какъ критикъ и педагогъ“. В. Острогорскою.

Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. И. С. Блюха. Спб., 5 томовъ, выводы и картограммы. Капитальный трудъ г. Блюха имѣетъ цѣлью разсмотрѣніе будущей войны въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что нельзя ожидать категорическаго отвѣта на вопросъ: возможна ли война при современныхъ условіяхъ? Можно только, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія этихъ условій, представить общую картину будущей войны и сопряженныхъ съ нею бѣдствій, которыя тяжкимъ гнетомъ падутъ на жизнь населенія Европы. Въ виду важности затронутаго г. Блюхомъ вопроса мы возможно подробно изложимъ содержаніе его труда.

Первые три тома посвящены техникѣ войны. Въ первомъ авторъ говоритъ объ усовершенствованіяхъ и изобрѣтеніяхъ въ области огнестрѣльнаго орудія, о быстрыхъ успѣхахъ артиллерійскаго дѣла и о защитѣ отъ страшнаго разрушительнаго дѣйствія новѣйшихъ снарядовъ. Въ „Историческомъ очеркѣ развитія артиллеріи“ показанъ весь ходъ открытій и усовершенствованій огнестрѣльныхъ снарядовъ, начиная съ XIV столѣтія. Разрушительная сила пуль, гранатъ и ядеръ первоначально увеличивалась медленно: сраженія рѣшались все еще холоднымъ оружіемъ и натискомъ. Тѣмъ не менѣе, пушка и ружье приобрѣтали все болѣе важное значеніе, и въ наше время имъ принадлежитъ неизмѣримо преобладающее значеніе на войнѣ. Современныя орудія достигли ужасающаго совершенства: пушки Готчкиса, Дриггсъ-Шредера, Норденфельта, Шнейдера и Максима, динамитныя пушки Симсъ-Дудлея—обладаютъ громадною силой, мѣткостью и скоростью въ дѣйствіи. Кромѣ того, по словамъ автора, слѣдуетъ въ ближайшемъ будущемъ ожидать возможности бросанія снарядовъ съ аэростатовъ.

Не менѣе гибельны дѣйствія ружейнаго огня: новыя магазинныя ружья выпускають до 50 выстрѣловъ въ минуту при чрезвычайной силѣ и мѣткости (стр. 611, т. I). Дальность полета пуль и снарядовъ заставить сражающихся располагаться на чрезвычайно далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Употребленіе бездымнаго пороха въ связи съ успѣхами артиллеріи чрезвычайно увеличитъ потери въ войскахъ и лишитъ сражающихся значительной доли мужества, т. к. страшныя картины боя не будутъ прикрыты дымомъ. Успѣхи техники до высшей степени разовьютъ и усложнятъ тактику.

Второй томъ занятъ вопросомъ объ европейскихъ арміяхъ, о ихъ составѣ, численности, качествѣ и объ управленіи ими. Кромѣ того, авторъ приводитъ возможные планы военныхъ дѣйствій и картину крѣпостной войны. Всѣ авторитетные труды европейскихъ военныхъ публицистовъ и даже официальныя изданія значительно расходятся въ опредѣленіяхъ численности армій. Г. Блюхъ дѣлаетъ только одинъ выводъ изъ всѣхъ существующихъ показаній: силы тройственнаго союза приблизительно равны силамъ двойственнаго, т. е. Россіи и Франціи. Далѣе слѣдуетъ глава о приготовленіяхъ къ войнѣ и мобилизациі войскъ. Авторъ доказываетъ, что, вслѣдствіе громадной численности современныхъ армій, всѣ подготовительныя къ войнѣ дѣйствія потребуютъ громадныхъ затратъ, чрезвычайнаго напряженія силъ народа и энергіи военачальниковъ, несмотря на всѣ успѣхи военной техники. Разсматривая вопросъ объ управленіи арміей, г. Блюхъ показываетъ, какъ усложнилась и затруднилась роль военачальниковъ, какихъ обширныхъ знаній требуетъ отъ нихъ война, насколько развитъ и образованъ долженъ быть рядовой для успѣха арміи. Будущая война развернетъ такія кровавыя и страшныя картины предъ глазами сражающихся, что отъ нихъ потребуется исключительное хладнокровіе и мужество, чрезвычайная точность дѣйствій. По даннымъ излагаемаго изслѣдованія въ наилучшемъ состояніи армія Германіи, затѣмъ Россіи, Австріи, Франціи и, наконецъ, Италіи. Въ „планахъ военныхъ дѣйствій“ Г. Блюхъ приводитъ „оцѣнку степени устойчивости государствъ противъ разрушительныхъ социальнаго - экономическихъ вліяній войны“. Выводъ чрезвычайно важенъ: большинство государствъ не выдержитъ и одного года напряженія. А между тѣмъ всякая будущая война въ Европѣ, всякіе военные планы потребуютъ напряженія неслыханнаго, что доказывается г. Блюхомъ ясными цифровыми данными и выводами.

Третій томъ начинается очеркомъ развитія судостроенія. Примѣненіе пароваго двигателя къ судоходству произвело коренную реформу въ морскомъ дѣлѣ. Войны на морѣ становились все болѣе кровопролитными и гибельными, издержки на судостроеніе въ настоящее время достигаютъ громадныхъ суммъ, а техника съ лихорадочной быстротой вводитъ новыя разрушительныя усовершенствованія. Авторъ говоритъ вполне опредѣленно, что „морскія сраженія между двумя равными флотами при современныхъ средствахъ истребленія сдѣлались мало вѣроятными, т. к. они привели бы ко взаимному истребленію“. Дѣйствительно, по описаніямъ г. Блюха, гигантскіе броненосцы, снабженные усовершенствованными орудіями, мноноосцы послѣднихъ образцовъ, торпеды и портовыя средства защиты являюся могучими и ужасающими истребителями.

Картины будущаго боя, приводимыя авторомъ изъ иностранныхъ писателей, напоминаютъ какіе-то стихійные взрывы, отъ которыхъ лю-

дямъ вѣтъ спасенія. Достаточно вспомнить, что въ Японо-Китайской войнѣ, въ битвѣ при Ялу ни одинъ броненосецъ не выдерживалъ больше одного столкновения. Гибли тысячи людей и громадныя суммы, потеря которыхъ тяжело отзывалась на всей странѣ. Во что же обратятся морскія сраженія въ будущемъ? Если даже война на морѣ приметъ исключительно характеръ каперства, если военныя дѣйствія, подводныя лодки, торпеды, миноноски и динамитныя пушки направятся исключительно противъ торговыхъ кораблей, какъ думаетъ г. Блюхъ, потери будутъ не меньше, и ужасы взаимнаго истребленія не станутъ слабѣе по его же выводамъ. А государства Европы все еще соперничаютъ въ дѣлѣ вооруженія, затрачиваютъ неслыханныя суммы и все-таки не поспѣваютъ за техникой.

Четвертый томъ всесторонне разсматриваетъ экономическія потрясенія въ случаѣ войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ самый моментъ возникновенія европейской войны появятся многочисленныя и грозныя затрудненія и потрясенія экономическаго и соціального характера. Уловить ихъ все нельзя. Жизнь слишкомъ осложнилась, международныя сношенія увеличиваются, съ каждымъ днемъ открываются новыя стороны общественной жизни, а данныхъ для полной картины будущаго замѣшательства при войнѣ—недостаточно.

Современное положеніе потребуетъ къ оружію очень значительную часть населенія. Большая часть тѣхъ людей, которыми двигается экономическій механизмъ государства, броситъ работу, пойдетъ умирать и умирать. Многие, очень многие не вернуться. Общая сумма производства даннаго государства значительно уменьшится, и потеря будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе развита была промышленность. Въ Россіи, благодаря тому, что большая часть населенія занимается земледѣліемъ, потери будутъ меньше, т. е. въ отсутствіе главныхъ работниковъ остальные еще могутъ поддерживать хозяйство, особенно при помощи общиннаго устройства. Торговля сношенія, несомнѣнно, будутъ сильно потрясены въ всей Европѣ. Въ финансовомъ мірѣ произойдетъ паника, вызванная сильнымъ паденіемъ курсовъ, значительно превышающимъ потрясенія 1870 г.

Для Германіи тягости войны будутъ очень ощутительны. Чѣмъ болѣе развиты въ ней промышленность и торговля, тѣмъ сильнѣе будутъ замѣшательства. Промышленныя бумаги падутъ, почувствуется недостатокъ въ деньгахъ, и все предметы первой необходимости сильно повысятся въ цѣнѣ. А современное положеніе Германіи ясно характеризуется слѣдующими цифрами: доходами достаточными пользуются 1,3% населенія, доходами умѣренными—4,81%, доходами малыми 54,05% и доходами недостаточными—40,11%. При такомъ положеніи ни правительство, ни само общество не будутъ въ состояніи уменьшить бѣдствія войны.

Въ Италіи, при самыхъ тяжелыхъ современныхъ налогахъ, при крайнемъ обѣднѣнн населенія, неблагоприятномъ аграрномъ устройствѣ и множествѣ безработныхъ—война отзовется гибельно. Разстроенныя финансы не выдержатъ и слабого потрясенія. Бѣдствія и потери будутъ грандіозны.

Американская конкуренція при сбытѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, финансовыя кризисы и племенная разрозненность населенія поставятъ Австрію во время будущей войны въ положеніе, немногимъ отличающееся отъ Италіи.

Такъ какъ громадное развитіе англійской промышленности разви-

таво на рынки всего міра, то будущая война (если даже Англія не приметъ въ ней участія), при пресѣченіи морскихъ путей и общемъ торговомъ кризисѣ, вызоветъ роковыя для всей страны послѣдствія. Явится недостатокъ въ продовольствіи: своего хлѣба для населенія не хватитъ на полгода. Цѣны на предметы первой необходимости поднимутся, а онѣ и въ настоящее время очень высоки. Общее современное положеніе Англіи такъ выражается въ цифрахъ: общая сумма доходовъ—706 милл. фунтовъ. Изъ нихъ 263—отъ недвижимыхъ имуществъ, 91—пенсіи и жалованья и только 352 милл. фунтовъ—отъ занятій промышленныя и профессиональныя. При такихъ условіяхъ война очень сильно потрясетъ Англію.

Далѣе г. Блюхъ разбираетъ положеніе Франціи въ періодъ будущей войны. Пять милліардовъ контрибуціи Франціи удалось внести лишь благодаря сбереженіямъ, сдѣланнымъ въ предшествовавшую эпоху процвѣтанія страны. Для будущей войны понадобится большая сумма, а сбереженій нѣтъ. Подъ знамена будетъ призвано почти все населеніе и опасность увеличивается еще тѣмъ, что населеніе явно уменьшается и въ мирное время. Всѣ соображенія, приведенныя для вышеупомянутыхъ государствъ, вполне примѣнимы и къ Франціи, что доказывается цифрами, приводимыми г. Блюхомъ.

Весьма подробно разсматриваются далѣе экономическія затрудненія Россіи въ будущей войнѣ. Въ общемъ картина та же, что и въ остальныхъ европейскихъ государствахъ. Затрудненія увеличиваются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Россіи крайне мало народныхъ сбереженій, низкая заработная плата, чрезвычайная экстенсивность народнаго хозяйства и низкій уровень развитія населенія. Финансовый кризисъ будетъ очень тяжелъ при малыхъ наличныхъ средствахъ и общей неустойчивости русскихъ бумагъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе Россіи, какъ страны земледѣльческой, будетъ и значительно легче. Кромѣ того, надо принять во вниманіе ограниченность потребностей русскаго крестьянина и необычайную выносливость русскаго солдата.

Дальнѣйшая часть 4-го тома труда г. Блюха посвящена разбору будущихъ военныхъ потребностей и расходовъ, вопросамъ о снабженіи арміи необходимыми средствами, о неравномѣрныхъ потеряхъ въ народномъ хозяйствѣ разныхъ странъ.

Итакъ, въ худшемъ положеніи окажется Англія. Въ лучшемъ, но весьма стѣсненномъ—Германія и Италія, затѣмъ Франція, Австрія и въ наилучшемъ положеніи—Россія.

Расходы на будущую войну будутъ непоимѣрны: это ясно изъ разсмотрѣнія суммъ, затраченныхъ на прежнія войны; принимая въ соображеніе увеличеніе арміи, стоимости военныхъ припасовъ и площади военныхъ дѣйствій, мы убѣждаемся, что расходы на будущую войну будутъ такъ велики, потребуются въ такой короткій срокъ, что не будутъ никоимъ образомъ покрыты новыми налогами, которые въ конецъ обезсилятъ населеніе. Правительствамъ придется изыскивать чрезвычайныя средства, а это почти невозможно. 4-й томъ заканчивается главой объ обезпеченіи Варшавы на случай войны. Въ началѣ 5-го тома авторъ говоритъ, что каждому правительству, при открытіи военныхъ дѣйствій, пришлось бы считаться не только съ экономическимъ положеніемъ массъ, но и съ настроеніемъ ихъ. А настроеніе массъ далеко не въ пользу милитаризма и лихорадочно-поспѣшнаго вооруженія. Голоса противъ войны раздавались съ незапамятныхъ временъ. Ихъ становится все больше, они сливаются въ общій крикъ народовъ,

и идея мира развивается и проникает всюду. Г. Блюхъ даетъ историческій очеркъ ея развитія. Онъ упоминаетъ о греческихъ амфиктіонахъ, о союзахъ латинянъ, о философахъ среднихъ вѣковъ, объ идеяхъ мира Генриха IV, о Сень-Пьеръ, Вольтеръ, Руссо, Монтескье, Бентамъ и Кантъ. Затѣмъ очень подробно излагается исторія идеи мира въ XIX столѣтіи, разбирается дѣятельность отдѣльныхъ проповѣдниковъ и конгрессовъ. Разсматривая далѣе литературу культурныхъ народовъ, г. Блюхъ кратко характеризуетъ дѣятельность сторонниковъ и противниковъ войны. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена Гегеля, Юма, Трейчке, Гердера, Толстого, Гаморлинга, Берты ф. Суттеръ, Жюля Кларети. Далѣе слѣдуетъ краткій очеркъ развитія социализма и анархизма (какъ ученій антимилитаристическихъ) и пропаганды противъ войска („*Ai je mon compte!*“) и патриотизма (гр. Толстой, Балу, Аттидъ Бойе). По даннымъ г. Блюха, пропаганда проникаетъ даже въ войска и дѣлаетъ быстрые успѣхи. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ неравномѣрность прроста населенія, какъ одну изъ побудительныхъ причинъ къ войнѣ. Въ извѣстный моментъ эта причина можетъ придать тому или другому поводу къ войнѣ чрезвычайное важное значеніе. Ясно, что при достаточной территории то государство, въ которомъ прростъ населенія происходитъ быстрѣе, чѣмъ въ другихъ, должно становиться сильнѣе и богаче. Въ тройственный союзъ входятъ страны съ умѣреннымъ прростомъ населенія, въ двойственный—Россія (съ наибольшимъ) и Франція (съ наименьшимъ). Въ этомъ г. Блюхъ видитъ инстинктивное стремленіе поддержать равновѣсіе и полагаетъ, что нарушеніе этого равновѣсія вполнѣ можетъ послужить поводомъ къ войнѣ. Слѣдующія главы посвящены разсмотрѣнію значенія объединенія Германіи для будущей войны и возможности войны по инициативѣ каждой изъ четырехъ главныхъ державъ континента. 5-й томъ заканчивается исчисленіемъ вѣроятныхъ потерь въ бою и очеркомъ развитія военной санитаріи.

Шестой томъ озаглавленъ „Выводы“ и носитъ конспективный характеръ, кратко повторяя содержаніе предыдущаго. Сюда же вошли нѣкоторыя добавленія чисто-случайнаго характера, т. к., по объясненію автора, его трудъ составлялся въ теченіе восьми лѣтъ и многое пожелѣ пришлось добавить впоследствии.

Таково содержаніе труда г. Блюха. Не думаемъ, чтобы книга эта не произвела должнаго впечатлѣнія на читающую публику: картины, представляемая авторомъ, пробуждаютъ и усиливаютъ антимилитаристическое настроеніе общества, заставляютъ желать и искать новыхъ путей, новыхъ способовъ для разрѣшенія международныхъ столкновеній. Замѣтимъ, что изложеніе разсмотрѣннаго изслѣдованія вполнѣ ясно и толково, графическія изображенія и рисунки исполнены тщательно, картограммы, приложенныя въ видѣ особой книжки, сдѣланы очень добросовѣстно. Внѣшность изданія вполнѣ удовлетворительна.

Только одно кажется намъ нѣсколько непонятнымъ: для какого круга читателей предназначаетъ г. Блюхъ свою книгу? Для такъ называемой „большой публики“ книга слишкомъ велика по объему: у очень немногихъ найдется довольно времени, чтобы прочесть ее. Въ-стѣ съ тѣмъ самъ авторъ говоритъ въ предисловіи, что трудъ его „предназначается не для спеціалистовъ“ (стр. 28).

Новыя англо-саксонскія общества. Австралія, Новая Зеландія и Южная Америка. Пьера Леруа Болье. Спб., 1898 г. Ц. 2 руб. Эта книга Леруа Болье имѣетъ большой интересъ по своей современ-

ности. Въ ней находится полное и систематическое изложенеіе политическихъ событій, такъ недавно волновавшихъ оба полушарія, это—неудачная экспедиція доктора Джемсона въ Трансвааль и немнѣе неудачная попытка великобританской имперской федераціи. Какъ на достоинство книги, можно указать на то, что она явилась плодомъ личныхъ наблюденій автора, посѣтившаго Африку и Австралію,—зато первоначальная ея форма, мало измѣненная для отдѣльнаго изданія—корреспонденціи въ *Economiste Français* и *Revue des Deux Mondes* въ 1895 и 1896 гг., не придали книгѣ законченности и отдѣлки научнаго изслѣдованія, а скорѣе характеръ замѣтокъ талантливаго и наблюдательнаго путешественника. При личномъ наблюденіи больше бросаются въ глаза нравы и обычаи страны, вызванные тѣмъ или инымъ экономическимъ положеніемъ, устройство общества, законодательство и его примѣненіе, вообще явленія текущей жизни,—все это и отразилось въ трудѣ Леруа Болье. Цифры и факты приводятся какъ бы для дополненія и иллюстраціи, большею частью изъ повременныхъ изданій и не составляютъ строго научныхъ данныхъ. Климатическія и этнографическія свѣдѣнія, въ перемежку съ экономическими и политическими, сравниваніе расъ и народностей, сопоставленіе австралійскаго общества, какъ *лишеннаго традицій и вліянія прежнихъ привычекъ и древнихъ учрежденій*, со старымъ европейскимъ, всецѣло живущимъ подъ гнетомъ старины, топографія, флора и фауна, минеральныя богатства, добыча золота и произведенные имъ перевороты, земледѣліе, скотоводство—все это очень интересно, но и довольно поверхностно. Большой интересъ представляютъ главы XIII, XIV и послѣдующія, подъ заглавіями: *Демократія и социализмъ, поземельное законодательство, коммунистическіе опыты, законы о работѣ, женскій вопросъ, общество и жизненные потребности, роль кредита и злоупотребленіе имъ*. Авторъ видитъ въ Австраліи лабораторію *соціальныхъ наукъ*,—*страну, идѣ законы опережаютъ нравы*,—такъ, наприм., въ женскомъ вопросѣ, который рѣшенъ дарованіемъ женщинамъ избирательныхъ правъ, чего, между прочимъ, громадное большинство женскаго населенія не требовало, вполне равнодушно относясь къ избирательному вопросу. Этотъ законъ, по объясненію автора, обязанъ своимъ проведеніемъ политикамъ, поддержаннымъ „озлобленными, одинокими женщинами, лишенными личнаго счастья, а также обществами трезвости, состоящими почти изъ однихъ женщинъ“,—вотъ странное объясненіе столь важнаго факта. Въ книгѣ много интересныхъ указаній на попытки разнаго рода уладить экономическія затрудненія путемъ разнообразнаго вида землепользованія и государственнаго кредита,—вообще первая часть книги объ Австраліи прочтется съ большимъ интересомъ. Въ Африкѣ автора болѣе всего заняло столкновеніе боэровъ съ англичанами, личности президента Крюгера и Сесилия Родеса, передъ административнымъ талантомъ котораго авторъ буквально благоговѣетъ и находитъ, что Джемсонъ оказалъ ему медвѣжью услугу. Въ первыхъ главахъ опять можно найти описаніе и справки, но не такія подробныя, какъ объ Австраліи. Заключение, т.-е. имперская великобританская федерація, особенно талантливо написано. Становится вполне понятно, безъ массы цифръ и справокъ, почему представители колоній, съ такимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ посѣтившіе метрополию въ день 75-лѣтняго юбилея Викторіи, все-таки не согласились на столь заманчивую будущность, какую имъ рисовали составители проекта, а предпочли остаться тѣмъ, чѣмъ были.

О книгѣ вообще можно сказать, что это болѣе интересное описаніе путешествія по Австраліи и Африкѣ, нежели серьезное экономическое изслѣдованіе о роли англо-саксонской расы въ названныхъ частяхъ свѣта.

В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. В. Острогорскаго. Спб., 1898 г. Многие въ книгѣ г. Острогорскаго вызываютъ недоумѣнія и возраженія. Романтизмъ будто бы возникъ во второй половинѣ XVII в. въ Англіи (стр. 12), причѣмъ съ нимъ отождествляется, не безъ ущерба для ясности вопроса, бужуазно-дидактическое направленіе и сантиментализмъ; ему почему-то противопоставлено шеллингянство (стр. 14), которое будто бы возникло „въ Москвѣ, гдѣ больше было досужихъ богатыхъ людей, которые на покоѣ могли заниматься отвлеченными вопросами, и куда, при отсутствіи желѣзной дороги, позднѣе доходили петербургскія бюрократическія и инныя вѣянія“ (стр. 14), хотя первые шеллингяицы (Велланскій, Галичъ, Шадъ) были петербургскими и харьковскими профессорами; первымъ провозвѣстникомъ шеллингянства былъ яко бы Павловъ, хотя исторія московскаго шеллингянства восходитъ еще къ нѣмцамъ-профессорамъ начала вѣка; дальше сбиты въ одну кучу кружокъ Раича, „общество Любомудрія“ и „архивные юноши“, въ число которыхъ совершенно неограниченно попалъ Погодинъ (стр. 15); происхожденіе западничества и славянофильства возводится только къ одному шеллингянству (стр. 16) и мн. др. Такія же „неточности“ попадаютъ въ большомъ количествѣ и въ біографіи Бѣлинскаго: отождествлены кружки Станкевича и университетскихъ товарищей Бѣлинскаго (стр. 45—46), сбивчиво пересказана вообще исторія тогдашнихъ идеалистическихъ кружковъ (стр. 47 и далѣе), петербургскія статьи великаго критика отнесены къ московскому періоду (стр. 61) и т. д.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Философія Шопенгауэра“. Т. Рибо. — „Талмудъ. Мишна и Тосефта“. Критич. перев. Н. Перерковича. — „Умственное утомленіе“. А. Бинъ и В. Апри.

Философія Шопенгауэра. Т. Рибо. Переводъ съ пятого франц. изданія М. Суперанскаго. Спб., 1898 г. Ц. 80 к. Подлинникъ этой книжки впервые вышелъ въ 1875 г. Во французской литературѣ о знаменитомъ пессимистѣ онъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Всѣ главныя черты философіи Шопенгауэра отмѣчены въ немъ рельефно, съ присущимъ автору литературнымъ талантомъ. Но, какъ мы уже высказали въ другомъ мѣстѣ, очеркъ Рибо много проигрываетъ отъ сравненія съ извѣстной книгой Кюно Фишера, посвященной нѣмецкому мыслителю. И жизнь, и ученіе Шопенгауэра въ этой книгѣ изложены съ такою обстоятельностью и полнотой, въ такомъ правильномъ историко-философскомъ освѣщеніи, что на ряду съ нею блѣднѣютъ всѣ другіе труды о творцѣ „Мира, какъ воли и представленія“. И такъ какъ сочиненіе К. Фишера переведено на русскій языкъ, то для ознакомленія съ философіей Шопенгауэра надо рекомендовать именно его, а не Рибо. Конечно, это не дѣлаетъ очерка французскаго автора совершенно бесполезнымъ, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ г. Суперанскаго онъ нашелъ себѣ хорошаго переводчика.

Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій переводъ Н. Перерковича. Т. I (книга I и II). Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к. Талмудъ, эта загадочная книга, предметъ обожанія и презрѣнія, хвалы и клеветы

ты, появляется на русскомъ языкѣ. Она дешифрована, она освобождена отъ непонятной оболочки восточной рѣчи и лежитъ раскрытой передъ всѣми. Ученое имя переводчика ручается за достоинство и объективность его труда. Споръ между евреями и антисемитами, поскольку онъ касается религиозныхъ вопросовъ, можетъ стать теперь на строго-научную почву и изъ темной области догадокъ и пристрастныхъ толкованій перейти къ свѣту непосредственного и для всѣхъ доступнаго изученія. Талмудъ—глубоко-характерный памятникъ древне-еврейской жизни и міропониманія. Эта жизнь отразилась въ немъ вся, во всѣхъ, деталяхъ семейнаго и общественнаго быта, въ сложномъ разнообразіи правовыхъ и гражданскихъ отношений, въ своихъ религиозныхъ и этическихъ идеалахъ. Тысячи авторитетныхъ раввиновъ въ теченіе столѣтій изощряли свои умы надъ тѣмъ, чтобы создать изъ Талмуда такой исчерпывающій кодексъ, который регулировалъ бы всѣ мысли и всѣ поступки и все существованіе еврея. Мы видѣли уже (см. въ предыдущемъ выпускѣ *Русской Мысли* отзывъ о книгѣ г. Переферковича: „Что такое Шулханъ-Арухъ“?), мы видѣли, какъ много въ Талмудѣ смѣшного и жалкаго педантизма, какъ неумолимо парализуетъ онъ всякую самодѣятельность и инициативу, какъ завлекаетъ онъ человѣческой духъ въ ту мертвую воду фарисейства, которую всколыхнуло благодатное слово Христа. Теперь, съ подлинныхъ страницъ Талмуда, на читателя еще сильнѣе повѣетъ этой далекой стариной, которая для многихъ жива и понынѣ. Но читатель убѣдится въ томъ, что Талмудъ чуждъ всего безнравственнаго и зловнаго и подъ слоемъ своей казуистики и мелочнаго ригоризма таитъ въ себѣ нетлѣнное зерно любви и спиходительности къ ближнему. Тщательно блюди не только свои личные интересы, но и чужіе—это требованіе проходитъ черезъ всѣ законоположенія Талмуда. Правда, оно затемняется въ массѣ ненужныхъ деталей, въ обиліи излишнихъ постановленій, которыя какъ бы не довѣряютъ собственной разсудительности и волѣ человѣка,—но оно все-таки существуетъ и вмѣстѣ съ уваженіемъ къ чужому труду и съ вѣчной благодарностью Богу составляетъ одну изъ главныхъ особенностей Талмуда. Множество авторовъ создавали эту единственную въ мірѣ книгу, и вотъ почему въ ней нѣтъ цѣльности, вотъ почему на ряду съ восторженнымъ гимномъ Творцу и притчеи, полной глубокаго и добраго смысла, мы встрѣчаемъ холодный домыслъ и ухищреніе формалиста-книжника. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни смотрѣли на Талмудъ, что бы мы ни желали вынести изъ него и что бы мы ни хотѣли построить на немъ—защиту или обвиненіе евреевъ, несомнѣнно одно: мы должны знать его не изъ вторыхъ рукъ, не изъ пересказа заинтересованныхъ сторонъ, а непосредственно, въ оригиналѣ или въ точномъ переводѣ. Почтенный трудъ г. Переферковича даетъ намъ эту возможность. Первый томъ, лежащій передъ нами, содержитъ въ себѣ одиннадцать трактатовъ отдѣла „Посѣвы“, одного изъ шести отдѣловъ Мишны; „подъ именемъ Мишны извѣстенъ сводъ законовъ еврейскаго права... продолженіе и распространеніе писанаго закона, заключающагося въ Пятикнижій“. Весь матеріалъ въ переводѣ г. Переферковича расположенъ именно въ порядкѣ Мишны, этого основнаго ядра Талмуда. „Всѣмъ трактатамъ, вмѣющимъ основаніе въ Библии,—говоритъ ученый переводчикъ,—мы предпосылаемъ соответствующій библейскій отрывокъ. Такимъ образомъ устанавливается связь между законами Мишны и законами Моисеевыми“. Этотъ единственно-правильный и цѣлесообразный методъ въ трудѣ г. Переферковича выдержанъ вполнѣ. Очень умѣстны и детальныя объясненія, которыми

переводчикъ снабжаетъ многіе параграфы „Посѣвовъ“ и которыя рассчитаны на большую русскую публику. Специальные ученые журналы несомнѣнно дадутъ филологическую оцѣнку труду г. Переферковича; мы же съ своей стороны можемъ только привѣтствовать почтеннаго оріенталиста за его выдающуюся работу, которой, по всей вѣроятности, суждено будетъ играть важную роль въ правильномъ освѣщеніи тревожнаго еврейскаго вопроса, одного изъ существенныхъ и наболѣвшихъ вопросовъ обще-русской жизни.

Умственное утомленіе. А. Бинэ и В. Анри. Перев. съ франц. Ек. Анри. Подъ редакціей В. Анри. Съ 93 рис. и диаграммами. М., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к. Авторы этой книги рѣшили подвергнуть жгучій вопросъ объ умственномъ переутомленіи учащихся экспериментальной пробѣркѣ. Результаты такого анализа вмѣстѣ съ опытами другихъ изслѣдователей и составляютъ содержаніе ихъ труда. Подробно описаны и пояснены чертежами инструменты и специальные приборы, съ помощью которыхъ производились наблюденія въ школахъ, изложены тѣ методы, которые ведутъ къ правильной постановкѣ и рѣшенію вопроса, впервые поднятаго въ Парижской медицинской академіи въ 1886—87 гг. Первая часть книги трактуетъ о физиологическомъ вліяніи умственнаго труда, вторая—о вліяніи психическомъ. Множество таблицъ и диаграммъ наглядно показываютъ, какъ отражается умственное напряженіе на кровообращеніи, на температурѣ тѣла, на дыханіи, мускульной силѣ и обмѣнѣ питательныхъ веществъ въ организмѣ. Собственно психологической отдѣлѣ книги, разсматривающей, главнымъ образомъ, вліяніе продолжительности умственнаго труда на его интенсивность, этотъ отдѣлъ не представляетъ особенной цѣнности; какъ признаютъ сами гг. Бинэ и Анри, можно было заранѣе предвидѣть результаты, къ которому они пришли: утомленіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ интенсивнѣе была умственная работа. Но, по мнѣнію авторовъ, достоинство изложенныхъ выше изслѣдованій состоитъ въ томъ, что они показали существованіе усталости послѣ одного или нѣсколькихъ уроковъ, а въ томъ, что они установили практическіе методы, достаточно точные для опредѣленія вліяній утомленія; эти методы не могутъ быть съ пользой примѣняемы въ тѣхъ случаяхъ, когда заранѣе неизвѣстно, утомлены ли дѣти или нѣтъ, и въ какой степени они утомлены (стр. 331). Но, думается намъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда утомленіе доходитъ до такой степени, что можетъ оказывать мало-мальски серьезное вліяніе на успѣшность и производительность умственнаго труда, оно проявляется слишкомъ ясно само собой и не нуждается въ искусственномъ вызовѣ путемъ эксперимента. Вообще, нельзя не замѣтить, что при всей пользѣ, которую могутъ принести въ нѣкоторыхъ случаяхъ описанные гг. Бинэ и Анри методы экспериментальнаго изученія, гораздо чаще результаты этихъ методовъ довольно бѣдны и шатки. Сами авторы не скрываютъ, что къ вліянію умственнаго труда на состояніе организма и интеллектуальной сферы, почти всегда примѣшиваются постороннія вліянія, которыя требуютъ отъ экспериментатора большой осторожности въ выводахъ; такъ, душевное волненіе, отъ котораго никогда не можетъ освободиться тотъ, кто сознаетъ, что онъ въ данную минуту является предметомъ чужого наблюденія, это волненіе слишкомъ рѣшительно сказывается на результатахъ эксперимента, и его далеко не всегда можно элиминировать, отбросить. Повторяемъ, на всѣ эти трудности авторы не закрываютъ глазъ, они только оптимистически убѣждены въ возможности ихъ устраненія или ослабленія. Вполнѣ правы гг. Бинэ и Анри, когда

они проводятъ строгое различіе между утомленіемъ и переутомленіемъ. Первое наступаетъ послѣ всякаго серьезнаго труда; оно не опасно, его уничтожаетъ отдыхъ. Напротивъ, переутомленіе—„это такая усталость, которая отъ простаго отдыха не проходитъ и для устраненія которой требуются особыя условія“. Если, напримѣръ, дѣти, придя утромъ въ школу, еще испытываютъ усталость отъ умственнаго труда, выполненнаго наканунѣ, то они переутомлены.

Резюмируя наше мнѣніе о книгѣ французскихъ авторовъ, книгѣ, во всякомъ случаѣ, весьма интересной и являющейся результатомъ вдумчиваго труда и остроумныхъ наблюденій, мы должны сказать слѣдующее. Для злобы педагогическаго дня,—вопроса о переутомленіи,—эта книга даетъ мало. Методы, которые она предлагаетъ, инструменты и приборы, съ которыми она знакомитъ, чрезвычайно важны для общенаучной проблемы о вліяніи на организмъ умственнаго труда. Но для рѣшенія *практическаго* вопроса о переутомленіи въ школахъ эти методы и приемы слишкомъ тонки и, если хотите, представляютъ собою ненужную роскошь. Наличность переутомленія заявляетъ о себѣ слишкомъ громко и безъ тонкостей экспериментальныхъ приѣмовъ. И если переутомленіе есть въ школахъ, то было бы великой несправедливостью по отношенію къ „малымъ сямъ“ выжидать, пока экспериментальная психологія создастъ строго-провѣренную теорію переутомленія. А что такая теорія долго заставитъ себя ждать, объ этомъ говорятъ сами гг. Бизэ и Анри.

ЭТНОГРАФІЯ, АРХЕОЛОГІЯ, АНТРОПОЛОГІЯ, ГЕОГРАФІЯ.

„La migration de la race hongroise“. *Eugène de Zichy*—„Богъ Тотъ“. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. *Б. Тураева*.—„Лекціи по славянскому языкованію“. *Т. Флоринская*.—„Древности. Труды славянской комиссіи Имп. Моск. Археол. Общ.“. Т. II.—„Матеріалы къ антропологии великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ.“. *В. В. Воробьева*.

La migration de la race hongroise. Principe et resumé de mes recherches historiques, par le comte Eugène de Zichy. Budapest. 1898. Авторъ сочиненія *О переселеніи венгерской народности*, графъ Зичи, богатый магнатъ, членъ венгерской палаты депутатовъ, два раза совершилъ путешествіе по Кавказу, гдѣ онъ, между прочимъ, ищетъ слѣдовъ своей націи. „Любовь къ родинѣ и къ моему народу давно вдохновляютъ меня,—говоритъ онъ въ началѣ своего труда,—заняться вопросомъ о происхожденіи венгерцевъ“. Съ этою цѣлью онъ внимательно пересмотрѣлъ писателей, прямо или косвенно оставившихъ свѣдѣнія о венгерцахъ съ ихъ родовымъ племенемъ—гуннами. Онъ начинаетъ свой историческій обзоръ съ Геродота, Эратосеена и Страбона, которые прямо еще не называютъ гунновъ, переходить къ Плинію, Птоломею, Діонисію Періегету, сохранившимъ о нихъ первыя указанія, останавливается на писателяхъ греко-римскихъ (Амміанъ, Марцелинъ, Прокопій, Менаандръ Кедринъ, Киннамъ и друг.), армянскихъ (Моисей Хоренскій, Фаустъ Византійскій) и заканчиваетъ данными арабскихъ историковъ (Ибнъ-Дасть, Массуди). На основаніи почерпнутыхъ у нихъ свѣдѣній онъ заключаетъ, что 1) со II вѣка по Р. Х. гунны кочевали между Кавказомъ, Дономъ и Волгой; 2) гунны и авары двѣ вѣтви одного и того же народа и 3) гунны заключали въ свосмъ

пестромъ составѣ мадлярскій (венгерскій) народъ, который обозначалъ именемъ турокъ. Исторія указываетъ, что гунны-мадьяры раздѣлились на три фракціи: одна двинулась къ западу и образовала венгерскую народность, другая тронулась къ сѣверо-востоку и смѣшалась съ туземцами страны, гдѣ живутъ нынѣ башкиры, а третья—отхлынула къ Кавказу. Мадьяры кавказскіе въ 840—841 г. въ союзѣ съ арабами опустошаютъ Малую Азію. Въ предѣлахъ Кавказа они живутъ долгое время, доходя до Азовскаго моря. Историкъ Прокопій (VI вѣка) говоритъ, что одинъ гунскій царь передъ смертью раздѣлил свои владѣнія между двумя своими сыновьями, Утургури и Кугургури. Графъ Зичи не сомнѣвается въ томъ, что въ связи съ этими племенами находятся географическія названія Гори, Гурин, Огори, Могори (?). По его мнѣнію, Кавказъ, древнѣйшее населеніе котораго составляли аллародійпы (грузины), такъ мало изученъ, что его личныя разысканія о слѣдахъ тутъ пребыванія венгерцевъ могутъ привести къ желательнымъ результатамъ. Онъ желаетъ освѣтить вопросъ о связи венгерцевъ съ отдаленнымъ населеніемъ Кавказа со стороны лингвистики (языка), археологій (аналогичныя находки въ могильникахъ, курганахъ и пр.), этнографіи (сходство въ обычаяхъ, костюмахъ) и антропологій (внѣшнихъ чертъ лица и череповъ современныхъ венгерцевъ и прежнихъ обитателей Кавказа). Трудъ его будетъ состоять изъ трехъ частей: въ первой—онъ описываетъ свое путешествіе, во второй—онъ приводитъ каталогъ собранныхъ имъ коллекцій предметовъ, въ третьей—онъ сводитъ результатъ своей научной экспедиціи. Вышедшая книга иллюстрирована типами осетинъ, кабардинцевъ, черкесовъ, абазовъ, гурійцевъ, мингрельцевъ, имеретинъ и аварцевъ. Въ заключеніе онъ приноситъ благодарность ученымъ, администраторамъ и князьямъ (Ципіановымъ, Эрстовымъ, Чавчавадзе и др.), оказавшимъ ему свое содѣйствіе.

Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древнеегипетской культуры. Б. Тураева. Лейпцигъ, 1898 г. (182 стр.). Настоящій трудъ г. Б. Тураева, приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета (гдѣ онъ читаетъ курсы по египтологіи и исторіи Востока), составляетъ XLVI часть „Записокъ историко-филологическаго факультета Импер. С.-Петербургскаго университета“. Эта специальная монографія объ одномъ изъ божествъ Нильской долины можетъ съ полнымъ правомъ считаться выдающимся явленіемъ въ русской научной литературѣ по востоковѣдѣнію. Египтологія—это одна изъ наименѣ популярныхъ въ Россіи отраслей оріентальной науки; назвавъ два-три имени (Тураевъ, Голеніщевъ и др.), мы вмѣстѣ съ тѣмъ перечислимъ и всѣхъ представителей русской египтологіи.

Обращаясь въ частности къ настоящему изслѣдованію, мы прежде всего должны отмѣтить его специально-монографическій характеръ. Авторъ тщательно изучилъ весь относящійся сюда обильный матеріалъ, представляемый какъ духовною и свѣтскою литературою древняго Египта (тексты пирамидъ, „Книги Мертвыхъ“, погребальныя гимны, храмовыя надписи и т. д.), такъ и произведеніями искусствъ (изображенія божества Тота на стѣнахъ храмовъ, на папирусахъ, въ видѣ статуэтокъ и т. д.); далѣе онъ сопоставилъ съ туземными извѣстіями—извѣстія, которыя намъ переданы изъ классической древности, нашедшей въ эллинскомъ пантеонѣ эквивалентъ египетскому божеству въ лицѣ Гермеса; наконецъ, авторъ критически изучилъ всю предшествующую литературу о Тотѣ, разбросанную по различнымъ трудамъ, начинаая съ *Pantheon Aegyptiorum* (1750) Яблонскаго и кончая работами Липпіуса, Массеро, Навиль и другихъ современныхъ египтологовъ.

Весь этотъ обширный матеріалъ, отчасти заключающійся въ разныхъ изданіяхъ и журнальныхъ статьяхъ, отчасти остающійся неизданнымъ и хранящійся въ залахъ музеевъ, тщательно сгруппированъ въ четырехъ главахъ, составляющихъ ядро изслѣдованія г. Тураева. Распределение матеріала и его изслѣдованіе въ сущности то же, какое мы привыкли встрѣчать въ однородныхъ изслѣдованіяхъ по классической миеологіи. Сначала мы имѣемъ детальное изложеніе *миеа* (гл. 1-я) въ его хронологическомъ или, лучше сказать, преемственномъ развитіи. Въ этой части изслѣдованія авторъ подробно останавливается на связи божества Тота со священной птицею *ибисомъ*, котораго обитатели Нильской долины признавали „носителемъ благого, премудраго и таинственнаго духа“; далѣе онъ обращаетъ вниманіе на значеніе Тота какъ мѣстнаго божества Гермополя Великаго („владыка града Восьми“) и на лунный его характеръ (подобно семитическому Сину). Въ послѣдующей (второй) главѣ мы знакомимся съ божествомъ Тотомъ въ области *искусствъ*. Эта глава имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что, какъ замѣчаетъ авторъ, „всѣ представленія о Тотѣ нашли себѣ выраженіе въ искусствѣ, представивъ намъ это божество въ довольно разнообразныхъ формахъ и при различныхъ функціяхъ его дѣятельности“ (стр. 94). Въ третьей главѣ мы знакомимся съ *культомъ* Тота. Здѣсь разсматриваются мѣстности, въ которыхъ справлялись празднества въ честь этого божества, культъ котораго скоро изъ мѣстнаго сдѣлался обще-египетскимъ; въ связи съ описаніемъ праздниковъ мы знакомимся попутно и съ гимнами, воспѣвавшимися въ честь Тота. Наконецъ, въ четвертой главѣ, озаглавленной *Женскія дополненія Тота*, узнаемъ о женскихъ божествахъ, сопоставлявшихся съ Тотомъ.

Вслѣдъ за послѣднею главою слѣдуетъ общее заключеніе, въ которомъ авторъ особенно выдвигаетъ впередъ отождествленіе греками Тота съ Гермесомъ, причемъ разсматриваетъ аналогичныя функціи какъ того, такъ и другого божества. Затѣмъ, здѣсь же обращается вниманіе и на географическое распространеніе *миеа* о Тотѣ, наприм., въ Финикіи, причемъ все болѣе и болѣе выступаетъ его евгемеристическое обезличеніе: Тотъ превращается въ олицетвореніе культуры, въ идеалъ премудраго учителя, законодателя и т. д. Вопросы о переживаніяхъ *миеа* о Тотѣ у болѣе новыхъ народовъ, какъ вопроса лежащаго за предѣлами египтологіи, нашъ авторъ не касается. (Вопросъ о переживаніяхъ Тота въ христіанской литературѣ составляетъ содержаніе одной изъ главъ извѣстнаго труда академика А. Веселовскаго „Изъ исторіи романа и повѣсти“).

Изслѣдованіе г. Тураева заканчивается нѣсколькими литографированными страницами, заключающими списокъ „эпитетовъ Тота“, и „Указателемъ собственныхъ именъ“. Въ видѣ приложенія мы встрѣчаемъ нѣсколько табличекъ съ изображеніями преимущественно Бога Тота, а также нѣкоторые неизданные египетскіе тексты (числомъ до 18), начертанные на различныхъ предметахъ (плиты, саркофаги и т. д.), разсыянныхъ по музеямъ отъ Парижа до Петербурга и отъ Стокгольма до Рима.

Въ настоящей замѣткѣ мы желали лишь въ общихъ чертахъ познакомить читателя съ содержаніемъ почтеннаго труда петербургскаго египтолога, — труда, который представляетъ не только интересъ для специалиста-египтолога, но и для большого круга ученыхъ. Какъ сравнительные миеологи и изслѣдователи исторіи религіи, такъ и изучающіе исторію искусствъ найдутъ въ немъ богатый, тщательно собранный

и критически освѣщенный матеріалъ. Наконецъ, книга г. Тураева, сравнительно со многими специальными трактатами, представляетъ счастливое исключеніе и въ томъ отношеніи, что она можетъ рассчитывать на читателя и изъ большой публики, пожелавшаго бы познакомиться съ одною изъ сторонъ древне-египетской культуры. Несмотря на массу ученыхъ цитатъ и пестряшіе страницы изслѣдованія гіероглифы, оно тѣмъ не менѣе, благодаря живому и изящному изложенію (обращаемъ вниманіе читателя въ особенности на *заключеніе*), читается отъ начала до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Лекціи по славянскому языкознанію. Т. Флоринскаго. Часть II. Кіевъ, 1897 г. Вторая часть замѣчательнаго труда г. Флоринскаго посвящена сѣверо-западнымъ славянскимъ языкамъ: чешскому, словацкому, польскому, кашубскому, сербо-лужицкому и полабскому (уже вымершему).

Попрежнему, онъ даетъ историческія свѣдѣнія объ изученіи и разработкѣ разсматриваемаго славянскаго языка, указываетъ его распространеніе и историческія судьбы, его звуковыя и формальныя особенности, акцентуацію, неизмѣняемыя слова. Вездѣ, гдѣ возможно, намѣчена точная характеристика нарѣчій и говоровъ данныхъ славянскихъ языковъ.

Г. Флоринскимъ собранъ и систематизированъ громадный грамматическій матеріалъ. Это — многолѣтній, усердный и добросовѣстный трудъ по грудамъ сырого матеріала, который заслуживаетъ полного уваженія и вниманія всѣхъ, кому интересно и дорого дѣло нашего *ученаго*, а не *публицистическаго* славяновѣдѣнія.

Древности. Труды славянской комиссіи Импер. Моск. Археол. Общества. Т. II. Москва, 1898 г. Основанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ при Моск. Археол. Обществѣ славянская комиссія очень энергично проявляетъ свою дѣятельность: въ теченіе небольшого промежутка времени она выпускаетъ уже второй громадный томъ своихъ трудовъ и матеріаловъ.

Третъ настоящаго тома посвящена опѣнкѣ научной дѣятельности знаменитаго дѣятеля славянскаго возрожденія и изслѣдователя славянскихъ языковъ и письменъ — Шафарика, по случаю празднованія столѣтней годовщины его рожденія. Г. Лавровъ далъ очень подробную характеристику великаго славянина, его жизни и ученой дѣятельности; г. Брандтъ вкратцѣ остановился на его трудахъ по славяновѣдѣнію.

Къ тому же вопросу относится и любопытный „конспектъ преподаванія исторіи славянскаго языка и литературы, составленный по опредѣленію совѣта Моск. университета отъ 2 мая 1834 г. Ю. Н. Венелинымъ“ — одинъ изъ раннихъ и характерныхъ фактовъ въ исторіи нашего славяновѣдѣнія.

„Славянскія рукописи Камецкаго монастыря въ Молдавіи“ г. Яцимирскаго даютъ много интересныхъ данныхъ для мало еще изученной исторіи славянскихъ вліяній въ Молдавіи и для характеристики старой славянской письменности. Г. Истринъ напечаталъ по двумъ греческимъ спискамъ апокрифъ объ Іосифѣ и Асонефѣ, г. Довнаръ-Запольскій — историческій очеркъ о польско-литовской уніи на сеймахъ до 1569 г., въ которомъ воспользовался и рукописными данными.

Таково разнообразное содержаніе этого новаго изданія ученаго Общества около котораго объединились лучшія силы нашей славистики.

Материалы къ антропологии великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. В. В. Воробьева. Оттискъ изъ XIX т. „Трудовъ антропологическаго отдѣла общества любителей естествознанія, антропологии и этнографии. М., 1898 г. Русскимъ антропологамъ не разъ дѣлались справедливыя упреки въ томъ, что ихъ труды посвящаются, по большей части, инородческому населенію Россіи, между тѣмъ какъ антропологическій типъ ея кореннаго населенія до сихъ поръ остается изученнымъ въ очень слабой степени, а также въ томъ, что въ своихъ характеристикахъ той или иной народности они мало пользуются сравнительнымъ методомъ, ограничиваются въ своихъ работахъ нѣрѣдко голымъ констатированіемъ фактовъ, не стремятся въ достаточной мѣрѣ проанализировать послѣдніе и найти между ними взаимную связь. Трудъ д-ра В. В. Воробьева далеко отъ этихъ упрековъ, такъ какъ, во-первыхъ, объектами его изслѣдованій служили великоруссы и, во-вторыхъ, собранный матеріалъ подвергнуть авторомъ тщательному и детальному анализу, который трудно указать въ какой-либо изъ аналогичныхъ работъ другихъ изслѣдователей. Авторомъ изслѣдовано въ общей сложности 325 человекъ, принадлежащихъ къ жителямъ центральныхъ уѣздовъ Рязанской губ.—Пронскаго и Рязанскаго, т.-е. той области, которая входила въ составъ прежнихъ владимиро-суздальскихъ земель и относительно населенія которой историческія данныя приводятъ насъ къ заключенію, что оно должно быть болѣе чистымъ и менѣе подвергшимся вліянію тюркскихъ племенъ, чѣмъ населеніе южной Россіи. Собранный богатый антропологическій матеріалъ, авторъ подвергаетъ его замѣчательно тщательной и образцово-научной обработкѣ. Онъ то суммируетъ индивидуальныя признаки и удачно выдѣляетъ изъ нихъ основныя, доминирующія черты, то съ рѣдкимъ усердіемъ разлагаетъ ихъ на составныя части, тщательно каждую изъ нихъ анализируетъ, слѣдя за малѣйшими ея измѣненіями и отклоненіями отъ нормы, изучая ея мѣсто и значеніе въ ряду другихъ признаковъ и всюду пытаясь отыскать факторы, которымъ та или иная антропологическая черта можетъ быть обязана своимъ появленіемъ. Съ этою цѣлью авторъ пользуется обширною литературой, и сравнительный методъ въ его изслѣдованіи нашелъ себѣ самое широкое прижненіе.

Сопоставляя изученные антропологическіе признаки, авторъ опредѣляетъ средній типъ рязанскаго крестьянина слѣдующимъ образомъ: русый, то болѣе свѣтлаго, то болѣе темнаго оттѣнка, съ одинаково частымъ распространеніемъ темныхъ и свѣтлыхъ глазъ, рязанецъ обладаетъ ростомъ выше средняго (1,651 м.); по головному указателю онъ суббрахицефаль, но не высокій (81,48); оба главные діаметры головы и горизонтальная окружность—велики; лицевая линія сравнительно не очень велика и немногимъ уступаетъ величинѣ передне-задняго наибольшаго діаметра головы; ширина лица умѣренная и ширинѣ черепа уступаетъ значительно; въ общемъ лицо рязанца скорѣе овальное, нежели широкое, такъ какъ лицевой указатель составляетъ всего 77,11%. Отъ чистыхъ монголовъ и тюрковъ рязанецъ отличается менѣе темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, большимъ ростомъ, меньшею брахицефаліей, болѣе длиннымъ лицомъ, оттуда и меньшей кампрозоіей. По сравненію съ финскими племенами рязанецъ болѣе темно-волосъ, выше большинства ихъ ростомъ, обладаетъ большими діаметрами и окружностью головы. Съ большинствомъ славянскихъ группъ, а особенно съ бѣлоруссами и малоруссами (съ первыми больше, чѣмъ

со вторыми), рязанецъ представляетъ очень много общихъ чертъ; и вообще отъ всѣхъ славянскихъ племенъ онъ отличается, главнымъ образомъ, постольку, поскольку къ основному славянскому типу присоединяются у различныхъ племенъ различныя по качеству и количеству постороннія примѣси. Интересному вопросу о послѣднихъ и въ частности попыткѣ разложить смѣшанный типъ рязанца на составляющіе элементы, авторъ удѣляетъ значительную часть своего труда, причемъ оперируетъ съ чрезвычайною осторожностью, стараясь всюду стоять на фактической почвѣ. Эта попытка автора выкристаллизовать изъ общей смѣшанной массы тѣ черты, которыя еще не успѣли окончательно въ ней расплыться и раствориться, должна быть поставлена ему въ особенную заслугу, и хотя имѣющійся антропологическій матеріалъ и не далъ автору возможности достаточно аргументировать и обосновать нѣкоторые изъ его выводовъ и предположеній, но во всякомъ случаѣ польза ихъ несомнѣнна, такъ какъ они значительно подвигаютъ вопросъ къ болѣе или менѣе удовлетворительному его разрѣшенію.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

„Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства“. К. Бюхера.—„Профессиональные рабочіе союзы въ Англіи“. *Поля де Рузе*.—„Обзорніе фабрично-заводской промышленности Амурской Области въ 1896 году“.—„Обзорніе фабрично-заводской промышленности въ Приморской области въ 1896 году“. М. Березникова.

Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. К. Бюхера. Статьи изъ книги „Происхожденіе народнаго хозяйства“. 2-е нѣмецкое изд. 1) Паденіе ремесла. 2) Соединеніе труда и совмѣстный трудъ. 3) Первобытный хозяйственный строй. 4) Хозяйство первобытныхъ народовъ. Изд. М. И. Водовозовой (подъ редакціей В. Э. Дэна). Спб., 1898 г. Наибольшій интересъ на нашъ взглядъ имѣетъ первая статья: *Паденіе ремесла*, заключающая въ себѣ выводы изъ обширнаго изслѣдованія (10 томовъ), произведеннаго союзомъ социальной политики. „За новѣйшими изслѣдованіями о положеніи ремесла, — говоритъ Бюхеръ, — останется та безспорная заслуга, что они... установили тотъ фактъ, что причина большей части происшедшихъ измѣненій кроется не въ успѣхахъ техники производства, а въ измѣненіяхъ въ народно-хозяйственномъ характерѣ современнаго спроса, и что, поскольку дѣйствуетъ эта причина, ремесло погибаетъ и помимо конкуренціи машиннаго производства“. А именно спросъ, съ одной стороны, концентрируется территоріально, а съ другой—онъ принимаетъ массовый характеръ.

Параллельно съ процессомъ концентраціи спроса долженъ былъ идти процессъ концентраціи въ области промышленнаго производства, и жертвой этого послѣдняго процесса сдѣлалось ремесло. Бюхеръ переходитъ далѣе къ анализу тѣхъ формъ, въ какихъ совершается паденіе ремесла, а именно: 1) вытѣсненіе ремесла соответствующимъ фабричнымъ производствомъ; 2) суженіе области ремесла, благодаря развитію фабрикъ и домашняго производства; 3) подчиненіе ремесла крупному предпріятію; 4) обѣднѣніе ремесла вслѣдствіе пережѣщенія спроса и 5) низведеніе ремесла на степень домашней промышленности и работы на магазинъ („потогонная система“).

Авторъ болѣе подробно останавливается на томъ случаѣ, когда фаб-

ричное производство захватываетъ начальныя стадіи производства; такъ кузнецъ получаетъ готовыя подковы, скорнякъ работаетъ надъ выдѣланными шкурами и т. д. Отмѣтимъ изъ любопытной статьи Тихонова (*Сельское хозяйство и мясоводство* 1898 г., №№ 4 и 5), что въ Соединенныхъ Штатахъ теперь, благодаря тому, что вся первоначальная обработка дерева захвачена уже фабрикой, плотникъ выходитъ на работу только съ пилой и молоткомъ, настолько весь матеріалъ уже заранѣе подготовленъ машиннымъ путемъ.

Каждое болѣе или менѣе крупное предпріятіе, будь то фабричная или торговая фирма, или же транспортное дѣло, нуждается для своего собственного производства въ ремесленномъ трудѣ самыхъ различныхъ специальностей. Пока работы этого рода не такъ много, ее сдаютъ обыкновенно самостоятельнымъ ремесленникамъ; но когда надобность въ ней начинаетъ встрѣчаться все чаще и становится все постояннѣе, оказывается болѣе выгоднымъ при главномъ предпріятіи завести съ этою цѣлью особое побочное предпріятіе. Общества конно-железныхъ дорогъ содержатъ свои кузницы, шорныя, каретныя и слесарныя мастерскія и т. д. (по этому поводу есть очень интересная статья Эд. Бернштейна *Комбинированныя предпріятія*. См. *Изъ экономической жизни Западной Европы*. Сборникъ статей. Изд. Н. Гарина. Спб., 1898 г.).

„Во всѣхъ случаяхъ,—говоритъ Бюхеръ,—когда ремесло снабжаетъ покупателя готовыми для потребленія и не подверженными быстрой порчѣ товарами, которые могутъ быть изготовлены по извѣстнымъ точнымъ образцамъ, рассчитаннымъ на средній уровень потребностей, ему грозитъ величайшая опасность даже тогда, когда крупное производство не имѣетъ передъ нимъ техническихъ преимуществъ“ (стр. 22).

Съ развитіемъ массоваго спроса на дешевый товаръ... ремесленный трудъ оказывается слишкомъ дорогимъ для этой цѣли, вслѣдствіе чего работа на заказъ становится невозможной, и ремесло теряетъ почву подъ ногами. Наконецъ Бюхеръ отмѣчаетъ еще одинъ моментъ, лежащій въ сферѣ *домашняго хозяйства*. Послѣднее все болѣе и болѣе освобождается отъ принадлежавшихъ ему въ прежнее время производительныхъ функций, а ограничивается исключительно областью потребленія. То, что намъ нужно, мы покупаемъ теперь уже въ готовомъ видѣ. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и улучшеніе путей сообщенія, низкіе почтовые *) и телеграфные тарифы и т. д.

Бюхеръ останавливается на мнѣніи, будто бы распространеніе мелкихъ моторовъ даетъ возможность самому мелкому ремесленнику примѣнять въ своей мастерской важнѣйшія изъ рабочихъ машинъ, но по приводимымъ имъ цифровымъ расчетамъ оказывается, что количество издержекъ на одинъ мелкій моторъ въ 3 и болѣе разъ выше, чѣмъ при крупныхъ моторахъ (стр. 25—26).

Книга переведена хорошо и по массѣ интереснаго матеріала заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ лицъ, интересующихся экономическими вопросами, особенно, когда у насъ теперь въ Россіи такъ много говорится и пишется о будущей судьбѣ нашихъ кустарныхъ промысловъ.

Профессиональные рабочіе союзы въ Англіи. Поля де-Рузье. Перев. подъ редакціей П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898 г. Цѣна 1 р. 50 к. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ появилась

*) См. очень интересную книгу D-г Charles Henry Hull: *Die deutsche Reichspost*. Jena, 1892, гдѣ авторъ описываетъ, какъ убійственно низкій почтовый посылочный тарифъ дѣйствуетъ на мелкое ремесло, мелкихъ торговцевъ и т. д.

на свѣтъ лежащая передъ нами книжка; обстоятельства появленія этой работы обуславливаютъ и хорошія, и дурныя стороны этой послѣдней. Дѣло въ томъ, что въ 1895 году „Соціальный музей“ въ Парижѣ рѣшилъ изучить трэдъ-юніонизмъ и съ этой цѣлью предложилъ Полю де-Рузье вмѣстѣ съ другими четырьмя лицами поѣхать въ Англію для ознакомленія на мѣстѣ съ этимъ вопросомъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ члены этой экспедиціи посѣщали въ Англіи фабрики, опрашивали рабочихъ, вождей трэдъ-юніонизма, предпринимателей, присутствовали на конгрессахъ, проникали въ семьи рабочихъ и т. д., стараясь всѣми возможными средствами ознакомиться съ поставленнымъ имъ вопросомъ. Работа была подѣлена на части и каждый работалъ въ отведенной ему области, а о результатахъ своей работы составлялъ отчетъ: такъ, союзы докеровъ изучены и описаны Фести, союзы углекоповъ—Вилельмомъ, союзы машино-строительныхъ рабочихъ—Флери и т. д. Общіе же вопросы, какъ-то: о необходимости образованія профессиональныхъ союзовъ, о причинахъ успѣха ихъ въ Англіи, о будущемъ англійскихъ рабочихъ союзовъ—составлены Полемъ де-Рузье, подъ руководствомъ котораго велось и все изслѣдованіе.

Самый характеръ изслѣдованія наложилъ свою печать на работу: съ одной стороны, при такомъ быстромъ, быть можетъ, нѣсколько спѣшномъ, ознакомленіи авторамъ не удалось вполне вѣрно оцѣнить нѣкоторые явленія англійскаго рабочаго движенія, и потому рисуемая ими картина не всегда соответствуетъ дѣйствительности. Кромѣ того, специфическая французская точка зрѣнія на соціальныя явленія также даетъ себя чувствовать, и въ ней лежитъ иногда корень невѣрнаго освѣщенія отиѣчаемыхъ авторами фактовъ.

Съ другой стороны, практически знакомясь съ англійскими рабочими союзами, вращаясь съ этою цѣлью среди рабочихъ, вожаконъ движенія и т. д., авторы почерпнули много живыхъ впечатлѣній, и, передавая въ своихъ отчетахъ слышанныя ими замѣчанія, разговоры, видѣнные эпизоды, они въ сильной степени этимъ оживляютъ свою книгу.

Авторы совершенно правильно поставили свою задачу, рѣшивъ, что ключъ къ пониманію той или другой структуры рабочихъ союзовъ, того или иного распространенія послѣднихъ въ данной отрасли производства зависитъ отъ характера и условій послѣдняго, а слѣдовательно, надо изучать рабочіе союзы не огульно, а индивидуализируя ихъ по производствамъ, и прежде всего надо изучать промышленность, на которой, какъ на базисѣ, строятся рабочіе союзы. „Профессиональные интересы, представителями которыхъ служатъ рабочіе союзы, будутъ измѣнять свое свойство и вызывать большую или меньшую необходимость организаціи рабочихъ, смотря по тому, сгруппированы ли рабочіе даннаго производства на фабрикахъ, или разсыяны по мелкимъ мастерскимъ, надзираютъ ли они за машинами, или работаютъ руками, производятъ ли продукты всеобщаго потребленія или предметы роскоши, продукты легко перевозимые или недоступные передвиженію...,—однимъ словомъ, въ зависимости отъ всѣхъ данныхъ, относящихся до организаціи труда“ (стр. 13).

Промышленная эволюція, выразившаяся въ развитіи крупной фабрики, создала рабочіе союзы, отграниченные извѣстною территоріей, а эволюція торговли повела къ образованію крупныхъ національныхъ союзовъ (стр. 13). Подъ вліяніемъ эволюціи промышленности явилась солидарность между всѣми рабочими одной и той же фабрики, а подъ

вліяніемъ эволюціи торговли явилась солидарность между всѣми рабочими, занятыми въ одномъ и томъ же производствѣ.

Поль де-Рузье пытается опредѣлить и сферу примѣненія рабочихъ союзовъ и здѣсь отмѣчаетъ задерживающее вліяніе такъ называемой Sweating System на образованіе рабочихъ союзовъ: эта система характеризуется изолированностью рабочаго, а потому здѣсь нѣтъ наличности условій для созданія классовой солидарности. Но мы очень сожалѣемъ, что авторъ ограничилъ свои замѣчанія о задерживающемъ вліяніи Sweating System на трэдъ-юніонизмъ лишь нѣсколькими словами и не остановился на той борьбѣ, которая ведется теперь въ Англіи противъ Sweating System со стороны рабочихъ союзовъ, воплоти ясно себя усвоившихъ ту мысль, что всякій рабочий, занятый при Sweating System, является потерянной силой для рабочей организаціи. Автору слѣдовало бы подчеркнуть этотъ моментъ, чтобы такимъ путемъ рельефнѣе освѣтить сферу распространенія рабочихъ союзовъ.

Другой существенный упрекъ, который мы должны сдѣлать Полю де-Рузье, тотъ, что онъ не въ должной степени оцѣниваетъ значеніе „независимой рабочей партіи“, объявившей юніонизмъ притупленнымъ орудіемъ, не имѣющимъ никакого значенія и пропагандирующей, какъ средство улучшенія положенія рабочихъ массъ, обращеніе къ политикѣ. *Ходъ экономической развитія направляетъ на этотъ послѣдній путь.* Г. Рузье отмѣчаетъ, какъ, подъ вліяніемъ эволюціи торговли, предприниматели вынуждаются входить въ соглашеніе другъ съ другомъ (стр. 13), а крикчая организація послѣднихъ въ экономической борьбѣ легко можетъ перетянуть чашку вѣсовъ на ихъ сторону, и единственнымъ исходомъ для рабочихъ будетъ обращеніе къ избирательной урнѣ; такой ходъ развитія мы видимъ въ Австраліи (см. въ *Русскомъ Экономич. Обзорѣ* 1898 г., № 9, *Рабочее законодательство въ австралійскихъ колоніяхъ Амліи*), и нѣкоторые уже теперь предсказываютъ именно такой путь развитія англійскаго рабочаго движенія (см., наприм., *Revue d'économie politique*. Décembre 1897, статья Gide'a).

Книга переведена хорошо, снабжена предисловіемъ г. Струве, гдѣ редакторъ приводитъ нѣкоторыя фактическія поправки, сдѣланныя Гальтономъ въ его отзывѣ на книгу Рузье, помѣщенномъ въ нѣмецкомъ журналѣ Брауна.

Обозрѣніе фабрично-заводской промышленности Амурской области въ 1896 г. (Записки Пріамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. III, вып. III).—Обозрѣніе фабрично-заводской промышленности въ Приморской области въ 1896 г. (тамъ же, т. IV, вып. II). М. Бережникова. Авторъ рассматриваетъ всѣ главнѣйшіе отдѣлы фабрично-заводской промышленности этихъ двухъ краевъ и, по его исчисленіямъ, годовой итогъ результатовъ этой дѣятельности въ Амурской области опредѣляется въ 2.380,000 руб. (стр. 107). Причины столь малаго развитія фабрично-заводской промышленности авторъ видитъ: въ малой населенности края, а потому и въ маломъ объемѣ рынка, въ дальности доставки различныхъ механическихъ приспособленій, устройство которыхъ у себя на мѣстѣ представляется затруднительнымъ, въ отсутствіи людей съ техническимъ образованіемъ, мастеровъ и знакомыхъ съ дѣломъ рабочихъ; въ погонѣ предпринимателей за высокой прибылью на затраченный капиталъ...“ (стр. 61).

Тѣ же причины, по мнѣнію автора, обуславливаютъ и малое развитіе фабрично-заводской промышленности въ Приморской области (т. IV, вып. II, стр. 141).

Предприимчивые иностранцы со своими капиталами уже проникают и въ этотъ отдаленный край. „Встрѣтить въ Амурской области, — говоритъ г. Бережниковъ, — представителя англійской, нѣмецкой или французской фирмы, изучающаго торгово-промышленныя условія края, является дѣломъ довольно обычнымъ“ (т. III, вып. III, стр. 11). Мало того, по словамъ г. Бережникова, „иностранные капиталисты, въ предвидѣніи наступленія времени, когда потребность въ топливѣ въ Амурскомъ краѣ начнетъ сказываться съ большею силой, скупаютъ сдѣлавшіяся извѣстными надежныя каменноугольныя мѣсторожденія. Такъ, недавно открытыя залежи каменнаго угля по рѣкѣ Денпъ приобрѣтены у Клинова швейцарскимъ подданнымъ Штирлинымъ“ (тамъ же, стр. 99—100).

Имѣется основаніе предполагать, — говоритъ авторъ, — что мѣсторожденія желѣза въ Амурской области очень велики, составляя какъ бы подпочву амурскаго бассейна (стр. 93), точно также и находженіе каменнаго угля въ Амурской области уже съ давняго времени обнаружено многими компетентными лицами, но серьезныхъ изслѣдованій и розысковъ, въ виду отсутствія необходимости въ минеральномъ топливѣ, по сію пору произведено не было (стр. 99). При такихъ условіяхъ въ будущемъ Амурскій край можетъ сдѣлаться крупнымъ фабрично-заводскимъ центромъ.

Авторъ описываетъ детально въ отдѣльности каждую отрасль заводско-фабричной промышленности, подводя итоги ея развитія. Такъ, здѣсь читатель найдетъ и итоги лѣсной промышленности, винокуреннаго, пивовареннаго производствъ, мыловареннаго, канатнаго, кирпичнаго, кожевеннаго и т. д. Эта детальность описанія придаетъ особую цѣну труду г. Бережникова.

Замѣтимъ только, что утвержденіе автора, что условія для вывоза русскаго лѣса съ каждымъ годомъ мѣняются къ лучшему, слишкомъ смѣло. „Лѣсныя богатства нашихъ конкурентовъ, — говоритъ г. Бережниковъ, — повидимому, изсякаютъ: Япоція, предчувствуя недостатокъ въ лѣсѣ, въ ближайшемъ будущемъ готовится воспретить его вывозъ изъ страны. По соображеніямъ Ковалова, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ потребленіе лѣса вдвое превосходитъ естественный приростъ его. Можно, слѣдовательно, ожидать повышенія цѣнъ на рынкахъ“ (т. IV, вып. III, стр. 12). Между тѣмъ въ Европѣ теперь американскимъ лѣсомъ завалены всѣ порты, и американцы подумываютъ о поставкѣ лѣса для шпаль Сибирской желѣзной дороги... (см. по этому поводу интересный отчетъ г. Тихонова по командировкѣ для изслѣдованія лѣснаго дѣла въ Америкѣ въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* 1898 г., №№ 4 и 5).

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Научные очерки Томскаго края“. Сборникъ, изд. подъ ред. проф. Н. О. Кашенка. — „Основы ботаники. Систематика растений“, Д-а Вармина. — „Ботаническій атласъ по системѣ Деканделя“. К. Голмана. — „Рыбоводство и рыбный промыселъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ“. Н. Бородина. — „Труды сѣверной комиссіи 1897—1898 гг.“.

Научные очерки Томскаго края. Сборникъ публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ естествознанія и сельскаго хозяйства мѣстнаго края. Издано подъ общей редакціей профессора Н. О. Кашенка. Томскъ, 1898 г. Цѣна 2 р. 50 к. Осенью 1897 года бывшимъ томскимъ отдѣломъ Императорскаго московскаго Обще-

тва сельскаго хозяйства, въ настоящее время преобразованнымъ въ особое западно-сибирское Общество сельскаго хозяйства, была организована серія публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ естествознанія какъ чистаго, такъ и прикладнаго, сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной исторіи мѣстнаго края. Программа составила довольно разнообразную и затѣмъ, по окончаніи лекцій, большинство изъ нихъ поступило въ печать и вошло въ составъ сборника, заглавіе котораго нами выше приведено. Книга издана на средства нѣкоторыхъ жертвователей, имена которыхъ приведены на заглавномъ листѣ, и издана весьма хорошо съ вѣшной стороны, съ тремя картами, семью таблицами и двѣнадцатью рисунками въ текстѣ. Каждая статья имѣетъ свою пагинацію, что представляетъ нѣкоторое неудобство для справокъ.

Профессору Томскаго университета Н. Э. Каценко, редактору сборника, принадлежатъ въ немъ предисловіе, заключительное слово и двѣ статьи: первая изъ нихъ „Развитіе человѣческаго господства надъ организованной природой“, была ранѣе напечатана въ издаваемомъ въ Москвѣ журналѣ *Естествознание и Географія* и представляетъ собою главнымъ образомъ разработку вопроса объ акклиматизаціи растений и животныхъ и о сохраненіи нѣкоторыхъ формъ отъ вымиранія; вторая статья представляетъ собою очеркъ животнаго населенія Сибири и Томской губерніи въ частности и снабжена зоогеографической картой, показывающей границы распространенія нѣкоторыхъ формъ; авторъ дѣлаетъ свои выводы главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, касающихся позвоночныхъ, преимущественно млекопитающихъ и птицъ. Специально птицамъ Томской губерніи посвящена статья Г. Э. Юганзена. И. И. Дочевскій далъ очеркъ охоты Томской губерніи, въ которомъ описаны и способы охоты, и охотничьи снаряды, и сообщаются статистическія данныя по этому вопросу. С. А. Суховъ въ своей статьѣ „О пчеловодствѣ въ Томской губерніи“, дѣлаетъ краткій очеркъ естественной исторіи пчелы и системъ ульевъ, а затѣмъ сообщаетъ данныя о положеніи пчеловоднаго хозяйства въ краѣ, поясняя изложеніе картой и диаграммами. Флорѣ края посвящены двѣ статьи П. Н. Крылова: во-первыхъ, „Очеркъ растительности Томской губерніи“, которая, не давая списка мѣстныхъ растительныхъ формъ, прекрасно выясняетъ характеръ различныхъ растительныхъ формаций края; во-вторыхъ, статья специально посвященная тайгѣ, гдѣ болѣе детально разработана тайжная флора, причемъ въ поясненіе приложены пять таблицъ съ изображеніемъ наиболѣе типичныхъ формъ. Къ сожалѣнію, рисунки даютъ плохое понятіе о растеніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Не останавливаясь на другихъ статьяхъ *Сборника*, скажемъ въ заключеніе, что онъ представляетъ несомнѣнный интересъ для всякаго, интересующагося Сибирью. Нельзя не привѣтствовать хорошаго почина кружка томскихъ ученыхъ—устроить лекціи, дающія понятіе о мѣстной природѣ и людяхъ.

Основы ботаники. Систематика растений д-ра Варминга, профессора ботаники въ Копенгагенскомъ университетѣ. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ 3-го датскаго изданія С. И. Ростовцева и М. И. Голенина. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева, профессора Московскаго университета. 2-е русское изданіе, исправленное и значительно пополненное очеркомъ важнѣйшихъ свѣдѣній изъ морфологіи растений и обзоромъ ботаническихъ системъ. Подъ редакціей С. И. Ростовцева, профессора Московскаго сельскохозяйственнаго института. Ч. II. Явнобразныя. М. 1898 г. Цѣна

за объ части 5 р. Намъ уже приходилось говорить о первомъ томѣ *Основъ ботаники* д-ра Варминга, въ русскомъ переводѣ проф. С. И. Ростовцева и М. И. Голенкина и указать какъ на своевременность появленія такого солиднаго труда, такъ и на его выдающіяся качества. Второй томъ отличается тѣми же достоинствами и даетъ въ руки учащемуся, — выражаясь словами проф. К. А. Тимирязева, — обильный и разнообразный фактический матеріалъ, цѣнный по его свѣжести и умѣлой группировкѣ и крайне искусно сжатый до возможно малаго объема.

Ботаническій атласъ по системѣ Декандоля. К. Гофмана. 80 хромолитографированныхъ таблицъ, изображающихъ 459 растений въ краскахъ и 30 листовъ текста съ болѣе 500 полнотипажей. Съ измѣненіями и дополненіями примѣнительно къ Россіи. Подъ редакціей Н. А. Монтеверде, главнаго ботаника Императорскаго С.-Петербургскаго ботаническаго сада. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Вып. I. Хромолитографіи 1—8, текстъ 1—16 стр. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1898 г. Ботаническій атласъ Гофмана, появляющійся вторымъ изданіемъ, безспорно долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ книгъ, появленіе которыхъ весьма желательно въ виду все возрастающаго въ обществѣ интереса къ естествознанію. Для ботаника-любителя атласъ Гофмана явится цѣннымъ руководствомъ, отсутствіе котораго у насъ въ настоящее время сильно ощущалось. Прекрасное исполненіе многочисленныхъ хромолитографій съ почти полной передачей естественной окраски растений, богатство полнотипажей въ текстѣ—все это тѣ достоинства, которыя рѣдко приходится встрѣчать въ подобнаго рода книгахъ, но которыя составляютъ характерную особенность изданій А. Ф. Девріена. Принимая во вниманіе какъ богатство содержанія, такъ и вѣдную сторону изданія, подписую цѣну на все изданіе (10 р.) никакъ нельзя назвать высокою.

Рыбоводство и рыбный промыселъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Н. Бородинъ. Часть I. Рыбоводство. Изд. департамента земледѣлія. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Съ 1891 по 1893 годъ авторъ книги Н. А. Бородинъ, уралецъ, натуралистъ по образованію, зарекомендовавшій себя солиднымъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ Уральской области, былъ командированъ за границу на средства Уральского казачьяго войска для ознакомленія съ отраслю промышленности, имѣющей первостепенное значеніе для уральскаго побережья.

Во внутренней Россіи промышленное рыбодство пока еще очень слабо развито, но въ губерніяхъ Царства Польскаго ему отводится замѣтное вниманіе: къ 1894 году 16% водъ съ площадью 6,746 морговъ представляли собою устроенное водное хозяйство въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя были заложены въ земскомъ кредитномъ обществѣ Царства Польскаго *).

Сообщивъ краткія статистическія свѣдѣнія объ искусственномъ разведеніи рыбъ, авторъ описываетъ рыбные заводы Германіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи, Норвегіи, Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ и Канады; въ послѣдней главѣ данъ очеркъ прудового хозяйства по нѣсколькимъ мѣстностямъ. Заключение книги намѣчаетъ задачи русскаго рыбодства; въ центральныхъ губерніяхъ, по мнѣнію автора, прудовое рыбное хозяйство можетъ оказаться выгоднымъ, а сазанъ можетъ быть разводимъ въ прудахъ даже на крайнемъ юго-востоцѣ (въ

* Свѣдѣнія, составленныя Я. Ростворовскимъ. Варшава, 1896 г.

Уральской области); мѣры къ добыванію, искусственному оплодотворенію и выводу рыбы должны быть сдѣланы обязательными во всѣхъ мѣстахъ усиленнаго лова наиболѣе цѣнныхъ рыбныхъ породъ; выводъ осетровыхъ можно дѣлать прямо въ рѣкѣ.

Къ книгѣ Н. А. Бородина приложены списокъ литературы и алфавитный указатель. Въ текстѣ помѣщено 105 рисунковъ.

Труды сѣверной комиссіи 1897—1898 гг. Спб., 1898 г. Сѣверная комиссія основана при комитетѣ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера и занята разработкой вопросовъ, относящихся, во-первыхъ, къ научно-промысловому изслѣдованію нашего сѣвернаго побережья, а во-вторыхъ—къ непосредственной помощи населенію этого побережья. Нельзя не отмѣтить, что въ данномъ случаѣ въ основу рѣшенія цѣлаго ряда практическихъ вопросовъ, имѣющихъ важное государственное значеніе, положены научныя естественно-историческія изслѣдованія. Въ составъ комиссіи вошли многіе изъ извѣстныхъ петербургскихъ естествоиспытателей, какъ, напримѣръ: М. А. Рыкачевъ, І. Б. Шпидлеръ, Ѳ. Н. Чернышевъ, Г. И. Танфильевъ, Н. М. Книповичъ, А. М. Никольскій, А. А. Вируля, Е. А. Бихнеръ и другіе. Въ настоящемъ выпускѣ *Трудовъ* комиссіи напечатаны протоколы ея и рядъ докладовъ, касающихся научно-промысловыхъ изслѣдованій Мурмана. Изъ этихъ докладовъ ясно вырисовывается картина современнаго положенія рыбнаго дѣла на нашемъ Сѣверѣ,—картина по истинѣ грустная: достаточно сказать, что количество добываемой рыбы не удовлетворяетъ даже пищевой потребности мѣстнаго малочисленнаго населенія и всѣ сѣверные рынки переполнены привозимой изъ Норвегіи рыбой, принадлежащей къ тѣмъ самымъ породамъ, которыя населяютъ наши воды. Поднятіе рыбнаго промысла на нашемъ сѣверѣ на должную высоту должно повліять самымъ благопріятнымъ образомъ на экономическое благосостояніе мѣстнаго населенія, но, кромѣ того, оно можетъ обогатить и средне-русскіе рынки сѣвальною рыбой, что тоже можетъ имѣть важное значеніе, особенно для болѣе бѣднаго населенія. Въ виду всего этого, нельзя не привѣтствовать тѣхъ работъ, которыя уже начаты для этого дѣла и которыя должны дать плодотворные результаты въ ближайшемъ будущемъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Труды орловскаго областного сѣзда сельскаго хозяйства 10—20 мая 1898 г.“

Труды орловскаго областного сѣзда сельскихъ хозяевъ 10—20 мая 1898 г. Изд. орловск. губерн. земства. Орель. Ц. 2 руб. Въ этотъ большой томъ убористой печати вошли всѣ прочитанные на сѣздѣ доклады и подробно изложены происходившія пренія по вопросамъ, выставленнымъ въ докладахъ. Орловскій сѣздъ былъ первымъ областнымъ сѣздомъ, но онъ не привлекъ, какъ предполагали, особенно многочисленной публики. Записавшихся членовъ всего было 158 (на девять губерній), но не всѣ были на сѣздѣ или же пріѣзжали только на нѣсколько засѣданій, ихъ особо интересующихъ. Причины, побудившія созвать сѣздъ, и цѣли, къ которымъ онъ долженъ придти, ясно выражены въ привѣтственной рѣчи предсѣдателя губернской орловской управы (онъ же предсѣдатель и на первомъ засѣданіи) С. А. Хвостова: „Тяжелое состояніе нашего сельскаго хозяйства происходитъ, мы всѣ хорошо знаемъ, отъ всемірнаго сельско-хозяйственнаго кризи-

са, но независимо отъ того многія мѣропріятія, принимаемыя министерствомъ финансовъ въ цѣляхъ упорядоченія государственнаго хозяйства страны, не мало содѣйствуютъ ухудшенію положенія сельскаго хозяйства и тому оскуднѣнію центральной Россіи, которое ощущается нами, сельскими хозяевами, и начинается, если не ошибаюсь, признаваться, хотя и не вполне, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. При столь печальномъ положеніи сельскаго хозяйства въ центральной Россіи необходимо намъ, сельскимъ хозяевамъ, вступить въ болѣе тѣсное и близкое общеніе между собою, дабы общими усиліями обдумать общую программу въ будущемъ и выработать мѣропріятія, могущія способствовать облегченію кризиса и поднятію доходности сельскаго хозяйства".

Къ достиженію этихъ цѣлей въ частности стремился каждый изъ прочитанныхъ разнообразныхъ докладовъ, изъ которыхъ большинство имѣло специальныйъ сельско-хозяйственный интересъ, но на этомъ же съѣздѣ были подняты вопросы и болѣе общаго характера. Признавъ кризисъ общимъ, нѣкоторые доклады старались выяснить и тѣ общія причины, которыя могли произвести и обострить этотъ кризисъ, а также указать средства, могущія повліять на ослабленіе этого кризиса. Къ такимъ докладамъ надо причислить доклады гг. В. Бутми „Капиталы и долги (къ вопросу о валютѣ), денежный кризисъ“, А. А. Стаховича — „Золотая валюта, хлѣбныя цѣны и нашъ земледѣльческій кризисъ. Союзъ землевладѣльцевъ“. Эти доклады вызвали самыя горячія пренія не только въ средѣ членовъ, на нихъ откликнулись многіе органы печати, столичные и провинціальныя. Нѣкоторые органы печати, наприм., *Неделя*, упрекали съѣздъ въ томъ, что онъ преслѣдуетъ исключительно дворянскіе сословно-земледѣльческіе интересы. Но авторъ проекта союза землевладѣльцевъ первыми двумя пунктами дѣятельности союза ставитъ: развитіе мѣстнаго значенія земства и развитіе просвѣщенія общаго и профессиональнаго; что же касается самаго съѣзда, то большинство докладовъ касалось исключительно крестьянскаго хозяйства, наприм., Бажаява — „Судьбы крестьянскаго травосѣянія“, Нагорскаго — „Оскуднѣніе скотомъ центральныхъ губерній“ и многіе другіе. Съѣздъ, принимая во вниманіе, что 1) основной чертой переживаемаго сельскимъ хозяйствомъ кризиса является общее паденіе цѣнъ на всѣ произведенія земледѣлія; 2) что паденіе цѣнъ имѣетъ тѣснѣйшую связь съ увеличеніемъ покупательной силы золота вслѣдствіе лишенія серебра его прежняго характера валютнаго металла; 3) что фиксація курса русскихъ бумажныхъ денегъ на золото и фактическій переходъ къ золотой валютѣ сдѣлали Россію участницею міроваго земледѣльческаго кризиса, грозящаго затянуться на неопредѣленное время — *постановилъ*: представить г. министру земледѣлія необходимость подвергнуть вопросъ о русской денежной системѣ новому пересмотру съ точки зрѣнія интересовъ русскаго сельскаго хозяйства и съ точки зрѣнія послѣдствій для Россіи отказа ея отъ ея исторической серебряной монетной единицы; 4) въ случаѣ же, если таковой пересмотръ представится неудобнымъ, съѣздъ, имѣя въ виду, что введеніе новой золотой единицы отягчило крестьянскіе выкупные платежи и ипотечные долги частнаго землевладѣнія болѣе чѣмъ на 50%, *считаетъ необходимымъ* представить въ интересахъ справедливости, о *перечисленіи* указанныхъ долговъ на новую монетную единицу, „*по ея сравнительному достоинству къ настоящему серебряному рублю*“, на который были написаны всѣ обязательства. Эти резолюціи были приняты почти единогласно, какъ было тоже принято предложеніе А. А. Стаховича о союзѣ землевладѣльцевъ, проектъ устава котораго былъ

выработаны и утверждены тутъ же на сѣздѣ и пошелъ на утвержденіе въ подлежащія сферы, но вотъ прошелъ уже почти годъ, а объ участи его нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

МЕДИЦИНА.

„Вивисекція съ естественно-научной, медицинкой и нравственной точекъ зрѣнія“. Проф. П. Ферстера.—„Ученіе о хирургическихъ операціяхъ“. Д-ра Кохера.—„Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся“. Фредерика Тревса.—„Уходъ за душевно-больными“. А. Мендельсона.—„Кавказскія минеральныя воды“. В. В. Святловскаго.

Вивисекція съ естественно-научной, медицинкой и нравственной точекъ зрѣнія. Проф. П. Ферстера. Перев. съ нѣм. Ц. 50 к. Спб., 1898 г. Вопросъ, которому посвящена эта брошюра, очень жгучій и нельзя не согласиться, что нѣкоторые доводы автора убѣдительно, а упреки справедливы. Многого, дѣйствительно, можно было бы избѣжать при нѣскольکو болѣе вдумчивомъ и болѣе серьезномъ отношеніи къ дѣлу. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ тѣ жертвы, которыя приносятся наукѣ, ничѣмъ бы не оправдались, ничѣмъ бы не были искуплены и бесполезны. Мѣстами чувствуется большая принужденность въ аргументаціи автора: „Изъ того обстоятельства, что открытіе кровеообращенія сдѣлано вивисекторомъ Гарвеемъ, еще не слѣдуетъ, что оно результатъ вивисекцій, даже если самъ открыватель увѣренъ въ этомъ“. Также огульно и бездоказательно отвергаются изслѣдованія Флуранса, Гольца, Ферье. Съ истинами взятыми изъ прописей: „Знаніе драгоценно, но еще драгоценнѣе любовь и милосердіе, справедливость и отреченіе“, братья за рѣшеніе такого, дѣйствительно, большого вопроса нельзя, нельзя также ничего доказать и крикомъ, и паеосомъ, и преувеличеніями, чего не мало въ книжкѣ. Что касается перевода, то онъ положительно безграмотенъ: „если мой голосъ перешагнетъ“, „курара“, „вода 120°“, „кльтчатка въ тонкой кишкѣ“, „Марсаль Галль“ и проч. встрѣчаются на любой страницѣ.

Ученіе о хирургическихъ операціяхъ д-ра Кохера, профессора университета и директора хирургической клиники въ Бернѣ. Изданіе К. Л. Риккера. 1899 г. Цѣль автора этой книги, не вдаваясь въ оцѣнку разнообразныхъ способовъ, примѣняемыхъ при одной и той же операціи,—дать описаніе только тѣхъ изъ нихъ, которые наиболѣе часто практикуются современными хирургами, и въ преимуществахъ которыхъ авторъ убѣдился на основаніи личнаго долготѣяго опыта. Несмотря на трудность и сложность поставленной задачи, авторъ въ совершенствѣ справился съ ней. Каждой операціи авторъ предпосылаетъ прекрасное изложеніе топографическихъ отношеній оперируемой области, причемъ особенное вниманіе обращаетъ на перевязку артерій и обнаженіе нервовъ.

Такимъ образомъ руководство это представляетъ прекрасное сочетаніе топографической анатоміи и оперативной хирургіи и для начинающихъ врачей и студентовъ является незамѣнимымъ руководствомъ, давая ясное представленіе о типичныхъ операціяхъ. Изданіе этой книги, снабженной прекрасными, нѣскольکو схематизированными рисунками, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся. Фредерика Тревса. Изд. Риккера. 1899 г. Книга извѣстнаго англійскаго анатома и хирурга Фредерика Тревса при нѣкоторой своей конспек-

тивности можетъ служить большимъ подспорьемъ къ изученію оперативной техники, давая возможность учащимся при работѣ на трупѣ убѣждаться лично въ относительныхъ достоинствахъ того или другого способа при различныхъ операціяхъ. Какъ вообще большинство медицинскихъ изданій Риккера, эта книга отличается большою тщательностью своего изданія.

Уходъ за душевно-больными. Руководство для надзирательскаго и служительскаго персонала психіатрическихъ заведеній. А. Мендельсона. Изд. Риккера. Спб., 1898 г. Ц. 1 р., стр. 196. Настоящее руководство представляется особенно цѣннымъ въ виду почти полнаго отсутствія таковыхъ въ русской литературѣ; изложенное толково, обстоятельно, съ хорошей, гуманной руководящей мыслью въ основѣ, оно не оставляетъ желать лучшаго. Познакомивъ читателя съ элементарными понятіями изъ анатоміи, фізіологіи и патологіи человѣка, авторъ указываетъ затѣмъ на правила ухода за тѣлесно-больными; описывая устройство лазаретовъ, больничной обстановки, способовъ подачи первой помощи и проч., тамъ, гдѣ это имѣетъ особенное отношеніе къ психически-больнымъ, авторъ вдается въ большія подробности. Вторая половина книги посвящена изложенію понятія о душевно-больныхъ, ихъ признаковъ, главнѣйшихъ формъ, теченія и исходовъ ихъ. Далѣе весьма обстоятельно описывается устройство заведеній для душевно-больныхъ, раздѣленіе ихъ по родамъ болѣзней, внутренній порядокъ этихъ заведеній. Въ передачѣ правилъ ухода за душевно-больными авторъ учитъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ больными при доставкѣ ихъ въ заведеніе, какъ принять вновь прибывшаго, какъ обращаться съ нимъ, что дѣлать при наклонности къ самоубійству, къ буйству, какъ ухаживать за неопытными, за отказывающимися отъ пищи; какія мѣры стѣсненія и когда можно примѣнять, какую работу могутъ исполнять душевно-больные, какъ допускаются свиданія съ родственниками, какими развлеченіями они могутъ пользоваться и какъ все это организовать. Далѣе излагаются особенности ухода за идіотами и слабоумными, за меланхоликами, за бредовыми, за падучими, за паралитиками и проч. Въ заключительныхъ словахъ авторъ приводитъ евангельскій текстъ: „И такъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“. Этой теплой идеей любви къ людямъ и проникнуто все руководство. Внѣшность изданія прекрасная.

Кавказскія минеральныя воды. В. В. Святловскаго. Екатеринбургъ, 1898 г. Изд. Копылова. 341 стр. Ц. 2 р. 50 к. Въ началѣ книги помѣщенъ историческій очеркъ открытія и развитія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Здѣсь авторъ говоритъ, что за границей при открытіи новыхъ водъ „всѣ стараются поднять и поддержать ихъ“, а „у насъ всѣ точно сговорились нарочно задушить ребенка въ моментъ его рожденія, всѣ нападаютъ на него съ какимъ-то непонятнымъ злорадетвомъ и ожесточеніемъ и о поддержкѣ, при благомъ начинаніи, при всякомъ новшествѣ, не можетъ быть и рѣчи...“ „Да и само общество разсуждаетъ такъ: пока что, пускай, дескать, они тамъ грызутся и устраиваются, наше дѣло сторона, мы можемъ и за границу съѣздить“. Такія lamentаціи не имѣютъ никакихъ основаній. Исторія и древняя, и средняя, и новая и даже новѣйшая такъ богата печальными фактами, о которыхъ къ тому же такъ много было писано, что объяснять предпочтеніе нашихъ соотечественниковъ заграничныхъ водъ роднымъ какими-то особыми свойствами нашего русскаго общества,

склоннаго болѣе къ осмѣянію, чѣмъ поддержкѣ, а тѣмъ болѣе возможностью „свѣздить за границу“—нельзя. Средняго достатка чело-вѣкъ не „можетъ“, а *долженъ* и принужденъ вѣхать за границу, гдѣ онъ и дешевле и удобнѣе устроится. Это первый упрекъ автору. Второе, что бросается въ глаза, это слѣдующее: сдѣлавъ объясненіе въ любви и уваженіи, въ посвященіи живому при этомъ чело-вѣку, авторъ куритъ затѣмъ ему на 57 страницъ оміама: „строго лояльный, ровный характеръ“ этого лица, „представляющаго собой типъ благороднѣйшаго джентльмена въ лучшемъ смыслѣ этого слова, много содѣйствовавъ упроченію и введенію строгаго порядка на водахъ и въ его хозяйствѣ“. Авторъ описываетъ Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Эссентуки, Кисловодскъ, и попутно излагаетъ геологію, климатъ, анализъ водъ источниковъ. Въ отдѣлѣ „общая діететика при лѣченіи минеральными водами“, мы находимъ слѣдующую фразу, мало относящуюся къ діететикѣ, особенно примѣнимую къ нашимъ отечественнымъ курортамъ: „И тогда (въ средніе вѣка) еще учили, что лучший эффектъ въ лѣченіи достигается тотъ, кто располагаетъ хорошими денежными средствами“. Отдѣлъ этотъ, надо сказать, составленъ очень странно: судя по заглавію мы должны бы были ожидать выясненія вопросовъ, какъ, чѣмъ, когда и проч. слѣдуетъ питаться при лѣченіи водами; вмѣсто того изъ 60 стр. лишь 12 посвящены изложенію діететики, а на 48 толкуется о морскихъ купаньяхъ, о классификаціи минеральныхъ источниковъ, о выборѣ времени года, о приготовленіи къ купальному курсу, о путешествіяхъ, о неудобствѣ дѣтей, о климатѣ, о косметикѣ, о горячихъ душахъ.

ИСКУССТВО.

„Искусство и художественная промышленность“. № 6.—„Русскія и иностранныя оперы, исполнявш. на Импер. театрахъ въ Россіи въ XVIII и XIX ст.“. В. *Орасо-са*.—„Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“. Сезонъ 1897—1898 г.

Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе. № 6, мартъ 1899 г. Спб. Мы уже говорили объ этомъ художественномъ изданіи, которое мы считаемъ весьма полезнымъ и необходимымъ, такъ какъ въ немъ, на-ряду со статьями, посвященными чистому искусству (главнымъ образомъ—живописи и отчасти зодчеству), редакция обращаетъ вниманіе на искусство въ его приложеніяхъ къ русской промышленности. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что на многія отрасли промышленности такой журналъ можетъ оказать благотворное вліяніе, знакома нашихъ мастеровъ въ описаніяхъ и снимкахъ съ лучшими образцами иностранныхъ издѣлій и подбадривая нашихъ художниковъ на то, чтобы они своими талантами и знаніями способствовали развитію нашихъ отечественныхъ производствъ въ національномъ духѣ. Въ этомъ отношеніи мы далеко отстали не только отъ западной Европы, но отъ нѣкоторыхъ странъ Востока. Въ Россіи и въ чужихъ краяхъ замѣтно пробуждается вкусъ къ національно-русскому. А мы еще не выработали почти ничего своего, характернаго и оригинальнаго, ни въ архитектурѣ, ни въ убранствѣ нашихъ жилищъ, ни въ предметахъ роскоши, ни въ большихъ мануфактурныхъ производствахъ, изготовляющихъ разнаго рода матеріи, ковры и т. п. Журналъ *Искусство и художественная промышленность* публикуетъ объявленіе о конкурсахъ на составленіе рисунковъ

для разнаго рода „художественной промышленности“ и на своих страницахъ даетъ прекрасно исполненные снимки съ премированныхъ рисунковъ или издѣлій. Но, судя по очень малому числу заявленныхъ конкурсовъ, это полезное дѣло прививается туго къ нашей неповоротливой промышленности. И намъ сдается, что сами руководители журнала не особенно рьяно берутся за него. Мы видѣли въ Москвѣ Великимъ постомъ VI выставку картинъ Московскаго товарищества художниковъ. На ней довольно много выставлено разныхъ издѣлій (мебели, вышивокъ, керамики) въ русскомъ стилѣ. Въ ихъ числѣ есть и оригинальныя, и художественныя. Редакція хорошо бы сдѣлала, если бы въ снимкахъ познакомила публику, съ указаніемъ, гдѣ таковыя можно приобретать или заказывать. Это могло бы содѣйствовать сбыту указанныхъ издѣлій и тѣмъ поощрить какъ художниковъ, такъ мастеровъ. Такіе иностранныя журналы, какъ французская *Illustration*, чуть не въ каждомъ номерѣ даетъ подобныя иллюстрированныя объявленія по разнообразнымъ отраслямъ промышленности. А въ № 6 разсматриваемаго нами изданія не отвѣдено этому ни одной страницы. И вообще этотъ номеръ составленъ довольно сухо. Статья акад. Н. П. Кондакова, *О Бахчисарайскомъ дворцѣ и его реставраціи*, по существу своему очень дѣльная, представляетъ малый интересъ для публики, да и для художниковъ тоже. Художникъ А. А. Борисовъ довольно интересно рассказываетъ о своей „Художественной экскурсіи“ на сѣверъ. Это поучительно для молодыхъ художниковъ, для большинства же читателей представляетъ не бдльшій интересъ, чѣмъ передача своихъ впечатлѣній туристомъ, попавшимъ въ мало извѣстный край. Статья проф. Е. К. Рѣдина, *Образъ Смерти (къ исторіи изображеній Смерти въ предметахъ искусства)*, не подвигнетъ ни на шагъ ни современное искусство, ни художественную промышленность. Далѣе слѣдуютъ прекрасно составленныя хроники и современныя извѣстія. Двѣ фототипы съ произведеній А. А. Борисова едва ли послужатъ къ украшенію журнала. Третій рисунокъ есть гравюра на деревѣ П. Н. Попова съ извѣстнаго портрета графини Потоцкой, писаннаго Лампи. Г. Поповъ получилъ за эту гравюру 1-ю премію на ученическомъ конкурсѣ... Вотъ и все по части художественныхъ приложений, — маловато по количеству и по качеству. Мы опасаемся, что молодой и очень намъ симпатичный художественный журналъ, продолжая путь въ томъ же направленіи, не далеко уйдетъ.

Русскія и иностранныя оперы, исполнявшіяся на Императорскихъ театрахъ въ Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. В. Стасова. Спб., 1898 г. Г. Стасовъ взялъ на себя неблагоприятный, хотя и полезный трудъ — собрать изъ всевозможныхъ источниковъ данныя о постановкѣ на нашихъ казенныхъ театрахъ оперъ за 150 лѣтъ. Онъ указываетъ (въ алфавитномъ порядкѣ) названія оперъ, имена композиторовъ, либреттистовъ и переводчиковъ, число актовъ, годъ, мѣсяцъ и число перваго представленія, названіе города и театра, гдѣ была дана опера, — годъ и мѣсто напечатанія либретто, — источники, изъ которыхъ почерпнуто было извѣстіе о данной оперѣ. Продолжительныя и тяжкія бібліографическія изысканія привели къ сухому и голому перечню, который можетъ, впрочемъ, пригодиться въ качествѣ справочнаго пособія исторіку русской оперы и даже европейской оперы, такъ какъ въ сохранившихся у насъ документахъ встрѣчаются „извѣстія“ объ исполненіи и, притомъ, съ точнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа исполненія, на нашихъ сценахъ, такихъ оперъ, о которыхъ нѣтъ

свѣдѣній ни въ одномъ изъ извѣстныхъ въ Европѣ „словарей“ и „исторій“ музыки и музыкантовъ“. Мѣстами г. Стасовъ даетъ и случайныя свѣдѣнія объ исполненіи нѣкоторыхъ оперъ у насъ въ провинціи. Кромѣ оперъ указаны нѣкоторые балеты, сочиненные оперными композиторами,—водевили, которые иногда смѣшиваются съ оперетками,—нѣсколько трагедій и драмъ, къ которымъ наши композиторы писали увертюры, антракты, хоры и разные музыкальные нумера“.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1897—1898 гг. Приложенія. Книга 1-я. Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ, подъ редакціей А. Е. Мочалова. Спб., 1898 г. Въ *Приложеніяхъ* къ *Ежегоднику* печатаются обыкновенно разнообразные матеріалы для исторіи театра въ Россіи: біографіи артистовъ, музыкантовъ и композиторовъ, ихъ мемуары или отрывочныя воспоминанія, архивныя документы, имѣющіе отношеніе къ театру и т. п. Въ настоящемъ выпускѣ на первомъ мѣстѣ поставлена статья Д. А. Коропчевскаго *Бѣлинскій, какъ театралный критикъ*. По существу въ этой статьѣ нѣтъ ничего новаго, неизвѣстнаго читающей публикѣ, но факты и взгляды В. Г. Бѣлинскаго на сценическое искусство и его дѣятелей такъ сгруппированы и освѣщены авторомъ, что статья читается съ большимъ интересомъ. Далѣе слѣдуетъ статья: *И. И. Монаховъ, товарищескія воспоминанія о немъ*, К. Н. Делазари-Константинова. Ипполитъ Ивановичъ Монаховъ былъ артистъ петербургской труппы, гдѣ состоялъ на службѣ съ начала 1865 года до дня своей смерти, 20 ноября 1877 года. Въ Москвѣ онъ, кажется, не появлялся на сценѣ. На это нѣтъ никакихъ указаній въ „воспоминаніяхъ“ г. Делазари-Константинова, сослуживца и большого пріятеля Монахова. Судя по этимъ „воспоминаніямъ“, Монаховъ былъ человекъ очень талантливый, но славился болѣе какъ кунлетистъ, чѣмъ какъ драматическій актеръ, хотя игралъ большія и первыя роли. Умеръ онъ, повидимому, довольно молодымъ, сдѣлавшись жертвою своей несчастной слабости: онъ пилъ запоемъ. Отъ „запоя“ въ ноябрѣ 1877 г. онъ, вѣроятно, оправился бы, какъ то не разъ бывало при его прежнихъ „загулахъ“. А доконалъ его расшатанный организмъ,—полагать надо,—вотъ что: въ одной изъ поданныхъ ему въ то утро газетъ была напечатана очень злобная статейка, начинавшаяся слѣдующими фразами. „Дирекція приняла мѣры противъ *внезапныхъ болѣзней* г. Монахова, и, по нашему мнѣнію, это очень хорошо, ибо *внезапныя болѣзни* этого артиста подрываютъ въ корень репертуаръ русской сцены“... Далѣе идутъ издѣвательства на ту же тему. Несчастный артистъ прочелъ ихъ, вскрикнулъ, схватился за сердце и закрылъ глаза. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ мертвъ. Вино, несомнѣнно, разстроило здоровье Монахова, но убило его не вино...

Очень интересна статья Н. Ѳ. Финдейзена: *Александръ Николаевичъ Сѣровъ*, „очеркъ его жизни и музыкальной дѣятельности“. О ней мы предполагаемъ поговорить, когда она будетъ окончена. Въ напечатанной ея части разсказывается лишь о подготовленіяхъ Сѣрова къ „музыкальной дѣятельности“ и о его мечтахъ и замыслахъ по части композитства.

Любопытенъ, но не для большой публики, а для любителей и спеціалистовъ, историческій документъ, который сообщилъ В. Н. Перетцъ. Документъ озаглавленъ: *Властотворный образъ человеколюбія Божія*. „Мистерія, соч. Иеромонаха Митрофана Довгалева, 1737 г.“ Въ этой Мистеріи особенно характерны шуточныя „интермедіи“, между дѣйствіями.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ.

„Звуковой натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ“. Л. Д. Чудновской.— „Вокругъ свѣта“. М. Т. Ярошевской.— „Африка“. Состав. Н. Березина.— „Кавказъ и Закавказье“. В. Желиховской.

Звуковой натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ и его примѣненіе къ англійскому языку. Л. Д. Чудновской. Изданіе Высочайше утвержденного Южно-Русскаго общества печатнаго дѣла. Одесса, 1898 г. Цѣна 50 к. Въ своей брошюрѣ г-жа Чудновская подвергаетъ критическому разбору всѣ употреблявшіеся до сихъ поръ методы обученія иностраннымъ языкамъ, включая общеупотребительный переводный и „старинный“ натуральный методы, а также новый Берлитца. Удѣляя особенное вниманіе разсмотрѣнію этого послѣдняго, какъ лучшаго изъ существующихъ способовъ преподаванія иностранныхъ языковъ, авторъ, однако, не ограничивается указаніемъ однѣхъ лишь положительныхъ его сторонъ и дѣлаетъ по отношенію къ нему то существенное возраженіе, что онъ основывается на исключительно механическомъ заучиваніи, и что, слѣдовательно, все обученіе тутъ опирается на одинъ механизмъ памяти (стр. 7). Такое свойство метода Берлитца ставитъ его, по мнѣнію автора, въ неблагопріятныя условія, особенно въ нашей школѣ, гдѣ переутомленіе учащихся мѣшаетъ сохранить имъ во время урока иностраннаго языка ту ясность и живость памяти, которыхъ требуетъ отъ нихъ методъ Берлитца. Исходя изъ этого положенія, г-жа Чудновская настаиваетъ на необходимости болѣе сознательнаго обученія и предлагаетъ „звуковой натуральный методъ“ преподаванія, по которому изученіе иностраннаго языка должно происходить тѣмъ же способомъ, какъ и изученіе роднаго языка. Въ основѣ всего должны лежать чтеніе и бесѣда, причемъ законы языка и его правописаніе усваиваются не путемъ зазубриванія грамматическихъ правилъ, а помощью зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній. Вся работа должна происходить въ классѣ, и виѣкласная подготовка исключается. Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, существенной разницы между методомъ Берлитца и методомъ г-жи Чудновской пока еще не видно; но г-жа Чудновская находитъ, что знаніе языка не полно, если учащійся не научился не только говорить, но и мыслить на данномъ языкѣ, а методъ Берлитца не можетъ достигнуть, по ея мнѣнію, такой цѣли, потому что если учащійся и научаются тутъ говорить и понимать языкъ, то чисто-механически; переводъ же или изложеніе прочитаннаго, какъ показываетъ практика, часто ставитъ ихъ въ затруднительное положеніе. Поэтому г-жа Чудновская предлагаетъ ввести еще переводъ, связывая чтеніе съ практическими бесѣдами и поясненіями на родномъ языкѣ. Подобное нововведеніе кажется намъ цѣлесообразнымъ; насколько же оно приблизитъ преподаваніе къ идеалу, покажетъ опытъ.

Вокругъ свѣта. Картинки съ короткимъ текстомъ въ стихахъ и прозѣ для семьи и школы. М. Т. Ярошевской. Вып. I. Россія. М., 1898. Ц. 20 коп. Неудачный подборъ плохонькихъ картинокъ, сопровождаемыхъ еще менѣе удачнымъ „объяснительнымъ“, но ничего не объясняющимъ текстомъ, не въ состояніи дать ни малѣйшаго, сколько-нибудь вѣрнаго, представленія о природѣ и населеніи Россіи, и книжка не принесетъ никакой пользы ни въ семьѣ, ни въ школѣ.

Африка. Составилъ Н. Березинъ. Изд. „Посредника“. М., 1898 г. Африка г. Березина представляетъ характерный образецъ тѣхъ пло-

кихъ и устарѣвшихъ географическихъ учебниковъ, которые, отводя первое мѣсто номенклатурѣ, менѣе всего способны возбудить любовь учащихся къ географіи. Обиліе фактическихъ ошибокъ, обнаруживающее незнаніе составителемъ самыхъ элементарныхъ географическихъ свѣдѣній, поразительно: Африка, по автору, до сихъ поръ соединяется съ Азіей Суэцкимъ перешейкомъ (стр. 5); „Средиземное море называется такъ потому, что почти со всѣхъ сторонъ окружено землей“ (стр. 5); „острова африканскіе составляютъ подводное продолженіе африканскаго материка“ (стр. 10), тогда какъ большинство ихъ, за исключеніемъ Мадагаскара, Сокотры и низменныхъ острововъ около Золотого берега, вулканическаго происхожденія; „хотя жары въ пустынѣ Сахарѣ днемъ сильнѣе, чѣмъ въ средней или тропической Африкѣ, однако(?) сухость воздуха въ ней очень велика“ (стр. 30); „въ пустыняхъ Африки (только потому, что онѣ велики) можетъ жить громадное число животныхъ“ (36 стр.); „особенно замѣчательна растительность пустынь: здѣсь растутъ травы, кустарники и деревья“ (42 стр.), а нѣсколько далѣе— „въ пустынѣ не растетъ ничего“; „въ сумрачной и сырой прохладѣ тропическихъ лѣсовъ центральной Африки не живутъ ни человѣкъ, ни звѣрь, ни птица“ (44 стр.); „негры нравомъ чрезвычайно веселы и легкомысленны“ (57 стр.); „въ привычкахъ своихъ негры очень нечистоплотны и потому пахнутъ особенно непріятнымъ запахомъ, точно скотъ“ (61 стр.); „плѣнныхъ обращаютъ въ рабовъ или съдаютъ“ (60 стр.); на 68 стр. „европейцы лишь недавно узнали Африку всю“, а на 72-й „внутреннія части ея даже толкомъ (?) не изслѣдованы“ и т. п. Едва ли авторъ можетъ ждать для своей книжки какой-либо иной участи, чѣмъ какая постигаетъ всѣ плохіе учебники, именно—очень скорое забвеніе.

Кавказъ и Закавказье. В. Желиховской. Изд. И. П. Банникова. М., 1898. Ц. 25 коп. Книжка г-жи Желиховской принадлежитъ къ серіи тѣхъ, къ сожалѣнію многочисленныхъ, quasi-географическихъ изданій, которыя характеризуются полнымъ незнаніемъ ихъ составителями не только наиболѣе важной литературы предмета, но и сплошь и рядомъ самыхъ элементарныхъ, чисто ученическихъ, свѣдѣній. Авторъ *Кавказа и Закавказья* какъ бы задался цѣлью переполнить свою книжку возможно большимъ количествомъ самыхъ грубыхъ ошибокъ. Начать съ того, что, по автору, „Закавказьемъ называются тѣ земли, которыя лежатъ по южнымъ склонамъ горъ Кавказскаго хребта, который отдѣляетъ Евр. Россію отъ южноазиатскихъ ея владѣній“ (6—7 стр). Главныя свѣжныя вершины въ Кавказской цѣпи—Казбекъ и Эльборусъ“ (7 стр.), а Дыхъ-тау, Шхара, Коштанъ-тау и Джанги-тау, которыя всѣ выше Казбека? „Рѣки обильно орошаютъ Закавказье“ (стр. 8). „Ледъ никогда на снѣжныхъ горахъ не таетъ“ (7 стр.). „Черезъ Тифлисъ идетъ вся наша торговля съ Персіей и значительная часть торговли со всею Азіей“ (14 стр.). Черноморскую губ. авторъ продолжаетъ называть Черноморскимъ округомъ (19 стр.). „Елисаветпольская губ. вся почти населена татарами“ (20 стр.), тогда какъ, по систематическимъ даннымъ („Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, кн. XIX, стр. 373), магометанъ тамъ немного болѣе половины всего населенія. „Елисаветпольскіе приiski даютъ ежегодно до 60,000 пуд. чистой мѣди“ (стр. 21), между тѣмъ ея добывается здѣсь ежегодно около 140,000 пуд. („Кавказ. Календ.“ 1896 г., стр. 286). „Винодѣліе въ долинѣ Арарата (Аракса?) идетъ не совсѣмъ успѣшно“ (стр. 27),—въ самые неурожайные годы винограда собирается здѣсь до 1½ милл. пуд. („Кавказ. Календ.“

1896 г., стр. 181). „Оз. Гокча занимает 80 вер. въ длину и 60 въ ширину“ (стр. 27), между тѣмъ длина этого озера 67 вер., а наибольшая ширина достигаетъ только 30 вер. („Землевѣдѣніе“ 1895 г., кн. I—II, стр. 4). По поводу остановки Ноева ковчега на вершинѣ Арарата автору слѣдовало бы заглянуть хотя бы на 341 стр. *Исторіи земли* проф. М. Неймайра (вып. 7—8 рус. перев.). Въ 1898 г. грѣшно писать, что „молокане и духоборцы, поселенные въ Закавказьѣ, благоденствуютъ“ (стр. 31). Населеніе Кавказа равно не 5 милл. (стр. 33), а почти 10-ти (9.723,553 д., по переписи 1897 г.). Подобными ошибками изобилуетъ вся книжка г-жи Желиховской, и ея *Кавказъ и Закавказье*, кромѣ невѣрнаго представленія о природѣ и населенія описываемой страны, не даетъ рѣшительно ничего.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, мартъ.—„Русское Богатство“, февралъ.—„Миръ Воинъ“, мартъ.

Въ мартовской книжкѣ *Вѣстника Европы* началось печатаніе интересныхъ *Воспоминаній* извѣстнаго государственнаго дѣятеля А. Д. Шумахера. Разсказавъ о порядкахъ въ Московскомъ университетѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, авторъ переходитъ къ петербургскому періоду своей жизни, къ своей службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ, вскорѣ по вступленіи, занялъ видное служебное положеніе. Напечатанныя воспоминанія касаются лицъ и событій за время отъ 1840 г. по начало пятидесятихъ годовъ. Интересныхъ разсказовъ и иллюстрацій къ воспоминаніямъ здѣсь весьма много. Вотъ, наприм. одна изъ характерныхъ иллюстрацій къ предмету объ отношеніяхъ администраціи къ закону. Одинъ изъ губернаторовъ, именно Владимірскій-Кожинъ, въ отвѣтъ на замѣчаніе одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія, что предположенное имъ рѣшеніе дѣла прямо противорѣчитъ закону, взялъ изъ его рукъ подлежащій томъ Свода Законовъ, положилъ его на свое кресло и, сѣвъ на него, сказалъ: „Вотъ мѣсто вашему закону, и прошу безотговорочно исполнить мое приказаніе“. Хотя, — говоритъ авторъ *Воспоминаній*, — Кожинъ не принадлежалъ къ числу губернаторовъ безчестныхъ и бездѣятельныхъ, но одинъ такой поступокъ въ присутствіи губернскаго правленія, выказавшій полное презрѣніе къ закону, требовалъ безотлагательнаго увольненія его отъ должности; но министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій не рѣшился на такую мѣру, въ виду того, что Кожинъ былъ племянникомъ всеиспытанаго тогда министра Императорскаго Двора, князя Волконскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ начальникомъ Перовскаго, какъ товарища министра удѣловъ. Не мало сообщеній имѣется въ нашей печати о дѣлѣ Петрашевскаго. Но едва ли не новый свѣтъ проливаетъ на это дѣло то мѣсто записокъ г. Шумахера, гдѣ онъ говоритъ о конкуренціи между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и III отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и о томъ, почему это, само по себѣ довольно невинное дѣло, возведено было на степень государственнаго преступленія. Въ Петербургѣ, — разсказываетъ г. Шумахеръ, — образовался кружокъ молодыхъ людей, собиравшихся у бывшаго лицейскаго учителя Петрашевскаго, гдѣ происходили чтенія по разнымъ вопросамъ политической экономіи, въ обширномъ значеніи этого слова, причемъ молодежь съ жаромъ воспроизводила ученіе тогдашнихъ выдающихся экономистовъ Франціи: Кабе, Прудона и др. Къ кружку этому примкнули бывшіе воспитанники какъ

лица, такъ и университета, и нѣсколько молодыхъ офицеровъ гвардіи. Надо полагать, что кружокъ этотъ не имѣлъ ничего особенно важнаго, опаснаго для государства, такъ какъ бывшее III отд. Собств. Его Императорскаго Величества Канцеляріи, которое не могло не знать объ его существованіи, не преслѣдовало участниковъ его, быть можетъ, впрочемъ, только до поры до времени, чтобы дать обществу принять болѣе широкіе размѣры и затѣмъ уже накрыть его. Перовскій, признававшій отдѣльное существованіе III отд. ненужнымъ, старался доказать, что и общая полиція министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ предупредить всякіе политическіе перевороты и знать о зародышахъ такихъ стремленій ранѣе III отд. Въ этомъ отношеніи образованіе кружка Петрашевскаго представило очень удобный случай. Липранди, завѣдывавшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣлами политическаго свойства, сумѣлъ провѣдать о существованіи этого кружка, при самомъ началѣ его дѣятельности, и раздуть его намѣренія до такихъ размѣровъ, о которыхъ, быть можетъ, не мечтали и самые смѣлые изъ его участниковъ. Для того, чтобы знать о всемъ, что происходитъ въ собраніяхъ кружка, Липранди уговорилъ родственника своего, студента Антонелли, оставить университетъ и примкнуть къ кружку. „Дѣло, возбужденное Перовскимъ съ цѣлью доказать бесполезность существованія III отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, имѣло своимъ послѣдствіемъ гибель многихъ молодыхъ людей, къ глубокой скорби ихъ родителей, а между тѣмъ цѣль, которую преслѣдовалъ Перовскій, не осуществилась, такъ какъ лица, стоявшія во главѣ III отдѣленія, пользовались довѣріемъ Государя и оно продолжало существовать еще нѣсколько десятковъ лѣтъ“.

Въ 1840 году г. Шумахеръ присутствовалъ на празднованіи Гельсингфорсомъ 200-лѣтней годовщины своего университета. По этому поводу онъ говоритъ о той высокой культурности народной массы, какой она достигла въ этой маленькой, чистенькой странѣ. „Празднованіе 200-лѣтней годовщины университета въ Финляндіи, — читаемъ въ его *Воспоминаніяхъ*, — дало мнѣ понятіе о томъ значеніи, какое имѣетъ онъ въ странѣ, гдѣ все основано на школѣ, гдѣ все почти населеніе грамотно, гдѣ почти всѣ отрасли управления судебнаго, административнаго и казеннаго состоятъ изъ чиновъ, получившихъ университетское образованіе, и гдѣ все духовенство, не исключая сельскаго, ближе всего стоящаго къ народу, окончило курсъ въ богословскомъ факультетѣ; торжество университета явилось потому праздникомъ всей страны, изъ всѣхъ концовъ которой нахлынула въ Гельсингфорсъ масса лицъ, считавшихъ Александровскій университетъ своею alma mater, и торжество это, праздновавшееся въ столицѣ Великаго Княжества, имѣло свои отклики во всѣхъ городахъ и селахъ страны. Въ *Русской Мысли*, — продолжаетъ авторъ *Воспоминаній*, — были статьи, въ 1886 и 1887 гг., подъ названіемъ *Страна юдъ тысяча озеръ*; статьи эти даютъ наглядное понятіе о томъ значеніи, которое имѣетъ народное образованіе на благосостояніе страны, особенно въ связи съ энергіей и настойчивостью, присущими характеру финляндцевъ, не менѣе чѣмъ англичанамъ. Приведенныя въ этихъ статьяхъ данныя привели меня къ убѣжденію въ томъ, что если побѣду, одержанную Пруссіею въ 1866 г. надъ своею соперницею въ Германіи—Австро-Венгріею, а потомъ, въ 1870 и 1871 гг., въ союзъ съ другими германскими государствами, надъ Франціею, — справедливо приписывали вліянію образованія, пустившаго глубокіе корни во всѣхъ слояхъ населенія, и выражали эту мысль словами: „школь-

ный учитель побѣдилъ“, — то это же выраженіе можно съ небольшою справедливостію примѣнить къ Финляндіи, гдѣ школьный учитель побѣдилъ не непріятеля на поляхъ сраженія, а природу, которая такъ скупо одарила эту страну своими дарами, что только усиленный трудъ, въ связи съ образованіемъ народа, дали ему возможность преодолѣть всѣ препятствія, на каждомъ шагѣ встрѣчаемыя имъ въ стремленіи къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и къ достиженію той степени благосостоянія, на которой стоитъ въ настоящее время эта маленькая страна. Въ бытность мою, позже, въ 1888 г., въ Вильманстрандѣ, маленькомъ городкѣ съ населеніемъ едва 1,000 человекъ, лучшій домъ въ городѣ было новое зданіе „народной школы“, „Kansala Koulu“, — зданіе, которое сдѣлало бы честь всякой гимназіи, по массѣ воздуха и свѣта, которые она доставляетъ подрастающимъ поколѣніямъ“.

Земство и судъ присяжныхъ, — вотъ тѣ два учрежденія, которые, за все время своего существованія, періодически подвергались нападкамъ извѣстной части печати и общества, — нападкамъ, имѣвшимъ цѣлью стереть ихъ съ лица Русской земли. Въ виду возникшаго въ правительственныхъ сферахъ, за послѣднее время, намѣренія распространить земскія учрежденія и на тѣ мѣстности, которыя до сихъ поръ не пользовались самоуправленіемъ, казалось, что всякая надежда на возможность ихъ уничтоженія должна быть оставлена. Между тѣмъ, въ послѣдніе дни въ обществѣ снова заговорили о „Запискѣ“ весьма вліятельнаго лица, въ которой онъ, съ надеждой на успѣхъ, подробно развиваетъ проектъ замѣны земства чиновниками. Въ виду такой новой вылазки противъ земства, въ *Русскомъ Богатствѣ* весьма кстати напечатана статья проф. Карышева: *Земскія ходатайства*, еще лишній разъ (сотый, тысячный разъ), напоминающая, какъ велики заслуги земства передъ страной въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. Обозрѣвъ земскія ходатайства за двадцать пять лѣтъ, авторъ статьи обращаетъ особенное вниманіе читателя на то единодушіе, которое обнаруживали земства въ своихъ ходатайствахъ, на ту послѣдовательность, съ которой они подходили съ разныхъ сторонъ къ возможному проведенію въ дѣйствительную жизнь своихъ хорошихъ стремленій. „Въ самомъ дѣлѣ, — продолжаетъ авторъ, — въ томъ калейдоскопѣ многочисленныхъ ходатайствъ всей земской Россіи, который только что прошелъ передъ нашими глазами, мы не могли замѣтить ни одного, которое вносило бы хотя малѣйшій диссонансъ, которое говорило бы какимъ бы то ни было образомъ о желаніи земства уменьшить свои заботы о народномъ образованіи“. Живой интересъ къ низшему и среднему образованію, желаніе его расширить, возможно болѣе распространить его въ массѣ населенія, стремленіе улучшить преподаваніе качественно и надежныѣ обставить матеріальное положеніе школъ, удешевить среднее образованіе, придать послѣднему характеръ, болѣе отвѣчающій требованіямъ жизни, отбросить нѣкоторый балластъ изъ его программъ преподаванія, открыть воспитанникамъ реальныхъ училищъ доступъ въ университеты — и вообще желаніе имѣть право голоса и контроля въ дѣлѣ обученія подрастающаго поколѣнія — таковы цѣли, которыя преслѣдовало земство въ своей дѣятельности и въ своихъ ходатайствахъ.

Въ то время, когда въ нашемъ отечествѣ приходится направить пока всѣ заботы на распространеніе въ массѣ лишь первоначальнаго обученія, въ передовыхъ государствахъ Запада дѣло идетъ уже о доставленіи рабочимъ классамъ научнаго образованія. Такъ называемое

„университетское движеніе“, имѣющее цѣлью сдѣлать высшее образованіе доступнымъ для народной массы, зародилось, какъ извѣстно, въ Англіи. Отсюда оно распространилось въ Сѣверную Америку и континентальную Европу. Бельгія, Данія и Германія конкурируютъ теперь въ этомъ отношеніи съ Великобританіей. Во Франціи университетское движеніе явилось позднѣе, но развивалось съ замѣчательною быстротой. Въ мартовской книжкѣ журнала *Mirz Bozjii* сообщены данныя, рисующія успѣхи этого движенія во Франціи. Въ истекшемъ году было устроено во Франціи 117,752 народныхъ чтеній и на нихъ присутствовало около трехъ милліоновъ четырехсотъ тысячъ слушателей. Согласно официальной статистикѣ съ 1894 по 1898 годъ число народныхъ чтеній удвоилось. Но главнымъ доказательствомъ успѣха служатъ образованіе небольшихъ школьныхъ ассоціацій, специально занимающихся пробужденіемъ въ народныхъ массахъ интереса къ знанію, такъ сказать, интеллектуальною пропагандой. Къ концу прошлаго года такихъ ассоціацій насчитывалось уже 2,779 и больше 600 существовали въ проектѣ. Рядомъ съ этими ассоціаціями, которыя группируются вокругъ школъ, возникли въ разныхъ мѣстахъ Франціи рабочія ассоціаціи, также имѣющія цѣлью распространеніе знаній среди французскихъ рабочихъ. Четыре года назадъ, союзъ рабочихъ синдикатовъ *Union des syndicats ouvriers* вошелъ въ непосредственныя сношенія съ группою профессоровъ словеснаго факультета, которые охотно согласились участвовать въ организациі публичныхъ лекцій для рабочихъ. Лекціи были устроены въ залѣ синдикатовъ и всегда посѣщались публикой многочисленной и весьма однородной, исключительно состоящей изъ рабочихъ, ихъ семействъ и постороннихъ лицъ, приглашенныхъ рабочими. Организуя чтенія для рабочихъ, подумали и о выздоравливающихъ больныхъ. Общество, носящее названіе *Union démocratique pour l'éducation sociale*, уже третій годъ устраиваетъ въ госпиталяхъ и клиникахъ чтенія съ туманными картинами. Эти *Conférences dans les hôpitaux* приобрѣтаютъ все большую и большую популярность и устраиваются по самой разнообразной программѣ. Лекторы прежде всего заботятся о томъ, чтобы не утомлять своихъ слушателей, а заинтересовать и развлечь ихъ. Большею частью на этихъ лекціяхъ излагается содержаніе какой-нибудь интересной книги, новой или старой, изъ которой прочитываются избранныя мѣста или же рассказывается содержаніе выдающагося драматическаго произведенія и читаются отдѣльныя сцены. На послѣднемъ чтеніи, на примѣръ, которое происходило въ Бисетрѣ, присутствовало болѣе 300 больныхъ. Лекторъ изложилъ исторію этой больницы и тюрьмы, тѣсно связанную съ исторіей Франціи.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1
апрѣля 1899 г.**

- Андерсенъ, Г.** Книга картикъ безъ картикъ. М., 1899 г. Ц. 50 к.
- Васкинъ, Г. П.** Сводъ сообщений о перемѣнахъ въ техникѣ крестьянскаго хозяйства Владимірской губ. Владиміръ на Клязьмѣ, 1898 г.
- Бертильонъ, Жакъ.** Вымирание французскаго народа. Спб., 1899 г. Ц. 25 к.
- Бертенсонъ, Левъ.** Оздоровляющія и дѣятельныя силы въ природѣ. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.
- Благовѣщенскій, К. А.** Четвертое право. М., 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вогдановъ, Н.** О происхожденіи и значеніи возинофильной зернистости и объ отношеніи ея къ процессу крове-творенія. М., 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Брокгаузъ и Эфронъ.** Малый энциклопедическій словарь. Вып. II. Спб., 1899 г. Ц. всего изд. 18 р. безъ пер.— Энциклопедическій словарь. Т. XXVI. Спб., 1899 г.
- Въ 1786 годъ новой.** Новое изда-ніе. Не всю и не ничево. Текстъ съ предисл. Е. А. Ляцкого. М., 1899 г.
- Гединъ, С.** Въ сердцѣ Азии. Памиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ. Спб., 1899 г. Подп. ц. 5 р. 50 к. за 6 вып.
- Гренъ, А. Н.** Учебникъ исторіи Древняго Востока. Кіевъ, 1899 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Григорьевъ, Б.** Стихотворенія. Т. I. М., 1899 г. Ц. 75 к.
- Grosspietsch, J.** Deutsches Lesebuch. М., 1899 г. Ц. 1 р. 15 к.
- Гюйо, М.** Происхожденіе идеи времени. Съ предисл. А. Фулье. Мораль Эпикура и ея связь съ современ. ученіями. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. Изд. Т-ва „Знаніе“.
- Дриль, Дмитрій.** Ссылка во Фран-цію и Россіи. Спб., 1899 г. Ц. 1 руб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева.
- Ежегодникъ статистическій** Москов. губ. за 1898 г. М., 1899 г.
- Зелинскій, В.** Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ч. II. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Ильинъ, А.** Учебный географическій атласъ. Спб., 1899 г. Ц. 25 к.
- Каульбарсъ, К. В.** Современная школа и семья и ихъ послѣдствія. Спб., 1899 г.
- Ковалевскій, М.** Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленія на периоды. Спб., 1899 г. Ц. 25 к.
- Коломійцовъ, Н. П.** Труды сельск. хоз. метеоролог. сѣти Имп. Моск. О-ва сельск. хоз. Сельско-хоз. метеорологи-ческой очеркъ Рязанск. губ. 1897—1898 гг. М., 1898 г.
- Комарскій, Ф. С.** Семейный универ-ситетъ. Курсъ 1-й, в. 1-й. Спб., 1899 г. Ц. по подп. 10 р. безъ дост., съ пер. 12 р.
- Крюковъ, Н. А.** Сельское хозяйство въ Даніи въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Съ картою и 26 рисунк. Спб., 1899 г.
- Лампертъ, К.** Жизнь прѣсныхъ водъ, животныя и растенія прѣсныхъ водъ, ихъ жизнь, распространеніе и значеніе для человека. Вып. I. Спб., 1899 г. Подп. ц. 6 р. за 10 в. Изд. А. Ф. Девриена.
- Леклеркъ, Максъ.** Народные уни-верситеты въ Англіи. Съ пред. И. Н. Потапенка. Спб., 1899 г. Ц. 20 к.
- Лонгфелло, Генри.** Пѣснь о Гайна-ватѣ. М., 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. Изд. маг. „Книжное Дѣло“.
- Львовъ, Д. Н.** Курсъ эмбриологіи позвоночныхъ. Съ 42 рис. М., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ

- Материалы для оцѣнки земель Владим. губ. Муромскій уѣздъ.** Вв. 1 и 2. Владимиръ на Клязьмѣ, 1898 г.
- Мачтетъ, Гр. Жидъ. М.,** 1899 г. Ц. 40 к. Изд. С. С. Шалаева.
- Новицкій, А. П.** Исторія русскаго искусства. В. 2. М., 1899 г. Изд. маг. „Книжное Дѣло“.
- Нужд сельск. хов. и мѣры ихъ удовлетворенія по отыванъ земскихъ собраній.** Спб., 1899 г.
- О калифорнскомъ червѣцѣ (Aspidiofus persicusus).** Спб., 1899 г.
- Д'Оссонвиль.** Нужда, порокъ и благотворительность. Пер. и введ. В. К. Ордина. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
- Отчетъ о дѣятельности консултантѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ столичномъ мировомъ сѣздѣ за 1898 г.** М., 1899 г.
- О распространеніи среди крестьянъ Владимирской губ. улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій.** Владимиръ на Клязьмѣ, 1898 г.
- Памяти Евлинскаго.** Литератур. сборн. М., 1899 г. Изд. Пензенск. общ. библиот. имени М. Ю. Лермонтова. Ц. 3 р. 50 к.
- Петровъ, В. В.** Вопросы народнаго образованія въ Московской губ. М., 1899 г. Ц. 50 к.
- Покровская, М. И.** Популярныя статьи по гигиенѣ. Спб., 1899 г. Ц. 60 к.
- Порфировъ, П. Ѳ.** Первая любовь. Поэма. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.
- Програмные вопросы, предложенные обсужденію VII сѣзда об—ва русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ Казани 28 апрѣля—5 мая 1899 г.** Казань, 1899 г.
- Ролловъ, А. Ж.** Разведеніе маслинъ. Тифлисъ, 1899 г.
- Романовъ, И. Е.** Торговый плодовой садъ средней полосы Россіи. М., 1899 г. Ц. 70 к.
- Романовичъ, П. П.** Отчетъ о состояніи саратовск. город. нач. народн. училищъ въ учебно-воспит. отношеніи за 1897—98 г. съ прилож. отчета о дѣятел. воскресн. школы при 5-мъ училищѣ и отчетъ училищной комиссіи. Саратовъ, 1899 г.
- Сборникъ статист. и справочн. свѣдѣній по Владимирской губ.** Вып. 1. Владимиръ на Клязьмѣ, 1898 г.
- Сводъ товарныхъ дѣлъ на главн. русск. и иностран. рынкахъ за 1897 г.** Спб., 1898 г.
- Сводъ данныхъ о торговыхъ сборахъ въ Россіи за 1895 и 1896 годы.** Спб., 1899 г.
- Соболевскій, А. В.** Основы трезво-
- сти. Спб., 1899 г. Ц. 50 к. Изд. П. П. Сойкина.
- Соболевъ, М. Н.** Очерки изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экономической жизни. М., 1899 г. Ц. 1 р. 20 к. Изд. маг. „Книжное Дѣло“.
- Соколовъ, С.** Объ употребленіи въ греческ. языкѣ наклоненій и причастныхъ формъ въ связи съ употребленіемъ союзовъ. М., 1899 г. Ц. 20 к.
- Соколовъ, Н. М.** Стихотворенія. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
- Справочный указатель музея гигиены и санитарной техники въ Москвѣ.** Охрана здоровья. М., 1899 г. Ц. 30 к.
- Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1898 г.** Тверь, 1899 г.
- Stintzing, R.** Сонъ и бессонница. М., 1899 г. Ц. 35 к.
- Строгановъ.** О патогенезѣ эклампсіи. Спб., 1898 г.
- Тардъ, Г.** Молодые преступники. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.
- Трофимовъ, Н.** Въ саду моемъ розы цвѣли—отцвѣтали. Сказка. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.
- Ученныя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологич.** Вв. 24 и 25. М., 1899 г.
- Фаресовъ, А.** Народники и марксисты. Спб., 1899 г. Ц. 40 к.
- Фауль, Т.** Приарніе бѣднхъ въ Англіи. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Филантропъ.** Трудовая помощь, ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899 г.
- Ходскій, Л. В.** Политическая экономія въ связи съ финансами. В. 1. Спб., 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Холодковскій, Н. А. и Силантьевъ, А.** Птицы Европы, практ. орнитология. Съ атласомъ европейск. птицъ. Вып. 1. Спб., 1899 г. Подд. ц. 14 р. за 10 вып. Изд. А. Ф. Девриена.
- Цебрикова, М.** 1) Пожаръ на кораблѣ; 2) Пѣстунья-отравительница. Смоленскъ, 1899 г.
- Шантепи де-ля Соссей.** Иллюстрированная исторія религій. Вып. 9 и 10. М., 1898 г. Изд. маг. „Книжное Дѣло“.
- Эрдманъ, Гуго.** Руководство къ приготовленію и изслѣдованію химическихъ препаратовъ. (Съ 10-ю рис. въ текстѣ). М., 1899 г. Ц. 80 к.
- 25-лѣтіе общества распространенія начального образованія въ Нижегородской губ. и очеркъ дѣятельности комитета по постройкѣ въ Н.-Новгородѣ зданія общества съ отчетомъ комитета за 1898 годъ.** Н.-Новгородъ, 1899 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“. Литерат. сборникъ.— „Святочные разсказы“. Д. Н. Мамина-Сибиряка.	117
Публицистика, критика: „Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ“. И. С. Блюха.—„Новыя англо-саксонскія общества“. Пьера Леруа Боле.—„В. Г. Бѣлинскій какъ критикъ и педагогъ“. В. Острогорскаго.	122
Философія, психологія, педагогика: „Философія Шопенгауэра“. Т. Рибо.—„Талмуд. Мишна и Тосефта“. Кратч. перев. Н. Переферковича.—„Умственное утомленіе“. А. Бинз и В. Амри	128
Этнографія, археологія, антропологія, географія: „La migration de la race hongroise“. Eugène de Zichy.—„Богъ Тотъ“. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Б. Тураева.—„Лекціи по славянскому языкованію“. Т. Флоринскаго.—„Древности. Труды славянской комиссіи Импер. Моск. Археол. Общества. Т. II.—„Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія въ некоторыхъ уѣздахъ Рязанской губ.“. В. В. Воробьева.	131
Политическая экономія, статистика: „Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства“. К. Бюшера.—„Профессіональные рабочіе сѣзды въ Англіи“. Поля де Рузье.—„Обозрѣніе фабрично-заводской промышленности Амурской области въ 1896 г.“.—„Обозрѣніе фабрично-заводской промышленности въ Приморской области въ 1896 г.“. М. Березникова.	136
Естествознаніе: „Научные очерки Томскаго края“. Сборникъ издан. подъ ред. проф. Н. О. Кащенко.—„Основы ботаники. Систематика растений“. Д-ра Вармита.—„Ботаническій атласъ по системѣ Декандоля“. К. Гофмана.—„Рыбоводство и рыбный промыселъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ“. Н. Бородина.—„Труды сѣверной комиссіи 1897—1898 гг.“.	140
Сельское хозяйство: „Труды орловскаго областного сѣзда сельскаго хозяйства 10—20 мая 1898 г.“.	143
Медицина: „Вывисекція съ естественно-научной, медицинкой и нравственной точекъ зрѣнія“. Проф. П. Ферстера.—„Ученіе о хирургическихъ операціяхъ“. Д-ра Кохера.—„Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся“. Фредерика Тревса.—„Уходъ за душевно-больными“. А. Мендельсона.—„Кавказскія минеральныя воды“. В. В. Святловскаго.	145
Искусство: „Искусство и художественная промышленность“. № 6.—Русскія и иностранныя оперы, исполнявш. на Импер. театрахъ въ Россіи въ XVIII и XIX ст.“. В. Стасова.—„Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“. Сезонъ 1897—1898 гг.	147
Учебники, пособія: „Звуковой натуральнй методъ преподаванія иностранныхъ языковъ“. Д. Д. Чудновской.—„Вокругъ свѣта“. М. Т. Ярошевской.—„Африка“. Сост. Н. Березинъ.—„Кавказъ и Закавказье“. В. Жемгоской.	150

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 1899 г.

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, мартъ. — „Русское Богатство“, февралъ. — „Миръ Божій“, мартъ 152

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ журнала Русская Мысль

(Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Анютинъ, М.** (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей агоніи. Романъ. Ц. 1 р.
- Астыревъ, Н. М.** Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Вобрищевъ - Пушкинъ, А. М.** Эмпирическіе законы дѣятельности русска суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.
- Богословскій, В. С., проф.** Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к.
- Бурже, Поль.** Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Въ пользу воскрес. школъ.** Сборникъ. Ц. 75 к.
- Гольцевъ, В. А.** Вопросы дая и жизни. Ц. 1 р.
— Литературныя очерки. Ц. 1 р.
- Де-Мопассанъ, Гюи.** Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Доде, Альфонсъ.** Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарена). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Женщина.** Статьи: Э. Ожешковой, М-ше А. Доде, Пардо Базанъ, Лауръ Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 коп.
- Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
- Корелинъ, М. С., проф.** Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. проsv. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женщ.

- Короленко, Влад.** Очерки и рассказы. Книга первая. 6-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
- Мачтетъ, Григорій.** Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Пер. съ польскаго В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.
— Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціей журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ 2 предисловіями В. А. Гольцева. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. 4-е удешевлен. изд. Ц. 1 р.
— Путевныя очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
— Потоць. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
— Семья Полавецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
— Камо градеши? Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.
— На аскомъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
- Столтѣтовъ, А. Г.** Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.
- Чеховъ, Мих.** Закомъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ан.** Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
- Эртель, А. И.** Гарденинъ, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
- Юноша, Клеменсъ.** Савифъ. Картины деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
- Сенкевичъ, Генрикъ.** Ябло мушкетера. Ц. 1 к.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.

- Рассказъ про смутное время на Русси. Ц. 1 1/2 к.
- Короленко, В. Г.** Убивецъ. Ц. 1/2 к.
- Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. 1 1/2 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкою 10%.

Библиотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи, Цѣна 40 коп.
 Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
 — Иуда и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
 Ремезовъ, М. Картины жизни Византии въ X-мъ вѣкѣ. Ц. 50 к.
 — Византия и Византийцы конца X-го вѣка. Ц. 50 к.
 — Эпидиоги византийскихъ драмъ. Ц. 50 к.
 Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
 Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
 Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.

— Пацца Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Ц. 50 к.
 Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
 Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Вратья Горафевы. Охонны брови. Ц. 1 р.
 Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
 Немировичъ - Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.
 Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.

Научно-популярная библиотека „Русской Мысли“.

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Голышева).

Нассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.
 Пере, В. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.
 Дюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самовароженіе. Ц. 40 к.
 Дюкло. Пастёръ. Заразные болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.
 Бартъ, А. Религии Индіи. Ц. 1 руб.
 Гауппъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.

Шериданъ. Школа злословія. А. В. Лоожеева. Биографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 коп.
 Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.
 Андре Галле. Бомарше. Ц. 40 к.
 Бертло. Наука и нравственность. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Ц. 60 коп.
 Геккель, Э. Натуралистъ модъ тропиками. Ц. 60 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» съ 1 марта по 1 апрѣля 1899 г.

Агаповъ. Методы рѣшенія треугольниковъ. Оренбургъ, 1899 г. Ц. 1 р.
 Андерсенъ. Книга картинъ безъ картинъ. М., 1899 г. Ц. 50 к.
 „Вѣстникъ Права“ Журналъ Юрид. О-ва. Слб., 1899 г. № 2. Ц. 2 р.
 Гуторъ. Первые уроки пѣнія. Нотная грамота и хрестоматія. М., 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.
 Кавелинъ. Собр. соч. Т. III. Наука, философія, литература. Слб., 1899 г. Ц. 4 р.

Каръевъ. Исторія Зап. Европы въ новое время. Т. II-й, XVI и XVII вв. Часть 1-я. Слб., 1898 г. Ц. 2 р.
 Каръевъ. Исторія Зап. Европы въ новое время. Т. II-й. XVI и XVII вв. Часть II-я. Слб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
 Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ. М., 1899 г. Ц. 4 р.
 Рибо. Философія Шопенгауэра, Слб., 1899 г. Ц. 50 к.
 Энгельгардтъ. Вѣчный миръ и работороженіе. Слб., 1899 г. Ц. 25 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на ежедневную техно-промышленную, общественную и литературную газету

РУДОКОПЪ.

Программа газеты заключаетъ въ себѣ отдѣлы техно-промышленные и общіе. Газета выходитъ въ г. Екатеринбургѣ, ежедневно, кромѣ послѣдннхъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ (съ доставкой и пересылкой) — 8 р., на 1/2 года — 5 р., на 3 мѣсяца — 3 р.; на 1 мѣсяць — 70 к.

Объявленія принимаются въ конторѣ редакціи (Екатеринбургъ, Колобовская ул., д. № 21) и въ Центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль (Москва, Мясницкая, д. Сытова), а также въ отдѣленіи ея въ С.-Петербургѣ (Б. Морская, д. № 11).

Редакторъ-издатель П. П. Басининъ.

Въ книжномъ магазинѣ журнала

РУССКАЯ МЫСЛЬ*(Большая Никитская улица, домъ Вельтицовой)*Продаются слѣдующія изданія **Е. Н. Водовозовой**:

В. И. Водовозовъ. Книга для первонач. чтенія. Ч. I. Ц. 45 к. — Книга для учителей. Ц. 60 к. — Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к. — Руководство къ русской азбукѣ. Ц. 20 к. — Предметы обученія въ народн. школахъ. Ц. 70 к. — Дѣтскіе рассказы и стихотворенія. Ц. 75 к. — Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к. — Новая русская литература (отъ Жуковского до Гоголя). Ц. 1 р. 25 к. — Русскія сказки въ стихахъ съ картинками, въ перепл. Ц. 1 р. 50 к. — Переводы въ стихахъ и оригинальн. стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к. — Рассказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.	— Очерки изъ русской исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к. Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I Жители юга. Ц. 3 р. 75 к. Ч. II. Жители сѣвера. Ц. 3 р. 75 к. Ч. III. Жители средней Европы. Ц. 3 р. 75 к. — На отдыхъ. Иллюстр. разск. для мал. дѣтей. Ц. 1 р. — Изъ русской жизни и природы. Ц. 1 р. 50 к. — Умствен. и нравствен. развитіе дѣтей отъ появленія сознанія до школьнаго возраста. Ц. 2 р. — Одногодосныя дѣтскія пѣсни. Ц. 1 р. — Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ: 1) Турки, 2) Англичане, 3) Итальянцы, 4) Нѣмцы, 5) Испанцы, 6) Чехи, Поляки, Русины. Ц. каждой 40 к.

Открыта подписка на 1899 г.—Издается съ 1889 г.—Подписной годъ съ 1-го ноября.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

5 РУБ. на годъ безъ доставки въ Слб.; въ Москвѣ въ отдѣленіи главы. конг. журнала „Природа и Люди“ (х. Петровск. Торг. Лип., у Н. Печковской) 5 р. 50 к. Съ доставкой въ Слб. и Москвѣ и пересылкою во всѣ города Россіи **шесть руб.** Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 руб., къ 1 мая 1 руб. и къ 1 июля остальныя. Пробный № высылается за 7 коп. марку.

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№ каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 стран. плотной печати) заключаетъ въ себѣ равнообразное, интересное и полезное чтеніе. Девизъ журнала „польза и развлеченіе“. Редакція тщательно избѣгаетъ всего, что отзывается сухостью, всего, что можетъ наводить скуку на читателя.

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ВЫПУСКОВЪ **ПОЛЕЗНОЙ БИБЛИОТЕКИ** (болѣе 300 рисунковъ)
„ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ“, составившихъ два тома соч. Гельвальда („Живописная Европа“, „Живописная Африка“, „Живописная Австралія съ Океаніей“ и „Полярныя страны“).

И, КРОМѢ ТОГО, **НОВОЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ****12 ТОМОВЪ СОЧИНЕНІЙ ГУСТАВА ЭМАРА**

объемомъ болѣе 3,000 стран. большого форм. убористой печати.

Журналъ „ПРИРОДА и ЛЮДИ“, вступая въ десятый годъ изданія, будетъ попрежнему неуклонно идти къ своей цѣли—быть общедоступнымъ журналомъ для семейнаго чтенія, равно интереснымъ для всѣхъ и каждаго. Постоянно возрастающее число подписчиковъ указываетъ на потребность такого журнала въ нашемъ обществѣ и на успѣхъ его.

Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Стрѣмянная, собств. домъ, № 12.

Издатель **П. Сойкинъ.**Редакторъ **Ф. Грудесъ.**

СЪ 1-го НОЯБРЯ 1898 г. ПО 1-ю НОЯБРЯ 1899 г.

открыта подписка на 1899 г.

на еженедѣльный, безъ предварительной цензуры, иллюстриро-
ванный журналъ

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ.

Подъ редакціей К. И. Маслянникова (въ годъ 52 номера).

Изданія XIV годъ.

Программа журнала: Правительственные распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и луговоеводство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельско-хозяйственная технология, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Сельско-хозяйственный фельетонъ Агриколы: „Изъ дневника неуживающаго хозяина“. Вопросы и отвѣты. Библиографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Годовые подписчики получаютъ въ теченіе года БЕЗПЛАТНО, безъ всякой платы за пересылку:

I. Сельско-хозяйственную энциклопедію. Этотъ капитальный трудъ, который необходимо имѣть каждому сельскому хозяину для справокъ и руководства, будетъ обнимать собою всѣ отрасли сельскаго хозяйства. Каждый отдѣлъ будетъ составленъ при ближайшемъ участіи специалистовъ. Въ виду обширной программы этого изданія, его предполагается выпускать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Редакція обращаетъ вниманіе гг. подписчиковъ на то, что это—первый опытъ въ Россіи изданія такого рода, необходимость въ которомъ давно уже нашла въ сельско-хозяйственной литературѣ. Сельско-хозяйственная энциклопедія будетъ богато иллюстрирована рисунками и многочисленными чертежами.

II. Альманахъ русскаго Сельскаго Хозяина на 1899 годъ.

III. Двѣнадцатый выпускъ альбома домашнихъ животныхъ.

IV. Архитектурные проекты городскихъ и сельско-хозяйственныхъ построекъ.

V. Различныя сельско-хозяйственныя сѣмена.

Подписная цѣна на годъ: безъ дост. 5 руб., съ дост. въ Сиб. и перес. многоземель 6 руб. За полгода съ дост. и перес. 3 руб. 50 коп. Съ дост. за границу на годъ 7 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи „Сельскій Хозяинъ“: С. Петербургъ, Кузнечный пер., № 4, собствен. домъ.

Съ 1 января 1899 года будетъ выходить въ свѣтъ ежедневно, не исключая дней и послѣпраздничныхъ,

НОВАЯ ГАЗЕТА

АСХАБАДЪ.

Программа: 1) Телеграммы политическія и торговля. 2) Мѣстная и областная хроника. 3) Торговля свѣдѣнія. 4) Объявленія казенныя и частныя.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:	Безъ доставки.	Съ дост. и пер.
На 12 мѣсяцевъ	3 руб. 50 коп.	4 руб. 50 коп.
„ 6 „	2 „ — „	2 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	1 „ 25 „	1 „ 50 „
„ 1 мѣсяць	— „ 50 „	— „ 75 „

За границу—7 руб.

Подписка и объявленія принимаются въ Асхабадѣ, въ конторѣ редакціи.

Редакторъ-издатель З. Д. Джагровъ.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА 1899 ГОДЪ,
на издающуюся въ Одессѣ газету

ТЕАТРЪ

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

ПОСВЯЩЕННУЮ ИСКУССТВАМЪ, ТЕАТРУ, МУЗЫКѢ И СПОРТУ.

Выходитъ ежедневно въ теченіе театральнаго сезона.

Давно уже у насъ ощущается недостатокъ въ специальныхъ органахъ, посвященныхъ если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно искусству. Очевидно, существующихъ, относящихся сюда, органовъ недостаточно; къ тому же, всѣ они выходятъ въ столицахъ, нѣтъ же обширный югъ остается какъ бы за бортомъ области искусствъ,—области, которая изо дня въ день привлекаетъ къ себѣ все большее вниманіе и занимаетъ все большее мѣсто въ жизни культурнаго человѣка. Чтобы, по возможности, удовлетворить указанной наярѣвшей потребности, и предпринято изданіе газеты „ТЕАТРЪ“, вступающее нынѣ въ четвертый годъ своего существованія.

„ТЕАТРЪ“ даетъ возможно полную картину театально-музыкальной и художественной дѣятельности не только въ Одессѣ и на югѣ, но и въ столицахъ, а также въ заграничныхъ центрахъ, дающихъ лучшіе образцы художественнаго творчества.

Въ газетѣ „Театръ“ помѣщаются руководящія статьи по вопросамъ различныхъ искусствъ, критическій обзоръ театальныхъ и музыкальных произведеній, біографіи и мемуары, театральныи и музыкальныи отдѣлы, художественный отдѣлъ (выставки картинъ, художественное обозрѣніе), свѣдѣнія по различнымъ видамъ спорта (конные бѣга и скачки, велосипедныи гонки, морской спортъ, ружейная охота и проч.).

Ежедневно печатаются либретто оперъ, оперетокъ и содержаніе драматическихъ произведеній, даваемыхъ на иностранныхъ языкахъ, какъ равно подробныи программы спектаклей и зрѣлищъ въ Одессѣ.

Для театальныхъ антрепренеровъ и артистовъ имѣется особый справочный отдѣлъ съ необходимыми для нихъ свѣдѣніями и указаніями.

Періодически въ газетѣ помѣщаются ИЛЛЮСТРАЦІИ: портреты дѣятелей искусства, рисунки театровъ, музеевъ, цирковъ, театральныхъ постановокъ и проч.

Въ «Театръ» принимаютъ участіе:

А. П. Булюбашъ, Н. Г. Вучетичъ, Г. М. Волковскій, Горацио (псевд.), П. Т. Герцо-Виноградскій, князь Н. С. Давыдовъ, Діазъ (псевд.), А. Н. Кремлѣвъ, С. Я. Кишиневскій, художн., И. А. Лясковецкій, В. С. Лapidусъ, М. К. Левитонъ (Тонъ), А. В. Мазаракій (Viola), А. Н. Николаевъ, арт. Импер. театр., К. Н. Новосельскій, Петербуржецъ (псевд.), М. И. Разсудовъ, В. И. Ребиковъ, С. П. Спиро, В. В. Топоровъ, А. Ф. Фѣдоровъ, профес., А. И. Чарнова, С. Б. Ямполлеръ и друг.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой въ Одессѣ и съ пересылкой въ другіе города—4 руб., за границу—7 руб., на полгода—2 руб. 50 к., на три мѣсяца—1 руб. 50 к., на одинъ мѣсяць—75 к. Въ розничной продажѣ—5 к. номеръ.

Адресъ редакціи: *Театральнѣй пер.* 16, кв. 2 — конторы: *Почтовая*, 15.

Редакторъ-издатель А. Ф. Фѣдоровъ.

Годъ X.

1899 г.

Открыта подписка на 1899 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философiи и Психологiи“,

изданiе Московскаго Психологическаго Общества.

Въ 1899 г. журналъ издается при содѣйствiи и участiи
С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

ВЪ СРЕДИНѢ АПРѢЛЯ ВЫЙДЕТЬ ВТОРАЯ КНИГА ЗА 1899 Г.

ЕЯ ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНIЕ: *В. В. Джонстонъ*: «Очеркъ Бхагвадшты». — *Б. Н. Чичеринъ*: «Философiя права». — *Н. А. Иванцовъ*: «Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ». — *Ф. Е. Коринъ*: «Римская элегiя и романтизмъ». — *П. Д. Боборыкинъ*: «Философiя въ гимназiяхъ». — *Вл. С. Соловьевъ*: «Изъ замѣтокъ о диалогахъ Платона». — *Критика и библиографiя. — Психологическое Общество.*

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, iюня, октября и декабря) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВIЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1899 года по 1-е января 1900 года) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другiе города—7 р., за границу—8 р.

Учащiеся въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, сельскiе учителя и сельскiе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка на льготныхъ условiяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются *только* въ конторѣ редакцiи.

ПОДПИСКА, кромѣ книжныхъ магазиновъ и отдѣленiя конторы въ книжн. магазинѣ „Русская Мысль“, принимается въ конторѣ журнала: МОСКВА, Б. Никитская, Шереметевскiй пер., д. гр. Шереметева, $\frac{2}{3}$, кв. № 28 (въ помѣщенiи журнала „Русская Мысль“).

Редакторъ *В. П. Преображенскiй.*

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества *Н. Я. Гротъ.*

C006719203

22

